КАРЛ XII

Борис Григорьев

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Шведский король Карл XII (1682—1718) настолько прочно вошел в русскую историю и русское сознание, что, когда речь заходит о Северной войне или о деяниях царя Петра I, мы автоматически вспоминаем и о его историческом противнике.

Несмотря на широкую известность неординарной, грандиозной личности Карпа и на обилие легенд и мифов, в России о нем до сих пор не появилось ни одной подробной монографии. Автор книги, большую часть своей жизни посвятивший изучению политического развития Скандинавских стран, попытался восполнить этот пробел. В результате читатель получил возможность взглянуть на известные события с другой, шведской, стороны.

- Борис Николаевич Григорьев
  - ПРЕДИСЛОВИЕ
  - ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
    - Глава первая ДЕТСТВО
    - Глава вторая
    - Глава третья
  - ЧАСТЬ ВТОРАЯ
    - Глава четвертая
    - Глава пятая
    - Глава шестая
    - Глава седьмая
  - ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
    - Глава восьмая
    - Глава девятая
    - Глава десятая
  - ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
    - Глава одиннадцатая
    - Глава двенадцатая
    - Глава тринадцатая
    - Глава четырнадцатая
    - Глава пятнадцатая
  - ЧАСТЬ ПЯТАЯ
    - Глава шестнадцатая
    - Глава семнадцатая
    - Глава восемнадцатая
  - ЧАСТЬ ШЕСТАЯ
    - Глава девятнадцатая
    - Глава двадцатая

        - Глава двадцать первая
        - Глава двадцать вторая
    - Эпилог
    - ПРИЛОЖЕНИЯ
        - Рейд и гибель армии фельдмаршала Магнуса Стенбока
        - Шведские пленные в России
    - ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАРЛА XII[280]
    - БИБЛИОГРАФИЯ
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
    - 27
    - 28
    - 29
    - 30
    - 31
    - 32
    - 33

- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77

- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121

- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165

- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209

- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253

- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281

Борис Николаевич Григорьев
КАРЛ XII, или пять пуль для короля

ПРЕДИСЛОВИЕ

Карл XII настолько прочно вошел в русскую историю и русское сознание, что, когда речь заходит о Северной войне или о деяниях царя Петра I, мы автоматически вспоминаем и о короле Швеции, и о его подданных, которые «погорели» под Полтавой. В России сложился свой стереотип Карла XII, и вряд ли ошибусь, если предположу, что образ этот связан у нас в основном с отрицательными ассоциациями. Автор не видит в этом ничего дурного и страшного — враги России нашим национальным сознанием и не могли восприниматься иначе. Царя Петра I в Швеции тоже изображают далеко не положительным героем.

Несмотря на широкую известность неординарной, грандиозной личности Карла и на обилие легенд и мифов, в России о нем до сих пор не появилось ни одной подробной монографии. Автор, большую часть своей жизни специализировавшийся на Скандинавии, не будучи профессиональным историком и не преследуя никаких амбициозных научных целей, решил как-то восполнить этот пробел. О Карле XII все уже сказано и написано, причем одно только перечисление статей и монографий о нем составило бы отдельный фолиант. Автор поставил перед собой скромную, но от этого не менее ответственную задачу: попытаться обозреть и обобщить хотя бы часть литературы о Карле XII и донести ее содержание до российского читателя.

Вполне естественно, что наибольшее количество материалов о «солдатском» короле Швеции вышло в самой Швеции. Историография Карла XII явилась сильным толчком для развития шведской исторической науки в целом, а сама тема в XIX—XX веках послужила поводом для жарких дебатов, отзвуки которых не умолкают и в наше время. Шведские карломаны в пристрастиях к своему герою разделились на две школы: «старую», описывавшую его в основном с критических позиций (А. Фрюкселль, Ф. Ф. Карлссон), и «новую», возникшую в первом десятилетии прошлого века и выступившую с апологией его деяний и подвигов (К. фон Саров, Х. Ерне, А. Раппе, А. Стилле). Кипевшие в Швеции вокруг Карла XII страсти по своему накалу и размаху можно лишь сравнить с тем, что происходило и продолжает происходить у нас вокруг фигур Ленина или Сталина: критики, не оставляя на его делах камня на камне, называют его скандинавским гунном и разрушителем шведского великодержавия, восторженные почитатели — военным гением и самым великим королем Швеции. Автор не считает возможным

вмешиваться в эту полемику и свою главную задачу видит в том, чтобы, абстрагируясь от всяких научных и псевдонаучных концепций, попытаться почувствовать в Карле реального человека со всеми его положительными и отрицательными чертами характера. Насколько это удалось сделать — судить читателю.

Споры историков развернулись вокруг следующих вопросов и тезисов:

1. Было ли решение короля после Нарвы войти в Польшу, а после Польши — в Россию стратегическим просчетом?

2. Оправдано ли с военной и политической точки зрения длительное «сидение» короля в Турции?

3. Являлся ли Карл талантливым стратегом и полководцем?

4. Любил ли он войну ради самой войны?

5. Карл XII все делал правильно, но: а) ему не повезло; б) его подвели генералы; в) во всем виноват его отец Карл XI, наживший себе врагов неумеренной захватнической политикой; г) виновата Европа, не поддержавшая короля Швеции.

6. Было ли шведское великодержавие и господство на Балтике и без «содействия» Карла XII обречено на угасание?

Шведский классик А. Стриндберг, поклонник А. Фрюкселля, активно вмешался в эту литературно-политическую борьбу, вспыхнувшую с новой силой накануне Первой мировой войны. Имя «последнего викинга» Скандинавии пытались прикрепить на свои знамена шовинисты, милитаристы и пангерманисты, провозгласившие борьбу со «славянской опасностью с Востока». Отношение классика шведской литературы к Карлу XII было сугубо отрицательным: он хвалил Карла XI, его отца, но считал, что «...сын был иного толка — скрытный, властолюбивый до болезненности и воинственный до сумасшествия». Чтить своих государственных деятелей, писал он, прекрасно, но «...обожествлять Губителя Страны могут позволить себе только сумасшедшие или люди, находящие в этом особый интерес». Особенно А. Стриндберга возмущало укоренившееся представление о Карле XII как об Александре Македонском Севера. «Александр распространял просвещение между варварами, поступая как ученик Аристотеля, — писал он, — в то время как наш безбородый Лангобард совершал лишь грабительские походы... Карл XII был призраком, восставшим из гуннских могил, готом, которому было необходимо вновь сжечь Рим, Дон Кихотом, освобождавшим каторжников, заковывавшим при этом собственных подданных в железо, забивая их в кровь».

Представители «ново» школы, наоборот, безоговорочно принимают Карла таким, как он есть, считают все его дела целесообразными и для Швеции полезными, высоко ценят его

полководческие способности, оправдывают его ошибки и просчеты. К примеру, Р. Хэттон, автор монументального труда о короле Швеции, полагает, что в своих деяниях он «...прежде всего руководствовался заботой о всестороннем благосостоянии своей страны». Современный шведский историк и политик С. Уредссон считает такую оценку шокирующей и замечает: «Поразительно, что никто до сих пор не взялся проанализировать саму базу, на которой возникла так называемая “новая” шведская историческая школа —страх и презрение к России, к русски».

Один из первых иностранных биографов и апологетов Карла Вольтер был в восторге от его личности. У. Черчилль, вспоминая о своем предке времен Северной войны, полководце герцоге Марлборо, предосудительно отзывался о Карле XII, который «не признавал иных законов, кроме собственных прихотей». Английский историк Дж, Маколей Тревеньян (1876—1962), сравнивая царя Петра с королем Карлом, писал, что «Петр при всей своей дикости был государственным деятелем, в то время как Карл XII — всего лишь воином и притом не мудрым». Советский историк Е. Тарле, следуя критической русской исторической традиции, также невысоко ценил Карла XII как государственного человека.

Предметом спора являются и полководческие способности Карла. Одни считают, что он «...не был Александром, но смело мог быть первым солдатом в своей армии» и что действия его на полях сражений являются типичным образцом «авантюристической стратегии» (Леер, Герье). Другие, наоборот, видят в нем выдающийся талант военачальника, которого отличали «...ясная и холодная логика при выработке планов, твердая последовательность при их выполнении, методичная оценка... препятствий, осторожное уклонение от них, пока это возможно... тщательная подготовка боевых действий и смелая, энергичная прямая атака, когда это необходимо» (Стилле),

«Особый интерес» к личности Карла XII проявляли нацисты гитлеровской Германии, считая короля Швеции своим идейным предшественником, поднявшим меч против «славянских варваров» на Востоке. Министр иностранных дел Германии Риббентроп, отчитывая шведского поверенного в Берлине за то, что Швеция не присоединяется к «Антикоминтерновскому пакту», утверждал, что у шведов иссяк «дух Карла XII». Руководствуясь «особым интересом», известный немецкий историк О. Хайнтц, оставивший после себя трехтомный труд о короле Карле и его времени, тоже не смог удержаться от неуклюжей попытки оказать услугу министерству пропаганды Геббельса и назвал короля спасителем европейской цивилизации от «славянской угрозы».

В вопросе, был Карл хорошим или плохим королем, верх одержали представители «новой» шведской школы, но, как выразился С. Уредссон, она нисколько не научней старой, а всего лишь более лояльна к Карлу XII. И та и другая школы представляют в свою пользу многочисленные и убедительные аргументы и доказательства. И те и другие не оспаривают того факта, что Карл XII был великим шведом, но все дело упирается лишь в самую «малость» — в их интерпретацию. Большой интерес в этом смысле представили последние работы современных шведских историков П. Энглунда и Б. Лильегрена, которые сумели подняться над утвердившимися в шведской историографии мифами о Карле XII и дать в своих трудах беспристрастный образ его как человека.

С учетом вышесказанного, задача автора не была такой уж простой, и при выборе исходного материала для книги необходимо было проявлять известную деликатность и осторожность. Пришлось ограничиться использованием трудов наиболее известных и беспристрастных, на взгляд автора, биографов короля, чтобы по возможности представить на суд читателя разные точки зрения и различные подходы европейской историографии к отображению событий Северной войны и при характеристике их участников. Естественно, определенный элемент субъективности при таком подходе к изображению нашего героя остался, за что каждый читатель имеет право критиковать автора.

В тексте читатель столкнется с тем, что фамилии и имена знакомых ему исторических личностей и некоторые географические названия появятся в новом написании. Автор делает это намеренно, пытаясь приблизить их русский вариант к нормам произношения на языке оригинала (не «Левенгаупт», а «Левенхаупт», не «Рос» или «Роос», а «Рууе», не «Розен», а «Росен», не «Горн», а «Хорн», не «Алларт» или «Галларт», а «Халларт», не «Боур», а «Бауэр», не «Гилленкрок» или «Гюлленкрок», а «Юлленкрук», не «Шония», а «Скония» и т. д. Впрочем, рядом с новым названием или наименованием в скобках будет приведен также и принятый русской переводческой традицией вариант.

Определенную трудность представляет датировка событий. Дело в том, что в Швеции до 1700 года действовал юлианский календарь — старый стиль, в то время как многие европейские страны перешли уже на григорианский, новый стиль. Разница между ними в XVIII веке составляла 11 дней. С 1700 года в Швеции решили перейти на свой новый стиль летоисчисления, но в суматохе войны забыли учесть существование 29 февраля в високосные годы, и в результате возникла путаница: в 1700—

1712 годах Швеция шла на 1 день впереди юлианского и на 10 дней позже григорианского стиля. С 1 марта 1712 года страна по указанию Карла XII опять вернулась к старому стилю и с этих пор отставала от нового стиля на 11 дней. Соответственно этому датировка событий у шведских историков не совпадала с их датировкой у немецких, английских и русских авторов. Всю эту путаницу усугубило и другое обстоятельство: многие авторы все даты привели в соответствие с современным григорианским календарем с учетом того, что в наше время разница между старым и новым стилем составляет уже 13 дней!

Автор данной книги в целях единообразия пытался все даты приводить по григорианскому стилю, а даты из русской истории — указывать рядом в скобках,

В заключение автор благодарит всех, кто помогал ему делать эту книгу: сотрудников В ГБ ИЛ им. М. И. Рудомино, ГПИБР, А. А, Галкина и верного и надежного спутника, Друга и жену Наташу. Особую признательность автор выражает доктору исторических наук, профессору Е. В. Анисимову за весьма ценные советы и замечания.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
МОЛОДО-ЗЕЛЕНО

Густав. Души не куют — куют мечи! Поразмыслите над этим, господа епископы!

А. Стриндберг. Мастер Улоф[1]

Глава первая ДЕТСТВО

Герман Израэль. Ты так молод,
но ужасно умен, сынок!

А. Стриндберг. Густав Васа

Начнем издалека.

В каждом из нас сидит далекий или близкий предок, и что бы там ни говорили, наследственность если не наполовину, то на добрую треть определяет черты характера человека. Благоприобретенные качества ложатся на наследственные черты, как на матрицу, и получается личность.

Род Карла XII происходит из Южной Германии — из Баварии, Пфальца и Эльзаса — и стал княжеским еще во времена Барбароссы. Потомок этого рода, владетельный князь Клеебурга в Эльзасе, пфальцграф Йохан Казимир в 1613 году в познавательных целях предпринял поездку в Швецию, которая получила многочисленные последствия, включая написание этой книги. Пфальцграфу Швеция понравилась, и он избрал ее в качестве постоянного местожительства. Йохан Казимир влюбился в сестру короля Густава II Адольфа Катерину и вскоре женился на ней.

Как пишет шведский современный историк Ф. Г. Бенгтссон, «...пфальцская кровь оказалась на редкость удачной и, несмотря на предшествующие столетия ее разжижения, еще нерастраченной, по своей свежести абсолютно превосходя скромное качество этого продукта у среднестатистического германского княжеского рода тех времен. Йохан, а потом Юхан Казимир был разумным и добросовестным человеком, основательным кальвинистом, внимательным отцом семейства и хорошим хозяином. У шведской королевской семьи были все основания считать его женихом сомнительным, но он быстро рассеял ее сомнения, выложив в качестве подарка невесте 50 тысяч риксдалеров, давая понять, что княгине Клеебургской не придется сидеть на хлебе и воде».

В результате смешения с кровью Васа, продолжает Бенгтссон, появился десятый по счету Карл Густав, зять Карла IX, наследовавший королеве Кристине, добровольно отказавшейся от трона. Карл X молниеносно включил все дремавшие в нем колесики и пружины так удачно устроенного пфальцского наследственного механизма. В результате получились слегка бурная витальность, сублимированный до уровня гения

драгунский полковник и личность, лихорадочно сжигающая свою свечу жизни с обоих концов и с трудом сдерживавшая свою натуру от вырывавшихся наружу множества идей в вихре военных походов, жизненных пертурбаций и сумасшедших рискованных игр. Способный военачальник, дальновидный государственный деятель, неутомимый реформатор, он расширил территорию королевства до максимальных ее пределов, включив в него Финляндию, Ингерманландию (Ингрию), Лифляндию, Эстонию, переднюю Померанию, города Штеттин, Висмар, Бремен, остров Рюген и кое-что еще из норвежской земли. Он умер в возрасте 38 лет, не успев завершить начатого дела и оставив после себя шестилетнего сына, будущего короля Карла XI.

Некоторое сдерживание всех этих качеств можно было бы ожидать от добавки ольденбургской крови, и оно произошло. От брака Карла X Густава с Хедвиг Элеонорой Голштейн-Готторпской в 1625 году появился на свет шведский король Карл XI, на котором, как пишет Ф. Г. Бенгтссон, нейтрализующий эффект Ольденбургского дома был виден довольно отчетливо. Мышление стало мелкобуржуазным, авантюризм улегся окончательно, изгибы характера распрямились. Но никакого ослабления духовной ткани, однако, не произошло, а удивительные ресурсы воли, способность к активным действиям и редкостная самодисциплина, несмотря на неблагоприятные обстоятельства — потеря отца в раннем детстве, суровое отношение матери, безалаберное воспитание, бессистемное образование и наследование раздираемой противоречиями страны, — преодолели все преграды.

Темперамент тем не менее бурлил и легко выплескивался через край; палка и кочерга стали подручными средствами сугубо устного управления государством, но это не помешало стать Карлу XI одним из лучших королей Швеции. Отсутствие выдающихся полководческих способностей, при наличии минимума необходимых, компенсировалось верностью государственным интересам и неуклонным следованием заветам отца и деда — быть всегда впереди, во главе войска или народа, а хозяйственная жилка пфальцского рода позволила превратить Швецию в образцовое и уважаемое всеми государство. Впрочем, короля мало кто уважал, еще меньше любили, но зато все боялись.

У Карла XI, пострадавшего, как и Иван Грозный, в малолетнем возрасте из-за своеволия вельмож, от времен опекунства остались самые тяжкие воспоминания. Вступив на трон, он повел с дворянской аристократией беспощадную борьбу на подрыв ее влияния. Некоторых из бывших членов опекунского

правительства, отличившихся особыми злоупотреблениями, он привлек к ответственности. Окружив себя способными чиновниками и министрами, он навел порядок в финансах и укрепил внутреннее и международное положение Швеции. Он придерживался спартанского образа жизни, трудился день и ночь и следил за тем, чтобы все колесики государственного механизма работали точно и безошибочно. Рассказывают, что даже в день своего бракосочетания король не отступил от ежедневного распорядка, а встал в 4 часа утра и отправился инспектировать полки.

Основная задача честолюбивого Карла XI заключалась в том, чтобы навести порядок в стране, искоренить «канальство» чиновников и создать идеальный бюджет. Он провел в 1686 году церковную реформу, заставив клир больше работать на государство, прекратил в стране «охоту на ведьм», реорганизовал армию, оздоровил и развил экономику, ограничил власть аристократии и предоставил возможность участия в риксдаге крестьянам, духовенству и купечеству. При нем главным мерилом человека стало не его происхождение, а его способности и заслуги перед короной. Он был грубым и деспотичным человеком, но, вероятно, Швеция тогда заслуживала такого правителя.

Религия для Карла XI не являлась символом моды или частью традиционной церемонии, а была предметом внутренней необходимости. Грубый и замкнутый, избегавший наслаждений и удовольствий жизни, склонный к физическому напряжению, он как правитель жизнь свою проводил не в дворцовом кабинете, а большей частью в седле, в санях, на войсковых учениях или на охоте. Когда подошло время, он женился на датской принцессе Ульрике Элеоноре, сестре короля Кристьяна V, но вовсе не для того, чтобы «...давать Нам советы по государственным вопросам, а для того, чтобы рожать Нам детей». Впрочем, замечает Р. Хэттон, брак этот был вполне благополучным и счастливым, и супруги любили друг друга — каждый по-своему. Достаточно убедительно пишет об этом и современный шведский историк Бенгт Лильегрен: брак по расчету, несмотря на разницу интересов, превратился в крепкий семейный союз.

Шведский двор, планируя женитьбу молодого Карла XI, преследовал в первую очередь политические цели и выбрал ему в жены датскую принцессу. Этим Стокгольм желал сгладить острые углы застарелой вражды с Копенгагеном. Помолвка Карла и Ульрики Элеоноры произошла в 1675 году, но потом разразилась война в Бранденбурге и начались военные действия между шведами и датчанами в Сконии (так называемая Сконская война),

завершившиеся поражением датчан в 1676 году под Лундом. Датский двор захотел расторгнуть помолвку, но этому неожиданно воспротивилась невеста, не пожелав никоим образом нарушить данное жениху слово. В 1679 году между Данией и Швецией был заключен мир; Карл XI, тоже человек слова, возобновил сватовство, и брак свершился.

Карл XI не любил пышных и дорогих церемоний и для свадьбы выбрал поместье Скотгорп, что на стыке провинций Халланд и Сконе. Когда Ульрика Элеонора прибыла в Скотгорп, жених был на охоте. Через полчаса он появился, и молодые впервые увидели друг друга. Свидание длилось всего четверть часа, и скромный, стеснительный швед ускакал инспектировать армию. Свадебной церемонии король уделил намного больше времени: 17 мая 1680 года в одиннадцать часов вечера его обвенчали, в два часа ночи, после свадебного обеда, молодые удалились в свои покои, а в четыре часа Карл XI уже был на ногах и занимался государственными делами. «Моей супругой стала принцесса, личность, добродетели и, кроме того, непринужденные манеры которой несказанно радуют меня...» — написал он своей тетке, королеве Кристине, в Рим.

По сравнению со своей голштинской свекровью, вдовой Карла X, Ульрика Элеонора была определенно наделена добродетелями и некоторыми способностями. Это была набожная, хорошо воспитанная и скромная женщина, отличная мать, доброго и веселого нрава человек, и ее авторитет при дворе был очень высок. Она любила искусство и литературу, обладала непосредственной, великодушной и щедрой натурой. Ей пришлось приспосабливаться к мужу, для которого литература не существовала вовсе, а в искусстве он любил лишь картины, на которых были изображены дикие звери. К тому же Карл XI был скуп и обладал грубым и вспыльчивым нравом. Ульрике Элеоноре пришлось также выдерживать все перипетии подковерной борьбы со свекровью, королевой-матерью Хедвиг Элеонорой, в пику Дании постоянно продвигавшей интересы Готторп-Голштинии и невзлюбившей невестку с первых же дней ее появления при дворе. К тому же королева-мать официально занимала в королевстве второе почетное место после сына, и королева Ульрика Элеонора была должна довольствоваться лишь третьим местом. Все иностранные дипломаты должны были наносить визит сначала матери, а потом уж супруге Карла XI.

Временами датско-голштинские противоречия в королевской семье достигали такого накала, что выплескивались за стены дворца, и Карлу XI приходилось брать чью-либо сторону (чаще всего матери), лично вмешиваться в конфликты или вводить

запрет на гласность. Впрочем, молодая королева предпочитала со свекровью не связываться и удалялась в свой любимый Карлбергский дворец. По природе хрупко сложенная, болезненная, она обладала значительными внутренними резервами, сумела выстоять в этой борьбе и в течение шести с половиной лет родить семерых детей, что, вероятно, пагубно отразилось на ее здоровье и способствовало ее скорой кончине[2]. Из пяти сыновей четверо умерли в младенческом возрасте — даже для обычных шведов того времени это был слишком высокий процент смертности. В живых остались две дочери и старший сын.

Год спустя после свадьбы в королевской семье родилась дочь. Молодая мать чувствовала себя виноватой — ведь ждали сына, но Карл XI великодушно заявил супруге: «Не падать духом, у нас с вами через год будет принц, если уж вы так этого хотите». И оказался прав: сын родился 28 июня 1682 года в Стокгольмском дворце. Шведская народная (и историческая тоже) традиция описывает этот день в самых драматичных тонах: бушевала непогода, ветер рвал с домов кровлю, город был окутан тучами пыли. Пушечные залпы известили обывателей Стокгольма о том, что королева разрешилась долгожданным наследником трона. Астрологи отмечали, что в этот день на западном горизонте погасло созвездие Vulpecula — Малой Лисицы, в то время как на востоке зажглась звезда Cor leonis — Львиное Сердце. Суеверие связывало с этими явлениями дурное будущее — войны, эпидемии, неурожаи, а самому новорожденному пророчило бурную жизнь, полную приключений и славы.

Отец ребенка сделал в своем дневнике запись: «Семнадцатого[3] в субботу без четверти 7 утра моя супруга разрешилась сыном. Хвала Господу Богу, который помог ей!» В этот же день новорожденного спешно крестили, чтобы защитить его от происков дьявола. Сначала ребенку хотели дать имя Густав, и тогда он мог бы стать Густавом III, но отец настоял на том, чтобы он получил имя Карл. Радость была велика, рождение наследника праздновали повсюду, и датский посол в Стокгольме Мейер докладывал в Копенгаген: «Мало кто лег спать в эту ночь трезвым».

23 июля церемония крещения повторилась, но уже в более торжественной и формальной обстановке. По лютеранской традиции у ребенка должно было быть несколько крестных отцов и матерей. Поскольку в крови молодого принца была перемешана кровь представителей нескольких дворов, то при крещении пришлось решать сложную дипломатическую задачу, с тем чтобы никто из них не считал себя обиженным. Крестными маленького

Карла стали отсутствовавшая королева Кристина, дочь Густава II Адольфа, отказавшаяся в свое время от шведского трона и державшая свой двор в Риме; ландграфиня Гессенская, принц Георг Датский, принцесса Голштинии Доротея, герцог Готторп-Голштинский и князь-епископ Любекский. Обряд крещения исполнял старший проповедник двора Самюэль Верениус. Крещение по обычаю крепко «вспрыснули», так что датский посол Мейер, не выдержав «нагрузки», был вынужден уйти с праздника пораньше.

С первым глотком воздуха маленькому Карлу была уготована участь быть королем. Как старший и единственный сын, он являлся бесспорным наследником шведского трона. И никакие землетрясения, войны, перевороты и прочие пертурбации не могли помешать ему стать шведским монархом.

Карл, Божией милостью король Шведов, Готов и Вендов, великий князь Финляндии, герцог Сконский, Эстонский, Лифляндский, Карельский, Бременский, Верденский, Штеттинский, Померанский, Кассубенский и Венденский, князь Рюгенский, владетель Ингерманландии и Висмара; а также пфальцграф Рейнский в Баварии, герцог Юлихский, Клевский и Бергский, и прочая, и прочая, и прочая...

Ему следовало наистрожайшим образом слушаться Бога, своей совести и отца. В остальном его участь заключалась в том, чтобы приказывать. Для обычных, простых людей, вознесенных властью наверх, это была довольно трудная обязанность. Для правителей же милостью Божией, для которых народная воля еще не шла ни в какое сравнение с волей Бога, не было ничего проще. Потому что чувство повелевать другими было врожденным и впитано ими с молоком матери. Не на силе меча, не на достоверных архивных актах, не на клятвах и обещаниях основывалась их власть, а только лишь на воле и милости Божией. Власть давалась им свыше, а потому она вне всяких сомнений и изменений. Им нет необходимости объясняться, извиняться, выдумывать законы, проводить либеральные реформы и бить в барабаны, как это делали «выскочки» типа Цезаря или Наполеона, зависимые от того, что о них скажут в таких-то и таких-то кругах.

Карл был с первого и до последнего дня своей жизни выше этого, и не потому, что он был самовлюблен (качество, вроде бы полностью отсутствовавшее у него) и высокомерен (качество, присутствовавшее в силу понимания своего статуса), а потому, что свое предназначение он сам воспринял таким, каким оно и было: фундаментальным, глубоко естественным, отличным от предназначения простых смертных. Такое уж он получил

воспитание, и оно полностью соответствовало своему времени — эпохе расцвета абсолютизма. Еще отец маленького принца довел этот принцип верховной власти до логического совершенства: в 1693 году риксдаг признал Карла XI «...единодержавнейшим, всеповелевающим и всераспоряжающимся королем, ни перед кем не отчитывающимся в своих действиях»[4].

Карл XI реально оценивал свои способности, он знал свои недостатки и основательно подумал об образовании и воспитании своего сына. Он позаботился, чтобы принц был достоин той участи, которая его ожидала, когда он, старый король, уйдет и освободит для молодого место на троне. В этой связи еще в декабре 1688 года он собственными руками начертал инструкцию по воспитанию своего сына, и с этого момента детство Карла стало сплошной историей приобретения знаний и физического самосовершенствования. Образование и развитие принца, к великому удовольствию отца и его учителей, проходили весьма успешно. Взрослым Карла XII узнали как человека сурового и несгибаемого, а между тем в детстве он, по воспоминаниям современников, обладал мягким, податливым нравом и никогда не бунтовал против нудных и утомительных учебных программ — так, во всяком случае, утверждает Ф. Г. Бенгтссон. В некоторых отношениях Карла можно было даже приводить как образцовый пример того, что могут при благоприятных условиях сделать из гибкого, податливого материала образование и воспитание. Все дикое, инстинктивное, спонтанное, всякая физическая немощь и духовная слабость были полностью преодолены, а естественное человеческое зло переплавлено в высокие моральные и этические принципы.

Однако Карл был не единственным принцем на свете, кто получил блестящее образование и приличное воспитание — и что: они все стали такими же безупречными личностями? Конечно же нет. Педагогика хороша, когда она ложится на благодатный материал. Карл и был таким благодатным материалом. Внутри него были заложены таланты и способности, но их нужно было разбудить, развить и «довести до ума». Бенгтссон полагает, что это в полной мере удалось сделать учителям и воспитателям шведского принца. Две предпосылки благоприятно совпали по месту и времени, и в результате получилось удачное произведение. Недаром Вольтер говорил, что Карл являлся «...единственным лицом в истории, который был свободен от всякой слабости». Впрочем, он же потом заметит, что шведский король довел свои добродетели до такого уровня, что они превратились в свои; противоположности.

По поводу воспитания Карла существуют и другие, не менее

авторитетные мнения. К примеру, швед Ф. Ф. Карлссон, оставивший после себя солидный труд о Карле XII и его времени, считает, что в воспитании или «...правильнее сказать, в отсутствии воспитания, если поставить рядом с ним странные естественные задатки принца, можно найти! объяснение многих особенностей, мнимых противоречий, удивительного богатства сил и напрасной их траты, которые и определили его характер и жизненный путь». Историк полагает, что между учителями и учеником не было должного психологического контакта, который бы благотворно сказался на духовном развитии принца. И учителя и гувернеры были людьми пожилыми и слишком занятыми — все они занимали высокие государственные должности и кроме суммы знаний ничего вложить в королевского отпрыска не сумели. А это особенно важно было сделать, учитывая упрямый и своенравный характер ученика, недоступный всякому внешнему воздействию. Крупным недостатком в воспитании будущего короля Швеции Карлссон считает и то обстоятельство, что наставникам не удалось привить отроку интерес к потребностям своего народа и страны — чувство, которое так хорошо было развито у его отца. Именно для Карла XII было так важно получить необходимые навыки, опыт и знания в государственных делах, прежде чем заниматься ими практически, но в силу проявленной неоправданной поспешности с объявлением его совершеннолетия все получилось как раз наоборот.

Немецкий историк О. Хайнтц тоже считает, что воспитание молодого принца осуществлялось в высшей степени неудачно. Слишком разбросана и перенасыщена лишними предметами была программа его обучения, составленная гувернером Эриком Линдшёльдом в 1690 году и основанная на ожиданиях от явно завышенных способностей ученика. Непропорционально много внимания было уделено религии (преподаватель — епископ, а потом архиепископ Эрик Бенцелиус), слишком раздут был штат учителей и слишком мало среди них оказалось настоящих воспитателей.

Маленький Карл был подвижным ребенком, много шалил, отличался упрямством и непоседливостью. Его привлекал огонь, и он часто трогал пальцами горящие фитили свечей, за что однажды поплатился обгорелыми манжетами и ожогами на руке.

Так называемые телячьи нежности и избалованность постарались изгнать из жизни малыша сразу; быть принцем, по мнению отца, не значило беззаботно проводить время, сын должен был вырасти человеком долга и обязанностей. Поэтому общение маленького Карла с мамками и няньками было

ограничено уже в четырехлетием возрасте, когда он с матерью выехал в Упсалу и принял участие в выборе себе подходящих наставников среди ученых Упсальского университета. Ульрике Элеоноре понравился 53-летний Андреас Норкопенсис (в дворянстве Нурденхъельм), профессор элоквенции[5] Упсальского университета, скромный, порядочный, умный и тонкий человек. Он-то и стал первым учителем маленького принца. Немного погодя для мальчика был найден и гувернер — им стал граф Эрик Линдшёльд, гуманист, государственный человек, умница, уже имевший опыт воспитания в семьях побочных детей дедушки принца. Королева была против кандидатуры Линдшёльда, подозревая его в проголштинских симпатиях, но король настоял на своем.

Мать Карла недолго задержалась на этом свете — Вольтер пишет, что она в возрасте 36 лет преждевременно сошла в могилу «...от горестей, каковые ей причинял супруг»[6] — и не успела вложить в своего любимого сына все, что ей хотелось. Но и то, что он получил, осталось в мальчике навсегда: она посеяла в нем доброту, религиозность, чувство справедливости, чистоту нравов, а уже после нее эти качества по мере возможности и способностей взращивались и укреплялись учителями.

Перед смертью мать взяла с сына обещание заботиться о своих сестрах. Карл, как мог, старался соответствовать этому пожеланию и был внимательным братом. Он с обожанием относился к своим сестрам, заботился о них и тепло называл их по-французски «mon coeur» — «сердце мое». Больше он был близок к младшей сестре Ульрике Элеоноре. Старшая сестра Хедвиг София, выйдя замуж за голштинского герцога, рано уехала из Стокгольма и вообще рано ушла из жизни.

Смерть матери 6 августа 1693 года мальчик переживал очень остро, несколько дней он находился в лихорадке и никого не хотел видеть. Свою мать он будет вспоминать потом всю жизнь.

Хедвиг Элеонора сразу после смерти невестки начала хлопотать о повторном браке сына, но Карл XI резко пресек все ее маневры. Он сказал: «Когда принцу Карлу будет восемнадцать, я женю его и обеспечу престолонаследие; что касается меня, то я никогда не найду и наполовину лучшей матери для моих детей, нежели та, которую я потерял». Король тяжело переживал кончину супруги и часто плакал, когда ему напоминали о ней. Покидая Карлбергский дворец три дня спустя после смерти супруги, король произнес печальные слова: «Здесь я оставил половину моего сердца». Когда датский посол Луксдорф от имени датского двора выражал Карлу XI соболезнование в связи с кончиной Ульрики Элеоноры, король не выдержал, отошел к окну

и, закрыв лицо ладонями, зарыдал. Никто не мог предположить, что в этом мужлане скрывались такие нежные чувства...

Чувство долга у принца, вероятно, было врожденным. Однажды няня оставила его в кресле и приказала никуда не отлучаться, пока она не придет. Его нашла мать и пригласила в церковь. Карл наотрез отказался последовать за ней и дожидался, когда появится та самая няня и разрешит слезть с кресла. Нам эта сцена живо напоминает рассказ Пантелеева «Честное слово».

Согласно нашим представлениям, характер человека на 70—80 процентов формируется по достижении им пятилетнего возраста. В общем-то так произошло и с маленьким шведским принцем. К шести с половиной годам Карл навсегда расстался с женскими покоями дворца, отец выделил ему отдельные собственные апартаменты и создал для него особый штат кавалеров и прислуги. Сначала маленький принц учился писать, но каллиграфия не оставила заметных следов в его образовании. Его ум стали занимать более интересные, «широкие» вещи, а пальцы крепли больше от уздечек и эфесов шпаг. Научившись кое-как писать, принц вступил в переписку со своей тетушкой, бывшей королевой Кристиной, проживавшей в Риме, и та ответила ему любезным письмом на французском языке, которого Карл еще не знал. Она обратилась к нему со словами: «Мой дорогой племянник», а подписалась как «Ваша добрая тетушка Кристина Александра». Возможно, что за долгие годы скитания на чужбине она уже подзабыла родной язык, и это обстоятельство наложило отпечаток на отношение к французскому языку будущего короля Швеции. Он выучит его, поскольку на нем говорили все монархи, но использовать его в общении с другими, в том числе естественными носителями, категорически откажется.

Программа обучения молодого принца, состоявшая из двух частей: одна — для «небесных», а другая — для «земных» наук, — была документом довольно примечательным и по тем временам в общем-то весьма прогрессивным. На первом месте стояли теология, латынь, немецкий, французский, история и государствоведение. Привить принцу религиозное чувство, внушить христианско-лютеранские догматы —таковы были главные задачи учебной программы. Основным учебником по Закону Божию стала книга М. Хаффенреффера «Compendium doctrinae celestis», которая, по мнению воспитателей Карла, наиболее полно отражала принципы учения Лютера и обосновывала «небесное» происхождение королевской власти. Так называемое каролинское благочестие станет характерной и неотъемлемой чертой Карла. Английский посол в Стокгольме Д.

Робинсон сообщал в Лондон о его преданности религии и непоколебимой вере в Бога и Его всемогущую помощь. Епископ Х. Спегель во время польского похода запишет: «Храбрый король так усерден и смиренен в своих молитвах Богу, что поневоле пожелаешь того же всем христианам». А. Фрюкселль же саркастично замечает, что в религиозности Карла было больше непреклонности, мстительности и честолюбия язычника, нежели настоящего христианского духа.

Лишняя зубрежка и перемалывание грамматических правил запрещались. Языки изучались разумным и естественным способом — при помощи чтения избранных содержательных текстов, пока не запоминалась лексика и не усваивалось построение фраз. Попутно учитель немного рассуждал на темы герундия или, к примеру, «коньюнктивуса оптативуса». Таким способом Карл быстро и легко изучил латынь и говорил на ней всю жизнь правильно и бегло. Так же быстро он освоил немецкий, которым владел как родным, и вслед за ним французский. Способность к языкам у Карла явно была врожденной. Впоследствии его современники отметят, что король по мере возможности учился итальянскому, польскому, турецкому и даже финскому языкам. «Я могу говорить по-французски, — заявил он как-то Линдшёльду, — и хочу заниматься этим языком и дальше. Когда я встречусь с королем Франции, я буду говорить с ним на французском. Но если он пошлет ко мне своего посла, то пусть посол лучше учит ради меня шведский, нежели я из-за него буду учить французский. Потому что я считаю свой язык не менее достойным, чем французский».

Чрезмерно развитое чувство собственного достоинства вело к формированию таких черт характера, как нетерпимость к любому прекословию, высокомерие и упрямство. Эти качества Карла в конечном счете затмят все его добродетели — храбрость, самоотречение, непретенциозность, скромность, верность данному слову, справедливость, почитание Бога — и впоследствии сыграют с ним и с его народом злую шутку.

... Изучение истории для молодого наследника началось с хронологических таблиц, описывающих важные события, королей, сражения, мирные договоры. Для наглядности, чтобы «Его Королевское Высочество... собственными глазами, как бы играя в игру, мимоходом» изучал географический ландшафт, исторические места, города и страны, использовались всевозможные карты. Историю можно было изучать по скучным монографиям и учебникам, содержащим обзоры, анализы и многоэтажные конструкции, но они вряд ли бы оказались интересными для Карла, Принц счастливо избежал этой

методики, при которой внимание учеников обращалось на «внутренние взаимоотношения», «глубокое содержание», «историческое развитие» и т, п., и почти по Плутарху усваивал историю отдельных выдающихся личностей и основные вехи развития общества, используя их в качестве своеобразных опорных точек для получения общей картины мира. Конечно, систематическим и полным такое образование назвать нельзя, и программа Линдшёльда не избавила Карла от пробелов в его знаниях, но воспитательное значение от того, что он получил, было огромным. История пробудила у Карла интерес к военному делу и во многом стимулировала и предопределила его развитие как личности.

Потом перешли к событиям отдельных стран: Древнего Рима и Швеции: к первой — ради изучения латыни и грандиозности наследия, ко второй — сугубо из практических соображений. К примеру, комментарии Цезаря к Галльской войне проходили и при изучении латинского языка, и при изучении римской истории. Карл с упоением поглощал литературу о военных действиях Рима, событиях Пунических войн, увлеченно разбирал описания сражений и биографии Ганнибала и Александра Македонского. Это было увлекательнейшее чтиво для будущего воина и полководца. Карл, прочитав историю походов Александра Македонского, заявил, что он во всем хотел бы походить на него. Когда учитель заметил, что тот жил всего 32 года, Карл ответил: «Разве этого мало, если он покорил столько царств?»

«Memini me Alexandrum non mercatorem!»[7] — произнесет Карл пятнадцать лет спустя в Альтранштедте запомнившуюся с детства громкую фразу, принадлежавшую, согласно описаниям Квинта Курция, великому македонянину.

Поэзии и художественной литературе отводилась подчиненная роль. Карлу рекомендовалось почитать письма Цицерона, а также ознакомиться с шотландцем Барклаем и его романом «Ардженис», вызвавшим тогда всеобщий интерес у публики, и некоторыми героическими сказаниями Гидеона де Максибрандера.

Впрочем, склонности к художественной литературе у ученика не обнаруживалось, да и в будущем у короля не возникало потребности в чтении романов, стихов и драм, если не считать его внезапного интереса к Расину в скучных турецких Бендерах. Только однажды современники зафиксировали случай, когда Карл процитировал стихотворную строфу, а вернее строку из Шернхъельма: «Месяц молча плывет по небосводу и не замечает собачий лай...» Он пояснил, что цитата относится к нему самому. Вероятно, ситуация, в которой находился принц, была созвучна с

этими словами.

Его задатки больше апеллировали к содержанию, морали и математической деловитости, нежели к форме, эстетике или поэзии. Вещь, по его мнению, должна быть истинной, чтобы стать ценной. По этим причинам он будет ненавидеть всякую дипломатию, потому что в ней не найдет и капли нравственности и истины. Все, что истинно и нравственно, должно быть воспринято как руководство к исполнению и подражанию. Все, что лживо и безнравственно, должно быть отброшено в сторону. Для монарха это правило вдвойне, втройне важнее, чем для его подданных. Как можно требовать от них честности и правды, если ты сам не отвечаешь этим требованиям? «Счастье может изменить, но нельзя перестать быть честным человеком», — скажет он однажды одному из своих приближенных.

Согласно Шекспиру, честный человек бывает один на десять тысяч. Среди королей этот процент, надо полагать, еще ниже, ибо государственная умудренность с возрастом плохо уживается с моралью. Карл XII был все-таки нравственным королем — настолько нравственным, насколько позволяли время и тогдашние представления о нравственности. Так он, во всяком случае, был воспитан. Впрочем, в воспитательной программе не было ничего особенного и оригинального — оригинальным оказался ученик, для которого она предназначалась и который принял ее всерьез и на всю жизнь.

«Его Королевское Высочество должен обладать прямодушным и непоколебимым разумом, который не зазнается в счастье или приходит в уныние при неудаче... По отношению к другим людям он должен быть честным сердцем, добрым и вежливым в своих жестах, правдивым в речах и ответах, милосердным к бедным и страждущим, снисходительным и мягким, насколько позволяют правосудие и совесть; быть праведным в своем суде, чтобы не пропустить вовремя у одного то, что со всей строгостью наказывается у другого»[8].

Так наставляли его на путь истинный учителя. Но сколько юношей выслушивали в свое время подобные сентенции! И был ли среди них хотя бы один, кто воспринял бы их с меньшей рассеянностью, чем принц Карл? — спрашивает Ф. Г, Бенгтссон.

Учение шло своим равномерным ходом, каждый день с 8 до И утра, затем с 14 или 15 до 18. Норкопенсис неизменно появлялся в классе и терпеливо, мягко, но настойчиво вкладывал в голову принца свои обширные знания — ведь кроме элоквенции он знал еще кое-что. В то время не было узких специалистов и каждый ученый человек стремился охватить своим разумом многое.

Для развития самостоятельного мышления и навыков

изложения он, подобно греческим философам, часто практиковал со своим учеником письменные диалоги, в ходе которых выяснялось, как ученик умеет защищать свою точку зрения и подкреплять ее ясными и логичными доводами. Вот некоторые примеры этих диалогов[9].

«6 марта 1689 г., Стокгольм.

Я долго размышлял над тем, как можно стать счастливым. Кажется, я нашел правильный путь к этому.

Что же это за путь?

Если бы мне удалось всегда жить и делать так, как мне нравится, то я был бы счастлив.

Возможно, для нас это мало пригодно. Если бы это было пригодно, то Бог так бы и распорядился.

Никто не может знать, что пригодно, кроме самого себя.

Но Богу лучше известно, что является пригодным.

Но я ведь не делаю ничего нехорошего, если ищу собственную пользу и выгоду.

Нет, Вы поступаете неправильно.

Это еще надо доказать.

Да, и я это докажу.

Послушаем!

Потому что хотят противиться Богу.

Ну-ну-ну! Если бы я мог жить, как хотел, какой мне от этого ущерб?

В таком случае теряется награда Царства Небесного за все усилия.

Боже сохрани нас от такого несчастья! Должен ли я поверить, что запрет жить так, как я хочу, является законом Бога? :

Во всяком случае, должно в это верить.

Где же мне найти совет о том, как устроить свою жизнь?

В словах Господа Бога.

Слова Господни — широкое понятие. Не может ли господин указать на конкретное место?

В Библии.

Трудно все-таки узнать, по каким законам должно жить. Если я открою Библию, я наткнусь на историю о Каине, убившем Авеля, или на Иуду, предавшего Христа, или на евреев, забросавших камнями Стефания. Поскольку это не годится как пример для построения своей жизни, я хотел бы узнать, какую часть слова

Божьего должно взять для этого.

Указания Бога.

Но где же найти их?

В десяти его заповедях.

Я всегда слышал, что никто эти заповеди строго не соблюдает. Какой совет даст мне господин, чтобы я мог быть счастливым?

Попросить Бога о прощении.

Разве Бог обязан меня прощать?

Нет.

Как же мне добиться прощения?

Только из милости и милосердия.

Из-за кого Бог должен быть милостивым и милосердным?

Из-за Сына Божьего.

Кто этот Сын Божий и как его имя?

Иисус Христос.

Что такое он сделал, что стал дорог Богу?

Он страдал за нас.

Это утешительный и хороший ответ. Я буду делать свою жизнь согласно учению господина и пожелаю ему в этом деле победы надо мной.

21 июня 1689 г., Карлберг.

Какое самое заветное желание, господин?

Мне хотелось бы иметь счастье однажды сопровождать папу в поход.

27 июля 1689 г., Карлберг.

Пристойно ли сидеть и беседовать о старых императорах и отмечать каждую их ошибку?

Это вполне пристойно, чтобы потомки имели пример: плохие дела — для предупреждения, добрые — для подражания. Если вы спросите: зачем? Затем, чтобы сойти в могилу с честью и славой».

Обращает на себя внимание наличие у семилетнего мальчика самостоятельности мышления и уверенности в своих взглядах на непростые законы бытия. Во всех этих диалогах неизменным победителем оказывался ученик — этого хотел и сам учитель. Многие историки позже считали, что Норкопенсис, таким образом, привил Карлу чувство излишней самоуверенности и непогрешимости, которое сыграло потом роковую роль в его жизни. Возможно, что они правы, но ведь устами ученика

глаголили добро и справедливость, говорит Лильегрен, а это с любой точки зрения было вполне педагогично.

Проблем перегрузки учеников в то время не существовало, и уже в этом раннем возрасте Карл стал вникать в учение об управлении государством и тому подобное. Смена поколений в ту эпоху из-за низкой продолжительности жизни происходила быстрее, чем в наше время, поэтому к пятнадцати годам молодой человек должен был полностью сформироваться и отвечать за свои поступки.

Память у принца Карла была отменная: ему достаточно было один раз встретиться с человеком, чтобы много лет спустя вспомнить его и назвать по имени. Однажды, во время польского похода, он потерял свой личный, довольно сложный, шифр, но восстановил его по памяти и написал длинное шифрованное письмо фельдмаршалу Реншёльду (Реншильду).

Смерть находилась рядом с Карлом до конца его дней. Мать, маленькие братья, отец, учителя — все они один за другим на его глазах уходили из жизни. Первую потерю он пережил, когда в 1690 году ушел из жизни жизнерадостный и мудрый Линдшёльд, сын кузнеца, достигший в результате своего карьерного роста должности королевского советника и графского титула. Его заменил граф Нильс Юлленстольпе (Гюльденстольпе), бесцветная и слишком занятая другими делами фигура, не оставившая заметного следа в душе и голове своего подопечного. Гибкий царедворец, он не обладал необходимым мужеством противостоять своенравному ученику и старался больше подлаживаться под его желания, нежели указывать на его недостатки. Королева тогда возражала против назначения Юлленстольпе, но из-за своей преждевременной кончины не успела добиться своего.

Еще более болезненной для двенадцатилетнего Карла была смерть Нурденхъельма в 1694 году, умершего после восьмилетних учительских трудов. Для впечатлительного принца срок немалый — две трети жизни! Нурденхъельм был незаменим, хотя новый учитель, канцелярский советник Томас Пулюс (Полюс), делал все возможное, чтобы соответствовать ожиданиям скорбящего ученика. Пулюс, заслуженный человек, тихий, без всяких претензий, в конце концов снискал доверие и уважение Карла, о чем свидетельствовали посыпавшиеся на него позже милости, почести и награды. У Пулюса, однако, был один недостаток: он был слишком мягкий человек, и у него не всегда хватало твердости противостоять живым наклонностям мальчика. Поэтому новому учителю дали помощника, камергера барона Густава Крунхъельма, молодого, образованного и неглупого в

целом человека.

Б. Лильегрен приводит характерный пример поведения Карла по отношению к учителям и использования им своего высокого положения. Как-то принц сидел в классной комнате и громко читал вслух. Наблюдавший за ним Г. Крунхъельм ненароком задремал, и тогда Карл подкрался к учителю и ударил его по лицу. Учитель, естественно, рассердился и отправился было жаловаться на ученика отцу. Принц сказал, что если тот наябедничает на него, то он взбучит его еще больше, когда станет королем. Крунхъельм развернулся и пошел обратно в класс.

А потом пришло время другого камергера, завладевшего принцем Карлом всецело и надолго. Это был генерал-лейтенант квартирмейстерской службы Карл Магнус Стюарт, с 1689 года приписанный ко двору наследника и с этого же года начавший преподавать ему математику, фортификацию и рисование. Интерес к этим предметам у мальчика был настолько живой и сильный, что учитель быстро и незаметно увлек его в дебри военного дела. К. М. Стюарт, потомок шотландского рода, служил мушкетером в гвардии английского короля Карла И, потом занимался фортификацией в Швеции под руководством известного Эрика Дальберга (последнего генерал-губернатора Лифляндии), потом учился на деньги короля Карла XI военным наукам в Германии. Это был человек необыкновенно даровитый и специалист высокого класса в своем деле. Фортификация — не такое уж «презентабельное» для военного человека ремесло, чтобы позволить ему выдвинулся в первые ряды военной элиты. К тому же Стюарт сравнительно рано ушел из жизни. Но он все-таки вошел в шведскую военную историю и запомнился в основном тем, что организовывал Копенгагенский десант в 1700 году и форсирование Двины год спустя.

Уместно также заметить, что знаменитый фельдмаршал Эрик Дальберг, крестьянский сын, граф, архитектор, фортификатор, администратор, государственный деятель и прочая и прочая, оставивший нам свои дневники, тоже приложил руку к воспитанию Карла. Он по просьбе Стюарта направлял для принца сделанные своей рукой иллюстрации и гравюры к различным военным операциям и к устройству крепостей. Карл мог изучать планы городов, в которых побывал его воинственный дед, и схемы сражений, в которых он участвовал. Возможно, в классной комнате за этими картами и схемами возникла мечта пойти по стопам своего прославленного предка и новыми подвигами вместе с Э. Дальбергом и К. Магнусом Стюартом прославить свою страну. (Когда молодой король в сопровождении нескольких офицеров в 1702 году проезжал по улицам Варшавы, он с первого

раза узнал топографию города и безошибочно указал, где какой шведский полк был расквартирован и какие передвижения он предпринимал в черте города.)

Но все это были цветочки по сравнению с теми ягодками, для которых его готовил Стюарт. Генерал отнюдь не был склонен щадить своего ученика и загружал его голову все более сложными предметами, а ученик чувствовал себя во всех этих материях как рыба в воде. Среди заметок, сохранившихся о периоде учения Карла, есть одна, посвященная лекции по фортификации, прочитанной в 1691 году. Стюарт поставил перед принцем вопрос: «Должен ли фланг быть перпендикулярен, если вести огонь куртинами с крайнего фланга или с фронта?» Вряд ли какой-нибудь девятилетний мальчик — королевского или любого другого происхождения — рискнул бы ответить на этот вопрос. Карл рискнул и выдал детальный, исчерпывающий, а главное — правильный ответ.

Как мы уже упоминали, каллиграфия и чистописание не были сильными сторонами наследника. Его и взрослые письма страдали от чернильных пятен, орфографических ляпсусов и исправлений. Великие мира сего мало обращают внимания на такие мелочи, присущие людям обычным и посредственным. «В 1691 году, 8 октября[10] я исполнил чертеж так грубо и небрежно, что Стюарт должен был сделать его сам, поэтому я обещаю впредь чертить лучше, чтобы не заставлять Стюарта переделывать после меня чертежи. Принц Карл», — записал шведский принц однажды в свой дневник.

— Нужно ли для инженера (сапера. — Б. Г.) красиво писать? — спросил как-то Карла Стюарт.

— Если он пишет красиво, это хорошо, ответил Карл, — но он по крайней мере должен знать, как все перенести на карты, а писать за него может и другой.

Оставшиеся после смерти Карла письма свидетельствуют о том, что написаны они простым и доступным для всех языком. Их автор мало внимания уделял стилю, правописанию или грамматике, часто они были составлены второпях на случайных, подвернувшихся под руку клочках бумаги. Он и сам будет признаваться в том, что корреспондент из него вышел никудышный. Но в письмах четко прослеживаются его безукоризненная логика мышления, сила воли и убежденность в своей правоте.

Итак, Карл благодаря блестящему руководству Стюарта основательно изучил топографию, фортификацию, тактику и военную историю и стал тем, кем он стал: последним, возможно, самым великим, шведским полководцем, вызвавшим всеобщее

восхищение Европы.

Но главнейшим и авторитетнейшим учителем для принца Карла был все-таки его отец. Б. Лильегрен пишет, что, несмотря на все свои недостатки, Карл XI был неплохим отцом и в свободное время много внимания уделял воспитанию своих детей. Особенно он любил сына. И наилучшую практику молодой Карл проходил у отца: тот постоянно брал его на маневры, на инспекции, на парады и сборы. Но и здесь верно положение: можно изучить всю теорию, пройти богатейшую практику, а в жизни быть бездарным полководцем. Нельзя стать полководцем, не обладая определенными для этого задатками, как нельзя стать Рембрандтом, научившись одной только технике рисования. У Карла такие задатки были. Специалисты спорят о том, был ли он талантливым стратегом, но тактиком он был, несомненно, великолепным. Да и сам спор на эту тему является лишь доказательством неординарности личности самого объекта спора.

Давая сыну наилучшую по тем временам и возможностям страны теоретическую подготовку, Карл XI вовсе не хотел, чтобы из наследника вышел ученый - «хлыщ» или маменькин сынок. По его личному убеждению, латынь и математика были мало пригодны для управления королевством. Более важным могла оказаться физическая и практическая подготовка, тем более что принц внешне выглядел довольно хилым и хрупким мальчиком. А в таких тещах, как фехтование и стрельба, верховая езда, командование эскадроном и единоборство с медведем, Карл XI был несомненным экспертом и советчиком.

Гармония между отцом и сыном, кажется, была полной (кстати, фрондирующие наследники, встречающиеся там и сям, были в Швеции большой редкостью), и в тех областях, в которых король-отец был силен, он с удовлетворением отмечал соответствие сына необходимым требованиям. За хилым и хрупким сложением принца скрывались большая воля и выносливость. Чрезмерное честолюбие наследника удовлетворялось сознанием того, что он может стоически переносить физическую боль, голод, холод, жажду и прочие тяготы жизни. Во время обеда он как-то, опустив руку под стол, был укушен собакой, но ни единым звуком не выдал боли. В шестилетнем возрасте он сделал в своем дневнике следующую запись: «...мужчина никогда, как бы велика ни была нужда, не должен плакать», и далее: «К врагу нужно быть суровым, как лев, а дома — смирным, как баран».

Забегая вперед, заметим, что к четырнадцати-пятнадцати годам Карл был выше и выглядел сильнее многих своих сверстников. Не было у него недостатка и в разнообразных

интересах и предприимчивости. Карл переболел обычными детскими болезнями, которые практически никаких следов, кроме еле заметных шрамов от оспы, которую он перенес в тринадцатилетнем возрасте, на его здоровье и внешнем виде не оставили. Уже взрослым он с неизменным успехом лечил простуды и прочие мелкие заболевания либо голоданием, либо верховой ездой.

Шведский Аттила — а среди монархов всего мира только этот легендарный гунн мог сравниться с Карлом XII по длительности пребывания в седле и по преодоленным расстояниям — познакомился с конем в четыре года на учениях гвардии в парке Юргорден. Мать его с гордостью рассказывала, как какой-то гвардейский майор вел за уздечку по плацу вокруг выстроившегося для учений полка пони, на которого взгромоздили малыша. После этого освоение езды верхом пошло очень быстро, и принц в поводырях больше не нуждался и сопровождал отца почти повсюду, куда того призывали дела. Повзрослев, король стал неутомимым. В тридцатилетием возрасте он мог дать фору своему адъютанту, молодому здоровяку фон Дюрингу, и скакать без устали много часов подряд. Верховая езда была его настоящей страстью.

К семи годам Карл получил собственный — Принца Карла — лейб-гвардейский полк. В 1690 году он присутствовал при спуске на воду корабля «Принц Карл», о котором написал в своем дневнике: «...пусть хоть и купеческий, но с 30 амбразурами для пушек, так что с ним можно выходить в морское сражение». Он видел, как льют пушки в Стюкъюнкаргордене[11], и осматривал вместе с отцом новый лафет, изобретенный К. М. Стюартом; присутствовал на «муштровке» гвардии в Юргордене[12], которой руководил отец; ездил в гости к драбантам, которые несли в основном службу во дворце и которых он возьмет потом с собой в поход. Все было устроено специально для того, чтобы пригодиться в жизни. И все пригодилось.

Охота, по мнению Карла XI, была неотъемлемой частью жизни шведского монарха, и на этом поприще его сын нисколько не отставал от отца. В десятилетнем возрасте на острове Лидинге Карл застрелил волка, в которого отец сначала промахнулся, в том же возрасте в лесу Вальбю он завалил своего первого медведя. В 1695 году Кари XI оставляет гордую запись о том, что «...принц вдруг застрелил с 96 шагов лань». Позже Карл будет ходить на медведя только с копьем и ножом — как древние витязи. Но ему и этого покажется мало — он станет ходить на медведя с вилами и дубиной.

Пожалуй, охота была единственным развлечением Карла XI.

Других удовольствий король не признавал, шутить не умел и не любил, а королеве пришлось под мужа подстраиваться. Время от времени, праща, жизнь во дворце оживлялась, когда в Стокгольм приезжала герцогиня Голштинская, сестра королевы-матери. Она привозила с собой сына Фредрика, который на шесть лет был старше Карла, и тогда в королевском замке устраивали праздник, выезжали за город на пикники. Иногда Карл XI мог позволить устроить во дворце костюмированный бал, как, к примеру, зимой 1692 года, на котором он сам выступал в роли голландского крестьянина. Приглашенные гости должны были изображать иностранных путешественников, входить в зал парами и представляться «хозяевам таверны»: Карлу XI и Ульрике Элеоноре. Принц Карл, переодевшись в московита, вел за руку дочь госсоветника фрёкен Вреде и представал перед родителями в качестве ее «супруга». Кстати, на таких праздниках и приемах молодой принц вовсе не выглядел «букой», как утверждают молва и историк, первый биограф Карла XII Ё. Нурдберг. У Карла рано появился свой танцмейстер, и наследник смотрелся в танцах ничуть не хуже прочих, хотя многие отмечали, что он танцевал невпопад, не обращая внимания ни на такт, ни на ритм. Тем не менее в юности и в первые годы правления Карл зачастую проводил в танцах всю ночь напролет. Его робость и неловкость по отношению к женскому полу выросли вместе с его славой, когда он стал предметом всеобщего любования и восхищения. А в ранние годы Карл был вполне нормальным мальчиком и юношей со всей непосредственностью, увлечениями и пристрастиями своего возраста. Некоторое время спустя, находясь уже за пределами Швеции, в своем письме к младшей сестре король с грустью вспомнит ту самую фрёкен Вреде, вместе с которой выступал на маскараде.

Со смертью королевы редкие светские развлечения во дворце прекратились вовсе. Здесь стало мрачно и неуютно. Во многом такой атмосфере способствовал Карл XI, который после смерти супруги стал еще более мрачным и замкнутым. О последних днях короля рассказывали такую историю.

Однажды поздним осенним вечером Карл XI вместе с камергером графом Браге и лейб-медиком и вольнодумцем Баумгартеном сидел в своем кабинете. Их внимание привлекло освещенное окно залы напротив. Король приказал позвать сторожа и отпереть дверь. Вошли. Зала была освещена факелами, стены затянуты черной материей, по стенам висели трофейные и шведские знамена, покрытые черным крепом. На скамейках сидели депутаты риксдага. На троне восседал труп в королевских одеждах, справа от него — мальчик с короной на голове и

скипетром в руке, слева — человек в парадной мантии, которую носили шведские короли до династии Васа. Посреди зала — плаха с топором.

Из другой двери стража ввела молодого человека со связанными руками. В тот же момент труп на троне скорчился и из него потекла кровь. Молодой человек с достоинством опустился на колени и положил голову на плаху. Топор поднялся, и… голова покатилась на пол, обагрив кровью сапоги короля. Человек в мантии торжественно провозгласил:

— Король Карл! Кровь эта прольется не при тебе, но спустя пять царствований. О горе, горе дому Васа!

После этого видение исчезло.

Король вернулся в кабинет и приказал записать увиденное и скрепить запись подписями трех свидетелей. Сам он приписал в конце: «А если изложенное неправда, то я отрекаюсь от надежды на лучшую жизнь за гробом, которую, быть может, заслужил кое-какими добрыми делами…»[13]

Смерть жены надломила короля, он сильно похудел, стал болеть и чувствовать себя все хуже и хуже. При каждом физическом напряжении у него из горла текла кровь. Лейб-медики Урбан Хъерне и Мартин Цирфогель поставили диагноз: король страдает от колик. Карл XI и без докторов знал, что болезнь сидела где-то глубоко в желудке. Лекарства, клистиры, полный покой — ничто не помогало, сильные боли в области живота не прекращались, и состояние короля с каждым днем ухудшалось. Собрали консилиум из лучших шведских и иностранных врачей, результатом было глубокомысленное заключение о том, что в организме у короля нарушился баланс жидкостей[14]. О том, какие органы были поражены, врачи единого мнения не имели. Между тем через ротовую полость у короля стал выходить гной. Один лекарь предложил проколоть королю желудок и выпустить гной наружу, но Хъерне и Цирфогель высказались резко против. Карл XI попросил оставить его в покое и предоставить все Господу Богу.

Последнее страстное желание Карла XI в отношении сына было присутствовать на его конфирмации, но именно это желание не исполнилось. Во время конфирмации наследника король уже не вставал с постели, будучи смертельно больным (у него был рак желудка). Спустя три дня после конфирмации, 16 апреля 1697 года, на другой день Пасхи, король, великий труженик и человек долга, скончался. Ему от роду было всего сорок два года, и правил он страной двадцать пять лет. После смерти короля пошли слухи о его отравлении, но вскрытие, впервые тщательно запротоколированное, показало, что у него

была поражена полость живота, откуда метастазы распространились на печень.

Глава вторая
ЮНОШЕСКИЕ ЗАБАВЫ

Принц Эрик. Наследник — не подданный короля!

А. Стриндберг. Густав Васа

Со смертью отца молодой принц остался за старшего и в семье, и в государстве. Он и выглядел взрослым. К пятнадцати годам Карл вырос, окреп и превратился в молодого приятного юношу высокого (180 сантиметров) роста[15]. Хрупкоетелосложение он, по всей видимости, унаследовал от матери. Достаточно широкоплечий, он обладал маленькими ругами и ногами, а в поясе был так узок, что, как бы он ни переодевался на балах-маскарадах, его все равно все сразу узнавали — к его искреннему разочарованию. Лицо Карла было еще слегка по-детски припухлым, а из-за нежной кожи он был скорее похож на девушку, от чего всячески старался избавиться с помощью «мужского» загара и загрубелой обветренности. В более зрелом возрасте ему это вполне удалось.

Синие глаза — крупные и сверкающие; длинный и грубоватый нос с горбинкой; губы, особенно нижняя, типично «пфальцские», то есть полные; еле заметная родинка в левом углу рта; высокий, широкий лоб, красиво обрамленный каштановыми — в отличие от отца и деда, которые были брюнетами, — слегка волнистыми волосами, дополняют портрет молодого Карла Густава. Его движения были быстрыми и решительными, походка стремительной, но капельку болтающейся, развинченной и как-то трогательно поникшей — может быть, из-за того, что он обычно держал руки за спиной. Лучше он чувствовал себя верхом на лошади, нежели на своих ногах. Утверждают, что никто красивее его в седле не сидел. Полуулыбка на губах, левая рука на эфесе шпаги — это во время беседы. Когда Карл сердился, то на щеках проступали красные пятна, а губы странно вытягивались, а сам он тоном, не вызывающим сомнений, повторял фразу: «Что вы говорите?» Выражение лица временами было таким простым, мягким и безмятежным, что многие, не знавшие короля, считали его глупым и недалеким.

Одним словом, это был хорошо сложенный и симпатичный юноша, к тому же необыкновенно образованный и развитый. Не случайно некие мамаши из некоторых европейских столиц положили на него глаз как на потенциального жениха для своих

дочерей, и многие европейские дворы, как только шведский принц вошел в «брачный» возраст, стали вносить его в список претендентов на брак с их принцессами и осаждать своими представлениями и знакомствами.

Но король был еще так молод, и к управлению страной приступил Опекунский совет, состав которого определил по своему завещанию Карл XI. Старая королева-бабушка, пережившая мужа, сына (и чуть не пережившая внука), Хедвиг Элеонора вкупе с пятью избранными королевскими советниками на неопределенное время стала у кормила страны. В Опекунский совет вошли наиопытнейший и наиосторожнейший граф и президент канцелярии Бенгт Оксеншерна, гофмейстер Нильс Юлленстольпе, королевские советники Кристоффер Юлленшерна, Фабиан Вреде и Ларе Валленсгедт. Когда эти имена стали достоянием гласности, по стране пронесся недовольный ропот, особенно в отношении «бездарного К. Юлленшерны», которому поручили заниматься военными. По мнению многих, его место должен был занять фельдмаршал и признанный военный авторитет Э. Дальберг, генерал-губернатор Лифляндии. Но ропот недовольных в абсолютистской Швеции — это легкий ветерок, не замутивший воды глубокого озера.

И все повторилось, как с отцом: Карл тоже стал объектом опеки и тоже был вынужден, прежде чем сесть на трон, какое-то время ждать своего совершеннолетия. Какое, он и сам не знал, потому что этот возраст опекуны трактовали по-разному: кто говорил, что оно достигается в восемнадцать лет, а кто и — к двадцати пяти годам. Определяя состав Опекунского совета сразу после смерти своей супруги, Карл XI то ли забыл, то ли не успел уточнить, в каком все-таки возрасте должно считать сыта созревшим для трона. Примечательно, что завещание о престолонаследии было подтверждено риксдагом вслепую, без знания его содержания. В конце правления Карла XI уже никто не смел задавать ему «глупых» вопросов.

Престарелая Хедвиг Элеонора имела в совете два голоса и при обсуждении государственных дел блокировалась всегда с Б. Оксеншерной. Некоторые историки утверждают, что в политическом и практическом смысле она почти никакой роли в совете не играла, что у нее были свои мелкие старческие интересы, не распространявшиеся далее матримониальных планов для своих внуков, и что до шведского государства у нее дела не было. Кажется, эти историки заблуждались, потому что королева-мать была ярой сторонницей голштинской партии, а Голштиния скоро стала играть большую роль в шведской политике[16]. Во всем остальном она полагалась на графа Бенгта,

а тот надеялся только на австрийского императора. Австрия была пафосом и смыслом жизни этого одряхлевшего столпа власти, в то время как Юлленстольпе и Вреде — для разнообразия или в пику графу Бенгту — были нацелены на союз с Францией, В этом окружении проявлялись сторонники и датской ориентации, но они были мало популярны в стране и сколь-нибудь значительной поддержкой у шведов не пользовались.

К своим обязанностям опекуны приступили без всякого энтузиазма, ибо исторический опыт показал, что их положение было не совсем безопасным. Став взрослым, молодой принц может припомнить «дяденькам», как они его третировали, как исподтишка запускали руку в казну и раздавали прибыльные должности родственникам, как повышали на него голос и грубо пользовались семейным сервизом, — да мало ли что может вспомнить молодой король, обретя власть! Ведь вспомнил же в свое время Карл XI и разогнал по углам всех своих бывших регентов!

Чтобы как-то — хотя бы частично — обезопасить себя от этой участи, члены Опекунского совета с самого начала стали приглашать Карла XII присутствовать на своих заседаниях. Того упрашивать не пришлось, и он с удовольствием стал участвовать в соуправлении королевством. Почти по каждому обсуждаемому вопросу совет предусмотрительно запрашивал мнение молодого короля и аккуратно вносил это мнение в особый журнал: «Его Величество нашел это предложение хорошим». И точка. Если понадобится, то они всегда могут сослаться на то, что сделано это было с согласия короля. Но король иногда упрямился и своего мнения высказывать не желал, как это, например, произошло при обсуждении предложения о присвоении Моритцу Веллингку генеральского звания. Тогда дежурный член совета, кряхтя и вздыхая, занес в журнальчик такую запись: «Поскольку Его Величество не желает высказаться по этому вопросу, признано целесообразным оставить его и перейти к рассмотрению другого».

Да, у предыдущего Опекунского совета, действовавшего лет сорок тому назад, ретивости было куда больше. Тогда было их время, время аристократии, а теперь... Теперь, после редукции[17] и введения абсолютистских принципов, возможности вельмож были существенно ограничены. Правили поэтому не спеша, спокойно, размеренно, стараясь во всем соблюдать согласие: вели текущие дела, не инициируя новых, понемногу интриговали при назначении того или иного посла, следили за ходом Рисвикского мирного конгресса, награждали орденами иностранных потентатов, то натягивали, то отпускали австрийские и французские вожжи, по-отечески ласкали герцога Голштинского и

сурово хмурились на Эресунн, за которым находилась Дания; принимали меры по обеспечению едой голодающих после очередного неурожая, долго и дотошно разбирались с каким-то отставным капитаном Экерутом, предсказавшим в скором времени пожар в королевском дворце. Выяснив, что капитан был больной человек, совет на всякий случай приказал прислуге дворца поосторожнее обращаться с огнем.

Впрочем, как справедливо указывает О. Хайнтц, Опекунский совет мог занести в свой актив много чего положительного: и Рисвикский мирный договор, в заключении которого Швеция сыграла активную, если не решающую роль, и оборонительные договоры с Австрией, Францией и морскими державами, после которых и авторитет Швеции в Европе, и ее внешняя безопасность значительно укрепились... К моменту прихода к власти молодого короля внутреннее и международное положение страны было прочное, и Швеция могла спокойно смотреть в будущее.

На всей территории королевства, включая заморские провинции, слава богу, уже много лет подряд царили тишина и спокойствие. Правда, в Лифляндии взбунтовались возмущенные редукцией бароны во главе с каким-то Паткулем, но это все далеко и несерьезно. Им надо только показать из Стокгольма кулак, и они быстро утихомирятся. Генерал-губернатор Эрик Дальберг с ними справится.

Но без происшествий все-таки не обошлось. 18 мая 1697 года королевский дворец сгорел, и от него остались одни стены — в точности, как предсказал капитан Ларе Экерут. Сам капитан, как выяснилось, к пожару никакого отношения не имел, равно как и безалаберные девушки-служанки. Скорее всего, во всем были виноваты пьяные мужики-лакеи. Расследование показало, что сам королевский брандмейстер Свен Линдберг устроил на чердаке уютный уголок, где проводил приятное время в обществе стаканчика водки и трубки с душистым табаком. От нее-то и возникло возгорание. Возможно, пожар можно было бы локализовать, если бы на месте оказались два его помощника. Но одного из них он как раз послал помогать своей супруге, а другой удалился на кухню поболтать с кухарками. Линдбергу грозила смертная казнь, но ее заменили на солдатский строй с шпицрутенами. Этого наказания бедный брандмейстер не вынес и после приведения приговора в исполнение скончался.

Во время пожара сгорела и обрушилась башня с изображением трех корон, символа королевства, и это посчитали дурным предзнаменованием. В суматохе едва вытащили гроб с телом почившего в Бозе короля, которого не успели еще предать земле. Сгорел почти весь государственный архив, о чем до сих

пор жалеют многие ученые и не только ученые люди. Кое-что, впрочем, благодаря К. М, Стюарту удалось спасти, потому что дотошный педагог использовал документы в качестве учебного пособия для молодого Карла и брал их к себе на дом. Остались целыми и архивы редукционной комиссии — как говорили в народе, они были насквозь пропитаны слезами.

Королевская семья осталась бездомной и ютилась во дворце в Карлберге, резиденции умершей матери Карла. В свое время ей принадлежали также временные апартаменты и в черте города — так называемый Врангелевский дворец на Риддархольм, который стал называться Королевским домом. Пожар в королевском замке сделал Карла популярным в народе. Как известно, он с завидным самообладанием и хладнокровием помогал спасать из дворца имущество и людей, и его с трудом вывели из замка, опасаясь, что он может погибнуть в огне. После же пожара пятнадцатилетний король вел себя как обычно: он радовался лету, много ездил верхом, охотился, стрелял в цель и отлично освоил пистолетную стрельбу, принимал участие в занятиях своего полка.

Согласно рассказу Вольтера, который приводят многие другие биографы Карла, король в это время — не без подсказки отца — сблизился с толстяком Карлом Пипером, небогатым, энергичным, умным, честолюбивым дворянином, немцем по происхождению, занимавшим при дворе Карла XI второстепенный ранг статс-секретаря, но пользовавшимся у него особым доверием. Как-то король отправился с ним на смотр полков, и после поездки Карл якобы впал в некоторую задумчивость.

— Осмелюсь ли я спросить ваше величество, о чем вы так серьезно задумались? — обратился к нему хитрец Пипер.

— Я думаю, что чувствую себя достойным командовать этими храбрецами, и не хочу, чтобы они получали приказы от женщин.

Проницательный придворный правильно истолковал намек короля и передал его слова генералу Акселю Спарре, человеку горячему и решительному, также искавшему милость будущего короля. А. Спарре немедля начал переговоры с придворными партиями и за короткое время заручился поддержкой большинства влиятельных особ в пользу немедленного прекращения регентства и возведения Карла на престол. Задача генерала не входила в разряд сложных, сторонников до срочного вступления молодого короля в свои права было больше чем достаточно, потому что все дворяне почему-то связывали с ним надежды на отмену или частичное смягчение условий редукции.

Во всем остальном лето было ничем не примечательным — во всяком случае, для членов Опекунского совета, если не считать

известий из Польши, где неожиданно скончался король Ян Собесский, и в стране началась заваруха с претендентами на трон, среди которых выделялись саксонский курфюрст Август II и французский принц Конти, То, что хитростью, подкупом и ловкостью на польский трон взобрался Август, в Швеции посчитали хорошим знаком: ведь через свою мать-датчанку, сестру матери Карла, саксонец приходился Карлу кузеном, и можно было надеяться на то, что между Польшей и Швецией теперь наступят мир и согласие. Участие русских денег в выдвижении Августа, судя по всему, прошло мимо ушей и глаз Опекунского совета или не очень взволновало его.

«Не полагайся на князей», — говорит шведская пословица. Теперь эту народную мудрость можно было бы дополнить следующей фразой: «Не полагайся на князей, которые приходятся тебе кузенами». Но для Опекунского совета намного важнее были не польские дела, а более насущная и прозаичная задача — предание земле тела преставившегося Карла XI. Для похорон короля нужно было созывать риксдаг, и он был созван. Представители всех сословий Швеции собрались в ноябре и выслушали проповедь епископа Свебилиуса: «Как мы были послушны Моисею, так послушны хотим мы быть и тебе; один Господь Бог с тобой, как он был один с Моисеем». Не исключено, однако, что кто-нибудь из пострадавших при редукции прочитал про себя и другую молитву: «Да будет благословенна память великого эконома государства Карла XI, лишившего меня... имений. Не дай Бог, чтобы он воскрес в Судный день среди святых, ибо тогда он, вместо белоснежных шелковых одеяний и обещанных пальмовых ветвей, выдаст нам грубую мешковину и ветки можжевельника. Он самого Господа Бога заставит думать об экономии».

Завершив церемонию прощания с Карлом XI, риксдаг удалился для обсуждения государственных дел по сословным секциям. В понедельник рано утром 19 ноября рыцарство и дворянство собрались на свой «форум», на котором лантмаршал дворянской секции Нильс Грипенхъельм, а также Аксель Левенхаупт (Левенгаупт) и Ахсель Спарре неожиданно поставили на повестку вопрос о совершеннолетии Карла XII.

Многие аристократы из профранцузской партии в надежде получить какие-нибудь облегчения или компенсации от редукции поддержали графа и стали выкрикивать призывы в пользу этого предложения. Против поднял голос лишь помощник учителя Карла барон Г. Крунхъельм, призвавший присутствующих не торопиться с этим делом, но его голос потонул в общем гвалте и угрозах «вышвырнуть из окна».

Перекричав всех остальных, дворянская секция настояла на том, чтобы о их решении был поставлен в известность молодой принц. Карл благосклонно выслушал представление Нильса Грипенхъельма и заявил, что предложение следовало обсудить с Опекунским советом. Уже в 11 часов совет собрался на совещание со специально избранным дворянским комитетом, куда, между прочим, вошли 78 человек, среди которых были генералы К. Г. Реншёльд, А. Спарре и О. Веллингк. Королева-мать попыталась было удалиться, но ее попросили остаться вместе с остальными членами Опекунского правительства.

Совет выслушал дворян и попросил их удалиться в соседнее помещение, а сам приступил к обсуждению. Б. Оксеншерна многозначительно произнес: «Выслушанное нами предложение коротко, но материя богатая и весомая». Ю. Г. Стенбок глубокомысленно заметил, что «все существенное — лаконично. Отрадно чувствовать такую горячую любовь к королю у его подданных». Граф Ф. Вреде напомнил всем, что неплохо бы было спросить мнение самого его величества, и все охотно согласились с ним. Совет во главе с Б. Оксеншерной пошел к Карлу, проинформировал его о том, что произошло, и выразил надежду на милостивое его согласие с предложением дворян. Карл поблагодарил всех и ответил, что не собирается уходить от ответственности, после чего все члены совета и королева-мать взяли молодого короля за руки и пожелали ему счастья.

В 15.00 собрали представителей трех остальных сословий — церкви, купечества и крестьянства, лантмаршал объявил им об инициативе дворянства и рыцарства, поддержанной Опекунским советом и самим королем, и попросил их высказаться. Выступил «спикер» духовенства и заявил, что такое неожиданное и важное предложение необходимо обсудить со своими коллегами, в то время как представители купечества и крестьянства встретили новость аплодисментами. Вопрос поставили на голосование, духовенство оказалось в меньшинстве, и вопрос был решен окончательно и бесповоротно.

Король умер, да здравствует король!

Риксдаг снарядил к королю депутацию, чтобы сообщить ему о своем решении. Внушающий доверие свидетель утверждал, что все это время Карл находился в своей спальне и молился. Карл XII сказал депутатам, что он готов возложить на свои «хрупкие плечи» бремя правления, но не раньше, чем закончатся похороны отца. Похороны состоялись 5 декабря 1697 года, а три дня спустя Опекунское правительство сложило с себя полномочия. На заключительной сессии риксдага граф Бенгт Оксеншерна произнес красивую трогательную речь, после которой Карл XII

был объявлен совершеннолетним и правящим королем Швеции.

Это был первый и последний риксдаг, с которым имел дело Карл XII. Шведские историки Т. Т. Хейер и Г. Юнассон пишут, что произведенный государственный переворот был делом рук самого молодого короля. Р. Хэттон считает, что на самом деле Карл оказался всего лишь инструментом в руках влиятельных заговорщиков Валленстедта, Вреде, Юлленстольпе и Юлленшерны, которые рассчитывали на то, что аристократия снова сможет разделить с королем бремя власти, как это было до Карла XI.

Как бы то ни было, но дворянская партия, как мы увидим, жестоко просчиталась.

Итак, 10 декабря король взял в руки бразды правления, а 25 декабря он короновался. Карл XII был первым шведским коронованным королем, обладающим абсолютной властью, а потому было решено изменить и форму и содержание самой коронации. Вопреки традиции народ присягал не после коронации короля, а накануне ее. Дворянство вместе с представителями от других сословий в сильную метель вынуждено было пять часов стоять перед Королевским домом и по очереди давать клятву. Церемонию коронации лишили и такого формального пункта, как принесение королем клятвы на верность своему народу. Этого, по мнению Карла XII, не требовалось, потому что он был рожден для того, чтобы править единовластно и неограниченно. Все короли короновались в Упсале, а новый король перенес церемонию в Стокгольм.

В 8 часов утра Карл вышел из Королевского дома.

В соответствии с изменениями королевские советники не ехали верхом на конях за королем, а шли пешком. К тому же они, как простые лакеи, должны были прислуживать королю за торжественным обедом. Абсолютизм нового короля должен был проявиться наглядно, весомо и солидно.

Коронация была торжественной, великолепной и богатой, как того и требовал случай. По существу коронации как таковой не было вообще, а было лишь помазание, потому что корону Карл XII надел на себя загодя на пути к церкви, тем самым подчеркивая, что он получил власть не от верховного представителя церкви, а от самого Бога. Церемония помазания, по мнению короля, была также лишней, но он согласился на нее только ради своих подданных и по настоянию бабки.

Эта самокоронация и ряд неприятных накладок в ходе церемонии стали причиной суеверного страха не только у простых крестьян и ремесленников, но и у просвещенных дворян. Когда король взбирался на коня, корона свалилась с головы. Само

по себе все это было объяснимо: во-первых, корона плохо по своим размерам подходила к голове короновавшегося, во-вторых, он был скован в своих движениях, потому что поверх траурного костюма на нем был широкий горностаевый, пурпурного цвета плащ, который сзади несли Стюарт и Крунхъельм; в правой руке Карл держал скипетр, а в левой — уздечку; в-третьих, волнение...

Но многие посчитали это дурным знаком.

В день коронации мягкими хлопьями шел снег. Церемонию открыл гофмаршал Бенгт Росенхане со своими герольдами, литаврами и трубами. За ним в черных одеждах, но без плащей и мантий шествовали рыцари и дворяне по три человека в ряд и строго по рангу: впереди — менее, сзади — более знатные. Потом под шум-гром литавр и тромбонов шел маршал граф Юхан Стенбок со своим штабом, а за ними—? высокопоставленные чины. Торжественные, как норны[18], они несли государственные символы и регалии; среди них выделялись генерал-адмирал Ханс Вахтмейстер, несший ключ, верховный правитель Кристоффер Юлленшерна — яблоко, и граф Бенгг Оксеншерна с мечом (скипетр и корона, как мы уже знаем, были у короля). Потом, наконец, верхом на рыжем коне, подкованном серебряными подковами, ехал Карл XII. Справа от него шли полковники лейб-гвардейских частей, слева — гофшталмейстер Густав Хорд. Сзади короля несли государственный флаг, потом вели резервного коня его королевского величества, на котором он должен был отъезжать после помазания из церкви. Процессию замыкали королевские пажи, драбанты. Подданные стояли по сторонам улицы и восторженно приветствовали короля.

Путь от Королевского дома до Большой церкви был коротким.

Епископ Хакин Спегель встретил Карла у входа в церковь и в присутствии представителей риксдага и приглашенной знати произнес проповедь; хор пропел псалом, король, отложив в сторону скипетр и корону, опустился на колени и произнес молитву. Потом началась церемония миропомазания, которую проводил архиепископ Упсальский Улоф Свебелиус. Архиепископ помазал королю лоб и запястья, после чего Карл сам снова водрузил корону на голову. После помазания он занял свое место на троне, снаружи донеслись раскаты пушечных залпов — для торжественного салюта собрали 300 пушек. Затем последовали пение псалмов и новый салют; к пушечным залпам добавился треск мушкетных выстрелов драбантов короля. Церемония закончилась традиционно — церковным благословением и органной музыкой. Вдовствующая королева и другие члены королевской семьи покинули церковь первыми, они отправились на Риддархольм во дворец к Б. Оксеншерне, чтобы наблюдать

оттуда возвращение процессии к Королевскому дому. Во время выхода короля произошло второе страшное происшествие: рог для помазания выпал из рук дряхлого Свебелиуса, и миро разлилось на пол. А поскольку в церемонии коронации была опущена клятва монарха, то все это вместе (вспомним свалившуюся с головы корону!) взбудоражило подданных сильно, надолго и всерьез. Слишком уж много для одной церемонии накладок! Нет, добра от этого правления ждать не приходится, думали и тихонько шептали друг другу многие шведы. Именно об этом будет говорить в своих разоблачительных проповедях пастор из Муры, что в Далекарлийской провинции, Якоб Буэтиус.

Спустя семь часов (то есть около 15.00) Карл XII сошел с коня и вернулся в свою резиденцию. На площади перед мостом Мункбрун городским жителям было приготовлено угощение с вином, водкой, поджаренными рябчиками и крутящимися на вертелах тушами быков. Торжественный обед для Карла и приглашенных начался вечером. Король отдал скипетр Кристоффери Юлленшерне, тот передал яблоко Х. Вахтмейстеру, а тот, в свою очередь, передал ключ Ф. Вреде. Торжественно внесли тазик с водой, кружку и полотенце. Король вымыл руки и сел за стол. После молитвы король приступил к еде. Виночерпием служил граф Н. Бъельке, прочие члены Госсовета подносили королю всякие изысканные блюда, в то время как Карл Юлленшерна разрезал пищу на куски и клал ее на тарелку Карлу. Пока король трапезничал, все без исключения должны были стоять. Откушав, король снова помыл руки, взял с собой скипетр и корону и удалился. Только теперь все приглашенные могли приступить к еде — по очереди, согласно чину и рангу: сначала еду подали королеве-бабушке и другим членам королевской семьи, потом некоторым знатным дамам, затем членам Госсовета и т. д.

Всю ночь в столице и по всей стране проходили торжественные богослужения, обеды и церемонии. Так пятнадцатилетий мальчик стал неограниченным монархом обширной шведской империи. Он будет править двадцать один год и один день, следуя во всем заветам своего отца. Утверждают, что, умирая, отец оставил сыну письмо, о содержании которого никто, кроме одного придворного по имени Валленстедт, писавшего письмо под диктовку Карла XI, не знал. Предположив, что отец давал сыну советы о том, как управлять страной, мы не ошибемся, если скажем, что рекомендации эти были сформулированы в духе правления самого Карла XI: править твердой рукой, не давать никому поблажки, держать под контролем аристократов, ценить людей по заслугам, а не по

происхождению, быть экономным в расходовании государственных средств. Как мы увидим, Карл XII в основном придерживался заветов отца и почти ни в чем не отклонялся от его политического курса — за исключением, может быть, пункта о расходовании казенных средств. (Этим недостатком, к сожалению, часто страдают дети великих экономов и собирателей).

Как же так получилось, спрашивает шведский историк Ф. Ф. Карлссон, что такой важный вопрос, как возведение пятнадцатилетнего принца на шведский трон произошло столь скоропалительно и необдуманно? В истории Швеции такие прецеденты уже имели место быть и до Карла: Густав II Адольф вступил на трон в возрасте семнадцати лет, правда, он уже имел опыт самостоятельного ведения войны; Карл XI тоже взял бразды правления в семнадцатилетнем возрасте, но образ его правления был установлен законом, правительство продолжало работать, как работало, и прошло несколько лет, прежде чем он стал править единолично. С Карлом XII получилось совсем иначе: неопытный в государственных делах и неискушенный в жизни юнец, устранив от кормила власти всех старых советников, сам взялся управлять таким огромным и сложным государством!

Главную роль в этом, отвечает историк, сыграло шведское дворянство, изнуренное в эпоху Карла XI непомерным бременем редукции и воспылавшее необоснованными надеждами на то, что юный король дарует им льготы и облегчения. Многие люди из этого сословия были недовольны составом и образом действия шведского правительства, третировавшего дворян без всякого снисхождения к их происхождению и заслугам. Сыграло свою роль и отсутствие единства в правящем Опекунском совете, раздираемом закулисными противоречиями между проавстрийской (проголштинской) партией и сторонниками профранцузской (продатской) линии. Конечно, в шведской государственной верхушке были сомневающиеся люди, но они молчали, привыкшие долгие годы не поднимать голоса перед абсолютной властью. В общем, дворяне хотели как лучше, а получилось... «Бесспорно одно, — пишет Карлссон, — за то, что случилось в правление Карла XII, не один он несет ответственность».

Надежды дворян на смягчение или отмену редукции не оправдались. Они были сильно разочарованы тем, что никаких подходов к этим желанным для них переменам молодой король не предпринимал. Более того: редукционная комиссия заработала с еще большим усердием, нежели прежде. Обеспокоенные аристократы послали к Карлу XII своего представителя генерала

Отто фон Веллингка с наказом напомнить ему о своих желаниях и о том большом вкладе, который дворянство в свое время внесло в победу над датчанами в битве при Лунде. Карл XII лаконично ответил Веллингку, что конечно же он не оставит дворян своими милостями, если они будут так же верны ему, как они были верны его отцу. И все. После этого дворянство и аристократия, сорвавшие голоса на риксдаге в пользу досрочного возведения принца Карла на престол и питавшие несбыточные надежды на то, что новый король введет в отношении них какие-то послабления, умолкли на двадцать один год и один день, чтобы больше никогда «не возникать».

Молодой король взялся за управление страной горячо. Английский посол в Стокгольме Робинсон докладывал в Лондон: «Король уже приступил к ознакомлению с делами и даче приказаний с усердием и прилежанием, пример которых подавал его отец. Каждое утро он встает в 5 часов и работает большую часть дня; так что если он... не повредит свое здоровье и не изменит благорасположение, то наличествует перспектива вполне счастливого правления».

Уже на другой день после объявления его совершеннолетним Карл XII послал указание в законодательную комиссию с повелением ускорить работу по совершенствованию государственного законодательства. Не разъехавшимся еще с риксдага епископам он порекомендовал приступить к переводу на шведский язык Библии. Третье письмо, в камер-коллегию, касалось распространения на всю страну, в первую очередь на Сконскую провинцию, новой системы военной мобилизации — детища короля Карла XI, благодаря которому была проведена коренная реформа шведской армии, ставшей после этого самой сильной и эффективной армией в Европе. Четвертое и пятое указания короля в ту же камер-коллегию касались некоторых мер по развитию балтийских провинций, торговли и оказания помощи голодающим в Норрландской провинции и на территории Финляндии. Все эти шаги и меры, несмотря на свою, казалось бы, разрозненность и нестройность, были вполне своевременны и полезны. Все они были направлены на дальнейшее укрепление шведской государственности и однозначно показывали, в каком направлении будет развиваться политика нового короля.

О том, что король к шуткам не был расположен, свидетельствуют два эпизода, совпавшие по времени с первыми же днями его правления. В первом из них речь идет об уже упоминавшемся нами священнике из Муры (Далекарлийская провинция) Якобе Буэтиусе, который осмелился подвергнуть сомнению целесообразность признания Карла совершеннолетним.

Буэтиуса арестовали, привезли в Стокгольм, приговорили к смерти, которую заменили тюрьмой, и отправили его отбывать заключение в Нотебургскую крепость на Неве, из которой он вышел лишь в 1710 году, когда цитадель уже принадлежала русским и была переименована в Шлиссельбург. Второй случай тоже был довольно знаменательным и произошел с фельдмаршалом и померанским генерал-губернатором Нильсом Бъельке — тем самым, который был шведским послом еще при царе Алексее Михайловиче Тишайшем и которого царь посадил в тюрьму, как только объявил шведам войну в Ливонии. За должностные преступления, выразившиеся в критике стокгольмского двора и в слишком активной самостоятельной политике (чеканке денег и в некоторых других непозволительных «вольностях»), расшалившегося при попустительстве Опекунского совета семидесятитрехлетнего померанского правителя Бъельке обвинили в государственной измене и нарушении присяги королю. Ему, как фальшивомонетчику, полагалась смертная казнь, но казнить его король не стал, а помиловал, однако после помилования приказал сидеть безвыездно в своем родовом имении.

Впрочем, Карл не был кровожадным и старался придерживаться рамок закона, особенно когда дело касалось гражданских лиц, но в делах военных, воинской дисциплины и соблюдения морали он был крут и непреклонен, как и отец.

В то же время, когда окружной суд Дерпта запросил у короля разрешение на применение пыток в процессе дознания, король отклонил это ходатайство самым категорическим образом. «В темных делах лучше освободить виновного, чем наказать невинного», — заявил он юристам и судейским чиновникам[19]. Правда, он не уточнил, как можно отличить темное дело от бесспорного, но ясно, что Карл XII в это время проявлял живой интерес к юстиции. Основным руководством для вынесения решений для Карла являлись Новый Завет и Пятикнижие Моисея.

Как-то на Госсовете рассматривалось дело о прелюбодеянии солдата Юхана Шредера, который, будучи женатым, завел себе на стороне любовницу — страшный грех и серьезное преступление в тогдашней Швеции. Карл XII потребовал для него смертной казни. Президент надворного суда Г. Фалькенберг пытался доказать королю, что данное преступление смертной казни не заслуживает ни по законам Швеции, ни по законам других христианских стран, но король был непреклонен и настоял на своем. А с другой стороны, Карл проявил снисходительность к кавалерийскому офицеру К. Х. Хорду, пытавшемуся незаконным способом оформить брак с крестьянской дочерью. Поскольку

родители Хорда не давали на этот неравный брак благословения, а церковь без этого брак не венчала, Хорд попросил обвенчать его с невестой одного драгуна. По всем законам Хорду и его невесте угрожала смертная казнь, но король встал на сторону обвиняемых на том основании, что церковь «не должна была отказывать им в обряде венчания». К. Пипер пытался «втолковать» Карлу, что родители жениха имели право на то, чтобы их сын нашел себе более достойную жену, но тот возразил, что Хорд «был самостоятельным человеком, и родители не имели права мешать ему в выборе той невесты, которую он хотел». Карл XII встал на сторону любви, а наказание понес драгун, взявшийся за не свое дело: его на четырнадцать дней посадили в тюрьму на хлеб и воду. Еще один показательный пример: Государственный совет пытался освободить капрала Уседома от наказания шпицрутенами на том основании, что он был дворянином, но король Карл возразил, что перед законом все равны — и дворяне и недворяне, и оставил приговор в силе.

Система управления Швецией в начале XVIII века включала в себя шведский надворный суд, военную, адмиралтейскую, канцелярскую и горную коллегии, камер- и коммерц-коллегии, имевшие по стране свои провинциальные отделения. Управляющие коллегиями составляли Государственный совет страны. Все дела докладывались коллегиями в канцелярию короля, король рассматривал их и через канцелярию же «спускал» свои решения обратно в коллегии.

Ближайшими помощниками Карла стали два человека: его бывший учитель канцелярский советник шестидесятитрехлетний Томас Пулюс и упоминавшийся выше Карл Пипер. Король присвоил им ранг государственных советников — новый тип советников, который был выше королевских, и титулы графов. Пулюс, тихий и скромный чиновник, взявшийся везти воз внешней политики, был человеком без всяких претензий и к титулу графа не стремился и даже сопротивлялся этому, чего нельзя было сказать о толстяке Пипере с его естественным неудовлетворенным аппетитом выскочки.

Карл Пипер родился в 1647 году в Стокгольме, учился в Упсале, в 1668 году поступил в королевскую канцелярию, где проявил свои способности, и в 1689 году занял там ключевую должность статс-секретаря. Не будучи дворянином (в дворянство возведен в 1679 году), Пипер удачно женился на дочери стокгольмского судовладельца и купца Улофа Ханссона Тернера и выдвинулся при Карле XI, проявив усердие и расторопность в самых разных государственных делах. Теперь этот пятидесятилетний толстобрюхий господин с грубой чернявой

физиономией, с утонувшим в жире подбородком, острыми поросячьими глазками под надменно свисавшими бровями, с презрительной нижней губой и крупным носом взял на себя все, что было можно. Практически он стал первым министром короля, потом ему дадут прозвище Великий Визирь. Пипер был создан для того, чтобы совать свой нос куда попало и держать его все время по ветру, чтобы не упустить личной выгоды. Эго был малоприятный господин средних способностей, которые, впрочем, компенсировались чрезвычайным старанием, безграничной лояльностью и покладистым характером. К нему мы по мере необходимости еще будем возвращаться.

Судя по всему, выбор этих двух «рабочих лошадок» был сделан Карлом явно по рекомендации отца. Остальные президенты коллегий влачили печальное и незаметное существование за кулисами государственной власти, полностью признавая свою ничтожность рядом с Пулюсом и Пипером. Кроме Пипера и Пулюса все заметнее стали выдвигаться и еще две фигуры: генерал-майор Карл Густав Реншёльд, получивший титул барона и повышенный в звании до генерал-лейтенанта, и полковник граф Магнус Стенбок, бывший комендант Висмара, назначенный Карлом командиром престижного Кальмарского полка.

В то время как бывшие члены Опекунского совета часами должны были ожидать аудиенции у короля, Пипер и Пулюс проходили к нему беспрепятственно и часами сидели с ним, обсуждая государственные дела. Когда королевский советник Нильс Юлленстольпе спросил у Карла XII разрешения выехать из Швеции, тот ответил, что ему это все равно и что граф может жить за границей столько, сколько захочет. Иностранные дипломаты теперь не могли беседовать со шведским монархом с глазу на глаз, как это они делали при его отце. На официальных встречах Карл XII вел себя демонстративно холодно, сдержанно, немногословно. «Ни один из государственных советников не в состоянии выдавить из него хоть слово. Он слушает, что ему говорят, но не отвечает», — писал о молодом короле один из дипломатов. Не исключено, пытается оправдать короля Лильегрен, что Карл XII просто чувствовал себя еще не вполне уверенным. Маловероятное предположение. Уверенности и самоуверенности уже в молодом Карле было хоть отбавляй.

«В первое время правления, — сообщает Вольтер, — Карл зарекомендовал себя отнюдь не с лучшей стороны, выказывая более нетерпеливости, нежели монаршего достоинства. Правда, у нею не было пагубных страстей, но во всем своем поведении показывал горячность и упрямство, свойственные юному

возрасту. Он казался беспечным и высокомерным, посланники других держав почитали его даже за посредственность и описывали таковым в своих донесениях. Да и в самой Швеции держались того же мнения, ибо никто еще не постиг истинного характера сего монарха. Не знал он его и сам до тех пор, пока бури, надвинувшиеся вдруг на север Европы, не доставили его талантам случай проявить себя»[20].

Первое время молодой король сильно уставал — слишком большой оказалась нагрузка. За 1697—1700 годы под его председательством было проведено 157 сессий Госсовета, посвященных обсуждению внешне- и внутриполитических вопросов и рассмотрению судебных дел (Госсовет выполнял одновременно функции высшей судебной инстанции страны). Напряжение при восхождении на трон, нелегкая церемония коронации, похороны отца, государственные обязанности давались ему отнюдь нелегко. Он заболел животом, появилась рвота, и обеспокоенный Урбан Хъерне прописал ему лекарство, но Карл, скептически относившийся к медицине, выбросил лекарство в окно. Единственным человеком, с кем он мог поделиться своими заботами, была младшая сестра Ульрика Элеонора. Год спустя после прихода к власти у Карла состоялся с ней доверительный разговор. Согласно датскому послу, имевшему надежных информаторов при шведском дворе, изможденный король вечером пришел к сестре, бросился на стул и сказал, что лучше бы ему умереть,

— Вы хотите умереть? — переспросила сестра.

— Да, я почти уверен в этом, — ответил брат. — Я работаю целый день, а когда прихожу к себе, то вместо прекрасной супруги, которая бы меня ласкала, передо мной возникает эта старуха (имеется в виду бабка Хедвиг Элеонора), которая стоит, плюется и трясет головой.

«Вопрос заключается в том, — пишет Б. Лильегрен, — действительно ли он хотел иметь жену».

Много рассказов ходило и до сих пор ходит о жестоких и грубых забавах Карла. Согласно одному из них, он поспорил со своим зятем, герцогом Голштинским, что одним ударом сабли отрубит голову теленку, и для тренировки королю во дворец стали приводить телят и овец. Б. Лильегрен подтверждает, что так оно и было — нравы и забавы того времени не всегда соответствовали этике и морали наших дней. Жестокие казни с пытками, виселицами, колесованием, четвертованием, охота на ведьм и сжигание их на кострах в XVII веке были еще не изжиты из европейского обихода. Согласно другим источникам, король развлекался тем, что вместе с голштинским герцогом выбивал у

лакеев тарелки, когда те подавали к столу кушанья. Упоминаются также вторжение в пьяном виде в церковь и поломка в ней скамейки, на которой обычно совершала свои молитвы королева-бабушка. Ф. Оттов и Б. Лильегрен приводят пример возмутительного и грубого поведения Карла по отношению к королевскому советнику Ларсу Валленстедту. Этот столп государства и верный слуга Карла XI осмелился в вежливой форме выразить беспокойство по поводу ночных похождений короля: «...подданные озабочены... и боятся, что Ваше Величество попадет при этом в беду». «В награду за твою общительность, — ответил король Карл, — я тебе поведаю, что в народе говорят о тебе. Народ говорит, что ты — самый большой подлец в Швеции и что я должен был уже давно повесить тебя на первом попавшемся дереве». И так далее, и тому подобное. Перечень таких примеров можно было бы продолжить.

Нисколько не собираясь оправдывать Карла XII, попытаемся, однако, понять и объяснить мотивы такого его неблаговидного поведения. Вероятно, их было несколько: здесь присутствовали и желание сделать вызов чопорным придворным, и намерение показать свою власть, и дурное влияние голштинского зятя (недаром в народе справедливо говорили об этом периоде как о «голштинском разгуле»), и тот самый возраст, в котором совершаются все безалаберные и необъяснимые поступки. Юноше хотелось как можно раньше стать настоящим мужчиной, и к тому же он был не простой юноша, а король.

Молодой Карл просто не мог противостоять вызовам, которые бросали ему жизнь и окружавшие люди. Он везде хотел быть первым, им целиком владел дух соревнования. Чтобы доказать свое превосходство, он мог пойти на все — даже прыгнуть в огонь или воду, если хорошенько подначить. Однажды он со своими драбантами на Мэларене затеял потешную морскую битву. В качестве пушек им служили пожарные насосы, а вместо мушкетов участники игры использовали водяные груши. Лейтенант драбантов Арвид Хорн (Горн) на своем ялике приблизился к яхте короля, и тот от души обдал его водой, да так, что ялик стал тонуть. Хорн, не дожидаясь, когда ялик перевернется, прыгнул в воду и поплыл.

— Ну как, тяжело плавать? — поинтересовался король.

— Только для тех, кто трусит, — ответил Хорн.

Этого было достаточно, чтобы король без всяких раздумий прыгнул в воду. Плавать он не умел и пошел ко дну. И потонул бы, если бы не было рядом лейтенанта Хорна.

Достоверно известно, что герцог Голштинский Фридрих IV, ставший в июне 1698 года мужем его старшей сестры, оказывал

на него пагубное влияние. Пользуясь честолюбием и безрассудной храбростью короля, герцог, бывший старше короля на целых двенадцать лет, с помощью вина и женщин втягивал его во всевозможные кутежи, попойки, скачки по улицам города с битьем стекол в окнах стокгольмских обывателей и т. п.[21] «Упоминание о славе, — пишет Вольтер, — позволяло добиться от него чего угодно». Поощрял склонности короля к кутежам и развлечениям и граф Пипер, заинтересованный на первых порах в том, чтобы прибрать к рукам как можно больше государственных дел.

Если под влиянием голштинского зятя Карл XII и отдал какую-то дань увлечению вином, то что касается женщин, он остался навсегда целомудренным, и всякие попытки склонить его к обычной тогда практике заведения любовниц заканчивались ничем. В этом вопросе он был непреклонен и чист до конца своих дней. Каковы глубинные мотивы такого поведения? Никто об этом не знает. Некоторые предполагают, что в этом вопросе Карл XII брал пример все с того же Александра Македонского, который, по преданиям, тоже был равнодушен к слабому полу. Возможно, что так оно и было. Ведь вряд ли на Карла XII могло подействовать грубое предупреждение отца: «Никогда не лезь руками под женские юбки, а ногами — в женскую комнату!» Для этого он был слишком самостоятельной личностью, имевшей свои собственные убеждения.

В начале XX века кто-то запустил версию о том, что Карл XII был гермафродитом. Дело в том, что во многих свидетельствах современников Карла указывается, что у него плохо росли борода и усы. Прошло некоторое время, прежде чем эту версию смогли опровергнуть. Случайно наткнулись на воспоминания одного каролинского солдата, очевидца возвращения короля из Турции в Штральзунд, в которых описываются внешний вид короля и его страшно заросшее лицо.

Нужно сказать, что отсутствие у молодого монарха интереса к женскому полу сильно беспокоило шведский двор — ведь каждый правитель должен в первую очередь позаботиться о наследнике. Граф Аксель Вахтмейстер высказал предположение, что король импотент, но ему резко возразил лейб-медик Хъерне: нет, король вполне «пригоден», вот только ему надо бы попробовать дать любовного эликсира. Но как? Карл ведь не принимал никаких лекарств. Впрочем, одна лазейка имелась: король в качестве исключения согласился пользоваться мазью, которой он растирал себе грудь. Решили замесить мазь на эликсире и дать королю. Но надежды Хъерне и Вахтмейстера не оправдались. Карл продолжал оставаться к прекрасному полу

равнодушным, и заговорщики заподозрили, что он никогда не женится.

Они оказались правы.

Немецкий историк Ф. Оттов, назвавший Карла «рабом своей одержимости», пишет: «Причины воздержания от женщин до конца неясны, но каковы бы они ни были, это сказалось на нем отрицательно, что способствовало перенапряжению других сторон его характера, которые он старался не показывать окружению. Из нужды делать добродетель — не всегда хорошо и морально. Результат — инфантильные идеалы и отсталое развитие личности».

Пройдут годы, и в одном из писем к своей младшей сестре Ульрике Элеоноре король тепло вспомнит о дочери королевского советника Фабиана Вреде — фрёкен Вреде, с которой он в русском кафтане когда-то танцевал на бале-маскараде. В конце своей жизни он скажет, что мог бы связать свою жизнь только с девушкой, которую мог бы любить без всякого расчета. Но встретить такую девушку ему было не суждено.

Известно также, что Карл в юности полюбил музыку и в юности дружил с семьей Дюбен, в доме которых много музицировали. В Бендерах, по воспоминаниям слуги Хюльтмана, король часто устраивал музыкальные концерты, в которых принимали участие оркестры, состоявшие из двух и даже трех десятков музыкантов-любителей.

Французский биограф короля О. Монтрайё, лично знавший Карла по бендерскому периоду, писал: «Наряду с тем, что Карл XII избегал общества прелестного пола, он не имел ничего против офицерских рассказов о любовных похождениях. Напротив, если судить по выражению на лице, его репликам и довольному виду, с каким он отпускал шутки на этот счет, это его весьма веселило». О чем петровскому послу на Аландской мирной конференции А. И. Остерману рассказывал член шведской делегации барон Спарре. «… И хотя женскому полу весьма стыдлив, однако ж любит, чтоб о таких утешных делах поглубже о нем разговаривали, да и сам временем о подробностях того дела прилежно выспрашивает»,—докладывал посол царю. Наиболее правдоподобное объяснение всему этому заключается, вероятно, в том, что король по отношению к противоположному полу страдал комплексом неполноценности[22].

Долгое время существовал миф о Карле как о короле-трезвеннике. При этом все историки ссылались на свидетельство его польского адъютанта и доверенное лицо графа Станислава Понятовского, который поведал Вольтеру следующую историю. В период нахождения в Бендерах зашел разговор о вине, и король

неожиданно разоткровенничался и рассказал, как он бросил пить. Случилось все в 1699 году или в начале следующего года. Как-то после очередного изрядного возлияния он вернулся во дворец совершенно пьяным и в неопрятном охотничьем костюме плюхнулся за обеденный стол королевы-бабушки. Хедвиг Элеонора выругала его за грязный вид и невоспитанные манеры, после чего пьяный Карл резко поднялся из-за стола и, зацепив шпорой за скатерть, опрокинул содержимое тарелок на ее колени. На следующее утро бабушка сделала ему новое внушение за то, что он слишком много выпил в предыдущий день. Тогда Карл подошел к буфету, налил в бокал вина, провозгласил тост за здоровье королевы-вдовы и сказал:

— Поскольку этот напиток сделал меня непочтительным по отношению к вашему величеству, то этот бокал будет последним в моей жизни.

Так и получилось — больше алкогольных напитков он практически не употреблял, вслед за Вольтером дружно утверждают все биографы Карла XII. А вот Б. Лильегрен в своей книге начисто разрушает этот миф и приводит неопровержимые доказательства того, что вино и пиво (а не так называемая безалкогольная «свагдрикка») практически не сходили со стола взрослого короля. Да, король дал зарок не употреблять много вина и не напиваться до «положения риз», но умеренное его употребление он считал нормальным и необходимым — особенно в походных условиях, при отсутствии рядом чистой питьевой воды.

Не выдерживает критики и легенда о приверженности Карла XII к спартанской пище. Завтрак короля, по словам шведского историка, обычно состоял из двух блюд — из бараньего жаркого и цыпленка. К завтраку, как правило, подавались 2,6-литровая кружка пива и так называемый «винный суп» в наполненной на четверть или на половину кружке объемом до 130 граммов. Вряд ли, пишет историк, все это подавалось бы регулярно на стол, если бы не употреблялось по назначению. Обед, на который приглашались приближенные, включал в себя не менее семи основных блюд, некоторое количество закусок и достаточное количество вина и пива. На ужин рядом с кроватью короля ставилось «ночное питье» — четверть кружки рейнского вина и кружка пива.

Один силезский монах в декабре 1704 года оказался свидетелем королевской трапезы в Равиче. «Посредине королевского стола был суп по-французски, а по бокам стояли три тарелки с говядиной, индюшатиной, двумя куропатками, бараниной, несколькими утками и рыбой», — вспоминал он

потом. Обед, длившийся не менее часа, завершали каштаны и лимоны. Лакеи» пишет монах, то и дело подливали вино в бокалы короля и присутствовавшего за обедом автора мифа Станислава Понятовского. Впрочем, отмечает свидетель, король пил умеренно. Аналогичные наблюдения сделал путешествующий в 1707 году по Саксонии шведский студент Андерс Альстрин.

Что касается самоограничений, то Карл накладывал их на себя легко и охотно. Этим он закалял свою волю, приучал организм к нелегкой походной жизни и заодно формировал у окружения свой, отличный от других государей образ.

Чтобы как-то «остепенить» разгулявшеюся юношу, двор и бабка Карла стали вынашивать планы его женитьбы. В Стокгольм портреты своих дочерей послали король Дании, курфюрст Бранденбурга, княжеский дом Вюртемберга. С выбором невест, от которых не было отбоя, Карл, однако, спешить не стал. «Чертовски неприятна и с дьявольски огромным ртом», — записал он в своем дневнике нелестную характеристику в адрес одной голштинской принцессы, которую ему навязывала в жены, по всей видимости, «голштинская бабушка». Затеянная Хедвиг Элеонорой матримониальная возня воспринималась юным королем как отвратительный спектакль, участвовать в котором он не был намерен. Когда во дворце появилась княгиня Брауншвейг-Беверна с дочерью, Карл не выдержал и вспылил; «Что ей тут нужно? У нас и без нее хватает иноземцев!» Особые надежды возлагались на датскую принцессу Софию Хедвиг, кузину Карла: она была красива, умна и могла бы способствовать сглаживанию острых углов в двусторонних отношениях Копенгагена и Стокгольма, но... она была на целых пять лет старше своего шведского жениха!

Юность — прекрасная пора в жизни каждого человека, когда сердце полно радостных ожиданий, когда в мире нет ничего невозможного. Но, к сожалению, она быстро проходит. Все было у Карла, и все прошло, «как с белых яблонь дым»: и дружеские попойки с голштинским герцогом, и грубые шутки и забавы, и охота на медведей и других диких животных. Пришло время настоящего мужания, когда все юношеские увлечения уже пресны и ненужны. Теперь Карл действительно покажет всем, что он достоин звания короля и мужчины.

Уже в эти первые годы нахождения у власти в характере и поведении Карла XII начали проявляться те тенденции, которые потом, с 1700 года, станут определяющими в продолжении всей его взрослой жизни. Он станет равнодушным до небрежности к роскошным королевским нарядам и обильным застольям и полюбит простую одежду и простую пищу. Кстати, именно в это время у него начнет развиваться и такая черта, как щедрость —

явно унаследованная от матери, потому что по пфальцской — отцовской — линии в роду были одни «экономы». Он не поскупится на приданое для своей старшей сестры Хедвиг Софии, налево и направо будет раздавать потом деньги своим драбантам, солдатам, офицерам и всем, кто будет попадаться на его пути. Его страстью станет раздавать золото солдатам после очередного сражения. (Бывали случаи, когда Карл выдавал каждому участнику по 10 червонцев. В 1703 году размеры подарков были, к примеру, таковы; раненый капитан — 80 риксдалеров, нераненый капитан — 40, раненый лейтенант — 40, нераненый — 20, нераненый унтер-офицер — два, раненый рядовой — два, нераненый рядовой — один риксдалер). Гостинцы генералам будут вообще обходиться королю в кругленькую сумму. Часто подарки будут преподноситься пленным врагам. По возвращении домой в Швецию Карл станет всегда носить при себе кошелек, вмещающий не менее 400 червонцев, и будет напоминать пажу регулярно его пополнять.

Деньги Карл никогда не считал и был весьма расточителен. Они интересовали его сугубо в обезличенном виде, как средство ведения войны или для достижения какой-то цели. И тут он был экономен, как и отец. К конкретным же «презренным» банкнотам и монетам он никакого уважения не питал, и в его личном кошельке они никогда не задерживались. Свадьба сестры, пребывание голштинского зятя Фредрика (Фридриха) в Стокгольме, подарки молодой чете, приглашение в их честь французской театральной труппы и прочие связанные с этим событием расходы обойдутся в несколько миллионов риксдалеров[23] и практически опустошат казну. И когда встанет вопрос о том, на какие средства финансировать отправку войска в Копенгаген и под Нарву, у королевских чиновников волосы поднимутся дыбом. Казна окажется пустой!

А страна Карлу XII досталась обширная. Она создавалась не в один день или год, и не при помощи плуга, топора или в результате наследства и брачного приданого, а исключительно с помощью меча. Все началось с «броска» шведов на восток, в Финляндию и Карелию, а потом, при Густаве II Адольфе — на юг. Последующие монархи уже закрепляли, расширяли и углубляли шведское влияние в Европе, в первую очередь в бассейне Балтийского моря, которое они хотели видеть морем Шведским. Воинственным шведам удалось потеснить русских, датских, польских и германских соседей и создать огромную по тем меркам страну. Но и тогда не величина определяла вес и значение государства, а сила. Ведь Россия была по территории самой крупной державой, но влияние ее в международных делах,

пока к власти не пришел царь Петр, было ничтожным. Сила же шведов заключалась в их армии.

И все бы было хорошо, но королевство Швеция страдало одним недостатком: в нем было мало людей. По плотности населения Швеция занимала одно из последних мест в Европе, на всей территории с севера на юг и с запада на восток, включая заморские провинции, проживало не более трех миллионов жителей, в то время как даже в слаборазвитой Польше его было в четыре раза больше. И какие люди заселяли Швецию? 80 процентов населения составляли крестьяне. Ремесленников, купцов, буржуазии, не говоря уже об ученых людях, было ничтожно мало. Производительность страны, как следует из вышесказанного, сильно отставала от производительности передовых стран Европы — Голландии, Англии и Франции. С таким населением осваивать завоеванные территории или удерживать их с каждым десятилетием становилось все труднее и труднее.

Английский историк М. Робертс считает, что к началу XVIII века Швецию вряд ли можно было считать великой европейской державой, потому что она уже попала в сильную финансовую зависимость от Франции, и Версаль откровенно рассматривал ее в качестве своего клиента. Заслуга Карла XI, по его мнению, состояла в том, что он подготовил плавный отход от великодержавия к скромной второстепенности и повернул страну лицом к ее ресурсам и действительным интересам.

Армия — основное средство экспансии Швеции — стала обходиться слишком дорого. Постоянно ощущался недостаток не только в деньгах — тут шведские короли находили-таки выход в том, чтобы содержать ее за счет населения захваченных территорий или «редуцированных» дворянских поместий, но и в людских ресурсах. Солдаты и офицеры обладали одним нехорошим свойством — они погибали в сражениях, а сражений в шведской истории XVI—XVIII веков было более чем достаточно. Страна беспрестанно воевала.

Карл XI нашел выход в том, что создал эффективную армию, способную воевать не числом, а умением. В этом смысле он произвел в военном деле настоящую революцию. Да, шведская армия была отлично выучена и вооружена и применяла самые передовые методы ведения военных действий. Многие офицеры за государственный счет уезжали в другие страны Европы и набирались там знаний и опыта. Но дело не только в этом. Карл XI, решая проблему содержания армии в мирное время, сделал следующее: он посадил солдат и офицеров на землю и заставил их самих себя кормить. Каждый солдат и офицер получал надел

земли — хутор, сдававшийся обычно в аренду. Пока в военной службе не было надобности, солдат трудился на своем клочке пашни, в то время как его мундир, амуниция и мушкет с порохом держались в чистоте, опрятности и постоянной готовности (за плугом надевать мундир строго воспрещалось). В случае мобилизации солдат оповещали специальные вестовые, и первые шли сначала на свой ротный пункт сбора, откуда с ротным командиром являлись на батальонный, а потом и полковой пункт. Часть штабных офицеров полка, находившаяся на государственном жалованье, работала на этих пунктах постоянно, вела учет военнослужащих и следила за их поведением. Получалось так, что каждая провинция Швеции должна была выставлять один полк. Полк состоял из военнослужащих одной местности, между ними была постоянная спайка, и в боевых действиях эти части показывали наибольшую стойкость, выносливость и боевой дух. Эта своеобразная система «военкоматов» и солдат-поселенцев долго и тщательно отрабатывалась Карлом XI и к концу его жизни была доведена до совершенства. По первому сигналу из Стокгольма вся армия могла быть мобилизована в несколько раз быстрее, нежели в других государствах[24].

Кроме этих полков были также полки вербованные (большинство из них — драгунские), в которых военнослужащие вербовались по контракту и которые использовались в основном в заморских провинциях. Офицерами туда» как правило, тли преимущественно шведские и лифляндские дворяне — там они могли сделать военную карьеру. Но начинать каждый офицер, невзирая на свое происхождение, должен был с должности рядового солдата. Если он демонстрировал способности, его быстро выдвигали на унтер-офицерские, а потом и на офицерские должности. Никто, не понюхав пороха, офицерскую должность занять не мог. И Карл XI, и Карл XII рассуждали просто: как может офицер командовать солдатами, если он не знает всех тягот их солдатской службы?

Государство полностью обеспечивало рекрутов мундиром, оружием и жалованьем на время военных действий. Король Карл XII в начале своего правления располагал внутри метрополии 34 тысячами пехотинцев и кавалеристов и флотом с 38 линейными кораблями, 8 фрегатами и 15 тысячами матросов, а на всей территории королевства, включая заморские территории и провинции, шведская армия насчитывала около 115 тысяч человек. (Такой армии Россия Петра Первого позволить себе никогда не могла.)

Боевой дух армии и флота, а также религиозный настрой

личного состава поддерживались капелланами, бдительно и ревностно следившими за настроениями солдат, находившими слова утешения для раненых и напоминавшими о былой славе и традициях шведской армии. Пасторы внушали солдатам фатальное восприятие войны. Когда штурмовали, к примеру, артиллерийские батареи, солдаты должны были идти в атаку в полный рост с высоко поднятой головой и думать, что без воли Бога ни одна пуля не заденет никого из них. Во время боя священники часто выходили вместе с солдатами, подбодряли их словом и делом, возвращали бегущих и часто погибали сами. Солдаты были твердо убеждены, что шведская армия была призвана только побеждать, сокрушая варваров, еретиков и бесчестных правителей. Как вести себя в случае поражения, капелланы не учили. Для поддержания убеждения в непобедимости шведской армии капелланы прибегали к бессовестным софизмам и фальсификации Священного Писания. К примеру, один из них доказывал, что шведы — это скандинавские израильтяне, так как если прочесть наоборот древнее название главного противника народа Божьего Ассирии — Ассур, то получается «Русса», то есть Россия, враг Швеции по определению Божьему.

По мнению шведского историка С. А. Нильссона, военной монархией Карла XI была заложена прочная основа для воспроизводства войны. Карл XII, вернувшись в 1715 году в разоренную и нищую страну, лишившуюся армии и всех заморских провинций, тем не менее сумел извлечь из нее достаточно сил и средств для создания новой военной структуры, и если бы норвежская пуля внезапно не прервала его жизнь, то он смог бы еще долгое время оказывать упорное сопротивление своим противникам.

Отец создал новую армию, но испытать ее в военных действиях ему уже не пришлось. Это сделал за него сын. Скоро выяснилось, что армия была как будто специально создана для его рано проснувшегося полководческого дарования, а он был создан для этой армии. Выскажем крамольную мысль, что из Карла, возможно, никогда бы не получился успешный военачальник, будь под его началом любая другая армия иной европейской страны. Представим на минутку, что в его распоряжении оказалась бы армия, которой командовал царь Петр под Нарвой в 1700 году. Смог ли бы Карл с ней одерживать победы в Европе над более многочисленным противником? Вряд ли. А поражения, как известно, мало способствуют развитию вкуса к военному делу даже у такого прилежного ученика, каким был молодой король. Шведский же солдат был так хорошо

вымуштрован, вооружен и подготовлен к военным действиям морально и физически, а армия была настолько послушным королю инструментом, что она своей стойкостью и упорством не раз компенсировала те или иные тактические просчеты и ошибки своего вождя и выходила из самых тяжелых ситуаций победителем. В битвах под Калишем и Головчином шведы были на грани поражения, и дело спасли необыкновенная стойкость и выучка солдат и офицеров.

С другой стороны, и Карл оказывал сильное воздействие на морально-боевое состояние своих солдат, увлекая их своим личным примером и разделяя вместе с ними все тяготы службы и походов. И трудно сказать, каким правителем оказался бы Карл XII, если бы он сосредоточился на сугубо мирных делах — многие шведские историки считают, что из него получился бы отличный государственный деятель. Нам кажется, что горячая кровь его пфальцских предков вряд ли бы способствовала такому развитию событий. Молодой король родился воином, и судьба приготовила ему чисто военное поприще. Недаром он сам как-то высказал сожаление по поводу того, что у него не было брата. Тогда он смог бы оставить его в Швеции на обычных, мирных делах, а сам бы проводил врем» в походах.

Глава третья
ТУЧИ НАД ШВЕЦИЕЙ

«О чем запел сигнальный горн?»
— Протер глаза капрал.
«Пора в поход, в поход пора»,
— Наш прапорщик сказал.

Р. Киплинг. Дэнни Дивер

Граф Эрик Дальберг, прибывший из Риги на коронацию Карла XII, доложил королю о положении во вверенной ему с 1695 года Лифляндии, акцентируя его внимание на недовольстве местных баронов редукцией и на «шведском изменнике» Йоханне Рейнхольде Паткуле, ставшем во главе этого бунта. С помощью Божией покойному генерал-губернатору графу Хастферу (Гастферу) и ему, графу Дальбергу, удалось подавить возмущение дворян в самом зародыше, и теперь в Лифляндии по-прежнему все спокойно и тихо. Правда, упомянутый Паткуль продолжает чинить Швеции пакости из Германии, но у Швеции руки длинные, и, даст Бог, она достанет его и там.

Кроме того, поведал он королю, через Ригу недавно проезжало Великое русское посольство, в составе которого инкогнито находился сам царь Петр. Посольству были оказаны полагающиеся официальные почести — рыцари, трубы и барабаны, пушечный салют и угощение. Сам Дальберг из-за болезни уделить подобающее внимание посольству не мог, но с учетом того, что среди посольских чинов находилась упомянутая важная персона, он приказал, чтобы русские ни в чем недостатка не испытывали. Эта персона, однако, доставила властям города несколько неприятных моментов. В сопровождении своей свиты царь стал объезжать окрестности города, проявляя интерес к крепостным сооружениям. Он не только наблюдал за крепостью издалека, со стороны, но и прогулялся даже по контрэскарпу[25] с явной целью измерить его глубину и расположение. Пришлось в мягкой форме[26] указать русским на недопустимость подобных действий. В остальном пребывание посольства прошло в полном порядке, и скоро оно отправилось дальше —в Курляндию и Европу. Московиты, правда, жаловались на дороговизну, но ведь всем известно, что в Риге цены высокие, поскольку все привозное, да и аппетиты у московитов — о-го-го!

Э. Дальберг рассказал королю о своих опасениях по поводу

возрастающей на границе с провинцией активности русских. Граф уже представлял свой доклад Карлу XI, но не был им услышан. И вот теперь семидесятитрехлетний Дальберг пытался достучаться до молодого короля, чьи мысли были поглощены одной лишь медвежьей охотой. Губернатор нарисовал королю страшную гипотетическую картину господства России на Балтийском море и предложил немедленно заняться укреплением крепостных сооружений в Лифляндии, а заодно и вокруг Стокгольма. Эта часть доклада генерал-губернатора большого впечатления на Карла XII не произвела, и обоснованные опасения графа, вместо того чтобы быть представленными на рассмотрение Госсовета, были зачитаны Карлу и М. Стюарту в кабинетной обстановке. Карл XII, как и отец, полагал, что наибольшая угроза Швеции может исходить только со стороны Дании.

Ссылаясь на старость — генерал-губернатор начинал свою карьеру рядовым солдатом в последние годы Тридцатилетней войны, — Дальберг попросился у короля «на заслуженный отдых», но еще не приступивший к своим связанностям Карл XII удовлетворять эту просьбу не стал, сославшись на незаменимость фельдмаршала на своем нынешнем посту. Забегая вперед, скажем, что король проявил в данном случае дальновидность: никто, кроме мудрого и опытного Дальберга, не справился бы так успешно со своими обязанностями в Риге, когда началась война. Сам Э. Дальберг уезжал в Ригу с тревожным чувством: молодой король не внял его увещеваниям, и теперь надо было для предотвращения катастрофы сделать хоть что-нибудь собственными силами. Историки справедливо отмечают, что «восточный фронт» шведов держался какое-то время именно благодаря усилиям Э. Дальберга.

Все началось с бедной Дании. Вернее с бедного короля Кристьяна V.

Летом 1699 года он стал страдать от неудобств. По характеру это был добрый и спокойный человек, но когда на твоих старческих плечах покоится благополучие Датского королевства, то о покое говорить не приходится. Когда обременен государственными делами, то хочешь не хочешь, а надо заниматься политикой, а политика — это такая субстанция, которая ведет себя, как строптивый конь. Сегодня в седле, а завтра, извините... Поэтому по ночам король не спал и ворочался в постели, чувствуя, как над ним летает комар. Комар надоедливо и беспрестанно зудел, пищал, звенел, и каждый раз, когда король поднимал на него свою миропомазанную длань, комар ловко увертывался, через некоторое время снова возвращался и вертелся над самой головой, досаждая неимоверно, а иногда даже

своим хоботком впиваясь в мягкое королевское тело.

Комаром этим было Готторп-Голштинское герцогство. Ни раздавить, ни убить его не было никакой возможности. Как только король заносил руку с мухобойкой, тут же возникала жуткая физиономия шведского пса: он стоял на страже интересов и свободы издевательских полетов комара над головой Кристьяна V. Швеция выступала гарантом суверенитета герцогства, а с женитьбой герцога Фредрика IV на сестре Карла XII ситуация стала просто нетерпимой.

Шлезвиг-Готгорп-Голштиния доставляла неприятности Дании очень давно. Бывшее родовое имение датских королей по боковой ветви, герцогство теоретически считалось плодом, упавшим с яблони Дании, но последнее время оно все дальше откатывалось от родного ствола, стало по всякому поводу проявлять свое непослушание и вообще стремиться к суверенитету. Ситуация осложнилась, когда за голштинским комаром появились и не исчезали насупленные физиономии шведских королей. Проблему пытались решить с помощью соглашений, посредников и конференций, но зло искоренить так и не удавалось. Датчане очень надеялись, что положение изменится, после того как Карл XI женился на датской принцессе, но не тут-то было: швед так и не избавился от недоверия к соседу по ту сторону Эресунна и еще крепче стал стоять за интересы голштинцев.

Конечно, это была не совсем разумная политика Швеции по отношению к своему скандинавскому соседу: нужно было либо кардинально решить вопрос и сломать хребет Датскому королевству, как это в свое время пытался сделать Карл X, либо отбросить в сторону всю традиционную неприязнь и наладить с датчанами нормальные добрососедские отношения, что, кстати, вполне искренно предлагали сами датчане[27]. Вместо этого Швеция избрала линию поведения, при котором Дания оказывалась в любом антишведском блоке.

Еще при короле Карле XI голштинскому герцогу пришла в голову сумасбродная идея под мудреным названием jus armorum, позволявшая ему содержать собственную армию и возводить крепостные сооружения против Дании. К стыду и чрезвычайному раздражению Кристьяна V, эта идея стала осуществляться на практике. Но тут вдруг почил в Бозе гарант безопасности Голштинии шведский король Карл XI, и Дания немедленно воспользовалась межвластием в Стокгольме. Она быстренько ввела свои войска в герцогство и сравняла продукты пресловутого jus armorum с землей. После этого король Кристьян V стал спать спокойнее.

Опекунский совет в Стокгольме задумчиво чесал в затылке, а

герцог Фредрик IV в смятении взирал на дымящиеся останки своих крепостных сооружений. Заседавшая в Пиннеберге международная комиссия, в состав которой входили представители Швеции, немецких княжеств и морских держав и которая была призвана примирить Голштинию с Данией, была для честолюбивого герцога весьма слабым утешением.

Но герцог оправился от смятения, поехал в Швецию, заручился поддержкой Карла XII и утер, что называется, датчанам нос. Положение оскорбленного в лучших чувствах голштинского герцога никогда не было теперь таким надежным и угрожающим для Дании. Шведский король, никого не спрашивая и ни с кем не советуясь, принял решение помочь Голштинии шведскими солдатами. Нет, планов воевать с датчанами у короля не было, достаточно, по его мнению, было продемонстрировать им свою военную силу. Фредрик IV (Голштинский) теперь мог снова беспрепятственно браться за свой jus armorum. Потому что знал, что у Карла XII не могло быть никакой иной политики в отношении Дании, кроме как политики его отца: держать датчан все время под шахом, а если датские фигуры на шахматной доске активизируются, то можно будет поставить и мат. В полной уверенности в своей безнаказанности герцог Готторп-Голштинии или, если кому угодно, Шлезвиг-Голштинии[28], с помпой вернулся домой. С собой он привез пост главнокомандующего всеми шведскими войсками в Германии и любимого учителя короля Швеции, генерал-квартир-мейстер-лейтенанта К. М. Стюарта, большого специалиста по части крепостных сооружений. Теперь герцог при случае мог по своему усмотрению распоряжаться солидным военным потенциалом.

Конечно, позиция Карла XII по отношению к Дании была вызывающей. Объективно получалось, что Стокгольм становился на защиту тщеславного и взбалмошного герцога Фредрика IV, интересы которого далеко не совпадали с интересами Швеции. Шведский король сам подталкивал Копенгаген к поиску союзников, способных оказать датчанам помощь в противостоянии со шведами. В значительной мере тройственный антишведский союз возник благодаря близорукой антидатской политике Швеции. Копенгаген предпринимал серьезные попытки смягчить противостояние между обеими странами путем заключения браков между королевскими домами, но Стокгольм упорно и демонстративно отклонял все эти попытки.

Над головой Кристьяна V зажужжал уже не комар, а шершень. Королю не оставалось ничего другого, как впасть в глубокий пессимизм. Но тут ситуация неожиданно стала меняться в лучшую сторону. В Копенгаген вдруг стали поступать слабые, но

ободряющие сигналы от послов сначала из Дрездена, а потом из Москвы. Эти сигналы день ото дня усиливались и вливали в датского монарха все новые жизненные силы. Все может кончиться не так уж и плохо. Два могущественных государя в августе 1698 года встретились в Раве Русской, что на юге Польши, и задумали основательно пощипать Швецию: король Август, племянник короля Кристьяна — из чистого тщеславия, а царь Петр — по сущей необходимости, намереваясь вернуть под свой скипетр старые русские земли и открыть окно в Европу через Балтийское море. Как кстати! Король Кристьян тут же дал указание своим дипломатам форсировать тройственный альянс с Петром и Августом.

Между тремя столицами началось оживленное движение дипломатических курьеров. В Копенгаген из Дрездена прибыл уполномоченный короля Августа II барон Валлендорф, оказавшийся не кем иным, как шведским изменником и лифляндским бароном Йоханном Рейнхольдом Паткулем, о котором королю рассказывал Э. Дальберг. Барон пострадал от шведской редукции, был приговорен стокгольмским судом к смертной казни, но бежал в Германию и теперь поступил на службу к польскому королю и активно выступал от его имени с идеей тройственного антишведского союза и присоединения Лифляндии к Речи Посполитой.

На первом же раунде переговоров Паткуль рассказал, что Август и Петр в самое ближайшее время свою устную договоренность в Раве[29] оформят договором о наступательном союзе против шведов и все дело стопорится лишь из-за того, что Москве надобно обезопасить свой южный фланг и побыстрее заключить мирный договор с турками. Далее Паткуль проинформировал датчан о благоприятной обстановке в Лифлявдии и воинственных настроениях польской шляхты и поинтересовался, как Копенгаген смотрит на то, чтобы присоединиться к двум уже упомянутым государям.

Такая откровенность была осторожным датским дипломатам непривычна, и они с трудом скрывали свое удивление. Прямого ответа датчане не давали, но оживленно обсуждали с Паткулем схему возможного будущего союза. Они согласились с мнением «господина фон Валлендорфа» о том, что пограничный спор с голштинским герцогом можно легко использовать в качестве предлога для начала войны со шведами, но боялись остаться один на один с сильным противником и выговаривали для себя условия, При которых Польша-Саксония гарантировала бы безопасность Дании. На случай вступления Польши-Саксонии в войну со шведами в одиночку датский король обещал

племяннику Августу[30] помочь войском численностью до восьми тысяч солдат. Кристьян V имел все основания соблюдать осторожность, он еще не забыл того времени, когда шведские войска под командованием Карла X разгуливали по Дании, а потому даже с облегчением воспринял то обстоятельство, что мандата от короля Августа на заключение договора у Паткуля с собой пока не было.

Между тем сведения о переговорах Копенгагена с Дрезденом, вероятно, достигли Стокгольма, потому что в скором времени Карл XII приказал направить на помощь голштинскому свояку целый полк из состава своих войск, расквартированных в Померании. Полк немедленно выступил в поход из Висмара и направился к южной границе Дании. Фигуры на шахматной доске оживились, шахматная партия началась.

Со своим ответным ходом Копенгаген, однако, несколько замешкался. К этому времени скончался король Кристьян и на трон взошел его сын Фредрик IV. Он был молод, горяч, честолюбив и неопытен. И он тоже боялся шведов — они вот-вот появятся на южных рубежах страны. Королевство одиноко, никаких союзников нет, а Фредрику нужна была хоть какая-нибудь поддержка со стороны. Царь далеко в Москве, и пока от посла Хейнса (Хайнса) твердых обещаний не поступило. Реальную помощь можно было получить лишь от Августа, с которым у Дании уже был заключен оборонительный союз, надеяться больше не на кого. Три недели спустя после восхождения на престол Фредрик направляет в Дрезден графа К. Д. Ревентлова и,, вопреки условиям, оговоренным отцом, поручает ему продолжить переговоры, начатые Паткулем в Копенгагене.

Официально Ревентлова направили чрезвычайным послом Дании в Вену, где он должен был подать императору Леопольду жалобу на голштинского герцога и востребовать датский контингент войск из Венгрии обратно в Данию. По традиции австрийский кесарь играл роль почетного президента Лига германских княжеств. Пребывание Ревентлова в Дрездене легендировалось его краткосрочной остановкой в целях отдыха, и переговоры с саксонским двором, чтобы не прознали шведы, посол вел по ночам. 6 октября 1699 года Ревентлов заключает с Августом наступательный союз против шведов. Остается несвязанным лишь одно звено — Россия. На Бранденбург никакой надежды нет, курфюрста Фридриха III[31] отчаянно обхаживают со всех сторон, но тот отделывается смутными обещаниями. В конце концов пруссаки все-таки дают себя уговорить на заключение оборонительного союза. Ну что ж, этого было достаточно, хорошо, что Берлин не будет мешать в большой игре.

Работа по русско-датскому договору началась практически сразу по прибытии Петра из Европы. В Москве его уже ждал чрезвычайный посол датского короля Поуль Хейнс. Предварительные переговоры в отсутствие Петра он уже провел с Л. К. Нарышкиным и остался ими доволен. В октябре 1698 года царь в доме у датского резидента Бутенанта встретился с Хейнсом и попросил пока готовить проект договора, а их контакты — хранить в тайне.

В январе 1699 года состоялась вторая встреча Петра с П. Хейнсом, а через шесть дней они сошлись снова у Бутенанта[32] и Петр получил там проект договора. Кристьян V дал Хейнсу полномочия на то, чтобы царь вносил в него любые изменения, но при условии сохранения в тексте обязательства о взаимопомощи[33]. В феврале 1699 года договор обсуждался с Хейнсом в Воронеже, но окончательно согласовать его удалось лишь в апреле. Оставалось обменяться ратификационными грамотами— подписями и печатями обоих монархов.

А в июле 1699 года в Москву прибыло большое шведское посольство (150 человек) во главе с гофканцлером бароном Г. Бергенхъельмом. Шведы явились известить царя о вступлении на престол Карла XII и привезли с собой богатые дары — серебряные изделия германских и шведских мастеров весом 8 пудов 9 фунтов 88 золотников и на сумму 3245 рублей 26 алтын и 1 деньгу. Таких богатых подарков шведы русским никогда не дарили, и это красноречиво свидетельствовало о намерениях стокгольмского двора с Россией не ссориться.

С прибытием в Москву шведы несколько запоздали, они должны были появиться там до отъезда царя Петра в Воронеж, поэтому их попытались завернуть обратно еще в Новгороде. Но послы были настроены решительно и настояли на продолжении посольства вопреки прежней договоренности. Посольство согласилось Продолжить свой маршрут в Москву, невзирая на то, что Посольский приказ не гарантировал им «кормление» за счет российской казны. Сидеть и ждать царя из Воронежа пришлось за собственный счет долго, и шведы основательно поистратились и даже пообносились. Но то, зачем их послал в Московию новый король, было, вероятно, так важно для Швеции, что они все терпеливо сносили и ни на что не жаловались.

По тогдашним законам при заступлении нового монарха на престол требовалось подтверждение основных договоров, существовавших между обеими странами. В данном случае речь шла о подтверждении Кардисского мира. Карлу XII был необходим мир с Москвой во что бы то ни стало, потому что Европа наперегонки .состязалась в привлечении Швеции на свою

сторону в борьбе за испанское наследство. Шведам надо было своевременно сориентироваться и стать на нужную сторону. Царю же Петру Кардисский мир был как нож в сердце, но расторгать его сейчас было бы неразумно. Отсутствие мира означало войну, а воевать со Швецией Россия была еще не готова. Поэтому нужно было делать хорошую мину при плохой игре и собирать силы. Шведов принимали с подобающей московской пышностью: по при следования посла Бергенхъельма были выстроены войска, в Столовой палате посла ждал царь, одетый как всегда в простой кафтан. Когда шведы начали перечислять все царские и королевские титулы, царь жестом попросил их быть покороче.

На русско-шведских переговорах 1699 года произошло шесть встреч или съездов. Переговоры прошли в целом гладко, если не считать одного пункта. Разногласия проявились, казалось бы, из-за непринципиальной статьи номер 27, определяющей порядок ратификации текста мирного договора: русские предлагали ратифицировать договор посылкой спец-посла с грамотами в Стокгольм, шведы же требовали, чтобы царь в их присутствии принес присягу на Евангелии и совершил обряд крестоцелования. Ввиду предстоящего объявления войны шведские условия «христианскому царю Петру» явно не подходили, и дьяку П. Возницыну с канцлером Ф. Головиным пришлось основательно потрудиться, прежде чем им удалось доказать шведам «несостоятельность» их аргументов. Русские представители не забыли при этом укорить шведов недружественным приемом, оказанным Великому посольству в Риге. Наконец переговоры со шведами благополучно завершились подтверждением Кардисского мира, и шведы, удовлетворенные достигнутым, уехали домой[34].

Одновременно с русско-шведскими переговорами, которые ведись вполне официально, начались переговоры с только что прибывшим в Москву специальным посланником Августа II генералом Георгом Карлом Карловичем. Г. К. Карлович приехал вместе с Паткулем, имея поручение Августа II заключить наступательный, союз против Швеции. Паткуль был специально придан Карловичу в помощь, чтобы изложить царю свои «Соображения о способах ведения войны со шведами», оговорить в ней роль России и защитить права Лифляндии как будущего вассала Польши от возможных посягательств русских.

Приобретение нового союзника России происходило по другой схеме, нежели в случае с Данией. Датчанам некуда было деваться, и война со шведами была для них неизбежной. Переговоры с ними проходили вполне открыто, в обстановке взаимопонимания и дружелюбия. Встречи же с саксонцами

проводились тайно, по ночам, чтобы о них не прознали не только в посольстве Швеции, но и польский посол Ян Бокий. В Польше Август числился лишь номинальным королем, шляхта его практически не признавала и воевать со шведами отнюдь не собиралась. Таким образом, союз с Августом не означал автоматически союза с Польшей. Отсюда щекотливость ситуации, в которой оказались переговорщики, отсюда и чрезвычайные меры конспирации и предосторожности, которыми были обставлены переговоры, перенесенные на всякий случай подальше err Москвы в село Преображенское.

В переговорах с русской стороны приняли участие Ф. Головин и переводчик П. Шафиров. Сразу по прибытии в Москву Карлович с Паткулем вступили в контакт с датским послом П. Хейнсом. Датчанин, пользовавшийся благосклонностью царя и хорошими отношениями с его первым министром Головиным, ввел их в курс дела и на протяжении всех переговоров оказывал саксонцам всемерную помощь и поддержку. Паткуль на встрече с царем изложил основные положения своей записки, в которой Август оставлял за собой Лифляндию и солидаризировался с желанием царя иметь порт в Балтийском море, который принесет России не только экономическую выгоду, но и такой политический вес в Европе, который даже Людовика XIV вынудит отказаться от доктрины «универсальной монархии». Август II обещал царю в предстоящей войне отвлечь на себя основные силы шведов, чтобы устранить всякую опасность для русских войск. Эго были явный перехлест и грубый просчет в оценке шведского потенциала. Естественно, что Петр не поверил всем этим хвастливым заявлениям, но никоим образом не пытался их дезавуировать — других союзников у него пока не было.

Г. К. Карлович предлагал начать военные действия уже в декабре 1699 года штурмом Рижской крепости. Генерал изложил хитроумный план взятия основного города Лифляндии, подсказанный Паткулем, и уговаривал царя начать немедленные военные действия в Ингерманландии: «Теперь или никогда!» На это царь ответил, что для развертывания своих войск в указанном направлении понадобятся время и средства, а пока же начинать войну Россия еще не может.

Царь-не выдвигал: никаких, возражений против ограничений на распространение русского влияния в Прибалтке, но не переставал повторять, что без достижения мира с турками о войне не может быть и речи. И он настоял на том, чтобы в текст договора была включена на этот счет особая оговорка (статья 13). 22 (11) ноября 1699 года русско-саксонский договор был подписан, а 4 декабря (23 ноября) произошел обмен текстами

русско-датского соглашения, подписанного еще 2 мая (21 апреля).

Союзники договорились» что свои военные действия против шведов они будут согласовывать, а чтобы успех был гарантирован — начинать их более или менее одновременно.

Шведская дипломатия оказалась не на высоте, и создание тройственного анти шведского союза прозевала. Праща, кое-какие слухи о тайной возне между Дрезденом и Копенгагеном, а также о намерениях царя «воевать свеев» достигали Стокгольма, и Т. Пулюс направил в Саксонию посла Моритца Веллингка, пользовавшегося репутацией проницательного дипломата. М. Веллингк скоро доложил в Стокгольм, что он вошел в полное доверие к Августу и находится в курсе всех событий: польский король собственными устами заверил его в самых теплых чувствах к своему родственному шведскому монарху и назвал слухи об интригах датчан безосновательной болтовней. Для пущей убедительности Август послал в Стокгольм любезнейшего польского сенатора Франтишека Галецкого[35] якобы для ведения переговоров о заключении вечного союза с Карлом XII (в это же самое время Паткуль от его имени вел переговоры в Копенгагене о наступательном союзе против Швеции). В Стокгольме к заверениям Галецкого отнеслись настороженно, но проявили по отношению к нему самое широкое гостеприимство и внимание. В знак дружбы шведы вручили Галецкому на дорогу подарок — десять шведских пушек. Подарок был с благодарностью принят.

Русские усыпили бдительность шведов подписанием желанного для Стокгольма мирного договора. Правда, царь Петр последнее время поднял шум из-за якобы оказанного ему в свое время недружественного приема в Риге, но расследование однозначно показало, что все в Риге было сделано правильно, а неправильно вел себя только один царь.

Итак, везде господствовали тишина и мир. Кроме, конечно, Ютландского полуострова. И Т. Пулюс по старой шведской традиции держал в поле своего зрения Копенгаген, полагая, что главная неприятность для Швеции будет исходить от датчан, и совершенно «расслабился» в отношении Москвы и Дрездена.

Но и на военные приготовления Дании в Стокгольме взирали довольно спокойно. Большой опасности для королевства датчане не представляли, тем более что Швеция заключила оборонительные договоры с Англий и Голландией, которые являлись гарантами безопасности Голштинии, и планомерно приводила армию и флот в состояние готовности. Никаких признаков тревога и беспокойства в Швеции заметно не было[36]. Зимний сезон 1699/1700 года в Стокгольме, как никогда прежде, отличался интенсивной дворцовой жизнью, приемы сменялись

балами, балы — маскарадами, маскарады — фейерверками, и было почти так же весело, как в достославные дни правления королевы Кристины. Карл XII в честь голштинского зятя и своей сестры пригласил из Парижа театральную труппу, устраивал один праздник за другим и сорил деньгами направо и налево...

Так продолжалось до 16 марта 1700 года.

В этот день в Кюнгсэре, в нескольких милях к западу от шведской столицы, куда король Карл XII выехал испытывать новый вид охоты на медведей — с помощью дубинки, появился фельдъегерь, капитан Нюландского пехотного полка Юхан Браск. Он скакал из Риги вокруг Финского залива и привез с собой известие от графа Эрика Дальберга. Лифляндский генерал-губернатор сообщал, что саксонская армия под командованием генералов Флемминга и Карловича 21 февраля без объявления войны перешла границу Лифляндии и 22 февраля осадила Ригу.

Мирная передышка, самая длительная для Швеции за последние пятьдесят лет, закончилась. По стране поскакали курьеры с уведомлением полкам немедленно выступать к местам сбора.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
СИМФОНИЯ ИЗ ПУЛЬ

Города, троны и державы
встают перед оком времен...

Р. Киплинг

Глава четвертая
ПОБЕДА, КОТОРУЮ УКРАЛИ

Король. Что ты мне говоришь о трактатах? Хочешь связать мет и королевство по рукам-ногам на неопределенное время?

А. Стриндберг. Густав Васа

Драматизируя известие о вторжении саксонцев в Лифляндию и о создании тройственного союза Дании, России и Саксонии, Вольтер пишет, что оно повергло Госсовет в ужас. Ф. Г. Бенгтссон, наоборот, сообщает, что неожиданное появление нового противника в лице саксонцев не рассматривалось в качестве события, существенно усугублявшего положение Швеции, потому что она заранее, считаясь с возможностью войны с Данией из-за голштинского вопроса, провела мобилизационные мероприятия и в любой момент была готова к выступлению как против датчан, так и против саксонцев. На помощь подвергнувшейся нападению саксонцев Риге выступили финские полки, в то время как шведские собирались на главной морской базе в Карлскруне против датчан.

В реальности реакция шведов на появившиеся угрозы мало соответствовала и представлениям Вольтера, и бодрому оптимизму Бенгтссона. Госсовет был явно встревожен перспективой ведения войны на два фронта, в то время как Карл XII воспринял новость о войне вполне спокойно, хотя внутри он испытывал глубокое удовлетворение. Эго подтверждает граф Пипер, который потом говорил, что весть о нападении датчан на голштинцев была «...для Его Величества чрезвычайно приятной». Жажда воинского подвига во имя отечества, подвергнувшегося коварному нападению врага, давно снедала его душу. Он только что прибыл с медвежьей охоты, развалился в кресле и выглядел рассеянным и молчаливым. Когда кто-то предложил предотвратить войну с помощью переговоров, он поднялся с видом человека, принявшего решение:

— Милостивые государи, я решил никогда не вести несправедливой войны, а справедливую — кончать лишь гибелью противника. Я нападу на первого объявившего мне войну, а когда одержу над ним победу, этим, надеюсь, наведу страх на остальных.

Эта высокопарная фраза произвела на присутствующих министров впечатление. Правда, пройдет некоторое время, и никто из них не вспомнит хотя бы первой ее части, касающейся ведения справедливых войн. Войну с Польшей, которую шведский король развяжет два года спустя, вряд ли можно было назвать справедливой. Что касается второй части обещания, то тут Карл проявит удивительную последовательность.

Но до сих пор противники Швеции начинали войну без всякого объявления. Первой страной, не объявившей войну, была Саксония, второй — Дания. Король Фредрик IV, убедившись, что саксонцы уже приступили к выполнению своей задачи, ввел войска в Голштинию. Шведы узнали об этом спустя короткое время после эстафеты из Риги, извещавшей о вторжении в Лифмндию саксонской армии под командованием Я. Х. Флемминга. Карл XII вопреки советам военных решил нанести первый удар по Дании, традиционному своему противнику.

Пока шла подготовка к войне, все обратили внимание на резкую перемену в поведении короля: он отказался от всех забав, во всем стал подражать Цезарю и Александру Македонскому, исключил из своего быта всякую роскошь, сократил «бесполезное» время отдыха, отверг пышные одеяния и стал одеваться, как простой солдат.

Частичная мобилизация шведской армии, как мы уже упоминали выше, началась в конце 1699 года, а в декабре мобилизация охватила всю страну. Военная реформа, проведенная Карлом XI, подверглась первому испытанию и доказала свою прочность и надежность. Первое сообщение о ней было вручено командирам полков. Пехотинцы и кавалеристы в обмундировании и при полном вооружении, с двухнедельным пищевым пайком собирались у своих капралов, капралы вели свои группы к месту сбора рот, а ротные командиры сводили роты в полк. Вот как примерно выглядело мобилизационное предписание: «Рота из Урсы собирается возле Церкви в Урсе, для чего потребуется 2 дня, и марширует к Таммуросену (2 мили[37], 1 ночь), Гъельбюну (2 мили, отдых 2 ночи), куда должна явиться и рота из Муры, потом всем собраться в Викаре, на что потребуется 2 дня, и сделать переход до Гъельбюна (1 миля); соединившись там с ротой из Урсы, идти вместе к Бъюросу (2,5 мили, отдых 1 ночь), где соединиться с ротой из Рэтгвша, за исключением 50 человек, которые будут ждать в Свэрдше и Сундборне...»

Через 14 дней полки собирались в портах для погрузки на корабли и отплывали в Бремен. Там их инструктировали и готовили для отправления в Голштинию в район военных

действий, где голштинцы (пять тысяч человек) под командованием шведского генерала Ю. Г. Банера перед лицом превосходящей двадцатитысячной датской армии вынуждены были отступать[38]. Но переброску шведских полков по морю пришлось отменить, поскольку датский флот блокировал шведский и не давал последнему никакой возможности выйти в море. Голштинский герцог Фридрих IV вынужден был пока удовлетвориться помощью (десять тысяч человек), оказанной ему люнебургскими князьями[39].

Мобилизация в Швеции прошла строго по плану, без сбоев и накладок, и если бы отец военной реформы видел свои результаты; он был бы вполне доволен. За сравнительно короткую мирную передышку, выпавшую на последние годы правления Карла XI, шведские генералы не теряли времени и отлично выучили и вооружили своих солдат и офицеров. Военное ведомство позаботилось также о выдаче и финансовом обеспечении патентов на вербовку новых полков, в первую очередь драгунских. Своему бывшему учителю генерал-квартирмейстеру М. Стюарту король дал указание привести в восточных провинциях, то есть в Финляндии, Ингерманландии, Лифляндии и Эстонии, все крепости в должный порядок. Но уже в это время шведская казна была пуста, и правительству пришлось напрячься, чтобы добыть на войну нужные средства.

...23 апреля 1700 года Карл XII простился с сестрами бабкой и рано утром 24 апреля тайно покинул Стокгольм - как оказалось, навсегда. В Швецию он вернется через пятнадцать лет, а вот в столице ему побывать уже не придется. В Карлскруне короля ждал Ханс Вахтмейстер, адмирал флота, готовый предоставить свои корабли в распоряжение армии для ее переброски на театр военных действий и для противостояния датскому флоту. Датчане считались более опытными моряками, нежели шведы, и всегда господствовали на Балтийском море. Всегда, но не на этот раз. Во-первых, шведы превосходили их в линейном флоте на целых девять единиц, а во-вторых, шведы получили в союзники мощную англо-голландскую эскадру. Датская эскадра в мае появилась под Карлскруной в надежде помешать транспортировке шведской армии и нанести удар по Карлскрунской базе и морскому флоту Швеции, но, убедившись в хорошей подготовке шведов, ушла восвояси.

Король в первый раз в жизни совмещал обязанности монарха и главнокомандующего, дел на него навалилось сразу много, но он быстро освоился с новым положением и справлялся со своими обязанностями вполне сносно. В мае он посетил Мальмё и Гётеборг, делая последние распоряжения перед посадкой войск на

корабли. Нужно было торопиться разделаться сначала с датчанами, а потом уж обрушиться на саксонцев в Лифляндии. Датчане осадили главную голштинскую крепость Тённинген, а шведское войско, связанное по рукам и ногам многочисленными «гарантами» безопасности герцогства — люнебургскими князьями с их военными контингентами, полководцами, советниками, интригами и препонами, — пребывало в бездействии и пока не могло оказать осажденным голштинцам никакой существенной помощи. Для развязывания гордиева узла в Голштинию из Швеции отплыл сам герцог Фридрих IV.

В Гётеборге король получил ободряющую весть из Лифляндии. Саксонцы не смогли взять Any с ходу и безрезультатно топтались под ее стенами, пока не подоспели полки из Финляндии и полковник Георг Юхан Майдель не прогнал их за Двину. Лояльно вели себя и лифляндские бароны — вопреки всем попыткам Й. Р. Паткуля поднять их на борьбу со шведами. Но, несмотря на это, король терять времени на Данию не хотел. После датской кампании он намеревался развернуть военные действия в Прибалтике.

Вернувшись из Гетеборга в Карлскруну, он обнаружил все приготовления к броску через Эресунн законченными. 17 (28) июня, в день своего рождения, под плач толпы и вос торженные напутствия близких, Карл XII поднялся на борт флагмана флота, линейного корабля «Король Карп», сорвал с головы парик — последнюю деталь туалета, связывавшего его с прошлым, и выбросил его в море. С собой король взял камер-пажа Карла Бернхарда Клииковстрёма, тафельдекера[40] Юхана Хюльтмана, охранника Монса Ланга, отцовского боевого коня Брандклиппера[41] и четырех собак: Цезаря, Помпея, Турка и Петуха.

Из Карлскруны вышли тремя эскадрами под командованием самого генерал-адмирала Х. Вахтмейстера, а также адмиралов Анкаршерны и Таубе. Дул сильный встречный ветер, и эскадре пришлось стать на якорь на рейде Истада. Здесь король получил известие о том, что соединенная англо-голландская эскадра в составе 23 линейных кораблей, то есть почти равная шведской, под командованием сэра Джорджа Рука, собралась севернее Эресунна у острова Вен, Дальнейшему продвижению союзников пока препятствовал датский флот под Хельсингёром. Карл отдал приказ Вахтмейстеру напасть на датский флот, а сам отправился к союзникам под Мальмё.

Адмирал Д. Рук, типичный английский моряк, спокойный, лояльный, честный и исполнительный вояка, и его голландский коллега ван Аллемонде получили от своих правителей

однозначный приказ: в прямое подчинение шведам не входить, в драку не лезть « постараться развязать голштинский конфликт без существенного нарушения баланса сил конфликтующих сторон. Типичная английская политика!

Темпераментный и нетерпеливый Карл XII сразу предложил англичанину уничтожить датский флот — это, по его мнению, будет самой важной предпосылкой для окончания всей кампании. Д. Рук энтузиазма к этому предложению по вполне понятным причинам не проявил, но обещал помочь шведам в этом начинании, если они сами ввяжутся в мор-свой бой с датчанами. (Оставляя своего генерал-адмирала, Карл XII не предполагал, что и шведские моряки отнюдь не горели желанием сразиться с датчанами в открытом морском бою, правда по иным причинам.)

Конечно, шведский король был прав: если бы объединенными силами взять датский флот в кольцо, задача по высадке десанта на датский берег значительно бы упростилась. Но, к счастью для датчан, встречный ветер не позволил шведской эскадре приблизиться к их позициям, и при появлении шведскою флага на горизонте датский адмирал Гюльденлёве отдал приказ отступать к Копенгагену. Путь к датским берегам, казалось, был открыт, но не совсем. Отводя свой флот под защиту крепостных пушек копенгагенской цитадели и став на якорь на участке между полуостровом Амагер и островом Сальтхольмё, Гюлвденлёве считал, что надежно прикрыл входы к датской столице на фарватере южнее Сальтхольмё, ибо обойти Сальтхольмё с противоположной стороны — между островом и шведским побережьем — из-за мелководья было почти невозможно.

Союзная англо-голландская эскадра стала на рейде Ландскруны. Карл XII отдал приказ Вахтмейстеру держать курс на юг, чтобы отогнать или разгромить датскую эскадру, но Вахтмейстер медлил: он знал, что впереди повсюду мелководье и можно в два «чета посадить на мель огромные линейные корабли и тем самым погубить весь флот и подвергнуть риску всю операцию. Молодому и горячему королю хорошо приказывать, а кто будет отвечать за катастрофу? Король слал приказ за приказом, а Вахтмейстер не трогался с места и предохранял свои великолепные новенькие корабли от возможной беды. По-человечески его можно было понять, но это никак не соответствовало логике войны: раз есть флот, его нужно употребить в дело.

Прошла неделя, прежде чем Карлу XII удалось сдвинуть с места свой флот. Х. Вахтмейстер, получив от короля довольно резкое и оскорбительное письмо, обвинявшее старого вояку чуть ли не в трусости, частью легких своих кораблей начал маневр по

обходу острова Сальтхольмё по мелководному северному фарватеру. Без неприятностей не обошлось, несколько шведских кораблей все-таки напоролись на мель, правда, их вскоре удалось снять с грунта и пустить в дело. С севера на датчан нажали англичане с голландцами, и датская эскадра, боясь попасть в окружение, вступать в бой с превосходящими в два раза силами противника не стала и ускользнула от них, укрывшись в порту Копенгагена. Король еще раз попытался направить свои корабли в бой, но достичь заветной цели — разгромить датский флот — ему не удалось: датчане искусно организовали оборону, выдвинув вперед мощные плавучие батареи, и союзные корабли подойти ближе к стенам датской столицы не решались. Ограничились перестрелкой, которую можно было наблюдать с колокольни какой-нибудь церкви в Мальмё. Зрелище было красивое и впечатляющее, но вполне безобидное для обеих воюющих сторон.

В сложившейся ситуации «достать» датский флот и заставить датчан капитулировать можно было только с помощью высадки в Зеландии. Был составлен сложный план, включавший два места десантирования под Копенгагеном и одно — в районе Бельта. Потом, однако, выяснилось, что для исполнения такого грандиозного плана у шведов не хватит ни сил, ни средств, и решили ограничиться одной операцией. К ее планированию Карл подключил своего бывшего учителя и генерал-квартирмейстера М. Стюарта и генерала К. Г. Реншёльда. Стюарт скрытно от датчан провел рекогносцировку побережья между Копенгагеном и Хельсингёром, выбрал место для высадки в районе Хумлебэка и уговорил шведских моряков начать десантную операцию. Подтянули в район высадки мелкие суда, посадили на них гвардию вместе с Кальмарским и Упландским полками и под прикрытием артиллерийского огня объединенных союзных флотов двумя группами поплыли к берегу, маневрируя и не показывая противнику истинное место высадки.

Карл XII со Стюартом находились в составе десанта правой флотилии, в то время как генерал-лейтенант Реншёльд, главнокомандующий всей операцией, руководил высадкой десанта левой. Шведам хорошо было видно, как датчане со своей кавалерией и пехотой метались по берегу, стараясь оказаться в нужное время в нужном месте — прикрыть все побережье у них не хватало сил. В Зеландии король Фредрик кроме флота оставил всего 4500 солдат регулярной армии.

На баркасе с королем находились М. Стюарт, Х. Вахтмейстер, начальник гвардии полковник Кнут Поссе и лейтенант драбантов полковник Врангель. Нетерпеливый король в 300 шагах от берега выпрыгнул из баркаса первым, не дожидаясь, когда он коснется

дна, и оказался по горло в воде. За ним попрыгали остальные. Король со шпагой в руке устремился к берегу, сопровождаемый солдатами, поднимавшими свои мушкеты высоко над головой, чтобы не замочить порох. С берега стреляли, и Карл спросил идущего рядом генерал-квартирмейстера Стюарта, что это за свист над головами.

— Ваше величество, — ответил тот, — это свистят пули, выпускаемые в вас.

— С этого часа это станет моей музыкой, — сказал Карл и блаженно улыбнулся[42].

Скоро вся правая десантная колонна, не встречая почти никакого сопротивления, оказалась на берегу. Небольшие стычки с датской кавалерией произошли на левом фланге у Реншёльда, но датчане бежали и скоро скрылись с места, оставив убитых и раненых. Шведские потери, по Ф. Г. Бенгтссону, составили не больше трех убитых солдат и несколько раненых, включая генерала Стюарта. Несмотря на ранение, неутомимый генерал занялся укреплением шведского плацдарма и организацией подкрепления. Высадившихся под Хумлебэком шведских солдат было слишком мало, чтобы противостоять возможным контратакам датчан. Так 4 августа 1700 года король Швеции Карл XII впервые ступил на чужую землю.

Король Фредрик IV со своими основными военными силами находился под Тённингеном, что оказалось очень на руку шведам. Военные силы датчан в Зеландии, как было упомянуто нами выше, были слабыми, а командовать им и было поручено целой комиссии, состоящей из сплошных бездарностей. Найдись среди них хоть один дельный и толковый военачальник, то даже с учетом того, что датский флот был заперт в Копенгагене, шведам могло бы не поздоровиться. Датчане могли если и не сбросить их в море, то хотя бы организовать приличную оборону столицы. Но этого не произошло: они почта безучастно наблюдали, как шведы в течение двух недель (!) — мешала все та же ветреная погода — под их носом расширяли свой плацдарм под Хумлебэком, перевозили подкрепления из Швеции и вводили на остров все новые воинские части, пока не достигли численного превосходства. Скорее бездарность датского командования (генерал-лейтенант Шакк), а не выдающиеся полководческие способности Реншёльда, Стюарта или Карла XII, способствовала ошеломительному успеху копенгагенской операции шведов[43].

Возле Копенгагена тем не менее датчанами были возведены редуты, взять датскую столицу с ходу не удавалось, и шведы начади планомерный обстрел города. Датские корабли находились неподалеку, но ввиду преобладающего перевеса

объединенного шведско-голландско-английского флота выходить в море не решились. Крепостные пушки Копенгагена тоже молчали, потому что сектор обстрела закрывали мачты собственных кораблей, и артиллеристы боялись попасть в своих.

Король Карл разослал охранные грамоты по округе, организовал подвоз провианта из ближайших датских деревень, ужесточил дисциплину в войсках и занялся охотой на оленей в датском королевском парке Дюрехаве — чтобы датский собрат хоть немного почувствовал тяготы войны. Вокруг, если не считать редких выстрелов датских стрелков, было тихо и спокойно, и король со своей свитой вполне наслаждался этой идиллией. Все датские и шведские историки сходятся в одном: самым большим воинским достижением датской армии под Копенгагеном была поимка шведского патруля из десяти солдат во главе с лейтенантом.

Но скоро идиллия закончилась. Из Швеции наконец прибыли намеченные для боевых действий в Зеландии подразделения пехоты и кавалерии, и к началу августа Карл XII уже располагал примерно десятитысячным корпусом, включавшим в себя все рода войск. 21 августа, после некоторых проволочек, шведы тремя колоннами выступили на юг к Копенгагену. Накануне, 20 августа, к Карлу из шведского лагеря в Голштинии прибыл курьер Фабрициус и привез уведомление люнебургских герцогов о том, что переговоры между герцогом Голштинии и королем Дании находятся в стадии завершения, что скоро между ними будет подписан мир, в связи с чем Швеции надлежит прекратить все военные действия против Дании. Карл проигнорировал это уведомление даже после того, как оно было подтверждено люнебургским и шведским посланниками, поскольку, по его мнению, еще не было известно, включен ли в текст мирного договора пункт об отказе Фредрика IV от союза с Августом II, и отдал приказ незамедлительно идти на Копенгаген.

По пути шведы встретили датского ротмистра с одиннадцатью пленными шведами и сообщением, что война закончилась и что 18 августа в Травентале, под Любеком, между двумя воюющими Фредриками Четвертыми был заключен мир. Карл XII, не выразив ни сожаления, ни особой радости по поводу этого сообщения, приказал забрать у ротмистра пленных и продолжить марш к датской столице. Потом прискакал адъютант голштинского герцога и подтвердил то, что сказал датский ротмистр. Король узнал, что герцог условиями мира очень доволен, потому что получил все, что хотел: и суверенитет, и jus armorum, и даже денежную контрибуцию, но в уведомлении герцога опять не было слов о главном требовании Карла — отказе

Дании от союза с Саксонией. Шведы продолжали приближаться к Копенгагену.

В дело оперативно вмешался адмирал Рук и через Вахтмейстера предупредил короля, что ввиду подписания мира миссия союзной англо-голландской эскадры исчерпана и англичане с голландцами отправляются по домам. Этот демарш до короля не «дошел», и в дело активно включились Пипер и Пулюс с помощниками. Они представили королю документ, в котором приводились убедительные аргументы о необходимости прекращения Швецией всяких военных действий:

1. Король стремился к восстановлению справедливости в Голштинии, теперь эта цель достигнута, и если шведы продолжат войну с датчанами, они должны будут считаться с ответными действиями гарантов Травентальского мира — морскими державами и люнебургскими княжествами.

2. В случае продолжения военных действий Швеция будет признана агрессором и гаранты станут на сторону Дании.

3. К ним могут присоединиться Австрия и Бранденбург — и это все на фоне начавшейся в Лифляндии войны с Саксонией и надвигающейся угрозы со стороны России.

4. Швеция такой войны просто не выдержит — она с трудом наскребла средства на Зеландскую операцию.

Доводы были сильными и убедительными. В голове Карла происходила жестокая борьба с соблазном сокрушить врага, ведь шведы так близко подошли к его столице. И король задумался. К нему подъехал датский комиссар граф Кристьян Детлев Ревентлов, но Карл никакого ответа пока ему не дал. Х. Вахтмейстер доложил ему об англо-голландском демарше, о выходе датского флота с копенгагенского рейда[44] и о невозможности шведского флота в одиночку противостоять ему — король продолжал хранить молчание. Тогда адмирал Рук предпринял еще одну попытку «вразумить» шведскую сторону и послал королю очередной меморандум. 23 августа Каря созвал военный совет. После длительных дискуссий король уступил англо-голландским требованиям и скрепя сердце дал свое согласие присоединиться к Травентальскому мирному договору.

28 августа король со своими генералами проехал по улицам Копенгагена и, вероятно, мысленно ругал себя за то, что несколько дней назад дал уговорить себя подождать подвоза из Карлскруны тяжелой артиллерии. Вот, он, этот надменный купеческий город, откупившийся от оккупации и разрушения жалкой контрибуцией. Его можно было взять без всяких осадных орудий. Нет, нужно было уповать на Бога и на штык, и тогда он проехал бы через город так настоящий победитель!

Почти все историки описывают Травентальский мир как большое достижение Карла XII. Объективно оно так и было, но, во-первых, большую выгоду из него извлекли все-таки датчане, и, во-вторых, мало кто обратил внимание на такой нюанс, что король Швеции при известии о мире был в шоке. Он делал ставку на то, чтобы раз и навсегда сокрушить врага; он собрал войско, перевез его через море и уже находился в двух шагах от настоящей победы, как вдруг она выскользнула у него из рук. И эту победу у него украли пронырливые датские дипломаты, недалекий голштинский зять и все эти ничтожные люнебургские князья, так называемые «гарант» безопасности Голштинии! Гаранты![45] Что бы они делали, если бы он не высадился под Копенгагеном? А теперь он им не нужен, ему остается только упаковать свои вещи и убраться из Дании — Дании, которая отнюдь не была сломлена и лишена духа реванша, сохранив свой воинский потенциал. Карлу особенно было обидно, что у датчан остался флот, который доминировал в Балтийском море и в будущем мог доставить шведам много неприятностей. Шведский король считал, что при первой же возможности Фредрик IV снова «снюхается» с Августом II и присоединится к антишведской коалиции. Он ни за что не хотел уходить из Зеландии, и только неприкрытый нажим англичан заставил его это сделать.

В Дании Карл XII в первый и последний раз дал уговорить себя людям из внешнеполитического ведомства. Травентальский мир стал для него уроком, и он дал себе слово никогда не доверяться дипломатам, никогда не вступать в союзы с другими странами, чтобы иметь руки свободными и самому диктовать условия мира.

В конце августа шведские полки начали снова грузиться на корабли и возвращаться домой. 3 сентября Карл XII сошел на шведский берег в городе Хельсингборге. Многочисленные дипломаты и придворные набросились на него, как стая голодных ворон. Собравшись почти из всех европейских столиц, они запели в один голос, выражая свое восхищение военным и государственным гением короля Швеции. Брызгая слюной и разлившимся шампанским, они откровенно заискивали перед ним и наперебой предлагали посреднические услуги то одного двора, то другого для примирения с Августом, излагали увлекательные планы использования его полководческих талантов на полях битв за испанское наследство.

Король узнал цену всем этим дипломатическим маневрам и относился к ним холодно. Какие прекрасные обещания давали ему некоторое время назад датчане! И как горячо клялся в вечной дружбе поляк Галецкий! И что же? Он всех отослал в Стокгольм, к

президенту своей канцелярии графу Бенггу, который небескорыстно обожал всю эту публику, а сам уехал в Карлсхамн, чтобы заняться приготовлением войск к переброске в Лифляндию.

Главной заботой Карла XII стала проблема финансирования операции, потому что королевская казна была пуста и добыть денег внутри страны при всем желании было невозможно. Слишком дорого обошлись «голштинские гулянья», французский театр и маскарады 1699-4700 годов. Немецкий историк Ф. Оттов оценивает их в 4,5 миллиона риксдалеров! Непосильным для страны оказалось и бремя Зеландской операции. Поэтому катастрофически Не хватало денег на экипировку, транспорт и содержание экспедиционного корпуса, отправляемого из порта Карлсхамн, Торопились перебросит на южный, берег Балтики .хотя бы пехоту, а кавалерию оставляли на потам. Собирали с бора по сосенке, с мира по нитке. Власти обратились с призывом к имущим закладывать свою недвижимость и отдавать вырученные средства казне, и граф Пипер подал в этом отношении первый пример. Заморские провинции обложили высокими налогами, а под голландский кредит заложили все свои таможенные сборы. Головную боль представляла проблема сохранения личного состава армии при морской транспортировке: во время Копенгагенской операции половина состава Упландского и Кальмарского полков была потеряна из-за высокой смертности во время нахождения их на кораблях.

В это время Карл XII скрепя сердце сделал исключение в отношении ненавистных дипломатов и все-таки принял одного из них. Им был князь Андрей Яковлевич Хилков, посланный царем Петром для уведомления о скором прибытии в Стокгольм большого посольства для подтверждения московских договоренностей и ратификаций Кардисского мира. Князь прибыл в Рунгстед под Копенгаген и был с большой помпой встречен и обласкан королем. Русский посол привез от царя самые теплые приветы и сердечные пожелания королю Швеции. В отдельном письме Петр выражал желание сохранить мир и дружбу со Швецией на вечные времена. До короля доходили слухи о том, что царь Петр якшается с саксонцами и датчанами, но вот теперь, слава богу, оказывается, что все эти слухи были напрасны. Царь просил короля по возможности приблизить к себе Хилкова и держать его все время при себе, чтобы князь не мог пропустить важные события и докладывал бы о них в Москву.

Карл XII внял этому пожеланию и, вернувшись в Швецию, 10 сентября дал А. Я. Хилкову под Кристианстадом торжественную прощальную аудиенцию и вручил царю ответное послание. После аудиенции «...князь и вся его свита поцеловали королю руку... и

уехали», — сообщает шведская хроника.

Положение осажденной Риги вызывало у короля определенные опасения, а командующий полевой армией в Лифляндии генерал Отто фон Веллингк, брат того самого «проницательного» дипломата Моритца Веллингка, которого легко обвел вокруг пальца Август II, проявлял нерешительность, топтался на месте и предоставлял саксонцам свободу действий. Оккупанты заняли уже третью шведскую крепость — правда, не очень крупную — Коккенхусен (Кокенхаузен) на Двине.

Граф Бенгт Оксеншерна, пообщавшись в Хельсингборге с европейской дипломатической братией, вернулся в столицу и слал оттуда курьера за курьером со всякими дельными и не очень дельными предложениями. Томас Пулюс все это переваривал, но чтобы принять решение, должен был проконсультироваться с королем, а тот все время находился в движении, и решение не принималось. К этому времени французская дипломатия в лице варшавского посла Шарля дю Эрона стала усиленно склонять Августа к примирению с Карлом. Саксонский курфюрст, сильно обескураженный быстрой победой шведов в Дании и отсутствием ощутимых результатов в Лифляндии, а также обеспокоенный отсутствием подмога со стороны Москвы, охотно подставлял свое монаршее ухо к устам французского посла дю Эрона и уже склонялся к тому, чтобы принять его предложение о посредничестве. Дю Эрону активно помогал его коллега в Швеции де Жискар.

Этим попыткам Парижа усиленно противодействовал главный советник Августа Й. Р. Паткуль. По иронии судьбы оказалось, что «изменник и предатель Швеции» действовал в том же направлении, что и шведский монарх: Карл XII в конце концов нашел время рассмотреть предложения французов и дал категорический отказ. Никакого примирения — оно будет возможно только после того, как шведский король хорошенько вздует польского короля, чтобы ему впредь было неповадно поступать так, как он поступил в отношении шведов.

И тут из Москвы пришло сообщение о том, что царь Петр 3 сентября (23 августа), в тот самый день, когда король после датской кампании сошел на берег в Хельсингборге, объявил Швеции войну.

Описывать гнев и ярость Карла XII при этом известии нет смысла — не хватило бы ни стилистических, ни грамматических средств. Он считал себя обманутым в самых лучших чувствах. Трудно сказать, насколько искренним было, однако, это возмущение. Шведы, по некоторым данным, давно готовили вторжение в Россию, намереваясь округлить свои прибалтийские

владения за счет Новгорода, Пскова, Олонца, Каргополя и Архангельска. Помешали преждевременная смерть Карла XI и государственная незрелость молодого Карла XII Петру I это было хорошо известно, и он всего-навсего на два-три года упредил шведов.

Другое дело, почему царь Петр прибег к такому грубому и в общем-то бессмысленному обману. Ведь особых стратегических преимуществ он от этого не получил: под Нарвой он появился глубокой осенью, а шведы все равно не могли поспеть туда раньше, чем это сделал Карл. И предлог для объявления войны был совершенно надуманным — неподобающий прием, оказанный ему три года назад в Риге шведским генерал-губернатором[46]. Об этой своей обиде царь сообщил даже Генеральным штатам в Амстердам, вероятно, заранее готовя общественное мнение Европы к войне России со Швецией. Голландцы туг же проинформировали шведского посла Лиллиерута и изъявили согласие способствовать устранению этого недоразумения между Россией и Швецией. Карл XII дал указание Т. Пулюсу урегулировать этот вопрос, и Пулюс выслал Лиллиеруту подробное письмо с рекомендациями вступить в контакт с русским послом и при посредничестве голландцев устранить это недоразумение раз и навсегда. Но царю, вероятно, не это было нужно: когда письмо Пулюса находилось на пути в Голландию (начало сентября), Москва уже объявила войну Швеции.

На недостаточно взвешенную мотивировку объявления войны сразу обратил внимание Й. Р. Паткуль и сообщил царю свои соображения на этот счет. По его рекомендации в европейских столицах получил хождение новый документ, в основу которого были положены некоторые мысли лифляндца. В нем делалась попытка с точки зрения международного права обосновать право России на возвращение своих исконных земель в Лифляндии, Карелии и Ингерманландии и определить Швецию как захватническое государство, использующее незаконные методы расширения своей территории (на ученой латыни — vivitur ex rapto).

Глава пятая
НАРВА. ПЕРВАЯ ПУЛЯ

От шведской стали биты
Вы будете всегда.
С дороги, московиты!
Вперед, король-солдат!

Э. Тетер. Карл XII.

На столетие со дня его смерти, 1818 год

Vivitur ex rapto достиг Карлсхамн одновременно с известием об объявлении войны. Международное право только лишь формировалось, и кто же тогда мог воспринимать это vivitur ex rapto не иначе как насмешку над здравым смыслом? И какое было дело шведам до того, что русские были отгорожены от Европы плотным забором? России шведы отводили роль сырьевого придатка, который в первую очередь через лифляндские порты Ревель (Таллин) и Ригу должен был подпитывать Швецию. Некоторые излишки русские купцы могли продавать на других европейских рынках. А чтобы поток русских товаров на Балтике не иссякал, король решил перекрыть другую русскую торговую отдушину —в Архангельске — и отправил туда свои военные корабли. Устанавливать заборы и держать в узде слабых, естественно, входило в право сильных, и каждое посягательство на него должно было наказываться силой. Понятие «исторической справедливости» для многих и сейчас не очень понятно, потому что с помощью этого понятия можно довести мир до полного абсурда. С высоты нашего сегодняшнего положения кажется, что лучше всего царю Петру было просто заявить о своем желании «воевать шведов», чтобы добыть старые русские земли и получить доступ к европейской культуре и цивилизации.

Но нам сейчас легко рассуждать подобным образом, а триста лет назад все выглядело по-другому, и шведский король вполне имел право реагировать на события так, как он среагировал. В припадке гнева Карл XII приказал немедленно арестовать князя Андрея Хилкова, а заодно и всех русских, которые оказались в это время в Швеции. (Шведский резидент в Москве Томас Книпперкруна уже подвергся той же участи.)

Приготовления к переброске в Лифляндию экспедиционного корпуса приказано было завершить как можно быстрее. Но еще в

сентябре Карл XII разрабатывал план нападения на Саксонию с территории Померании, для чего шведам необходимо было получить разрешение на проход через Бранденбург. Узнав о том, что Бранденбург намерен защищать свой суверенитет с оружием в руках, король, однако, этот план оставил и сосредоточился на подготовке экспедиционного корпуса в Лифляндию.

11 октября 1700 года шведский флот вышел из Карлсхамна в море, держа курс на портовый город Пернау (Пярну), расположенный в северной части Рижского залива примерно на одинаковом расстоянии от Нарвы и от Риги. Это давало возможность выбрать направление удара на месте. На первом судне «Вестманланд» плыл Карл, плохо переносивший морскую качку и потому ненавидевший море.

16 октября король одним из первых сошел на берег. В Дерпте (ныне Тарту), университетском городе, профессора, поэты, купцы и власти устроили ему теплый прием, подчеркивая настоятельную необходимость его личного прибытия в Лифляндию в такой трудный для провинции час. Карл с достоинством и без всякой аффектации встретил своих заморских подданных и сразу занялся делом. Пока он плыл, Август с частью своего войска отступил от Риги и ушел на зимние квартиры в Курляндию, чтобы возобновить свои развлечения. Это означало, что взятие Риги им не предполагалось и непосредственной необходимости в том, чтобы спешить на выручку рижскому гарнизону, пока не было.

Вызвав к себе О. Веллингка и дав ему нагоняй за нерешительность и инертность, Карл 19 октября велел ему маршировать со своими частями на юг, но, убедившись в том, что переброска войск из Швеции по погодным условиям (на морге начались шторма) частично срывалась, 24 октября отдал ему новый приказ о выдвижении к Везенбергу (ныне Ракваре), находившемуся на полпути от Ревеля к Нарве. После некоторых раздумий о направлении удара Карл XII остановился на противнике, который объявил ему войну самым последним. Саксонцы подождут, с ними он будет разбираться особо. А вот московитов надо было отлупить как следует и немедля. К тому же небольшой гарнизон Нарвы с полковником Хеннингом Рудольфом Хорном (Горном) мог и не выдержать массированного штурма русской многочисленной армии, которая наняла для осады крепости саксонского фортификатора генерала Халларта (Алларта). Под Нарвой собственной персоной находился царь Петр, и, сдается, его намерения после взятия Нарвы устремлялись в направлении Везенберга и Ревеля.

Итак, решено: сначала Нарва.

Король почти ни с кем, кажется, не советуется и принимает решение самостоятельно. Отныне он будет так поступать всегда или почти всегда. Что толку во всех этих мудрых советах,, если мудрость эта замешана на устаревших понятиях, на перестраховке и боязни ответственности?

К Везенбергу стягивались прибывшие морем шведские полки. «Радетелю» дворянских интересов генералу О. Веллингку было приказано наперед обеспечить город запасами продовольствия, что, впрочем, было нелегкой задачей в стране, опустошенной набегами русской конницы и летучих казацко-калмыкских отрядов. Король смог убедиться собственными глазами, таковы были последствия «прогулок» корпуса русского фельдмаршала Б. П. Шереметева по лифляндским мызам и хуторам. Согласно шведским, да и русским описаниям Северной войны, велась она с обеих сторон обычным для того времени способом: жестоко, немилосердно, беспощадно как по отношению к гражданскому населению, так и к пленным и раненным в бою. Петр I на первых порах не имел планов присоединять Лифляндию к России — это ему запрещалось и договором с Августом II, который намечал ее включить в состав Речи Посполитой на правах автономии. Поэтому отряды Б. П. Шереметева во время своих рейдов по шведской провинции осуществляли тактику выжженной земли. По словам Ф. Г. Бенггссона, картина, представшая шведам, взывала к мщению.

В Везенберг привезли первый русский трофей — псковский стяг ручной вышивки — не имевшая ценности для русских реликвия, захваченная шведской флотилией на Чудском озере, когда караван русских судов шел с грузами к Нарве. Стяг, сделанный из красной камки, был вышит серебряной и золотой нитями и изображал Спасителя, а также другие «плохо различимые образы».

О. Веллингк, которого королю все время приходилось понукать и подталкивать к активным действиям, проявил-таки энергичность и напал на отряд «черкасов» из корпуса Шереметева. Он выслал против них двух майоров, лифляндцев Паткуля[47] и Тизенхаузена с 600 кавалеристами. Шведы окружили русских в каком-то населенном пункте и попытались выманить в открытое поле, но, потерпев неудачу, стали выкуривать оборонявшихся с помощью огня. На помощь «черкасам» пришли регулярные части Шереметева и выручили своих, разгромив при этом шведов и взяв в плен офицеров.

Противник кусался.

Но это были детали, которые вряд ли волновали короля. 5 ноября Карл XII выехал в Ревель, где губернаторствовал дряхлый

шведский хитрован и лукавец Аксель Юлиус де ла Гарди (Делагарди), бездарный потомок своего знаменитого рода, оставившего свой печальный след на полях и в лесах России. Непригодность де ла Гарди для решения насущных задач провоцировала неудовольствие короля — особое возмущение у Карла вызвало то, что де ла Гарди не справился с выполнением его указания о приеме из Финляндии полков, вызванных на помощь осажденной Риге. Впрочем, никаких «карательных» мер в отношении старика со стороны короля пока не последовало — вероятно, его военный гений был слишком занят предстоящими нарвскими задачами.

И тут в Ревеле неожиданно появились послы австрийского императора и французского короля. Вена и Париж не оставили еще своих намерений уговорить Карла пойти на примирение с Августом. В Испании наконец-то скончался слабоумный Карл II Габсбург, не способный не только к управлению доставшейся ему в наследство великой страной, но и оставить после себя хоть одного хилого наследника. Австрия и Франция — соперники в борьбе за освободившийся испанский трон — спали и видели своим союзником сильную Швецию. А граф Оксеншерна, вероятно, все еще не освободившийся от обычаев времен Карла XI, попытался достучаться до благоразумия своего самонадеянного и упрямого монарха, выпроводив от себя дипломатов непосредственно к его местонахождению.

Недалекие! Они плохо знали Карла, которому было совсем не до того, чтобы помогать кому бы то ни было — он был по горло занят тем, чтобы помочь самому себе! Единственное, чего он хотел бы от Версаля, так это субсидий и дипломатической помощи против саксонцев. «Странно, что Мы должны столкнуться с ними в Ревеле, — пишет он графу Бйнгту в Стокгольм. — Их присутствие здесь Мы воспринимаем с неудовольствием. Им нечего здесь делать. От их сопровождения Нас во время кампании Мы хотели бы быть свободны. Их присутствие здесь обременительно, Нам и без них хватает забот о военных операциях». Юношеский максимализм победителя датчан затмил зрение молодого короля и не позволил ему разглядеть в старческом провидчестве Оксеншерны здоровое зерно. Никакие доводы дипломатов на Карла подействовать уже не могли. В Копенгагене он приобрел непреодолимое отвращение к этой профессии на всю жизнь.

Между тем положение со снабжением армии, несмотря на все ухищрения О. Веллингка, оставалось сложным. Приближалась зима, а о зимних квартирах в Везенберге или где-нибудь поблизости нельзя было и думать. Зимние холода уже давали о

себе знать, солдаты зябли, болели от простуды. Нужно было добывать теплую одежду, обувь, провиант, крышу над головой, но ничего этого в округе не было. А полки из Швеции все прибывали в Везенберг...

15 ноября Карл XII, утомленный беседами с впавшим в маразм де ла Гарди, воспользовавшись черным ходом губернаторской резиденции, незаметно для послав сбежал из. Ревеля и вернулся в Везенберг. Полковнику Хорну в Нарву он уже дал знать, что помощь близка, и просил держаться. Он полагал, что. больше в Везенберге (Ракваре) задерживаться не было смысла, хотя многого и многих еще не хватало: еще не прибыл из Пярну личный лейб-гвардейский полк короля, еще не полностью укомплектовали и вооружили наличные силы. Но он наметил дату и 23 ноября 1700 года выступил из Ракваре в направлении Нарвы. С ним шли, согласно Ф. Г. Бенггссону, 10 500 пехотинцев, драбантов и кавалеристов.

О приближении шведских войск в русском лагере под Нарвой узнали заблаговременно и к встрече с противником готовились. Достаточно упомянуть, что выстроенные дугой вокруг Нарвы осадные укрепления были приспособлены и для отражения возможных атак противника с запада, то есть с тыла. Причина громкого поражения русских войск под Нарвой заключается в первую очередь не в факторе внезапности появления шведов, а в слабой выучке солдат, в грубых просчетах, а более всего —в непростительных упущениях царских генералов. В Нарве сидел небольшой шведский гарнизон — всего около тысячи человек — под командованием полковника барона Х. Р. Хорна. Он сумел продержаться против 40-тысячной, армии русских шесть недель. Не умаляя храбрости шведов при обороне крепости, следует упомянуть, что главная причина неудачи русских — потрясающая безалаберность, неразбериха и низкий воинский дух в их собственном лагере. 20 октября они начали бомбардировку крепости и тут же ее прекратили, потому что скоро... кончился артиллерийский запас. Да и сами пушки оказались из рук вон плохи — они не пробивали стены. К тому же как осуществлять правильную осаду Нарвы, никто толком не знал, хотя, как уже было сказано, наняли специалиста по осаде саксонского (по сведениям Лидьегрена, голштинского) генерала Людвига Николая фон Халларта (Алларта) — и, вероятно, за немалые деньги. Начали вести подкопы; Петр сам разметил укрепления русского лагеря и накануне битвы уехал в Новгород за новобранцами[48]. Неопытность царя Петра, передоверившего командование битвой чванливому, а по характеристике Ф. Отгова, «...прожженному пропойце-наемннку бельгийцу де Круа, не владевшему русским

языком и ничем иным», а также несогласованность и отсутствие взаимодействия между отдельными частями русской армии усугубили положение дел в ходе сражения.

Вот как описывают Нарвскую битву шведские источники.

Шведы шли в Нарву, все время опасаясь нападения со стороны корпуса Шереметева. Стычки между разъездами, патрулями и разведывательными дозорами происходили постоянно, но более-менее серьезное столкновение между русскими и шведами произошло 27 (16) ноября под местечком Пюхъяегги. Б. П. Шереметев, занимая с шеститысячным отрядом наивыгоднейшие позиции, имел задачей преградить шведам путь в узком дефиле, который им никак нельзя было обойти. Защищать это место можно было, по мнению шведов, самыми минимальными силами. Для отряда Б. П. Шереметева эта задача была не самая трудная. Шведы выделили отряд драгун, батальон гвардии и несколько пушек и напали на заслон русских. При первых же залпах шведской артиллерии защитники Пюхъяегги покинули свои позиции. Ветеран шведской армии, капитан-лейтенант драбантов Карл Врангель в своих мемуарах вспоминает именно этот примечательный, по его мнению, эпизод и пишет, что Шереметев со своими шестью тысячами мог защищать проход до бесконечности: река, узкий мост, за мостом — узкая дорога по болотистому лугу, которая упирается в проход, окаймленный с обеих сторон крутыми склонами. Шведам нужно было жидкой колонной идти под огнем противника по мосту и по этой дороге. Но Врангель не знал, что у русского генерала была инструкция царя ни в коем случае в бой не ввязываться.

Источники сообщают, что бегство русских войск было вызвано тем, что у них в тылу неожиданно появилась шведская кавалерия. Да, действительно, один эстонский крестьянин показал Карлу XII путь через болото в обход моста. И что же Б. П. Шереметев?[49] Выставление заслонов на флангах для предупреждения именно такого случая вряд ли требовало от него выдающихся полководческих способностей — необходимость этого шага была ясна любому мало-мальски грамотному офицеру. Но Борис Петрович этого не сделал и пропустил шведов там, где их можно было как минимум задержать и на пути к Нарве хорошенько потрепать. Ссылаться на неподготовленность русского солдата в этой ситуации грешно: как часто в России случалось и случается до сих пор, подвели генералы.

Больше того: вслед за Пюхъяегги шведам встретилось новое дефиле — теперь уже под Силламягги, почти ничем не отличавшееся от первого, но здесь Борис Петрович даже и не пытался остановиться, а прямым ходом поскакал в Нарву, чтобы,

едва переведя дух, 18 ноября доложить царю о «больши» силах короля Карла XII, появившихся на подходе к Нарве. А шведы именно под Силламягги сделали привал — прямо посреди болота. Солдатам не то чтобы прилечь для отдыха — ими присесть-то было негде, и они всю ночь простояли на ногах по колено в грязной жиже! Десять тысяч человек против шести тысяч конных Шереметева. Вот уж действительно у страха глаза велики.

После Пюхъяегги Карл на марше совершает истовую молитву. На глазах всего шведского воинства он бросается на колени, поднимает руки к небу и шепчет одному ему известные слова. Зрелище молящегося короля производит на солдат неотразимое впечатление: король общается непосредственно с Богом и просит у него благословения на свершение подвиге. Сцена красивая, и Карл будет повторять ее и в будущем. Он и сам верит в свое божественное предназначение: «Так же, как мои генералы получают свои приказы от меня, так и я свои получаю от Того, Кто единственно руководит мною».

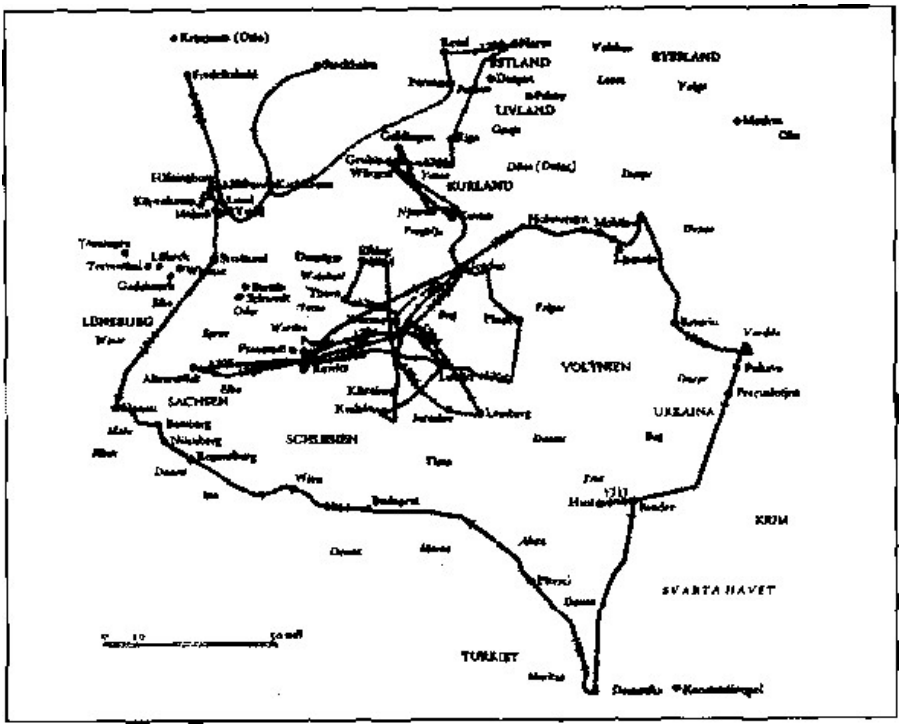
29(18) ноября шведы подошли к местечку Лагена и в нескольких километрах от Нарвы остановились и дали сигнал осажденным в крепости, что помощь прибыла. Для этого был сделан выстрел из пушки и, по некоторым сведениям, запушена в небо сигнальная ракета. Через несколько минут со стороны крепости, из-за темной кромки леса, донесся ответный звук пушечного выстрела: в Нарве поняли, что помощь близка. Говорили, что между королем и полковником Хорном существовала связь, но какая, никто не знал — все было строго засекречено. Можно предположить, что Карл XII пользовался услугами лазутчиков, с риском для жизни пробиравшихся через кольцо русских войск в Нарву. Здесь, в Лагене, король устроил последний свой привал перед битвой. Он спал у костра на подстилке из соломы и этим очень умилял простых шведских солдат.

В русском лагере, судя по всему, тоже спали, потому что шведская рекогносцировочная группа в составе полковника Ребивдера, капитана Эрнестедта и нескольких фортификаторов ночью беспрепятственно подошла к русским окопам и внимательно изучила их расположение и оборудование. Никакого контакта с противником зафиксировано не было.

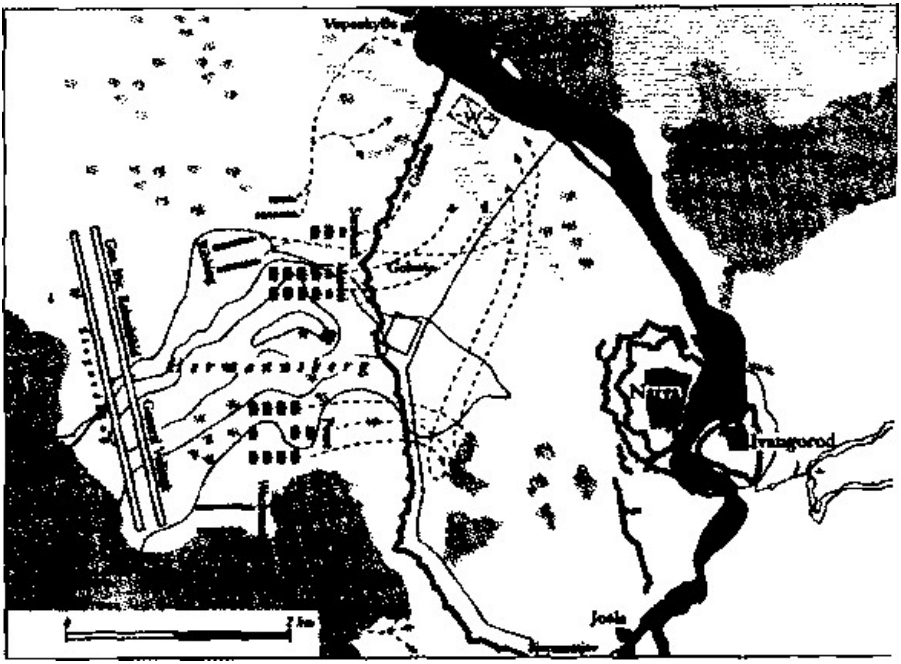
Между тем русских военачальников, как сообщают шведские историки, охватила паника. Накануне пленный майор Паткуль якобы рассказал им, что с Карлом XII подошла армия численностью от тридцати до тридцати двух тысяч человек. Цифра показалась вполне достоверной, и ей поверили. Поверил и царь и впал в отчаяние. Он бросился к де Круа и уговорил его

взять на себя командование армией. Сам же он покинул лагерь и поскакал в Новгород, чтобы ускорить посылку к Нарве дополнительных подкреплений. Кроме того, он объявил Меншикову и Головину, что ему нужно срочно встретиться с Августом II, а в Москве — принять турецкого посла, который появится в столице лишь четыре месяца спустя после Нарвы. Шведы ссылаются на свидетельство генерала Халларта, якобы лично видевшего Петра в палатке де Круа «...смущенного, в полувменяемом состоянии, жалующегося и пьющего один бокал водки за другим» и назвавшего всю эту сцену позорной. На следующее утро (то самое утро 29 ноября) де Круа якобы отправился к царю за получением более подробных инструкций насчет предстоящей баталии, но того уже и след простыл.

Думается, что Халларт при описании состояния царя Петра все-таки несколько сгустил краски, тем более, как мы убедимся ниже, и сам не был равнодушен к «зеленому змию». О неожиданном и малообъяснимом отъезде царя из-под Нарвы мы дали свой комментарий несколько выше; Вопрос этот следует скорее рассматривать в этическом плане, чем военно-политическом. У каждого человека может наступить минута слабости и отчаяния. По-человечески это понять можно — царь тоже был всего лишь человеком. Другое дело, что такой слабости предводитель государства проявлять не имел права. Не исключено, что он и сам стыдился ее и всем последующим поведением постарался исправиться и улучшить заработанную тяжкими повседневными трудами репутацию у своих подданных. Вероятно, именно поэтому поражение под Нарвой он всегда и всем старался преподнести как великий урок для русского воинства. Именно поэтому, осознавая свою вину, он с новой энергией приступил к реформе армии и серьезной подготовке страны к войне со шведами.



Карта походов Карла XII. 1700—1718.



Сражение под Нарвой. 1700.

... Вечером 29 (18) ноября Карл — с высоты Херманнсберг, а

полковник Хорн — со стен крепости еще раз обменялись пушечными сигналами. Это означало, что до решающего шага оставались считаные часы. К 22.00 мокрые и прозябшие шведы вышли из леса к высоте Херманнсберг и стали строиться в боевой порядок.

Русские уже тоже были поставлены в ружье за своими оборонительными ограждениями, и импозантный герцог де Круа, в красном плаще, на белом коне в последний раз объезжал свои позиции. Все были на своих местах и ждали, что предпримут шведы. Полковые знамена, укрепленные на брустверах, развевались на ветру. Никакой паники в русском лагере не наблюдалось. И главнокомандующий, и генерал Халларт были уверены, что штурм оборонительных линий, оборудованных по всем правилам фортификации, будет для шведов не таким уж и простым делом.

Пока артиллерия обрабатывала центр русских укреплений, Карл с высоты наблюдал за позициями противника и размышлял над тем, каким простым и эффективным способом можно было решить поставленную перед самим собой задачу. Вероятно, он построил свой план атаки, основываясь на результатах рекогносцировки и советах своих военных, в первую очередь фельдмаршала Реншёльда и специалистов-фортификаторов.

Позиции русских представляли собой выгнутую семикилометровую дугу перед рекой Нарвой, похожую на лук: там, где рукой надо было тянуть за тетиву, за рекой, располагался Ивангород. На одинаковом расстоянии друг от друга по дуге находились отдельные бастионы, причем центральный бастион был укреплен сильнее других. К северу, на правом русском фланге, участок перед дугой представлял собой заболоченную низменность, к югу, правее, местность заросла кустами. У местечка Камперхольм через реку Нарву был переброшен единственный мост —прямо в центре правого фланга русских. Он был и единственным шансом спасти армию при отступлении — если не считать сомнительную возможность перебраться на другой берег вплавь через ледяную темную Нарву. Шканцы выглядели солидно: впереди глубокий ров, а за ним — хорошо укрепленный бруствер с так называемыми испанскими рогатками. И бастионы располагались плотно. Но как бы сильна и многочисленна ни казалась русская армия, для Карла XII было ясно, что семикилометровую дугу не могли укрепить везде одинаково сильно и что защитникам окопов вряд ли удастся быстро перебросить подкрепления в угрожаемое место.

Король решил атаковать русских где-то в центре душ двумя сильно эшелонированными пехотными колоннами при

небольшом расстоянии друг от друга. После того как колонны пронзят дугу, правой колонне следовало повернуть вправо, заходя русским в тыл, а левой — влево, а там наверняка что-то да получится с Божьей помощью! Для того чтобы предупредить возможные контратаки русских с фланговых позиций, не затронутых первым боем, и не пропускать побежавших спасаться на открытое предполье, Карл распорядился выставить слева и справа от пехотных колонн кавалерию.

Приготовления к штурму совершались в соответствии с этим планом короля. Артиллерия с самой высокой точки Херманнсберга начала обстреливать бастионы русских, включая центральный, так называемый корпо ди батальи, а по обе стороны от нее выстраивались в штурмовые колонны — шведская пехота и в боевой порядок — шведская кавалерия. За построением с любопытством наблюдали русские, пока не понимавшие, что бы все это значило. Де Круа и Халларт полагали, что эти приготовления имеют целью ограждение перед атакой шведского лагеря, из которого шведы потом начнут свои методические вылазки. Это предположение укрепилось после того, как пехота отошла назад — в действительности затем, чтобы забрать фашины, которыми она намеревалась забросать русские рвы. Фельдмаршал Б. П. Шереметев, понюхавший хоть немного пороха в стычках с каролинцами, оказался единственным среди всех военачальников, который предложил выйти в открытое поле и встретить шведов перед укреплениями. Но его, вероятно, мало кто слушал, после того как он бездарно пропустил шведскую армию у Пюхъяегги и Силламягги.

Сигналом к атаке скандинавов стал возглас «С нами Бог!» — традиционный клич, принятый на вооружение многими европейскими армиями. Для шведов этот клич, как мы объяснили в одной из предыдущих глав, имел особое значение. С высоты на коне съехал Карл XII и занял свое место в рядах драбантов на самом левом фланге. Он спустился в низину обычным восемнадцатилетним юношей, правда, несколько странным, с точки зрения многих, наблюдавших его в те годы, а выйдет из боя прославленным военачальником и полководцем, о котором заговорит вся Европа. Он еще не являлся заслуженным авторитетом в глазах тех, с кем он пойдет в бой, но после боя все — от последнего солдата до генерала Реншёльда — станут почитать его как непререкаемый авторитет в военном деле. «Он осмелился и преуспел; он был прав, а умные и предостерегавшие его оказались не правы», — пишет Ф. Г. Бенгтссон[50].

Было два часа утра 30 (19) ноября 1700 года.

Небо вокруг потемнело и нахмурилось. Похолодало, с запада

подул сильный ветер. Как только в воздух с громким треском взлетела сигнальная ракета, над лесом прогремел гром и повалил снег — прямо в лица русским солдатам. С выехавших к батальонам геральдов слетели шляпы и парики. Русские палили из ружей и пушек, но выстрелы чаще всего не попадали в цель: и снаряды, и пули летели слишком высоко. За тридцать шагов до рва пурга окрасилась в оранжевый цвет из-за дружного ответного залпа наступавших. Фашины полетели в ров, испанские рогатки — в стороны. Со штыками наперевес и со шпагами в руках первые ряды каролинцев прорвались через укрепления.

Сделаем небольшое отступление и познакомим читателя с некоторыми особенностями каролинской армии. Основной тактической единицей шведской пехоты был батальон, насчитывавший 600 человек. Полк, состоявший из двух батальонов, был так называемой административной единицей, и его батальоны на поле боя могли быть использованы разрозненно. Боевой порядок батальона, как правило, представлял собой четыре шеренги, солдаты стояли достаточно плотно друг к другу, соприкасаясь локтями. Треть батальона состояла из пикинеров, в две трети — из мушкетеров. Десятая часть мушкетеров считалась гренадерами и была вооружена штыками и гранатами; В этом смысле каролинцы мало чем отличались от пехотинцев других европейских армий. Разница заключалась в их тактическом использовании, в их агрессивности. Карл XII, рассказывает его офицер Петер Шёнстрём, требовал от первых двух шеренг при атаке противника стрелять из мушкетов «...не раньше, чем они станут различать белки в глазах солдат противника, а дав первый залп, — немедленно обрушиваться на противника с пиками, штыками и шпагами». По мнению короля, это был единственный способ одерживать победы над численно превосходящим противником. Главное при этом — создание дружных, храбрых и спаянных железной дисциплиной частей и подразделений.

То же самое можно сказать и о шведской кавалерии, в которой основной тактической единицей был эскадрон из 250 кавалеристов. Боевой порядок эскадрона состоял из двух или трех шеренг, выстроенных в виде плуга. Каролинская кавалерия стрелковое оружие в бою не использовала и шла в атаку со шпагами и палашами в руках. Но нападали они в плотном строю — «колено о колено», и если противнику не удавалось рассеять этот строй артиллерийским или мушкетным огнем, то эскадрон, как таран, врезался в его порядки, сминал их и обращал обороняющихся в бегство.

... А на правом фланге, свидетельствовал один из участников боя, началась настоящая резня. Русские оборонялись отчаянно, и

паника охватила их не сразу. Они стреляли в нападавших и «…убили многих хороших товарищей», говорит тот же участник битвы. Полковник Поссе со своей кавалерией на правом фланге, а полковники Майдель и Сгенбок — на левом прошли ров с окопом и вышли в намеченные пункты, но при большом численном преимуществе оборонявшихся они отнюдь не чувствовали себя хозяевами положения. Шведы уже продвигались с обеих сторон к центру корпо ди батальи, в то время как обе штурмовые колонны шведов вытесняли русских с других бастионов и шали их перед собой вдоль окопов к флангам. Многие русские бросались на землю и притворялись убитыми, но эта хитрость была скоро разгадана, и шведы протыкали всех подряд штыками.

На северном фланге — левом для шведов и правом для русских — шведы гнали оборонявшихся по направлению к мосту, пока не уперлись в болото. Здесь стойко держали оборону Преображенский и Семеновский гвардейские полки и спешенные драгуны, и наступление шведов захлебнулось. Многие русские в поисках спасения выбежали из окопов на свободное поле, но там их встретила шведская кавалерия и погнала обратно. Солдаты, офицеры, обозные повозки — все скучилось у единственного моста, но и туда уже пробивались драбанты, чтобы отрезать русским путь к отступлению. В этом бою драбанты короля в первый раз доказали, что они являются не только элитной, но и комбатантной частью шведской армии[51].

Неожиданно мост треснул и обвалился, река Нарва заполнилась утопавшими людьми. Де Круа и Халларт, находившиеся именно на этом фланге, почему-то решили, что смысла сопротивляться больше нет, и туг же отдали себя в руки шведов[52]. Наемники — что с них взять. Герцог — одна нога во французском сапоге, другая в русском (вероятно, атака шведов застигла его врасплох во время сна) — вышел за окопы и сдался в плен.

Но русские офицеры продолжали сопротивляться, образовав из обозных повозок и других подручных средств нечто вроде вагенбурга. Они организовали круговую оборону и создали для наступающих шведов довольно неприятную ситуацию. Здесь состоялся самый ожесточенный в Нарвеком сражении бой, и шведам пришлось перебрасывать с правого фланга подкрепления.

Наступала темнота, и нужно было как-то завершать битву. Уже произошло серьезное недоразумение, когда шведы начали палить в своих. Накладка объяснялась тем, что победители несли с собой захваченные в бою русские знамена и потому ошибочно были приняты за противника. Карл XII, вымазанный в болотной тине, потеряв один сапог, до сих пор державшийся вне русских

укреплений, к вечеру взошел на них и призвал генералов кончать сражение. По его приказу подтащили артиллерию и стали в упор расстреливать вагенбург, после чего сопротивление русских прекратилось, и к 20.00 они выслали к шведам парламентеров. Парламентеры настаивали на свободном проходе на другой берег со знаменами и артиллерией, но король не соглашался: он предоставлял им право уйти с личным оружием, а знамена, артиллерию и высших офицеров оставил у себя: К 23.00 Камперхольмский мост был починен русскими пленными саперами, и русские части, понукаемые двумя батальонами шведских гвардейцев, медленно потянулись на другой берег.

И король, и его генералы втайне облегченно вздохнули, что им так удачно удалось избавиться от русских, на охрану которых у них просто не было сил. Центр и правый фланг русских были заняты, теперь можно было уделить внимание и левому. Там никаких столкновений практически не было, противника «охраняли» кавалерия Вахтмейстера и часть выделенных пехотных батальонов. Другая часть была переброшена к вагенбургу преображенцев и семеновцев, и теперь их надо было срочно возвращать назад.

Запас патронов в некоторых пехотных полках вышел, и генералу О. Веллингку было поручено получить боеприпасы у коменданта Нарвы Х. Р. Хорна. Осажденные в конце битвы сделали вылазку своими скромными силами и по мере возможности оказывали содействие пришедшей им на выручку армии короля. Б. П. Шереметев, стоявший на южном фланге русской обороны, в бой вступать не стал, а со всем своим кавалерийским корпусом бросился в реку, спасаясь от наседавших шведов вплавь. По русским данным, в реке утонуло около тысячи кавалеристов.

Командующий левым флангом генерал Вейде[53] был ранен, но упорно отражал атаки шведов. Узнав, что правый фланг уже разбит и его защитники либо погибли, либо рассеяны, либо попали в плен, он пришел к выводу о бесполезности дальнейшего сопротивления и утром 1 декабря (20 ноября) послал шведам парламентера х запиской на немецком языке. Текст ее гласил (в двойном переводе с немецкого, сделанного шведами, и шведского, сделанного автором): «Ввиду того, что мы отсечены от армии, хотим защищаться до последней капли крови; но если мы подучим разумные для обеих сторон условия, то, если они окажутся великодушными, я готов их принять».

Вейде получил ответ, что он может полагаться на милость короля Швеции, но сначала должен сложить оружие и сдаться на милость победителей без всяких условий. Вейде сдался, и вторая

часть битвы была закончена. Позже договорились, что солдаты и младшие офицеры могут возвращаться домой без оружия, но со своими личными вещами. Таких оказалось от десяти до двенадцати тысяч, и они длинной колонной проходили мимо Карла и его генералов, бросали на землю ружья и знамена и уходили с палками в руках. С них взяли обещание по возможности не бесчинствовать в землях его королевского величества. Интересно, кто и как им переводил на русский язык такое пожелание.

Это был благородный жест со стороны Карла XII, пишут шведские историки, забывая при этом упомянуть, как король нарушил данное слово и вопреки своему обещанию задержал в плену большую группу старших офицеров, лишив их оружия. А «благородство» шведского короля в значительной степени диктовалось объективными условиями, потому что шведская армия, уступавшая побежденной по численности, понесла чувствительные потери. К тому же войска устали, измокли и замерзли, и дисциплина в некоторых частях стала падать, К примеру, финские пехотинцы, обнаружив в русском лагере запасы спиртного, напились на голодный желудок так, что поголовно вышли из строя. Конечно, замечают шведские историки, будь на месте Карла натура менее великодушная, она нашла бы другой выход обезвреживания многочисленных солдат Вейде, например, держать всех в плену, по праву победителя не обращая внимания на отсутствие реальных возможностей для их прокормления, или приколоть всех штыками, как поступит Реншёльд с русскими 4500 пленными под Фрауштадтом (Вшов). В истории таких примеров много, в том числе и в новейшей. Так что вероломство короля тоже объяснилось бы вполне просто: русские «варвары» не заслуживали того, чтобы с ними обращались по-рыцарски.

На сей раз Карл XII проявил некоторое великодушие. Жестокосердие войны еще не достигло своих пределов. Позже и король, и сами шведы подобное снисхождение к врагу проявлять не станут. То, что многие из отпущенных не добрались до Новгорода и умерли по пути, шведов, естественно, уже не касалось — это было дело царя Петра.

Потери русской армии были огромные. Лишь в бою, по шведским оценкам, погибло около восьми тысяч человек. Если добавить сюда тысячу утонувших всадников Шереметева и скончавшихся по пути в Новгород от ран, холода и голода, то цифра может значительно возрасти. В плен к шведам попали 18 генералов и большое количество полковников, 145 орудий, 151 знамя и 20 штандартов, а также весь запас провианта и амуниции плюс полевая военная касса царя Петра. Среди пленных оказался

грузинский царевич Александр, наследник грузинского престола. Его отец в 1688 году был изгнан из Грузии и нашел приют в России. Он отдал своего сына Петру, и девятнадцатилетний царевич сопровождал нарвскую армию; во время сражения он был взят в плен пьяными финскими солдатами, которые раздели его и хотели убить. К. Г. Реншёльд спас царевича, одел его и представил королю. Этот эпизод буквально потряс Карла, и он произнес одно из своих, может быть, самых эмоциональных выражений: «Это все равно, как если бы я попал в плен к крымским татарам!»[54]

Шведы свои потери оценивали скромно: 31 офицер и 650 рядовых убитыми и 1200 ранеными. Среди драбантов было 11 убитых и 25 раненых. Нарва стала их первым боевым крещением. Впоследствии драбанты оправдают свое название элитной воинской части и своим геройством не раз будут помогать королю выигрывать сражения.

Шведы праздновали победу, писали о ней домой и в официальных уведомлениях, и в частных письмах своим родственникам. Полковник Магнус Стенбок, переполненный радостными чувствами, сообщал своей жене о том, что досталось ему из взятых на поле боя трофеев: «...красивое покрывало для кровати, подбитое куницей, две серебряные кружки и кубок, не считая прочей мелочи, которую я отошлю домой». Кроме того, он получил «...для улучшения экипажа тысячу риксдалеров наличными деньгами», взятыми из захваченной царской казны, а о самом важном сообщает в конце письма: «...позавчера в самых милостивых выражениях получил от Его Величества за мою храбрость и примерное поведение звание генерал-майора»[55].

О личных впечатлениях самого короля после победы под Нарвой никаких письменных свидетельств не осталось, что удивительно, так как он не мог не написать об этом своей младшей сестре. В официальных реляциях сообщалось, что Карл XII во время сражения находился «...в местах, где сильнее всего стреляли и бились врукопашную», чтобы на коне и в пешем строю вести за собой пехоту и кавалерию, подвергая таким образом себя «...всем опасностям, которым подвергались его рядовые солдаты». Очевидцы говорили, что король вел себя под Нарвой не как разгоряченный лейтенант, ищущий себе приключений в самых горячих точках боя, а как разумный военачальник, появлявшийся там, где было необходимо, чтобы своим словом верховного главнокомандующего помочь делу. Он не был со своими драбантами у Камперхольмского моста, где они пытались перерезать противнику пути отступления, а оставался перед русскими окопами с лейб-драгунами, предупреждая опасность

активизации частей генерала Вейде на южном фланге. Вместе с драгунами он прогонял выбежавших на поле русских обратно в окопы. Позже, когда он сделал попытку перебраться в занятый русский лагерь, он, объезжая кучу убитых и раненых, провалился в окоп, наполненный водой, и потерял в нем шпагу и один сапог. Распорядившись о подавлении сопротивления в импровизированном русском вагенбурге, он восполнил необходимое для всадника снаряжение и удалился на другой фланг поля битвы. Когда Карл после боя снял свой галстук, из него выпала застрявшая мушкетная пуля — первая из тех пяти, которые, напевая «любимую его музыку», будут удостоены личной встречи с ним. Вторая пуля нанесет ему визит девять лет спустя.

Без сомнения, пишут многие историки, личная роль короля во время Нарвского сражения в целом была минимальной и заключалась в наблюдении за ходом боя. Это вполне объяснимо и понятно: король едва достиг минимального офицерского возраста, он никогда не сдавал экзаменов в Карлбергской военной школе, ни разу еще не проходил офицерской аттестации, не воевал в армиях других европейских государств и вообще не имел никакого военного образования и подготовки, то есть для признания за ним авторитета полководца многого еще не хватало. Так, впрочем, происходило и с другими знаменитыми полководцами, которые приобретали воинский опыт и мастерство постепенно, только Карл, в отличие от всех них, не только не достиг преклонных лет, но едва вышел из юношеского возраста. Наполеон проявил свои военные способности в двадцать семь лет, хотя, конечно,если бы он был королем, как Карл XII, то не исключено, что он отличился бы намного раньше.

Главные лавры победителя при Нарве, несомненно, принадлежали генерал-лейтенанту Реншёлвду, Это знала вся армия, и этого никогда не пытался отрицать сам Карл. Впрочем, представить себе Реншёльда в роли непререкаемого ментора, диктовавшего королю свои ценные советы, а короля — в роли скромного ученика, кивающего в знак согласия головой, тоже совершенно абсурдно. У Карла был другой характер, у него на все имелось свое собственное мнение и особенно — в делах военных. Несомненно, Реншёльд многое дал королю, а король многое от него воспринял. Ни то ни другое не умаляет заслуг обоих полководцев.

... На третий день после сражения Карл XII с драбантами, под радостные возгласы жителей и гарнизона, торжественно въехал в освобожденную Нарву, которая из совершенно неизвестного городка сразу превратилась в город всемирно-исторического значения. Король вошел в церковь, «...где он пал на колени и

возблагодарил Бога за дарованную ему и его народу победу».

Глава шестая
ЗИМНИЕ РАДОСТИ В ЛАИСЕ

Герман Израэль: И вот теперь он хочет пойти новым путем, который приведет нас к погибели.

А. Стриндберг. Густав Васа

Пока Европа переваривала шокирующее известие о победе Швеции и напропалую славословила по поводу гения новоявленного «Александра Севера», победителю приходилось заниматься самыми прозаическими делами. Несомненно, он пребывал в прекрасном расположении духа и имел для этого все основания, но он не был предрасположен к восторженной шумихе и звукам фанфар, а упиваться нежданно-негаданно свалившейся на него славой он еще не привык и если делал это, то тайком от других, никак не проявляя своих чувств внешне.

Первой заботой Карла стала армия.

Когда опьянение победой прошло, наступило похмелье. И само состояние армии, и перспектива для нее выглядели не совсем светлыми. Победа досталась ценой определенного напряжения — мы помним, в какой спешке и при каких финансовых проблемах происходила подготовка экспедиции. Ох уж эти финансы — вечная проблема всех шведских королей и полководцев, вынужденных напрягаться до последней кроны, до последнего эре, чтобы добиться желаемого результата! Конечно, если бы страна оставалась в своих естественных границах, таких проблем бы не возникало. Но Швеция — vivitur ex rapto!— стремилась к экспансии, и ее более чем скромные ресурсы, как мы указывали выше, все время вступали в противоречие с грандиозными замыслами ее королей. Английский историк М. Робертс, например, придерживается того мнения, что Швеция в 1700 году была не в состоянии осуществлять широкомасштабные наступательные операции, хотя была хорошо подготовлена к обороне.

Русских прогнали из Нарвы, русские ушли сами из пределов королевства — Ям и Копорье, разоренные дотла, вообще были брошены на произвол. Тройственный антишведский союз лежал в руинах. Не настигнутый местью шведского короля саксонский курфюрст и польский король Август II пребывал в состоянии прострации и с ужасом думал о надвигавшейся на него

опасности. Казалось бы, все складывалось великолепно: Дания укрощена, Россия разбита — живи и радуйся! Но радоваться было нечему: шведская армия находилась если не в состоянии деградации, то, во всяком случае, на грани развала и гибели. Как всегда, причина была прозаична и проста — не хватало денег, еды, амуниции, обуви, одежды. И если бы не неожиданный «подарок» со стороны русских ротозеев, после битвы все еще гнавших по Чудскому озеру провиант для царя Петра под Нарву, то шведам пришлось бы совсем худо. Целая флотилия из 120 баржей с порохом, свинцом и солониной на борту совершенно спокойно причалила в назначенное на севере озера место и... попала в объятия проголодавшихся свеев.

Все дело было в том, что в округе, разоренной войной, нельзя было достать не только глотка вина или куска мяса, но и куска хлеба. Карл XII приказал своим провиантамейстерам в поисках съестных припасов прочесать близлежащие деревни, в том числе и русские, обещая хорошие деньги, но шведы вернулись ни с чем: деревни были пусты, эстонцы разбежались, а русских царь Петр заблаговременно вывез, дабы не искушать их шведскими деньгами. Скоро лошади шведской кавалерии стали глодать кору деревьев, а люди, как медведи, «сосать лапу».

К голоду прибавились тиф и дизентерия — явление, непременно сопутствующее скученности самого разношерстного люда и случайному пропитанию. Недаром Карл считал, что лучшим средством от болезней для личного состава являются походы и походная жизнь. Как только солдаты скапливаются в казармах, жди беды: то чума, то оспа, то чесотка, то рвота, то еще какая-нибудь зараза накинется на солдата. (Яркий пример: во вполне благополучной Риге, запертой саксонцами, но никогда не испытывавшей недостатка в еде или медикаментах, гарнизонные полки к моменту снятия осады с города из-за болезней сократились до состава рот.) Шведы считали, что болезнь оставили им русские — возможно, но не надо забывать, что заразные болезни при преодолении расстояний были тогда страшным бичом для всех армий. Достаточно вспомнить о высокой смертности шведских солдат на относительно коротком морском маршруте Карлскруна— Копенгаген. Болезни должны были возникнуть неминуемо, потому что на небольшом участке земли в сжатые сроки побывало не менее 100 тысяч человек!

Итак, «прокормиться» за счет противника победителям удалось лишь несколько дней, и, чтобы не загубить армию, нужно было срочно уходить из-под Нарвы. Куда? Преследовать русских в глубине их территории? Невозможно, хотя первоначально такие планы у короля были. Армия — голодная и больная — в зимний

холод по разоренной местности двигаться не могла. Немедленный поход в Россию был бы безумием. Оставался единственный разумный вариант — подыскивать зимние квартиры. Впоследствии Карл XII для военных мероприятий будет считать самым подходящим временем зиму, особенно если речь идет о восточноевропейском театре военных действий. Во-первых, крепкие морозы препятствуют возникновению заразных болезней, во-вторых, реки, озера и болота замерзают и маневренность войска возрастает многократно. Но в данном случае о походе и думать было нечего, а войско двинулось на юг, где эстонские деревни еще не были затронуты войной и могли выдержать содержание шведской армии.

Простояв под Нарвой две недели, Карл во главе своих лейб-гвардейцев выступил из Нарвы на запад и вступил на ту же дорогу, по которой шел месяцем раньше. За ним потянулись остальные полки.

Свернув круто на юг, Карл скоро добрался до старинного замка Лаис, расположенного неподалеку от западного побережья Чудского озера, и разбил там свою штаб-квартиру. Войска разместились в окрестных эстонских деревнях, которые войной пока затронут не были. Место было выбрано с оптимальной выгодой: оно находилось на пересечении стратегических путей и позволяло наблюдать за обстановкой как на юге, где Карла ждал саксонский кузен, так и на востоке, где исчезли остатки войска царя Петра. Замок Лаис (Лайузе) лежал в руинах, он был построен еще немецкими рыцарями. Сохранилась высокая каменная стена, к которой прижались маленькие деревянные домишки, выстроенные уже в более поздние времена. В них-то и разместился король со своим штабом и походной канцелярией на целых пять месяцев вплоть до мая 1701 года[56].

Зимовка в Лаисе совпала, пожалуй, с самым лиричным временем для восемнадцатилетнего Карла. Он еще не утратил своего юношеского задора и с беззаботностью победителя в последний раз отдавал дань своему возрасту, предаваясь прелестям тихой зимней жижи в лесной глуши. Игра в снежки, хоровод под рождественской елкой, охота, вылазки в окрестности и участие в эстонской крестьянской свадьбе, по вечерам — сидение у камина и написание писем сестре — разумеется, младшей. Карл отнюдь не был мастером эпистолярного жанра, и его письменное наследие весьма скромно, потому что многое к тому же не сохранилось. То, что осталось, свидетельствует о том, что стиль короля был довольно приземленный, «некоролевский», ему чужды были патетические и героические тона, так хорошо используемые его предками-королями, в особенности Густавом II

Адольфом. Аристократическая сдержанность, отсутствие экспрессивности, приземленность, простота, деловитость, краткость, иногда — намеренное употребление простонародных выражений и всплески легкого юмора — вот слитая характеристика эпистолярия Карла XII.

«Здесь на зимних квартирах событий мало, если, конечно, что-то не подворачивается под руку. Магнус Стенбок и Аксель Спарре после еды соблюдают покой, а иногда пускаются в шалости. Однажды здесь устроили охоту на лося. Участвовали в ней только я, Магнус Стенбок и Врангель[57], мы вернулись поздно домой и устроили такой шум, что некоторые подумали, что на них напали русские и закричали: «Где пистолеты?», а господин Нильс[58] вооружился вертелом... Здесь время идет весело... — пишет он Ульрике Элеоноре в Стокгольм и продолжает: — А по пути из Нарвы мы попали на крестьянскую свадьбу, которая проходит со всевозможными украшениями. Невеста должна реветь, плакать и сожалеть о своем девичестве; лицо у нее закрыто и совсем не видно. А жених берет ее под руку и ходит с ней по кругу. Впереди них идет человек с мечом и осеняет крестом все двери. Потом, когда надо ехать на венчание, невеста садится в сани на подушку, а жених — к ней на колени, и все свадебные с большим воем, как стая волков, отправляются вместе с ними и с волынкой впереди свадебного поезда. Проживающие радом с русской границей танцуют по-русски, стоят и притопывают ногами друг против друга в каденции и вскрикивают, извиваясь и потирая друг друга спинами».

Нормальное письмо нормального человека — и не больше. В повседневной жизни Карл XII, по мнению многих историков-апологетов, был обычным человеком, чуждый всякому пафосу и «возвышенным чувствам». Его преображала война, но и на войне его трудно представить обращающимся к своим солдатам с пламенном речью о завете отцов, о любимой родине, о привлекательности воинского подвига, как это делали Цезарь, Наполеон или Густав II Адольф. Патетика не была в его стиле и духе. Он действовал на своих подданных практическим примером — шпага никогда не обманет! Его называли бессердечным, бесчувственным, жестоким и холодным как лед, — подобные высказывания уже стали появляться сразу после Нарвы, когда окружение его видело, что у него не находилось теплых, проникновенных или сочувственных слов к людям. Некоторые историки, однако, не считают его таковым. Они объясняют все это отсутствием у Карла XII склонностей к риторике и патетике, ею прагматизмом и неприязнью к высоким словесам и ко «всякой чуши вообще». Потому он и казался всем чужим, отстраненным и

странным. Вполне правдоподобная версия. Вот если бы он кричал и неистовствовал в драматические моменты, высказывал меткие афоризмы о справедливости и добродетели, театрально махал шпагой перед небесами и призывал Бога в свидетели, то тогда он был бы всем понятен и близок, Как говорил лорд Бикон, добавка лжи только увеличивает удовольствие.

О Карле XII, как почти обо всех выдающихся личностях, существуют два диаметрально противоположных суждения: одни считают его бездарным человеком и посредственным, несмотря на всю воинственность и личную храбрость, полководцем; другие, наоборот, признают чрезвычайно одаренным человеком и полководцем, что называется, от Бога и на все времена. И то и другое мнение имеет убедительные и неопровержимые примеры как за, так и против. Нет, недаром Вольтер говорил, что Карл XII был человеком, который довел свои добродетели до их противоположностей.

Нам думается, что все зависит от того, как посмотреть на этого человека: с сочувствием и симпатией или, наоборот, с неприязнью и отчуждением. Все дело заключается в том, что мы хотим увидеть в великом человеке и на что — закрыть глаза. Либо мы принимаем его целиком как выдающийся талант вместе с его недостатками, либо начинаем копаться в его ошибках и проступках и приходим к «удовлетворительному» для себя выводу о том, что объект наших исследований практически ничем не отличается от нас, простых смертных людей. Вот не хватает, например, у шведа Ф. Г. Бенгтссона и некоторых других историков симпатий к царю Петру, поэтому они и рисуют его в образе сугубо отрицательного человека, бабника, грубияна, безбожника и деспота, подверженного пьянству, обладающего буйным и грубым нравом и жестоким характером. Карла XII они, наоборот, обожают, и перед читателем предстает образ благородного и обаятельного человека. Впрочем, замечает тот же Бенгтссон, даже в случае самого благожелательного отношения к Карлу XII нельзя ожидать от него слишком многого. Он был монархом и великим человеком, и этим все сказано. Разве можно подходить к великим людям с обычной меркой?

Шведский историк считает, что, кроме Карла, в истории были да выдающихся монарха-полководца: Фридрих Прусский и Наполеон. Последние являлись людьми безудержного характера с разнообразными способностями и задатками. Они многим интересовались и проявили себя в самых разных областях, помимо военной. Фридрих был философ, писатель, любитель поэзии, музыкант; Наполеон обладал еще более разносторонними талантами. Эти правители мало обращали внимания на

моральные принципы и в своих практических действиях исходили из прагматической целесообразности[59].

Не таков Карл XII. Это — отдельное явление в истории, сравнение его с другими историческими фигурами почти невозможно и неудовлетворительно. Он действует и мыслит непредсказуемо и ставит свое окружение в тупик. Казалось, что после Нарвы королю можно было успокоиться и вернуться в Швецию. Ведь тройственный союз против него фактически распался, опасности ни с какой стороны не было, а саксонский курфюрст, он же польский король де-юре, зондировал возможности заключения с ним мира. И можно было не сомневаться, что мир этот мог состояться лишь на условиях, продиктованных королем Швеции. И тем не менее Карл зимой 1701 года не успокаивается на достигнутом и стремится к войне. «Король не думает ни о чем другом, кроме войны, — писал М. Стенбок в Швецию из Лаиса. — Он не обращает никакого внимания на советы других людей, и создается впечатление, что он действует по указанию самого Господа Бош. Пипер в трансе, потому что все важные дела решаются без всякого предварительного обсуждения».

Что это — кровожадность, милитаризм и неукротимая воинственность? Русский историк В. Герье в 1876 году писал, что для Карла XII «...война была не борьбою народов или государств, а исключительно борьбою государя с государем, благородным турниром не на жизнь, а на смерть, в котором государи представляют рыцарей, а народы — пылких коней, на которых всадники несутся навстречу смерти или славе».

К. фон Саров и Ф. Г. Бенгтссон полагали, что война Швеции была навязана и виновники ее должны были быть наказаны. «Походы Карла XII, — пишет первый, — не что иное, как попытки с оружием в руках удержать территориальные приобретения Швеции»-. Только с этой точки зрения можно понять короля Швеции и все его поступки. Два обидчика уже получили свое, но третий, самый хитрый и коварный, все еще стоял у границ Лифляндии. Исходя из высших принципов справедливости и морали, этого наглого эпикурейца и бонвивана должно было во что бы то ни стало наказать!

Но вся трагедия состояла в том, что уже в этот ранний период Северной войны окружение Карла начинает с трудом понимать мотивы, которыми король руководствуется в своих поступках и решениях. Вот как оценивал действия короля в 1701 году высокопоставленный офицер, подполковник К. М. Поссе: «Несмотря на всякого рода лишения и такой холод, что вода мерзнет в избах, король не хочет пускать нас на зимние

квартиры... А если кого убьют, то он так же мало принимает к сердцу, как будто речь идет о какой-то воши... И я теперь уже вижу, какой конец нас всех ожидает», Генерал Якоб Спенс не без иронии назвал Карла «фискалом самого Господа Бога», посланным на грешную землю для наказания всякого зла, предательства и обмана. Очень меткая характеристика![60]

Но только ли принципы справедливости руководили Карлом в этот момент? Ведь эти самые принципы можно было претворить в жизнь и мирным путем, Бенгтссон высказывает мнение, что обычный военачальник так бы и поступил, но только не Карл, личность выдающаяся и противоречивая. Он уже в детстве привык поступать вопреки всем советам — советы только укрепляли его в противоположном мнении. Наблюдательный французский посол де Жискар докладывал в Париж из Лаиса: «Я серьезно думаю, что король Швеции боится остаться без врагов, если он заключит мир с Августом. От его предрассудков может вылечить только беда».

Признавать за великими людьми право жертвовать на алтарь сомнительной войны человеческие жизни было бы, вероятно, не совсем правильно — ведь в конце концов это противоречит тем же самым принципам морали и справедливости, за которые так твердо и убежденно стоял Карл XII. Осмелимся все-таки не согласиться в этом вопросе с Бенгтссоном и предположить, что основным двигателем военных устремлений Карла XII было его непомерное тщеславие. В тайниках своей души Карл, испытавший вкус победы, жаждал дальнейшего воинского подвига и подтверждения своей громкой славы. Не надо забывать, что он не переставал подражать Александру Македонскому. Дипломаты уже украли у него одну победу, и он не желал теперь допустить еще один Травенталь. Поэтому никакой дипломатии — дипломатия лжива, а правда и честь находятся на острие шпаги. Война— лучшее средство разрешения споров и конфликтов. Война была его призванием, ни к чему другому большой склонности он не испытывал.

А между тем внешнеполитическое положение Швеции после Нарвы не было уж таким блестящим, утверждает немецкий биограф Карла XII Отто Хайнтц. При наличии в тылу сильного датского флота страна находилась в постоянной зависимости от доброй воли Голландии и Англии. Более того, морские державы, гаранты Травентальского мира, уже втянули Данию в орбиту своих интересов, получив от нее войска для использования в войне за испанское наследство. Граф Бенгт Оксеншерна был встревожен таким развитием и слал Карлу в Ланс письма с предложением заключить мир с Саксонией, тем боле» что Август Сильный был готов пойти шведам на любые уступки, а Россия уже

не представляла большой угрозы. Тем самым Швеция развязывала бы себе руки, отказываясь от ненадежных гарантийных обязательств Англии и Голландии, и обретала полную свободу действий в своей внешней политике. Но Карл, как мы уже отметили выше, буквально отгородился от всех советчиков и посредников и всякие разговоры о мире с саксонцами отвергал с порога. Отчаявшись установить прямой контакт с королем, граф Бенгт прибегнул к помощи своего зятя Магнуса Стенбока, бывшего в некотором фаворе у Карла, но все было напрасно.

В Лаис снова «прорвались» послы императора Леопольда I и Людовика XIV, но они, натолкнувшись на «стену упрямства» Карла, свои мирные инициативы скоро прекратили[61]. Во-первых, крупным европейским державам стало уже не до уговоров шведского короля: они начинали готовиться к войне за испанское наследство, и Франция, опасаясь вовлечения в войну Швеции на стороне императора и морских держав, предпочитала теперь, чтобы шведы глубже увязли в войне на северном театре военных действий. Англия и Голландия, наоборот, прилагали и еще будут прилагать усилия к тому, чтобы погасить этот очаг войны и привлечь Швецию на свою сторону в противостоянии с Францией за испанское наследство.

Как на австрийского, так и на французского посла моральное и физическое состояние шведского воинства в Лаисе и положение прибалтийских провинций в целом произвели самое удручающее впечатление[62]. Возвращавшийся в Вену посол императора Леопольда I уже не уговаривал Августа пойти на мир с Карлом, а, наоборот, укреплял его в целесообразности ведения военных действий с еще большей силой. Вот что сообщал граф де Жискар в Версаль в своем отчете королю Людовику XIV: «Дворяне трех провинций Лифляндии, Эстонии и Ингрии недовольны шведским правительством, которое, отняв у них большую часть привилегий и имущества, все равно относится к ним с недоверием, считая их тайными врагами. Уже полгода у них без всякой оплаты и обещаний оплатить забирают все для снабжения войск, так что они ожидают только подходящего момента, чтобы восстать, и открыто высказывают сожаление о том, что в прошлом году королю Августу не удалось глубже проникнута в страну... Уже год находящиеся здесь военные не получают жалованья... никаких больниц здесь нет, не хватает провианта и амуниции... Солдаты то получают в избытке плохой хлеб и солонину, то не получают ничего вовсе... Болезни не прекращаются, а, наоборот, усиливаются, смерть не щадит никого, включая окружение короля: его кузен Адольф скончался два дня тому назад, слуга короля умер в шкафу, не вызвав у него ни сожаления, ни

удивления; умирают священники, врачи, фельдшеры; почти ни один раненый под Нарвой не вернулся в строй, в большинстве полков к выступлению готово не более одной трети личного состава. Король за три месяца никак не может собрать больше шести тысяч солдат».

Оценку де Жискаром положения в Прибалтике, пишет Ф. Ф. Карлссон, вряд ли можно считать преувеличенной — ее по всем пунктам подтверждают шведские архивные документы того времени. Историк, в свою очередь, приводит пример одного крестьянского восстания в Лифляндии, на усмирение которого были посланы два полка регулярной шведской армии. С Лифляндией шведы обращались как с вражеской территорией. Уже на этом этапе стало ясно, что предстоящая война была не по силам стране, и об этом пытался сказать королю граф Оксеншерна, об этом робко говорили и в окружении самого короля. Мир с Августом был для Швеции настоятельной и объективной необходимостью.

Карл XII предпочитал всего этого не замечать, а свои зимние «радости» в Лаисе время от времени перемежать военными действиями. Вновь испеченного генерал-майора Стенбока с отрядом в 600 человек послали на восточный берег Чудского озера с задачей напасть на город Гдов, но, обнаружив там сильный отряд русских, генерал вернулся домой ни с чем. Больше повезло генерал-майору Якобу Спенсу, которому, согласно шведским историкам, со своей кавалерией удалось окружить лагерь русских в Печорах, сжечь его и перебить его обитателей. В качестве трофеев были взяты большие запасы амуниции и продовольствия. Карл XII выехал в инспекционную поездку вдоль русской границы и приказал усилить ее дополнительными войсками и укреплениями.

Неудачный рейд Стенбока послужил поводом для злорадства других генералов Карла: граф К. М. Поссе в письме к брату в Швецию сообщил, что «...на этот раз Магнус деньги не получил». Основания для такого сарказма у коллег Стенбока были: генерал был жаден до денег и не гнушался ничем, включая московские деньги, деньги, выигранные в карты у Карла XII, лисьи шубы и прочую рухлядь, которые он регулярно продолжал слать любимой супруге Еве. Сквалыжничать и доносить обо всем этом королю было не принято, Карл этого не любил, поэтому шведы сплетничали и злословили по поводу друг друга потихоньку, в тесном кругу друзей и единомышленников.

Кстати, об офицерских нравах в шведской армии можно судить по следующему примеру. Подполковник Якоб Грундель, сводный брат фельдмаршала Грунделя-Хельмфельта, завел в

Истаде любовницу, которую он в беременном положении «устроил» замуж за какого-то гражданского чина. Гражданский чин, убедившись в том, что не является отцом ребенка, затеял развод и пожаловался на женатого подполковника церковным органам и военным властям. Нравы в стране, а в армии в особенности, при Карле XII были строгими, король, как мы уже знаем, не терпел вокруг себя «аморальщины», и по делу Грунделя начали следствие. Ситуация осложнилась еще и тем, что подполковник нагрубил своему начальнику — все тому же Магнусу Стенбоку, и против него завели еще и дисциплинарное дело. Смертная казнь была неминуема, и покорителя женских сердец посадили под стражу. Впрочем, до казни дело не дошло, виновного перевели в другой полк, и он еще долго воевал с королем в Польше и других местах.

Амурные дела, карточные игры и дружеские попойки в среде офицеров шведской армии были явлением вполне заурядным. Чем же еще можно было заниматься во время долгих постоев?

Так проходила зима в Лаисе. Стали уже формироваться общества по интересам. К примеру, французский посол де Жискар «сколотил» дипломатический «кружок» и вращался в обществе О. Веллингка, А. Хорна, К, Г. Врангеля и графа К. Г. Пипера, заменившего теперь больного Т. Пулюса на внешнеполитическом поприще и сосредоточившего в своих руках фактически все управление Швецией, нашептывая им старую песню про мир с Августом. М. Стенбок и К. Г. Реншёльд ни с кем в близкие отношения не вступали, осчастливленные обществом короля, и старательно играли роль добрых ангелов-хранителей, ограждая молодого Карла от дурного влияния. «Другие так и норовят его проглотить, — доверительно сообщал Стенбок супруге Еве, — но надеюсь, Бог сохранит его».

Молитвы Магнуса Стенбока пока оказывались эффективными. Бог хранил короля для новых подвигов. Время «вина и роз» в Лаисе заканчивалось, из Швеции прибывали новые подкрепления для армии, в числе которых был Уппландский полк под командованием полковника Адаме Людвига Левенхаупта (Левенгаупта), и Карл XII уже нетерпеливо замечал, что «...пора что-нибудь предпринят». В необходимости «что-то предпринять» убеждала короля недавняя встреча Петра с Августом в Биржах. Его враги не успокоились и продолжали накапливать против него силы.

Глава седьмая
СЦИЛЛА И ХАРИБДА НА ДВИНЕ

«Во имя отечества прошу вашу милость поразмыслить над тем, что говорить с безумными — это безумство!»

А. Стриндберг. Мастер Улоф

Вновь прибывшее из Швеции пополнение насчитывало около десяти тысяч человек, и король был доволен: с такими силами можно было отправляться «в гости» к польскому королю. «Здесь, слава Богу, начинает пахнуть летом, — сообщил он младшей сестре 30 мая 1701 года, — и с Божьей помощью надеемся скоро выступить и приступить к нашему ремеслу опять». Саксонцы уже больше года стояли под Ригой, и хотя особых успехов они не добились, но кое-какие приобретения сделали, включая небольшую крепость Дюнамюнде в самом устье Двины, которую они в угоду своему королю с большой помпой поспешили переименовать в Аугустусбург.

Россия со своим географическим положением и ресурсами представляла куда большую угрозу, нежели Саксония и Польша вместе взятые, но крупных наступательных действий на востоке со стороны русских в ближайшее время вряд ли было можно ожидать. Польша все еще находилась в состоянии мира со Швецией, но надо знать непостоянство поляков: при благоприятном для них развитии событий и они могут сесть на коня и поехать вместе с саксонцами «воевать свою старую вотчину Лифлянцию». Пока русские слабы, надо быстро навести порядок в Польше и обезопасить себя с южного фланга. Тогда можно будет подумать и о русских. Таков был стратегический план Карла XII на ближайшую перспективу.

А пока Карл XII оставил для прикрытия восточных провинций следующие силы: в Карелин и Ингерманландии корпус численностью в шесть тысяч человек под командованием местного ландсхёвдинга[63] и генерал-майора Крунхъюрта (Кронгиорта); в Нарве с усиленным гарнизоном остался предприимчивый Х. Р. Хорн; на Чудском озере за русскими следила флотилия адмирала Гидеона Нумерса; и, наконец, южную границу Лифляндии с несколькими пехотными и

кавалерийскими полками должен был охранять толковый полковник Вольмар Антон Шлиппенбах. Воинские контингенты при случае должны были получать помощь от местных милицейских подразделений. На первый случай этих сил, по мнению короля, должно было хватить, а там можно будет ситуацию и пересмотреть.

Как окажется позднее, Карл XII в данном случае допустил стратегический просчет, на который указывают многие специалисты, включая шведских. Оставшиеся в восточных провинциях силы были раздроблены и единому командованию не подчинялись. Этим воспользуется Петр и по частям начнет бить оставшихся там шведских генералов. Поправить положение на северо-восточной границе с Россией у Карла XII потом не будет ни сил, ни времени. Он по уши завязнет в польско-саксонских делах.

Из Лаиса король выступил в Дерпт, чтобы встретить прибывавшие через Ревель воинские части, и уже из Дерпта 27 июня 1701 года[64], в день своего девятнадцатилетия, он двинулся с армией на юг. К празднованию своих дней рождения король интереса не проявлял, а накануне устроил учения своим драбантам. Король остался так доволен достижениями своей дружины, что вернулся во главе ее в город верхом на коне и с обнаженной шпагой. Он въехал в Дерпт в костюме, который будет носить до конца своих дней: от парика и золотых галунов он откажется навсегда, предпочитая королевской одежде голубой однобортный камзол с медными пуговицами, черный шелковый галстук, свободный плащ, который он будет использовать в качестве одеяла во время сна под открытым небом, треугольную шляпу, высокие грубые ботфорты и огромную шпагу. Последнюю он будет носить не для украшения и церемоний, а скорее по прямому ее назначению. Он был последним королем, участвовавшим в рукопашных схватках. Особое недоразумение у окружающих вызывало, конечно, отсутствие на голове юного монарха парика, неотъемлемой части мужского костюма того времени. Мужчину, дворянина и уж тем более монарха без парика было просто невозможно представить, к тому же без этого головного убора легко можно было простудиться! Волосы на голове король стриг коротко и зачесывал их назад — это было так необычайно ново, странно и вызывающе! И вообще всем своим внешним видом Карл XII сначала всех просто шокировал. Когда он разговаривал — хоть с генералом, хоть с рядовым солдатом, будь это при ярком солнце или во время дождя и снегопада, — то стоял с непокрытой головой и со шляпой под мышкой.

Потом, конечно, к внешнему виду своего короля привыкли и

даже согласились, что в таком виде он выглядел вполне пристойно. Смущенную улыбку на его лице сменило пламенное и одухотворенное выражение, вызывавшее у его солдат «неподражаемое желание идти в бой», в то время как голос, обычно слегка грудной и невыразительный, стал по-командирски ясным, сильным и звонким. Везде, где он появлялся, Карл немедленно приковывал к себе внимание. Он особенно хорошо смотрелся среди солдат — самый воинственный среди мужчин, как говорится в одной исландской саге о предводителе викингов. На пути из Лаиса к Двине Карп XII начнет обретать облик «солдатского короля», который он сохранит до конца своих дней, потому что будет делить со своими подчиненными все тяготы службы: и длительные, утомительные переходы в любую погоду, и ночевки у костра, и скудную солдатскую пищу, и участие в рукопашных боях.

Впрочем, солдаты и офицеры были для него всего лишь инструментом, материалом войны. Он олицетворял для них Божий промысел, и они должны были беспрекословно за него умирать. И он их не щадил и не жалел. Их страдания и жертвы воспринимались им как должное. Он мог без нужды, просто так, из-за прихоти, подвергнуть их жизнь опасности и лишениям. Карлу была нужна не просто победа, а победа, добытая с трудом и большими испытаниями. Он вел солдат на штурм тогда, когда это было бессмысленно.

Двина — крупная река, и достать саксонцев на другом берегу с точки зрения тогдашней военной техники было не так уж и просто. Главное в форсировании Двины состояло в том, чтобы противнику не было известно, в каком месте шведы войдут в реку. Семидесятишестилетний генерал-губернатор Риги Э. Дальберг заблаговременно был посвящен в некоторые детали этой крупной военной операции и вносил свою лепту в ее техническую подготовку. Несмотря на свой преклонный возраст, ветеран Тридцатилетней войны был полон сил и энергии. Еще в армии Карла X, сорок три года тому назад, он отвечал за преодоление датского пролива Бельт, и его опыт конечно же мог пригодиться в данном случае. Он дал указание собрать все имеющиеся в городе плавсредства и подготовить их к десантной операции; он позаботился о средствах для дымовой завесы, которая должна была прикрыть рискованный марш шведов через реку; для кавалерии соорудили специальный плавучий мост. Формально за саперное обеспечение операции отвечал генерал Стюарт.

От Дерпта до Риги около 250 километров. Стояла неимоверная жара, когда шведская армия двинулась к югу, и о

блицпереходе не могло быть и речи. Двигались со всей осторожностью, чтобы у саксонского главнокомандующего фельдмаршала Штайнау не создавалось определенного мнения о том, в каком месте — у Риги или Кокенхаузена — задумал Карл XII переправить свои полки через реку. И у педантичного усердного фельдмаршала действительно голова шла кругом от неизвестности. В его распоряжении было 28-тысячное войско, в котором одну треть составляли хорошо обученные саксонские пехотинцы и кавалерия, а остальные две трети — русский корпус Аникиты Ивановича Репнина[65], который значительно уступал саксонцам и шведам и в подготовке, и в военном опыте, и в вооружении. Русские наконец-то прибыли на помощь своему союзнику.

Штайнау нужно было во что бы то ни стало не дать шведам высадиться на неприкрытом месте, поэтому он, в зависимости от разведданных о маршруте шведов, то и дело переставлял свои полки вдоль берега Двины, чтобы не пропустить противника. У шведов на противоположном берегу было около 18 тысяч человек. Когда шведская кавалерия появилась под Кокенхаузеном, саксонцам стало ясно, что форсировать Двину шведы намеревались именно в этом месте, и они принялись укреплять и дооборудовать местность.

Но вечером 17 июля король неожиданно даже для своих генералов отдал приказ всем частям идти форсированным маршем к Риге, и Штайнау в большой спешке стал перебрасывать подкрепления на Рижское направление. В конце концов он убедился, что фортификационные укрепления по берегу были вполне солидные и шведскому королю прорваться сквозь них с ходу будет нелегко.

Около Риги ширина Двины составляла 600 метров, берега в этом месте были отлогие, а русло изобиловало многочисленными наносными островами. Лодки, плоты, баркасы, подготовленные Э. Дальбергом и М. Стюартом, могли за один раз взять шесть тысяч человек пехоты, пару эскадронов кавалерии и немного пушек. Остальные части должны были перейти по понтонному мосту. Диспозицию к атаке составлял все тот же Стюарт, что и при высадке под Копенгагеном, только здесь поставленная перед ним задача была намного сложнее.

Переправу наметали на следующий день, 18 июля, но подул штормовой ветер, и мероприятие пришлось отложить, что позволило саксонцам спокойно перебросить из-под Кокенхаузена свою кавалерию. Утром 19 июля ветер стих, и в четыре часа утра шведы бросились к реке, сели в заранее подготовленные лодки и плоты и оттолкнулись от берега. Король в сопровождении

генерал-адъютанта Дюккера, шталмейстера Ройтеркранца и камер-пажа Клинковстрёма в небольшой лодке плыл в центре колонны одним из первых. Французского посла де Жискара не взяли, и он в месте с графом Пипером мог наблюдать за всем происходившим с одной из башен рижской крепости. В последний момент посол уговаривал короля отказаться от идеи форсировать Двину — ведь на том берегу были не какие-нибудь русские варвары, а отличное саксонское войско. «Пусть хоть французы!» — резко ответил ему на ходу Карл на латинском языке.

Саксонцы обнаружили десант, когда он доплыл уже до середины реки, и начали его обстреливать. То ли они спали, то ли в предутренней дымке была плохая видимость, то ли шведы применили дымовую завесу, но факт остается фактом: немцы прозевали начало шведской операции. Генерал-лейтенант О. А. Пайкуль[66] стал выстраивать своих пехотинцев, чтобы обрушить их на противника, как только тот поднимется из воды на берег. Заработала саксонская артиллерия, не причинявшая, впрочем, большого вреда шведам; в ответ с крепостных стен Риги заухали гарнизонные пушки, противно «затявкала» малая артиллерия короля с плотов. Битва разворачивалась по всем правилам военного искусства.

Первым на левый берег Двины ступили лейб-гвардейцы» с гренадерским батальоном которых плыл и король; за ними со штыками наперевес бежали вестманландцм, уипландцы и далекарлийцы. Палисадные заграждения саксонцев были преодолены с ходу, и захваченный плацдарм по приказу генерал-майора Б. фон Ливена быстро был обнесен линией испанских рогаток. Нужно было делать все в большой спешке, чтобы успеть оградиться до атаки гренадеров Пайкуля. Через несколько минут саксонцы появились у плацдарма и — пехота в центре и великолепные в своем величии и блеске кирасиры по флангам — бросились в атаку. С помощью длинных пик[67] и испанских рогаток шведам с трудом удалось устоять и расстроить ряды атакующих. Саксонцы отступили, чтобы перестроиться и вновь наброситься на шведов.

С безопасного расстояния, как пишут шведы, за битвой наблюдал князь А, И. Репнин. Он якобы выжидал момент, когда шведов опрокинут в веду, чтобы дать команду своим солдатам вступить в бой. Но когда саксонцы отступили и показали спины шведам, он будто бы моментально исчез с поля боя вместе со своим войском[68]. О. А. Пайкуль ходил в атаку на шведов еще два раза, был ранен в бою, но шведы стояли. Тогда на поле боя появился сам Штайнау и повел саксонцев в третий раз. Схватка, в которой был ранен и саксонский фельдмаршал, была

ожесточенной. Саксонцы использовали свое преимущество в кавалерии. (Дело в том, что шведская кавалерия к бою практически не поспела: как только по команде Стюарта начали наводить понтонный мост, поднялась непогода, и саперам не удалось закрепить его противоположный конец на южном берегу. Мост взломало сильным ветром, и он уплыл вниз по течению. Подкрепление шведам приходилось перевозить уже в ходе завязавшегося боя все на тех же лодках и плотах, на которых высадили первую десантную группу.)

Ситуацию снова спасли 150 драбантов и 50 кавалеристов из лейб-гвардейского полка. Саксонские кирасиры первой волной смяли правый фланг шведов, и положение для шведов стало критическим. Неизвестно, как бы закончилась вся операция, если бы не храбрость и стойкость драбантов короля, Потом подоспело подкрепление, и саксонская атака задохнулась. Штайнау дал команду на отступление. Было всего 7 часов утра. Отступление происходило организованно и с сохранением полного порядка на глазах у шведов. Преследовать противника ям было невозможно, и, к великому огорчению Карла XII, потерпевшая поражение, но почти полностью сохранившаяся армия Августа легко оторвалась от противника и исчезла в польских пределах. Шведам достались три знамени, вся артиллерия, большой обоз (Магнусу Стенбоку было где поживиться) и запасы продовольствия, амуниции и боеприпасов.

Весь левый берег реки был очищен от саксонцев, малые крепости были взяты штурмом или капитулировали без боя, за исключением острова Лутцаусхольма, который отчаянно защищали 400 русских солдат и офицеров. Пути к отступлению для них были отрезаны, и они стояли насмерть. Штурмовали остров части засидевшегося за крепостными стенами рижского гарнизона и, как признают сами шведы, милосердия к «московитам» не испытывали. Их ненависть к противнику усилилась еще и потому, что при штурме шведы потеряли своего полковника и много «хорошего народа». В живых из защитников острова оставалось всего 20 человек, когда на острове показался Карл XII. «В то время, — сообщает нам между прочим Ф. Г. Бенггссон, — русских еще не принимали за людей, не говоря уж за приличных солдат; в них видели нечто среднее между грабителями-убийцами и паразитами, и когда предоставлялся случай, с ними не без удовольствия расправлялись на месте, предпочитая не связывать себе руки подобной скудной и бесполезной добычей». Поскольку уважаемый шведский историк (мир праху его!) дипломатично умалчивает о том, каким же все-таки образом распорядился поступить с 20 русскими солдатами

самый справедливый король в мире, можно сделать вывод, что «паразиты» были уничтожены.

Потери саксонцев, по оценке Б. Лильегрена, составили 1300 человек убитыми и ранеными, включая 400 русских, в то время как шведы потеряли всего 100 человек убитыми и 400 ранеными. В плен к швецам попали 700 человек, было захвачено 36 орудий, но всего 4 знамени. Последнее свидетельствовало о том, что противник отступил в боевом порядке.

Победа была одержана, но враг сокрушен не был, и Карл XII сделал саксонскому главнокомандующему «соблазнительное» предложение: он возвращает ему всех пленных саксонцев, а Штайнау соглашается на еще один поединок со шведами в открытом поле. Естественно, саксонец соблазну не поддался и продолжил свой марш в Восточную Пруссию.

Шведский король снова стоял перед дилеммой, куда разворачивать свою победоносную армию: на юг, в Курляндию и Польшу, или на восток — на Псков и Новгород. С занятием Курляндии проблем никаких не было: польское вассальное герцогство было свободно от вражеского войска, сам герцог, только что получивший от Августа чин генералиссимуса, сбежал в Берлин. Так как проблема снабжения шведской армии продолжала стоять со всей остротой, зажиточная и не тронутая войной Курляндия могла пока послужить продовольственной базой для шведских солдат, а кроме того, ее оккупация могла хоть на какое-то время испортить настроение «любимому» кузену Карла. Поэтому шведская армия в июле была введена на территорию герцогства; были оккупированы Митава и другие города, ликвидированы или изъяты остатки саксонского присутствия, разоружены две крепости; население заставили платить контрибуцию.

Но вскоре выяснилось, что в отношении Курляндии у короля были совсем другие соображения: а почему бы не расширить шведские восточные провинции за счет небольшого, но довольно лакомого кусочка? Хлопот никаких, а выгод — масса. И король распорядился ввали на территории Курляндии шведские порядки. Скоро от населения потребовали присяги на верность королю Швеции, церковным служителям приказали читать молитвы за здоровье короля Швеции, а созданным на шведский манер налоговым властям — собирать деньги в пользу короля Швеции. Последовали и кое-какие другие меры, втягивающие Курляндию в лоно шведского королевства. На фоне всего этого как-то неубедительно звучат утверждения некоторых биографов Карла XII о том, что он воевал «ради любви к искусству». При этом, если быть до конца справедливым и принципиальным, вменить в вину

курляндскому герцогу Швеция ничего не могла. Он был подневольной фигурой, и если в чем-то помогал Августу II, то делал это в силу своей вассальной от него зависимости.

Согласно первоначальным планам король должен был теперь повернуть войска на Россию. Основной армии должны были помогать наличные силы в Лифляндии (Шлиппенбах) и. в Финляндии (Крунхъюрт). В первые дни после победы на Двине эти планы оставались » силе. В августе 1701 года король Карл отдал приказ эскадре адмирала, губернатора и барона Эрика Шёблада в составе двух шняв и четырех галиотов выйти в поход на Архангельск. Польские паны по наущению Августа заклинали Карла, чтобы он не входил со своей армией в Польшу, потому что с ним воюет курфюрст Саксонии, а Речь Посполитая находится со Швецией в мире (год назад германские князья так же убедительно заклинали Карла XII не вступать на юс территорию, для того чтобы войти в Саксонию, потому «сто Август воевал с королем Швеции не как германский князь, а как король Польши!).

Во исполнение указаний короля лифляндский губернатор заблаговременно создал на пути следования шведов к Пскову провиантские магазины. Но неожиданно этим планам пришел конец. Карл XII принял решение углубиться со своей армией в Польшу — выбор, показавшийся всему его окружению и странным, и чреватым непредсказуемыми последствиями. К тому же король явно нарушал данное им когда-то слово не вести несправедливых войн. Войну с Польшей, которая официально в военных действиях Августа Сильного не участвовала и продолжала находиться со Швецией в состоянии Оливского мира, назвать справедливой было весьма трудно.

Но не только современники были изумлены этим шагом короля — и в новое время специалисты-карловеды продолжают спорить о том, правильно ли поступил в свое время шведский монарх или нет. Относящиеся с симпатией к личности короля говорят, что стратегический замысел Карла был разумным, потому что у него не было другого выбора. Август II представлял еще угрозу с южного фланга и угрозу более реальную, нежели царь Петр с востока. Мол, шведы попали в «вилку»: при любом варианте шведская армия не была в состоянии прикрыть оба стратегических направления, и один из флангов — южный или восточный — оказывался открытым. Но Карл выбрал из двух зол меньшее. Глазами современников Карла ситуация так и выглядела, но с высоты уже XXI века можно однозначно считать, что решение короля было ошибочным, но зато благоприятным для России.

Немецкий историк О. Хайнтц считает, что на решение короля

Швеции предпочесть польский вариант русскому повлиял исход битвы на Двине. Победа шведов над саксонцами и русскими имела, по его мнению, лишь тактический характер: армия Августа Сильного почти полностью сохранилась и в полном порядке ушла из Лифдяндии. Таким образом, южный фланг не был до конца обеспечен, а при таком положении Карл наступать на Россию уже не мог.

Современный историк В. Е. Возгрин обосновывает «польское» решение Карла целым рядом объективных и субъективных обстоятельств: опустошение русскими отрядами Б. П. Шереметева территории Лифляндии и лишение шведской армии базы снабжения и возможностей пополнения численного ее состава в походе на Россию; отсутствие денег в шведской казне и возможность использования для кормления армии продовольственной базы Польши; невозможность заключения мира с Августом, ибо Швеция не нарушала Оливский трактат, и мирные переговоры с ним означали бы, что Саксония вела законную войну; ненадежность Августа как партнера по мирному договору; незаинтересованность морских держав в русском походе шведов, которые перекрыли бы им последнюю возможность торговли через Архангельск.

События повернуть вспять невозможно, и они приняли такой оборот, какой приняли. В любом случае, пишут некоторые карломаны, ошибки и просчеты Карла XII умалить его величия не могут — у великих людей и ошибки великие. С этим спорить, конечно, трудно. Король мыслил глобальными категориями, поэтому и ошибки у него были... королевские. Но, повторяем, Карл был всего лишь человеком, и все человеческое... Он ушел на юг и оставил фельдмаршалу Шереметеву неограниченное поле действия для оттачивания боевого мастерства русских войск в Лифляндии. Правда, в этот самый момент В. А Шлиппенбах нанес последнему сильное поражение, но пройдет время, и уже Шлиппенбах будет бегать от Шереметева. Шведы надолго увязнут в Польше, в то время как Петр I проведет реформы и устроит армию по европейскому, почти по шведскому, образцу, которая и сломает шведской армии хребет.

Еще один просчет Карла XII, о котором шведские историки вздыхают с особым сожалением: ну зачем шведский король полез в политику, вознамерившись низложить Августа с польского трона и возвести вместо него своего ставленника? Не его это королевское дело — свергать с. трона монархов. Его дело одерживать военные победы.

С этим тоже трудно не согласиться: ну на самом деле, что это вдруг пришло в голову девятнадцатилетнему юнцу свергать с

трона королей? Трудное это дело, неблагодарное... Но — честолюбие! Но — уязвленное чувство собственного достоинства! Мало было нанести военное поражение Августу — надо было его унизить так, чтобы он стал посмешищем всей Европы. По логике Карла, свержение Августа с польского престола значительно упрощало ситуацию: Польша перестанет находиться под властью короля, который воюет отдельно от нее, но спекулирует на ее суверенитете. Поставив вместо Августа своего человека, Швеция, вполне возможно, приобрела бы в лице Речи Посполитой потенциального союзника.

Да и с моральной точки зрения удаление Августа с польского трона, по мнению Карла, выглядело вполне пристойно. Ведь кузен не являлся королем «милостью Божией», должность польского короля — выборная, и он добился польской короны нечестным путем с помощью подкупа и обмана.

Видимо, суммировав все эти соображения, Карл XII 9 августа 1701 года из курляндского города Бауске выпустил две грамоты, написанные хорошей канцелярской латынью: одну с обращением ко всем полякам, а другую — к кардиналу Михаилу Радзиевскому, архиепископу Гнезенскому, примасу католической церкви и самому влиятельному политическому деятелю Речи Посполитой. В грамотах ставился вопрос о свержении Августа с трона и обещалась Всемерная помощь со стороны Швеции с учетом того вреда, который Август причинил Польше и польским свободам, наводнив страну саксонскими войсками и ввязавшись в неприглядную войну со своим шведским родственником.

Жребий был брошен, и Карл, вероятно, даже не осознавал, в какую аферу он ввязался, потому что никто, кроме его самого, заниматься таким хлопотным и неблагодарным делом не хотел и не мог. И он со всем своим упорством и одержимостью принялся за свой сизифов труд. Уговоры, увещевания, ссылки на прецеденты и на сложности были напрасны и лишь подстегивали его.

Несомненно, указывает Ф. Г. Бенггссон, идея лишить Августа польской короны принадлежит к одной из самых сумасбродных у Карла. Так же, гак сто лет спустя великий Наполеон «заболее» Испанией, так и Карл XII основательно и опасно заболел Польшей, Он осложнил себе жизнь не только тем, что к военным заботам прибавил политико-дипломатические, но и тем, что дал возможность Августу торжествовать в своем военном проигрыше. Карл поставил перед собой в отношении польского короля двоякую задачу: нанести ему военное поражение и убрать с польского трона. И по мере того, как он успешно продвигался в решении первой, он все больше проигрывал при решении второй,

увязая по уши в авгиевых конюшнях политической жизни Речи Посполитой. И какие бы меры по их расчистке или оздоровлению он ни предпринимал, вонь от них распространялась на всю Европу.

Нужно было знать Польшу конца XVII — начала XVIII столетия. Король обладал лишь символической властью — всем в стране заправляли 200 тысяч шляхтичей, которые обладали суверенным правом решать все важные вопросы Речи Посполитой — своеобразной «монархической», а скорее анархической республики. Достаточно было одному депутату сейма высказаться против, и конструктивное решение, над которым бились не один месяц, проваливалось. Это называлось по-латыни —а поляки любили и хорошо знали этот язык — liberum veto. Сеймы и созывались фактически для того, чтобы покрасоваться конным выездом, «проверить на всхожесть» своих политических противников и, блеснув красноречием или вытащив из ножен саблю, тут же уехать в свое поместье. Кроме сейма главного в стране было множество частных сеймов и сеймиков помельче. Польша просто кишела партиями, объединениями и группировками, называемыми конфедерациями. Кроме армии коронной — регулярной, крупные магнаты содержали собственное войско. Составная часть Речи Посполитой — Литва — переживала смуту, вызванную гражданской войной между враждующими партиями магнатов.

По мнению Ф. Ф. Карлссона, Польша была идеальной территорией для свободных прогулок любого иностранного войска и для его содержания за счет разобщенного во всех отношениях населения. Естественно, Карл XII при планировании своего польского похода, ввиду постоянной нехватки финансов на содержание своих каролинцев, не мог не учитывать этого обстоятельства. «Идеальное» государство, в котором свобода была доведена до абсурда, а общественные интересы подчинялись частным, постепенно хирело — до его раздела оставалось около семидесяти лет. Раздел Польши окажется наиболее эффективным лекарством для больного.

В этот период 79-летний граф Бенгт Оксеншерна с высоты своего огромного государственного опыта из Стокгольма предпринял последнюю отчаянную попытку предупредить об опасностях, подстерегавших молодого короля в Польше, на этом своеобразном «кладбище армий». За несколько недель до своей смерти он направил Карлу длинный меморандум от 15 марта 1702 года, в котором настоятельно просил его воздержаться от ввода шведской армии в страну и уж тем более — от планов возведения на польский престол другого короля. Граф особенно

опасался последствий лишения Августа Сильного польской короны, он имел отличное представление о менталитете польского дворянства, хорошо знал цену заявлениям воинственной и пылкой шляхты и на опыте убедился, что расстояние, отделявшее эти заявления до конкретных дел, на практике оказывается непреодолимым.

Конечно, король не предполагал посвящать своей идее столько времени и сил, сколько он будет вынужден посвятить ей в скором времени. Он думал осуществить свою идею быстро, легко, мимоходом, между основными делами. Но польская действительность оказалась другой. Получилось по поговорке: «Полез в воду, не зная броду». Постепенно Карл уподобился борцу, который, кроме необходимости положить на лопатки своего противника, должен был одновременно уговаривать и его супругу, то есть Польшу, на развод с ним. И как бы он ни издевался на борцовском ковре над Августом, бросая его и так и сяк, словно куль с мукой, а кузен все равно уходил с ковра непобежденным, потому что его супруга с разводом не торопилась. Ей тоже было бы нужно дать хорошего тумака, но это уже противоречило борцовским правилам. Своей политической программой Карл XII фактически способствовал политическому выживанию своего злостного врага. Жизнь коварно подсунула ему то, что он ненавидел всеми фибрами своей души, — политическую возню. И хотя Карл в качестве политического средства использовал свою шпагу, в польском болоте ее удары не достигали цели. Он бил по саксонцам, не доставая самой Саксонии; он колол русских, не доставляя никакого вреда царю Петру и его делу. М. Робертс и многие другие полагают, что главный стратегический просчет Карла XII состоял в том, что он ввязался в польские события. «Карл XII пожертвовал Ригой, Ревелем и Выборгом в обмен на карточные домики в Польше и в Турции», — писал финский историк Э. Хорнборг.

Время начнет работать против Карла XII. Когда он сквозь политические дебри продерется, наконец, к Альтранштедтскому миру, часы истории уже далеко уйдут вперед: восточные провинции целиком и полностью окажутся в руках Петра, Россия использует предоставленную ей передышку и реорганизует армию, создаст флот и укрепит свои внешнеполитические позиции. Стремление добиться абсолютной победы над кузеном окажется химерой и будет стоить Швеции потери стратегической инициативы. Прозвенит первый предупредительный звонок перед поражением под Полтавой.

«Фискал Господа Бога» на Земле взялся явно за непосильную для себя задачу — следить, как грешные люди исполняют

заповеди Творца. Это было непрактично, другие на его месте предпочли бы себя в роли пособников Вельзевула, пишет Ф. Г. Бенгтссон, потому что они наверняка добились бы успеха и без всяких сложностей получили бы от своих потомков прощение. Судить великих людей по их успехам и неудачам, утверждает он, непристойно. Но в чем же тогда должен проявляться великий человек, если не в своих достижениях? И разве любой другой выбранный Карлом XII вариант сведения счетов с Августом обязательно должен был нести на себе знак Вельзевула?

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
ПОЛЬСКАЯ ТРЯСИНА

«Ты думаешь, король любит, чтобы ему напоминали о деянии, которое не принесло ту славы?»

А. Стриндберг. Густав Васа

Глава восьмая
200 ТЫСЯЧ СУВЕРЕНОВ

Магистр Стиг. Какое дело привело сюда короля ? Говорили, он должен идти на Норвегию?

А. Стриндберг. Густав Васа

Предложение шведского короля было четким и ясным — по крайней мере ему так самому казалось. Согласившись на него, Польша могла бы сделать некоторые существенные приобретения, в том числе и территориальные. Карл XII не отказал бы ей в возвращении украинских земель, перешедших к России, о потере которых польская шляхта не переставала горевать. Большого энтузиазма ни у кардинала Радзиевского, ни у шляхты предложение шведского короля, однако, не вызвало. Вопросов нет: король Август — плохой король, судила шляхта, но дело в том, что в Польше королей никогда не смещали с трона — их судили, ограничивали в действиях, переизбирали, но не прогоняли просто так, и уж если это должно произойти, то ни в коем случае не при помощи иностранного вмешательства. Так было заведено их отцами и дедами, и даже сочувствующие шведам поляки не соглашались с предложением их короля. Об эту твердую и упрямую позицию польской шляхты разбивались и будут разбиваться все усилия, вся пропаганда и агитация Карла XII.

Между тем король со своей армией целый год просидел в Курляндии и за событиями в Польше и Литве наблюдал издалека. Великое княжество Литовское переживало гражданскую войну, и одна из воюющих сторон, возглавляемая магнатами Бенгтом и Казимиром Сапегами, уже не раз взывала к шведской помощи, потому что недовольные засильем Сапегов литовцы во главе со сторонниками Августа князем Григорием Антоном Огинским и Михаилом Сервасом Вишневецким одерживали в этой войне верх. И Карл не раздумывая вмешался во внутренний конфликт. Он принял сторону Сапегов, потому что Август поддерживал Огинского, и направил им на помощь отряд своих солдат.

Ввязавшись в литовские дела, Карл, по всей видимости, перестал думать о русском походе. Вмешательство Швеции в польские дела вызвало удивление и недоумение во всех странах Европы. Непредсказуемость и упрямство шведского короля

возбудили опасения и настороженность. Играть по правилам со Швецией становилось все труднее, если вообще было возможно. Зато ее правитель с непосредственностью и беззаботностью невинного ребенка отдавался в это время другим играм: он играл в снежки с голштинским герцогом и принцем Готы[69] и бил снежками стекла в квартирах своих генералов. Впрочем, голштинский зять Фридрих IV тоже играл, но в более серьезные игры и не только со своим шведским родственником, но и с французским послом: по поручению француза он взялся склонять свояка к миру с Августом. И за пределами Швеции не было секретом, что герцог оказывал на короля огромное влияние. Но французы просчитались: Карл оказался стойким и нашептываниям голштинского зятя не поддался.

... Контакт со шведами от имени Сапегов устанавливал шляхтич Станислав Чолик Понятовский (1678—1762), выходец из старинного польского дворянского рода, специалист в военной области, широкообразованный, умный и, как говорили, порядочный человек. Он сразу перешел на службу к Карлу XII и неотрывно находился при нем многие годы в качестве помощника, верного соратника и адъютанта[70].

На первых порах в Лишу двинулись два небольших кавалерийских подразделения: один, под командованием полковника А. Хуммерхъельма, отправился к Сапегам воевать против Огинского, а второй, под командованием подполковника Й. А Мейерфельта, — к прусской границе под Мемель с разведывательным заданием относительно намерений фельдмаршала Штайнау. Рассерженный шведским вмешательством, Огинский активизировал партизанские действия, и война разгорелась с новой силой. Устав от курляндской скуки, Карл XII решил размяться и лично повел новый, более крупный, отряд шведов на помощь Сапегам.

Назначив встречу с Хуммерхъельмом в замке Вюрген под Либавой, король, никого не предупредив ни о маршруте, ни о цели поездки, посадил в сани 400 лейб-гвардейцев и укатил в сторону Самогитии. В Самогитии он бесследно исчез, и долгое время никто не знал, жив он или мертв. Прошел почти весь декабрь, и в Курляндии уже стали предполагать самое печальное, как вдруг Карл XII в сопровождении десяти гвардейцев «вынырнул» под самый Новый год в Вюргене, живой и невредимый, чрезвычайно довольный своим «отпуском» и готовый выслушивать доклады Пипера. Не обошлось без приключений: шведов в местечке Тельзе выследил Огинский и ночью, когда все спали, напал на деревню и поджег ее со всех сторон. Заварушка получилась классическая: шведы, включая

короля, выскочили на улицу в нижнем белье, без сапог, разогреваясь в жарких поединках с литовскими шляхтичами. Схватка, несмотря на численное преимущество поляков и литовцев и момент неожиданности, закончилась победой шведов. Они потушили пожар и легли спать. Потом'ситуация поменялась, и уже шведы выследили Оганского и наверняка поймали бы его, если бы не взломался на реке лед, затруднивший преследование ускользнувшего гетмана; Такие приключения — заварушки, замятии — были как раз во вкусе Карла XII, и он постоянно искал их, словно испытывая свою судьбу.

Не так счастливо обстояли дела в Лифляндии, и королю сразу пришлось ломать себе голову над лифляндской проблемой. Дело в том, что именно в тот самый день, когда Карл XII вернулся в Вюрген, Б. П. Шереметев под Эрестфером одержал внушительную победу над В. А. Шлиппенбахом. Концовка для завершающегося 1701-го победного года была не очень радостной. Правда, поступила весть о капитуляции саксонского гарнизона в крепости Дюнамюиде, но король уже был слишком занят южным направлением, чтобы отвлекаться на российско-лифляндские проблемы, поэтому ограничился посылкой к Шлиппенбаху одного полка пехоты и одного — кавалерии. Примечательно, что потерпевшему поражение Шлиппенбаху Карл послал теплое дружеское письмо со словами поддержки, а покорителю Дюнамюнде д'Альбедюлу сделал резкий выговор за слишком вежливое и мягкое обращение с капитулировавшим гарнизоном. Чувство справедливости все-таки иногда отказывало ее страстному адепту! Ф. Ф. Карлссон замечает, что «Карл XII храбрость ставил выше успеха», а мы добавим: и выше справедливости.

В это же самое время в Варшаве собрался польский сейм, на котором Август при активном содействии Й. Р. Паткуля и посла Люсии В. Долгорукого, во исполнение договоренностей с Петром в Биржах, пытался уговорить польскую шляхту вступить в войну со Швецией. Тем не менее на сейме, несмотря на солидное русско-саксонское влияние, победила прошведская партия Сапегов. Поляков запугивали пропагандистскими памфлетами о бесчинствах шведов в Курляндии, но «суверены» пока воевать не хотели и аморфной массой стойко держались между воюющими сторонами.

Пребывая в довольно пессимистическом настроении, разочаровавшись в результатах затеянной войны, которая сразу пошла не по задуманному сценарию, сожалея о том, что дал себя втянуть в тройственный союз, ненадежный Август Сильный стал искать путей примирения с Карлом XII, готовый пойти на что

угодно — даже на предательство российского союзника. За ним пристально наблюдал Й. Р. Паткуль и всей силой своей заинтересованности в продолжении войны со шведами удерживал саксонца от этого шага. Впрочем, и сам Карл давал понять Августу, что ни на какие контакты с ним не пойдет, пока примерно его не накажет. Но Август был большой мастер по части дипломатических козней, интриг и обманов и сумел-таки обойти бдительного Паткуля, прибегнув к довольно обычному в дипломатии обходному маневру — женщине.

Август, искусный прелюбодей и большой «аматер» по часта женского пола, вероятно, судил о других по себе, поэтому решил подослать к Карлу XII красивую женщину и с ее помощью найти дорогу к миру. Красивая женщина появилась в образе его бывшей любовницы, «фройляйн» Марии Авроры фон Кёнигсмарк, правда, уже не пользующейся его любвеобильной благосклонностью, но не потерявшей от этого в свои тридцать восемь лет женской красоты и обаяния. Словно в насмешку над всяким здравым смыслом, одинокая мамаша фон Кёнигсмарк, награжденная курфюрстом сынишкой Маврикием-Арминиусом (Моритцом)[71], занимала пост настоятельницы монастыря девственниц в Кведлингбурге.

Впрочем, статус метрессы в Саксонском курфюршестве был вполне почетным, под него даже было подведено теологическое обоснование: удовлетворение потребностей потентата необходимо и богоугодно, Дрезден по части всяких «новшеств» перещеголял Версаль. К примеру, у саксонского курфюрста были сотни метресс и столько же внебрачных детей. Такого ни у одного Людовика не было. Отсюда, по-видимому, и прозвище — Август Сильный!

Весь эпизод с Авророй в жизни короля Карла XII не стоил и выеденного яйца — настолько он был для него мимолетным и незначительным, но некоторые западные историки произвольно придали ему романтический оттенок и немилосердно использовали его в своих псевдоисторических исследованиях[72].

Итак, бывшая любовница и содержанка Августа, в жилах которой текла и шведская кровь, появилась в Варшаве, когда ее бывший покровитель, находясь в отчаянном положении, засыпал дипломатическими нотами все европейские дворы, рассказывал об обидах, нанесенных ему несговорчивыми поляками и шведским королем, заручался поддержкой австрийского кесаря, предоставляя в его распоряжение несколько саксонских полков, ныл, жаловался, уверял, гарантировал, но... был не в состоянии придумать что-либо путное для налаживания контакта с Карлом XII.

И вдруг такая удача! Его метресса ехала именно туда, куда Августа не пускали: в Курляндию, для встречи с графом Пипером, которого она хотела попросить об освобождении из шведского плена своего шурина Карла Густава Левенхауита, шведа, находившегося на службе у Августа и считавшегося по шведским законам изменником, и о решении каких-то финансовых вопросов[73]. Король-курфюрст незамедлительно встретился с патронессой кведлингбургских девственниц и уговорил ее попытаться соблазнить короля Швеции и ценой своего неотразимого обаяния склонить его к мирным переговорам. Долго упрашивать ее не пришлось: такое «государственное» поручение вполне отвечало ее вкусам и наклонностям, да и вообще любовные приключения, кажется, были семейной чертой Кёнигсмарков. (Ее братец Филипп Кристоффер за восемь лет до описываемых событий за свои любовные приключения поплатился жизнью. Направляясь на свидание с курфюрстиной Ганновера, он получил несколько шпаг в бок, а затем был сброшен в колодец «охладиться».)[74]

Получив напутствия от Августа, Аврора фон Кёнигсмарк скоро выехала в Курляндию. Аврора была дама современная и не без талантов: она писала стихи на французском языке, любила живопись и музыку, обладала покладистым нравом и ровным, мягким характером. Она тщательно следила за своим внешним видом и полагала, что ее возраст не будет служить помехой для совращения такого юнца, каким был Карл. Шведский историк А. Фрюкселль со свойственной его времени старомодностью отмечал, что Авроре фон Кёнигсмарк «...было около тридцати лет, но она была еще очень красива и мила». Другой швед, Ф. Г. Бенгтссон, ядовито поправляет своего коллегу, что Авроре, если быть точным, было уже за тридцать девять, и она бы вполне годилась Карлу в матери.

Аврора появилась в Вюргене сразу после Нового (1702) года. Пипер встретил ее со всеми подобающими ее неофициальному статусу куртуазностью и вниманием. В шведском лагере у нее были многочисленные родственники — Врангели, Левенхаупты и пр., — и скучать приятной во всех отношениях даме отнюдь не приходилось. Она была везде нарасхват. Но до короля ей никак не удавалось добраться, он не соглашался принять ее ни под каким предлогом. Графиня официально попросила об аудиенции и получила отказ. Тогда она подала прошение о предоставлении чрезвычайно важной частной аудиенции у короля и снова получила отказ.

Опытная дама, конечно, не приняла все это на счет своего возраста и решила действовать дерзко и решительно. Она

прибегла к последнему средству — подстеречь короля на ежедневном прогулочном маршруте. Спрятавшись в карете, дама стала его подкарауливать. Услышав цокот копыт, она выскочила из кареты и склонилась в изящнейшем реверансе перед Карлом XII. В ответ король галантно помахал своей шляпой, дал шпоры коню и... ускакал.

Вот и вся история. «Дипломатическа» миссия посланницы Августа провалилась с треском. Не удалось ей спасти от казни и своего родственника. Карл был отнюдь не Наполеоном, а Кёнигсмарк — далеко не Валевская, и любовного романа не получилось. Один известный философ сказал, что будь у Клеопатры нос чуть-чуть покороче, и мир сегодня выглядел бы иначе. Вполне вероятно. Был бы Карл XII таким, каким были все другие короли, глядишь, Европа была бы не похожа на сегодняшнюю. Но что теперь вздыхать по бедной Авроре и старушке Европе?

А Аврора фон Кёнигсмарк утешалась потом рассказами о том, что она была единственным человеком, от которого бежал непобедимый король Швеции. Она написала восторженный панегирик и посвятила его добродетельному шведскому королю:

Все боги, рассуждая о его леяньях,
Заранее помещали его в храм славы.
Только Вакх и Венера молчали[75].

Август II отправил к Карлу XII еще одного посланника мира — Фридриха Фитцтума фон Экштедта[76]. Аккредитивы Фитцтума, по мнению шведов, не были оформлены должным образом, или, может быть, Карлу порядком надоели «пассы» польского короля, но Фитцтума арестовали и свезли в рижскую тюрьму. А чтобы Август не сомневался в скором свидании со своим шведским кузеном, Карл XII отдал приказ армии выступать на юг.

На юге находилась Польша.

Генерал Магнус Стенбок, до тех пор уверенный в заключении скорого мира с Августом, был вынужден выслать любимой супруге опровержение.

В Курляндии в качестве губернатора с шеститысячным войском оставался больной Стюарт. В Литву было послано дополнительное подкрепление, но это не спасло шведов от поражения. В неравном бою они были почти все перебиты, а Хуммерхъельм с несколькими оставшимися в живых солдатами попал в плен, забит в колодки и посажен в яму на хлеб и воду. Второй шведский отряд под командованием Сигрота, плывший на лодках по Неману, был окружен, частично перебит, а частично отпущен к своим. Литовская гражданская война после

вмешательства в нее шведов на стороне Сапегов превратилась в войну антишведскую. Король Карл, медленно продвигаясь с основными силами через Самогитию в Польшу, постоянно вступал в мелкие стычки с отрядами Огинского и Вишневецкого. Пока он на такие партизанские методы ведения военных действий внимания не обращал. Но спустя короткое время он издаст знаменитый приказ о беспощадном отношении к польским патриотам, который должен был бы заставить вздрогнуть многих апологетов короля Швеции. Король — каратель!

Из Ковно, где собрались все полки шведской армии, 8 апреля армия двинулась на юг, держась берега Немана. В Курляндии на службе у Карла XII появился новый человек — дерптский профессор латыни Улоф Хермелин (Гермелин), который в качестве статс-секретаря пополнил полевую канцелярию короля. Все документы в Польше выходили тогда на латинском языке, и шведы испытывали потребность в хорошем специалисте. У. Хермелин не обманул надежд короля, он верой и правдой служил Карлу, фактически исполняя роль походного министра иностранных дел, пока не пропал без вести в русском плену[77].

В это время с юга прибыло польское посольство, включавшее в себя нескольких сенаторов, воевод, старост и графа Тарло. В их миссию входило предупредить короля Карла от вступления со своим войском на территорию Польши. Король, естественно, не торопился их принять, и послы ехали вместе со шведами в обозе. На их глазах произошел один неприятный инцидент. Шведская армия вошла в деревню, в которой погиб отряд А. Хуммерхъельма, и король приказал выкопать тела погибших и похоронить их со всеми воинскими почестями. Во время церемонии захоронения в деревне случился пожар, и Карл XII распорядился выслать своих солдат на тушение домов. Когда же выяснилось, что жители деревни участвовали в жестокой расправе над шведскими солдатами — особенно отличились в этом деле женщины, король распорядился тушение прекратить и поджечь всю деревню снова. «Церемониться» с польским мирным населением он не собирался.

Карл принял польских послов 2 мая после переправы через Неман. Прием проходил под знаком известных слов «Ще польска не сгинела». Сначала поляки потребовали, чтобы их отвезли на прием в королевских каретах. Карет при армии не оказалось, но Карл XII предложил им почетный эскорт из драбантов и почетный караул из лейб-гвардейцев. Дав согласие на такой вариант, послы потребовали, чтобы их именовали титулами «сереньиссима». Шведы решили, что слишком много чести —такой титул полагался послам только в том случае, если бы они представляли

государство в отсутствие короля. Ограничились титулом «инклиты» — «высокочтимые».

Посольство употребило все свое красноречие, чтобы убедить Карла не входить в страну и заполучить в собственность Польши какие-то пушки, которые у них забрала саксонская армия и которые в качестве трофеев попали в руки шведов. Карл XII был все-таки хорошо воспитанным человеком и стоически выдержал все эти «маразматические» выходки польских послов. Естественно, он напирал на то, что поляки, если они помогут ему прогнать Августа с трона, получат не только пушки, но и масло на свой кусок хлеба. В конце аудиенции «высокочтимые» между собой перессорились, и дело дошло до вульгарной потасовки и воинственного размахивания саблями. Король не без презрения наблюдал за этой сценой. Он в первый раз увидел, с кем придется ему иметь дело при решении вопроса о власти в стране.

Между тем Август, не дожидаясь неприятностей, заблаговременно убрался из Варшавы. Но перед самым отъездом ему удалось ввиду шведского вторжения склонить сенат к мобилизации коронной армии, хотя и без формального объявления войны Швеции. Судя по всему, саксонцы действовали в соответствии с так называемым мемориалом Я. Х. Флемминга, одного из главных советников и фаворитов Августа. Согласно ему, Саксония не должна была вступать в единоборство с грозным шведским противником, а маневрировать, копить силы и привлекать на свою сторону Данию, Пруссию, Австрию и морские державы. Время будет работать против Карла, в конечном итоге поляки поймут, что шведские квартиранты не лучше, а хуже саксонских, и поднимутся на борьбу с ними. Время покажет, что расчеты Флемминга полностью оправдались,

...24 мая армия шведов вступила в предместье польской столицы Прагу, собственно в город попасть было невозможно, потому что не было моста через Вислу. Пока шведы наводили мост, Карл XII, переправившись на другой берег в лодке, в сопровождении свиты и историографа Густава Адлерфельдта объезжал места боев своего дедушки Густава II Адольфа и привел в изумление всех своих генералов тем, что безошибочно указал, в каком месте сорок шесть лет назад стоял тот или иной шведский полк и как протекало сражение.

Первым местом, которое Карл XII посетил в самой Варшаве, стал Плоцкий дворец, в котором над портретом Августа работал французский художник ля Круа. Портрет был удачен и почти готов, и Карл, как отметил Адлерфельдт, «с большим любопытством лицезрел своего противника». Голштинский герцог, гулявший в сопровождении все того же официального

историографа шведского короля, тоже решил войти в историю и нашел достопримечательность по своим вкусам — французский трактир Симона Пуаро.

Месяц в польской столице прошел в балах, праздниках, которыми так славились польские паны, изо всех дворцов доносились звуки мазурки, рекой лилось шампанское, а в меру галантные шведские лейб-гвардейцы напропалую ухаживали за польскими пани и паненками. Король издал приказ по армии с предупреждением вести себя в Польше сдержанно и излишне не провоцировать местное население к недовольству условиями оккупации. Он очень надеялся на то, что поляки в конце концов «образумятся» и придут к выводу о том, что смещение Августа с трона — вещь вполне разумная и необходимая.

Праздничное настроение у жителей столицы и их шведских гостей подняло прибытие в столицу кардинала Радзиевского, второго по значению (после короля Августа) официального лица Речи Посполитой, который держал в своих руках все нити власти, закулисных стычек и интриг. Он появлялся везде в сопровождении своей пассии, «воеводки» Товианской. Граф Пипер распустил все паруса шведского дипломатического фрегата и чуть ли не каждый день устраивал торжественные обеды с послами, польскими сенаторами, магнатами и прочими деятелями Речи Посполитой. Нужно было сглаживать прямолинейную солдатскую грубость короля и стелить по возможности помягче.

Королю же было не до празднеств и фейерверков — предметом его постоянных забот была армия. Он с нетерпением ожидал подхода в Польшу новых шведских полков — корпусов генерала Нильса Юлленшерны (Гюлленшерны) из Померании и генералов Стенбока и Мёрнера, задержавшихся в Литве по «карательным» соображениям. Конечной точкой их маршрута был Краков — там Август II собирал свою армию, чтобы дать генеральное сражение шведам, и там Карл XII планировал зажать саксонцев в «клещи» и отрезать им пути отхода в Саксонию.

Граф Пипер не забывал следить за тылами: в июле 1703 года он заключил с Берлином договор о нейтралитете. Пруссия могла бы пойти и дальше, то есть на военный союз со Швецией, но король Карл отказался платить за это совершенно смешную цену — отдать Фридриху I польский город Эльбинг! Пруссия обиделась и «закусила удала». В августе того же года был возобновлен оборонительный договор с морскими державами, что позволяло Стокгольму не опасаться новой вылазки со стороны Дании.

В конце июня 1702 года шведская армия снова тронулась в путь — опять на юг, к Кракову. С собой король практически вел всего лишь восьмитысячный корпус, везде, где двигалась его

армия, ему приходилось оставлять небольшие опорные группы, отряды или гарнизоны, и армия таяла на глазах. Посторонний и самый посредственный стратег уже на этом этапе стал бы проявлять беспокойство, потому что сил у шведов на это предприятие явно не хватало. Но шведский властитель надеялся на выучку и боевое мастерство своих солдат и офицеров.

Кари XII не спешил и форсированными маршами армию не изнурял — он все еще надеялся, что корпус Юлленшерны прибудет заблаговременно. Но потом выяснилось, что замкнуть «клещи» померанское войско никак не успевало, хотя у шведов оставалась еще надежда на подмогу из Литвы. Что так» саксонская армия, шведа уже почувствовали на Двине, и к столкновению у Кракова надо было готовиться как следует. Карл хотел дать сражение, прежде чем с саксонцами соединится польская коронная армия, проходившая подготовку в районе Лемберга (Львова). В начале июля все четыре воинских контингента — варшавская группировка Карла, его литовский корпус, саксонская армия и коронная армия Речи Поеполитой во главе с коронным гетманом Иеронимом Любомирским — стягивались к северным предместьям Кракова, где, по всем признакам, и должно было состояться крупное сражение.

16 июля Август II со своей армией, численностью около 17 тысяч человек, выдвинулся в район местечка Клишов. Ему тоже стало известно о подходе к Карлу двух корпусов, и он хотел бы нанести поражение шведскому королю, прежде чем его вспомогательные силы вольются в основной состав армии. Но гетман Любомирский слал к Августу курьера за курьером с просьбами не начинать сражения без коронной армии — поляки почувствовали запах победы и теперь уже рвались в бой.

17 июля Карл прибыл в местечко Обице, что в нескольких километрах от Клишова. Он, со своей стороны, тоже хотел на следующий день атаковать саксонскую армию до того, как она соединится с польской. Именно в этот момент он получил уведомление от Мёрнера о том, что его корпус спешным маршем приближается к месту сражения. Вечерок 18 июля он соединился с войском Карла, но солдаты и лошади были измучены утомительным маршем и буквально валились с ног от усталости и голода. Их встретили обильным угощением и уложили спеть. Карл XII дал им время выспаться до утра, а утром он ждал их на поле сражения. Генерал Мёрнер и граф Пипер просили хотя бы еще сутки на отдых, но король оттягивать сражение не хотел и аргументировал свое решение поговоркой: «Голодная собака кусает больнее».

У шведов практически не было артиллерии — они

располагали всею одной полковой батареей из четырех пушек против 46 саксонских. Все справедливые указания на то, что с такой артиллерией, как у шведов под Клишовом, вступать в бой было нельзя, король парировал фразой о том, что «скоро мы получим артиллерию противника, и тогда у нас ее будет больше, чем нужно».

Опыт передвижения по территории Польши показал ему, что артиллерия в условиях бездорожья является большой обузой, и поэтому Карл XII предпочитал передвигаться в основном налегке. Существует мнение, что он пренебрегал артиллерией как родом войск. Это не совсем так или совсем не так: да, Он тяготел, как ж русский Суворов, к штыку и рукопашному бою («Пуля — дура, а штык — молодец!»), но не настолько, чтобы в крупных сражениях совсем отказываться от огневой поддержки. Артиллерию он использовал, и вполне успешно, во многих сражениях. Другое дело, когда она становилась отягощающим моментом при тех молниеносных перебросках его армии, которые он осуществлял для создания ошеломляющего эффекта, — тогда он предпочитал вступать в бой без пушек.

В ночь перед Клишовским сражением, отмечает Густав Адлерфельдт, Карл XII явно волновался и не спал: «Ночь перед боем казалась для шведского короля нескончаемой, и в ожидании сражения, которое он считал решающим для своего важного дела, он не находил себе покоя».

Уже в 6 утра 19 июля 1702 года шведская армия была выстроена в обычный боевой порядок в две линии с кавалерией на флангах и пехотой в центре. Центром командовал генерал Бернхард фон Ливен с генералами Магнусом Стенбоком и Кнутом Магнусом Поссе в качестве командующих линиями. К. Г. Реншёльд командовал правым флангом вместе с генералами Мёрнером и Спенсом. Левый фланг Карл XII поручил своему зятю, герцогу Готторп-Голштинии Фридриху IV, которому помогали генералы О. Веллингк, А. Стромберг и К. Нирот. Шведское войско, учитывая подошедшие части из Литвы, по численности не превышало 12—13 тысяч человек и по случайности состояло исключительно из одних шведов — без лифляндцев, финнов и немцев.

Местность между Обицем и Кяишовом представляла собой перелесок, и когда к шведам поступило известие о том, что саксонцы выступили вперед и находятся уже на марше, шведы на несколько часов задержались на позициях перед своим лагерем. Но как только они узнали, что известия о марше противника оказались ложными, они немедленно выступили вперед. Подлесок прошли в четырех параллельных колоннах. К полудню

эти колонны стали выползать на поросший кустами луг севернее Клишова. Впереди был неприятель, хорошо укрывшийся за болотистой речушкой с названием Нида и широким болотом. Правый фланг саксонцев находился несколько сзади центра, имея справа фланговую естественную защиту в виде леса, но перед позициями никакого болота не было.

Оказывается, саксонцы на самом деле рано утром выступили вперед, но не для атаки, а для того, чтобы занять выгодные позиции и на месте осведомиться о противнике. Когда на поле перед ними из леса выползли четыре колонны шведов, они были чрезвычайно удивлены. Прямо перед ними оказался сам король Швеции вместе со всей своей армией! Имея преимущество в живой силе и артиллерии, саксонские генералы предполагали, что сами определят момент атаки, и настроились на проведение ее следующим днем. Увидев, что их планы нарушились, саксонцы забили тревогу и немедленно выстроили армию в боевой порядок. Они собирались как раз обедать и попросили поваров держать бифштексы горячими, но непережаренными, чтобы сразу после победы над шведами вернуться и закончить прерванную трапезу.

Саксонская артиллерия открыла беглый огонь по противнику, перестраивавшемуся из колонн в линии. Карлу XII в течение короткого времени нужно было окончательно определиться с планом сражения. Прямо перед шведами было широкое болото, которое обнаружило все свои коварные свойства лишь при ближайшем рассмотрении[78]. Половина саксонской армии спряталась за это естественное препятствие. Скоро шведы выяснили, что болото непроходимо и фронтальный удар по саксонским позициям исключался. Но с другой стороны, рассудил Карл, болото так же хорошо защищало и шведский центр. Половина саксонской армии сидела за болотом и ничего опасного в ближайшее время для шведов предпринять не могла. И болото вместе с заболоченной поймой Ниды при благоприятных условиях можно было превратить в «мешок» для саксонцев — если, конечно, удастся сломить сопротивление второй их половины.

Карл отдал приказ быстро развернуть весь боевой порядок армии резко влево, чтобы пройти параллельно болоту и позициям саксонского центра и выйти в удобную точку для атаки правого, ничем не защищенного, фланга противника. Пока шведы перестраивались на ходу и разворачивались, им стало ясно, что дело они будут иметь не с одной армией, а с двумя: к саксонцам также подошло подкрепление в виде коронной армии Речи Посполитой. Десять тысяч всадников, выстроенных в четыре

боевые линии, галопом подскакали на правый фланг саксонцев, и земля содрогнулась от мощного топота сорока тысяч копыт.

Иеронимус Любомирский подоспел в самый решающий момент сражения со своими славными тяжелыми всадниками. Боже мой! Что это было за зрелище! Коронная армия, гордость Речи Посполитой, явилась во всем своем средневековом блеске и великолепии. И было на что посмотреть и чему удивляться: на поле появилось все или почти все родовое дворянство в сопровождении своей челяди, в разноцветных одеждах, доломанах и панцирных рубашках; на голове каракулевые шапки с перьями; в руках палаши, командирские жезлы, боевые топоры, старинные ружья и длинные пики с вымпелами на концах; на боевых конях ярко-красные попоны; до глубины души потрясали скаковые приемы и выездка, грозные боевые кличи, героические позы, сверкающие очи, суровые усатые лица.

Но времени на любование ни у Карла XII, ни у его генералов не было. На правом фланге противника, вместе с подошедшими поляками зашевелилась не такая красивая, как польская, но грозная саксонская кавалерия. На левом фланге шведской армии создалась критическая ситуация, усугубленная к тому же выбытием из строя его командира. Герцог Готгорп-Голштинии в самом начале боя был смертельно ранен фальконетной пулей й унесен с поля боя на носилках. После трехчасовых страданий он скончался.

Король поспешил заменить вышедшего из строя зятя генералом О. Веллингком, а батальоны шведского центра под командованием Стенбока уже добрались до исходных позиций. Поддерживаемый кавалерией, Стенбок выстраивал фронт против поляков и саксонцев. В это же самое время явился посыльный от Реншёльда и доложил, что и на правом фланге положение для шведов складывалось крайне неблагоприятно. Кавалерия Штайнау в составе 34 эскадронов, запасшись фашинами, забросала ими топкие переходы, форсировала болото и зашла шведам во фланг и в тыл. Со своим 21 эскадроном, тоже развернутым по команде короля влево, но не успевшим завершить этот маневр до конца, шведы оказались окруженными с трех сторон. Ситуация вокруг болота складывалась по сценарию кошачьей охоты на мышей: кошка за мышью, а мышь на хвосте у кошки. У Августа теперь было около 28 тысяч человек против 13 тысяч у Карла. Все вместе взятое: неожиданность с местностью, подход коронной армии, неудачи на правом фланге, смерть голштинского зятя — сразу свалилось на плечи короля, и казалось, что он вот-вот дрогнет. Но он спокойно сказал адъютанту Реншёльда:

— Пусть саксонцы идут, куда хотят, скоро они повернут вспять.

К. Г. Реншёльд отдал команду развернуть последнюю кавалерийскую линию Спенса на 180 градусов и поставить ее спиной к своим. В результате получилась подковообразная оборонительная позиция, где на стыке трех направлений фельдмаршал поставил эскадрон драбантов. А потом началась безудержная свалка. Штайнау такого ожесточенного сопротивления со стороны шведов не ожидал, и скоро шведы стали переходить в наступление и теснить саксонскую кавалерию. Взятый на вооружение в саксонской кавалерии так называемый каракольный огонь, когда эскадрон ведет пистолетный огонь по противнику шеренгами по очереди, никакого ущерба шведам не приносил. Карл XII, как и его дед, был убежден, что никакой мастер каракольной стрельбы, как бы искусно он ни выполнял маневр, не устоит против натиска и шпаги. И король раз и навсегда запретил использовать этот прием в своей кавалерии как малоэффективный и даже опасный. Шведские кавалеристы применяли тактику артиллерийского снаряда — мощный, массированный и быстрый натиск на противника всем эскадроном.

Пока саксонцы старательно и красиво перестраивали шеренгу за шеренгой и демонстрировали отличные приемы каракольного огня (со стороны это было похоже на показательный цирковой номер), шведы собрали в кулак своих кавалеристов и эскадрон за эскадроном бросили их на противника. Удар оказался ошеломительным. Особое изумление у Штайнау вызвал маневр драбантов: преследуемые саксонскими кавалеристами, они на всем скаку разом стали как вкопанные, моментально развернулись и молниеносно обрушились на врага. Такого саксонцы не видели ни на каких учениях. Постепенно преимущество Реншёлвда проявилось на всех участках, и саксонцы стали отступать. В узких переходах через болото началась давка, и шведы искусно использовали ее для нанесения противнику еще более чувствительного удара.

А на левом шведском фланге в это же время произошло столкновение с польской коронной армией и саксонской кавалерией из 34 эскадронов под командованием генерала Я. Х. Флемминга. Шведы встретили противника в смешанном пехотно-кавалерийском строю. В этом бою отлично проявили себя пикинеры — они тоже оказались сюрпризом для атакующего конного противника и показали свое полное превосходство в рукопашном бою[79].

Атака польской кавалерии, как и ее появление на поле

сражения, тоже была похожа на цирковую демонстрацию. Нападавшие картинно, с большим шумом и гамом налетели на шведскую линию пикинеров, были ими остановлены, слегка поколоты и помяты, а потом так же картинно развернулись обратно и, как «мимолетное видение», ускакали с поля боя и скрылись за горизонтом, оставив после себя облако пыли и красивые воспоминания. Преследовать коронную польскую армию не было никакого смысла — кони у И. Любомире ко го были отличные[80].

Правый фланг Флемминга остался без всякого прикрытия. Шведы быстро обошли его позиции и стали заходить в тыл. Саксонский генерал решил не рисковать и тоже спешно покинул поле боя. Его преследовал сам Карл, но безуспешно. В докладе Августу II Флемминг без зазрения совести сообщал, что благодаря стойкому сопротивлению вверенных ему частей и метких залпов шведы были приведены в такое замешательство, что еще «...долго бродили по полю боя и даже забредали в наши боевые порядки».

Шведский центр тоже не бездействовал. Генерал-майор Поссе со своими кавалеристами и пехотой преодолел-таки болото (оно оказалось все-таки не таким уж и топким, как предполагалось вначале) и вступил в бой с саксонской пехотой, которая в течение всего времени, забаррикадировавшись за испанскими рогатками, сидела и ничего не предпринимала. Шведов встретили артиллерийским огнем, бой завязался длительный и упорный, и шведская гвардия понесла в этом бою чувствительные потери. Воинский запал у шведов был так высок, что, как говорят официальные донесения, рядовой состав невозможно было сдержать, и солдаты опережали даже своих офицеров.

К 5 часам вечера все было кончено. Победа шведской армии оказалась полной. Заслуга Карла XII в ней не вызывает ни у кош сомнений, его полководческий талант, хладнокровие и непоколебимость снова нашли свое подтверждение. При дефиците времени и при тяжелых обстоятельствах он сохранил присутствие духа и сумел произвести рискованный маневр вдоль фронта и нанести превосходящему противнику поражение. В Клишовском сражении Карл и вел себя как полководец: волю своему темпераменту не давал и в драку со шпагой в руке рядом с солдатами не лез.

Польско-саксонской армии не помогли ни благоприятный рельеф местности, ни более чем двукратное численное превосходство, ни почти девятикратный перевес в артиллерии. Август Сильный спасся в последний момент, воспользовавшись лесными дорогами, и сразу стал жаловаться кардиналу Радзиевскому на сомнительное поведение коронной польской

армии. И. Любомирский оправдался тем, что у него в армии якобы распространился слух о сговоре Августа с Карлом против поляков, поэтому он спешно вышел из сражения.

Согласно шведским данным, противник оставил на поле боя обоз, артиллерию, а также тысячу пленных, две тысячи убитых и раненых. Шведские потери исчислялись 300 убитыми, от 600 до 800 ранеными и одним пленным ротмистром: в бою у него обрубили уздечку, и неуправляемый конь привел его к саксонцам (очевидно, именно его имел в виду Флемминг в своем отчете о сражении). В знак восхищения любимыми драбантами, своим геройством спасшими правый фланг шведской армии, Карл XII, по их настоятельной просьбе, издал указ об освобождении из Ревельской тюрьмы их четырех товарищей, посаженных за дуэли (король страшно не любил дуэлянтов и строго их наказывал), и о разрешении им вернуться в строй.

Долго ломали голову над тем, как поступить с пленными — содержание их требовало немалых средств и охраны. Ни того ни другого у шведов, как всегда, не хватало. Карл XII нашел простое и выгодное решение: среди 1100 пленных саксонцев было мало — в основном это были подданные других немецких княжеств. Они с радостью согласились поступить на шведскую службу и в скором времени, получив двухмесячное жалованье вперед (щедрость шведов объясняется тем, что деньги были взяты из доставшейся в качестве трофея военно-полевой кассы Августа), были отправлены на гарнизонную службу в Померанию. По дороге они взбунтовались и разбежались: кто по домам, а кто снова в армию Августа. Некоторые из них потом опять попали к шведам в плен, но на хорошее отношение короля они уже рассчитывать не могли. Гражданских лиц, большинство из которых составляли маркитантки, офицерские и солдатские жены и «гарем» Августа, отправили с эскортом до силезской границы и отпустили восвояси.

Карл попытался преследовать Августа, чтобы взять его в плен, но тому удалось избежать расставленных шведами ловушек. Польско-саксонская кавалерия располагала более сытыми и здоровыми конями, а потому шведы на своих уставших лошадях никогда не могли их догнать. Во время одной из таких операций Карл XII сам чуть не попал в плен. Как-то он услышал, что в одной польской деревне под Лембергом казаки и валахи избили шведского солдата, собиравшего с населения провиант. Возмущенный король в сопровождении Стенбока и 20 кавалеристов поскакал в деревню, чтобы отомстить за своего солдата. Там шведы напоролись на большой польский отряд, и им пришлось спасаться бегством. На пути оказалась река, и мост

через нее успели перехватить поляки. Тогда король со своими людьми ринулся в атаку прямо на мост. Не ожидавшие такой прыти от шведов, казаки растерялись и разбежались, дав возможность шведам улизнуть из засады. Правда, уйти удалось не всем: некоторых ранили, некоторых взяли в плен. Среди вернувшихся живым и невредимым оказался голштинский дипломат и гофмаршал голштинского двора по фамилии Гёртц (Герц), прибывший в Польшу за телом погибшего герцога. Со временем мы вернемся к этому персонажу, который будет играть значительную роль и в судьбе короля, и в судьбе его королевства.

Сразу после боя Карл XII написал письмо в Голштинию своей старшей сестре. Смерть зятя, писал он, так поразила его, «...что я не в состоянии это описать, я прошу мою любимую сестру не поддаваться печали и горю, а по-христиански примириться с нею и принять ее как волю Господа Бога, промыслы которого направлены к нашему благу».

10 августа король вернулся снова под Краков и послал в крепость своего парламентера с предложением сдаться. Комендант крепости ответил отказом. Тогда на переговоры с гарнизоном отправился в сопровождении 400 солдат генерал Стенбок. Шведы переправились на лодках через реку, подошли прямо к стенам крепости, и генерал снова предложил полякам открыть ворота. Комендант отвечал, что потерял ключи. Такого юмора шведы не понимали. Возмущенный король, наблюдая издали за действиями Стенбока, не выдержал и приказал перевезти себя через реку на другой берег. Уже издали он прокричал Стенбоку:

— Вас все еще не впустили?

Услышав ответ, он вылез из лодки, подошел к воротам, постучал кулаком в железо и, как говорит Адлерфельдт, в первый и последний раз прокричал по-французски:

— Quivre la porte! Откройте ворота!

Другие очевидцы утверждают, что король прибег к немецкому языку и прокричал следующую фразу;

— Macht auf, Ihr Hundsfotter! Эй вы, откройте, сукины сыны! ,

Но и эта фраза нужного действия не возымела. Тогда шведы решили прибегнуть к военной хитрости. Незадолго до этой сцены комендант крепости дал Стенбоку коня, чтобы тот послал к Карлу XII посыльного с предложением об условиях сдачи крепости. Карл прокричал через ворота, чтобы комендант забрал свою лошадь обратно. Ворота раскрылись, и вслед за лошадью внутрь проникли шведские солдаты. Остальное было, говоря современным языком, делом техники. Король со Стенбоком гнались по городу за комендантом, пытавшимся спастись в замке,

окруженном стеной. Но и здесь удалось решить проблему без выстрелов: пары ударов шпагой и прикладом мушкета было достаточно, чтобы проникнуть за ворота. Прямо перед королем и солдатами стояла пушка, а польский канонир подносил горящий фитиль к запальному отверстию. Выстрелить он не успел: к нему подскочил Карл, схватил его за глотку и отнял фитиль из рук.

Завоевание Кракова было завершено.

Стенбок был назначен комендантом города (а значит, скоро его супруга в Швеции получила новые подарки). Он первым делом конфисковал городскую казну (!) и пунктуально проинформировал об этом фру Стенбок.

Карл XII остался в Кракове, чтобы дождаться, наконец, Юлленшерну со своим померанским корпусом и подумать о том, что делать дальше.

Глава девятая
ПОЛЬСКИЕ ПРОГУЛКИ

Теща. С тобой рассуждать бесполезно.

Король. Конечно! Наконец-то ты это поняла!

А. Стриндберг. Густав Васа

После Клишова между Карлом XII и Августом II установились даже некоторые личные отношения — правда пока заочные. Саксонцы решили отпустить единственного шведского пленного — того самого бедолагу-ротмистра, которого неуправляемая лошадь завела в их порядки под Клишовом, Ротмистр появился в шведском лагере и привез от польского короля еще одно предложение о мире. Предложение нисколько не интересовало короля Швеции, но вежливый жест в отношении шведского подданного произвел впечатление, и Карл со своей стороны совершил благородный поступок и отпустил из плена нескольких саксонских офицеров. Одному из них король подарил шпагу, которая со временем станет саксонской, а потом и общегерманской реликвией и будет висеть в одном из музеев Дрездена. Август принял эту своеобразную игру и впредь распорядился отпускать на свободу отдельных шведских офицеров, попадавших в плен в различных мелких стычках с саксонцами. Уж очень ему хотелось помириться с кузеном! Впрочем, ни рыцарские формы общения, ни чуткое понимание момента были ему не чужды, пишет Ф. Г. Бенгтссон, и добавляет: «А вообще это был каналья с добрым сердцем».

Ф. Ф. Карлссон сообщает нам малоизвестные данные о том, что уже в этот период Август II пошел на предательство царя и договорился с Веной о посредничестве в мирных переговорах с Карлом. В шведском лагере под Краковом появился австрийский дипломат фон Цинцендорф и вел с графом Пипером переговоры. Предложения, сделанные австрийцем, были настолько заманчивы и выгодны шведской стороне, что в армии и за ее пределами стали распространяться слухи о скором мире с саксонцами.

К этому же времени (8 сентября) относится появление так называемого меморандума Пипера. Граф, как предполагает Ф. Ф. Карлссон, решил заранее снять с себя всякую ответственность за польскую политику Карла и оставить после себя документальное

свидетельство своего видения событий в Польше. Ф. Ф. Карлссон, вопреки устоявшемуся в шведской историографии мнению, считает, что Пипер вовсе не был соглашателем и не поддакивал королю во всех его начинаниях. Меморандум свидетельствует о том, что первый министр Карла, невзирая на известную позицию короля, прямо, непредвзято и довольно резко изложил свои веские аргументы против продолжения польских экспериментов и за заключение немедленного мира с Саксонией. «Редко кто из советников выступал с более сильным представлением у короля, — пишет Ф. Ф. Карлесон. — Можно видеть, как эти представления, постоянно повторяемые, постепенно становятся все более резкими по форме».

Первый министр Карла задается вопросом: если королю даже удастся сместить Августа с польского трона, то кто после этого наденет на себя обесцененную корону? Возведенного на трон короля шведам пришлось бы все время поддерживать силой, и уже одно это обстоятельство должно послужить веской причиной для того, чтобы отказаться от подобного предприятия.

И далее, нисколько не щадя самолюбия Карла, он задается вопросом: какая польза от всего этого будет для Швеции? Прекрасная армия и ресурсы страны ежедневно пропадают без всякой пользы для отечества, и было бы немыслимо приносить храбрый и деятельный шведский народ в жертву польским интересам. Весь мир будет считать шведов большими глупцами, если они будут вести войну для пользы другой державы и одновременно позволять врагам разорять свою собственную. Если для короля не существует никаких других доводов для того, чтобы склониться в пользу мира, то неужели любовь к своей стране не заставит его сделать это?

Пипер не останавливается на этом и задевает самое больное место в аргументации Карла: если он уповает на Бога в своем справедливом деянии, то разве непримиримость к врагу отвечает христианской заповеди? Разве не учит Бог прощать поверженного и раскаявшегося противника?

Граф ополчается и на любимое утверждение Карла XII о необходимости наказания Августа за весь тот ущерб, который он причинил Речи Посполитой. Но разве не входит это в обязанности самих поляков?

После изложения всех этих аргументов статс-секретарь походной канцелярии указал Карлу на реальные перспективы, которые открылись бы для Швеции в случае замирения с Августом: территориальные приобретения за счет той же Речи Посполитой (Курляндия или польская Пруссия), обуздание России и освобождение Прибалтики от ее посягательств (этот

аргумент попадал не в бровь, а в глаз: поражение Шлиппенбаха под Хуммельсхофом (Гуммельсгофом) и вторжение войск Шереметева в Лифляндию, несмотря на внешнее спокойствие, король переживал болезненно), нейтрализация Бранденбурга и Дании, которым может надоесть сидеть смирно, стабильность и прочность шведского государства и не оспариваемую никем роль европейского арбитра для ее правителя. Свой меморандум Пипер заключил словами: «Я неодинок в этом мнении. Все верноподданные и друзья Вашего Величества думают то же самое. Армия полна слухами о склонности короля Польши к миру и мечтает об этом».

Карл, приняв документ, обещал подумать и ответить Пиперу. Свой ответ, по свидетельству и самого Пипера, и историка-современника Ё. Нурдберга, король сформулировал в письменной форме. Это было принципиальное высказывание главы шведского государства, оно носило окончательный характер и дальнейшему обсуждению не подлежало. Вот его текст в переводе со шведского:

«То, что граф считает невозможным (лишение Августа польского трона. — Б. Г.), станет возможным в течение полугола, как только я войду в Саксонию. Но после того как поляки сами сделают первое предложение о детронизации, я пожелаю, чтобы они также сами сделали это возможным, а я только стану им помогать, чтобы укрепить их свободу. Или они все должны сказать «да», или — «нет». Если они скажут «нет», то мы должны действовать в соответствии с этим; если они скажут «да», то они должны защищать своего нового короля. Совершенно определенно я сразу после этого оставлю короля Августа в покое, если смогу полагаться на его слово; но как только мир будет заключен, а мы отправимся на Россию, он может снова одолжить денег у русских и напасть на нас с тыла, и тогда наше дело окажется под еще большей угрозой, нежели сейчас. То, что в это время претерпит Лифляндия, с Божьей помощью, будет вылечено с использованием определенных привилегий и свобод, когда Господь даст нам мир».

Это высказывание — одно из немногих у Карла XII, в которых он с достаточной четкостью и ясностью в письменной форме излагает свои основополагающие принципы. Конечно, считает Бенгтссон, в тексте присутствует определенная политическая наивность («...или они все должны сказать «да», или — «нет». Если они скажут «да», то они должны защищать своего нового короля»), а мы добавим: прямолинейность и слабое понимание сути происходящего. Первый вопрос на повестке дня, согласно Карлу, — мобилизация поляков на избрание нового короля. Одновременно, в течение полугода,

Швеция вводит свою армию в Саксонию, наносит окончательное поражение Августу, принуждает его к миру на своих условиях и заставляет отказаться от польского трона. После того как Саксония будет обезврежена, Польша, получив нового короля, возможно, станет союзницей Швеции в войне с Россией. Тогда можно выступать на Москву.

Верил ли сам король в то, что через полгода «польский вопрос» будет им решен положительно? Трудно сказать. Есть свидетельство секретаря его походной канцелярии У. Хермелина, говорящее об обратном. В письме своему родственнику в Швецию секретарь писал, что недавно имел разговор с его королевским величеством, в ходе которого автор письма высказал соображение, что скоро король устроит все дела в Польше и отправится в поход на русских. Король ответил, что «...с поляками придется воевать десять лет, а с русскими — целых двадцать». Так кого же обманывал король: себя или своих придворных? И обманывал ли вообще? Скорее всего, хотел верить, а фраза в разговоре с Хермелином — это отголосок внутренних и недолговременных сомнений, прорывавшихся иногда наружу.

Что касается Лифляндии, то король предпочел действовать довольно «оригинально»: вместо того чтобы оказать помощь Шлиппенбаху солдатами, он дал указание заплатить голландским газетчикам по тысяче гульденов каждому, чтобы они в своих отчетах скрывали правду об истинном положении дел в провинции. А на карьеру Пипера его меморандум никак не повлиял — уже в день его представления королю, 2 сентября, граф был назначен канцлером Упсальского университета. Но больше о мире с ним никто говорить не решался. Карл раз и навсегда для себя решил, что «каналье с добрым сердцем» верить ни за что нельзя — обманет. Как бы то ни было, а мир, как в известной сказке про Кощея, находился в яйце, а яйцо — в утке, которая еще не была подстрелена и летала где-то за семью горами и морями.

... Померанский корпус в составе пяти шведских регулярных пехотных и одного кавалерийского полков и трех немецких драгунских 29 августа 1702 года наконец прибыл и расположился в нескольких километрах к северу от Кракова. Король немедленно выехал проинспектировать прибывшие полки и остался ими вполне доволен. Из Самогитии с пятью кавалерийскими полками и некоторыми отрядами братьев Сапегов выступил генерал-майор Майдель, он намеревался соединиться с войском короля лишь в октябре, и тогда под началом Карла XII могла оказаться армия численностью до 25 тысяч человек.

Королю все время приходилось решать задачи снабжения

армии (впрочем, он занимался этим намного охотнее, нежели дипломатическими и государственными вопросами). Шведские солдаты и офицеры постоянно жаловались на нехватку одежды и обуви, к тому же их надо было кормить, а денег в государственной казне, как всегда, было маловато, поэтому приходилось прибегать к обычной в то время практике реквизиций, контрибуций и прочих «сатисфакций». Армия стояла в Польше, следовательно, средства на содержание шведов изыскивались в Польше. Речь Посполитая, несмотря на политическую нестабильность и неразбериху, по сравнению со Швецией выглядела вполне богатой и зажиточной страной.

У Карла появился хороший помощник по хозяйственной части — им стал все тот же неутомимый генерал Магнус Стенбок. Его возвели в ранг верховного военного комиссара, и он с большим удовольствием окунулся в квартирмейстерские дела. У него на самом деле был талант с необыкновенной легкостью доставать и деньги, и продукты питания, и фураж, и прочие необходимые вещи.

Насчет контрибуций у Карла вначале были сомнения — ведь он собирался «научить поляков свободе» и хотел сделать из Речи Посполитой дружественную страну, но после того как коронная армия выступила на стороне Августа, всякие угрызения совести исчезли. Король во всем любил справедливость. Не хочешь помогать реализации умных планов короля Швеции — плати денежку, давай хлеб, овес, мясо, масло, птицу. Верховный военный комиссар по заданию Карла отправился в «военно-хозяйственную командировку» в район Галиции и Волыни, чтобы пополнить запасы продовольствия и военно-полевой кассы. Попутно генералу поручалось «образумить» местных шляхтичей и заставить их присоединиться к идее Карла о смещении Августа с польского трона.

«Если они скажут “нет”, то мы должны действовать в соответствии с этим». Как? А очень просто: сжигать поместья и имения и отбирать у строптивых все, что только есть, в пользу шведской армии. В этих районах находились имения И. Любомире кого и многих его генералов, поэтому Карл специально просил Стенбока о том, чтобы «пощипать» эти края как следует: «...или они будут вынуждены следовать за нами, или понесут такой урон, что навсегда запомнят, что там побывал Моне Бок»[81]. Шведы внутренне даже были рады тому, что часть поляков все еще поддерживала своего непутевого короля. Иначе как можно было им решать вопрос содержания армии?

Под Краковом у Карла появилась легкая кавалерия — в условиях Польши и постоянных стычек с коронной армией

возникла необходимость в «летучих» конных отрядах, и по предложению генерала Стенбока шведы стали формировать первые польские эскадроны, получившие название «товарищей» или «валахов». При первом знакомстве с этим новым родом войск король едва не лишился жизни. Несчастный случай произошел 29 сентября. Карп XII в своей палатке собирался приступить к вечерней трапезе, когда из города со своими темпераментными «товарищами» возвращался Стенбок. Они на полном скаку с большим шумом и гамом въехали в палаточный городок и вызвали там всеобщее любопытство. Выглядели кавалеристы со своими длинными пиками и вымпелами довольно воинственно. На шум и крик из палатки выбежал король, он прервал свой ужин, вскочил на коня и решил вместе с валахами проскакать через городок, чтобы посмотреть, на что они способны. Король пришпорил коня и во всю прыть понесся по городку, преследуемый валахами. На одном из поворотов конь под Карлом задел за палаточный канат, споткнулся и упал вместе с всадником. Сзади в нескольких метрах неслись «огневые» валахи — остановиться они уже никак не могли — и дружно налетели на упавшего всадника. Образовалась настоящая свалка из людей и коней, и подо всеми находился король Швеции. Ржали кони, «товарищи» с дикими взвизгами проносились на своих быстроногих конях над королем или радом с ним. Многие офицеры выскочили из палаток с ложками в руках и с ужасом взирали на случившееся. Наконец отряд валахов ускакал и наступила мертвая тишина. Потом оцепенение прошло, и к лежавшему на земле Карлу побежали драбанты, гвардейцы и адъютанты. У всех на уме было одно: «Конец!»

Но нет, все обошлось. Король, конечно, был сильно помят и ранен, лицо и руки в крови, он смущенно улыбался и говорил поднимавшим его с земли людям, что все в порядке и что ничего особенного не случилось, только вот что-то с ногой... Карла на носилках отнесли в палатку генерал-майора Мёрнера, позвали доктора Ноймана Мельхиора, выходца из Кёнигсберга, двумя годами раньше сдавшего экзамен в хирургической секции Цирюльного ведомства в Стокгольме и исполнявшего должность полкового фельдшера в лейб-гвардейском полку — его услугами Карл XII будет пользоваться еще долгое время. Н. Мельхиор объявил, что чуть выше колена сломана кость — история довольно неприятная для хирургии XVIII века! Он наложил повязку, настоял на том, чтобы короля отнесли на носилках в город, и прописал ему полный покой.

Король недолго провалялся на городской постели и приказал снова перенести его в палаточный лагерь. Здоровый молодой

организм выдюжил, и нога постепенно стала заживать. Карл, не дожидаясь полного выздоровления и вопреки рекомендациям Мельхиора, передвигался на костылях. В результате кости на ноге срослись неверно и левая нога стала чуть короче правой. Король еле заметно прихрамывал. Но он не придавал этому никакого значения и больше расстроился из-за того, что пришлось задержать выступление армии. Правда, вынужденное безделье позволило ему провести несколько приятных часов над книгой Квинта Курция об Александре Македонском, которую он читал лет девять тому назад.

Перелом королевской ноги вызвал в европейских столицах всевозможные толки и суждения. Австрийцы, немцы, французы, голландцы и англичане не были столько озабочены здоровьем шведского короля, сколько связанными с ним перспективами привлечь его на свою сторону при дележе испанского наследства. Ажиотаж вокруг Испании не только не утих, но разгорелся с новой силой, потому что дряхлому королю французов Людовику удалось посадить на пустующий трон в Мадриде своего внука, и теперь Лондон, Вена и Гаага пытались компенсировать себя землицей или чем бог пошлет, для чего открыли фронты по всей Европе.

Вообще-то Карл XII в этой европейской схватке должен был стать на сторону императора и его союзников. Во-пер-вых, потому, что французов не любил его отец, а во-вторых, он все-таки был немецким князем, ибо его королевский титул включал пфальцграфство Цвайбрюккенское, а также Померанию и Бремен-Верден. Именно это обстоятельство, как указывают многие историки, оказывало сдерживающее влияние на Карла в его борьбе с Августом и не позволяло ему переходить известные Границы — Август входил в ту же самую немецкую семью под названием «Священная Римская империя». Война за испанское наследство в общем-то была на руку шведам: планам Карла ее участники особо не мешали, но зато его противники Август II, Фредрик IV и Фридрих Прусский послали на эту войну свои полки. Тем лучше: значит, пока ни Дания, ни Бранденбург враждебных Швеции действий предпринимать не будут.

А неуловимый Август между тем появился в районе Сандомира и созвал «малый» сейм, или крупную конфедерацию, чтобы заручиться поддержкой польского дворянства и призвать их на защиту отечества от посягательств шведов. Конфедерация в общем-то удалась, Сандомир надолго закрепил за Августом определенную часть шляхты и территории страны и еще больше усложнил задачу Карла по его детронизации.

Собрание конфедерации, как всегда, проходило шумно и

бестолково. Во время одного спора в дело употребили самые острые аргументы — сабли — и был зарублен калишский воевода пан Липский, возглавлявший весной сенатское посольство к королю Швеции. Ободренный успехами в Сандомире, польский король сделал попытку настроить на боевой лад пана Иеронима Любомирского, так неудачно «помогавшего» саксонскому войску при Клишове, но, оскорбленный в своей воинской чести, Любомирский пообещал в ответ перейти на сторону шведов. Сандомир Сандомиром, а пан Любомирский сам себе голова! Шведы приняли к сведению результаты Сандомирского сейма и продолжили свои усилия по реализации польского плана Карла XII. Основными средствами по-прежнему были пуля, штык и карательные экспедиции. Принц Яков Собесский слал королю из Силезии советы относиться к полякам построже. Советы эти Карлу пришлись по душе, и он с большим усердием стал осуществлять их на практике.

Пребывание короля в Кракове закончилось 12 октября. В этот день вся шведская армия— частью по суше, частью по Висле — тронулась на восток к Сандомиру. Вопреки своему правилу Карл нагрузил солдат чем только можно. Но главное, по польскому бездорожью волокли всю трофейную артиллерию плюс тяжелые крепостные орудия, снятые со стен Кракова. Недаром король в свое время сказал, что «...скоро мы возьмем у противника всю его артиллерию, и тогда у нас ее будет больше, чем необходимо». Так и получилось. Но бросать все это было жалко, поэтому чертыхались, потели, выбивались из сил, но тащили.

Не совсем еще оправившегося от перелома ноги Карла несли на носилках 32 гвардейца, по восемь человек в смену. Носильщикам заплатили по риксдалеру в день и зачислили на бесплатное довольствие в королевскую кухню. (Среди носильщиков был мушкетер Нильс Фриск, оставивший по себе и по своему времени память в виде дневниковых записок. Нильсу придется еще два раза становиться под носилки с королем.) Через месяц король уже пытался ходить самостоятельно, но с костылями. 16 ноября он на коне добрался до походной канцелярии, а обратно к себе в палатку скакал галопом. После этого о левой ноге короля никаких упоминаний в источниках нет. Через семь лет Карп XII снова вспомнит о своей ноге, но уже при совершенно иных обстоятельствах.

Целых три месяца армия с королем медленно продвигалась к своей цели. Долго стояли под Люблином и выясняли отношения с местными властями, которые не совсем вежливо встретили Мёрнера и Стенбока, когда те проходили мимо из Литвы на соединение с основной армией под Краковом. Шведы обошлись,

правда, без факелов — городские власти не смогли собрать сумму в 50 тысяч риксдалеров, запрошенную Карлом, но король удовлетворился и 30 тысячами.

В феврале 1703 года из «командировки» в сопровождении «товарищей» вернулся Магнус Стенбок и с гордостью доложил о выполнении наказов короля. С собой он привез 200 тысяч риксдалеров, массу съестных припасов, вина, солонины, сырых кож и пр. и пр. Веж нужное шведы выбивали из населения аккуратно, методично и без большого шума. Они подходили к какому-нибудь городку, окружали его, зажигали факелы и посылали своего человека к старосте или воеводе. Если воевода упрямился и платить контрибуцию не хотел, «товарищи» поджигали дома и ехали дальше. В следующем населенном пункте уровень понимания местным населением насущных нужд шведов был уже намного выше. Стенбок особо доложил королю о том, как они покуражились в имениях Любомирского.

Король похвалил генерала, и тот довольный побежал в палатку писать отчет супруге Еве. «Для себя я ни копейки от короля не утаил, — горделиво сообщает он ей в Швецию и тут же спрашивает: — ...не получил ли мой ангел восемь с лишним тысяч далеров, серебряный сервиз, который я тебе выслал, и еще кое-что». Из шведских источников явствует, что пребывание в Польше и в других странах и офицеры и солдаты армии Карла XII широко использовали в целях обогащения. Король закрывал на это глаза — лишь бы не запускали руку в казну. Вместе с тем он строго следил за дисциплиной, стихийных и массовых грабежей населения не допускал — все должно было осуществляться исключительно организованно, а пьянство и распутство жестоко и немилосердно наказывал.

«Польские походы Карла, — признавал даже восторженный поклонник «последнего варяга» Скандинавии В. Герье, — были поистине варяжскими походами. Хотя конунг и не наживался, но посылал на родину драгоценные церковные сосуды и украшения в дар главным церквам». Грабили поляков и наживались на их бедах все генералы и почти все офицеры, прибавляет историк. Такова теневая сторона «рыцарских» подвигов «Александра Севера».

В начале марта 1703 года армия во главе с королем выступила из-под Люблина и на шестнадцатый день расположилась в предместье Варшавы. Генерал-лейтенант Реншёльд еще до нового года с десятком полков, в основном кавалерийских, был выслан туда, чтобы, с одной стороны, держать под контролем обстановку в городе, где кардинал Радзиевский собирал сенат и зондировал с ним вопрос о

смещении с трона Августа, а с другой стороны, запасти для армии продовольствие. Реншёльд докладывал, что крупные силы саксонцев под командованием все того же Штайнау сконцентрировались под Торном (Торунь), расположенным на пол пути от польской столицы к устью Вислы. Туда же, по слухам, прибыл и Август.

Под Варшавой король простудился. По дороге он встретил английского посла Робинсона, который узнал Карла, выскочил из кареты и, не сходя с места, получил аудиенцию, и довольно продолжительную. Король, сославшись на зябкую погоду, предложил послу вернуться в карету, а сам поехал рядом и продолжал прерванную беседу. Англичанин предлагал на ходу новый вариант мира в Польше. Во время встречи король стоял, а потом ехал на холодном мартовском ветру с непокрытой головой (естественно, со шляпой под мышкой) и на следующий день свалился с высокой температурой. Пришлось вскрывать вену, пускать кровь и давать рвотное. Историки говорят, это был один из редких случаев, когда он согласился принять лекарство. Но наутро Карл уже снова был на коне и, не обращая внимания ни на каких докторов, приступил к своим обычным делам. Окружающие придворные по углам шептались, что простуда, может быть, образумит короля и он станет надевать парик. Их упования, однако, не были услышаны тем, кому они предназначались,

В конце апреля 1703 года Карл XII в присутствии Пипера, Хермелина и посла Вахшлагера встретился с кардиналом Радзиевским, Беседу с ним король начал любимой фразой: «Мы по-прежнему настаиваем на детронизации и от этого не отступимся». Шокированный кардинал попросил Карла все-таки отказаться от этой «невозможной» идеи, потому что отсутствует поддержка как со стороны коронной армии, так и. воеводств, и дока они идут за Августом, все усилия по его смещению с трона будут бесполезными.

Карл в ответ стая развивать мысль о нанесении своему противнику военного поражения. Возникла длительная дискуссия, в которой каждая сторона продолжала отстаивать свои взгляды. Убедившись в том, что король никакие аргументы не воспринимает, поляк прибег к другому средству и попытался апеллировать к его чувствам. Он обратил внимание Карт на те страдания, которым его народ подвергается в результате военных действий. Напрасные усилия!

— Я от своего решения не отступлю: Польша получит мир, если она этого хочет. Я ждал долго и не желаю больше находиться в неведении. Никакого мира без детронизации не будет! — по-солдатски отреагировал монарх.

Кардинал заплакал:

— Бог мой свидетель в том, что я дал честный совет: я вижу, как я сам и мое Отечество идем в пропасть.

На этом беседа была закончена.

Здесь, под Варшавой, появился необычный гость, который станет всеобщим любимцем и другом Карла XII. Это был принц Максимилиан Эммануэль Вюртембергский, повсюду известный по прозвищу Маленький Принц. С собой принц имел письмо к королю, написанное его матерью. Вюртембергская герцогиня-препоручала своего четырнадцатилетнего мальчика Карлу, который должен был удовлетворить его страсть к приключениям и его восхищение королем Швеции. Мать предлагала адресату либо отправить принца в Стокгольм для получения военного образования, либо оставить его при себе. Мальчик королю понравился — в некотором смысле он напоминал ему самого себя в пору ранней юности, — и решение было принято быстро и к взаимному удовольствию: Маленький Принц остался при короле. Сопровождавший Максимилиана Эммануэля придворный возразил было, что без гофмаршала принцу быть неприлично и что нужно немедленно найти такового, на что Карл XII ответил, что обязанности гофмаршала при принце он будет исполнять сам. Уладили вопрос и со штатом и содержанием: отныне принц должен был питаться вместе с королем. В качестве сопровождающего кавалера принц приобрел самого Густава Адлерфельдга, будущего автора «Военной истории» и биографа Карла XII.

Что касается военного образования, то Маленький Принц получил первые уроки уже на следующий день. У места впадения Буга в Вислу неожиданно появилась саксонская кавалерия, и Карл, считавший, что с момента последней военной разминки прошло слишком много времени, горел желанием сразиться. Рекогносцировка местности показала, что северный берег Буга хорошо охранялся саксонскими разъездами, все лодки поблизости были ими конфискованы, и напасть на противника с «сюрпризом» было трудновато. От пленных, однако, получили информацию, что Штайнау с главными силами находится под Пултуском, на берегах реки Нарев, впадающей в Буг. Если форсировать Буг в самом устье, то можно было бы напасть на Пултуск с запада. Могло получиться что-нибудь интересное, думал Карл, потому что у противника за спиной был Нарев. Он немедленно распорядился, чтобы Стенбок начал наводить мост через Буг в местечке Новодвор — там, где когда-то форсировал Буг его дед Карл X Густав.

Пока строился мост, Карл развил в Варшаве бурную

деятельность. Он тайно встретился с кардиналом-примасом и в вопросе отношения к Августу предал слишком утонченному складу ума клирика некоторую прямолинейность; он принял нескольких иностранных послов, но ничего полезного во время аудиенций, к сожалению, не услышал; принял ряд польских депутаций и тоже попытался вправить им мозги; проинспектировал прибывший речной флот с ранеными и больными и позаботился о их размещении и лечении; повысил в звании до генералов генерал-лейтенантов Реншёльда и Ливена — первого — от кавалерии, второго — от инфантерии; до генерал-лейтенантов — генерал-майоров Майделя, Поссе, Стромберга и Стюарта.

Генерал-майора Майделя Карл прочил на место дряхлого и бездеятельного Крунхъюрта в Ингерманландию. Там царь Петр отвоевал у шведов Нотебург и Ниеншанц и начал строить то ли город, то ли крепость. Карл возлагал на Майделя надежды, что тот сможет там навести порядок (забегая вперед, отметим, что эти надежды Карла не оправдаются). Присвоение очередного звания Стюарту никакого практического смысла не имело и было жестом благодарности за прошлое — генерал был тяжело болен и просил освободить его от губернаторского поста в Курляндии. Между тем в боях с русскими превосходящими силами в Литве отличился граф А. Л. Левенхаугтт (Левенгаупт). Он тоже получил звание генерал-майора и скоро должен был сменить больного М. Стюарта на посту курляндского губернатора[82]. Магнус Стенбок очень рассчитывал на повышение его в звании до генерал-лейтенанта, считая свои заслуги ничуть не меньшими, нежели у остальных претендентов, но король предпочел с его повышением подождать, а пока главный военный комиссар трудился над возведением понтонного моста у Новодвора.

29 апреля мост был почти готов, и король с кавалерией и несколькими батальонами пехоты прошел по нему на другой берег Буга. Гвардию переправили на лодках, чтобы они посмотрели, что могут скрывать пойменные леса и болота. Саксонцы быстро убрали свои посты, давая понять, что сопротивляться в этом месте у них не было никаких намерений. На другой день по уже готовому мосту переправились все остальные силы шведской армии. Рядом с королем неотлучно находился Маленький Принц. Померанские драгуны, еще не участвовавшие в боях, попросили Карла предоставить им честь отличиться в предстоящих сражениях, и король, улыбаясь, милостиво разрешил следовать им в авангарде. Принц Отправился с драгунами, и с тех пор они стали его лучшими приятелями, а когда командир полка Бухвальд погибнет в бою, он

будет назначен их полковником. Но полк будут называть «Бухвальдскими драгунами».

Шведы шли форсированным маршем на запад, ликвидируя по пути саксонские сторожевые посты. При переправе через реку Ниса утонули четыре лейб-гвардейца. За сутки шведская кавалерия без еды и остановок прошла болте 70 километров. Штайнау весть о подходе шведской кавалерии доставили сторожевые патрули. Он был как всегда в состоянии бдительности, и это сообщение для него не оказалось неожиданностью. В его распоряжении были четыре драгунских и четыре кирасирских полка — около 3500 человек. Примерно такую же цифру — три тысячи — указывает Адлерфельдт, характеризуя численность шведского кавалерийского авангарда, прибывшего под Пултуск.

Городок Пултуск был расположен на острове посреди реки и соединен с берегами двумя мостами. Штайнау расположил своих драгун на высоте вдоль дороги, на которой должны были появиться шведы. 1 мая 1703 года кавалерийские эскадроны Бухвальда в предрассветной мгле вышли прямо к городу, и Карл выдвинулся вперед, чтобы оценить обстановку. Он сразу увидел хорошую возможность запереть саксонцев в городе, если отрезать им путь к отступлению и захватить мосты. Не раздумывая он отдал приказ скакать во весь опор к первому мосту и пришпорил своего коня. Саксонцы разгадали замысел шведов, тоже бросились к мосту и слегка опередили шведов, потому что находились к нему ближе. Но мост не сумел вместить всех всадников, и шведы, «сев на хвост» столпившимся драгунам Штайнау, начали рубить всех, кто попадался. Перила не выдержали, и многие из спасавшихся бегством упали в воду и потонули. Шведские кавалеристы на плечах противника ворвались в город и немедленно перекрыли второй мост. Саксонцам не оставалось ничего другого, как прекратить сопротивление и сдаться.

Внешнее крыло саксонских позиций, которым отступить в город по мосту не удалось, было атаковано эскадронами Юлленшерны и майора Кройца (Крейца), саксонцы были рассеяны и спаслись бегством в лесах. Бой был закончен. Шведы потеряли 18 человек убитыми, потери саксонцев исчислялись (по шведским оценкам) 200 убитыми и утонувшими, кроме того, попали в плен 800 человек, включая 42 офицеров и двух генералов - Шуленбурга и Бойста (последний был заместителем Штайнау). Сам саксонский главнокомандующий тоже едва не попал в плен, но сумел найти лазейку и в последний момент выбраться из города живым и невредимым.

Король отдал город на разграбление. В этом деле особенно

отличились драбанты: в горячей схватке с отступающими саксонскими драгунами они не участвовали, потому что шли сзади, и пока лейб-гвардейцы держали город взаперти, контролируя мост через реку, любимцы Карла XII врывались в дома жителей города и брали все, что попадалось под руку. Остальным — простым драгунам — досталось уже то, что не смогли унести бравые драбанты. Драгуны ворчали и выказывали свое недовольство, но поделать ничего не могли.

После грабежа шведы отправились на поиски фельдмаршала Штайнау и нашли его, но атаковать не решились: слишком большой перевес в силах имел он над шведами и слишком много их боевых товарищей еще оставались в домах Пултуска, Чертыхнувшись от досады, Карл уехал ни с чем и вернулся в город, где Стенбок уже приступил к сбору контрибуции. Король сел читать письмо от Реншёльда, в котором генерал-лейтенант информировал о саксонских силах в крепости Торн (Торунь), но расшифровать его с ходу не смог, потому что забыл взять с собой шифр. Карл напряг свою память и, восстановив шифр по памяти, расшифровал текст и прочел письмо. Он не утерпел и похвастался своим достижением перед Реншёльдом: «У меня возникли трудности с прочтением Ваших цифр, потому что при выезде из Варшавы ключ от шифра я оставил среди моих личных вещей в багаже, который еще не пришел, но я все равно справился с ними по памяти, потому что недавно писал письм». Шифр был довольно сложным, и, конечно, способности короля произвели на Реншёльда известное впечатление.

Генерал сообщал, что в Торне заперлась почти вся саксонская пехота в количестве шести тысяч человек. Это была ценная весть, и король решил идти на Торн, где надеялся вместе с отрядом Реншёльда окружить и взять город штурмом. После этого практически вся Польша будет очищена от присутствия саксонцев. Шведская пехота, форсировав Буг через Новодворский мост, по восточному берегу Вислы шла к Торну, в то время как Реншёльд находился западнее армии короля. На баржах вместе со шведами плыли пленные саксонцы. К 24 мая 1703 года передовые отряды шведов уже находились под стенами Торна, и король вместе с ними выехал на рекогносцировку крепостных сооружений. Торн, согласно полученным данным, являлся мощной крепостью, его гарнизон был многочисленным, а запасов продовольствия и амуниции в городе было более чем достаточно. Жители города были настроены решительно антишведски и заявили о своей готовности защищать крепость рядом с саксонскими солдатами. Саксонским генералам фон Канитцу и фон Ребелю такие заверения были как бальзам на душу. При

осаде крепости Карлу XII предоставлялась уникальная возможность продемонстрировать свои инженерные знания, которые он в свое время получил от М. Стюарта, и проявить свои полководческие способности.

До Карла XII к Торну ходили два шведских короля. Осенью 1628 года Густав II Адольф шел на город с севера, но из-за голода и болезней в армии был вынужден отвернуть в сторону. В ноябре 1655 года Карл X Густав налетел на Торн, как ветер — он шел по той же дороге, что и Карл XII, и спешил в Бранденбург, чтобы выяснить отношения с бранденбургским курфюрстом. Получив ключи от города на подносе, он вошел в него без единого выстрела, проскакал бешеным галопом по улицам, громким хохотом разогнал всех собак и кошек, взял городскую кассу и исчез в северном направлении так же быстро, как появился.

Теперь, конечно, ситуация была другая; крепостные сооружения за это время поляки усовершенствовали и сделали еще более неприступными, за стенами крепости сидел сильный гарнизон, у которого и на уме не было подносить королю Швеции ключи от города, тем более что осажденным было хорошо известно, что шведская армия подошла без осадной артиллерии. Саксонцы с добродушными улыбками курили трубки и с любопытством наблюдали со стен города, как внизу маршировали голубые пехотные колонны каролинцев, как драгуны выгоняли из предместий жителей, чтобы сжечь их дома, как подплывали по реке баркасы с пултусскими пленными и те высаживались на остров посередине реки и как шведские саперы наводили понтонный мост.

Первое время об осаде Торна не было и речи — город пока блокировали и стали ждать, когда из Риги подвезут тяжелую артиллерию. Ее должны были выгрузить в Данциге, а оттуда по Висле доставить к Торну. Поэтому шведская армия под крепостью устраивалась прочно и надолго — с пекарнями, банями, лазаретами, маркитантками и проститутками. Для увеселения короля и придворных из Стокгольма вызвали даже французскую театральную труппу. По ближайшим деревням были высланы летучие отряды «товарище», чтобы следить за передвижениями Штайнау, а заодно получить «сатисфакцию» с населения. Время от времени, когда саксонцам предоставлялась хорошая цель, со стен Торна гремели мушкетные и артиллерийские выстрелы.

Король, как обычно, приближался к стенам города на расстояние выстрела, и уже в первые дни осады произошли неприятные эпизоды. Один раз пуля вонзилась в землю прямо перед ногами коня Карла, другой раз, вечером 28 мая, во время обхода королем гвардейских постов был смертельно ранен

новоиспеченный генерал-лейтенант Б. фон Ливен. Король сильно горевал по убитому, приказал забальзамировать его тело и отправить для захоронения в Стокгольм. Третий раз Карла после взрыва гранаты засыпало землей.

Свою палатку король поставил рядом с палаткой Маленького Принца прямо под выстрелами саксонцев, и скоро они обе были продырявлены пулями. Однажды в отсутствие короля драбанты построили перед палатками вал и загородили их от выстрелов стогами сена. Вернувшийся хозяин палатки был изумлен этим нововведением и приказал сено убрать, но только перед своей палаткой. 27 июня Карлу XII исполнился 21 год, и защитники крепости ждали со стороны шведов какого-нибудь подвоха, но король ничем особенным этот день не отметил — равно как годовщину битв на Двине и при Клишове.

Придворные и близкие сделали попытку урезонить короля, чтобы он соблюдал осторожность. «Я буду там, где будут мои солдаты, — ответил Карл. — Для Швеции моя смерть не будет большой потерей — какая ей от меня польза?» Несомненно, пишет Лильегрен, странная фраза в устах абсолютиста Карла. Что это: игра в скромность или признание того факта, что он по горло завяз в польской трясине и теперь не знает, как из нее выбраться? Наблюдательный У. Хермелин встревожен странным и необъяснимым поведением своего повелителя и пишет: «Тому, что называется осторожностью, дают имя “трусость”. Все генералы и офицеры пребывают в состоянии транса и ничего доброго от будущего не ждут».

Между тем кавалерия Августа стала проявлять все большую активность, вероятно, подготавливая возможные пути отхода из крепости, для своей пехоты. Она нападала на небольшие отряды шведов и мешала им, выполнять задачи снабжения. Саксонцам оказывали содействие поляки, и шведы стали нести чувствительные потери. Больше всего Карла XII возмущали партизанские действия местного населения. К такой войне шведская армия не была подготовлена — она привыкла иметь дело с регулярными войсками и в открытых сражениях. В печально известном письме к Реншёльду король излагал свое ведение способов борьбы с партизанами:

«Мне известно, что Вы в целом стараетесь их наказать. Населенный пункт, в котором совершено нападение на шведский отрад, должен быть сожжен дотла вместе с окрестностями. Жителей деревень, которых Вы схватите, при малейшем подозрении в неблаговидных против нас поступках следует повесить, чтобы они боялись и знали, что если нас разозлить, то не будет пощады даже для детей в, колыбели. Если неприятель

подобным образом будет создавать Вам трудности и уходить от преследования, то лучший, способ наказания — это уничтожение и сожжение всего в округе и превращение местности в пустыню, чтобы там уже. Вам больше никто не мешал. У нас особых новостей нет, мы тоже здесь на страже и подвергаем сожжению каждый населенный пункт, где появится неприятель. Недавно я приказал сжечь целый город[83], а его жителей — повесить».

Хорошенькое письмецо! Солдаты короля отнимают у мирных и ни в чем не повинных жителей съестные припасы, угоняют скот, забирают имущество, и это считается в порядке вещей. Но если они при этом оказывают сопротивление, то король сердится — ему, видите ли, нужно чем-то кормить свою армию! Что это: проявление истинной сути Карла XII, которую он так старательно скрывает, когда все вдет согласно его желанию, или виновата во всем война, которая испортила его характер? А может, это выражение внутреннего пренебрежения к полякам, которые не хотят слушаться его советов и поступают вопреки им? Ведь в Дании Карл в целом придерживался цивилизованных форм общения, да и когда шведы войдут в Саксонию, никаких эксцессов они допускать там не будут. Не потому ли, что датчане и саксонцы для них люди первого сорта, а поляки и, как мы увидим, русские — второго и третьего? Даже шведские историки признают, что русские в понимании каролинцев были чем-то вроде варваров или недочеловеков. Близко, очень близко подошел «самый нравственный король в мире» к нравственной пропасти, где от человекоизбранности до человеконенавистничества рукой под».

Основанием для недовольства Карла поляками, как считают некоторые шведские историки, послужил созыв Августом Всепольского сейма, и не где-нибудь, а в Любомире, в котором шведы только что делали «зачистку». На сейм съехались представители со всей Польши, в том числе и те, кто был настроен прошведски, включая коварного кардинала-примаса. Последнего встретили выкриками «Предатель!», но Радзиевский хладнокровно и спокойно объявил о поддержке Августа, словно его заигрываний с Карлом и в помине не было. Впоследствии кардинал несколько раз будет менять свою позицию в зависимости от складывавшейся расстановки сил между партиями Карла и Августа, пытаясь провести в жизнь свои собственные планы — любыми средствами оградить Польшу от участия в войне.

Сейм принял решение увеличить численность коронной армии и дал Карлу XII шестинедельный срок, в течение которого он должен был продемонстрировать свое миролюбие. В

противном случае Речь Посполитая объявляла ему войну. Это был серьезный удар по планам шведского короля, попавший в самое больное место. И хотя решения Любомира остались в основном на бумаге, было ясно, что Август снова переиграл его на политическом поприще и все громкие победы Карла на полях сражений кардинального влияния на настроения в Польше не оказывают.

Правда, некоторое время спустя Карлу удастся сколотить свою конфедерацию во главе с познаньским воеводой Станиславом Лещинским, но мира и спокойствия в Речи Посполитой не будет еще долго и после того, как Лещинский станет «дубликатом» польского короля. Антишведские настроения будут все-таки превалировать над прошведскими, и в конце концов Август с помощью России одержит верх над Карлом. В интригах и ловких дипломатических ходах саксонец был непревзойденный мастер. Так, когда Карл решил сделать своим ставленником старшего принца Якова Собесского, сына умершего короля Яна Собесского, проживавшего в Силезии, Август послал отряд своих солдат, арестовал принца вместе с братом и посадил их в неприступный саксонский замок. Австрийский император, в чью империю входила Силезия, сделал вид, что ничего не заметил. Французского посла дю Эрона Август буквально вышвырнул из Польши за то, что тот остался в Варшаве, когда ее заняли шведы. Потом, несколько лет спустя, саксонцы арестуют посла Петра И. Р. Паткуля и Август выдаст его шведам. О, этот-«каналья с добрым сердцем» умел защищать свое привилегированное положение и не гнушался никакими средствами для достижения своих целей!

Приобретение Торна имело для шведов стратегическое значение. Становилось свободным сообщение по Висле с Балтийским морем, со Швецией и Лифляндией, Правда, некоторое препятствие на этой водной артерии представляли польско-прусские богатые города Данциг с Эльбингом, еще не опустошившие свою городскую казну и личное достояние жителей в пользу армии короля Швеции, и нужно было оградить польскую Пруссию от давних посягательств Бранденбурга. Поэтому в начале июня в Данциг с «дипломатической» миссией выехал верховный военный комиссар Магнус Стенбок, который повез с собой такие «соблазнительные» предложения, как контрибуция, сдача крепостной артиллерии, размещение контингента шведских войск в устье Вислы и кое-что другое, к примеру, предъявление претензий по старым долгам, датированным аж 1460 годом. К 1703 году, с учетом процентов, сумма долга в пользу кредитора составила 437 тысяч далеров!

Правда, долг был частным и получателем являлись шведский генерал Нильс Юлленшерна (Гюлленшерна) и его семья, но это не имело ровно никакого значения — ведь долг-то был все равно в пользу Швеции.

Магистрат и жители Данцига по вполне понятным причинам встретили шведского эмиссара более чем прохладно. За спиной Данцига маячили Англия и Голландия, использовавшие этот портовый город в своих торговых интересах. Как уже упоминалось, на Данциг претендовал Бранденбург, неравнодушна к этому региону была и Дания. Естественно, всеми своими силами планам Карла будет противиться и Август, защищая свои законные владения. М. Стенбок, не добившись своего, пожаловался Карлу, находившемуся под Торном, и король послал ему оттуда подробную инструкцию о том, как нужно поступить со строптивым городом. В качестве постскриптума к ней Карл написал выразительное личное обращение к жителям Данцига: «Данцигцы! Если вы не образумитесь, то горько об этом пожалеете, когда я наложу на вас контрибуцию». Если уж от Кракова до Торна протянулся «солдафонский» след короля, комментирует Ф, Г. Бенгтссон, то от Торна до Данцига совсем рукой подать.

Перед этим «дипломатическим» окриком Данциг не устоял и сдался. Морские державы были слишком заняты испанским наследством и оказать действенной помощи городу не смогли. 30 июля шведская эскадра бросила якорь в гавани Данцига и на берег сошли четыре тысячи шведских рекрутов, а на баржи перегрузили осадные орудия. 4 сентября пушки пришли под Торн, а 24 сентября шесть батарей сделали пробный обстрел города. Результатами все —разумеется, шведы — остались довольны: пожар в ратуше Торна и в трех других местах, а также грохот и огненный «спектакль» всю ночь напролет.

Прогнозы на осаду у жителей города и гарнизона оказались слишком оптимистичными. К сентябрю в Торне стала ощущаться нехватка съестных припасов, а из шести тысяч солдат в строю осталось всего около двух тысяч. Торунцы, забыв о своем обещании, предприняли попытку договориться со шведами о капитуляции, но саксонские военные решили держаться до последнего. И тогда 10 октября шведы стали готовиться к генеральному штурму крепости. Одну из штурмовых колонн хотел вести лично сам король. Его как обычно пытались отговорить и не подвергать свою особу, такую необходимую для блага королевства, ненужному риску. Он как обычно стоял на своем... В конце концов генералы пришли к выводу о том, что не было большого смысла и в том, чтобы подвергать ненужному

риску жизнь подданных короля, потому что город все равно должен был скоро сдаться. Генеральный штурм отменили.

13 октября Торн капитулировал на условиях шведов. После этого саксонская армия практически прекратила свое существование. В плен сдались 236 офицеров и 4470 рядовых саксонцев, половина из которых оказались больными. Часть из них отправили в Швецию, а часть — завербовали в армию короля; потом они примут участие в русском походе 1708—1709 годов. Как водилось, город обложили контрибуцией в размере 100 тысяч риксдалеров, а также взыскали «гратификацию»[84] в пользу шведских офицеров — вероятно, за их заслуги перед жителями города (сумма не называется). После этого оборонительные валы крепости сравняли с землей, башни и стены разрушили — якобы в знак того, что шведский король не имел намерений оставлять за собой город. Была взорвана также и ратуша— одно из лучших зданий в Европе. Одним словом, все было сделано по Александру Македонскому — он тоже сравнивал с землей персидские города и оставлял после себя одни головешки[85].

Зато Карл XII проявил великодушие к пленным генералам Ребелю и Канитцу, пригласив их к себе на «дружеский» обед. Не позабыл король и о голодных жителях города, копошившихся, как муравьи, в выгребных ямах шведского лагеря, и бросил им на пропитание несколько тысяч дукатов.

Под Торном король понес личную потерю — ночью в его постели умерла собачка по кличке Помпей, о чем он не забывает сообщить своей старшей сестре в Голштинию[86]. (Цезаря, Турка и Петуха он потерял уже раньше.) Не считая смерти Помпея, потери шведов под Торном были незначительны: всего 40 убитых и 70 раненых. Сюда, конечно, не включены выбывшие из строя кавалеристы Реншёльда, действовавшего в окрестностях Торна отдельно от армии короля.

Реншёльд овладел Познанью с еще меньшими потерями. Сначала он послал в город своего офицера с приказом открыть ворота и перейти на сторону шведов. Познанцы, несмотря на отсутствие регулярных войск в городе, отказались и решили защищать крепость своими силами. Тогда к городу был послан небольшой отряд под командованием генерала Арвида Акселя Мардефельта. Когда тот подошел к стенам, то увидел, что познанцы по-прежнему упорствуют и открывать ворота не желают. Генерал построил своих солдат в колонны и без всякой огневой подготовки отдал приказ на штурм. Ошеломленные познанцы, не сделав ни одного выстрела и даже не помахав саблями, молча смотрели, как на валы карабкаются шведские солдаты, а потом сдались на милость победителей.

Представителей городских властей посадили в кутузку, жителей обложили контрибуцией и взяли у них все, что можно было унести. Именно в этом городе шведы обнаружили пушки, которые они в свое время подарили послу Августа Галецкому. король действиями своих солдат остался очень доволен.

Шел октябрь 1703 года, а шведская армия все стояла в Торне. В голове короля пока не созрело никаких конкретных планов. Когда Реншёльд запросил его, в каком направлении ему двигаться, поскольку в его местности уже нечем было кормить армию, Карл ответил: «...куда мы и когда должны начать маршировать, сам не знаю». С военной точки зрения положение Швеции никогда не было и не будет таким блестящим, каким оно стало после Торна. Успехи русских в Лифляндии стратегического баланса пока не нарушили и, по мнению Карла XII, носили сиюминутный характер. Придет время, и он быстро справится с Москвой. После Торна Карл был совершенно свободен в своей стратегической инициативе, он мог делать любой шаг, какой ему заблагорассудится.

Послеторунский период в биографии Карла можно считать самым опасным для его последующей воинской и государственной карьеры. Пришла пора неограниченной славы и опьяняющего головокружения от успехов. Все его противники — датчане, поляки, саксонцы и русские, каким бы численным преимуществом ни располагали, за какими бы неприступными крепостными стенами ни сидели, не выдерживали и первого натиска его победоносного войска и разбегались в разные стороны. Торн, большая крепость с сотнями орудий и шеститысячным гарнизоном, стоил ему всего 40 убитых! Карл XII должен, был находиться в состоянии эйфории. То, о чем он мечтал в детстве и юности, свершилось. В 21 год он стал непобедимым полководцем, равным которому не было во всей Европе. Отсутствие достойного противника рождает высокомерие и притупляет бдительность.

Как бы ни был свободен в своем выборе шведский король, он не мог отмахнуться от пары обстоятельств, которые все-таки ограничивали свободу его действий. Первое препятствие, морального свойства, своим возникновением было обязано самому Карлу. В Польше достойных нападения объектов для шведов уже не было, армия, с которой Август вышел на войну, практически была уничтожена. Царь Петр дал ему деньги на организацию новой армии численностью до 24 тысяч человек. Поэтому военная логика подсказывала, что следующий поход следовало бы предпринять против Саксонии. Но, как мы уже отмечали ранее, понятия кодекса чести и порядочности

немецкого князя не давали Карлу возможности сделать такой шаг. Император Священной Римской империи Иосиф I издал декрет, согласно которому каждый, кто нападет на немецкое княжество, будет рассматриваться в качестве врага империи. Ссориться с Веной у Карла XII пока никакого желания не было. Австрия еле сдерживала наступление французов, к тому же в Венгрии вспыхнуло восстание, так что выведение из строя Саксонии, пусть и слабого звена в антифранцузском альянсе, было бы воспринято в Вене, Гааге и Лондоне по крайней мере с неодобрением. Предоставив в распоряжение кесаря символический контингент войск, Август защищал себя от вторжения шведов лучше, нежели при помощи каких-либо других средств. Нет, пока заходить в Саксонию для шведов было опасно.

Второе обстоятельство было сугубо материальным, а потому, на наш взгляд, более весомым и важным. Оно заключалось в том, что шведскую армию — 30 тысяч с лишним ртов — надо было кормить и содержать. Солдаты Карла в этом отношении были такие же, как и у других королей: они маршировали, пока были сыты, одеты и обуты. Польша для шведов в этом отношении была почти идеальной страной, они шли по ней от города к городу, без зазрения совести распоряжаясь их запасами и оставляя после себя пустые амбары и кладовые. Может быть, все-таки лучше остаться в Польше? В конце концов, когда-то же ему удастся привести польский числитель к шведскому знаменателю! И потом: не будет же царь безучастно наблюдать за тем, как шведы прибирают к рукам Польшу. Он непременно вышлет сикурс[87] своему союзнику Августу. Так что можно встретить русских здесь, в Польше, где шведы чувствуют себя почти как дома.

Все эти соображения, вероятно, обдумывались и Карлом, и его советниками, и в своей совокупности они и определили, должно быть, то решение, которое после длительного обсуждения в конце концов принял король. Он остался в Польше и в ноябре повел армию на север, на зимние квартиры в польскую Пруссию, где было чем поживиться, можно было спокойно отдохнуть и заняться вербовкой новых наемников. Часть отличившихся солдат и офицеров вместе с пленными саксонцами, поляками и трофеями отправили в Стокгольм. Эльбинг, заложенный Августом бранденбургскому курфюрсту, поначалу, как и Данциг, проявил строптивость и стал возражать против расквартирования шведов, но сила разрешила и это «недоразумение», и отцам города позволили даже, после того как они собрали контрибуцию в размере 260 тысяч риксдалеров, приложиться к ручке короля, После этой умилительной сцены Далекарлийский полк вошел в город на зимовку. Король обосновался в городке Хайльсберге

(Гейльсберге), в то время как Реншёлвд со своим войском из десято полков тронулся в путь на юг к Кракову, где еще «шевелились» «татки саксонской армии.

На зимних квартирах в Пруссии было тепло и сытно, «Здесь все идет хорошо, — сообщал Карл Реншёльду, — вербовка солдат в польско-прусских городах идет на “ура”». Служить шведскому королю, несмотря на строгую дисциплину в армии, хотели многие, и от желающих не было отбоя. Карл быстро навербовал один пехотный и четыре драгунских полка, но когда Реншёльд попросил у короля два полка для размещения их в составе гарнизона Кракова, тот отказал — незачем посылать солдат месить польскую грязь в такую даль, пусть лучше отдохнут и наедятся досыта.

Жизнь в Хайльсберге шла тихо и размеренно: два раза в день — в семь утра и четыре дня — служба в церкви, верховые инспекционное поездки, муштровка драбантов и гвардейцев и короткие визиты в канцелярию, хозяйство графа Пипера. Несмотря на наличие свободного времени, король по-прежнему мало пишет. «Как вам известно, мне очень легко создать повод для того, чтобы не заниматься писаниной», — такая фраза часто проскальзывает в его письмах к своим генералам. С удовольствием он ездит только по окрестностям города осматривать крепости или полки, с ним неотлучно находится Маленький Принц, и тоже без. парика. При проверке постов в Вестманландском полку Карл чуть ли не стал жертвой образцовой дисциплины своих солдат: часовой трижды спросил «Кто там?», но, не получив отзыва от Карла, выстрелил. Хорошо, что промахнулся. Часовой был повышен в звании до капрала.

15 мая 1704 года случился эпизод, когда сам Карл по небрежности застрелил любимого слугу. Во время кавалерийских учений к нему сзади подскакал камергер Аксель Хорд и, приставив кончик шпаги к спине короля, спросил:

— Что бы ваше величество сделали, если бы это был враг?

Карл в мгновение ока выхватил из подсумка пистолет и, не оборачиваясь, будучи уверен, что пистолет заряжен холостым патроном, выстрелил в камергера. Оказалось, что в стволе пистолета он оставил шомпол, который вошел Акселю Хорду в грудь. Рана оказалась смертельной, и через несколько дней бедный слуга скончался. 15 (по шведскому стилю — 5-го) мая Карл XII превратил в день памяти Хорда, и в этот День он соблюдал строгий пост.

Пока король развлекался в польской Пруссии, командированный в Варшаву капитан драбантов Арвид Хорн сделал то, что пока не удавалось никому из шведов: он «сколоти»

в польской столице «генеральную конфедерацию», которая на своем торжественном собрании 17 февраля 1704 года заявила об отмене присяги Августу II и объявила его смещенным с трона. Под прикрытием отрада шведских войск А. Хорн, не гнушаясь ни угрозами, ни денежными подкупами, развернул бурную деятельность по обработке сенаторов и депутатов. Самым убедительным аргументом для склонения поляков на шведскую сторону послужили письма Августа к Карлу с предложением заключить мир за счет раздела Польши.

Правда, все это было пока слишком зыбко и формально, единая польская воля в стране по всем крупным вопросам государственного бытия отсутствовала, король «умер» лишь на бумаге, и кричать «да здравствует король!» ни у кого не хватало духа. «Генеральная конфедерация», подпертая шведским штыком и подкрепленная кошельком, представляла лишь малую часть шляхты: четырех сенаторов из 144 и 800 «суверенов» из 200 тысяч! Но в Речи Посполитой теперь уже формально установился крепкий режим междуцарствия. Провозглашенный interregnum был на руку одному кардиналу Радзиевскому, потому что он автоматически стал interrex, то есть правителем на период межвластия до выбора нового короля. По вполне понятным причинам примас отнюдь не торопился использовать свое влияние в пользу скорейшего созыва сейма для решения этого вопроса. Да и что представлял собой Польский сейм? От него осталось лишь одно название.

Тем не менее Карл смотрел на события оптимистично и приступил ко второй части своего плана — подбору кандидатуры на роль польского короля. Его выбор, после некоторых обсуждений, остановился на старшем сыне умершего польского короля Яна Собесского — Якове. Принц Яков с супругой и младшим братом Константином вёл уединенную жизнь в своем силезском поместье и с некоторого времени находился в переписке с Карлом. После формального смещения Августа Сильного с польского трона шведская партия стала выдвигать взамен ему кандидатуру Якова Собесского. Известие об аресте саксонцами Якова и Константина Собесских, естественно возмутило и расстроило Карла XII. «Если уж это случилось, то ничего не поделаешь — мы найдем какой-нибудь выход», — написал он Арвиду Хорну в Варшаву. На воле оставался еще один принц Собесекий — Александр, прибывший к Карлу XII искать помощь и защиту. Король предложил ему занять место арестованного брата Якова, но Александр категорически отказался — он не хотел перебегать дорогу старшему брату. Насколько отчаянным и безвыходным для шведов создалось

положение, свидетельствует тот факт, что они были вынуждены обратиться к кандидатуре престарелого магната Опалинского, которому симпатизировали братья Собесские. Но и Опалинский отказался от польской короны даже под угрозой лишения своего имущества. «... Вряд ли мы найдем подходящего поляка, — писал А. Хорн королю, — который бы помогал себе сам; вся тяжесть ляжет на плечи Его Величества. Многие опасаются, что как только Его Величество удалится из страны, такой бессильный и навязанный силой король станет играть жалкую роль». Капитан драбантов как в воду глядел!

Но поиски кандидата продолжались, и выход был все-таки найден — кандидатом на польский трон стал двадцатишестилетний воевода из Познани Станислав Лещинский, принимавший участие в переговорах с принцем Александром Собесским. Лещинский понравился Карлу XII своей честностью и простотой нравов, в остальном он мало чем выделялся в своей среде и был типичным польским магнатом: любезный, велеречивый и одновременно ничего важного не говорящий. Для «проталкивания» новой кандидатуры Карл со всей силой стал нажимать на А Хорна, а командир драбантов — на кардинала Радзиевского, который предпочитал на польском престоле видеть иностранца.

Пока Хорн приобретал в Варшаве дипломатические манеры, его товарищ Магнус Стенбок занимался более практическими делами — он с успехом выбивал из магистрата Данцига долги времен короля Карла Кнутссона и с увлечением ввязался в дискуссию о том, по какому курсу и с какими процентами должны были быть выплачены эти несчастные деньги. Король также поручил верховному военному комиссару наложить руку на все финансовые обязательства города по отношению к Августу и направить денежные потоки в карман короля Швеции. Это неожиданное требование Карла застало врасплох власти Данцига, и они стали противиться и всячески тормозить исполнение этого требования. Впрочем, король и так был доволен тем, что получил от города, он не очень-то и настаивал на своих требованиях и избрал тактику постепенного выкручивания рук («Эй вы, данцигцы!») и традиционную забаву сытой кошки с мышью, когда кошка играет со своей добычей до тех пор, пока не заиграет ее насмерть. В этой игре с данцигцами король вспомнил, что в церквах города продолжали читать молитвы во здравие Августа, и запретил это делать впредь. Потом Карл обязал все прусские города издать манифест, в котором бы они объявили себя свободными от всяких обязательств по отношению к Августу. Потом Стснбок подсказал, что поскольку расчеты с городом шли в

риксдалерах, то следовало бы брать с него деньги звонкой серебряной монетой. И это было одобрено королем и предъявлено горожанам к исполнению.

Постепенно Данциг оказался под властью шведов. Сильный всегда прав, и сильному все сходило с рук. Не привыкшие к таким строгим поборам польско-прусские города ворчали, жаловались, хитрили, изворачивались, но все было бесполезно. Ритмично работавшая и хорошо отлаженная машина поборов не знала снисхождения и жалости. К тому же Карл придерживался обычного тогда представления о городах и их жителях, естественным, если не единственным предназначением которых было кормление князей, королей и прочей аристократии.

Единственное место в Европе, где корчили недовольные гримасы действиями шведов в польской Пруссии, был Берлин, где сидел бывший курфюрст Бранденбурга, а ныне король Пруссии Фридрих I. (В результате титанических усилий берлинской дипломатии удалось склонить все влиятельные дворы Европы к тому, чтобы признать за курфюрстом звание короля.) Шведы относились к возвышению Бранденбурга презрительно: «Гм-м, король милостью венской, лондонской, гаагской и парижской! Такой же король, как какой-нибудь финский лавдсхёвдинг». Но с пруссаками нужно было соблюдать известную осторожность: и Петр, и Август, и их уполномоченный Паткуль не перестают обхаживать Фридриха, чтобы перетянуть его на свою сторону. У пруссака сильная армия, и его участие на той стороне сразу бы нарушило баланс не в пользу Швеции. За часть Польши, за ту же польскую Пруссию, которая отделяла друг от друга две части государства прусского — Бранденбург с Берлином от собственно Пруссии с Кёнигсбергом, — Фридрих может соблазниться (и соблазнялся несколько раз!) на участие в антишведском союзе. Тем более что Эльбинг в свое время был отдан Берлину в залог под долги короля Августа и пруссаки держали в Эльбинге свои полки. Ковда в польскую Пруссию вошли шведы, они практически вытеснили оттуда прусских военных, потому что на одних и тех,же зимних квартирах двое голодных соперников стоять не могли.

Обеспокоенный Берлин выслал к Карлу своего эмиссара, чтобы выяснить, каковы были планы короля Швеции относительно размеров Польши. Фридрих хотел бы, чтобы Каря отдал ему польскую Пруссию и поставил его в список ожидающих получить Курляндию. Себе же Карл, по мнению Берлина, мог взять Литву. Карл на разыгравшийся аппетит вновь испеченного короля ответил категорическим «нет». У него не было никаких планов делить Польшу на куски. С таким планом носится и

Август Сильный, но шведы на него никогда не пойдут: им нужна сильная и единая Польша, способная подставить Швеции если не спину, то хотя бы локоть помощи. В Берлине «поскрипели зубами», но промолчали; Что ж, пока у шведов пик было больше, и они были длиннее прусских штыков, можно подождать до лучших времен.

Зима 1704 года давно кончилась, пришла весна, за ней лето, а шведы все «зимовали» и набирались сил. Когда в июне наконец армия, оставив гарнизон в Эльбинге, снова двинулась в юго-восточном направлении, в ее составе вместе с корпусом Реншёльда снова насчитывалось 28 тысяч штыков. На юге Польши и на Украине снова концентрировались силы противника. Август пошел на беспрецедентный шаг и отозвал свой шеститысячный контингент из Австрии царь Петр обещал ему корпус пехоты и кавалерии и прислал уже один пехотный корпус численностью девять тысяч человек. Нельзя было сбрасывать со счетов и нерегулярные отряды поляков и украинских казаков, не довольных присутствием в стране шведских оккупационных войск. Одним словом, у шведов снова появился повод для боевых деиствий, и они бодро зашагали по своему старому маршруту вдоль Вислы на Варшаву.

В Варшаве при стечении народа и знатных особ собирался сейм, на котором должен был быть избран новый королм Иероним Любомирский выполнил свою угрозу, высказанную в адрес Августа, и перешел на сторону шведов. Тепер он красовался на сейме, питая необоснованные надежды на то, что его могут выбрать в короли. Центром всей полита! ческой кухни был, конечно, кардинал Радзиевский, котор развил накануне выборов такую активность, что сам запутался в своих ходах. Король не захотел въезжать в столицу этот пчелиный улей, предпочтя следить за событиями стороны, и остановился в Блони, предместье Варшавы. Он только дал указание Арвиду Хорну завершить весь этот спектакль как можно быстрее.

12 июля 1704 года, при заходе солнца, спектакль наконец закончился. Когда епископ Познаньский (кардинал Радзиевский, обидевшись на то, что при выборе короля шведы не прислушались к его мнению, сказался больным) трижды прокричал имя Станислава Лещинского и трижды спросил присутствующих, согласны ли они иметь королем этого человека, зал ответил троекратными выкриками «виват» и подбрасыванием шапок в воздух[88]. После этого было объявлено, что королем Польши, Великого герцогства Литовского и прочая и прочая отныне считается Станислав Лещинский. Карл XII наконец добился своего, он доказал, что может возводить на трон

монархов. Впрочем, он, вероятно, до конца не был уверен в Лещинском: согласно Б. Лильегрену, с воеводой было заключено тайное соглашение о том, что он сразу уступит трон Якову Собесскому, как только тому удастся выйти на свободу.

Поляки должны были стать шведскими союзниками, но не стали — во всяком случае не все. Кардинал Радзиевский сразу после выборов короля Лещинского заявил, что выборы не были свободными. «Выборы короля, навязанные силой и со всех сторон оспариваемые, имели роковые последствия», — комментирует Ф. Ф. Карлссон. Новый польский король немедленно нанес визит своему покровителю и попросил ссудить ему 300 тысяч риксдалеров на содержание коронной армии и дать войско, с которым он вместе со шведами может предпринять поход на Саксонию и «...утвердиться в любви своего народа». У бедного Лещинского не было в запасе ни гроша, ни капли народной любви, и теперь Карл должен был его полностью взять на свое содержание. Что ж, тем более легитимными будут выглядеть перед Богом финансовые «предприятия» Магнуса Стенбока в Речи Посполитой!

Но ни денег, ни солдат Лещинский не получил — нужно было еще посмотреть, как проявит себя эта коронная армия и зачем вообще Лещинскому влезать в Саксонию. Ему надо бы сперва короноваться. Конечно, польская армия с военной точки зрения представляла для шведов мало ценности, однако, выплатив ей жалованье, Карл XII привлек бы ее на свою сторону и в долгосрочном плане получил бы солидный политический выигрыш, ибо коронная армия несла в себе хоть какой-то консолидирующий элемент. Но шведский король высокомерно оттолкнул от себя профессиональных польских военных, и уже на следующий день после выборов Иероним Любомирский снова задумался о том, не склонить ли свое изменчивое сердце к Августу. Теперь у Польши было два короля и у Любомирского появился выбор. Карл XII оставил в Варшаве А. Хорна с тысячным отрядом завершать начатое дело: организовывать коронацию, держать в узде магнатов и готовить Речь Посполитую к заключению мирного или союзнического договора — как получится — со Швецией, а сам, попрощавшись с Лещинским, отправился на очередное «рандеву» с Августом.

В начале августа под Сандомиром к Карлу присоединился корпус Реншёльда, и теперь вся шведская армия шла маршем в полном боевом составе. Узнав об этом, Штайнау, двигавшийся к Августу под Лемберг, отвернул обратно и ушел в район Познани, где он начал бои с отрядом Мейерфельта. Таким образом, крупной русско-саксонской «конъюнкции» не получилось,

поскольку ввязываться в большое сражение со своими малыми саксонскими и плохо обученными и вооруженными русскими пехотинцами Август не отваживался. Ему пришлось ограничиться мелкими стычками с малочисленными шведскими отрядами, наводнившими южную Польшу. Как метко высказался Й. Р. Паткуль, польский король снова заставил «шведов прогуляться по стране».

Поймать Августа было невозможно. Он ловко увертывался от всех заслонов, окружений и засад, устраиваемых шведами, и был неуловим, как ветер. У города Ярослава было получено известие о том, что Август подался в район Лемберга, и Карл, оставив Реншёльда в Ярославе, поспешил на поимку беглого короля. Лемберг был большим и богатым городом, поэтому даже если не удастся схватить кузена, то всегда можно поживиться чем-нибудь для снабжения армии и пополнения полевой кассы. Кстати, крепость Лемберг, по преданиям, никто никогда не брал штурмом, отчего она получила латинское название virgo intacta. Нарушить эту «девственную неприкосновенность» было большим соблазном для Карла XII. К тому же зайти в такую «глушь» не удавалось ни одному шведскому королю, включая и воинственного дедушку Карла X Густава.

Поначалу Карл отправил в Лемберг своего верного Магнуса Стенбока с набором обычных инструкций, где на первом месте стоял вынос на подносе ключей от города, потом, естественно, контрибуция» за ней компенсация для гвардейцев или драбантов за потраченные на взятие города усилия и т. п. Но верховный военный комиссар, только что произведенный в генерал-лейтенанты, вернулся ни с чем. Тогда 1 сентября 1704 года Карл лично отправился под Лемберг с армией. Артиллерию и пехоту он оставил на марше, а сам с тремя драгунскими полками, налегке, поскакал вперед.

Стенбок привез с собой интересное известие о том, что воеводой в Лемберге Август назначил известного «дипломата» Галецкого — того самого, который четыре года назад «пудрил мозги» шведским дипломатам мирными предложениями польского короля и которого под звуки скрипки усердно угощал в Упсальской ресторации рыбой профессор Улоф Рюдбек. Подаренные Галецкому пушки, как мы уже упоминали, отыскали в Познани, а вот самого воеводу лицезреть в Польше еще не довелось.

3 сентября шведы вошли в непроходимый лес и сразу заблудились. Над лесом сгустились тучи, полил проливной дождь, и дорогу перед мордами коней можно было лишь на мгновение видеть при всплесках молний. Король с Маленьким

Принцем были вынуждены спешиться на какой-то поляне, и Карл приказал трубачу трубить сбор. Кто-то развел костер. Когда выяснилось, что дорогу все еще ищут, король завернулся в плащ и под дождем лег на голую землю спать. Утром ему доложили, что выход из леса найден, и скоро отряд подошел к стенам Лемберга.

Взять крепость с ходу, естественно, не удалось, и король приказал драгунам отдыхать, а сам, прихватив Стенбока, трех командиров полков и Маленького Принца, отправился на рекогносцировку крепости. Стенбок жаловался на то, что с собой у него не оказалось далекарлийской пехоты, а то бы он с ними запросто «распечатал» эту девственную крепость. Карлу же во что бы то ни стало хотелось овладеть городом до прихода артиллерии и пехоты.

Перед цитаделью шведы увидели сухой ров, над ним был возведен вал с крытой деревянной галереей, а потом шел еще один ров с водой, и только после них возвышались каменные стены. Защищали крепость жители и 700 солдат. Трудное препятствие, по мнению короля, представляли крытая деревянная галерея и широкий ров с водой. Для преодоления галереи была сформирована команда плотников с топорами, которые должны были идти в штурмовой колонне вслед за гранатометателями. После того как штурмующие пройдут галерею, нужно было на плечах отступающих защитников крепости преодолевать ров с водой, не давая им времени на то, чтобы закрепиться за стенами.

6 сентября в три часа утра драгуны короля в трех колоннах пошли на штурм. Первым преодолел вал полк Бухвальда, отличившийся еще при кавалерийской атаке под Пултуском. За ним последовали остальные. Некоторая заминка произошла при форсировании рва с водой, там среди шведов были потери, в том числе и среди офицеров. Король шел одним из первых, и никакие увещевания о риске и опасности на него не действовали. (Потом говорили, что под Лембергом была сделана последняя попытка удержать короля от участия в рукопашных боях. Позже такие попытки за их бесполезностью уже якобы не предпринимались.) Город, как и предполагалось, был взят одними драгунами, без пехоты и артиллерии. И Карл, и Стенбок считали, что сопротивление защитников крепости было слишком слабым — во всяком случае, недостойным реноме шведской армии.

В городе начался было грабеж, но он был тут же пресечен королем, в связи с чем в Швецию «полетело» разочарованное письмецо от Магнуса Стенбока к «ангелу-супруге» Еве. Верховный военный комиссар писал, что «...строгий приказ короля сделал невозможным порадовать тебя хорошей добычей, потому что она целиком поступила в распоряжение короля; он приобрел много

красивых серебряных вещей, а кроме того, город должен заплатить ему контрибуцию в размере 300 тысяч риксдалеров». Размер контрибуции напоминает нам ту самую сумму денег, которую выпрашивал у короля Станислав Лещинекий. Похоже, Карл перекладывал расходы на содержание своего ставленника на плечи потенциальных его подданных — вполне грамотное и разумное решение. Похоже, но не совсем, потому что при встрече с Лещинским он пожаловал ему лишь половину суммы, а остальную половину оставил при себе. Вероятно, Карл XII был вполне уверен в том, что любовь лембергских горожан к королю Лещинскому непременно воспоследует в любом случае.

Жизнелюбивого воеводу Галецкого сначала не нашли — он куда-то запропастился. На него случайно набрели в помещениях иезуитского монастыря, где он, завернувшись в ночной халат, забился то ли под лавку, то ли под стол и ждал, когда за ним придут. Пришли и вытащили на белый свет. Первый разговор он имел с суровым и непреклонным Стенбоком, который выместил на нем и недополучение трофеев, и холодный прием под стенами крепости (Галецкий на глазах у верховного военного комиссара разорвал на клочки письмо с ультиматумом и растоптал их ногами). Разгоряченный Стенбок «съездил» воеводу по зубам, приговаривая: «Hoc jam habebis pro meo manifesto!», что в переводе с латинского означало: «Вот тебе за мое письмо!»[89] Сам Карл XII, обманутый в свое время Галецким в самых лучших своих чувствах, никакого участия в допросе бедного воеводы не принимал.

В истории войн взятие Лемберга шведами стало единственным примером овладения крепостью драгунами.

170 крепостных орудий взорвали, пленных турок и татар отпустили на свободу (что спустя пять лет зачтется Карлу в Бендерах), а подоспевшей пехоте и артиллерии определили под городом место бивуака и поставили задачу: смотреть в оба и не прозевать появления украинских казаков во главе с гетманом Мазепой. Шведы «бивуачили» под Лембергом целых две недели — им так понравились венгерский гуляш и темное густое венгерское вино, что уходить оттуда не хотелось.

А гетман И. С. Мазепа, посланный царем Петром для оказания своему польско-саксонскому союзнику помощи, под стенами Лемберга так и не появился. Узнав о том, что Августа со своим войском там уж и след простыл, он повернул обратно. Один вступать в бой со шведской армией он, естественно, не рискнул, и свидание Ивана Степановича с королем Швеции было отложено еще на четыре с лишним года.

В это же самое время из Лифляндии пришло известие о

взятии русскими — все тем же Шереметевым — Дерпта. Карл, как всегда, спокойно принял его к сведению. А еще раньше, в мае этого года, на Чудском озере русскими была полностью разбита и взята в плен эскадра капитана 2-го ранга Лешерна фон Херцфельта. Сам капитан, убедившись в бесполезности сопротивления, взорвал себя вместе с кораблем «Карл». Король прокомментировал этот эпизод следующим образом: «Лешерн погиб, как матрос, но не как христианин». Но худшие новости были еще впереди — Нарва, символ громкой славы короля Швеции: царь Петр все-таки взял ее четыре года спустя после громкого поражения. Когда Карлу принесли известие о падении Нарвы, он, обычно выдержанный и спокойный, просто поперхнулся во время разговора и долго молчал. Остроумные шуточки приближенных в адрес царя, якобы утешавшегося всякими «невинными» забавами на берегу Невы вроде «барачного» города Санкт-Петербурга, уже вряд ли теперь могли улучшить настроение Карла XII. По численности гарнизона, по крепостным сооружениям Нарва ничуть не уступала Торну, а если учесть, что ее защищали шведы под командованием опытного вояки Хорна, то проглотить такую горькую пилюлю сразу король не смог.

Формальную ответственность за военное положение в Швеции и в ее заморских провинциях несла так называемая комиссия по делам обороны, входящая на правах комитета в Государственный совет, но эта комиссия, так живо напоминавшая своим стилем работы Опекунское правительство, занималось одним бумаготворчеством и брать на себя ответственность за кардинальные решения всячески избегала. Еще в 1702 году Стюарт в докладе оборонной комиссии (хотя почему не самому королю?) писал о необходимости введения единого командования и согласованных действий в восточных провинциях, но потом Стюарт умер, и его бумага затерялась в архивах.

Еще хуже, чем комиссия, выглядели правители восточных провинций. После отставки Э. Дальберга и смерти Стюарта там остался один дряхлый и ни на что не способный Аксель де ла Гарди, который воспринимал окрики и поправки короля как повод для составления «кудреватых» и пустых отписок и который во всем препятствовал предприимчивому и инициативному В. А. Шлиппенбаху. Не было согласия и среди военных. Впрочем, во всем этом, включая военное обеспечение той же Лифляндии, чувствовался просчет самого главы государства. Задним числом шведские историки вздыхают: ну почему король не нашел времени лично ознакомиться с положением вещей в Лифляндии? У него для этого была масса времени — ну хотя бы в период

зимовки в польской Пруссии, откуда до Лифляндии было рукой подать. Ну почему король не сделал этого? Вероятно, потому, что его тысячами нитей держала и не отпускала армия и походная жизнь. Карл сознавал этот свой недостаток и как-то даже высказался, что хотел бы иметь брата, который бы сидел в Стокгольме на троне и управлял всеми делами государства, в то время как он оставался бы королем «походным».

В Стокгольме, Финляндии и Прибалтике население стало терять веру и паниковать, люди почувствовали себя брошенными на произвол судьбы, никому ненужными. Впрочем, все эти чувства, если бы даже король знал о них, были ему настолько чужды, что все равно он никогда бы не мог понять их. Он оставался все таким же деятельным, энергичным и оптимистичным, тем более что приходили не одни только печальные вести. Короля порадовала победа Левенхаупта над объединенными русско-польско-литовскими силами в Курляндии. После этого Левенхаупт стал быстро расти в чинах, а потом получил пост главнокомандующего всеми шведскими силами в Эстонии, Лифляндии и Курляндии. Но как бы то ни было, пока Карл XII одерживал одну победу за другой и обеспечивал выборы, а потом поддержку королю-марионетке Лещинскому, он терял Лифляндию и Ингерманландию (Ингрию), а может быть, и саму Швецию.

Между тем самый большой сюрприз под Лембергом преподнес Карлу XII его саксонский кузен. Из-под Лемберга Август подался далеко на север, имея намерение добраться до самой Литвы. В его распоряжении были свои, саксонские солдаты, русская пехота, а также украинские казаки под командованием полковника Апостола. По всей видимости, Августу надоела роль беглеца и преследуемого, и на пути в Литву он неожиданно отвернул резко на запад и одним ударом взял Варшаву. В плен попал весь немногочисленный шведский гарнизон вкупе с «дипломатом» Арвидом Хорном и послом Георгом Вахшлагером. Бежать удалось одному Станиславу Лещинскому, и его шведской охране, состоявшей из 150 всадников. Коронная армия в последний момент поддержать его отказалась, и Иероним Любомирский открыто и официально перешел на сторону Августа.

Королева Лещинская еле успела унести ноги в Эльбинг. Настроенные прошведски «конфедераты» разбежались из Варшавы в разные стороны. Август приказал их преследовать, а их имения — немилосердно выжигать. Этому приему он, вероятно, научился у шведов. Познаньский епископ, «освятивший» своими действиями выбор нового короля, был

арестован и переправлен в Ватикан на «суд Божий». Карточный домик, так старательно выстроенный шведами, в одночасье рухнул. Все эти события происходили в момент, когда армия Карла находилась еще на полпути к Лембергу, и многие генералы и советники настойчиво советовали ему вернуться к Варшаве, но королю во что бы то ни стало захотелось прославиться и взять штурмом крепость, которая никому до сих пор не покорялась.

Итак, царь Петр сидел в Нарве, король Август — в Варшаве, Карл — в Лемберге, а Лещинский находился в бегах. Все получили свою долю, только вряд ли король Швеции был доволен своей участью. Все его предприятие с походом на юго-восток Польши было пустым бряцанием оружия. Никакого политического или военного капитала Карл XII в результате не нажил. Король должен был понять, что огромную Польшу ему никогда не взять под контроль. Как только шведы уходили из завоеванного города, там водворились старые порядки и у кормила власти оказывались прежние люди.

Поставить в каждом городе по гарнизону — не хватит солдат. Получалось, что никакой свободой действий он не располагал, а его противники все в большей степени стали перехватывать инициативу и диктовать ему свой способ действий.

23 сентября Карл с армией выступил из-под Лемберга, взяв курс на Варшаву, занимая по ходу мелкие и не очень мелкие города и крепости, облегчая их городскую казну и вступая в стычки с мелкими польскими отрядами. 18 октября он со своей кавалерией уже стоял под польской столицей, но войти в нее с ходу не смог — не было моста для перехода на другой берег Вислы. Опять надо было ждать саперов. Шведская пехота шла по восточному берегу реки, а на другом берегу, словно в насмешку Карлу, маячила фигура неповерженного «ваньки-встаньки» — Августа. Мы употребили слово «маячил» не только в переносном смысле — это было визуальное свидание, первое в жизни обоих королей, выехавших со своими свитами прогуляться по противоположным берегам красивой реки Вислы. Когда обе конные группы встали напротив друг друга, к воде подбежал саксонский камергер Фитцтум, уже выпущенный из шведского плена, поприветствовал шведов и прокричал:

— Господа, не проявите ли любезность пожаловать к нам сюда в гости?

Карл XII тут же нашел ответную реплику и попросил передать ее камер-пажу Клинковстрёму:

— Мы не так дурно воспитаны!

Потом хорошо и не очень хорошо воспитанные придворные и сопровождавшие королей лица обменялись еще некоторыми

любезностями, в то время как кузены старательно делали вид, что они друг друга не замечают вовсе.

Пока Стенбок наводил через реку мост, произошла другая история, которую шведские историки охотно и с умилением пересказывают из поколения в поколение. Карл якобы во время то ли прогулки, то ли проверки постов на берегу реки обнаружил в укрытии рядового гвардейца Монса Ланга, старательно целившегося из штуцера по противоположному берегу. На вопрос короля, что тот выслеживает, Ланг ответил, что ждет появления Августа, чтобы «хлопнуть» его на месте и избавить армию от непрерывной погони. Король рассердился и прогнал Ланга, пригрозив, что любой его выстрел в Августа, независимо от того, попадет в него или промахнется, будет стоить ему головы. Рядовой Ланг ушел с позиции, так и не поняв смысла поступка своего короля-чудака. Возможно, Ланг подумал, что королю никак не хочется заканчивать эту проклятую войну.

Август со своими силами не столько оборонял Варшаву, сколько прикрывал операцию в Познани, где русско-польское войско, возглавляемое Паткулем, осаждало город, в котором заперся шведский гарнизон Арвида Акселя Мардефельта и Йохана Августа Мейерфельта. Но Карл задумал во что бы то ни стало связать силы Августа и заставить его ввязаться в сражение. Для этого он придумал внезапную переброску пехоты и кавалерии на другой берег по понтонным мостам, построенным далекарлийскими плотниками. Однако Висла оказалась не под силу далекарлийцам, и когда король с первым же эскадроном вступил на понтоны, мост развалился на части, как это уже случилось во время битвы на Двине. Король, оказался в воде и не утонул лишь потому, что ухватился за доску и держался до тех пор, пока его не вытащили из воды. Несмотря на свое спортивное сложение и хорошую физическую подготовку, король, сын своего времени, плавать не умел! Вероятно, если бы Август оказался в этот момент на противоположном берегу, он изрядно бы позабавился этой сценой.

На следующий день попытку форсирования реки повторили, и кавалерия успешно переправилась на другой берег. Карл шел во главе своих конногвардейцев спешившимся. Говорили, что он это сделал, чтобы успокоиться после неудачной попытки форсировать реку накануне. О выполнении задуманной атаки речь уже не шла — Август, заблаговременно предупрежденный о начатой шведами переправе через реку, вместе со своим войском с большим отрывом во времени ушел из-под Варшавы под Краков. Кавалерия: шведов была готова вступить в бой, но преследовать быстро передвигавшегося Августа было уже поздно.

Зато перед шведами с саксонской пехотой оставался генерал Шуленбург, который, правда, тоже уходил из-под Варшавы, но не с такой скоростью, как его ловкий монарх. Почуяв добычу, Карл с кавалерией бросился по его следам. Преследование Шуленбурга стало соревнование» в деле преодоления времени и пространства. Переходы делались по шестьдесят километров в сутки и более, люди валились с ног от усталости, но король все подгонял солдат и подавал им во всем личный пример. По пути шведам попался городок Калит, в котором сидел саксонский гарнизон. При переговорах о капитуляции города со стен крепости раздался выстрел — единственный при осаде Калиша. В результате погиб камер-паж, неизменный спутник короля с детских лет, Карл Бернхард Клинковстрём.

Шведы настигли отряд Шуленбурга около города!

Пунитца, неподалеку от силезской границы, и с ходу вступили с ним в бой. Пехота саксонцев защищалась умело и упорно, но малочисленная кавалерия Шуленбурга не выдержала натиска шведских всадников и отступила. В конце концов каре саксонцев было прорвано, и началось их форменное избиение. Карл XII приказал не стрелять, а пользоваться только холодным оружием. С наступлением темноты, маневрируя и отражая атаки шведов, Шуленбургу удалось спасти остатки своего отряда и в полном порядке увести своих солдат с поля боя в Силезию, оставив шведам артиллерию, 250 убитых и 200 раненых. Шведские потери были тоже ощутимыми—они потеряли 280 человек ранеными и убитыми, среди которых были три генерал-адъютанта.

Результаты боя мало удовлетворили короля, и он с большим рвением бросился на ликвидацию русского казачьего отряда численностью около двух тысяч сабель, о котором ему рассказали местные силезские жители. Казаков саксонские генералы лишили лошадей, и они сделались для шведов легкой добычей. Шведы настигли их в городке Одер Белч. Плохо вооруженные, казаки решили сдаться, но король приказал никого не щадить. Все они погибли[90]. Той же участи под Фрауштадтом подвергся полуторатысячный русский отряд Паткуля, возвращавшийся из-под Познани после неудачной осады города. Русские какое-то время отчаянно защищались, построив некое подобие вагенбурга и организовав оборону, но потом спешенные шведские драгуны генерала Веллингка одолели их и почти всех изрубили. Некоторое число пленных использовали потом при походном дворе короля в качестве конюхов и разнорабочих. Сам Паткуль в бою не участвовал, а немецкий полковник, принявший командование над русскими, потерял всю воинскую кассу, что

впоследствии тяжело сказалось на положении всего русского корпуса в Саксонии.

На атом военная кампания шведов 1704 года была завершена. Часть войск опять отправилась на зимние квартиры в Западную, Пруссию, чтобы напоминать Берлину, кто там хозяин, а остальные расположились в Великой Польше вдоль силезской границы. Штаб-квартира короля находилась в маленьком и уютном городке Равиче, к югу от Пунитца. Здесь король решил выждать и узнать в точности, какие шаги будут предпринимать его противники, в первую очередь царь Петр. Русские войска практически контролировали всю Лифляндию, разместив в основных городах свои гарнизоны, и теперь Петр обязательно должен был подать руку помощи разбитому Августу. Первые признаки того, что царь планирует в ближайшем будущем двинуть свои войска в Польшу и Литву, уже были явлены, и Карл решил ждать русских в Польше.

Новый, 1705 год застал трех монархов (как бы ни был живуч «дубликат» Августа король Станислав Лещинский, его роль в конечном счете сводилась к тому, чтобы плестись в хвосте шведской политики, поэтому брать его в расчет как самостоятельную политическую фигуру Северной войны было бы ошибочным) вполне довольными по разным причинам.

Август, ускользнувший от Карла под Варшавой, оказался снова под Краковом и полностью отдался во власть политики и любви. Встречи, заседания сената, оживленная переписка с царем, поиски денег, нейтрализация недовольства саксонской верхушки затянувшейся войной, интриги при венском, копенгагенском и берлинском дворах, переговоры с И. Любомирским, выслушивания упреков со стороны царского посла и генерального военного комиссара Й. Р. Паткуля за халатное отношение к русскому корпусу — все это никак не мешало ему продолжать поддерживать свою репутацию сильного мужчины, и он даже в такое неспокойное для него время «ловил мгновения» и не упускал случая. Новой его пассией стала графиня Козел, супруга его министерского чиновника. Жизнь, несмотря ни на какие военные поражения, продолжалась, провозглашение польским королем какого-то Лещинского казалось ему несерьезным, хотя он тоже, как и Карл, изрядно устал от поляков. К Новому году Август, несмотря на уговоры «верных» поляков, тайно пробрался в свою Саксонию и решил забыть там про все.

Царь Петр был доволен тем, как складывались военнополитические обстоятельства для России. Карл XII окончательно увяз в Польше и запустил все свои дела в Лифляндии. Пока шведский король гонялся за Августом по всей

территории Речи Посполитой, царь поднял всю Россию на нош и направил усилия своих подданных, в первую очередь реорганизованной на европейский, а скорее — шведский лад армии, на войну со Швецией. Его генералы, бежавшие от шведов при одном упоминании их имени, теперь вступали с ними в бой и одерживали победы — не важно, в каком численном соотношении. У России, по сравнению со Швецией» неисчерпаемые ресурсы, и время покажет, кто одержит верх. Август — ненадежный союзник, но он свою роль все-таки исполняет и оттягивает на себя армию Карла XII. Чтобы союзник совсем не упал духом, надо начать действия, непосредственно касающиеся интересов короля Швеции — в Польше, Курляндии и Литве. Россия была теперь в силах действовать на нескольких стратегических направлениях.

Для Карла XII 1704 год был годом сплошных побед, и поводов, чтобы быть довольным, у него тоже было предостаточно. Саксонцы рассеяны, и в Польше от них и следа не осталось. Лифляндия? Что ж, придет время — он восстановит статус-кво и там. Да вот уже докладывают, что генерал Лейонхювюд[91] при Гемауэртхофе (Гемауэртгофе) нанес новое поражение Шереметеву[92]. Русские как были неспособны на настоящие воинские подвиги, так и остались таковыми. Их много, но победоносная шведская армия справится с ними в два счета. Недавно один подполковник пожаловался на то, что ему не удалось посмотреть на коронацию польского короля Лещинского, потому что и днем и ночью строил мост через Вислу. Какая наивность! Коронация! На что там смотреть? Без шведских штыков и денег Лещинский — ничто. Карл пообещал подполковнику показать другую коронацию — но уже в Москве, после того как он прогонит этого усатого плотника с московского трона и посадит на его место какого-нибудь крымского мурзу или того же Сапегу.

Карл XII сидел в Равиче и наслаждался жизнью. В Польше наконец-то наступила тишина, если не считать отдельных вылазок Огинского, Вишневецкого, Любомирского, а теперь вот Смигельского, старосты Гнезена, которому удалось потрепать несколько шведских отрядов. Но это перманентное состояние поляков, они бузотерили бы и при Яне Собесском, и при Августе, и при Юлии Цезаре. Но не при Александре Македонском, Теперь он не будет бросаться в кусты за каждым саксонским или русским зайцем, он выманит их в чистое поле и сразится с ними в честном поединке, и тогда посмотрим, у кого больше выдержки и стойкости, Все говорили, что из детронизации ничего не выйдет, но он всегда знал, что его воля преодолеет все, И кто же оказался

прав? На польском троне Августа теперь нет, и на днях ожидается коронация его человека, а это, несмотря на призрачность польских обстоятельств, что-нибудь да значит!

Не так радостно и спокойно складывалась жизнь в Швеции. Потеря восточных провинций, подорванные войной финансы, истощенные материальные и людские ресурсы приводили и правительство в лице Государственного совета, и население в отчаяние. Вот доклад в Копенгаген датского резидента Грунера, прожившего в Швеции более двадцати лет: «Если с королем Швеции что-то случится, то уверяю вас, не пройдет и 24 часов, как принцессу Хедвиг Элеонору[93] объявят королевой, а представители сословий, не теряя времени, введут при ней старую форму правления и потребуют отчет от тех, кто, находясь у кормила, без их согласия вверг страну в войну, и в Швеции начнется революция. Повсюду имеются предприимчивые люди, которые находятся пока в тени и ждут подходящего случая».

... А Карл жил в Равиче размеренной жизнью, выезжал на инспекцию полков, устраивал им смотры, на досуге придумывал новые схемы баталий и тактических маневров, приводя в восхищение своих генералов, в меру необходимости вникал в государственные дела и текущие польские интриги, но зорко следил за вылазками «русского медведя», который должен был проявиться не выступлением отдельных полков в составе саксонской армии, а целой армией — самостоятельно, весомо и зримо. Тогда-то он обложит его вдали от берлоги и возьмет на штык, как он брал на рогатину медведей в Кюнгсэре.

Единственным развлечением в Равиче оказался пожар в доме, где жил Маленький Принц. Король немедленно примчался на тушение, поднялся на потолок горящего дома и оттуда руководил действиями импровизированной пожарной команды. Последний раз он тушил пожар в ранней юности, и теперь он мог уже считаться специалистом по пожарному делу. За несколько мгновений до того, как обрушился потолок, он успел спрыгнуть на землю, получил по голове падающей балкой, упал наземь, поднялся и смущенно, как всегда, сказал, чтобы не беспокоились: ничего особенного с ним не случилось!

Вот от таких приключений дух захватывало. Не то что скучная и церемонная свадьба, на которой ему пришлось недавно присутствовать. Женился его бравый Арвид Хорн, он только что вернулся из плена — его обменяли на генерала Халларта, взятого под Нарвой, — и когда-то ведь успел договориться со свояченицей графа Пипера о том, чтобы соединиться с ней брачными узами. На свадьбе присутствовал и Станислав Лещинский — он теперь неотлучно следовал за своим

покровителем, потому что без шведской охраны не чувствовал себя в полной безопасности.

Между тем приближалась дата его коронации, и обе стороны — саксонская и шведская — готовились ее отметить. Август во что бы то ни стало хотел испортить праздник в Варшаве (по настоянию Карла XII церемонию коронации решили проводить не в Кракове, как это было заведено, а в самой столице) и стягивал туда свои и русские силы, командовать которым поручил генералу О. А. Пайкулю, шведы тоже концентрировали свои части, расквартированные вокруг столицы, и готовились к стычке.

31 июля 1705 года, в невыносимую жару, между противниками под стенами Варшавы произошло сражение. Десятитысячной армии саксонцев, поляков и русских противостояли две с лишним тысячи шведов под командованием генерала Нирота. После шести часов упорного боя дрогнули и побежали поляки, за ними последовали остальные. Союзное войско перешло перед атакой Вислу, и теперь все отступающие части сгрудились на берегу в поисках спасения. Многие бросались в воду и, не умея плавать, тонули. Бедный генерал Пайкуль пытался остановить бегущих, но был в неразберихе оттеснен к воде, где попал с конем в трясину и был взят шведами в плен[94]. Среди бумаг генерала было найдено письмо царя, в котором Петр обещал направить в Польшу сорокатысячное войско. При чтении этого письма Карл XII якобы загадочно улыбался.

8 августа 1705 года Карл, оставив на силезской границе Реншёльда, с частью своей армии вышел из Равича, держа путь на Варшаву. 17 августа он разбил свой лагерь в Блоки, в нескольких километрах от столицы. Для коронации Лещинского не хватало малого — золотых корон, предусмотрительно вывезенных Августом в Саксонию, и шведам пришлось изготовить две новые короны — одну для короля, а вторую для королевы. На это пошли средства из полевой кассы армии. Вопреки сведениям Вольтера, утверждавшего, что короны были лишь слегка позолочены, Бенггссон пишет, что они были сделаны из настоящего золота.

Коронация состоялась 24 сентября и прошла с соблюдением всех церемоний и обычаев при большом стечении народа. В соборе, где происходило коронование, для Карла была устроена специальная скрытая от посторонних взоров ложа, откуда он мог incognito наблюдать за делом своих рук с самого близкого расстояния. Кардинал Радзиевский на коронации отсутствовал: он попросил шведов предоставить ему охрану, но Карл отказал, и тогда кардинал просто не приехал. Спустя несколько дней он скончался. Короновал Ленинского лембергский (львовский)

епископ Дзелинский[95]. После коронации королевские регалии на всякий случай увезли в шведскую Померанию.

28 ноября 1705 года между Швецией и Польшей был подписан мирный договор, по которому поляки должны были стать союзниками шведов. Этим договором подтверждался старый Оливский мир. Речь Посполитая обязывалась вести войну с Россией и Саксонией, а Швеция получала большие льготы и преимущества в прусско-польско-курляндской торговле через Балтийское море. Граф Арвид Хорн за свои заслуги получил звание королевского советника и был ощущен на родину, где он, после освобождения из саксонского плена, займет пост президента канцелярии Государственного совета. При заключении мирного договора от шведов неожиданно «уплыл» Курляндия: к этому времени она была уже занята войсками царя Петра, и формальный повод для удержания провинции за Швецией исчез. Но шведы надеялись вернуться к этому вопросу позже.

В районе Праги, городского предместья Варшавы, шведы построили мост через Вислу, который скоро стал местом «выяснения отношений» с русско-польским отрядом. Вероятно, в лагере противника считали, что если сорвать коронацию Лещинского не удалось, то на худой конец неплохо бы было разрушить мост. 24 октября кавалерийский отряд под командованием воеводы Вишневецкого, стоявший под Пултуском, неожиданно появился перед мостом, смял находившуюся там малочисленную шведскую охрану и приступил к разборке понтонного сооружения. Только подоспевшая шведская кавалерия спасла положение, и Вишневецкий удалился опять под Пултуск. Это был первый самостоятельный рейд русских, так далеко продвинувшихся на запад.

До наступления холодов Карл сидел в Блони, он ждал, когда морозы свяжут реки и болота и облегчат продвижение шведов на восток. К этому времени у него, вероятно, иссякло терпение ждать русских в Польше, и он решил искать их в самой России. Своими планами Карл XII ни с кем не поделился, а после Рождества отдал приказ перейти по мосту Вислу и идти на восток. Перед уходом он сделал новые назначения в Государственный совет, члены которого либо давно состарились, либо умерли[96].

Первые дни марша указывали на то, что король запланировал идти на Люблин, но потом, когда на одной развилке он резко свернул налево, всем стало ясно, что идут в Литву. С собой Карл взял С. Лещинского, так что в Гродно, где уже, по слухам, находились Август с Петром, должна была собраться хорошая и

«теплая» компания из четырех монархов. Август, подлечившись на водах в Карлсбадене, пробрался на свидание с Петром, раздавал польские ордена русским генералам и лицемерно заверял в любви и верности своего союзника, в то время как его министры, составив с его согласия заговор против царского посла Паткуля, арестовали его в Дрездене и фабриковали против него лживые обвинения в измене.

Carolus Rex

Шведский король Карл X Густав.

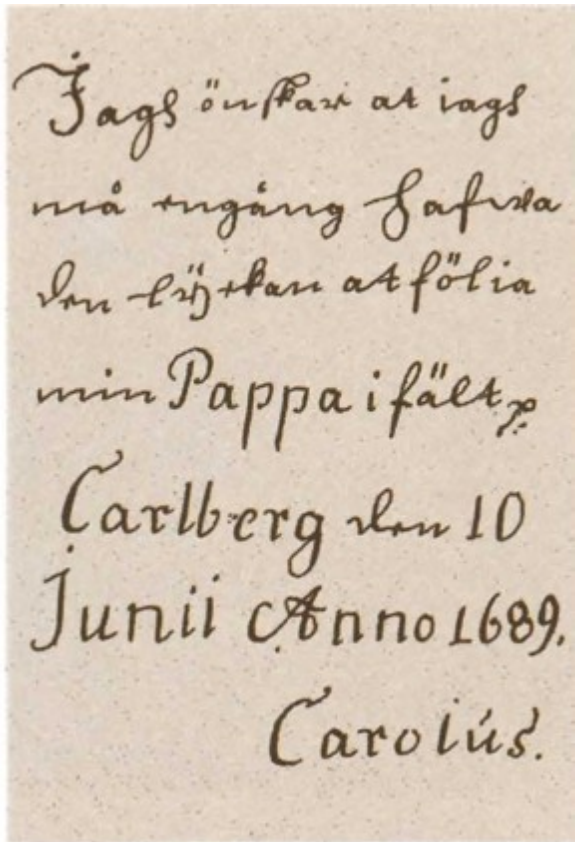
Шведский король Карл XI.

Портрет королевской семьи. Слева направо: король Карл XI, королева-мать Хедвиг Элеонора, принц Карл, тетя Карла XI Мария Эфросиния, принцесса Хедвиг София, королева Ульрика Элеонора. Художник Д. К. Эренстраль. Вторая половина XVII в.

Мать Карла XII, королева Ульрика Элеонора.

Сестра Карла XII Ульрика Элеонора. 1720.

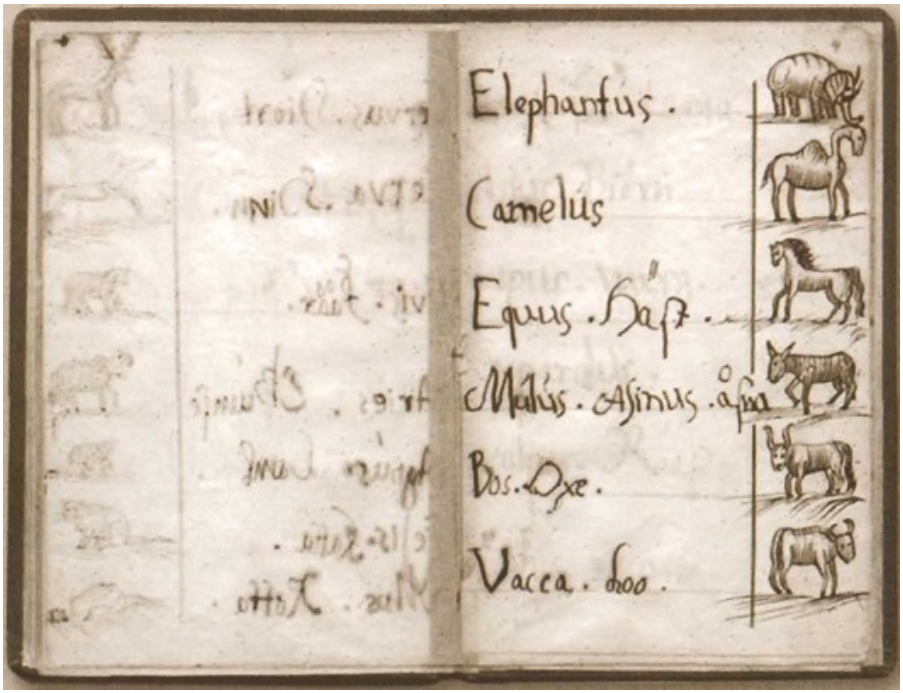
Вид на Стокгольмский дворец до пожара в 1697 году. Перестроен в последние годы жизни Карла XII. Гравюра. Конец XVII в.


Jags önskar at iags
må ingång hafwa
hos Ehr Höghet at förlia
min Pappa i fält &c.
Carlberg den 10
Junii Anno 1689.
Carolus.

Письмо принца Карла отцу, королю Карлу XI.
Июнь 1689 г.

Принц Карл в 14-летнем возрасте. Художник Д. К. Эренстраль.

Конец XVII в.



Ученическая тетрадь принца Карла.

Генерал-губернатор Лифляндии граф Эрик Дальберг.
Гравюра К. Г. Фритча.

Томас Пулюс, учитель принца Карла. Художник Л. фон Бреда.

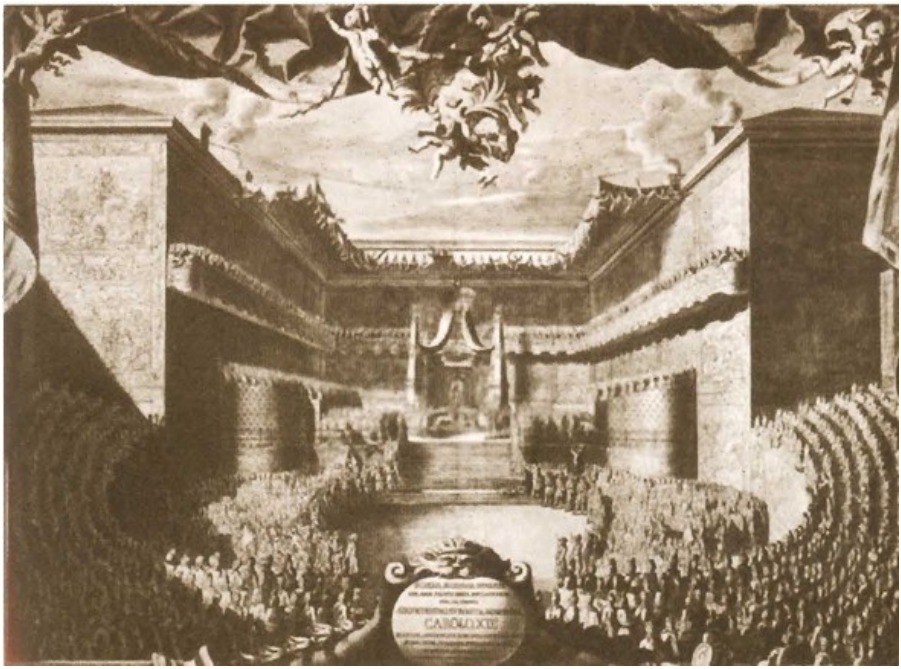
Пожар в королевском дворце. Художник Ю. Ф. Хёккертс. 1862—1866.

Король Швеции Карл XII.
Художник Д. К. Эренстраль. 1697.

Старшая сестра Карла XII Хедвиг София с мужем Фридрихом IV, герцогом Готторп-Голштинии. Художник Д. Крафт.

Курфюрст Саксонии и король Польши Август II.

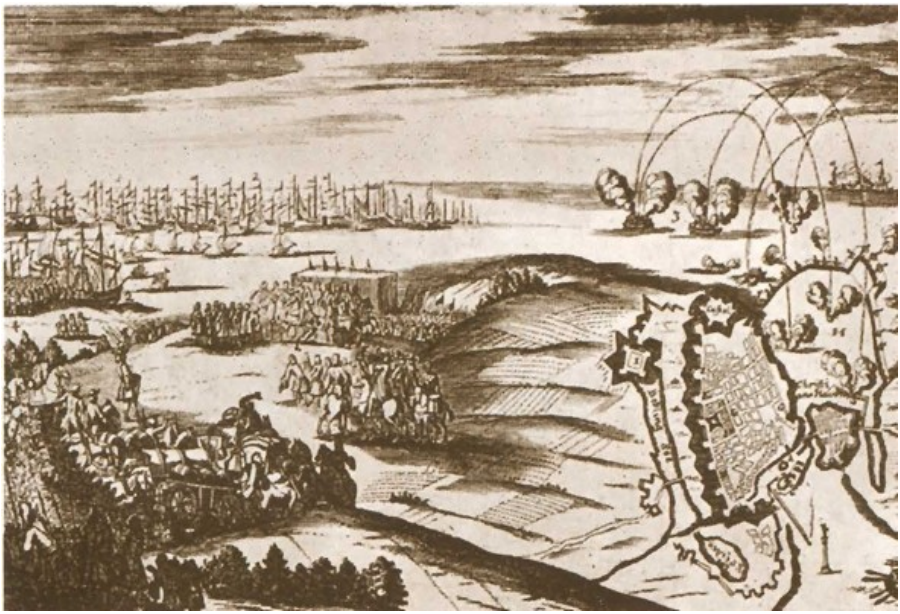
Король Дании Фредрик IV.



Торжества по случаю коронации Карла XII 13 декабря 1697 года. Художник Н. Тессин Младший.

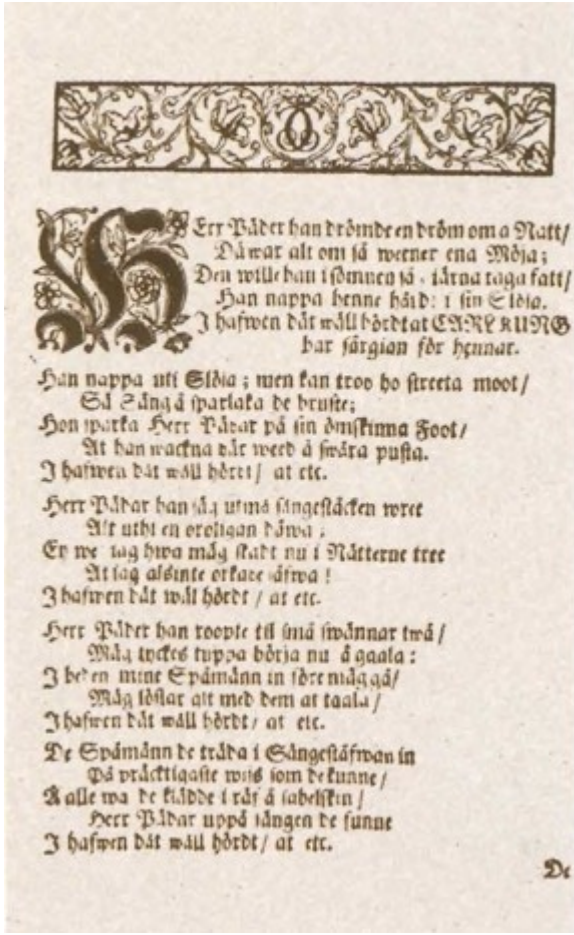
Карл XII.

Фельдмаршал граф Карл Густав Реншёльд.



Шведский десант под Копенгагеном. Гравюра. Начало XVIII в.

Петр I.



HErr Pålder han drömde en dröm om a Natt/
Då war alt om ſå weener ena Möja;
Den wille han i ſömneen ſå . iårna taga fatt/
Han nappa henne håld: i ſin Sidia.
I hafwen dåt wåll hördt at CARL RUNG
har ſårgian för hennar.

Han nappa uti Sidia; men kan troo ho ſtreeta moot/
Så ſång å ſparlaka de bruſte;
Hon ſparka Herr Pålar på ſin ömſkinna Foot/
At han wackna åt weed å ſmåra puſta.
I hafwen dåt wåll hördt/ at etc.

Herr Pålar han ſåg utmå ſångeſläcken wree
Alt uthi en ereligan dåwa;
Ey me tag hwa måg ſkadt nu i Nätterne tree
At iag alsinte erkate åtwa!
I hafwen dåt wåll hördt/ at etc.

Herr Pålder han roopte til ſmå ſwånnar två/
Måg tyckes tuppa börja nu å gaala:
I beren mine Spåmånn in före måg gå/
Måg lårar alt med dem at taala/
I hafwen dåt wåll hördt/ at etc.

De Spåmånn de tråda i Sångeſtåfwan in
På präcktigaſte wis ſom de kunne/
Å alle wa de kålde i råſ å ſabelſkin/
Herr Pålar uppå ſången de ſunne
I hafwen dåt wåll hördt/ at etc.

De

Шведская солдатская песня о Нарвском сражении.

Победа шведов в битве под Нарвой. Художник Г. Седерстрем. 1910.

Карл XII. 1700.

Битва на Двине. Рисунок генерал-майора шведской армии К. М. Стюарта. Июль 1701 г.

Форсирование шведской армией Двины. 8 июля 1701 года. Гравюра Ю. Лихена.

Король Польши Станислав Лещинский. Художник Ю. Старбюс.

Король Польши Август II. Гравюра с оригинала С. Ликтора.

Памятные медали, изготовленные по случаю избрания Станислава Ленинского польским королем. 1704.

Ручные мортиры, бывшие на вооружении шведской армии. Начало XVIII в.

Генерал Магнус Стенбок, Художник Г. Э. Шрёдер.

Осада шведской армией города Торна (Торуня) осенью 1703 года. Гравюра. Начало XVIII в.

Йоханн Рейнхольд Паткуль. 1700.

Серебряная кружка. 1705.

Дрезден в 1749 году.
Гравюра Б. Белотто (Капалетто).

Аврора Кёнигсмарк, любовница Августа II.

Граф Карл Густав Пипер, первый министр Карла XII.

Кресло с монограммой Карла XII. Начало XVIII в.

Густав Крунхъельм, камергер, в прошлом учитель Карла XII.

Медаль с изображением Карла XII, изготовленная по случаю заключения Альтранштедтского мира 14 августа 1706 года.

Встреча и торжественный обед Карла XII с Августом II в декабре 1706 года в Альтранштедте.

В декабре 1705 года Петр, получив сообщение о восстании в Астрахани, выехал срочно из Гродно, оставив армию на фельдмаршала Огильви и Меншикова. Вряд ли Карл надеялся на то, чтобы лично встретиться с царем на поле боя — его главной целью была сосредоточенная в Гродно русская армия. Гродненская эпопея довольно подробно описана в русской исторической литературе. Известно, что Август при приближении шведов, забрав для своей охраны несколько своих и русских полков, сбежал из Гродно, обещая вернуться с «сикурсом»; что между Меншиковым и Огильви возникли разногласия относительно того, как должна была вести себя армия ввиду возможного появления шведов: Огильви предлагал встретить Карла за стенами Гродненской крепости, а Меншиков считал возможным напасть на противника превосходящими силами; что обеспокоенный и лишенный достоверной информации царь долгое время находился в состоянии неведения и сильнейшего волнения и что в конечном счете благодаря именно его инициативе удалось вывести из-под шведского удара всю армию, обмануть Карла и уйти от запоздалого преследования шведов.

Посмотрим на эти события из шведского лагеря. У деревни Кржимечка, находясь на большом тракте, уходящем на северо-восток, восемнадцатитысячная каролинская армия перешла по

льду Буг и быстрыми, довольно утомительными переходами, с артиллерией и обозом, подошла к восточным окраинам Гродно. Последний отрезок пути проходил в постоянных мелких стычках с русскими разъездами и постами. 24 (13) января 1706 года, преодолев за 16 суток 300 километров, шведы появились на южном берегу Немана.

Лагерь разбили прямо на снегу. Местность показалась шведам неприветливой, ничего сравнимого с тем, к чему они привыкли на зимних квартирах в Польше, их здесь не ожидало. Бедность, а точнее нищета и убожество были типичными даже для местных дворян. Король с принцем Максом спали в каком-то помещичьем доме на полу рядом с поросятами и курами и с удивлением наблюдали, как хозяйка в ночной сорочке разгуливала по комнате или возилась у очага. На следующее утро шведы перешли на крутой северный берег реки и отогнали заслон русских, пытавшихся воспрепятствовать переходу шведов через Неман.

Гродно в точном смысле слова не являлась крепостью, но фельдмаршалу Огильви удалось оборудовать вокруг города такие сильные оборонительные сооружения, что они заставили Карла XII отказаться от мысли штурмовать город без подготовки. Вопреки своим привычкам король благоразумно решил понапрасну своими солдатами не жертвовать и даже не брать город в кольцо. Рассредоточение сил по всему периметру города было практически неосуществимо — на это не хватило бы сил и средств — и нецелесообразно. Король решил «сторожить» город, не давая Огильви и носа высунуть в поле, и ждать, когда русская армия, съев все припасы, сдастся ему без боя. Надо было только сначала позаботиться о том, чтобы с голода не умерли его солдаты, ибо вокруг Гродно все давно было уже съедено.

Заставив армию ночевать еще одну ночь в открытом поле, Карл XII, оставив вокруг Гродно сторожевые отрады, призванные разорвать все коммуникации города с внешним миром, отвел всю армию на несколько километров к северо-востоку и востоку от города. Сам король с принцем Максом и королем Станиславом обосновался сперва в деревне Каминка, а потом в городке Жалудек, где добывать провиант было немного легче. Шведам пришлось учиться отыскивать еду, потому что местные крестьяне не держали хлеб в закромах и сараях, а закапывали его в землю далеко от дома, иногда в лесу. Но постепенно с этим справились — помогали длинные пики, которыми протыкали снег в нужном месте, и шведская крестьянская сноровка.

Пока Карл со своей армией мерз под Гродно, Август, во изменение своего обещания фельдмаршалу Огильви, разъезжал

по южной части Польши и собирал воинские силы, чтобы потом повести их к Варшаве, куда должен был со своей армией подойти генерал Шуленбург, заменивший Штайнау. Август планировал с двух сторон нажать на оставленные под Познанью части Реншёльда, окружить их и разгромить. После разгрома Реншёльда Август планировал повести свою армию на выручку царю в Гродно.

План был блестящим, но исполнение его было из рук вон плохим. Реншёльд не сидел сложа руки, а вел активную разведку, и скоро об этом плане узнал все, что ему было нужно. Он не стал ждать соединения Шуленбурга с Августом, а решил напасть на них поодиночке. Ближе к нему оказался Шуленбург, у которого перед шведами вместе с русскими полками было как минимум двойное численное преимущество. С непоколебимой уверенностью в успехе Шуленбург стал преследовать Реншёльда, пока, наконец, под городом Фрауштадтом не произошло решительное сражение. Реншёльд доказал и на сей раз, что он и в одиночку, без Карла XII, как полководец стоил многого. Он прибег к простой уловке, создав у саксонца ложное представление о теш, что шведы боятся боя и спасаются от противника бегством. Он быстро отступал, пока момент и местность — под Фрауштадгом — не показались ему удобными, чтобы встретить русско-саксонкую армию решительным и стойким сопротивлением. Йоханн (Иоганн) Матиас Шуленбург был опытным и грамотным генералом, и он сразу понял, что Реншёльд его переиграл, но предпринимать какие-либо действия было уже поздно, и он вступил в навязанное ему сражение.

Во время боя 13 февраля 1706 года швед применил так называемый параллельный удар;с двойным охватом — прием, известный со времен Ганнибала при Каннах, но редко кем, особенно при численном меньшинстве, так успешно использованный. Реншёльд сначала набросился на левый фланг Шуленбурга, смял и окружил своей кавалерией русские части. Расправившись с русскими, шведы насели на саксонцев и после кровавой рукопашной схватки заставили Шуленбурга с остатками своего войска — не более двух тысяч солдат и офицеров — убраться с поля боя восвояси. Число погибших и пленных русских и саксонцев было примерно одинаковым — по 7500 человек[97]. Шведский историк Ф. Ф. Карлсеон в своем фундаментальном труде о Карле XII, ни словом не упомянув о резне, учиненной Реншёльдом над русскими пленными, называет фраунгадтскую победу фельдмаршала «великолепным предприятием».

Шведский генерал не столько радовался победе, сколько предавался отчаянию: он не знал, что ему делать с пленными —

они связывали его по рукам и ногам. Он писал королю письма, но расстояние между отправителем и получателем было слишком большим, а местность контролировалась враждебными шведам отрядами поляков и русских, и потому почта шла долго и не всегда попадала в нужные руки. Не получив ответа, Реншёлм начал формировать из пленных новые батальоны: швейцарский, французский и немецкий (представители этих наций служили наемниками в саксонской армии). А с русскими пленными (около 500 человек) Реншёльд поступил коварно и варварски просто: он отдал приказ всех расстрелять. Очевидцы свидетельствовали, что русские офицеры, стоя на коленях, упрашивали генерал-лейтенанта сохранить им жизнь. Некоторые, из них, пишет П. Энглунд, чтобы спастись, вывернули свои мундиры наизнанку красной подкладкой наружу, надеясь таким образом сойти за саксонцев, но хитрость была разгадана[98]. «Узнавши, что они русские, — вспоминал один из шведских участников сражения, — генерал Реншёльд велел вывести их перед строем и каждому прострелить голову; воистину жалостное зрелище!»

Фрауштадтская резня возмутила царя Петра, и он проинформировал об этом все европейские дворы. Русская кровь в Европе ценилась недорого, и об этом шведском варварстве скоро все забыли. Опьяненный победой под Полтавой, Петр лишь через год спросит у пленного Реншёльда о жестоком обращении с русскими под Фрауштадтом. Фельдмаршал не моргнув глазом будет лгать, что в момент расстрела русских пленных его якобы не было на месте, а действия своих подчиненных объяснит тем, что они якобы были возмущены жестокостью русских, проявленной под Одербелтчем и Тиллендорфом. Вопрос царя, почему же Реншёльд не наказал своих подчиненных, останется без ответа.

Известие о победе Реншёльда под Фрауштадтом Карл XII воспринял с большим воодушевлением, но его поздравление пришло к генералу лишь в апреле. Шведы, как кошка над мышиной норой, продолжали сидеть «над городом» и терпеливо ждать, когда русские либо начнут сдаваться, либо осмелятся выйти в поле сразиться. Голод уже начинал давать о себе знать в городе, среди солдат Петра начались болезни, и многие умирали. Уйти из Гродно Огильви никуда не мог: на северном и восточном направлении стояли шведские полки, идти на запад — встретить верную смерть, оставалась возможность сделать попытку проскользнуть незаметно в южном направлении, но шведы к весне построили через Неман мост и выход из города целой армии они вряд ли пропустят, а если пропустят, то все равно нагонят и побьют.

Кстати, с мостами Карлу XII определенно не везло. В середине марта он подъехал к месту строительства Неманского моста, слез с коня и пошел пешком вдоль моста по льду. Неожиданно лед треснул, и король очутился по горло в ледяной воде. Из огня Равича он подал в полымя Немана. Не потерявший самообладания король успел схватиться за кромку льда и какое-то время смог продержаться в ледяной воде на плаву. Маленький Принц, оказавшийся рядом и как самый легкий, пополз к полынье, страхуемый сзади двумя шведами. Ему удалось добраться до Карла, схватить его за руку и держать ее до тех лор, пока не подоспели другие и не вытащили его из воды. Король отделался легким испугом, пробормотал как всегда «ничего страшного», вскочил на коня и, не переодевшись, умчался по своим делам.

В конце марта на Немане прошел ледоход и сломал шведский мост, который, однако, с трудом починили. Именно в этот момент Огильви со всей армией вышел темной ночью из города и исчез в неизвестном пока для шведов направлении, предварительно утопив в реке всю артиллерию, боеприпасы и амуницию.

Мост был починен шведами лишь 14 апреля. Карл кинулся догонять Огильви, но у того было четыре дня в запасе, и преследование пришлось прекратить, тем более что началась весенняя распутица, которую не могли преодолеть даже кони. Шведы вернулись и пошли за Огильви параллельным маршрутом, но восточнее пути, по которому спешно двигалась русская армия, надеясь ее перехватить, где-нибудь южнее Гродно — ведь рано или Поздно она должна была повернуть на восток. Но русские шли и шли на юг, не делая никаких попыток помочь расчетливым шведам.

В соприкосновение с русской армией шведы вступили под картезианским монастырем Береза. Там на пути шведов оказалось узкое дефиле, окруженное с трех сторон болотом, которое, по мнению фельдмаршала Огильви, можно было удерживать небольшим отрядом против превосходящих сил противника. Услышав об этом, король взял с собой гвардейцев, несколько эскадронов драгун и несколько пушек и, форсировав на глазах у русских оказавшееся проходимым болото, взял с ходу дефиле. На месте боя оставался тяжелораненый капитан-француз по фамилии Бузанвилль. К нему подошел весь в болотной грязи Карл и наклонился над ним, чтобы спросить, чем ему помочь. Француз не ответил на его вопрос и спросил, правда ли, что в бою участвовал сам король Швеции. Маленький Принц подтвердил это и показал рукой на обмазанного с ног до головы грязью человека. Француз якобы пожелал королю победы над своими

врагами и скончался. Он был похоронен в монастыре на средства короля Швеции. Все шведские историки, начиная с Адлерфельдта, пересказывают эту трогательную историю, вероятно, на самом деле имевшую место.

Во время марша под городом Хомском шведам представился случай убедиться, как храбрость легко одерживает верх над трусостью. Группа из 16 офицеров удалилась от основной дороги и случайно повстречалась с крупным литовским отрядом, который сопровождал обоз из 70 повозок с грузом для Вишневецкого. Некоторое время обе стороны молча разглядывали друг друга, пока, наконец, один шведский ротмистр не подъехал к литовцам и не приказал им сложить оружие. Литовцы как один выполнили это приказание. Когда некоторое время спустя к месту происшествия подъехал Карл, то застал своих офицеров корчащихся от смеха. Узнав, в чем дело, он присоединился к ним, а потом, забрав обоз и несколько офицеров, приказал остальным выбрить по полбороды и пол головы, на шею повесить таблички с обязательством никогда не поднимать оружие на шведского короля и отпустить по домам.

Некоторое время спустя колонна шведской армии, растянувшаяся на несколько километров, подошла к реке Припяти. Здесь находились необозримые болота, простиравшиеся на десятки, сотни километров вокруг. Дорога повернула на восток, и 4 мая (23 апреля) 1705 года шведы вошли в Пинск.

Пока конная разведка изучала возможные проходы на Волынь, где шведский король надеялся перерезать Огильви путь на Киев, Карл взобрался на колокольню местного иезуитского монастыря и огляделся окрест. Вид бескрайних болот с редкими островками суши большого оптимизма у него не вызвал, и он понял наконец, что преследование русской армии бесполезно.

Пока в Пинск подходили отставшие части, Карл выслал полковника Кройца с двухтысячным отрядом «выяснить отношения» с наседавшими на шведский арьергард украинскими казаками известного им по Варшаве полковника Апостола. В городе Лакович Кройц блокировал полуторатысячный отряд казаков, оставив их под надзором небольшого подразделения, сам направился под город Клецк, где у него и произошел кровавый бой с главными силами Апостола. По шведским данным, потеряв более двух тысяч человек убитыми, Апостол скрылся в лесах и болотах, а Кройц вернулся в Лакович и устроил в нем настоящую резню. Упустив крупные регулярные воинские части царя, шведы решили выместить злобу на казаках. Сам король приехал посмотреть на последствия сражения под Клейком и очень впечатлился его масштабами. Приказав взорвать находившиеся

поблизости две небольшие крепости Нисвич и Забирс, Карл довольный возвратился в Пинск и произвел Кройца в генерал-майоры.

В Пинске шведы простояли почти месяц — сил набирались и люди, и лошади. Отсюда их путь лежал на Волынь, куда они прибыли неделю спустя, после того как покинули Пинск. Натерпевшимся в Пинских болотах солдатам Каролинской армии Волынь показалась раем. Здесь давно уже не было военных действий, люди жили зажиточно, и продовольствия для армии было в избытке. Волынцы выращивали даже табак, а хлеб и мед были в большом изобилии. На Волыни армия, совмещая приятное с полезным, задержалась на месяц. Карл XII остановился в замке Ярославичи между Луцком и Дубно.

О приятном мы уже упомянули — оно выпало в основном на долю шведов, а вот полезное делалось главным образом для короля Станислава. С помощью угроз и контрибуций Карл XII обеспечивал ему изъявления любви со стороны местных жителей. В этих краях находились земли и родовые замки большинства польских аристократов, которые были настроены антишведски и с избранием Лещинского не соглашались, к примеру, владения великого канцлера литовского Радзивилла, всех братьев Любомирских, включая хорошо известного читателю Иеронима Любомирского[99], и многих других. Всех их Карл поставил перед выбором: либо оказать почести новому королю, либо безмолвно наблюдать за карательными действиями шведских «товарищей» в своих и соседних имениях. С течением времени король, кажется, нашел, на его взгляд, эффективное средство обращения с польским народом.

Магнаты были людьми благоразумными и стали по очереди прикладываться к ручке бывшего познаньского воеводы и нарасхват звать его к себе в гости. Какие чувства канцлер Радзивилл испытывал в глубине своей души и как он себя поведет сразу после того, как шведы покинут Волынь, Карла XII трогало мало.

Куда король направит свои стопы из Волыни, никто не знал. В шведском лагере поговаривали о Саксонии, но это были всего лишь догадки. Все знали, что король непредсказуем, но были уверены, что плохое ему никогда в голову не придет. Наступит время — скажут, и солдаты пойдут туда, куда он прикажет. Поэтому в день выхода из Волыни даже генералы не имели понятия о конечной цели своего маршрута — этим достигалась секретность передвижения и обеспечивался эффект неожиданности.

Перед выходом из Ярославичей король предпринял шаг,

который тем не менее косвенным образом мог указывать на скорое окончание войны. Он подписал указы о массовом повышении в звании своих генералов и офицеров — такого в истории Швеции никогда не было. Почти все старые заслуженные генералы — О. Веллингк, Н. Стромберг, К. Поссе, А. Хорн и другие — получили звание королевских советников и были отпущены в Швецию для занятия синекурных постов; Реншёльд удостоился звания фельдмаршала, королевского советника и графского титула[100]; Левенхаупт, Стенбок, Майдель и Мардефельт стали полными генералами. Были произведены в генерал-майоры 13 полковников, в полковники - 17 подполковников, а уж сколько майоров стали подполковниками, шведские историки не указывают.

Чувства радости и глубокого морального удовлетворения охватили всю армию и их родственников в Швеции. Для характеристики атмосферы того времени заглянем еще раз в семейный архив Стенбоков и посмотрим, как полный генерал от инфантерии и губернатор Сконии отреагировал на королевские милости. Губернаторский пост ему достался от Реншёльда, но в отличие от фельдмаршала он теперь освобождался от необходимости выколачивать из польских городов контрибуции — король отпустил его в Швецию, чтобы губернатор мог с близкого расстояния оценивать свалившуюся на него неожиданную синекуру. Теперь он должен был жить в своей резиденции в Мальмё, окруженный супругой Евой и детьми. Но что такое? Радостные тона в его письме сменяются озабоченностью. Повышение лишило его доходов, которые он имел как шеф двух полков — далекарлийского и драгунского, а это большой минус в его финансовых делах. Конечно, когда он приедет в Мальмё, все встанет на свое место, но сейчас ему не хватает 500 золотых дукатов, которые он должен отдать графу Пиперу в качестве «благодарности».

О, этот граф Пипер! Все, кто удостаивался королевской милости, должны были непременно «отблагодарить» его золотыми дукатами — других денег граф не брал. Независимо от того, кто получал повышение — профессор Упеальского университета, канцелярский чиновник или боевой полковник, — все они платили дань (или мзду) Пиперу. Иначе было нельзя — ведь через него проходили все бумаги, аттестации и отзывы, в его распоряжении были все бланки и печати. И хотя он и пальцем не пошевелил, чтобы высказать Карлу свое мнение о том или ином кандидате на поощрение, но все наивно чувствовали себя перед ним в долгу. Так было принято. Мало ли что: а если граф потеряет бумажку, забудет контрасигнировать ее перед подачей

королю или положит под сукно? К воинским званиям и чинам Пипер вообще не имел никакого отношения — поддержание дисциплины, наказания и поощрения целиком находились в руках Карла, но простые военные души плохо разбирались в канцелярских тонкостях и... исправно давали графу взятки. А граф Пипер без всякого зазрения совести их брал.

Впрочем, «подношений» от иностранцев граф избегал: когда голштинский герцог подарил Пиперу украшенную бриллиантами табакерку и вложил в нее четыре тысячи талеров, граф табакерку оставил, а деньги вернул, приговаривая: «Табачок слишком крепок». Французский посол де Жискар в своем отчете в Париж писал: «Пипер очень любит деньги, но от иностранцев ничего не берет. Он превосходно знает своего короля и эти знания обращает в свою пользу, но никогда во вред отечеству».

Граф Карл Густав Пипер был самым богатым человеком в Швеции. Он был импозантным, важным, неприступным. Кавалеры, военные, ученые, дипломаты гнули перед ним спину, а он в ответ даже не снимал с головы шляпы. Он был важной, очень важной персоной — пожалуй, важнее самого Карла XII. Во всяком случае, его манеры были более величественными, нежели у его монарха. Его философия была философией торгаша: деньги, сколько бы их ни было, не являются лишними, и дурак тог, кто их не берет. И вряд ли он считал, что, присваивая себе полномочия, на которые он не имел никакого права, он обманывал короля.

Все удивлялись: как это король Швеции, аристократ высшей пробы, долгие годы держал при себе этого плебея? Вероятно, потому, что противоположности притягиваются, а кроме того, толстяк Пипер был работоспособен как вол и по-своему предан королю. При всем при том граф не заискивал перед Карлом, всегда имел свое мнение, отстаивал его, часто не соглашался с королем и давал ему советы, заранее предполагая, что они могут тому не понравиться. Вместе они составляли вполне гармоничную пару, и если бы важный прохиндей Пипер обладал хоть капелькой юмора, их вполне можно было бы сравнить с Дон Кихотом и Санчо Пансой. Нет, граф Пипер был большой и загадочной штучкой, и что бы там ни говорили, он вертел всеми делами Швеции, и дела в государстве шли совсем неплохо[101].

Как ни хороша была Волынь, но наступило время оттуда уходить. Путь шведской армии пролегал на запад, через десять дней марша шведы появились в знакомых им уже местах в районе Люблина. Трое суток спустя они уже переправились через Вислу и 3 августа остановились в Рандоме, в сотне километров к югу от Варшавы, в то время как Август со смешанной кавалерией уходил из Кракова в Литву, вероятно, в надежде выманить Карла туда.

Движение шахматных фигур на польской доске не прекращалось ни на минуту,

А Карл об Августе на какое-то время забыл, он соскучился по Реншёльду и его полкам, которых уже давно не видел. Взяв с собой принца Макса, принца Карла Леопольда Мекленбургского, присоединившегося к королю на Волыни, Мейерфельта, генерал-адъютанта Канифера, двух драбантов и польского проводника, он отправился в Униев, почти за 180 километров от Ранд ома, чтобы навестить фрауштадтского героя. Прямо на выезде из Рандома король и его спутники наткнулись на большой отряд польских всадников, которых они приняли сначала за своих валахов, но когда подъехали поближе и увидели, что ошиблись, были вынуждены спасаться бегством в лес.

В темноте потеряли друг друга, и Карл XII вдруг оказался один. Ко всему прочему, он в темноте выпал из седла, но не выпустил из рук уздечки и смог удержать коня. Всю ночь король один бродил наугад по лесу, в то время как его спутники давно отыскали друг друга и вернулись в Рандом, предполагая, что король их уже опередил и находился там. Каково же было их изумление, когда обнаружилось, что король пропал! Разбудили графа Пипера, и тот отправил на поиски Карла кавалерийский отряд. На рассвете отряд вернулся с невыполненным заданием. В лагере началась паника. Велико было изумление всех, кто искал короля, когда он наконец появился в лагере. Он рассказал, что, когда стало светать, он сумел сориентироваться и самостоятельно отыскать дорогу. Как ни в чем не бывало, он осведомился о своих исчезнувших спутниках, а когда узнал, что все давно его ждут, он сел на другого коня и уже с более солидным сопровождением немедленно выехал к Реншёлвду.

Возвратившись на третьи сутки от фельдмаршала, король двинул свою армию на запад. В третий и последний раз[102] он форсировал речку Пилицу у Новемяста, где население уже стало привыкать к его появлению, и южнее Униева соединился с корпусом Реншёльда. Они вместе двинулись на запад, минуя места, где двумя годами раньше вместе гонялись за Шуленбургом. Так они дошли до Равича, но на сей раз не остановились в нем, а продолжили марш на запад. В глазах у высокопоставленных военных, да и не только у них, появился вопрос: неужели в Саксонию?

В это же время пред очи Карла XII предстал граф фон Цинцендорф, посланник кесаря из Вены, и высказал беспокойство австрийского двора относительно намерений короля Швеции вступить без разрешения и согласования в Силезию, владение Австрии. Ему начал вторить граф Пипер, указывая Карлу на то,

что Польша — вполне приличное место, для того чтобы расположить войска на отдых. Вступать в Саксонию — это вызвать на себя критику всей Европы, к тому же все в Польше без шведов рухнет. Тем более что русские уже наступают шведам на пятки — под Люблином их авангард вступал в стычки с арьергардом шведов.

Но Карлу как будто заложило уши. Он слушал всех, но никого не слышал. Ему надоело гоняться за саксонцами и русскими, и теперь он хочет сделать что-то весомое и важное. В Польше шведам делать больше нечего — все, что он запланировал, уже совершено. Привлечь поляков на свою сторону и заставить их воевать против русских и саксонцев не удается. Ну что ж, так тому и быть. Станислав — слабый король, но это все равно лучше, чем Август. Во всяком случае, теперь Польша большой опасности для Швеции не представляет. А вообще о Польше лучше забыть: пять лет потрачено на эту страну, но теперь это всего лишь система маршевых дорог и провиантских магазинов для его армии. Все.

Глава десятая
В ГОСТЯХ У КУЗЕНА

Магистр Улаус. Если бы король захотел выслушать хоть один только раз кого-нибудь, он бы многое ужал! Но у князей дурная привычка слушать только себя!

А. Стриндберг. Густав Васа

Карл XII, если раньше и имел кое-какие сомнения относительно вступления со своей армией в Саксонию, то к 1706 году эти сомнения постепенно рассеялись. По его Оценкам, в Европе вряд ли кто серьезно станет поднимать голос в защиту Августа. Антифранцузская коалиция к этому времени набрала силу, и выбытие Из ее рядов Саксонского курфюршества, Числившегося там лишь номинально, никакого негативного эффекта иметь не будет. Если император в Вене и станет ворчать, то это его дело: король Швеции преследует собственные цели — заставить наконец Августа отказаться от польского престола, и никто в этом помешать ему не сможет. Если Австрия смотрит сквозь пальцы на неоднократные проходы через свою территорию саксонских войск, то она выдержит и проход через Силезию армии короля Швеции. Фон Цинцендорф, а также подъехавшие в штаб-квартиру шведской армии английский и голландский послы[103] в компании с Пипером могли сколько угодно в изумлении трясти буклями своих париков, но Карл 31 августа в районе Равича перешел силезскую границу и беспрепятственно двинулся к саксонской границе.

Полки, оставшиеся в Польше, завидовали своим боевым соратникам, участвовавшим в саксонском походе. Богатая Саксония, блеск Дрезденского двора, цивилизованное население, аналогичный шведскому уклад жизни — все это ни в какое сравнение не шло с польскими условиями. В Саксонию ушли в основном шведы, а в Польше под командованием А. А. Мардефельта оставались наемники, завербованные из пленных, взятых под Фрауштадтом — немцы, французы, швейцарцы, и шведские гарнизоны в Познани и Эльбинге. Мардефельту вместе с коронной армией Станислава Лещинского, которой командовал теперь Потоцкий, была поставлена задача «присматривать» за беглым Августом и действиями русских.

В Саксонию король вел 11 500 пехотинцев, пять тысяч кавалеристов и три тысячи драгун. Одер пришлось форсировать по наведенному понтонному мосту. Когда Карл XII во главе своей кавалерии перешел на западный берег реки, его выбежали встречать обрадованные толпы силезцев. Один седовласый сапожник схватил королевского коня за уздцы и не отпускал его, умаляя седока защитить протестантскую веру в Силезии, которую исподволь преследовала католическая Вена. Король обещал сделать все, что было в его силах. И свое обещание выполнил, тем более что оно принесло ему неоспоримые политические выгоды. Шведская пропаганда с большим успехом использовала фактор притеснения в империи лютеран в своей общеевропейской политике и в своем противостоянии с Австрией в частности.

6 сентября в районе города Шёнеберга, в верхнем Лаузитце, шведская армия пересекла саксонскую границу и разделилась на две колонны: одна пошла прямо на Дрезден, а вторая взяла к северу от столицы. У Мейсена шведы перешли Эльбу, и скоро конь нового генерала-квартирмейстера, полковника Акселя Юлленкрука (Гюльденкрока, Гюлленкрока, Гилленкрока, Гильденкрока) уже цокал подковами по центральной площади Лейпцига. Юлленкрук позвал городские власти и приказал им заняться размещением войск. Драгуны и кавалерия ускакали дальше, пытаясь настигнуть генерала Шуленбурга, спешно отходившего с жалкими остатками войск на запад. Карл с Маленьким Принцем немного поучаствовал в этой прогулке, а потом повернул назад к Лейпцигу. На пути он проезжал красивый замок Альтранштедг, который ему понравился, и там 21 сентября король устроил свою штаб-квартиру. Карл XII не любил больших городов и принципиально избегал в них останавливаться на длительный срок.

Уже на следующий день Карл XII в сопровождении принца Макса, Реншёльда, Нирота и небольшой свиты выехал в Лютцен, где произошла знаменитая битва времен Тридцатилетней войны, в которой погиб его великий предок король Густав II Адольф. Разыскали двух старых жителей города, и Карл с большим интересом стал расспрашивать их о деталях тех далеких событий. Потом, вспомнив лекции покойного Стюарта, король стал рассказывать своим спутникам о том, как протекала эта битва и какое место в ней занимал тот или иной шведский полк. Рассказ он закончил взволнованной фразой о своем предке:

— Я всегда пытался жить, как он. Может быть, Господь Бог осчастливит меня своей милостью и даст мне возможность и умереть, как он.

Когда кто-то рассказал ему версию о том, что его предок

погиб от руки своих и назвали имя убийцы — герцога Лауэнбургского, он не поверил, потому что такое было для него совершенно невероятным.

В Виттенберге король побывал на могиле Мартина Лютера, а спустя два дня, 24 сентября 1706 года, в Альтранштедте между Карлом XII и Августом II был подписан мирный договор, включавший в себя двадцать пунктов. Со стороны Швеции при подписании документа присутствовали граф Пипер и королевский статс-секретарь У. Хермелин, а со стороны Саксонии — барон А. А. Имхоф и тайный советник Г. Э. Пфингстен.

Последний год дался Августу тяжело. Неудачи на полях сражений, лишение польской короны, необходимость менять то и дело дислокацию, отсутствие денег, а значит, и красивых женщин — все это его окончательно доконало. Не придавало оптимизма и присутствие в Польше 20-тысячного корпуса Александра Даниловича Меншикова. Август уже просто разуверился во всем и ни в какие обещания царя Петра и светлые перспективы больше не верил. Поэтому он еще в августе 1706 года, когда шведы стояли перед силезской границей в Равиче, тайно призвал к себе в Литву двух своих доверенных лиц — барона Имхофа и тайного советника Пфингстена и дал им поручение как можно быстрее провести со шведами переговоры и заключить с Карлом мир. Если окажется, что шведы не посмеют войти в Силезию или если в Саксонию будет послан с армией фельдмаршал Реншёльд, то Имхоф с Пфингстеном могли об условиях мира еще поторговаться и по возможности сохранить за Августом польский трон. Если же в Саксонию прибудет сам Карл XII, то мир следовало подписывать в любом случае, даже на самых жестких и неблагоприятных условиях.

Миссия саксонских переговорщиков должна была храниться в строжайшей тайне, потому что рядом с Августом находился Меншиков, и курфюрст в любой момент мог стать пленником русского царя, как стал пленником саксонского замка Зонненштайн царский посол Й. Р. Паткуль. Пока Август с русским корпусом будет продвигаться вглубь Польши, Имхофу и Пфингстену надлежало за спинами русских обеспечить сепаратный мир. Потом он улучит благоприятный момент и улизнет из-под контроля Меншикова, чтобы вернуться в свою любимую Саксонию и приклонить там где-нибудь свою бедную голову.

Пфингстен и Имхоф времени не теряли, они настигли шведов в Силезии и вступили в переговоры с графом Пипером. Они передали Карлу письмо своего несчастного монарха, в котором тот умолял пойти с ним на мир на любых условиях. Между

прочим, дрезденские дипломаты предлагали разделить Польшу между Августом и Лещинским. Пипер, на вершине своего величия, обещал обо всем проинформировать своего патрона и скоро смог доложить им мнение Карла XII по существу их миссии. Карл продиктовал четыре необходимых, по его мнению, условия для мира с Саксонией:

Август должен: а) навсегда отказаться от польской короны; б) разорвать союз с Петром; в) освободить выкраденных из Силезии и сидевших под арестом в саксонском замке принцев Собесских и г) выдать шведской стороне всех перебежчиков и предателей, включая «государственного изменника Й. Р. Паткуля».

В парафировании мирного договора чисто символичное участие принял король Станислав Лещинский. При упоминании высоких договаривающихся сторон Августу был сохранен титул короля, но, естественно, без сохранения за ним польской короны. Кроме вышеупомянутых четырех пунктов, Альтранштедтский договор включал в себя, в частности, решение таких вопросов, как обмен пленными, судьба польских крепостей, расквартирование в Саксонии шведских войск и некоторых других. Пфингстен и Имхоф уехали на следующий день к Августу, чтобы заручиться его подписью на документе. Некоторое время спустя Карл XII публично объявил об окончании войны с Саксонией.

Когда грязные, полуголодные и потрепанные шведские солдаты входили на территорию курфюршества, местное население в панике разбегалось по домам и закрывало на засов все окна и двери — такая дурная слава о шведской армии дошла до саксонцев. Теперь король предписывал своим солдатам и офицерам вести себя «прилично», местное население не обижать и строго соблюдать воинскую дисциплину. К саксонцам обратились с призывом соблюдать спокойствие и не чинить препятствий «умеренным шведским требованиям» в части снабжения и расквартирования. Виновным же, осмелившимся выступить против законных требований короля Швеции, естественно, грозило наказание.

Совсем без эксцессов, конечно, не обошлось, но в целом в стране скоро установился мир и порядок. Бесплатно саксонцы должны были обеспечивать шведов только фуражом, за все остальное они платили деньги. При возникающих недоразумениях и обидах местному населению рекомендовалось обращаться к шведским офицерам. Шведов, нарушивших указанный порядок, обещали строго наказывать[104]. Несмотря на то что за время войны Август изъял у страны не менее 88 миллионов талеров и 36 500 рекрутов, Саксония все еще

оставалась зажиточным государством, и шведы мирились с запрещением некоторых вольностей по отношению к местному населению, которые они позволяли себе в Польше. Зато солдаты и офицеры в полной мере наслаждались сытной, чистой и здоровой жизнью.

А в Польше в это время разыгрывалась то ли драма, то ли фарс.

«Подписанты» Альтранштедтского мирного договора А. А. Имхоф и Г. Э. Пфингсген застали Августа уже в Люблине, где тот присоединился к корпусу А. Д. Меншикова. Король без особых возражений парафировал текст мирного договора и попал в щекотливую и во многих отношениях смешную ситуацию. Он заключил тайный мирный договор со шведами, но вместе с русским войском двигался на шведского генерала А. А. Мардефельта. Если произойдет столкновение — а дело неминуемо шло к этому, потому что у Меншикова был приказ даря, то только что подписанный им договор окажется фикцией и обернется страшными репрессивными мерами Карла и по отношению к нему, и к Саксонии. С другой стороны, если он уклонится от боя со шведами, то что подумает Меншиков, который в полной уверенности успеха, при значительном численном преимуществе неотвратимо шел на Мардефелъта?

Оставался единственный выход: заставить Мардефелъта во что бы то ни стало уклониться от сражения! Августу было известно, что в пакете у Пфингстена находилось уведомление Карла к Мардефельту о мире, и, обрадованный, он попросил его на обратном пути непременно отдать пакет шведскому генералу. Но Пфингстен запаздывал с возвращением в Саксонию и решил, что личного времени у него на визит к Мардефельту не остается, а потому послал к нему пакет с таким-то курьером. Этот курьер к Мардефельту так и не прибыл.

Ввиду приближения объединенного русско-польско-саксонского корпуса Мардефельт некоторое время пребывал в раздумье и хотел было уже отдавать приказ об отступлении, когда в дело вмешался предводитель коронной армии Лещинского гетман Потоцкий и стал горячо уговаривать шведа дать сражение. Он заверил Мардефелъта, что поляки как один будут стойко сражаться вместе со шведами и покажут «московитам», на что они способны. Мардефельту хорошо были известны боевые качества коронной армии, и он вместе с командирами своих полков продолжал настаивать на отступлении. Но поляки наседали на генерала и кричали, что не подведут, что у русских совсем нет пехоты, а это как раз то, что им нужно.

Мысль об отступлении вообще-то была несвойственна Мардефельту, и после некоторых сомнений он наконец позволил полякам уговорить себя и решил дать Меншикову бой. В конце концов, рассудил он, успех сражения мог бы означать конец всему делу Августа, а шведское поражение будет не такой уж и большой потерей для дела короля Швеции.

При этом известий Август пришел в ужас и послал к Мардефельту своего курьера с сообщением, что в Саксонии недавно заключено перемирие, о котором он должен был узнать из пакета, переданного ему Пфингстеном, и что он сам вынужденно находится в стане русских и ничего не может с этим поделать. Возможно, Август первый раз в жизни говорил правду, а потому ее восприняли как ложь. Мардефельт, страдающий астмой толстяк, ярко выраженный холерик, довольно вежливо ответил королю, что следовать советам противника — не в его правилах, никаких уведомлений ни от таких пфингстенов он не принимал и, пока не получит официального подтверждения о мире от своего короля, он будет действовать по своему усмотрению. Состояние Августа Сильного после этого было близко к истерике.

29 октября 1706 года Меншиков в обозе с лишившимся польской короны королем Августом подошел к Калишу. При первом же обмене выстрелами с русскими поляки, а за ними литовцы сорвались с позиций и ускакали прочь, обнажив фланги и оставив шведские части и полки их наемников одних лицом к лицу с грозным и жаждущим успеха корпусом русских. Центр оказывал ожесточенное сопротивление, пишут шведские историки, но русские обошли шведов с флангов, и Мардефельт, не видя дальнейшего смысла сопротивляться, после четырехчасового боя, окруженный со всех сторон, решил капитулировать. Победа противника была громкой, полной и убедительной.

Чувства Августа трудно было описать. С одной стороны, первая победа с его участием привела его в состояние эйфории (и не мелькала ли уже в его голове мысль о том, чтобы порвать Альтранштедтский договор и победителем верхом на белом коне въехать в Дрезден?), но, с другой стороны, возникла и другая мысль о том, что победа обернется для него страшной катастрофой. Что подумает Карл об этом спектакле? Он (Август) только что отправил Пфингстена с парафированным мирным договором, а на следующий день принимает участие в сражении с войском партнера и наносит ему тягчайшее поражение. Какой парадокс!

И Август находит выход. Он уговаривает отпустить пленных шведов на свободу под честное слово — ведь они такие

великолепные и великодушные воины! Александр Данилович противится: с какой это вдруг стати отпускать пленных, которых он взял лично «на шпагу»? Ему слишком хорошо было известно, как обращались шведы с русскими пленными в Польше. Нет, он пойти на это никак не может. И тогда Август, еще накануне вечером униженно просивший у Меншикова взаймы денег, громко кричит ему, что если тот не отдаст ему пленных шведов, то он разорвет договор о союзных обязательствах с Петром. Это серьезно озадачивает Меншикова. Он, как и всякий русский, боится начальства, тем более что, будучи выходцем из самых низов, врожденным чувством собственного достоинства не страдал. Каким бы ни был этот союзничек, но он — король, и портить из-за пленных шведов дело царя Петра было страшно. Рассудив так, Меншиков уступает коварному лицемеру Августу и отдает в его распоряжение Мардефельта и всех его 1800 солдат и офицеров (700 человек полегло на поле боя, остальные с наступлением темноты рассеялись). Черт с тобой, только заткнись! А с Петром Алексеевичем он как-нибудь объяснится.

Счастливый и довольный Август пишет объяснительное письмо Карлу в Саксонию. Он полагает, что выход найден, что он, даруя пленным свободу, оправдал себя в глазах Карла полностью. Но не тут-то было: Карлу вручают от Мардефельта полный отчет о событиях, и ему становится ясно, что все было специально подстроено и что его уведомление о мире к Мардефельту не дошло до адресата из-за интриг Августа. Это так характерно для этого канальи! Он немедленно посылает секретаря своей канцелярии Седерхъельма к Имхофу и Пфингетену и объявляет им, что если выяснится, что в истории под Калишом роль сыграл злой умысел их курфюрста, то он сейчас же порвет договор на клочки, потребует от Августа сатисфакции и все станет по-прежнему, как до Альтранштедта.

Но, слава богу, в это время король получает объяснительное письмо Августа, и все наконец-то становится на место. Карл XII нашел более удобным для себя поверить «каналье», но своего презрительного мнения о кузене никогда не менял[105].

Многие историки считают, что Август Сильный явно поторопился, согласившись на слишком тяжкие условия Альтранштедтского мира. В частности, он мог бы выторговать у Карла условие об отмене оккупации Саксонии шведской армией, если бы несколько потянул с переговорами. Австрия и морские державы оказали бы на Швецию давление, разыграв, к примеру, против шведов датскую карту. Эти расчеты представляются нам весьма сомнительными, они не учитывают морально-психологического состояния саксонского курфюрста, уставшего

от необходимости все время спасаться от шведов бегством, потерявшего польскую корону и оставшегося практически без армии. Они также игнорируют настроение шведского властителя, который ни на йоту не отошел бы от своих требований к миру с Саксонией.

С заключением Альтранштедтского договора связаны некоторые закулисные тайны. Саксонские переговорщики Пфингстен и Имхоф, как известно, получили от Августа карт-бланш на заключение мира при любых условиях. Для этого король выдал им чистый бланк договора с собственной подписью. О результатах переговоров с Карлом XII и о фактическом парафировании ими мирного договора на шведских условиях Пфингстен доложил Августу, находившемуся тогда вместе с Меншиковым в Петрикау. Здесь между Пфингстеном и Августом, разочарованным условиями мира, якобы состоялась следующая странная договоренность: он, Пфингстен, чувствуя свою вину за превышение (?) данных ему полномочий, не сказал Августу о заключении мира. Он с Имхофом по своему произволу использовал полученный чистый бланк с подписью своего монарха для ратификации договора и отказа Августа от польского трона. Бланк был выдан лишь на тот случай, если переговорщики смогли бы добиться от Карла более выгодных условий мира.

Получалось в результате, что Пфингстен и Имхоф были виноваты перед Августом не только в превышении полномочий, но и в утаивании от него правды о мире. Тем самым они дали в руки коварного Августа средство в подходящий момент объявить условия мира недействительными (что он потом, после поражения шведов под Полтавой, с успехом сделает, обвинив своих советников в предательстве)[106].

После Альтранштедтского мира Россия была поставлена в исключительно сложное положение — она осталась без союзников один на один с грозным шведским соперником. Саксонского курфюрста уже никто в Европе всерьез не воспринимая. Датский король Фредрик IV, формально не отрекаясь от союза с Петром I, наглухо закрылся от всякого сотрудничества с царем, даже если оно никак не угрожало безопасности Дании. Нет, в Копенгагене не дошли до того, чтобы желать России поражения в войне со шведами, но там с облегчением думали о том, что Карл скоро уведет свою армию на восток подальше от датских границ. Прусский Фридрих Вильгельм I продолжал искусно лавировать между блоками и странами и пытаться ловить рыбку в мутной воде. Морские державы в целом сочувственно относились к России, но от

оказания конкретной помощи Петру уходили. Английский посол в Москве Ч. Витворт говорил в 1705 году, что «...интересы Англии требуют удаления русских от Балтийского моря». Пожалуй, после Нарвы для царя Петра это был самый критический период в ходе всей Северной войны.

... А армия короля Карла отдыхала и пополняла свои ряды в Саксонии и соседних немецких княжествах. Вербовочные барабаны шведов звучали на центральных площадях всех немецких городов» и молодые немцы в массовом порядке записывались на службу к королю Швеции. Европа снова загудела словно разбуженный улей, все спрашивали: зачем Карлу опять понадобилась большая армия — уж не хочет ли он взять чью-либо сторону в войне за испанский трон?

Вена забеспокоилась: придумать формальный предлог для войны с императором Карлу ничего не стоило, потому что в последнее время их отношения с Австрией резко обострились. Ваять, к примеру, хотя бы преследование протестантов в Силезии; или беспрецедентное благоволение Вены саксонскому курфюрсту, распространявшему слухи о «временном характере» Альтраншгедтского мира; или постоянное нарушение Веной условий Вестфальского мира 1648 года, не говоря уж об обвде, так грубо и демонстративно нанесенной особе шведского короля. На одном из дипломатических приемов, в присутствии шведского посла Страленхейма венгерский граф и камергер императора Зобор дал уничижительную характеристику Карлу, после чего посол влепил камергеру пощечину и, демонстративно покинул Вену. На пути в Саксонию посол Страленхейм увидел остатки русского корпуса[107], направлявшегося из Саксонии в Вену, и страшно рассердился: по Альтранштедтскому договору все русские войска должны были быть переданы в распоряжение шведов. Опять грубое нарушение! А убийство шведского капрала в Бреслау во время вербовочной работы? Рассерженный Карл в отместку австрийцам расположил на отдых в Силезии вернувшихся из русского плена солдат Мардефельта — разумеется, за счет жителей провинции. Короче, предлогов для перенесения военных действий на территорию Священной Римской империи у Карла XII было более чем достаточно, и империя, втянутая в войну на два фронта — против Франции и против восставшей Венгрии, была не в состоянии оказать шведам достойное сопротивление. К тому же Пруссия, заключив со шведами договор о вечном мире, стала открыто проявлять свое враждебное отношение к Австрии.

Сенильный французский король живо следил за перипетиями шведско-австрийских отношений и направил в Альтранштедг

своего посла Безенваля с предложением совместного выступления против кесаря. Любой на месте Карла XII воспринял бы свое положение в Альтранштедте как предлог для усиления своего влияния в Европе, а его воинственный дед Кард X придумал бы десятки комбинаций и ходов, чтобы наступить кому-нибудь на хвост или щелкнуть по носу. И если бы Карл XII на самом деле был авантюристом по натуре» он так бы и поступил. Но Карл пока молчал, что еще больше возбуждало взвинченные нервы в Париже и Вене, а Лондон, встревоженный перспективой вовлечения Швеции в фарватер политики Версаля, послал в Саксонию герцога Марлборо (Марльборо, Мальбрук), сэра Джона Черчилля, который привез для Карла письмо, собственноручно написанное королевой Анной, и чуть не рассыпался на часта от грубых комплиментов в его адрес. Король успокоил герцога относительно своих дальнейших намерений и объяснил «веские» причины, побудившие его ввести войска в Саксонию. Герцог имел поручение от Петра I прозондировать возможность заключения мира с Карлом» но не сделал даже и попытки, потому что понял, что король Швеции следящий поход собирается предпринять в Россию. Об этом красноречию свидетельствовала лежащая на столе у Карла карта России. Англичанин, насколько мог, способствовал улаживанию австро-шведских противоречий и с чувством исполненного долга и еще большим чувством собственного достоинства[108] удалился на свой остров. Из многочасовой беседы с ним Карл XII понял, что Англия в предстоящей войне с русскими ему мешать не будет. Английский дипломат Джон Робинсон так и докладывая в Лондон: «Если война с Польшей и Московитским государством закончится, то ни император, ни короли Дании и Пруссии и вообще никакой правитель в Германии не сможет сравняться с ним (Карлом XII. — Б. Г.). Все будут вынуждены склониться перед его волей, в том числе и Англия с Голландией».

Карл XII, конечно, не оставил без внимания вызывающее поведение австрийцев. В ответном послании к королеве Анне он писал, что они дают ему достаточный повод для того, «...чтобы вызвать негодование и оправдать мой шаг, если я, при отсутствии быстрого и достаточного удовлетворения, буду вынужден искать таковое в наследных землях императора». Вена поспешила выслать в Альтранштедт своего посла графа Братислава, и Карл, не привыкший к дипломатическим тонкостям, высказал ему все свои претензии к Австрии прямым и открытым текстом. Именно в данном случае он, повернувшись спиной к австрийцу, произнес вполголоса свою знаменитую фразу: «Не забывайте, что я Александр, а не какой-нибудь там торгаш!» По мнению нашего

историка Е. Тарле, Карл после Альтранштедта окончательно утратил чувство реальности и утонул в облаках мании своего величия.

Австрийцы поспешно, в обстановке глубокой секретности, переправили уцелевших солдат и офицеров русского корпуса в Польшу, откуда они благополучно добрались к своим. Узнав об этом, шведы возмутились еще больше. На переговорах с Пипером Вратислав, чтобы хоть как-то удовлетворить претензий Карла, предложил ему право на расквартирование и свободный пропуск шведской армии через Силезию. Пипер холодно возразил, что у армии короля провианта хватает и без этого. Тогда Вена предложила денежную компенсацию за ускользнувших из Саксонии русских солдат и офицеров, но Пипер заявил, что ущерб, нанесенный обманными действиями австрийцев, никакими деньгами возместить нельзя. Не удовлетворило Карла и обещание Братислава принести ему официальное извинение императора. Тогда Вена пошла на уступку Голштинии Любекского епископства, для чего в это время в Альтранштедт прибыл голштинский министр барон Гёргц. Но графу Пиперу и этого было мало, он потребовал от Вены неуклонного выполнения условий Вестфальского мира и гарантий для свободы вероисповедания лютеран на территории Австрийской империи.

Это было грубое вмешательство во внутренние дела другого государства, но у императора Иосифа не было выхода, и Вена — всемогущая Вена! — пошла на удовлетворение всех требований шведского короля и тем самым испила всю чашу унижений до дна. Камергера Зобора пришлось выдать шведам, и Карл приказал посадить его в тюрьму города Штеттина. Австрия заплатила компенсацию в сумме четырех тысяч риксдалеров за убийство шведского капрала и пошла на подписание с Карлом специального договора, гарантирующего силезским протестантам свободу вероисповедания, а шведам — свободу вербовки силезцев в шведскую армию.

Согласно требованиям шведов, католической церкви пришлось возвратить протестантам 134 храма, которые они ранее отобрали в свою собственность. Силезско-протестантскую карту шведская дипломатия разыграла в полной мере и при каждом удобном случае предъявляла свой выигрыш австрийским оппонентам.

Когда папа римский сделал императору Иосифу упрек в том, что он идет на поводу у какого-то еретика, тот ответил: «Святой отец, вы должны быть рады, что король Швеции не потребовал от меня принять лютеранство, ибо если бы он это сделал, я бы не знал, что мне делать». Шведский король нагнал на Иосифа такого

страху, что даже его преемник Карл VI спустя семь лет, когда шведский король, лишенный былой славы и силы, через австрийскую территорию возвращался из бендерского сидения, выказывал по отношению к нему подчеркнутое уважение.

Незадолго до урегулирования австро-шведских разногласий Швеция заключила оборонительный союз с Пруссией. Фридрих I готов был вступить в более тесные отношения с Карлом XII и несколько раз предлагал ему тройственный антирусский лютеранский союз Швеция — Пруссия — Ганновер, но на условиях присоединения к Пруссии некоторых польских территорий. Но шведский король на такую сделку не пошел, поскольку считал себя связанным обязательствами перед королем Лещинским, что, несомненно, делает ему честь. Недаром Пипер говорил, что Карл помогает чужой Польше, жертвуя интересами Швеции. Но союз с Берлином перед вторжением в Россию обеспечивал Карлу тыл и конечно же был шведам на руку. (На следующий же день после поражения шведов под Полтавой прусский наблюдатель при армии Карла настрочит в Берлин рекомендацию немедленно разорвать союз со Стокгольмом.)

... На поприще снабжения шведской армии в Саксонии усердно трудился верховный военный комиссар Стенбок — его король пока задержал на некоторое время при себе. Контрибуция была определена в размере 625 тысяч талеров в месяц, но когда выяснилось, что эта сумма нереальна, ее понизили до полумиллиона талеров в месяц. Этого шведам с лихвой хватало на все, в том числе и на подарки своим детям и женам в Швеции. Немецкий историк Х. Шиллинг подсчитал, что за год пребывания шведов в Саксонии в шведскую казну поступило около 20 миллионов талеров. Кстати, когда выяснилось, что налоговые архивы ввиду угрозы вторжения шведов были вывезены из страны, Карл приказал найти старые, времен Тридцатилетней войны, и использовать их при получении «сатисфакций». Саксонцы пытались ему возражать, указав на несправедливость такого решения, на что Карл хладнокровно ответил, что справедливость рождается на полях сражений: где же были господа саксонцы, когда нужно было защищать свою страну?

Пока армия укомплектовывалась и отдыхала, король приятно проводил время, много ездил с Маленьким Принцем верхом, отдавал необходимую дань дипломатическим приемам и встречам, уделял внимание докладам графа Пипера, писал письма сестрам, длинные и не очень, знакомился со страной, приобретая популярность у местного населения. Постепенно настороженность саксонцев, по мнению шведских историков, сменилась любопытством и чувством восхищения королем

Швеции. На фоне их беспутного монарха Карл XII, несомненно, выглядел более выигрышно. Хотя чисто внешнее сравнение, конечно, было не в пользу Карла. Радом с импозантным красавцем и великаном Августом он напоминал бедного крестьянина, только что завербованного в армию.

... В декабре 1706 года Август вернулся домой в Альтранштедт и зачастил в канцелярию к Пиперу. В первый раз он появился в деревне Гюнтерсдорф 17 декабря, в нескольких километрах от Альтранштедта, и Карл, узнав об этом, поспешил ему навстречу. Там он и свиделся со своим воинственным кузеном, которого последний раз в 1704 году наблюдал с противоположного берега Вислы. Встреча прошла в сердечной обстановке: они обнялись, чмокнули друг друга в щечки («...оба короля обнялись и выказали друг другу знаки дружбы», согласно Адлерфелъдту) и около часа мирно беседовали, причем все отметили, что в присутствии Карла Август был не таким разговорчивым и велеречивым, как обычно. После беседы оба королевских величества отправились в Альтранштедт, где шведская сторона устроила торжественный обед. О своих впечатлениях от встречи с кузеном Карл XII написал старшей сестре Хедвиг Софии в Стокгольм письмо, в котором лаконично сообщил: «Король Август живет здесь в Лейпциге, расположенном в нескольких километрах от Альтранштедта. Я несколько раз встретился с ним. Он веселый и интересный человек, не очень высок, но плотен и несколько полноват. Носит свои волосы, они у него совсем темные».

При всем соблюдении вежливости и галантности Карл XII без отклонений проводил свою принципиальную линию, не делая Августу никаких послаблений или поблажек. Так, во время одного торжественного обеда он столкнул его со своим «дупликатом», заставив подойти к нему и пожать руку. Этого не мог уже вынести С. Лещинский: сделав приветственный жест издали, он ушел из залы и освободил Августа от необходимости унижаться перед собой. Но Карл XII не оставил своих попыток «лягнуть» кузена и уже на первой встрече предложил ему поздравить Лещинского о вступлении в должность. Август поначалу думал, что Каря шутит, и долго тянул с выполнением сталь унизительной формальности, но шведский кузен при следующей встрече снова напомнил ему о его обещании, и саксонец уступил: 18 апреля 1707 года он послал С. Лещинскому формальное поздравление с принятием польской короны, которую отобрали у поздравителя. В течение всего времени Карл не переставал шпынять Августа и ставить его в неловкое положение. Так, приглашая Августа к себе на обеды, Карл часто

их пропускал и посылал вместо себя графа Пипера. Саксонцы, открыто издеваясь над своим курфюрстом, вместе со всеми немцами пели на известный мотив песенку:

Polen — weg, Sachsen — weg,
August — er liegt im Dreck.
Oh, du lieber Augustin, alles is hin![109]

Впрочем, Август был непотопляемым монархом и никогда не терял оптимизма. Потерял польскую корону — не беда! Недавно освободилось место неаполитанского короля — может быть, попытаться воспользоваться вакансией? И он активно ринулся в новую авантюру.

На саксонском горизонте появилась и «маленькая Аврора» фон Кёнигемарк, о которой основательно и подробно сообщает в Швецию М. Стенбок: «Она немного располнела, но выглядит еще совсем неплохо. Она пользуется статусом принцессы и соответствующим к себе отношением. Аксель Спарре и некоторые другие от нее без ума...» А. фон Кёнигемарк по-прежнему не потеряла интереса к Карлу, но он продолжал оставаться к ней холодным. Она как-то ненароком появилась в замке, и Карлу пришлось спасаться от нее бегством через черный ход — почти как тогда, в Курляндии.

Впрочем, Авроре все-таки повезло — ей удалось-таки перемолвиться с королем парой фраз на одном торжестве. Граф Пипер выдавал замуж уже четвертую свою свояченицу фрёкен Анну Марию Тернфлюхт — теперь за боевого генерала Ю. А. Мейерфельта. С невестой приехала ее сестра, графиня Пипер, и вместе они произвели в Лейпциге настоящий фурор. Народ, сбегался «о всех сторон посмотреть на высокопоставленных особ. На свадьбу, разумеется, была приглашена Аврора фон Кёнигсмарк, а король Швеции Карл XII согласился самолично украсить свадебное торжество своим присутствием.

Прежде чем пригласить фон Кёнигсмарк на свадьбу, Пипер захотел заручиться мнением короля. Карл XII раздраженно сказал, что у него возражений против присутствия этой дамы на свадьбе нет. Тогда Пипер стал его спрашивать, по какому разряду ее принимать и какие почести ей оказывать в обществе: его супруга, видите, ли, питает к ней большое уважение, к тому же она происходит из знатного рода Кёнигсмарков и де ла Гарди. Карл ответил, что происхождение для него не имеет значения и никаких почестей графиня не заслуживает, потому что она — проститутка. Пипер смущенно сказал тогда, что если ей будет отказано в надлежащем приеме, то она проигнорирует

приглашение, на что король ответил, что это ее личное дело.

Несмотря на то что Карл в общем-то презирал графиню, но вступить в разговор с ней ему все-таки пришлось, ибо авантюристка не могла не прийти на такой пышный вечер. Разговор между ними затрагивал самые банальные темы и в памяти современников не остался. Карл необычно много танцевал, в том числе с невестой, причем крутил он своих партнерш так энергично, что у них от этого приходили в беспорядок прически. Присутствовавший на балу свидетель шведский художник А. Альстрин, писал, что Карл стоял на балу, как ряженый деревенский парень, а «...потом он пошел большими шагами, подхватил даму и закружил ее изо всей силы в танце, не соблюдая ритма и подбрасывая ее, кто бы она ни была, так, что та летела, как перышко...». По старому шведскому обычаю он протанцевал тур и с женихом. (Ф. Г. Бенггссон на страницах своей книги от души расстраивается тем обстоятельством, что в 1707 году не были изобретены ни фотография, ни кино. Какие бы шикарные снимки достались нам в наследство от того незабываемого свадебного вечера!)

Свадебные радости уже на следующий день сменились для короля похоронными печалями: в возрасте 39 лет неожиданно скончался его старый спутник и боевой товарищ, капитан драбантов К. Г. Врангель[110]. Его похороны 14 июня в Альтранштедте в присутствии короля, генералитета и целого рола знатных особ проходили с большой помпой, с отпеванием в церкви и проникновенной проповедью с ее амвона, с военным оркестром, траурными знаменами, парадом драбантов, так что жадным до зрелищ саксонцам было на что посмотреть.

В городах Саксонии появились многочисленные «плакаты» с портретами Карла, в Париже вышел Большой исторический справочник, в котором самая большая статья объемом в 30 колонок была посвящена шведскому королю (своему королю Людовику XIV издатель М. Морери посвятил всего лишь 22 колонки). Художник Авдреус Альстрин приступил к написанию его портрета в масле, но все время жаловался на то, что ему никак не удается лицо короля — такое непроницаемое, всегда закрытое и невозмутимое. Драбанты, к которым он обратился с расспросами, подтвердили его наблюдения и сказали, что им тоже никогда не удается по выражению лица короля определить, что он думает и чем озабочен в тот или иной момент. Возможно, что в данное время король был озабочен своей болезнью, которую он подхватил где-то псе Гродно или в Пинских болотах. После этого он часто зяб, не выходил из палатки, стал носить варежки и даже один раз появился в парике. Впрочем, болел он не долго, и

болезнь прошла сама собой.

Британский дипломат Т. Уэнтворт оставил интересную характеристику Карла XII в период пребывания его в Альтранштедте: «Что касается его личности, то представление, которое у меня составилось о нем ранее, не оказалось преувеличенным. Он высок ростом и статен, но крайне неопрятен и неряшлив. Его манеры более грубы, чем можно было ожидать от столь молодого человека... Волосы у него светло-русые, очень сальные и очень короткие, и он никогда не расчесывает их иначе, чем пальцами. За стол садится без всяких церемоний на первый попавшийся стул и начинает, засунув предварительно салфетку под подбородок, с большого куска хлеба с маслом. Затем он, с набитым пищей ртом, пьет “свагдрикку”[111] из большого старомодного серебряного кубка... За каждой трапезой он выпивает по две полные бутылки... Каждый раз перед очередным кусочком мяса он откусывает от хлеба с маслом, которое размазывает по ломтю большими пальцами... Он ест, как конь, и не произносит ни единого слова за все время еды... У его постели лежит красивая позолоченная Библия... Он очень видный мужчина, прекрасного роста, с тонкими чертами, в его лице лет ничего жесткого... Он весьма любознателен и упрям...»

Впрочем, Карл XII намеренно подчеркивал свою солдатскую грубость и эпатировал ею окружающих. Создав себе соответствующий образ, он тщательно следил за тем, чтобы не выходить из него. К. Г. Адлерфелльдт сообщает такой эпизод, имевший место весной 1707 года: как-то, простудившись, Карл по совету врачей оделся потеплее и надел парик, но когда услышал, что «...наш король выглядит галантным кавалером», тут же забросил парик и стал ходить с непокрытой головой.

Никого не посвящая пота в свои планы, Карл XII готовился к новому походу, уже давно созревавшему в его беспокойной и бесшабашной голове. Вообще-то Каря собирался выступить в поход еще в мае, но задержали австрийские дела. 1 сентября, подписав договор с Австрией, гарантирующий австрийским лютеранам свободу вероисповедания, Карл поставил точку на своих европейских делах и протрубил сбор всем подразделениям своей армии. Теперь его помыслы были направлены исключительно на восток. Был ли он доволен достигнутым? Вряд ли, но, во всяком случае, он мог теперь прямо смотреть в глаза тому силезскому старцу, который год тому назад умолял его защитить от произвола католической церкви. Э. Карлссон считает, что действия Карла, втянувшегося в мелочный спор с Австрией, но упустившего благоприятную возможность для заключения антирусского альянса с Пруссией, вряд ли могут быть

оправданы. Из-за спора по мелочам с кесарем было упущено драгоценное летнее время, и русский поход начался не при самых благоприятных условиях.

Перед уходом из Саксонии Карл простился с Августом, причем при таких обстоятельствах, которые стали причиной всякого рода сплетен и толков. 6 сентября, когда шведские колонны подошли к Мейсену, король в сопровождении лейтенанта драбантов К. Г. Хорда, голштинского герцога Кристиана, генерал-майора Кройца и еще четырех офицеров и членов свиты отправился на верховую прогулку вдоль Эльбы. Вскоре на их пут показались окраины Дрездена, в котором и находился в тот момент саксонский курфюрст. Король предложил заехать в саксонскую столицу, раз уж она оказалась на их пути.

У ворот города их окликнул стражник, и Хорд с вице-капралом драбантов У. Буманом сообщили стражникам свои имена и положение, в то время как остальные, включая Карла, назвали себя драбантами. Их впустили внутрь и отвели в помещение для почетного караула, чтобы выполнить полагающиеся к случаю формальности. Король старался в это время скрыться за спины своих подчиненных, но это ему не помогло. На той же площади, где располагался караул, жил фельдмаршал Я. Х. Флемминг, участник битвы при Клишове. Он услышал голоса и пришел выяснить, по какому случаю в помещении почетного караула появились шведы.

Саксонец обомлел от изумления, обнаружив среди шведов знакомое лицо короля Швеции, Он сделал ему глубокий поклон и вызвался сопроводить Карла ко дворцу курфюрста. Трудно сказать, какие мысли и комбинации возникли в это время в голове саксонского фельдмаршала, но если учесть, что человек он был неглупый и опытный, то не исключено, что соблазнительная мысль изменить одним махом ход Северной войны и участь Саксонии вместе с его несчастным курфюрстом была ему отнюдь не чужда. Флемминг в сопровождении нескольких людей из свиты Августа подошел к какой-то двери и постучал. Дверь открылась, и на пороге в халате появился... сам Август. Надорвав свое здоровье в непрерывных скачках по своим владениям, он заболел и в этот момент поправлял свое здоровье с помощью лекарств и любезных услуг графини Козел.

Короли, как водится, обнялись, обменялись несколькими фразами, а потом прошли в покои матери курфюрста, где Карл XII почтительно приложился к ручке своей родной тетушки. Потом Август переоделся и в качестве гида вызвался сопровождать шведскую «делегацию» по городу. По окончании экскурсии крепостные пушки отдали гостю салют. А когда Август вызвался

на следующий день нанести кузену ответный визит, Карл категорически отказался, сославшись на необходимость раннего выхода для продолжения марша.

Тогда вместо ответного визита Август устроил у себя нечто вроде консультации по поводу того, что можно было бы предпринять во время визита короля Карла в город. Бывший посол Швеции в Вене Страленхейм прокомментировал это следующими словами: «Вот так: теперь они обсуждают то, что нужно было сделать еще вчера». А в шведском лагере граф Пипер и генералы набросились на короля с упреками за то, что тот подверг себя ненужной опасности. «Никакой опасности не было — ответил им король, — ведь армия была уже на марше».

Карл XII вошел в Саксонию с 19 084 солдатами и офицерами, а уходил на восток с армией, насчитывавшей 32 136 человек. Кроме того, к этой армии в Познани должны были присоединиться восемь тысяч новых рекрутов, набранных непосредственно в Швеции. Войска были хорошо укомплектованы, а некоторые полки даже переукомплектованы и имели в своем составе больше рот, чем им полагалось по штатному расписанию. Половина армии была иностранной, в основном немецкой, и наибольший приток наемников пришелся на родственную по религии Силезию. Карл за это время резко увеличил количество драгунских полков, которые выполняли функции конной пехоты — теперь в их составе насчитывалось 16 тысяч человек, то есть чуть ли не половина армии. Чисто шведских конных полков было всего два: лейб-драгуны Реншёльда и драгуны Бухвальда, названные в память о погибшем командире. Из пленных французов и швейцарцев, взятых в плен под Фрауютадгом, сформировали полк конных гренадеров. Собственно в кавалерии насчитывалось восемь полков, корпус драбантов из 150 человек и валахи. Пехота состояла из 11 полков, и три пехотных полка ждали армию в Польше. Всего Карл XII рассчитывал получить армию с численным составом в 43 650 человек. Такой армии не собирал ни один король Швеции. Обмундирование на всех было новое, с иголочки. Лошади упитанные, крепкие и выносливые. Люди сытые, довольные и в военном деле опытные. В боеприпасах и провианте недостатка не было. Это была первоклассная армия, не имевшая аналогов ни в одной стране Европы.

Швеция в этот период находилась на пике своего могущества. Никогда, даже при короле Густаве II Адольфе, она не обладала таким политическим влиянием и такой военной мощью. Карл XII мог быть довольным: Август Сильный повержен и лишен трона; Саксония надолго выведена из состояния войны; тройственный

союз против Швеции разрушен; с Польшей заключен дружественный договор, и на ее троне сидел свой человек.

Все это было так, но все эти видимые и громкие успехи таили в себе большую потенциальную опасность: Август затаился, всячески саботируя выполнение условий мира, по меткому выражению петровского дипломата А. Матвеева, ища прорехи, «отлезть раковым ползанием», чтобы при первом же удобном случае расторгнуть договор; Польша к миру и дружбе со Швецией была приведена лишь на бумаге, а ставленник Карла Лещинский держался исключительно на шведских деньгах и штыках, никакой поддержкой в стране он не пользовался и являлся большой политической обузой для короля Швеции. Россия временно оказалась без союзников, но за эти шесть с лишним лет она стала другой страной, Она давно оправилась от нарвского поражения и значительно укрепила свою армию и политическое влияние в Европе. Скоро война за испанское наследство закончится, и тогда в северные дела станут активно вмешиваться Вена, Париж, Лондон и Гаага, и вмешательство это негативно скажется на положении Швеции. Уже при подписании Альтранштедтского мира морские державы отказались выступить в роли его гаранта, если Швеция не выведет свои войска из Саксонии и не станет на их сторону в войне за испанское наследство.

Пребывание короля Швеции в Польше — это пример того, чего стоят громкие победы без надлежащего дипломатического и политического оформления.

Но все это станет реальностью после Полтавы.

А пока... Пока — гром победы, раздавайся!

Когда шведы в начале сентября 1707 года уходили из Саксонии, они представляли собой грандиозное и внушительное зрелище. Без шведов Саксония вдруг почувствовала себя одинокой, пишет Ф. Г. Бенгтссон. Женщины и девушки бросались на шею своим шведским дружкам и откровенно рыдали. Естественно, при этом высоко в воздух взлетали чепчики.

Прощай, Европа!

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
С НАМИ БОГ?

Вот пришли мы в землю русскую
И нашли там врагов многочисленных,
Они стали стрелять в нас из оружия
И в полон всех брать без различия.

Из песни каролинских солдат

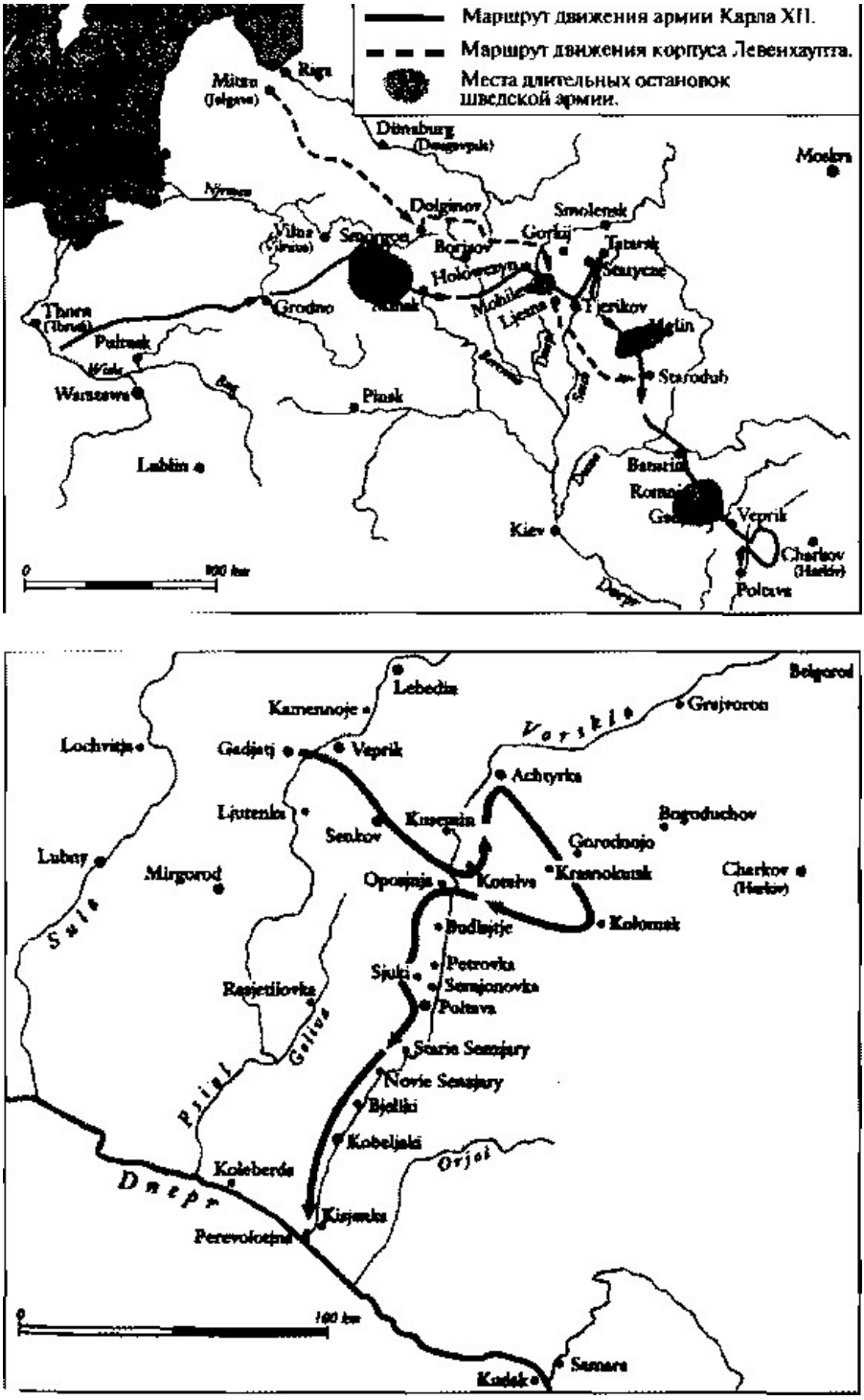
Глава одиннадцатая
ОТ АЛЬТРАНШТЕДТА ДО СМОРГОНИ

Король Еста скачет на высоком коне
От одного сраженья к другому:
Далекарлийцам спасибо за службу мне
И верность до гроба святого.

А. Стриндберг. Густав Васа

Итак, в 4 часа утра 1 сентября 1707 года, после одиннадцати месяцев пребывания в Саксонии, Карл XII во главе своей армии выступил из Альтранштедта, чтобы доказать наконец всем — в первую очередь самому себе, что в отношении царя Петра и России у него были самые серьезные намерения. Двое союзников царя были разгромлены, унижены и обескровлены, так что не представляли угрозу Швеции, и теперь пришла очередь третьего, самого сильного и опасного. Карл находился на вершине своей славы, и ему исполнилось всего двадцать пять лет и два месяца. Но семь лет непрерывной войны сделали из него ветерана, и его с полным основанием можно было величать одним из опытнейших полководцев Европы. Он мог считать себя любимчиком самого Бога, который держал над ним свою покровительственную длань и охранял от всяких случайностей и превратностей бурной военной жизни. Его до сих пор щадили огонь и вода, пуля и штык, болезни и невзгоды. Он падал, но всегда вставал на нога, отряхивался, говорил, что ничего страшного с ним не произошло, и опять принимался за прежнее.

Уже известный нам саксонский генерал Йоханн Матиас Шуленбург накануне выхода шведов из курфюршества говорил; «Все части шведского войска, как пехотные, так и конные, были прекрасны. Каждый солдат хорошо одет и прекрасно вооружен. Пехота поражала порядком, дисциплиной и набожностью. Хотя состояла она из разных наций, но дезертиры были в ней неизвестны».



Поход Карла XII в Россию. 1708—1709.

За армией шел обоз — пронумерованные, крытые парусиной повозки с надписями по бортам: кухонный, пивной, кассовый, аптечный, почтовый, багажный, палаточный, артиллерийский, мельничный (с мельницами, приводимыми в движение от колесных осей), кузнечный, фуражный, конюшенный, оружейный, овсяной и т. п.

Шведский лейтенант Ф. К. Вейе писал в русском плену: «Шведская армия к 1708 году приобрела такую славу, что никто не сомневался, что, победивши датского, польского и шлезвигского противников, эта армия вскоре победит Москву, тем более что король к своей главной армии решил присоединить и ту армию, которая стояла в Лифляндии под командованием генерала Левенхаупта. Все считали поход таким выгодным, что каждый, кто только имел искру честолюбия, хотел принять в нем участие, полагая, что теперь настал удачный момент получить почести и богатства. Я был такого же мнения».

Куда пойдет Карл XII со своим войском, широкому кругу лиц и в шведской армии, и за ее пределами было доподлинно неизвестно. Слухи, предположения, догадки существовали, но твердой уверенности в них не было. Общеизвестна склонность короля избегать обсуждений планов со своим окружением и только в самый канун событий изрекать «истины в последней инстанции». Генерал-адъютант Карла XII Габриэль Отто Канифер, плененный Меншиковым в августе 1708 года, в изложении русского переводчика свидетельствовал: «О королевском намерении ничего он не ведает для того, что король ни с первыми генералами, ни с министрами о том не советует, а делает все собою и генерал-квартирмейстеру повелит, о всех дорогах разведав, учинить и подавать росписи себе, когда намерение воспримет, куда идти… А консилиума он ни с генералами, ни с министрами никогда не имеет, а думает он все один, только в разговорах выспрашивает и выслушивает, кто что говорит».

То же самое подтверждал упомянутый выше Й. М. Шуленбург, имевший возможность как пленный вблизи наблюдать короля Швеции.

О походе на Москву Карл XII начал размышлять сразу после покорения Саксонии[112]. Уже 20 февраля 1707 года тайный секретарь короля Седерхъельм в доверительной беседе с австрийским посланником при штаб-квартире шведской армии Францем-Людвигом фон Цинцендорфом сообщал о предстоящей войне с Россией: «Хотя война с королем Августом и закончена, но предстоит еще война с Москвой, которая… должна быть тотчас же с особенной силой направлена в сердце Московии и таким образом скоро и выгодно приведена к окончанию. В силу этого

король собирает теперь армию такой силы, какую еще ни один из его предков не выводил на поле брани, принимая во внимание, что расстояние не допустит скорой новой мобилизации. Кроме того, король за счет Москвы хочет компенсировать себя за все понесенные в этой войне убытки».

Седерхъельму вторил граф Пипер. Вот что первый министр короля заявил тому же Цинцендорфу, комментируя, вероятно, последние предложения царя Петра о мире: «Царь никогда не предоставит королю таких условий, которых король с большим успехом добился бы силой своего оружия. Кроме того, для безопасности шведской короны недостаточно только того, что царь вернет взятое, даст компенсацию за причиненные убытки или для безопасности освободит то или другое место, ту или другую провинцию. Нет, главнейшее и наиважнейшее для шведской короны — сломить и разрушить московитскую мощь, которая достигла таких масштабов благодаря введению заграничной военной дисциплины. Со временем эта мощь может сделаться еще более опасной не только для короны Швеции, но и для всех граничащих с ней христианских земель, если она не будет уничтожена и задушена в самом зародыше».

Король обещал высечь московитов шомполами, уничтожить Русское государство, расчленив его на мелкие княжества, отторгнуть в пользу Швеции весь Север, а западную часть передать полякам. На московский трон он хотел посадить либо польского принца Якова Собесского, либо царевича Алексея. Карл делал ставку на недовольство бояр реформами Петра, на волнения крестьян и казаков, на известные брожения среди запорожцев. По мнению многих западных историков, планы шведского короля были вполне реальны и имели все шансы на то, чтобы претвориться в жизнь. На карту было поставлено само существование Российского государства, над страной нависла серьезная угроза.

Некоторые немецкие историки времен гитлеровского нацизма пытались подвести под русский поход шведского короля мифическую базу так называемой европейской миссии, призванной выставить на пути «славянской экспансии на Запад» прочный заслон. Доказательств таких миссионерских настроений Карла XII они не приводят, потому что их, кажется, не существовало. Да и подобных настроений в Европе тогда еще не было — во всяком случае, достаточно осознанных и четко сформулированных. Все эти выдумки являются плодом уже более позднего времени, в котором каждый был волен думать в меру своей испорченности.

Король рассчитывал на короткую и быструю кампанию,

своеобразный блицкриг[113], в которой планировал в одном решающем сражении нанести русским войскам поражение и принудить царя к капитуляции. Король таким образом осознавал, что длительную войну с необъятной по территории и огромным людским ресурсам страной Швеции не выдержать. Кроме основной армии, которую король вел сам, в военных действиях против России должны были участвовать корпус Эрнста Детлофа фон Крассова (Крассау) и коронная армия короля Лещинского, армия Левенхаупта в Лифляндии и корпус генерал-майора Георга Любекера в Финляндии. Все они должны были отвлекать силы русской армии и облегчать действия короля на направлении главного удара. Однако на практике весь стратегический замысел Карла, как мы увидим, благодаря активным действиям русской армии или бездарному исполнению его шведскими генералами будет провален.

Исходя из численности и расположения частей шведской армии Петр готовился к их встрече и планировал свою стратегию. В основу ее были положены январские 1707 года решения генерального военного совета в Жолкве[114], сводящиеся к следующим положениям: постоянно изнурять — «томить» — противника мелкими стычками и набегами и избегать генерального сражения на чужой территории до тех пор, пока не создастся для этого благоприятная ситуация на своей; лишать шведов возможности снабжения и расквартирования армии, для чего на занятой им территории не оставлять запасов хлеба, фуража, сена, скот и население угонять в глубокий тыл, а деревни сжигать; всемерно затруднять передвижение противника путем приведения в негодность дорог, разрушения мостов, устройства завалов и засек в лесистых местностях.

Чтобы как-то нейтрализовать неблагоприятную ситуацию в Польше, Петр I начал принимать меры по продвижению на польский трон своего кандидата — сначала Евгения Савойского, потом Якова Собесского и Ференца Ракоши, а в январе 1707 года в Ватикан к папе Клементию XI с поручением блокировать признание шведского ставленника Лещинского был послан князь Б. Куракин. В этом начинании царь вполне преуспел: в католическом мире Лещинского в качестве польского короля никто не признавал. Не упустил Петр и возможность мирного решения шведско-русского спора: он послал к королю Карлу английского дипломата с обещанием вернуть Швеции всю Прибалтику, кроме Ингерманландии с Санкт-Петербургом, но шведский король отказался верить в серьезность мирных намерений царя и предложение не принял — даже после того, как царь предложил за Ингерманландию солидный выкуп. «Я никогда

не торговал своими подданными», — высокомерно ответил Карл.

Весть о том, что шведская армия уже на марше и приближается к Польше, сначала достигла А. Д. Меншикова, и тот поспешил сообщить ее находившемуся в Варшаве Петру I. 17—21 сентября 1707 года шведы перешли через Одер и шестью параллельно идущими колоннами в районе все того же Равича вошли в Польшу. На горизонте стали попадаться русские казачьи разъезды, но стычки с ними были редкими и незначительными. Скоро Меншиков отвел свой корпус за Вислу и занял там оборону, но король не стал атаковать его через реку по фронту, а решил обойти с севера.

В районе города Пыздры, при переходе через реку Варте, король снова попал в опасную ситуацию. При следовани вдоль крутого берега конь его оступился и сбросил седока в глубокую и быструю реку. Король, не умевший плавать, наверняка бы утонул, если бы ему не подоспел на помощь драбант Улоф Буман, который быстро спрыгнул с коня и бросился в воду в тот самый момент, когда бурный поток уносил монарха на середину реки. Буман сумел в последний момент ухватиться за камзол и вытащить короля на берег.

Меншикову пришлось снова отступить. Здесь, в районе к востоку от Познани, армия Карла простояла до ноября, ожидая присоединения рекрутов из Швеции. Король отделил от основных сил армии два полка пехоты и четыре полка драгун (около восьми тысяч человек) и поручил генералу Э. Д. Крассову с этими силами охранять Польшу и короля Станислава. Обязательства перед Лещинским дорого стоили Карлу, а в конечном итоге — Швеции. Отвлечение шести полков на решение непосильной к тому же задачи перед опасным походом в Россию было конечно же ошибочным, да и бесполезным шагом: контролировать страну с такими силами все равно не удалось, а на охрану Лещинского хватило бы и эскадрона.

10 октября 1707 года, близ городка Казимирж, был казнен Й. Р. Паткуль. Вероломно арестованный по ложному обвинению советников Августа, несомненно действовавших с его согласия, царский посол почти год просидел в саксонских крепостях. Царь Петр неоднократно требовал от Августа передачи ему Паткуля, но Август намеренно затягивал выполнение этого требования, ссылаясь на сложную обстановку в Польше и шведскую опасность. Потом был подписан Альтранштедтский мирный договор, и шведы потребовали выдать Паткуля. Курфюрст снова оказался в щекотливом положении, опасаясь в равной мере еще больше испортить отношения как с Петром, так и с Карлом. В конце концов Август пошел на то, чтобы инсценировать побег

заключенного из крепости Зонненштайн, в которой тот был заключен последние месяцы, но побег осуществить не удалось: шведам надоело ждать, когда саксонцы соблаговолят выдать им «преступника и государственного изменника», они выслали в Зонненштайн отряд и увели узника с собой за день до планируемого побега. Вина за его трагическую и мученическую смерть полностью лежит на «каналье» Августе. Есть сильные подозрения, что этот хитрец в последний момент второй раз предал царя и Паткуля, уведомив шведов о возможности его побега[115]. Перед союзником-царем он мог оправдаться тем, что помогал Паткулю бежать на свободу, а Карлу мог предъявить свое полное алиби и сотрудничество в духе Альтранштедтского мира.

... Шведы уходили, а Польша раздиралась противоречиями, спорами, вооруженными столкновениями и междоусобицами. Место ушедших шведов постепенно занимали русские, но и они, опасаясь вышедшей из Саксонии шведской армии, пока тоже не могли полностью контролировать страну. В Речи Посполитой продолжались разброд и шатание, униженный Август, сохранивший лишь титул короля, но потерявший корону, сидел в Дрездене, а Лещинский с короной на голове почти никакой поддержкой поляков не пользовался. Но и в антишведской партии возникли противоречия, на сторону шведов перешли Вишневецкий, правая рута гетмана Г. Ошнского, и некоторые другие магнаты. Карл обласкал Вишневецкого и тут же посадил в тюрьму — Вишневецкий встретил в шведском лагере какого-то родственника И. Любомирского и вступил с ним сначала в словесную, а потом и настоящую дуэль по-польски — на саблях. Дебоширов король не любил.

Под Познанью Карл XII принял турецкого посла Еркелюлю Мехмета-эфенди, прибывшего по поручению Юсуфа-паши, наместника султана в каком-то забытом богом городке Бендеры. Король долго сомневался, принимать или не принимать этого турка, но когда тот сообщил, что Юсуф-паша согласовывал вопрос о его поездке в Польшу с самим султаном, посла приняли. Мехмет привез с собой уверения в самом высоком и полном уважении Карла и в неподдельном восхищении его личностью как со стороны султана, так и всей Блистательной Порты. Турок также выразил королю благодарность за освобождение турецких пленных в Лемберге и обещал содействие в освобождении из турецкого рабства шведов, захваченных в прибалтийских провинциях и проданных туркам русскими.

Карл XII, дождавшись пополнения из Швеции и наступления морозов, дал приказ армии форсировать Вислу по молодому ноябрьскому льду. Переход реки произошел без всяких

осложнений, если не считать провала в полынью четырех его генералов — Лагеркруны, Рууса, Кройца и Мейерфельта, но эта неожиданность была вполне объяснима, генералы всегда были тяжелее других военных, и лед под ними не выдержал. А. Меншиков уже заблаговременно отвел свой корпус на восток и занял позиции за рекой Нарев. Но Карл XII пока не собирался вступать в «правильный» фронтальный бой с русскими. Согласно Ф. Г. Бенгтссону и А. Стилле, Карл теперь стал весьма осмотрительным в выборе вариантов наступления и якобы перестал использовать фронтальную атаку на противника там, где тактические преимущества можно было достигнуть маневром. Это, по их мнению, свидетельствовало о возросшей взвешенности и солидности короля как военачальника. Возможно, король и на самом деле возмужал и стал более осторожным и сдержанным в проявлениях своих эмоций. Но подавить их до конца, как мы увидим чуть позже, ему не удастся. Мы скоро станем свидетелями совершенно противоположного поведения короля, когда он, уже находясь на Украине, отдаст приказ о штурме маленькой крепости под названием Веприк и бессмысленно положит под ее стенами массу солдат и офицеров. А эпизод с замятней в Бендерах? А «весьма успешная атака» норвежской крепости Фредрикехалль в 1716 гсщу? Нет, «упоения в бою» Карл XII будет искать до конца своих дней.

Тем не менее «...простыми, целесообразными движениями, — справедливо писал А. Стилле, — Карл разрушил русские планы задержать шведское наступление на польских речных линиях... Он одними маневрами вытеснил русских из Польши».

Шведы шли по литовской территории, прилегавшей к Пруссии. Местные жители встретили их враждебно, потому что армия отнимала у них все для своего пропитания. По всему маршруту следования каролинских частей в засадах сидели стрелки и уничтожали одиноких или отставших солдат. Карл, убедившись, что слова на них не действуют, приказал сжигать их деревни, а пойманных — расстреливать или вешать. В ходе поисков продовольствия шведы не гнушались пытками. Здесь же участились случаи дезертирства — в основном среди немцев, у которых корни были в Пруссии, Вероятно, воевать в России им не очень-то улыбалось. В Мазурских лесах, которые на марше армия захватила краем, застревали пушки и обозы. Одним словом, Литва, несмотря на то что Петру не удалось выставить здесь сильные заслоны, давалась шведам нелегко. В Гродно прибыл Петр и за Неманом стал организовывать оборону. По шведским данным, русские сосредоточили здесь большие силы — около 40 тысяч человек. Момент неожиданности использовать шведам не

удалось, значит, приходилось надеяться на дерзкую атаку и шведский штык. Неман был важен Карлу, потому что с его преодолением открывались коммуникации на Курляндию и Лифляндию к Левенхаупту.

7 февраля 1708 года, пока армия медленно продвигалась к Гродно, король взял с собой 600 кавалеристов и 50 драгун и, оторвавшись от основных сил, к вечеру прискакал к уже знакомому ему городу. Обнаружив, что мост на Гродно защищает русская кавалерия, он немедленно атаковал ее. Завязался короткий бой, русские дрогнули и побежали на мост. Уже темнело, шведы не рискнули преследовать отступавших, и бой прекратился. Король переночевал у моста, а утром беспрепятственно занял Гродно. Петр оставил город без боя, поняв, что сюда стягиваются основные силы шведской армии. Давать генеральное сражение было еще рано. Когда Карл входил в город с западной стороны, Петр покидал его с восточной.

Между тем царь узнал, что в городе с небольшим отрядом находится сам король Швеции, Реншёльд и другие генералы, а шведская армия еще на подходе, и приказал бригадному генералу Мюленфельсу, немцу на русской службе, ночью внезапно напасть на спящий город и попытаться взять в плен Карла. Ворот в городе никаких не было, въезд и выезд контролировался с помощью шлагбаума. Расчет царя был верный, все шведы спали, считая себя в полной безопасности. Карл отдал распоряжение выставить у шлагбаума дозор из пятнадцати всадников и приказал всем спать. Если бы Мюленфельс повел себя более трезво и умно, то план Петра увенчался бы полным успехом. Но Мюленфельс, обнаруженный шведскими дозорными у самого шлагбаума, при первых же выстрелах испугался и остановился. Шведские же кавалеристы поступили дерзко: они сели на коней и с шумом-гамом врезались в передние ряды наступавших русских. На выстрелы из города пришла помощь — шведы даже не успели как следует одеться и с ходу вступали в бой. У Мюленфельса было три тысячи человек, но он дрогнул и в бой вступать не стал. Как писали шведские очевидцы этого эпизода, он растворился в темноте так же быстро, как появился[116].

10 февраля к Гродно подтянулись другие подразделения шведов, и русские больше никаких попыток беспокоить город не предпринимали. Генерал-квартирмейстер Аксель Юлленкрук, крупный специалист по топографии, сразу после занятия Гродно составил маршрут движения армии на Минск. «Юлленкрук знает все дороги наизусть», — говорил о нем король. На Минск армия шла в четырех колоннах, наступая на пятки русским, а русские, отступая, сжигали деревни, угоняли скот и не оставляли

противнику возможности пополнять свои запасы. Уже здесь шведская армия начала ощущать трудности с провиантом, ночевками и в особенности с фуражом. Командование пришло к выводу, что для сохранения кавалерии нужно замедлять темпы передвижения и дожидаться подножного корма для лошадей. Чтобы обеспечить пропитание, армию по полкам распределили на огромной территории в треугольнике Гродно — Вильна — Минск. Король с лейб-гвардейцами и драгунами подался на северо-восток, 8 февраля достиг городка Сморгони, что на реке Вилия, и на пять недель устроил там свою штаб-квартиру. На этом вытеснение русских с польской территории практически закончилось.

Сморгонь, как не без иронии писал один участник похода, известна тем, что в ней находилась «высшая школа танцев» для бродячих медведей, но когда туда прибыл со своим штабом король Швеции, деятельность школы прекратилась и безработные дрессировщики ходили по городу и скучали. В соседних лесах было полно медведей, но Карл о них ни разу не вспомнил — он уже вырос из своих юношеских забав и забыл, как в Кюнгсэре с рогатиной один ходил на медведя.

В Сморгони королю пришлось решать более серьезные задачи. В частности, король занялся написанием методического пособия для командиров пехотных полков, в котором изложил свои мысли о строевой подготовке, о перестроениях и маневрах пехотных подразделений во время боя и вообще о пехотной тактике. На полковников научный труд короля произвел сильное впечатление, его стали называть «умной головой». Король назначал день и час для каждого полка и вместе с офицерами по три-четыре часа по своей методике муштровал солдат. В полковых журналах появились записи: «За день ничего не произошло, снова занимались упражнениями». А 6 марта полковник гвардии[117] К. М. Поссе сделал в журнале запись: «Происшествий не было, если не считать смерти военного советника Хольмстрема в 11 часов ночи». Помните, читатель, эпиграмму на смерть собачки короля Помпея? Так вот: умер ее автор, Израэль Хольмстрем, пайковой советник штаб-квартиры короля. Кажется, неплохой был человек...

Но методическое пособие возникло, вероятно, походя. Мысли Карла XII были в значительной степени заняты более важным вопросом. Под Сморгонью шведская армия задержалась почти на месяц. Почему? Ведь стояла зима, которую Карл XII так предпочитал другим временам года для совершения быстрых и неожиданных маршей. Русские историки полагают, что Карл XII в Сморгони стоял на распутье и решал, куда и каким маршрутом

пойти. В частности, он рассматривал и такой вариант, как поход через Псков на Ингерманландию. Понятно, что в этом случае Россию из войны вывести бы не удалось, но зато Швеция гарантированно, одним ударом, могла бы возвратить все потерянное в Прибалтике. Якобы еще в Саксонии король сказал генерал-квартирмейстеру Юлленкруку: «Мы можем иметь другой план: выгнать неприятеля с нашей земли и овладеть Псковом. На этом основании вы должны составить диспозицию к атаке». По свидетельству того же Юлленкрука, в ставке короля изучали крепостные сооружения Пскова и составляли планы овладения им. Петр и его окружение, кстати, тоже полагали, что целью похода шведов будет Прибалтика. «Я и теперь больше в том мнении, что пойдет к Левенхаупту в случение», — писал царь в феврале 1708 года А. Д. Меншикову. Но постепенно в голове Карла созревал и другой план, более полно отвечавший складу его характера и военного дарования: идти на Москву. Нанести русским сокрушительное поражение, занять Москву и продиктовать царю Петру мир на своих условиях. Этот план, несмотря на трудности и огромный риск, несмотря на предупреждения и опасения генералов, все более овладевал королем и в конечном итоге стал основным. Возможно, что восстание донских казаков под предводительством Булавина, а также перспектива привлечения крымского хана в качестве союзника сыграли свою роль при выработке этого варианта.

В Сморгони Карл XII объявил генерал-квартирмейстеру Юлленкруку о том, что скоро он по «большой дороге»[118] дойдет до Москвы. Юлленкрук сказал королю, что от Сморгони до Москвы — долгий путь и быстро туда не дойти. «Его Величество ответил, что надо только начать маршировать, и мы окажемся там», — вспоминает в своих мемуарах генерал-квартирмейстер. С этого момента в армии стали открыто говорить о большом походе на Москву. Генерал Андерс Лагеркруна, подыгрывая настроениям короля, говорил ему, что противник не посмеет преградить шведам путь на столицу, а лукавец Аксель Спарре посвятил монарха в старое гадание, согласно которому один из рода Спарре будет губернатором Москвы. Король намек понял и улыбнулся.

По воспоминаниям Юлленкрука, написанным в русском плену, он в этот момент пытался внушить Карлу XII мысль о пагубности дальнейшего углубления на территорию России и предлагал повернуть на север, взять Псков и прогнать русских из Лифляндии и Ингерманландии. Шведские историки довольно лояльно относятся к мемуарам Юллеькрука, считая, что бывший квартирмейстер короля Швеции не только пытался оправдаться

задним числом в глазах потомков, как это делают все мемуаристы, но и был одержим стремлением к исторической правде и точности. Мало кто вокруг короля был так далек от интриг и подковерной возни, мало кто имел смелость высказывать неугодные ему мысли, и как полковой командир Юлденкрук.

Обеспокоенный планами Карла XII, А. Юлленкрук обратился к У. Хермелину и попросил его употребить все свое влияние на короля, чтобы убедить его в преимуществах идеи похода на север, в сторону Плескова[119]. Королевский секретарь рассказал Юлленкруку, что фельдмаршал Реншёльд уже посвятил его в «московский» план короля. По мнению фельдмаршала, король никого не будет слушать и попытается осуществить этот план, несмотря ни на какие препятствия и уговоры.

А. Юлленкрук пошел к фельдмаршалу К. Г. Реншёльду и с глазу на глаз имел с ним разговор, аналогичный тому, что провел с У. Хермелином. В начале беседы генерал-квартирмейстер указал фельдмаршалу на то, что коммуникации шведской армии слишком растянуты: арьергардный полк Таубе только что вышел из Гродно, а авангард во главе с королем уже маршировал под Сморгонью. При желании русские могли воспользоваться этим и попытаться нанести шведам удары по разрозненным частям. Фельдмаршал выразил мнение, что противник на такие действия не отважится — он спешит укрыться за своими границами. Далее между ними произошла беседа следующего содержания:

Юлленкрук; Русские поступают умно, обеспечивая себе тылы и коммуникации со своей страной. По моему твердому убеждению, для нас было бы более полезно, если бы его величество придерживался тех же принципов и лучше бы шел на Плесков прогонять врага из своей страны, нежели пускаться в рискованное предприятие, идя на Москву; об этом теперь говорят все.

Реншёльд: Уверяю вас, что ни я, ни кто-либо другой не может проникнуть в замыслы короля, ибо когда мы спим и отдыхаем, он работает своей головой больше, чем мы думаем.

Юлленкрук: Да не оставит его Господь! Но неудачный замысел и действия могут иметь тяжелые последствия.

Решоёльд: Король знает, что делает; поверьте, Бог на самом деле с ним, и он осуществит свой план более успешно, нежели некоторые думают.

Заметив, что Реншёльд продолжать дискуссию больше не был настроен и отделывался гладкими верноподданническими фразами, Юлленкрук промолчал и вышел. Но он продолжал испытывать угнетающее его совесть беспокойство, и некоторое

время спустя, когда штаб-квартира переместилась в Радошковичи, он все-таки отважился сделать еще одну попытку отговорить Карла XII от похода по «большой дороге»:

Юлленкрук: Противник попытается помешать нашему продвижению.

Король: Они нас не остановят. Скажите мне, каким образом они могут это сделать?

Юлленкрук: То, что противник решится на баталию с вашим величеством, мало вероятно. Но он может окопаться за оборонительными сооружениями на труднопроходимых дорогах и будет защищать их со всей своей силой.

Король: Все их оборонительные укрепления ничего серьезного не представляют и нашему продвижению не помешают.

Юлленкрук: Если противник увидит, что ему не удается остановить армию, он начнет выжигать свою страну.

Король: Если они сами не сожгут ее, то это сделаю за них я.

Юлленкрук: Ваше величество со временем узнает, как опасно заходить вглубь территории противника, оставляя далеко позади собственную и собственные коммуникации.

Король: Мы должны на это решиться, пока нам сопутствует счастье.

Юлленкрук: Счастье бывает обманчиво, ваше величество имеет перед собой убедительный пример короля Франции, который во всех своих делах был баловнем удачи, но когда его армия слишком далеко удалилась от своей страны к Хёхштедту на Дунае, она вся целиком погибла...

Король: Бедный француз, ему уже никогда не подняться на ноги.

Юлленкрук: Франция — сильное государство, а французы — великий народ, если им повезет, они еще могут все изменить.

Король: Этого не произойдет, Франция в полосе неудач.

Юлленкрук: Все во власти Господа Бога. Да сохранит он армию вашего величества от подобного несчастья. Я опасаюсь печальных последствий.

Король: Они не обязательно должны случиться, не ломайте больше над этим голову.

Юлленкрука, по характеристике А. Стилле, «рутинного стратега», выслушали, но не послушались.

Впрочем, задним числом люди всегда становятся умнее и мудрее.

На той стадии развития событий никакие аргументы против своего плана король адекватно не воспринимал. Эффект окапывания русских войск и пагубное воздействие тактики

выжженной земли шведы почувствуют позже, но спрашивается: могли ли самые осторожные и дальновидные генералы и советники из окружения Карла предвидеть их из сморгоньской (не говоря уж о саксонской) перспективы? Сомнительно. Все они вместе со своим королем привыкли к «цивилизованным» способам борьбы, когда военное поражение противника не влекло за собой сопротивления населения на занятой территории, когда покоренное в одном или двух сражениях государство превращалось в базу снабжения войск-победителей. А в России шведы и король столкнулись с совершенно другой реальностью: на пути продвижения на восток шведским войскам не только не удалось «набогатиться» (выражение фельдмаршала Б. Шереметева), как в Саксонии, но пришлось в буквальном смысле слова голодать и переходить на подножный корм. Вот этого ни Юлленкрук, никто другой из окружения Карла предвидеть не могли.

Можно ли упрекать Карла XII в недальновидности, упрямстве и уповании на такую скользкую субстанцию, как удача? Ведь ему действительно везло во всем и всегда, почему же должно не получиться на этот раз? Юлленкрук справедливо говорит о растянутых коммуникациях и удаленности тыловой базы и приводит пример французов. Но ведь Александр Македонский тоже оторвался от своей Македонии на тысячи миль, и это не помещало ему дойти до Индии и покорить по пути много государств. А походы предыдущих королей Швеции в Европе? А разве саксонская или датская армии были хуже русской? И где они теперь? Русские до сих пор боятся шведов, избегают вступать с ними в сражения, а если и решаются на них, то при значительном численном превосходстве. А разве удачу следует сбрасывать со счетов? Можно иметь в своем распоряжении все: и хорошо обученное сильное войско, и способных боевых генералов, и удачную диспозицию, но без этой птицы счастья все может пойти прахом. Каждый, кто хоть однажды в жизни дерзал — будь это хоть ученый, врач, дипломат, ремесленник, мошенник, чиновник, художник, — разве в глубине души он не мечтал ей удаче?

«В войне нет ничего невозможного, — говорил Г. К. Дёбельн[120], — если умеешь спорить с препятствиями, отдаешься на волю дерзости, делаешь ставку на счастливую случайность и добиваешься самой удачи».

Конечно, Карл XII не мог не предполагать, что Петр I, чтобы затруднить продвижение противника и усложнить проблему питания его армии, прибегнет к тактике выжженной земли. Но король полагался на выносливость своих солдат, на находчивость

своих офицеров, на прозорливость своих генералов и конечно же на себя. Проблема снабжения важная, но не главная, шведам уже приходилось терпеть всяческие лишения, и они всегда находили выход.

Так или примерно так, по всей видимости, рассуждал шведский король, направляя свою армию на Москву, чтобы поразить противника в самое сердце. И ни Юлленкрук, ни граф Пипер, ни любой другой генерал или советник не могли уговорить короля свернуть с этого пути.

Из Сморгони, как мы уже упоминали выше, Карл XII переехал в село Радошковичи, к северо-западу от Минска, и прозимовал там с 27 марта по 16 июня 1708 года. Месяц в Сморгони и почти три месяца в Радошковичах — видно, еще не все детали предстоящей кампании сложились в голове у короля Швеции.

Радошковичи, как и Сморгонь, тоже были далеко не Парижем и даже не Альтранштедтом. Сырость, холод, комары, оглушающая тишина... Казалось, что Создатель в этих местах еще только приступал к своей работе. Да, хорошо было воевать в Европе: деревни были полны съестного, города исправно платили контрибуцию, дороги были мощеные и укатанные, население в целом если не безразличное, то вполне дружественное, любое сражение, любая победа становится предметом обсуждения и восхищения, а здесь... Здесь можно со всей армией утонуть в болоте, и никто в мире об этом не узнает. «Сатисфакцию» здесь можно было требовать только с медведей и волков[121].

В начале апреля, по вызову короля, в Радошковичи прибыл главнокомандующий военными силами в восточных (прибалтийских) провинциях генерал А. Л. Левенхаупт. Адам Людвиг Левенхаупт (Левенгаупт) родился в 1659 году в шведском лагере под Копенгагеном во время похода в Данию короля Карла X. Его родители — отец, храбрый воин и крупный землевладелец, и мать, троюродная сестра Карла X с кичливой аристократической фамилией цу Гогенлоэ-Нойштайн унд Гляйхен — рано умерли, и ребенок воспитывался в аристократических семьях М. Г. Делагарди (де ла Гарди) и К. Г. Врангеля. Учился в университетах Упсалы, Лунда и Ростока, мечтал стать дипломатом, но пробиться в эту кастовую чиновничью среду без посторонней поддержки не смог и выбрал, как образно пишет современный шведский историк П. Энглунд, «дорогу меча». Он начал военную карьеру за границей, воевал с турками в Венгрии, девять лет маршировал под голландскими знаменами во Фландрии, а с 1700 года был назначен командиром одного из резервных полков и во время боев с русскими в Прибалтике проявил свой полководческий талант и сделал быструю карьеру.

«Очень искусный и храбрый воин, знающий и уверенный в себе, искренне верующий и умный, непривычно образованный для вояки (прежде у него было прозвище “полковник-латинист ”, чем он гордился)» — так характеризует его Энглунд. Генералу от природы было присуще личное мужество, во время боев вел себя спокойно и хладнокровно и не боялся опасности. Его любили солдаты — он олицетворял собой образ отца-командира и проявлял искреннюю заботу о своих подчиненных.

Но личностью он был сложной — это отмечают многие исследователи. Он обладал мрачным взглядом на жизнь и являлся натурой пессимистической. На войне был осторожен, причем эта осторожность иногда переходила в апатию. В общении с людьми был негибок, вспыльчив и склонен к ссорам. Обладал сверхчувствительным нюхом и во всем видел подвох; его мнительность можно было сравнить лишь с его мягкой добротой или компетентностью в военном деле. Частенько, пишет Энглунд, его образ мыслей окрашивался в слегка параноидальный оттенок.

Эго была первая встреча генерала с королем, которая произошла в оборудованной на скорую руку полевой церкви. Левенхаупт после воскресной проповеди выступил вперед и произнес полагающиеся к случаю приветственные фразы. Карл XII не узнал генерала, но потом догадался, что перед ним победитель при Саладе, Якобштадте и Гемауэртхофе. Король, вопреки ожиданиям самого генерала, встретил его прохладно, о его победах над русскими в Курляндии и Лифляндии не упомянул, а сразу приступил к делу. Левенхаупт нашел это обидным для своего достоинства. Еще больше он был уязвлен на деловой встрече с Карлом, который лишь вполуха выслушал отчет и предложения Левенхаупта, а больше говорил о другом. (Шведский историк Э. Карлссон[122] полагает, что со стороны Карла было большой ошибкой не выслушать мнение Левенхаупта о русской армии и способностях русских военных, в боях с которыми генерал приобрел определенный опыт.) В мятущейся душе Левенхаупта образовалась незаживающая рана — король по отношению к нему был явно несправедливо сердит. Кто-то хорошо «поработал» и оговорил его в глазах Карла XII. Это могли быть рижский генерал-губернатор чинуша Фрёлих, вильнюсские пустышки Сапеги или кто-то из окружающих короля генералов-завистников. Отсутствие сердечности, холодный прием и нежелание следовать советам генерала вызвали у «чувствительного» педанта Левенхаупта «странные мысли» подать в отставку, и если бы в дело не вмешался граф Пипер, разгадавший его чрезвычайно мнительный характер, то он выполнил бы свое намерение.

Левенхаупт не был еще знаком с деловой и сухой манерой работы своего короля, а Карл, со своей стороны, был несколько удивлен нервозностью Левенхаупта, его патетическими излияниями о своей чистой совести и постоянной склонностью во всем и везде видеть против себя интриги, зависть и недоброжелательство. Если король и считался с чьим-либо мнением, то это было мнение Реншёльда, а фельдмаршал испытывал к Левенхаупту необъяснимую (или вполне понятную, мотивированную завистью к таланту) неприязнь, что, несомненно, сказалось и на восприятии генерала Карлом XII. Вероятно, довольно длительное и на первый взгляд мало понятное с точки зрения деловой необходимости пребывание Левенхаупта в штаб-квартире в Радошковичах объясняется желанием короля повнимательнее присмотреться к генералу и убедиться, что он в состоянии выполнить возлагаемые на него обязанности.

Конечно же Левенхаупт был военачальником от Бога, и все его недостатки компенсировались успехами на поле боя. Физически выносливый, честный, бескорыстный, чрезвычайно исполнительный и точный до педантизма в своих действиях, он мог добиваться успеха там, где другим это было не под силу. Он и сам считал себя сделанным из другого теста, нежели окружающие его военные, и болезненно переносил всякую критику и интригу. А. Л. Левенхаупт — «профессор в мундире» — не сможет потом примириться с унизительным положением русского пленника и в 1719 году буквально зачахнет от тоски и меланхолии.

Как бы то ни было, взаимопонимание между Карлом и его генералом, кажется, было достигнуто. Карл проинструктировал Левенхаупта, чтобы он снарядил и подготовил свой корпус, создал бы некоторый резерв провианта и боеприпасов для всей армии и, когда после весенних паводков просохнут дороги и зазеленеет трава, выступил бы на соединение с главными силами. Место и время встречи должны были быть согласовано отдельно[123].

В Радошковичи прибыл бывший шведский резидент в Москве Томас Книпперкруна (Книпперкрон), арестованный с началом войны и отпущенный Петром I под честное слово с благородной миссией по обмену военнопленными. Позиция короля на этот счет была незамысловатой: никакого обмена с «обманщиком-царем». Он считал, что русские не сдержали свое слово относительно капитулировавшего рижского гарнизона, и совершенно забыл, что сам коварно обманул русских офицеров и генералов под Нарвой, а его фельдмаршал под Фрауштадтом учинил жестокую расправу над русскими пленными. Царь

отплатил шведам той же монетой и всех сдавшихся солдат и офицеров отправил вглубь России. Ни о каком благородстве в отношениях между воюющими сторонами речи давно уже не было.

Появился странствующий монах, посланный И. С. Мазепой. Гетман пытался прозондировать возможность получения шведской поддержки в борьбе за независимость Украины. На Украину, как известно, претендовала и Польша. Карл XII пока не хотел связывать себя в этом вопросе никакими обещаниями, и переговоры с посланцем закончились ничем.

Впереди был Головчин, но, прежде чем попасть туда, подведем еще раз, основываясь на шведских источниках, баланс сил, которые противостояли друг другу на русском театре военных действий. Шведские войска растянулись, как мы уже упоминали ранее, от Гродно до Минска, в то время как Петр I, ожидавший шведов на многих возможных направлениях, в том числе и на «юлленкруковском» — псковском, расположил свою армию широким поясом от верхней Двины до Полоцка, Витебска и Могилева. По мере того как становился известным маршрут шведской армии, основные силы русских стягивались все больше к югу. Русская армия состояла из 61 батальона пехоты и 22 драгунских полков (напомним, что драгуны, как и у шведов, в армии Петра в спешенном положении могли выполнять тактические задачи, предусмотренные для пехоты), всего около 50 тысяч человек. У Карла XII было 12 полков (26 батальонов) пехота и 16 полков кавалерии и драгун, не считая драбантов и валахов. В сумме получалось около 35 тысяч человек.

Кроме перечисленных, у противостоящих сторон военные силы размещались и на других территориях России и за ее пределами. У русских в Ингерманландии стояла 24-тысячная армия А. И. Апраксина, в восточной Лифляндии — 16-тысячная армия А. Ф. Бауэра (Боура)[124]. Шведы располагали на «Карельском носе» 14-тысячной армией под командованием генерала Любекера и в Курляндии — 11-тысячной армией Левенхаупта, в Польше — 8-тысячным корпусом Крассова, не считая гарнизонных частей в балтийских провинциях. Любекер, после того как вторжение шведской армии оттянуло из Лифляндии часть русских полков, стал проявлять все большую активность в Ингерманландии. Крассов, покончив с противниками короля Станислава, должен был со своим корпусом, усиленным коронной польской армией, как и Левенхаупт со своей армией, соединиться с Карлом в России. Таким образом, у шведов набиралось около 70 тысяч человек, а им противостояла русская армия численностью около 90 тысяч

человек[125].

Численное превосходство армии Петра не являлось таким уж подавляющим, но у царя было большое преимущество перед Карлом: он мог в любое время восполнять потери набором новых рекрутов, в то время как у Карла такой возможности не было, и чем дальше шведы втягивались в глубину России, тем невыгоднее для них складывалась обстановка. Идя на Россию, Карл XII, видимо, на всякий случай решил подстраховаться и поручил графу Пиперу вступить в переговоры с османами и крымскими татарами, рассчитывая вовлечь их в военные действия против царя.

Б. Лильегрен сообщает, что в Радошковичах поведение Карла вызывало недоумение и тревогу у окружавших его лиц. Вероятно, его терзали сомнения, а в душе происходил сложный и мучительный процесс поиска оптимального варианта дальнейших действий армии. К. Г. Пиперу, обратившему внимание на его задумчивость и молчаливость, удалось разговорить короля, и тот открылся графу, сообщив, что хочет вызвать царя Петра... на поединок. Зачем проливать кровь подданных, если все можно решить в честном бою их правителей? Поединок можно было бы устроить на нейтральной территории, с надежными секундантами, драться можно было бы либо на пистолетах, либо на шпагах, Граф Пипер поспешил отговорить короля от этого предприятия, напомнив ему о том, что времена рыцарства давно прошли, а царь вряд ли примет от него вызов, В данном случае Карл совету Пипера внял.

Глава двенадцатая
ОТ ГОЛОВЧИНА ДО ТАТАРСКА

Но время шло. Москва напрасно к
себе гостей ждала всечасно...

А. С. Пушкин. Полтава

В середине июня, когда подросла на лугах травка и просохли русские дороги, способные выдержать тяжесть нагруженных повозок и артиллерийских орудий, Карл XII выступил из Радошковичей, а за ним пришла в движение вся шведская армия. Шведы продвигались к Березине, которая 104,5 года спустя сыграет роковую роль для армии другого завоевателя — Наполеона Бонапарта. За рекой стояли русские полки. Польское и литовское население, в отличие от саксонцев, нисколько не сожалело об уходе шведов. Обобранное ими до нитки, оно скорее радовалось.

Пока шведы стояли в Сморгони и Радошковичах, Карл XII лишился своего, может быть, самого умного и способного генерала — Арвида Акселя Мардефелъта. Еще перед битвой при Калише генерал намекнул королю на то, чтобы тот отпустил его на пенсию, потому что «...стал слишком стар и болезнен и скоро сыграю в ящик». Генерал страдал подагрой, а поражение под Калишем, русский плен, пусть и короткий, окончательно сломали генерала. 28 мая он скончался в Литве и был похоронен на лютеранском кладбище в Вильне. Мардефелъта мог заменить только Левенхаупт, но он еще был в Лифляндии[126]. Уехал умирать в Швецию и генерал О. Веллингк, Г. Ю. Майдель в Финляндии уволился на пенсию, а М. Стенбок приступил к своим обязанностям губернатора Сконе. Способных генералов вокруг Карла вдруг сразу поубавилось.

В Минске на «большом» тракте находилась крупная развязка. Вместо того чтобы пойти от нее на Борисов, где, по данным разведки, за Березиной стояли хорошо подготовившиеся к встрече шведов русские полки, король приказал идти по небольшой дороге южнее тракта и углубился в типичную белорусскую болотисто-лесную местность. Он хотел обойти русские позиции генерал-фельдмаршал-лейтенанта Х. Гольца[127] с южного фланга, но для того чтобы русские не разгадали замысла, Карл послал к Борисову по главному тракту небольшой отряд под командованием генерал-майора А. Спарре, который был должен

продемонстрировать русским, что главный удар шведы нанесут с фронта.

Армия, поделенная на шесть групп, растянулась в одну длинную колонну и с трудом преодолевала бездорожье. К тому же, как назло, зачастили дожди, и дорога сразу превратилась в жидкую грязь. С собой, ввиду неясности со снабжением, полки везли трехмесячный, собранный чуть ли не по всей Литве и Белоруссии, запас провианта, поэтому лошади скоро совсем выбились из сил. Быстрая переброска войск по такой дороге, конечно, исключалась. 25 (14) июня шведы все-таки добрались до Березины и заставили легкие казачьи и драгунские разъезды противника убраться на другой берег. Когда король вышел к реке, чтобы ознакомиться с местностью, вокруг него сразу запели пули. Уговаривать его укрыться или уйти прочь было бесполезно, и Маленький Принц, генерал-адъютант Т. Хорд и польский полковник Урбанович образовали вокруг Карла XII живой щит. Инициатор выдумки принц Максимилиан тут же получил пулю в бок, но решил не подавать виду и никому не говорить о ранении. Только некоторое время спустя Карл обратил внимание, что с его другом что-то не в порядке, и тогда раненого отнесли в находившуюся неподалеку часовню. Рана, на счастье девятнадцатилетнего героя, оказалась неопасной, на марше его несли драбанты, получая от короля по риксдалеру в день, и уже через три недели принц участвовал в сражении под Головчином.

Через Березину навели мост, и обходной марш продолжился дальше в восточном направлении к реке Друть.

Дождь не переставал, и дорога стала еще тяжелее. Так шведы узнали, что дороги на Руси бывают плохие, очень плохие и отвратительные. Даже король, привыкший не обращать внимания на такие внешние обстоятельства, как погода, в письме к Ульрике Элеоноре пожаловался: «Марш в течение всего лета был довольно трудным как из-за непогоды, так и из-за отвратительных дорог». Х. Гольц разгадал борисовский маневр короля и, ускользнув из готовившегося ему окружения, уже стоял под Белиничами за Друтыо. Карл оставил часть сил в виду русских позиций, надеясь спровоцировать противника на вылазку, а сам двинулся на север, пытаясь теперь обойти Х. Гольца с другой стороны. 6 июля (25 июня), не встречая никакого сопротивления, он перешел Друть у Алешковичей и завершил обходной маневр. Х. Гольц оказался в довольно сложном положении, но в последний момент ему все-таки удалось снова уйти из расставленной западни и отвести свои части на восток. Шведы опоздали все из-за тех же проклятых дорог!

10 июля (29 июня) в сопровождении пары гвардейских рот и

валахов Карл появился у местечка Головчин, за которым простирались набухшие от дождей болота и вышедший из берегов ручей Вабич. Шведы, вытеснив находившихся перед ними русских драгун, обнаружили, что драгуны бежали в такой спешке, что забыли сломать за собой два расположенных один за другим моста. Однако радость была преждевременной, потому что была еще третья ветка русла Вабича, и мост через нее отступавшие успели разрушить. На другой стороне ручья были обнаружены многочисленный противник и хорошие полевые укрепления. Скоро выяснилось, что это место обойти шведам не удастся и так или иначе его надо будет брать с боем.

Несколько дней к Головчину подходили отставшие части, а пока король пытался помешать русским стягивать в это место дополнительные силы. Для этого в северном направлении были посланы кавалерийские части, которые должны были продемонстрировать ложный основной удар шведской армии севернее Головчина. Через валахов распустили в округе соответствующие слухи, и, кажется, они имели успех. Командующий русской армией Б. П. Шереметев никаких дополнительных сил к Гояовчину не подтянул, а рассредоточил свои полки по широкому фронту. Пехотная дивизия Халларта (того самого, который был взят в плен под Нарвой и обменен впоследствии на Арвида Хорна) и кавалерийская бригада немца генерала Пфлюга стояли к северу от Головчина, отрезанные от него непроходимым болотом. Непосредственно под Головчином находились две пехотные дивизии Б. П. Шереметева, А. И, Репнина и сильная кавалерия Х. Гольца.

Карл XII вместе с Юлленкруком, полковником Сигротом и командующим артиллерией померанским полковником Рудольфом фон Бюновым по прозвищу Grossfoter (дедушка) старательно осмотрел все северные и южные окрестное™ местечка и определил оптимальное место для атаки. К северу от Головчина делать было нечего — там, между Халлартом и Шереметевым, глубокое болото, и там достаточно будет с помощью валахов продемонстрировать ложную атаку. Это позволит удержать Халларта на своем месте. Посреди городка, там, где через три моста проходила дорога, за солидными оборонительными сооружениями, за валами и испанскими рогатками, стояла 14-тысячная дивизия Шереметева: 18 батальонов, включая бригаду драгун и артиллерию. К югу от них стояла 7,5-тысячная дивизия А. И. Репнина с десятью пушками, которого шведы запомнили по битве на Двине семь лет тому назад. Она тоже укрылась за более или менее законченными полевыми фортификационными сооружениями. Обе дивизии противника разделяло еще одно

болото шириной около двух километров, которое, вероятно, рассматривалось ими как непроходимое. К югу от Репнина стоял с кавалерией Гольц, в распоряжении у которого находились три драгунских бригады (10 тысяч человек), которыми командовали немцы Н. Ю. Ифланд (Инфлянт), Хейнске и принц Фридрих Гессен-Дармштадтский. Всего у русских под Головчином было сосредоточено около 38 тысяч человек — чуть больше, чем насчитывала вся шведская армия Карла XII, но здесь под Головчином, как указывают шведские источники, у него было не больше 12 тысяч,

С точки зрения шведов, позиция противника под Головчином сильно напоминала Нарву, Двину и Клишов: те же окопы, валы, испанские рогатки, разделительная линия реки, болото. Король решил сделать русским сюрприз и перейти Вабич прямо посреди болота, разделявшего дивизии Шереметева и Репнина, а выбравшись на твердую сушу — попытаться зайти им в тыл. Главным залогом успеха, по мнению Карла, были быстрота и точность маневра, с которыми шведской пехоте нужно было, под прикрытием артиллерии, перейти водную преграду. Большую опасность со своей кавалерией представлял, конечно, Гольц, который с юга мог сбросить наступающих шведов в болото, прежде чем их собственная кавалерия сможет выбраться на сушу и оказать поддержку пехоте.

Юлленкрук с особой тщательностью подобрал места перехода, а «гроссфатер» Бюнов — позицию для своей артиллерии, обеспечивающую оптимально широкий сектор обстрела окопов русских, в первую очередь — дивизии Репнина.

Вечером 13 (2) июля шведы рано легли спать. В 24.00 сыграли «тихую тревогу», и в темноте, под проливным дождем, пехота двинулась к намеченным местам перехода, до которых было около четырех километров. Впереди шел полк гренадеров, за ним — один из батальонов Далекарлийского полка, образуя вместе первую часть колонны во главе с Карлом XII. С ней, чертыхаясь и пыхтя, катили свои орудия артиллеристы Бюнова. Гренадеры шли тоже не налегке: они несли тяжеленные понтоны — каждую секцию по 32 человека, из этих секций на месте нужно было быстро составить мост. В конце концов понтоны пришлось временно бросить, потому что после каждых 20 метров носильщикам приходилось останавливаться и отдыхать. Командование второй очередью колонны было поручено А. Спарре. Движение замыкала кавалерия во главе с Реншёлвдом, она должна была двинуться через два часа после пехоты, чтобы не создавать тесноты и сумятицы в узком проходе. Дабы не было скучно, кавалеристам приказали вполголоса петь псалмы,

заканчивавшиеся словами: «Вся наша помощь и утешение в Господе Боге».

К рассвету пехота была на месте. Она спешно укрепила фашинами вязкий берег ручья, но шведов уже заметили. В окопах репнинской дивизии раздался выстрел, потом чей-то истошный крик тревоги, после чего весь лагерь русских проснулся и пришел в движение. Расчет на полную неожиданность не оправдался. За семь лет после Нарвы русские чему-то научились. Р. Бюнов открыл беглый огонь по северному флангу репнинской дивизии, гренадеры по команде короля, положив мушкеты на плечи, вошли в воду, а саперы приступили к наведению двух понтонных мостов. Впереди пехоты, как всегда, шел Карл XII. Как писал биограф короля Ёран Нурдберг, Карл никогда не давал команды типа: «Идите, ребята, вперед и бейтесь!», он обычно кричал: «За мной!» Генерал-адъютант подполковник Габриэль Отто фон Канифер, лифляндец, командир всех валашских «товарищей», закрывал короля своим телом и крупом своей лошади; рядом с королем, пешком, шли капитан гвардейцев ко-ротышка Пер Адлерфельдт, брат будущего историографа короля (когда для капитана стало слишком глубоко, король подхватил его за локоть, чтобы не утонул), и командир Далекарлийского полка Густав Хенрик фон Сигрот.

Когда колонна форсировала ручей и болото, северный фланг Репнина оказался у шведов по правую руку — очень удобный вариант обхода позиций слева. Разрывавшиеся на позициях русских гранаты Бюнова создавали панику и сеяли смерть. Так, одной из гранат оторвало голову генералу-немцу с «неудачной» фамилией фон Шведен. Русские, однако, не растерялись, выдвинули несколько пушек на северный фланг и начали обстреливать наступающую колонну шведов. Гвардейцы, по горло в болотной жиже, с ружьями над головами и подсумками на плечах, испытали неприятные минуты и замешкались. К ним подошла вторая волна наступающих и стала напирать на передних; все происходило в замедленном темпе, люди и лошади увязали в тине, задние наседали, а передние топтались на месте, и атака стала буквально захлебываться в воде. День все не наступал, над болотом висела густая дымка, все эти столпившиеся люди и кони казались здесь чужими и находились в таком противоречии с природой, что все это представлялось совершенно нереальным.

Нужно было как можно быстрее выбираться на твердую землю, иначе все пропало. Когда чуть-чуть забрезжил рассвет, шведы увидели, как за русскими валами зашевелилась пехота, но у нее не было никаких намерений выйти в предполье и со всей

силой наброситься на беспомощных, утонувших в болотной грязи шведов. Напротив — они, судя по всему, покидали позиции и собирались показать шведам спину! Им там хорошо было топать по твердой земле и по специальным переходным мосткам и настилам перепрыгивать через рвы, в то время как шведы не могли сдвинуться с места.

Репнин запаниковал при самом виде шведов, перебиравшихся через болото, и немедленно разослал адъютантов к Шереметеву и Гольцу за помощью. Помощь бы пришла, если бы Аникита Иванович продержался хоть какое-то время за валами и испанскими рогатками. При этом его левый фланг бездействовал, и, вместо того чтобы перебросить часть батальонов с левого фланга на правый — если он уж так боялся не устоять перед малочисленными шведскими батальонами, — он отдал левому флангу бесполезный приказ открыть огонь по противнику. Шведы еще даже не атаковали, а Репнин уже отдал приказ на отступление. При этом командующий завернул обратно полк Головина, который командир уже повел в штыковую атаку на шведов! На вопрос Головина, что же тогда делать дальше, Репнин, чуть не плача, ответил: «Что мне делать, коли мочи моей нет, и меня не слушаются, и коли гнев Божий на нас!»

Но вывести из окопов 7500 человек сразу не так-то просто, и при отступлении всегда есть «задние» — вот на них-то и набросились королевские гренадеры и кавалеристы. После болота шведы, казалось, обрели крылья — с таким напором и энергией они ринулись на русские укрепления!

Карл отдал приказ не стрелять и действовать только штыком и шпагой. В данном случае король, возможно, погорячился, потому что русские отходили в лес более или менее организованно и при приближении шведов останавливались и давали залпы, что, естественно, не очень-то приходилось тем по вкусу. Через час последние русские пехотинцы исчезли в лесу, и Карл XII приказал наступавшим частям остановиться. Шведы повернули назад и занялись добиванием тех, кто не успел выскочить из окопов и добраться до спасительной опушки леса.

И в это время появились кавалеристы Гольца. Если бы Репнин не запаниковал[128] и смог бы продержаться хотя бы с полчаса, исход сражения, с учетом подавляющего превосходства русских, мог бы быть совершенно другим.

Русские кавалеристы помогли пехотинцам вывести на юг артиллерию и после этого повернули на пехоту шведов. Если бы не подоспевшие два эскадрона Реншёльда, кавалерийская бригада Ифланда могла бы натворить много бед. Шведский историк Э. Карлссон вообще полагает, что кавалерийский прыжок Реншёльда

через болото спас шведов от поражения.

Переправа шведской кавалерии далась еще труднее, чем пехоте. Уже шел бой, а она все еще никак не могла выбраться на сушу. Поэтому Реншёльд взял с собой всех тех, кто был под рукой, и ринулся на выручку своим. Русская кавалерия стала брать верх над этими наспех собранными частят ми, и если бы в это время не подскакали драбанты, то шведские эскадроны были бы все изрублены. После Клишова Головчин стал их днем. Но и этого подкрепления не хватило бы шведам для победы, если бы не подоспела наконец-то выбравшаяся из болота основная масса лейб-драгун и кавалеристов Смоландского полка. При численном равновесии шведы стали теснить русских и заставили их отступить. При преследовании кавалерия Реншёльда наткнулась на вторую кавалерийскую бригаду, которой командовал принц Гессен-Дармштадтский. Тот почему-то считал себя в полной безопасности и вел бригаду в колонном порядке. С ней разделались довольно быстро, окружив с трех сторон и заставив уйти прочь.

Так, несколько шведских батальонов прогнали с позиций целую пехотную дивизию Репнина, а шведская кавалерия в количестве сначала 400, а к концу боя — 2500 всадников рассеяла и заставила отступить десятитысячный корпус Гольда. Допустим, что Репнин оставил поле боя из-за трусости и неумелости, но что же можно тогда сказать о немецких опытных и обученных генералах? Почему они уступили поле боя противнику? Но не надо торопиться с выводами, уважаемый читатель. Шведская кавалерия и по вооружению, и по выучке, и по тактике боя на голову превосходила русскую, и с этим в то время ничего нельзя было поделать.

Б. П. Шереметев, занявший позиции к северу от болота, все это время сохранял «олимпийское спокойствие». Он выслал на юг бригаду драгун, которые, однако, при виде шведов, форсировавших болото, развернулись и ушли обратно. После этого старый тугодум пребывал в состоянии внутренней борьбы с самим собой, не обращая внимания на крики о помощи, с которыми к нему прибывали адъютанты Репнина. Наконец фельдмаршалу пришла в голову хорошая мысль: перейти Вабич и попытаться зайти в тыл шведам с севера. Перед позициями Шереметева мосты через Вабич сохранились, хотя на другом берегу их охраняли шведские лейб-драгуны. Русская пехота вышла в поле и стала наседать на шведских драгун, и тем пришлось бы, несомненно, худо, но туг на горизонте вдруг появился Вестерботгенский пехотный полк Гидеона Фокка, и положение сразу круто изменилось в пользу шведов.

Командующий отвел наступавшие части и покинул поле боя.

Карл XII, покончив с дивизией Репнина, обратил свое внимание на дивизию Шереметева и начал перебрасывать все свои наличные силы на левый, северный, фланг. В этот момент к нему якобы подскакал курьер и доложил, что шведская кавалерия на юге испытывает сложности. Король бросился на помощь, но сигнал оказался ложным. Время для решительного боя с дивизией Шереметева было упущено, и Борис Петрович, воспользовавшись заминкой в рядах шведской армии, благополучно ушел с позиций и отвел свою дивизию назад. А без короля и кавалерии шведы тоже не решились на то, чтобы ввязываться в серьезный бой с частями Шереметева. После ухода из армии Стенбока и Мар-Дефельта чувствовалось отсутствие опытных генералов, способных брать на себя ответственность.

Сразу после обеда 14 (3) июля 1708 года Головчинское сражение было закончено. Потери с обеих сторон были значительные: согласно П. Энглунду, русские потеряли убитыми и ранеными пять тысяч (согласно Лильегрену — 1700), а шведы— до 1200 человек (по Лильегрену — 1300). После сражения под Головчином, которое в общем-то не означало коренного перелома в войне с русскими, Карл XII для поддержания реноме шведской армии и боевого духа солдат приказал изготовить памятную медаль с надписью «Побеждены леса, болота, оплоты и неприятель». Потом, спустя много лет, Карл эту победу будет считать самой почетной и важной — вероятно, потому, что избранный им вариант атаки был очень рискованным и шведы под Головчином были на грани поражения. Будь на месте Репнина и Гольца более толковые военачальники, а Реншёльд со своими кавалеристами или подполковник Фокк со своими пехотинцами не появились бы вовремя, то король вместе со своими гренадерами остался бы вечно лежать в болотной жиже маленького, но вышедшего из берегов ручья Вабич. Спасло везение, но под Головчином удача улыбнулась Карлу в последний раз.

Английский военный наблюдатель (и разведчик) Джон Джеффри, участвовавший в русском походе шведов по представлению герцога Марлборо, докладывал в Лондон: «Шведы вынуждены признать, что русские свой урок выучили лучше и со времени битвы под Нарвой добились в военном деле больших успехов. Если бы их солдаты продемонстрировали хотя бы половину того мужества, что их офицеры, то победить их было бы намного труднее», а цитируемый выше полковник К. М. Поссе после Головчина написал сестре в Швецию письмо, полное тревожных ожиданий и отчаяния.»

Э. Карлссон считает, единственное значение Головчина для шведов заключалось в том, что победа открыла армии путь к Днепру. Наши историки, анализируя ход Головчинского сражения, также отмечают, что стратегического значения для дальнейшего хода войны оно не имело. А. Стилле в начале прошлого века отмечал выдающиеся тактические способности Карла XII и слаженное взаимодействие шведской кавалерии и пехоты, которые и решили исход сражен А. З. Мышлаевский указывает на неудачное расположен ретраншементов в дивизии Репнина. «... После трехдневной работы пехота ухудшила свое положение, — считает наш военный историк. — Она приковала себя к окопу, разбитому столь неудачно, что защитники его не только были не в состоянии в полной мере воспользоваться оружием и поддержкой конницы, но поставили себя в рискованное положение также и в минуту отступления».

19 июля шведская армия вошла в Могилев, который достался ей совершенно нетронутым и неразрушенным. Это упущение со стороны генералов Петра I при исполнении его жолкевской стратегии шведы тут же обратили себе во благо — Карл отдал город на разграбление своим солдатам. Здесь шведы задержались на целых три недели, в частности и потому, что возможности снабжения армии в данной местности были намного лучше, нежели в районе Березины. Русская армия в это время опустошала дорогу на Смоленск. Граница с Россией была совсем уже радом.

Ежедневный рацион питания каролинского солдата, согласно регламенту военного комиссариата, предполагал выдачу 850 граммов мяса, 850 граммов хлеба, 2,5 л питья, 200 граммов масла или сала, 500 граммов каши или гороха, соль и 2 гроша на вино и табак. В описываемый нами период нормы питания снизились до 500 граммов хлеба, 50 граммов рисовой крупы, 300 граммов свежей говядины, 150 граммов солонины, 100 граммов сыра, килограмма картофеля, 15 граммов кофе, 40 граммов сахара и 20 граммов соли. Потом тенденция к снижению будет продолжаться до тех пор, пока армия не выберется на Украину. Временами шведы, вторгаясь на территорию, опустошенную русскими войсками, будут испытывать настоящий голод. Карл XII лично следил за питанием солдат, и солдаты верили, что какие бы неблагоприятные условия с провиантом для армии ни складывались, король всегда что-нибудь добудет.

Под Могилевом литовский запас пропитания закончился, и шведы стали пополнять свои продуктовые резервы как за счет поборов с населения, так и за счет трофеев, доставшихся при Головчине в виде части обоза русских. Но под Могилевом уже

побывала русская армия, и шведам «обломилось» не так много. Между тем в каждом шведском пехотном полку в среднем насчитывалось 50 человек нестроевого состава (прислуга), 350—360 кучеров, 100 офицерских денщиков и 437 лошадей, из которых более 400 были тяжеловозами. В кавалерийских полках обозное хозяйство было не меньше, чем в пехотных. Таким образом, получалось, что кроме 35 тысяч военнослужащих строевой службы приходилось кормить еще около пяти тысяч «нестроевиков» и добывать фураж в среднем на 35 тысяч лошадей.

В русском походе шведам было страшно непривычно и непривычно страшно. Враждебное население, враждебная природа делали свое дело, и боевой дух постепенно и незаметно стал испаряться. Некоторые из шведов ударились в мистику, как, например, братья-гвардейцы Анкархъельмы, получившие в походе прозвище Предсказатели. Старший из них по Книге Откровения прочел, что поход Карла в Россию будет неудачным, а чтобы подтвердить свое искусство предсказателя, он нагадал своему брату и нескольким его товарищам смерть в бою под Головчином. Когда же спросили, что будет с ним самим, он ответил, что будет ранен и умрет от ран. Все эти предсказания якобы сбылись в точности. В это же время в шведской армии появился некий архивариус Кориландер, который, как ни странно, получил аудиенцию у самого Карла (вероятно, не без помощи графа Пипера) и предсказал ему, что скоро он в сопровождении немногочисленной свиты окажется в Турции… Король, говорят, не поверил и прогнал предсказателя прочь.

В шведский лагерь неожиданно прибыл прусский генерал-адыотант Д. Н. фон Зильтман, попросивший разрешения сопровождать шведскую армию в русском походе. На Карла XII произвело впечатление, что пруссак добирался до Могилева самостоятельно, к тому же он был хорошим знакомым Реншёльда, и король просьбу его уважил[129].

В середине мая генерал Левенхаупт вернулся в Ригу из штаб-квартиры в Радошковичах, а 13 июня он получил королевский приказ на выступление. Пока ему в качестве конечной точки маршрута был указан город Березина-Пажовская на реке Березине, играющей в русской истории роль своеобразного «бермудского» магнита, притягивающего к себе всех агрессоров и завоевателей.

Непонятно, из каких расчетов исходил Карл, оставляя на сложные сборы целого корпуса такой малый срок. Естественно, Левенхаупт ответил, что подготовительные мероприятия еще не закончены, и просил перенести срок выступления на более

позднюю дату в июне 1708 года. С точки зрения Карла XII, задержка на две-три недели существенно роли не играла, и он дал на это согласие. 27 июня Левенхаупт окончательно определил маршрут следования, и в начале июля его корпус в составе 7500 человек пехоты и пяти тысяч кавалеристов и драгун наконец вышел из Риги. Сам Левенхаупт присоединился к нему лишь 8 августа.

Шведские историки отмечают, что Левенхаупт особо не торопился. Он, как утверждает Ф. Г. Бенггссон, якобы полагал, что лучше быть на первых ролях в Риге, нежели на вторых и третьих при короле Карле. Ко всему прочему, ему не нравилась идея совершенно «оголить» Лифляндию от шведских войск. Предлогом для своей задержки в Риге генерал якобы выбрал необходимость ожидания из Швеции амуниции и одного драгунского полка с севера. Лучше бы, указывают критики генерала, он поспешил к корпусу и позаботился бы о его быстрейшем прибытии в заданную королем точку.

О. Хайнтц и Э. Карлссон, наоборот, считают, что Левенхаупт не заслуживает подобных обвинений, ибо был поставлен в слишком тяжелые условия: в сжатые сроки в разграбленных и опустошенных русскими войсками провинциях собрать все необходимое. Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что Левенхаупт отнесся к поручению короля со всей ответственностью и пунктуальностью. Он вернулся из ставки короля в Ригу в середине мая, а уже 13 июня 1708 года получил от Карла датированное 5 июня письмо с указанием в начале месяца трогаться в путь! Естественно, подготовка к походу была далеко не завершена, Левенхаупт попросил отсрочку и уже в конце июня выступил в поход. Низкие темпы передвижения Лифляндского корпуса — в среднем по 230 километров в месяц — помимо плохих дорог объяснялись дождливой погодой и тем, что с ним шел тяжелогруженый обоз, а качество лошадей-тяжеловозов оставляло желать лучшего. Ко всему прочему, утверждает шведский профессор Халлендорфф, специально изучавший поход Левенхаупта, генерал конечной своей целью считал не Березину-Пажовскую, а другую Березину, значительно ниже по течению одноименной реки, а это означало продвигаться часть пути по дороге, по которой уже прошла армия Карла. Впрочем, эта ошибка Левенхаупта вскоре была исправлена, как только он появился в корпусе, и маршрут скорректировали, но потери времени компенсировать было уже невозможно.

Другое дело, что у Левенхаупта душа к этому походу явно не лежала. Ему толком не объяснили стратегического замысла шведской армии, его несправедливо «дергали за рукав» и

торопили с выступлением, и чуткая и тонко организованная натура «профессора в мундире», вероятно, уже улавливала какие-то слабые и пока не совсем внятные, но тревожные импульсы из космоса. Генерал был мистиком и верил в приметы.

В корпусе Левенхаупта появилась и другая беда, которую командующий признает сам: среди солдат и офицеров резко упала дисциплина. Полки и батальоны двигались, как им было удобно, и со стороны корпус был похож на цыганский кочевой табор, а не на воинскую колонну. Часть вины за это с Левенхаупта можно бы снять: он получил приказ везти с собой обоз с трехмесячным запасом провизии для всей армии, а поскольку этот запас считался неприкосновенным, то каждому командиру полка для прокорма своих людей нужно было изворачиваться и рыскать по округе в поисках еды и фуража. Это был хороший предлог для мародерства, и многие офицеры пустились во все тяжкие. «Интеллигент» Левенхаупт не хотел, да и не мог бороться с «...вредными последствиями единовластия и горькими плодами людской злобы», и пустил все на самотек.

Пока в июле, августе и сентябре 1708 года Лифляндский корпус ползал по лесам и болотам Литвы, нахождение армии Карла под Могилевом становилось все более проблематичным, потому что в округе буквально все было съедено. В ставке же короля полагали, что Левенхаупт должен скоро подивиться, а его все не было и не было. К тому же русские казаки и калмыки постоянно тревожили армию своими неожиданными налетами и шведы несли потери в людях и имуществе. Так, 4 августа в журнале уже цитированного нами гвардейского полковника К. М. Поссе появилась запись о том» что калмыки «...переправились через Днепр и украли 30 битюгов из обоза Его Превосходительства фельдмаршала Рентшёльда», а запись следующего дня свидетельствовала уже о том, что калмыки хорошо изучили беспечный нрав шведских конюхов и «...опять переплыли реку и увели с собой 12 лошадей из конюшен Его Величества и двора, которые бродили без присмотра». Кто-то за это упущение был примерно наказан!

С учетом всего этого и за отсутствием сведений о Левенхаупте в августе назрела необходимость переменить дислокацию армии. Многие наши историки гадали и высказывали разные предположения относительно того, почему Карл XII не остался ждать в Могилеве подхода корпуса Левенхаупта.

Ближе всех к правде, как нам кажется, оказался Н. И. Павленко. Он полагает, что изменить утвержденные самим королем планы пришлось по воле внешних обстоятельств, из которых на первом месте стояла проблема пропитания армии.

В Могилеве считали, что для преодоления расстояния между Митавой и Могилевом, равного 68 шведским милям (около 700 километров), Левенхаупту при средней скорости передвижения 15 километров в сутки требовалось не более полутора месяцев, то есть к 22—25 августа он должен был быть у цели. Между тем 15 августа о нем не было ни слуху ни духу, и Карл отдал приказ переходить через Днепр и двигаться несколько юго-восточнее Смоленской дороги, которую блокировала армия Петра. Карл снова задумал обход левого фланга русских с южного направления. Если в Европе Карл был больше тактиком и всегда шел «на вы», то теперь он все чаще стал интересоваться стратегией. Несомненно, российские просторы и неисчерпаемые по сравнению со Швецией ресурсы, несмотря на слабое, по его мнению, состояние армии противника, все больше внушали ему уважение.

Петр I вовремя обратил внимание на этот маневр шведов и вполне правильно расценил его как намерение Карла XII попытаться пройти на Москву южной дорогой через Брянск и Калугу. Он сразу дал распоряжение кавалерии А. Д. Меншикова преградить этот путь и не дать противнику перейти через реку Сож. Шведы двигались довольно медленно, пополняя по пути запасы фуража. Дневниковые записи некоторых гвардейцев Карла рассказывают о том, как солдаты 21—22 августа жали и молотили рожь. 22 августа шведы подошли к Черикову, что на реке Сож, и встретились с авангардом Меншикова. Передовые посты с обеих сторон завязали перестрелку на мосту, в которой принял участие и король Швеции, якобы собственноручно застреливший из мушкета трех русских. Шведские исследователи отмечают этот эпизод как исключительный: обычно Карл XII привык действовать пистолетом и шпагой, а вот мушкет ему пришлось подержать в руках лишь под Чериковом.

Два дня противники, разделенные рекой, стояли друг против друга и не предпринимали никаких серьезных действий. Вся кавалерия русских находилась у реки Сож — значит, никакой опасности для Левенхаупта не было, и с часу на час он должен был объявиться в Могилеве. С запасом провианта, боеприпасов и амуниции, который он доставит в главную армию, можно было бы планировать более или менее крупные операции, а пока у шведов такого резерва создано не было, и перспектива для его создания тоже не просматривалась. Впереди — русская армия, и чем ближе к Москве, тем более решительна она будет в своих стремлениях не подпускать противника к столице и не давать ему возможности заниматься снабжением.

Между тем Левенхаупт в конце августа находился севернее

Минска под городом Долганово, отстоявшим от Могилева примерно на 250 километров. Карл, продолжая практически топтаться с армией на одном месте, занимаясь в основном фуражированием, послал в Долгиново курьера с указанием поторопить Левенхаупта с прибытием. Курьер прибыл к Левенхаупту 8 сентября, а еще 15 августа шведская армия покинула Могилев. Получалось, что король, таким образом, дезинформировал своего генерала.

Карл еще не знал, что в это время генерал Г. Любекер позорно провалил возложенную на него задачу по вытеснению русских с берегов Нюэнской реки — так шведы в то время звали Неву[130]. В середине августа он с 11-тысячным корпусом[131] выступил к устью реки, но, наткнувшись на укрепленные позиции русских, смалодушничал и почему-то ушел в Эстляндию. Оттуда, вместо того чтобы нанести удар по Пскову, он попытался снова потревожить армию Апраксина в Ингерманландии, но действовал робко, нерешительно и никакого ущерба противнику не причинил. К осени среди личного состава корпуса начались болезни, солдаты стали испытывать недостаток в провианте. В результате, обложенный со всех сторон русскими войсками, Любекер был вынужден спешно погрузить своих людей на суда подошедшей вовремя эскадры адмирала Анкершерны и ни с чем вернуться на исходные позиции в Финляндию. Перед уходом генерал отдал приказ забить шесть тысяч лошадей, чтобы они не достались русским, и бросить на берегу несколько тысяч саксонцев, завербованных на службу в шведскую армию из числа взятых под Фрауштад том пленных. В Финляндию этот генерал привел с собой около семи тысяч человек.

Вместо того чтобы связать силы русских на северо-западе, бездарный поход Любекера дал возможность парю Петру перевести из армии Апраксина на юг, на направление главного шведского удара, шесть пехотных и два драгунских полка. Эти полки сыграли свою роль на поле Полтавского сражения.

… Из Черикова шведы несколькими параллельными колоннами двинулись на север, изменив свое направление после выхода из Могилева почти на 90 градусов, что соответствовало движению прямо на Смоленск. Такой маневр угрожал южному флангу русской армии в Горках, и Петр отдал приказ своим войскам перегруппироваться, в результате чего две кавалерийские дивизии — Рённе и Гольца — отошли на север.

7 сентября (27 августа) шведы подошли к местечку Молятичи и стали там лагерем. Генерал-майор К. Г. Руус (Роос, Рос, Росс и даже Розен) с четырьмя пехотными и одним кавалерийским полками расположился в пяти километрах от штаб-квартиры

короля и стал объектом нападения русской армии. 10 сентября (30 августа) 1708 года противник под командованием генерал-майора М. М. Голицына, со второй попытки (первая провалилась из-за утечки информации, вызванной переходом к Руусу пленного шведского денщика), ночью подобрался к отряду К. Г. Рууса и напал на его лагерь. Несмотря на прецедент, шведы беззаботно спали, когда русская пехота внезапно ворвалась в лагерь и стала расстреливать в упор просыпавшихся каролинцев. Атаку отбили, но шведы понесли ощутимые потери, сопоставимые с теми, которые они имели под Головчином: до 300 убитых, от 500 до 750 раненых, шесть знамен и три пушки (потери русских, по Лильегрену, оцениваются в 700 убитых и две тысячи раненых). Король выразил большое неудовольствие беспечностью Рууса и сделал ему внушение. Больше всего шведов поразил тот факт, что русская пехота отваживалась первой напасть на противника. Заметим при этом, что бой под Молятичами в нашу историю вошел как бой под селом Добрым, который, по словам Петра, сделал первый «добрый» вклад в победу над врагом. Именно под Добрым русские впервые заставили шведов уважать себя как достойных противников.

После ночного боя русские в полном порядке отошли назад, оставляя после себя сожженные деревни, лесные завалы и засеки на дорогах, и всякая надежда Карла XII, прискакавшего в Молятичи к концу боя, втянуть Петра I в генеральную баталию вновь испарилась. 18 (7) сентября шведы продолжили движение на Смоленск в четырех параллельных колоннах, постоянно подвергаясь нападениям русских отрядов легкой кавалерии генерала Бауэра. Корпус Бауэра стоял раньше у Дорпата, в Лифдяндии, и караулил Левенхаупта, и если он присоединился здесь к царской армии, то и Левенхаупт должен уже был бы достигнуть Днепра. Король забеспокоился и выслал навстречу Левенхаупту небольшой отряд «товарищей».

А два дня спустя шведы снова столкнулись с русскими кавалеристами — теперь неподалеку от Татарска, у местечка Раевка. Король то главе Эстьётского кавалерийского полка шел впереди колонны» когда неожиданно прямо перед собой он увидел русских всадников. Он с ходу ринулся в атаку, приказав своему адъютанту К. Г. Русеншерна немедленно скакать к полковнику фон Дальдорфу за подкреплением. Смоландский кавалерийский полк немедленно бросился на выручку Карла XII, но принял бой значительно правее того места, где находился их король.

Между тем Карл углубился в гущу схватки и скоро был окружен кавалеристами противника. Он отчаянно отбивался от

наседавших на него русских, при этом под ним застрелили коня, и он вот-вот должен был либо погибнуть, либо попасть в плен. Сзади Карла упал убитый наповал генерал-адъютант Тюре Хорд, который когда-то вместе с Маленьким Принцем на Березине прикрывал короля своим телом от русских пуль, и Карл остался один на один с врагами. С небольшой группой смоландских кавалеристов пришел майор Исак фон Линде, но отряд тут же был изрублен русскими саблями. Если бы подоспевший в последний момент на помощь Дальдорф не отогнал со своими смоландцами русских, дело для Карла XII закончилось бы плохо.

Однако бой под Раевкой не перерос в крупную баталию, и обе стороны разошлись по противоположным берегам разделявшей их речки. Генерал Бауэр, командовавший русским отрядом, так описал это событие; «И король стоял на той стороне переправы с полчаса, а я по сей стороне. И строил король своих, а я своих людей. И друг на друга войско смотрело, и стояли столь близко, что можно было друг по друге палить из пистолета, а стрельбы не было».

С 21 (10) по 24 (13) сентября Карл стоял со своей армией под Татарском — в самой северной точке своего маршрута — и смотрел на северо-восток в сторону Смоленска, откуда поднимались клубы дыма, подтверждавшие, что русская армия по отношению к противнику продолжала неуклонно придерживаться жолкевской тактики выжженной земли. Более того, шведам показалось» что эта тактика с каждым даем стала ужесточаться. Так, под Смоленском фельдмаршал Шереметев приказал на пути шведов свалить целую полосу леса! Это было непостижимо для шведского менталитета — такой «варварский» метод ведения войны они видели в первый раз!

Карл XII был удручен: если бы в распоряжении армии имелся шестинедельный резерв питания, он без всяких колебаний отдал бы ей приказ идти прямо на Москву. Но Могилевские запасы подходили уже к концу, в некоторых полках не было хлеба уже три недели, а с фуражом для лошадей положение обстояло еще хуже. Продвигаться к Москве по территории, где не имелось никакой возможности снабжать армию, было рискованно. Петр I своей тактикой пассивного сопротивления, изматывания противника в ежедневных мелких стычках и уклонения от решающего сражения выиграл этот этап войны вчистую. И никакими средствами и мерами достать русских было невозможно. Куда же подевался, в конце концов, этот бывший полковник-латинист Левенхаупт?

Топтаться на месте больше не имело никакого смысла, армия и кони находились на грани голода. Двигаться на Смоленск и

Москву — безумие. Надо было что-то предпринимать и находить какой-то выход. Карл XII стоял перед выбором: или возвращаться к Днепру и искать там Левенхаупта, или уходить на юг, в не затронутые войной Северские земли, где можно будет наладить снабжение армии, а уже оттуда через Брянск и Калугу идти на Москву. Возвращаться назад королю не хотелось в принципе — это было равносильно отступлению, значит, нужно было сделать маневр на юг. К тому же если кавалерийский корпус Бауэра был здесь, рядом, то Левенхаупту, между корпусом которого и главной армией временно образовывалась пустота, никакая опасность угрожать не могла. От валахов уже поступили сведения о том, что Левенхаупт дошел до Днепра. По другим данным, он даже перешел Днепр и находится в Чаусах, к юго-западу от Татарска, а значит, в полной безопасности. Последний контакт с генералом произошел 8 сентября 1708 года в Долгинове, куда прибыл курьер Карла XII с указанием Левенхаупту поторопиться. Значит, информация валахов была правильной. Скоро, скоро все станет на свои места.

А Левенхаупт к этому времени находился далеко на западе от Днепра, и все расчеты Карла на самом деле базировались на ложных предпосылках. Вопреки напоминанию короля поторопиться Левенхаупт пробыл в Долгинове еще три дня, потому что целую неделю собирал в Черее отставшие на марше полки. В Черее Левенхаупта застал еще один посланник короля — польский священник, но он, ввиду постоянно появлявшихся на дорогах русских казачьих разъездов, вернуться с ответом обратно в штаб-квартиру не смог. Его и так долго и дотошно расспрашивал и обыскивал русский казачий разъезд. И туг Карл XII, ушедший на юг, на какое-то время вообще потерял Левенхаупта.

О том, что происходило в это время в Татарске, вспоминает генерал-квартирмейстер Юлленкрук. Как-то к нему зашел король и стал расспрашивать о дорогах и маршрутах, но для чего и применительно к каким штанам он интересовался ими, не сказал. В это время в лагере началась по какому-то поводу тревога, и Карл XII ушел. Заинтригованный Юлленкрук — впервые королю понадобился совет со стороны — поспешил к Реншёльду: может быть, фельдмаршал располагал какой-то информацией? Реншёлвд рассказал Юлленкруку, что пытался поговорить обо всем этом с Пипером, но поскольку он общался с графом не напрямую, а через третьих лиц, то граф ответил в его адрес ругательством: «Эта бестия, которая все время советует королю, пусть даст совет и на сей раз!» В общем, сообщил Реншёлвд, король вроде бы вынашивает идею пойти на юг, в Северские

земли, то есть первые два варианта — вернуться к Днепру или пойти на Смоленск — уже Карла не интересовали. Реншёлвд, встревоженный тем, что генерал-квартирмейстер узнал от него слишком много, послал его за уточнениями к графу Пиперу.

Граф Пипер начал жаловаться на то, что отношения его с Реншёлвдом стали портиться до такой степени, что они теперь уже не разговаривают и стараются избегать друг друга. Его величество и фельдмаршал словно сговорились и смеются над его предложениями относительно дальнейших действий. Но в принципе так оно и есть: король решил повернуть армию на юг. Это, по мнению, Пипера было очень неудачным решением: его зять, генерал Мейерфельт, только что решил взять к себе жену, но теперь, когда вопрос о вступлении в Северские земли решен, об этом не может быть и речи. Северские земли вряд ли пригодны для проживания жен шведских генералов. Толстяк Пипер был умным человеком и не стал рисовать генерал-квартирмейстеру более мрачные картины будущего, связанные с этим роковым решением Карла XII.

Вскоре Юлленкрук был вызван к королю в палатку на совещание. Генерал-квартирмейстер не сомневался в том, что Реншёльд и Пипер уже предупредили Карла о том, что они сообщили ему о дальнейших перспективах русского похода. Настоящие тайны мадридского двора в Татареке! Так оно и оказалось: в палатке сидели оба их высокопревосходительства и генерал Мейерфельт (последний присутствовал явно не из-за жены).

Речь зашла снова о маршрутах, о проходимости русских дорог (хорошая тема!) и о местонахождении злосчастного Левенхаупта. Юлленкрука даже попросили составить гипотетический маршрут, по которому Левенхаупт мог пройти от предполагаемого его местонахождения до соединения с армией. Король обратил внимание присутствующих на то, что марш в Северские земли должен быть совершен в обстановке полной секретности, чтобы русские не могли помешать им своими контрманеврами. Было решено, что в авангарде форсированным маршем пойдут две тысячи пехотинцев и тысяча кавалеристов. Их задача — занять населенные пункты, преградить русской армии путь в эти места, а дороги к центру России держать для шведской армии открытыми.

25 сентября Каря XII навсегда распрощался с опустошенным могилевским краем и непроходимой Смоленской дорогой и по следам своего авангарда двинулся на юг, на Калужскую дорогу.

В Татареке, утверждают шведские историки, Карл XII допустил роковую ошибку, которая повлекла за собой череду

других ошибок и несчастий. Все завязалось в один узел: затянувшийся поход Левенхаупта, усугубленный дождливой погодой и плохими дорогами; слишком быстрый уход шведской армии из Татарска, вызванный отсутствием возможностей прокормить армию; гениальное прозрение Петра относительно возможностей перекрыть путь шведам к плодородным Северским землям и «пощипать» Лифляндский корпус под Лесной — вот три главные причины всех дальнейших несчастий шведов.

Но если посмотреть глубже, то увидим, что во всем виноваты… Петр Первый, его армия и избранная им стратегия. И зря шведы до сих пор ищут причины неудач Карла XII на небесах, в слепой случайности, коварной судьбе и в поступках неумелых генералов. Надо всего лишь спуститься на грешную землю неумолимых фактов и обстоятельств: шведы пошли в воду, не зная броду. Слишком много факторов пришлось учитывать на русском театре военных действий. Гениальность европейского полководца разбилась о суровую русскую действительность. «Царю Петру удалось поставить Карла XII и его армию именно в такое положение, к которому он сам всегда стремился, — пишет Б. Лильегрен. — Шведские коммуникации настолько растянулись, что был затруднен… контакт с операционными базами в той степени, в которой вообще балтийские провинции и Польшу можно было называть операционными базами».

Все было у шведов до Татарска, а вот после него что-то в их психологическом настрое изменилось. В глубине души ни рядовой каролинец, ни генерал армии уже не верили в успех этого похода.

Кстати, замечает Э. Карлссон, так называемый украинский фактор, воплощенный в предательстве маячившего где-то в неизвестной Украине гетмана Мазепы, на решение Карла повернуть на юг никакого влияния не имел. Карл слишком не доверял своим генералам, чтобы поверить какому-то там гетману, поэтому ответственность за принятое решение лежит полностью на нем одном.

Глава тринадцатая
ОТ ТАТАРСКА ДО ПОЛТАВЫ

Король. Дай мне совет, хотя еще не известно, последую ли я ему!

А. Стриндберг, Густав Васа

Внезапно Карл поворотил и перенес войну в Украину.

А. С. Пушкин. Полтава

На упомянутом уже нами совещании в Татарске король начал спрашивать у Реншёльда и Юлленкрука совета относительно генерала, которого можно было послать с отрядом в Северские земли. Юлленкрук назвал первым А. Спарре, но король отвел его кандидатуру под тем предлогом, что тот так много рассуждает в своих депешах, что на них трудно отвечать. Потом вспомнили про Рууса и Мейерфельта, но их король также отверг — теперь уже без всякой мотивации. Генерал-квартирмейстер предложил кавалерийского генерала Карла Густава Крусе, на что Карл XII сказал, что «...человек он неплохой, но вряд ли выдержит постоянные переходы, и к тому же он плохо видит». И тут Реншёлъд подал реплику, что лучше всего в авангард назначить генерала, который стоит следующим в порядке убывания по рангу. Юлленкрук сказал, что на очереди Вольмар Антон Шлиппенбах, который в основной армии короля появился с весны 1708 года. Отвергли и Шлиппенбаха, потому что он уже один раз ходил с авангардом, правда, в северном направлении.

После Шлиппенбаха шел Андерс Лагеркруна, против кандидатуры которого у короля возражений не оказалось. Напротив, вспоминает Понятовский, Карл отметил такое положительное качество этого генерала, как пунктуальность при выполнении приказов. Простодушный Юлленкрук осмелился высказать возражения против Лагеркруны: он незаменим в штаб-квартире короля для решения хозяйственных вопросов, на что король ответил, что в отсутствие Лагеркруны он сам будет заниматься обязанностями военного комиссара. Дискуссия на эту тему была завершена.

Дотошному генерал-квартирмейстеру было дано поручение составить для А. Лагеркруны подробную инструкцию, в которой

командиру авангарда, в частности, должно быть предписано осторожное обращение с населением. Карл XII во что бы то ни стало хотел избежать эксцессов, при которых напуганное население Северских земель начнет прятать от шведов хлеб и фураж.

Генерал Андерс Лагеркруна был в штаб-квартире человеком примечательным, но мало популярным. Он был большим хвастуном и любителем поразглагольствовать, В финансах он, правда, понимал толк — тут он отличался активностью, деятельностью, энергичностью, но в обращении с окружающими его людьми был не очень приятным господином. Военную карьеру он начал еще при Карле XI, с 1702 года командовал Вестерботтенским полком, в 1705 году получил графский титул и с тех пор служил в штаб-квартире. Его считали даже Любимчиком Карла XII, потому что король якобы прислушивался к его мнению. В присутствии короля граф любил громким голосом отпускать шуточки и «резать правду-матку». Карл XII уважал его, вероятно, за то, что тот служил еще его отцу. Это, как замечает Ф. Г. Бенгтссон, еще один пример того, каким плохим психологом был король, принимая подделку за настоящий драгоценный камень.

И вот теперь Лагеркруна должен был в первый раз проявить себя на самостоятельном и ответственном боевом задании. Все, что этот человек делал раньше или будет делать позже, не пойдет ни в какое сравнение с тем, что он сделает в ходе рейда по Новгород-Северской земле. Тактичный и осторожный Юлленкрук, естественно, не мог прямо высказать королю свою оценку Лагеркруны и в качестве причины Для отвода придумал его «незаменимость» на посту военного комиссара, но на короля этот довод, как мы видим, не подействовал, а генерал-квартирмейстер развивать свою аргументацию не стал.

Отряд Лагеркруны — две тысячи человек пехоты, тысяча кавалеристов и шесть пушек — собирали из лучших подразделений армии. Боевая задача авангарда состояла в том, чтобы без длительных дневных остановок (с трудом наскребли провиант для отряда на две недели) идти на Драков к реке Ипуть, навести через нее мост, занять позиции у Мглина и охранять Почепский проход — единственный путь для русской армии, в Новгород-Северскую «провинци» и единственный проход шведской армии из Новгород-Северской земли вглубь России. Для обеспечения успеха рейда был выслан отряд валахов, в составе которого находился инженер-капитан Дальхейм. В задачу этого летучего отряда входило разрушение всех мостов через реки, находившиеся восточнее маршрута Лагеркруны в зоне шириной от 120 до 130 километров.

Авангард под командованием А. Лагеркруны, пользовавшегося у короля репутацией исполнительного и пунктуального генерала, немедленно выступил в поход, а за ним быстрым маршем вышла вся полуголодная армия во главе с Карлом XII. 29 сентября армия перешла речку Сож у Кричева и углубилась в большой лес, около 90 километров шириной, расположенный между реками Сож и Ипуть и отделявший Белоруссию от Новгород-Северской области. Шведы не были новичками в преодолении лесных преград, но на сей раз и они были изумлены его первобытностью и трудностяг ми похода. К тому же скудное питание вызвало у личного состава болезни — особенно стала свирепствовать дизентерия, и армия несла ощутимые потери в живой силе и лошадях. Утверждают, что этот лес отнял у армии Карла столько же людей, сколько забирала средняя европейская баталия.

В это время пришло донесение от Лагеркруны, в котором генерал сообщал, что наткнулся на дорогу, которая была намного лучше, нежели указанная ему Юлленкруком. Когда Карл XII с армией добрался до города Костюковичи, в душе у него закралось предчувствие недоброго. Лагеркруна обязательно должен был пройти Костюковичи, находившиеся на пересечении дорог, но никаких признаков его присутствия там обнаружено не было. В Костюковичах, правда, находилг ся его арьергард в составе 250 всадников из Южно-Сконского кавалерийского полка под командой майора Андерса Коскюлля. Майор самостоятельно вышел на нужную дорогу, а генерал Лагеркруна с основными силами (2750 человек) ушел по найденной им дороге в неизвестном направление.

Все это было настолько же жутко, насколько необъяснимо. «Дали дураку свободу», — мрачно прокомментировал ситуацию Юлленкруку король.

Но Карл XII был человеком действия, и он туг же отправил А. Коскюлля ко Мглину, а сам налегке с небольшими наличными силами — гвардией и частью Далекарлийского полка — двинулся следом за ним. Нужно было попытаться срочно исправить положение, если оно, конечно, не было испорчено окончательно и бесповоротно. С уставшей и без того пехотой король в неимоверно тяжелых условиях, оставляя павших лошадей и умерших от голода и болезней солдат, за два дня прошел 85 километров, с 22 батальонами перешел вброд речку Беседь, шириной в 60 локтей, не отдыхая и не отжимая мокрой одежды, шел до 4 часов утра, 5 октября (24 сентября) перешел речку Ипуть, на которой Лагеркруна должен был уже построить мост, и в тот же день вошел в Костеничи, находившиеся примерно в 10

километрах от Мглина. В Костеничах Карл получил от майора Коскюлля сообщение, что Мглин занят противником (!), а передовые части Шереметева под командой Н. Ю. Ифланда достигли Почепа (!), до которого из Костеничей было целых 60 километров! Чтобы взять Мглин, нужна была артиллерия, но пушки еще тащились где-то по нескончаемому лесу. Правда, целая батарея была у Лагеркруны, но он пропал в неизвестном направлении. Как потом выяснилось, у шведского авангарда произошло столкновение с русской кавалерией Ифланда, в котором Ифлавд прилично «намял бока» Лагеркруне. Царский генерал-наемник со своей кавалерией великолепно выполнил то, что должен был сделать, но не сделал прирожденный швед и «самый исполнительный и самый пунктуальный генерал» в армии Карла XII.

Пока король отдыхал в Костеничах (люди и лошади валились от усталости), Почеп заняли русские. Шведы опоздали, и все их потуги, и все тяготы ускоренного марша оказались напрасными. Путь на Москву снова был закрыт. Шведы опоздали, русские их опередили. Слишком долго король простоял в Татарске. Царь Петр со своими генералами проанализировал положение, просчитал возможные варианты его действий и сделал верный шаг… конями генерала Ифланда. В фехтовании это называется рипостом — ответным выпадом.

В горькую чашу все капли просятся. По дороге в лесу Карлу доставили известие о местонахождении Левенхаупта. Оказалось, что он на момент пребывания короля в Татарске До Днепра не дошел, не говоря уже о Чаусах, а все еще топтался со своим корпусом где-то западнее Днепра. Эго был сильный удар по Карлу, его самолюбию и его планам. Армия, на грани голода, в отчаянном стремлении добраться до хлебных южных краев, застряла в непроходимом лесу, а его генералы Лагеркруна и Левенхаупт, на успешных действиях которых он строил все свои расчеты, пропали в неизвестном направлении!

И снова тревожная весть — теперь уже от генерала Крусе, шедшего в арьергарде армии: на северной окраине «большого» леса он имел бой с русскими. Это означало, что между шведской армией и Левенхауптом появились русские части. Значит, последний отрезок пути для Лифляндского корпуса будет непростым. Но, кажется, королю в этот момент было не до Левенхаупта.

Наконец дал о себе знать самый пунктуальный и исполнительный генерал во всей шведской армии. Оказалось, что найденная им дорога увела его под прямым углом к составленному Юлленкруком маршруту на 70 километров к юго-

западу от Почепа в район Стародуба. В качестве проводников он взял с собой каких-то крестьян, и вот эти «сусанины» привели его совсем не туда. Сопровождавшие Лагеркруну полковники пытались уговорить его на то, чтобы занять хотя бы Стародуб, но генерал возразил, что такого приказа от короля ему не было, а заночевать шведский солдат может и в чистом поле. Пока в шведском лагере шли бесплодные дискуссии, у них прямо под носом прошли русские части и заняли Стародуб, важный город в Северской земле, стоящий на перекрестке дорог. С занятием Стародуба и Почепа русская армия могла спокойно приступать к выполнению жолкевской стратегии лишения шведов продовольственной базы и в этом районе. Весь замысел Карла XII провалился.

Карл XII, все еще стоявший с армией в Костеничах, обозвал Лагеркруну «выжившим из ума» и предпринял меры к тому, чтобы хоть в какой-то мере помешать русским сжечь северские деревни и оставить для своей армии часть запасов продовольствия. Меры эти оказались неэффективными, и перед армией снова во весь рост встала проблема голода. Положение с поиском пропитания стало в полках даже еще более угрожающим, нежели до Северского похода.

И тут в Костеничах появился солдат Далекарлийского пехотного полка и сообщил, что 9 октября (28 сентября) Левенхаупт под деревней Лесной, на полпути от Могилева к Северской земле, имел серьезное сражение с русскими. Тяжелый бой шел с позднего утра до наступления темноты, после чего обе стороны расположились друг против друга на отдых. Что было потом, солдат определенно сказать не мог, потому что его уже в лагере не было. С несколькими товарищами он долго блуждал в лесу, потерялся, пока случайно не напал на след армии.

Все это, несмотря на неопределенность информации, выглядело не слишком оптимистично, и у короля, на которого последние дни обрушилось и так много неблагоприятных вестей, не выдержали нервы. Конечно, он не впадал в истерику и не повышал ни на кого голос, но внутренне он был надломлен, ходил беспокойно по лагерю, а ночью стал страдать бессонницей. Обычно он ложился спать около 21.00 и спал до двух-трех часов утра. Теперь, чтобы хоть как-то скоротать длинные ночи, он стал приходить к лейтенанту драбантов Карлу Хорду и в разговорах с ним, его товарищами и добрейшим Юлленкруком хоть как-то отвлекался от мучивших его мыслей.

Он ни с кем, кроме Реншёльда, не обсуждал случившееся, а о чем они говорили, никому не известно. И снова нависла неотвратимая необходимость принимать срочное решение. На

пороге осень, а оставаться в Северской земле было невозможно — русские своим вступлением в область лишили шведов возможности спокойно перезимовать в этой местности. В Татарске у Карла XII была хоть какая-то свобода выбора, но в Костеничах — уже никакой. Снова Петр I переиграл Карла XII: своими инициативными шагами он фактически навязывал ему собственную программу действий, не пуская его в центр России. Для шведов оставался единственный выход: идти дальше на юг.

Встает, правда, чисто теоретический вопрос: а почему бы Карлу не попытаться исправить положение, взять Почеп, выгнать русскую армию из Северской земли и двигаться по Калужской дороге на Москву? Ведь Головчин показал, что пороха в пороховницах у шведов еще хватало. Недостаток в провизии армия испытывала и раньше и всегда находила какой-то выход. Ведь говорил же король под Клишовом, что голодная собака кусает лучше. Ответ на эти вопросы очень прост: голодные каролинцы перед сражением под Клишовом были уверены, что после баталии они наедятся досыта. Перед Головчином в обозах шведов все-таки еще имелся кое-какой резерв питания. А что произошло бы после того, как шведы, допустим, взяли Почеп? Ничего! Им Досталась бы голая территория, лишенная хоть какой-то возможности пропитания и зимовки после того, как туда вошли русские и сразу приступили к выполнению жолкевских предписаний. В этом была существенная разница между Костеничами и Клишовом с Головчином. Великий Наполеон сто лет спустя обещал не повторять «глупых» ошибок Карла XII, а сам был вынужден бежать из Москвы по разоренной Смоленской дороге, оставив на ней лежать почти всю армию.

Идти обратно к Днепру Карл не хотел ни за что. Оставалась Украина, — смутное географическое понятие, — населенная какими-то казаками, постоянно то воевавшими со своими соседями-поляками и крымскими татарами, то вступавшими с ними в союз. Впрочем, Карлу уже было известно, что там его ждал гетман Иван Степанович Мазепа, ополячившийся украинский дворянин, который еще в сентябре прошлого года послал письмо Станиславу Лещинскому и сообщил о своем намерении перейти на сторону шведов. Осторожный Мазепа давал обещание к приходу шведской армии очистить Украину от «москалей», но предупреждал о необходимости сохранения всех этих планов в тайне, Мазепа питал призрачные надежды с помощью Карла XII оторвать Украину от России и сделать ее самостоятельным государством, поэтому теплый прием шведам на Украине был гарантирован. По имевшимся сведениям, Украина — страна хлебная и мясная, продовольствия там для армии имелось более

чем достаточно, и это было главным аргументом в пользу продолжения похода на юг. А если Мазепе удастся поднять против московитов своих казаков и склонить к военным действиям против Петра еще и крымского хана, то перспектива московского похода станет вполне ясной и многообещающей. Правда, с походом придется подождать до следующей весны, но ничего, Карл подождет, времени на то, чтобы осуществить свои планы, у него предостаточно.

21 октября 1708 года Карл XII снова двинул свою голодную, потрепанную и изнемогавшую от физической усталости армию из Костеничей на юг, на Стародуб, к Десне, разделявшей собственно русские и украинские земли. На полпути к Стародубу короля нагнал наконец Левенхаупт, приведший остатки своего корпуса. Теперь самые мрачные ожидания оправдались: русские подловили генерала под Лесной и навязали ему бой, в котором он потерял половину своего корпуса и весь обоз.

Еще 24 (13) сентября король подписал три срочных письма к Левенхаупту, в котором он ставил его в известность о перемене дислокации и уходе армии на юг, к Мглину. Письма пришли одно за другим 27 (16) и 28 (17) сентября. Левенхаупту все три курьера сообщили, что в пути они находились 24 часа. Встает вопрос: когда же они были направлены с пакетами в путь? Некоторые историки отвечают на этот вопрос так: курьеры два дня передвигались вместе с армией на юг, чтобы достигнуть надежного пути на Чаусы или Могилев, в которых король к тому времени предполагал Левегогаупта, а уж потом поскакали к нему навстречу. Так ли? Так ли доставлялись срочные пакеты от короля? Левенхаупт в своих мемуарах подозревает намеренную медлительность фельдмаршала Реншёльда, ответственного за отправку такой почты. В своих посмертных записках Левенхаупт дает понять, что если бы сентябрьские послания короля он получил раньше, чем они прибыли, то несчастья бы под Лесной не произошло.

Впрочем, Левенхаупт был не таким уж беспомощным военачальником, идущим в русский капкан, словно обреченный кролик к удаву. До соприкосновения с русским «корволантом»[132] он по всем правилам искусства провел дезинформационную акцию, заслав шпиона в русский лагерь с ложной информацией о том, что двигается на Оршу. Если бы не встреча со случайным прохожим, очевидцем переправы шведов у Шклова, Петр упустил бы Левенхаупта. Но, разобравшись с лазутчиком и распорядившись его повесить, царь со своим «корволантом» бросился снова к Пропойску (ныне Славгород) и перехватил Левенхаупта уже под Лесной.

Потеря Лифляндского корпуса под Лесной лежит, как представляется, лишь на совести самого Карла XII (так полагает и швед Э. Карлссон), поменявшего дислокацию армии и оставившего Левенхаупта без всякого прикрытия[133]. Король имел все возможности, уходя в Северскую землю, послать навстречу Левенхаупту сикурс, но он этого не сделал. Кроме того, видимо, Реншёлвд на самом деле приложил свою руку к тому, чтобы «насолить» сопернику, и отправил к нему курьеров с запозданием.

3 октября (22 сентября) 1708 года, когда Лифляндский корпус Левенхаупта пересек наконец Днепр, он сразу вошел в соприкосновение с конным отрядом А. Д. Меншикова. В результате стычек русским удалось взять пленных, которые показали, что корпус Левенхаупта имел не восемь тысяч, как предполагалось ранее, а 16 тысяч человек[134]. Эти сведения оказались для Петра большим сюрпризом, 4 октября (23 сентября) царь созвал военный совет, на котором обсуждался вопрос: «...атаковать ли так сильнее себя неприятеля или генерала Боура [Бауэра. — Б. Г.] дожидатца». Решили, «...что ежели [его] в два дни не будет, то однем оного атаковать».

До Пропойска Левенхаупту оставалось сделать два перехода. Там он должен был переправиться через реку Сож и практически стать для корволанта неуязвимым. 7 октября (26 сентября) отряд Меншикова, пристроившись вслед шведам, стал тревожить их своими атаками. Левенхаупт предпринял попытку задержать русский авангард у деревни Долгий Мох, но эта попытка кончилась неудачей, и корпус отступил к деревне Лесной. Самым правильным для шведов в данном положении было бы, вероятно, напрячь все силы и, оставив арьергард для сдерживания русских, немедленно уходить прочь. Левенхаупт поступил иначе: с трехтысячным отрядом он выслал обоз вперед, остановил корпус, оборудовал укрепленный лагерь — вагенбург и стал ждать русских. Потеряв почти целый драгоценный день на напрасное ожидание, потому что русские так и не появились в поле зрения, он двинулся вслед за обозом и остановился на ночевку.

8 октября (27 сентября), после дневного марша и непрерывных стычек с русскими драгунами, шведы подошли к Лесной, откуда оставался всего один день пути до перехода через реку Сож у Пропойска. Там можно было себя чувствовать в относительной безопасности. Если бы не было напрасно потраченного дня 7 октября (26 сентября), то, возможно, для Левенхаупта все бы кончилось благополучно. Прибыв под Лесную, Левенхаупт распорядился наконец очистить обоз от всего лишнего и неудобного, в первую очередь от награбленного за

время похода некоторыми офицерами имущества (!). Полковникам разрешили оставить по четыре повозки (?), майорам — по три, капитанам — по две и т. д., надеясь, таким образом, при необходимости увеличить скорость передвижения обоза — мера, несомненно, нужная, но половинчатая, слишком мягкая и запоздалая.

Пока все утро 9 октября (28 сентября) занимались этим неблагодарным делом, появились наконец русские, и корпус ввязался в упорный восьмичасовой бой. К Лесной русский корволант подошел разделенным на две колонны, возглавляемые А. Д. Меншиковым и царем Петром. Около полудня колонна Меншикова вышла на поляну, за которой уже находились позиции шведов. Колонна не успела развернуться в боевой порядок, как была стремительно атакована противником. Шведы начали теснить русских, но в это время туда подоспел головной — Семеновский — полк второй колонны, и Петр I, мгновенно оценив ситуацию, бросил семеновцев им на помощь. Однако шведы устояли, и понадобилась атака подоспевших на поле боя Преображенского и Астраханского полков, чтобы вынудить их отступить. Шведы отошли, оставив противнику два орудия.

Русские перестроились в две линии и примерно в 13.00 снова бросились в атаку. Шведы с упорством обреченных отбивали атаки русских и сами контратаковали их. Ожесточенный бой продолжался несколько часов с переменным успехом. Наконец шведы отошли к вагенбургу, оставив на поле боя еще восемь пушек. В сражении наступило затишье, обе стороны были изможднены и ждали подкреплений: Петр — конницу Бауэра, а Левенхаупт — отряд, который с обозом ушел к Пропойску. Бой возобновился, как только к шведам подошел сикурс из Пропойска. Это не смутило русских, и они, не дождавшись подхода отряда Бауэра, предприняли яростный штурм шведского вагенбурга.

Участник сражения шведский лейтенант Вейе так описывает эти драматические минуты: «С обеих сторон начался такой страшный огонь, что отдельных выстрелов уже нельзя было отличить, и на протяжении получаса ничего не было слышно и видно, кроме грома и вспышек. Ветер гнал нам прямо в лицо снег, дождь и дым. Этим в итоге воспользовался противник, наседая на нас всеми своими силами из леса, пронзая наших пиками и штыками раньше, чем они успевали рассмотреть врага. Рукопашная была очень жестокая, и русские погнали нас...»

К 19.00 бой прекратился из-за начавшейся сильной метели.

Потери русских составили 1111 убитых и 2856 раненых, свои потери Левенхаупт оценил примерно в... тысячу человек.

Странный подсчет, если учесть что к королю он привел всего лишь пять с лишним тысяч человек! Выходит, большую часть личного состава генерал потерял не в сражении, а во время ночного отрыва от русской армии[135]. Ведь при подсчете «голов» на месте, в Костеничах, выяснилось, что из двух тысяч кавалеристов у Левенхаупта осталось 1303, из 2900 драгун — 1749, из восьми тысяч пехотинцев — 3451. Большая часть обоза с продуктами, порохом, одеждой, обувью и фуражом попала в руки русской армии, остальное было брошено и уничтожено самими шведами.

Ночью шведы под видом бивуачных костров подожгли часть фургонов и, бросив четыре тысячи телег, гурты скота, раненых, под прикрытием темноты с артиллерией и боеприпасами оторвались от русских. Отступление из Лесной оказалось настоящим кошмаром. Местность была совершенно неизвестной, связь между частями нарушилась, дисциплина ослабла. Как вспоминали потом очевидцы этого перехода, они блуждали в темноте по лесу, ударялись лбами о деревья и падали на землю. Часть из них попала в плен к русским, до тысячи солдат спаслись бегством в свою любимую Лифляндию[136]. Артиллерию и боеприпасы тоже пришлось частью бросить, частью утопить в реке.

Утром 10 октября (29 сентября), обнаружив уход противника, русская армия бросилась за шведами вдогонку. Преследование осуществлял кавалерийский генерал Пфлюг. Мост через реку Сож у Пропойска был заблаговременно разрушен русскими, и Пфлюг настиг один из отставших отрядов Левенхаупта на Соже, разбил его и взял около 500 человек в плен. Сам Левенхаупт, налегке, смог переправиться через Сож в районе деревни Глинки. Здесь «лифляндцы» снова были атакованы драгунами русского генерала Фастмана, шведы потеряли около четырех эскадронов кавалерии и часть пехоты. Но и на этом горести Лифляндского корпуса еще не закончились: 19 октября 1708 года под Стародубом генерал Ифланд настиг один из отрядов корпуса и разгромил его, уничтожив в бою более 300 человек.

Первым, кого Левенхаупт встретил под Стародубом, был печально известный генерал Лагеркруна. Вероятно, им было о чем поговорить.

Карл XII, несомненно шокированный разгромом Лифляндского корпуса, тем не менее пытался выдать желаемое за действительное и написал в Стокгольм реляцию о победе Левенхаупта. Однако истинное положение дел трудно было скрыть, и обо всем скоро стало известно в Европе. Как сообщал царю русский дипломат Б. Куракин, при некоторых европейских

дворах получил распространение пасквиль следующего содержания: «Стокгольм: играю-играю, все выигрываю, а прибыли не имею». Русский посол в Копенгагене В. Долгорукий докладывал Петру I: «Победу над шведцким генералом Левенгауптом здесь приписывают к великой славе и к утверждению интересов царского величества, королю же шведцкому к крайней худобе. И не чают, чтоб он потеряв такой корпус, до конца сея войны уж поправлятца мог».

Сохранять Лифляндский корпус как самостоятельную единицу не имело смысла, и его расформировали, влив пехоту и кавалерию с драгунами в полки основной армии, тем более что после Головчина, Доброго и болезней в личном составе армии были большие потери. Генерал без войска, как он потом сам выразился в русском плену, остался на положении вольноопределяющегося. Его роль в армии до Полтавы свелась к роли постороннего наблюдателя. Король никогда не говорил с ним о важных делах, и единственное поручение, которое он ему дал, состояло в том, чтобы возглавлять военный трибунал. На некоторое время звезда Левенхаупта закатилась, чтобы в тяжелых обстоятельствах, когда потребуются его способности, снова блеснуть и потом уже исчезнуть с небосвода навсегда.

С приходом Левенхаупта армия Карла XII снова насчитывала около 32 тысяч человек (вместо 40 тысяч, как планировалось ранее). Порох, который с таким нетерпением ждали из Риги, пропал, и теперь армия постоянно испытывала в нем недостаток. Но философия короля заключалась в том, что нужно было продолжать жить с тем, что имеешь. Порох он получит у Мазепы, у которого, по сведениям, в Батурине арсеналы были полны всяких боеприпасов, включая порох и пушки.

При личной встрече с Левенхауптом Карл XII держался ровно и спокойно и никаких разносов ему не учинял. Ранее, отвечая на рапорт Левенхаупта из-под Стародуба, король в ответном письме о поражении под Лесной лишь упоминал, что «...сначала до меня доходили слухи о счастливой акции Господина Генерала с противником, но потом распространились известия, что Господин Генерал был противником разбит». По прибытии Карла XII в расположение корпуса Левенхаупта под Стародубом генералу было позволено приложиться к руке короля, а потом уж докладывать подробности случившегося. Левенхаупт делал акцент на самом сражении, в котором шведы показали себя вполне достойными противниками, а не на катастрофических ею последствиях.

Зато коллеги, в первую очередь фельдмаршал Реншёлвд, не преминули высказать свою оценку действий Левенхаупта: они

указывали на медлительность передвижения его корпуса и на расшатавшуюся в нем дисциплину. Утешение Левенхаупт находил лишь у графа Пипера, что вызвало еще большие ревность и неудовольствие со стороны Реншёльда. Отношения его с Левенхауптом никогда не были хорошими, а теперь они испортились окончательно, и это в будущем самым роковым образом отразится на судьбе армии.

... А шведы уходили из Северской земли на юг, к Десне, на Украину, на которую они теперь возлагали свою последнюю надежду. Они покидали эти края без сожаления — слишком много горя, страданий и разочарований было связано с ними. 29 октября в деревне Поноровка к армии наконец-то со своим отрядом присоединился генерал Лагеркруна и возобновил свои тыловые обязанности[137], с которыми он справлялся несколько лучше, чем с боевыми. Одновременно с ним в армии появились два посланца гетмана Мазепы: один — поляк по имени Быстрицкий, а другой — какой-то звонарь из Лифляндии, выступавший, вероятно, в роли переводчика. Гетман передал важное сообщение о том, что в ближайшее время он намеревался сделать решающий шаг и присоединиться к шведскому королю. Послов, естественно, тепло приняли и отпустили с ответным известием для гетмана, чтобы скоро ждал гостей.

Мазепа, приняв «решающий шаг», начал всего бояться и поддаваться панике. Ему всюду мерещились враги, предатели и длинная рука Москвы, потому что некоторые русские части уже тоже двинулись на Украину, чтобы предупредить вторжение туда шведов. Параллельно шведской армии, но несколько восточнее ее, вдоль Десны, шла армия Шереметева. Не отставала от нее и кавалерия А. Д. Меншикова. Шведы считали, что в данной ситуации для гетмана было лучше всего отсиживаться в хорошо укрепленном Батурине, поэтов му для них его появление в шведском лагере вызвало неподдельное изумление. Видимо, страх согнал его с места, и 6 ноября (26 октября) 1708 года он в сопровождении примерно четырех тысяч (по Б. Лильегрену — двух тысяч) казаков прискакал в Орловку, которая находилась в 70 километрах к ее-веру от Батурина. Секретарь канцелярии Седерхъельм описал гетмана как «...мужчину 63 лет, страдающего подагрой, лицом и наружностью очень похожего на графа Дальберга, живого и разумного в речи».

Возможно, разумность Мазепы и произвела впечатление на королевского секретаря, но не на Карла XII — вряд ли он одобрил то, что тот бросил на произвол судьбы свой оплот Батурин и арсенал с оружием лишь только для того, чтобы «представиться пред светлые очи короля Швеции». Шведский король встретился с

гетманом 8 ноября (28 октября). Прошла неделя встреч, представлений и переговоров, на которых Мазепа еще играл какую-то роль, а потом он просто превратился в тень, мелькавшую то здесь, то там по шведскому лагерю, а чаще всего сидевшую в мрачной задумчивости в своей палатке.

Следует признать, что решение гетмана Ивана Степановича Мазепы (1644—1709) изменить царю Петру и уйти под крыло шведского короля далось ему не так уж просто и быстро. Оно вызревало в голове опытного и искушенного в воинских и государственных делах гетмана в течение последних трех лет. Заманчивое предложение от шведского ставленника короля Станислава Лещинского, сделанное еще в 1705 году, не давало ему покоя ни днем ни ночью. Последнее время, несмотря на доверие и ласку, проявляемые к нему со стороны царя Петра, гетман, как и все предатели, был неспокоен, сильно встревожен и подозрителен. Ему повсюду мерещились шпионы Москвы, он не спал ночами и, лежа в постели, вздрагивал при малейших шорохах, принимая их за шаги своих полковников или старшин, сохранивших преданность «москалям».

Неприятности начались с самого начала войны со шведами. Царь постоянно требовал от него помощи то войском, то провиантом, в то время как от полковников к нему стали приходить жалобы на поведение русских властей и солдат. Украинские казаки подвергались со стороны царских генералов и офицеров унижениям, незаслуженным наказаниям и даже побоям. Украинская вольница не имела никакого понятая о воинской дисциплине, и, естественно, царские военачальники пытались навести в полках хотя бы видимость порядка. Поборам и грабежам подверглось и мирное украинское население — солдатам Петра надо было питаться, а провиантирование в те времена было одним из самых узких мест в любой армии. В окружении Мазепы беспрерывно обсуждались действия царских генералов, направленные на преобразование казацких полков в регулярную царскую армию. В казачьей верхушке зрело недовольство «москалями», и гетман это недовольство полностью разделял. Он давно подумывал о свободе и самостоятельности Украины, но пока, находясь между двух огней, не видел ни средств, ни путей к осуществлению этой мечты. О брожениях в казацкой верхушке знали в окружении царя, но особо-го значения этому не придавали: во-первых, потому, что украинцы всегда «бузили» и бунтовали, во-вторых, гетман Мазепа был предан царю и уверенно контролировал казацкую массу.

Первый раз верность гетмана подверглась испытанию в 1705 году, когда к нему под Замостье с секретными прелестными

предложениями от Станислава Лещинского явился Францишек Вольский. Тогда Мазепа, не колеблясь, сдал Вольского под караул киевскому воеводе князю Д. М. Голицыну, а письмо Лещинского отослал царю. Второй подход к Мазепе через поляков сделали через год на крестинах у дочери краковского воеводы князя Вишневского. Крестной матерью ребенка выступала княгиня Дольская, и, возвратившись с крестин к себе в Дубну, Мазепа написал Дольской благодарственное письмо. К письму он приложил цифирный ключ (шифр) для будущей секретной переписки. Напрашивается вывод, что уже во время крестин с Иваном Степановичем провели серьезные разговоры о его будущем. Через несколько дней от княгини пришел ответ, в котором она сообщала, что довела приязнь гетмана к известной особе до сведения этой особы. Под «особой» подразумевался король Швеции.

Расшифровкой письма Дольской занимался гетманский писарь Орлик, и Мазепа, чтобы отвести от себя всякие подозрения, объяснил писарю, что «глупая баба» предлагает ему обмануть царя, уговорить его отступиться от Августа и взять под свою протекцию Лещинского, который в ответ за эту услугу обещает примирить Петра I с Карлом XII.

— Об этом дурачестве я уже говорил государю, и его величество только посмеялся над этим, — пояснил Иван Степанович писарю.

Скоро от княгини Дольской пришло еще одно письмо, в котором она уже предлагала «приступить к делу» и обнадеживала поддержкой со стороны шведов. Мазепа разыграл перед писарем возмущение подобным провокационным предложением и приказал ему письмо сжечь, а в ответе Дольской написать, чтобы она оставила его в покое.

В переписке наступил годовой перерыв, но потом события стали разворачиваться с невероятной быстротой. При встрече с царем в Киеве в 1706 году светлейший князь А. Д. Меншиков начал склонять гетмана к тому, чтобы разделаться со своей мятежной старшиной и конкретными действиями доказать верность царскому величеству. И тут же пришло письмо от искусительницы Дольской, в котором она, ссылаясь на беседу с генералом Рённе и фельдмаршалом Шереметевым, сообщила о том, что Меншиков «...роет под ним яму». К этому же времени Меншиков, предлагавший было Мазепе выдать свою сестру за его племянника Войнаровского, неожиданно прекратил сватовство, сославшись на то, что царь Петр якобы сам хотел жениться на ней. Иван Степанович был глубоко уязвлен: от любого другого родовитого князя он мог бы стерпеть подобную обиду, но только

не от безродного «выскочки» Меншикова. Было известно также, что временщик подговаривал царя отдать ему Черниговское княжество, а это был явный подкоп под гетманство Мазепы.

С Жолкевского военного совета Иван Степанович воротился расстроенный и обиженный. Его там никто не ругал и не критиковал, но и не похвалил, и это больше всего уязвило сердце честолюбца. Как нарочно, к нему в этот момент явился иезуит Зеленский с прямым предложением перейти на сторону Карла XII. Наседали на него и полковники, требуя внести окончательную ясность в вопрос о том, чью сторону следовало бы им занять в войне России со Швецией. Орлик тоже был парень себе на уме, и долго морочить ему голову было бы и опасно, и невозможно. И Мазепа открывает ему, а потом и полковникам свои планы о восстановлении былой самостийности Украйны, о возврате казакам прежних вольностей и обычаев, но объясняет им, что для достижения этой цели спешить не следует и что нужно затаиться и ждать, ждать и лавировать между шведами, поляками и русскими, пока между ними не определится победитель.

Теперь все карты были раскрыты, тайна стала достоянием многих людей, и для «искусной ношеной птицы», как гетман сам называл себя, начинается мучительная и тревожная пора ожиданий. Каждый день он дрожит при одной только мысли о том, что в его собственных рядах может найтись доносчик.

Царь Петр и король Лещинский между тем требуют от него помощи войском, а он пишет им отговорки, ссылаясь на разного рода трудности и препятствия. Донос царю о предательстве гетмана уже поступил, доносчиком выступил отец Марии, молодой жены Мазепы, Василий Леонтьевич Кочубей, но царь Петр не поверил ему и выдал доносчика на жестокую расправу самому же гетману. То же самое произошло и с полковником Искрой. Казнь Искры и Кочубея отрезвила Орлика и, вероятно, некоторых других, также вынашивавших мысль о доносе, и на какое-то время положение вокруг Мазепы стабилизировалось. Он по-прежнему надеялся на то, что война минет Украину и что он сумеет отсидеться у себя дома, а когда успех одной из воюющих сторон окончательно обозначится — сделать свой беспроигрышный выбор.

Но вот приходит весть о том, что шведская армия, не доходя до Смоленска, неожиданно повернула на юг и приближается к северным границам Украины.

— Дьявол его сюда несет! — в сердцах упомянул гетман короля Швеции. — Все мои интересы перевернет, войска царя впровадит за собой внутрь Украйны на погибель нашу!

Эти предположения стали тут же сбываться: царь прислал

указ немедленно выступать к Стародубу на соединение с генералом Ифландом, Посоветовавшись с полковниками, Иван Степанович решил указу царя не следовать, а послать к Карлу XII гонца с прошением о протекции. Отказался он поехать и в Глухов, куда его несколько раз приглашал царь Петр. Мазепа вызвал Быстрицкого и продиктовал ему письмо к графу Пиперу, в котором изъявлял радость по случаю прибытия короля Карла на Украину и снова просил оказать ему всяческую протекцию от русского царя, в том числе направить к нему на помощь шведский отряд, для чего обещал подготовить паромную переправу через Десну у пристани Макошинской.

Быстрицкий вернулся с устным ответом от шведов, что Карл XII обещал поспешить к Макошинской пристани к 22 октября (2 ноября). Мазепа остался ожидать развития событий в Борзне и на всякий случай послал своего гонца канцеляриста Болбота в Глухов, чтобы разузнать о настроениях в русском лагере. Болбот привез тревожные известия о том, что царь планирует против гетмана что-то недоброе и что «верные люди» из окружения царя Петра просили передать гетману, чтобы он в Глухов ни при каких обстоятельствах не приезжал.

23 октября прискакал Войнаровский и рассказал, что ему удалось сбежать из-под зоркого ока князя Меншикова, который, по словам одного немецкого офицера, на следующий день должен был появиться в Борзне и якобы арестовать дядю[138]. «Дядю» Мазепу, пишет С. М. Соловьев, словно вихрь сорвал с места: в тот же вечер он был уже в Батурине, на следующий день переправился через Сейм, заночевал в Коропе, на другой день, 24 октября (4 ноября), переправился через Десну и к ночи вступил в контакт с головным шведским полком. Отсюда он отправил обозного начальника Ломиковского и писаря Орлика к королю Швеции сообщить о своем прибытии.

Дальнейшее нам уже известно.

... В начале ноября армия перешла Десну, и в первый раз форсирование реки оказалось трудным предприятием для шведов. На противоположном берегу находились в большом количестве русские под командованием генерала Халларта, а плывшее по реке ледяное крошево тоже мало способствовало успеху дела. Королю удалось ложным маневром отвлечь внимание русских от переправы, занять сначала плацдарм на острове среди реки, а потом уже высаживаться на другой берег. Халларт встретил шведов во всеоружии и попытался сбросить их в реку. Бой оказался жестоким, с большими потерями для обеих сторон. Шведы с трудом оттеснили пехоту Халларта от реки и в районе деревни Межин 13 ноября все-таки вступили на западный

берег Десны. На севере оставалась армия Шереметева, а впереди была свободная дорога на юг к вожделенному Батурину.

Но только позже Карлу XII стало известно, что в тот же день, когда он переправился через Десну, Батурин как потенциальная база снабжения армии прекратил свое существование. А. Д. Меншиков по указанию царя, узнавшего про измену гетмана, проявил расторопность, нагрянул под Батурин, окружил его и попробовал взять приступом. Штурм был отбит, и трудно было сказать, как сложилась бы ситуация с украинской кампанией 1708—1709 годов вообще, если бы Батурин устоял и попал в руки Карла XII. Но везение теперь было на стороне русских — дверь в крепость открыл промосковски настроенный казачий полковник, и Меншиков в последний момент ворвался в город, перебил его защитников и завладел арсеналом Мазепы. Очередная осечка для Карла!

Взятие русскими Батурина означало еще один знаменательный поворот событий в пользу русской армии. После Батурина в казачьей среде начались брожения и сомнения в правильности действий своего гетмана. Петр I приказал разослать по всем украинским городам универсалы, в которых клеймил Мазепу как предателя украинского народа и призывал казаков встать на защиту своей страны против вторжения шведов. Результаты не замедлили сказаться: многие из приведенных к шведам казаков либо разбежались по домам, либо присоединились к русской армии, а украинское население оказывало и пассивное, и активное сопротивление шведам[139]. Мазепа превратился в жалкого беженца при штаб-квартире Карла XII, терзаемый теперь сожалениями о неправильно рассчитанном шаге и вынашивавший коварные планы возвращения к Петру, чтобы попытаться заслужить его прощение выдачей своего шведского покровителя и короля! К. Г. Адлерфелвдт вынужден был признаться: «И мы неожиданно очутились в необходимости постоянно драться как с неприятелями, так и с жителями того края, куда мы вошли. Это сильно огорчало старика Мазепу, который пришел в неописанную скорбь, когда услышал, что русские овладели в Белой Церкви его сокровищами, а он на них возлагал надежды». Ему в своих мемуарах вторит 26-летний корнет Сконского драгунского полка Йоахим Лют (Лит, Lyth), описывающий местное население злым и недоброжелательным отношению к шведским пришельцам.

22 ноября король со своей армией прошел мимо Батурина, где его взору представилось одно пепелище, а 28 ноября он остановился в местечке Ромны на реке Псел, вместившем три шведских полка и всех мазепинских «козаков». Не которые

мистически настроенные шведы увидели в этом благоприятный знак — ведь Ромны звучали почти как Рим («Ром» по-шведски), а Рим, как поговаривали, тоже стоял в планах короля Швеции. Ромны, конечно, были далеко не Римом, хотя в первый раз за многие месяцы шведы здесь по-человечески поели. Настроение в лагере шведов, несмотря на обрушившиеся на них за последнее время несчастья, несколько улучшилось, и они с оптимизмом смотрели в будущее. Поступили известия от короля Станислава и Крассова, которые подтвердили свое обещание прийти на помощь Карлу и заодно привезти с собой европейских вин, пряностей и прочих деликатесов, по которым избалованные в Саксонии шведы очень соскучились. Налаживалось вроде и положение с порохом — османские турки обещали продать его шведам в достаточном количестве.

Как водится на зимних квартирах, посыпались повышения на тех, кому удалось выжить за этот год. Нужно было заполнять многочисленные свободные вакансии в полках, батальонах и ротах. Поредевшие ряды драбантов пополнились за счет «достойных молодых людей», бухвальдские драгуны получили наконец нового полковника — им стал не кто иной, как 19-летний Маленький Принц, у которого к этому времени уже накопилось шесть лет военного непрерывного стажа и нежной дружбы с королем. Украина располагала к относительной безмятежности, приятному — по возможности — времяпрепровождению, к пьянке, перевариванию обильной однообразной пищи, сплетням и снова к пьянке… Впрочем, иногда устраивались кавалерийские скачки, в которых блистали драгунские полковые командиры Таубе и Дюккер.

Но царь Петр не был настроен на отдых, и скоро в донесениях всплыл забытый Богом какой-то Гадяч, под которым неожиданно появился противник. Пришлось прервать мирный образ жизни, и король во главе гвардии и трех полков помчался на выручку к своим, под Гадяч. Русские уже изготовились было к атаке, но, обнаружив подкрепление, полученное шведами, отошли назад. Вообще спокойствия для шведов на Украине не было. Одновременно с гадячским эпизодом в местечке Смелое произошла схватка с драгунами русской армии под командованием генерала К. Э. фон Рённе[140]. В небольшой крепости Пирятино, что на реке Удай, ожесточенное сопротивление фуражирам оказали казачьи сотники братья Лукьян и Василий Свички. Казаки не только не отдали свой город на разграбление шведам, но и очистили от них всю свою местность. Несмотря на сильные морозы, русская армия не прекращала боевых действий и продолжала «изнурительно

досаждать» шведам.

А морозы в ту зиму грянули отменные. На Балтике покрылся лвдом Каттегат, и норвежские юлки по льду перебегали в госта к датским в Ютландию. Вокруг острова Готланд, словно в Антарктиде, образовались многоэтажные торосы. Во Франции льдом покрылись Сена и Рона. Но все это были шуточки по сравнению с украинскими и русскими морозами. В упомянутом выше походе на Гадяч многие шведы (а это все-таки были скандинавы, а не французы или итальянцы) замерзали насмерть. Четыре дня шведы вообще старались не высовывать носа наружу и отсиживались по домам, но помещений для всех не хватало, и многие отдали Богу душу.

Станислав Понятовский писал в своих мемуарах: «Прежде чем прийти к Гадячу, шведы потеряли три тысячи солдат, замертво замерзших, кроме того, всех служителей при повозках и многих лошадей».

Другой участник описываемых событий, упомянутый выше Даниэль Крман, в своем дневнике следующим образом отразил подробности гадячского похода: «Я положил еще на воз раскаленный кирпич для обогревания ног и рук. Ибо, обладая таким образом внутренним и внешним теплом, смог продержаться более половины пути... Некоторые из наших конных возниц окоченели насмерть. Они были найдены бездыханными на телегах и возах, особенно те, которые заснули после неумеренного поглощения горилки... На следующий день наши хирурги начали отрезать своими бритвами и отмороженное, и гниющее мясо от пальцев рук и ног у некоторый солдат и приходящих для этого в нашу квартиру людей».

Капеллан Свен Агрелль вспоминал: «... Сердце обливалосв кровью при виде трупов бедных людей, лежавших в поле и в вагончиках... фельдшеры работали все дни, ампутировали руки и ноги... все дома были полны такими калеками...» По свидетельству А. Фрюкселя, в Гадяче каждый дом превратился в лазарет, где полевые хирурги были заняты отпиливанием у каролинцев отмерзших частей тела: «Проходившие по улице ежесекундно слышали вой несчастных и видели лежащие перед домами там и сям отрезанные части тела. А по улице встречались больные, которым не удалось нигде найти пристанища и которые ползали по снегу в немом отчаянии или в припадке сумасшествия». П. Энглунд пишет, что каждое утро на улицах Гадяча собирали трупы сотен замерзших шведов и целый день на санях свозили их в какой-нибудь овраг: «Фельдшеры работали круглосуточно, наполняя бочку за бочкой ампутированными конечностями обмороженных».

Именно в декабре 1708 года у царя Петра возникли планы нанести шведской армии сокрушительный удар. Момент для этого он считал подходящим, ибо к этому времени шведская армия была измотана в непрерывных мелких боях, страдала от голода и холода, а также от нехватки боеприпасов и амуниции. Морозы сковали бездорожье и предоставляли русским войскам возможности для самого широкого маневра. Нужно было напасть на шведов, пока они не соединились с войсками своего союзника Лещинского и корпусом генерала фон Крассова. Как мы знаем, генеральная баталия была отложена на пол года — по всей видимости, идея царя была отклонена военным советом и генералами. От невиданных морозов страдала и русская армия. В декабре Петр, однако, направил в Польшу сводный отряд под командованием генералов Гольца и Голицына с задачей как минимум блокировать корпус фон Крассова и коронную армию Лещинского и воспрепятствовать их соединению с Карлом. Как мы позже увидим, задача эта будет успешно выполнена и еще один пункт в стратегии шведов окажется несостоятельным.

Из Гадяча Карл XII направил несколько писем, в том числе послу Г. Вахшлагеру — с указанием поторопить фон Крассова и Лещинского с направлением помощи на Украину и губернатору Висмара — принять меры к передислокации из Познани и Эльбинга к восточным границам Польши дополнительных подразделений шведской армии. В Турцию отправили людей с заданием закупить у султана амуницию, порох, свинец и другие материалы.

2 января 1709 года (22 декабря 1708 года) король покинул наконец злосчастный Гадяч и предпринял «молодецкую» попытку размяться на морозе. В рейде на восток от Ромен шведы натолкнулись на укрепленный пункт Веприк, занимавший выгодную стратегическую позицию. Шведы пытались закрепиться на рубеже рек Псел и Ворскла, а Веприк, как заноза в теле, торчал на пути шведов и позволял русским контролировать все их передвижения. Сам Петр неоднократно приезжал осматривать Веприк и дал указание ввести в него достаточно сильный гарнизон.

Король, вопреки советам Юлленкрука и других военных не выводить личный состав на такой крепкий мороз, решил во что бы то ни стало ликвидировать эту крепость. С какой-то болезненной нервозностью король при встрече, дразнил своих «советчиков» придуманной на ходу песенкой: «Ты, мой Веприк, так уж мал, а комендант твой повешен на вал!» Крепостные «сооружения» Веприка представляли собой деревянный частокол, защищенный толстым слоем льда, и занесенный снегом ров,

жалкие ворота на замке; домишек не видать и — усатые ухмыляющиеся физиономии наверху за частоколом. Гарнизон состоял из двух батальонов пехоты, одной сотни драгун и 400 украинских казаков; комендантом крепости был полковник Ю. Фермор, англичанин по национальности. Смешно! Король ради потехи предложил своим спутникам погреться. Налетели и… отскочили. Из-за деревянного частокола полетели пули и картечь. Обошли с другой стороны — то же самое. Коменданту направили ультиматум, который он категорически отверг. Так шведы безуспешно топтались под Веприком до 15 января 1709 года, пока к ним не подвезли артиллерию.

Шведы установили четыре батареи по пять орудий в каждой и начали стрелять по верху вала, но ядра кололи лед, а ледяные куски ранили своих же солдат. Король приказал подвезти осадные лестницы, сам Реншёльд вошел в азарт. Шведы построились в колонны и полезли на забор — скользко, не получается, да и лестницы оказались коротковаты. Сверху на каролинцев лили кипяток, кулеш и прочие неприятные для осязания жидкости. При этом участники «потехи» так торопились доказать свою преданность королю, что одновременного штурма крепости тремя колоннами не получилось, что привело к дополнительным потерям: около 400 человек убитыми и 600 человек ранеными. Был контужен в грудь фельдмаршал Реншёльд, ранен генерал Штакельберг, убиты три полковника и многие другие старшие офицеры.

Король пребывал в унынии. Кроме того, его, вероятно в первый раз в жизни, мучили угрызения совести: это из-за его легкомыслия и самолюбия шведская армия лишилась столь многих и достойных людей у какой-то деревеньки, обнесенной забором! Долгие месяцы он вел армию из голодных мест, маневрировал, спасал солдат от голода и холода вдруг послал их в безрассудную атаку под пули и штыки в угоду каким-то эфемерным «развлечениям». Рационального объяснения поступкам Карла XII под Веприком ни один его биографов не находит. Большинство склоняются к тому, что король находился в состоянии нервного срыва.

Шведские историки отмечают еще один «феномен поведения короля» под Веприком: в отличие от всех предыдущих, и последующих схваток, он не шел во главе своих штурмующих колонн, а послал вместо себя Реншёльда, а сам стоял неподалеку и наблюдал за развитием событий, — феномен который произвел на солдат и офицеров довольно неприятное впечатление. Никто не осуждал за это короля, но все поняли вдруг, что он стал другим и с ним что-то произошло.

В ночь с 16 (5) на 17 (6) января штурм Веприка повторили. К осажденным снова послали парламентера и предложили сдать крепость на почетных условиях. Учитывая, что боезапас гарнизона подходил к концу, Ю. Фермор, посовещавшись с офицерами гарнизона, решил крепость сдать. Более 1500 человек, включая мирных жителей Веприка, попали в плен. Их разместили в соседнем Зенькове, но немедленно вступили в переговоры с Петром I, чтобы попытаться обменять их на своих. Русская армия послала на выручку Веприку подкрепление, но пробиться к осажденным оно не смогло: в районе Опошни этому отряду генерал Дюккер 17 (6)— 18 (7) января нанес поражение и отбросил его обратно на восток.

Потом были еще Лохвиц, Краснокутск, Олешня и другие военные эпизоды, в которых армия Петра продолжала «томить» неприятеля и наносить ему удар за ударом. А Веприк вошел в историю как единственное сражение, в котором шведы под непосредственным руководством короля фактически потерпели позорное поражение, несмотря на то что крепость все же была сдана. Король видел, что русский солдат стал другим, что он теперь лучше обучен и стойко сражается, но продолжал цепляться за свое «нарвское наследие» и презирать Петра как противника.

Рождество у шведов получилось не очень веселое. Разместились на зимние квартиры очень скученно — четыре украинские хаты на роту! Новый год и первые дни января 1709 года потепления не принесли — наоборот, морозы только усилились, и обмороженных хоронили десятками и сотнями. Ко всему прочему, зимней одежды шведы не припасли — то ли не было запланировано вообще, то ли не привез Левенхаупт, то ли не расстарался генерал Лагеркруна. Гетман Мазепа подарил своему покровителю меховую шапку, но Карл надел ее пару раз и вернулся к солдатской треуголке, чтобы не выделяться. В эти дни он отморозил себе нос и щеки, но быстро растер пораженные части лица снегом и тем спасся. Морозы для него не были препятствием для того, чтобы нарушить обычный режим дня. Инспекционные поездки в отдаленные гарнизоны происходили в любую погоду. Официальные документы шведской армии за это время показывают, что морозы, болезни и простуды вывели из строя около восьми тысяч человек. Шведы утешались, однако, тем, что русские страдали от морозов ничуть не меньше.

Так заканчивался 1708 год и начинался год 1709-й, Кровь стыла в жилах воевавших, но горячие сердца жаждущих победы с обеих сторон продолжали стучать и гнать эту кровь по жилам, потому что иного выхода не было!

К марту 1709 года шведская армия практически оказалась

блокирована русской армией на Украине. «Шведское войско находилось в тисках, но не потеряло инициативы», — замечает П. Энглунд, характеризуя положение шведской армии в этот период. Задуманный королем план закрепиться по линии рек Псел и Ворскла после Веприка был почему-то оставлен, и все передвижения шведов концентрировались по линии одной Ворсклы, а русская армия все теснее сжимала кольцо окружения. Король не переставал искать пути на Харьков и Белгород, чтобы оттуда попытаться выйти на Тулу. В этих целях он бросил генерала Дюккера с отрядом драгун к городу Груну. Шведы напали на русский кавалерийский пост и прогнали его из города, взяв в качестве трофее богатый обоз. А. Д. Меншиков немедленно парировал эти вылазку шведов, выставив сильные кавалерийские заслоны по восточному берегу Ворсклы, чтобы не дать противнику перейти через реку. Шведы с большими силами напали Меншикова в его штаб-квартире в Опошне, но Александр Данилович бой не принял и отступил.

В результате шведы овладели переходами через Ворсклу и устремились было на восток. Б. П. Шереметев со своей армией находился в это время к северу от Веприка в верхнем течении Псела и тоже медленно отходил в восточном в правлении. Король во главе кавалерийского отряда поднял вверх по восточному берегу Ворсклы, у деревни Хухря напал на русских кавалеристов и погнал их к Ахтырской крепости. Одновременно только что повышенный в звании генерал Хьюго Юхан Хамильтон (Гамильтон) продолжил движение на север, чтобы проследить за продвижением Шереметева. Король же со своими драбантами и гвардией 21 февраля дошел до Краснокутека и столкнулся там с большими кавалерийскими силами под командованием Меншикова. Произошел бой, протекавший полностью во вкусе Карла XI. Был глубокий снег, и схватки велись в основном вдоль дороги. Русские кавалеристы конечно же во многом уступали шведским — и в выучке, и в вооружении, и в конях, поэтому шведы изрядно помяли и потеснили конницу Меньшикова и отогнали ее до местечка Городно. После Городна неожиданно натолкнулся на свежую русскую драгунскую дивизию. Ему захотелось повторить Пунитц — ворваться в Краснокутск на плечах отступавшего противника и ошеломить его одним ударом. Но русские драгуны неожиданно стойко сопротивлялись: они дали дружный залп по шведам, и в рядах королевской кавалерии началась настоящая паника. Если бы на выручку драбантам и драгунам не пришел полк «плохо видящего» Крусе, то вместо Пунитца шведы получили бы новый Веприк. Короткий зимний день заканчивался, и русские драгуны под прикрытием темноты

снялись с места и в полном порядке отступили. Краснокутск был сожжен каролинцами дотла. Юнкер Р. Петре записал в свой дневник: «Больше всего было жалко малых детей, вынужденных брести со своими матерями по глубокому, по конское брюхо, снегу, и бедные жители... смотрели на свои горящие дома и рыдали так, что даже камни не могли оставаться равнодушными к их горю...»

Шереметев, как выяснили шведы, двигался параллельно Карлу XII на восток и явно пытался перекрыть ему дорогу на Белгород. Карл на Белгород не пошел, а повернул на юго-восток, к Харькову. 23 февраля он добрался до города Коломак, расположенного на реке с одноименным названием, Русских нигде не было, но предел его продвижению был положен другими, более непредсказуемыми и непреодолимыми силами. В планы короля вмешалась сама природа. Неожиданно для этого времени года начались оттепель и настоящая весенняя распутица. Гремел гром, сверкали молнии, и лил проливной дождь. Дороги моментально пришли в негодность, реки и ручьи разбухли, передвигаться в таких условиях было просто невозможно. Трижды Карл XII пытался отворить ворота на Москву — под Татарском, в Северской земле и под Харьковом — и каждый раз терпел неудачу.

Все эти неудачи короля сами шведы объясняют невезением. Шведский историк профессор Стилле по этому поводу пишет следующее: «...не так уж много было таких походов, в которых несчастливое стечение обстоятельств, злой рок, неблагоприятный военный азарт играли бы такую значительную роль, как в оперативных планах Карла XII 1708— 1709 годов. В них вмешались и неверные доклады, и ошибки генералов, и прежде всего непредвиденные и неожиданные природные явления, — и восклицает: — Рука судьбы повернулась против него!» Выходит, все победы одержаны Карлом благодаря везению?

Если следовать этой логике, которой некоторые западные историки, кстати, объясняли и неудачный поход Наполеона в Россию, и поражение под Москвой Гитлера, то можно подумать, что погодные условия на армию Кутузова или Петра I никакого влияния не оказывали. Посягавшим на независимость России агрессорам всегда почему-то мешали русские морозы, потом весенняя распутица, летняя засуха, осенние дожди, непроходимые леса, широкие степи и т. д.

... Как бы то ни было, а Коломак остался самой восточной точкой всего русского маршрута Карла XII. Дальше шведская нога уже не ступала. А. Юлленкрук вспоминает, что в Коломаке Карл XII приказал его проинформировать о дорогах в Азию, сославшись

на то, что, по словам гетмана Мазепы, Азия находится совсем рядом. Юлленкрук объяснил королю, что Азия лежит далеко отсюда и по этому тракту до нее не дойти. Король тем не менее высказал мнение, что следовало бы добраться до этого континента, чтобы потом можно было сказать, что он побывал в Азии. Генерал-квартирмейстер возразил, что «Е. В., вероятно, шутит со мной, а на самом деле и не помышляет о том, чтобы идти туда. Е. В. ответил, что он отнюдь не шутит и что я должен разузнатm туда дорогу». От короля Юлленкрук сразу пошел к Мазепе и попросил проинформировать его о дороге на Азию. Тот поинтересовался причинами и, когда узнал о желании Карл XII идти в Азию, страшно перепугался и пояснил, что он с его величеством всего лишь пошутил. Юлленкрук сухо заметил, что подобные шутки с королем Швеции опасны, потому что могут завести слишком далеко.

Трудно сказать, где тут правда, а где вымысел, но бывший генерал-квартирмейстер передал этот эпизод боле или менее верно, то складывается впечатление, что король просто над ним пошутил. «Знаток» всех дорог Европы почему-то не учел при этом, что Азия находилась от Коломака не так уж и далеко. При оценке мемуаров Юлленкрука надо, вероятно, учитывать то обстоятельство, что мемуарист страдал полным отсутствием чувства юмора и Карл XII частенько над ним подтрунивал. Верно передавая чисто внешнюю канву событий, Юлленкрук давал им не всегда адекватную оценку[141].

Конечно же королю в Коломаке было не до Азии - ему пришлось из-за бездорожья даже бросить артиллерию. 1 марта (18 февраля) 1709 года Карл XII вернулся в Опошню и пробыл там до 13 (2) марта, откуда переехал в Будищи. Снова наступили морозы, распутица кончилась, но король с армией продолжал оставаться в районе рек Псел и Ворскла и ни о каких походах более не помышлял. Ему надоело гоняться за Петром, и он решил проводить выжидательную тактику, чтобы в удобный момент «поймать» русскую армию на какой-нибудь ошибке и нанести ей решающий удар. Идти на «вы» он уже не решался.

После выхода из Ромен — всего за два месяца — армия стала уже не той, какой была раньше. Шведские историки оценивают ее численность к марту 1709 года не более чем в 25 тысяч человек (Б. Лильегрен указывает цифру 28 тысяч). Голод больше не угрожал каролинцам, но не хватало пороха, одежды и обуви, солдаты выглядели оборванными и неопрятными. Сделка с турками о закупке пороха не состоялась, и полковник Бюнов приступил в Опошне к его кустарному производству. В полках занялись даже дублением и выделыванием кожи для сапог,

научились молоть муку. Впрочем, тогда этим занимались и в других армиях.

Граф Пипер не прекращал попыток уговорить короля вернуться в Польшу, но Карл не хотел об этом и слышать. Он теперь надеялся на помощь короля Станислава и присоединение к армии корпуса фон Крассова. Не исключалось, что к шведам присоединятся османы и крымские татары. У шведов неожиданно появился новый союзник — запорожские казаки. Атаман К. Гордиенко поднял в Запорожье восстание, перебил три царских полка под командованием полковника Кэмпбела и теперь представлял собой куда более солидного союзника, нежели гетман Мазепа. Запорожцы прислали к королю своего посла с предложением союза против Москвы, и Карл дал указание такой союз с ними заключить. В конце марта К. Гордиенко во главе восьмитысячного отряда[142] присягнул на верность Карлу XII, а затем, под нажимом Карла XII, — гетману Мазепе. Гетман, расчувствовавшись от такой услуги, одолжил королю из своей казны 60 тысяч талеров.

У Карла XII появились планы организовать поход на Москву с огромным составленным из турок, татар и запорожских казаков войском, костяком которого должна стать его армия. Девлет-Гирей II уверенно обещал шведам союз, выказывая открытое неповиновение своему сюзерену султану Ахмеду III. У короля нашлись противники в собственном лагере. Многим идея союза христиан с «басурманами» показалась не совсем привлекательной: Карл XII отвергал многих европейских правителей, напрашивавшихся к нему в союзники и предлагавших субсидии, а теперь король заманивает в антирусский лагерь всякий «сброд» да еще собирается их содержать на шведские деньги. Король не разрешал своим солдатам брать в поход законных жен, в то время как казаки Мазепы и Гордиенко наводнили своими походными «женками» весь шведский лагерь. Выходило, что ради достижения своей цели король отрекался от своих христианских принципов, а это в шведской армии нравилось далеко не всем.

Между тем ни шведам, ни крымскому хану, ни большинству историков не было известно, что дальновидный царь Петр уже подложил «бочонок с порохом» под все украинские планы Карла XII. Все полагали, что поездка царя в марте — мае 1709 года в Воронеж и Азов была связана с инспектированием крепостей и подготовкой флота в Азовском море, чтобы «...заставить Турцию воздержаться от враждебного выступления против России» (Е. Тарпе). На самом деле инспектирование крепостей и подготовка флота (кстати, совершенно недостаточного для того, чтобы

сдержать Блистательную Порту от войны с Россией) были лишь, говоря современным языком, легендой. В Азове Петр I встретился с Кападжи-пашой, неофициальным представителем султане в Бахчисарае и, вместо демонстрации мощи своего флота, состоявшего из двух негодных и десяти вполне приличных кораблей, на глазах у паши и его янычарской свиты приказал его сжечь! После этого Петр вручил Кападжи-паше крупную сумму денег и отпустил с ним пленных мусульман. В Константинополе соответствующий успешный демарш по отношению к великому визирю Черлюлю Али-паши провел посол П. А. Толстой. После этого султан Ахмед III запретил Девлет-Гирею «воевать московитов» и занял по отношению к России четкую нейтральную позицию[143].

Зима, наконец, заканчивалась, снег таял, и наступило время более активных военных действий. В апреле Карл XII выехал в рекогносцировочную поездку на юг, и там на западном крутом берегу Ворсклы его внимание привлекла крепость Полтава. Он оставил возле нее кордоны, затруднявшие сношение защитников крепости с русской армией, и уехал. Полтава, по его оценкам, представляла собой довольно посредственную крепость с 30 пушками, но достаточно сильным гарнизоном численностью до четырех тысяч человек[144]. В общей расстановке сил крепость играла подчиненную роль — так ее оценивали сами русские и большинство военных в шведском лагере. Но для короля, как пишут некоторые западные и русские историки (А. Борисов в 1909 году, П. Епифанов в 1971 году), Полтава приобрела неожиданно громкое звучание. Она, по его мнению, могла послужить магнитом для втягивания армии Петра в генеральную баталию. Если обложить город со всех сторон и приступить к его осаде по всем правилам фортификационного искусства, то русские начнут высылать в крепость подмогу и постепенно превратятся в участников задуманной королем комбинации — комбинации почти беспроигрышной, не сопряженной ни с риском, ни с большими затратами сил и средств. Пока шведская армия будет заниматься полтавской проблемой, к ней успеют присоединиться полки Лещинского и фон Крассова, а также турки с татарами[145].

В течение апреля все шведские полки были постепенно стянуты к востоку, к берегам Ворсклы, и образовали оборонительную линию от Опошни и к югу на 40 километров до Полтавы и дальше до Старых Сенжар. 11 мая началась осада Полтавы, всё инженерно-техническое обеспечение которой король поручил Юлленкруку. На вопрос Юлленкрука, зачем королю понадобилась Полтава, Реншёлвд ответил: «Его величеству в

ожидании короля Станислава захотелось слегка развлечься». Естественно, Карл XII и фельдмаршал не выдавали генерал-квартирмейстеру тайны, заключавшейся в том, что осада крепости будет мнимой. «Вы будете нашим маленьким Вобаном», — якобы сказал король в шутку Юлленкруку, и тот засучив рукава принялся за дело.

Но с Полтавой получилась неувязка: король вроде бы принялся за ее осаду понарошку, надеясь поймать в сей мышеловке царя Петра, но в конечном итоге попал в ловушку сам. Поскольку ни Карл XII, ни его «маленький Вобан» не оставили на этот счет никаких объяснений, то нам придется принимать эту версию на веру. Или считать ее шуткой. Мы же вслед за многими другими историками будем считать Полтаву важным стратегическим плацдармом Петра на западном берегу Ворсклы, связывавшим значительные силы шведской армии[146]. Впрочем, некоторые шведские историки предлагают иную версию о причинах проявленного королем интереса к Полтавской крепости. Так, Э. Карлсеон считает, что к лету 1709 года шведская армия, обложенная со всех сторон русскими войсками, никакого другого выбора просто не имела. Ему вторит П. Энглунд: «Маленькое войско было загнано в мешок, замкнуто в пространстве не более пяти миль[147] шириной между Днепром и его притоками Пселом и Ворсклой». Отступать к Днепру Карл категорически отказался и с какой-то фатальной безысходностью решил оставаться там, где был, и ждать событий: вступления в войну турок и татар, подхода фон Крассова из Польши, просчетов со стороны царя и т. п.

Зачем была нужна шведам Украина, рассказал Петру I в плену Левенхаупт. Генерал объяснил, что Мазепа уговорил Карла XII пойти на юг, обещая шведам дополнительную п» мощь из Крыма. Мазепа хорошо понимал, что, если шведЫ уйдут в Польшу, он со своим войском окажется ни при чем, И уговорил. Тем более что шведы уже устали от «скифской войны» и хотели от нее немного отдохнуть. А вот насчет Полтавы Левенхаупт проинформирован королем явно не был.

А. Стилле пишет, что Полтава была нужна Карлу кай средство связывания инициативы русской армии в ожидании подхода турок, татар и поляков и одновременно указывает, что это был крупный стратегический просчет Карла XII. Наш современный военный историк А. Шишов находит еще один мотив для шведов обратить свое внимание на Полтаву. Оказывается, русские планировали создать в городке склад оружия, боеприпасов, амуниции и продовольствия за счет ликвидированных второстепенных крепостей и гарнизонов во

всей округе. Об этом мог прознать предатель Мазепа, а пороха у шведов, как мы уже знаем, катастрофически не хватало. Полтавские припасы могли выручить шведское войско во всех отношениях. Но Мазепа и шведы не знали одного: русские не успели осуществить свои планы, а царь дал приказ хранить все это в глубокой тайне.

Очевидцы событий из шведского лагеря также единодушно утверждают, что мысль овладеть Полтавой подсказал Карлу Мазепа[148]. Один из пленных показывал, что расчет Мазепы строился на том, что, если король «...оную добудет, может всю к себе приклонить Украину». Резон в таких рассуждениях, конечно, был, но мог ли Карл, не прислушивавшийся даже к своим ближайшим шведским помощникам и генералам, послушать старика Мазепу? Вряд ли. Скорее всего, король сам убедился в преимуществах, которые дала бы ему покоренная крепость: река Ворскла, на которой стоит Полтава, была удобной артерией, связывавшей город с Днепром, а Переволочна, находившаяся в устье Ворсклы, давала возможность переправиться войскам Станислава Лещинского, генерала фон Крассова и запорожским казакам Гордиенко. Не исчезли у Карла XII к этому времени и иллюзии в отношении Османской империи: он надеялся, что турки все-таки вступят в войну против России.

Если ход мыслей Карла XII был именно таким, то, по мнению современных историков, он был ошибочен: овладение Полтавой в любом случае не могло оказать решающего значения на исход войны. У Полтавы произошло то же самое, чему мы были свидетелями у стен Веприка, с той лишь разницей, что Веприк был началом конца, а Полтава поставила точку на всем шведском вторжении. При штурме Полтавы король проявил то же самое упрямство, что и при штурме Веприка, только потери здесь были намного тяжелее, а результаты всех усилий овладеть крепостью — нулевыми.

... А «рутинный стратег» Юлленкрук, по мере выполнения своих обязанностей, связанных с осадой Полтавы, приходил во все большее уныние и отчаяние от изобретательности своего короля. Генерал-квартирмейстеру казалось странным, что эта изобретательность была направлена на то, чтобы снизить эффективность фортификационных мер и затянуть осаду крепости по времени. Так, король в качестве землекопов предложил использовать запорожцев, но они при первых выстрелах из крепости разбегались во все стороны. Потом король не давал в достаточных количествах пороха, и когда начался обстрел Полтавы с интенсивностью по пять бомб в день, король выглядел очень довольным. Юлленкрук мог только прийти к

однозначному и «утешительному» мнению, что король в фортификационном искусстве не понимает ни бельмеса. Он стал жаловаться на короля графу Пиперу, но Карл XII сносил эти жалобы со стоическим безразличием.

Кстати, о «ленивой» осаде шведами Полтавы летом 1709 года пишет и наш историк Н. И. Павленко. По его мнению, Карл XII брать крепость штурмом или вести против нее фортификационные работы не хотел, надеясь на то, что город и так сдается. К тому же король решил экономить порох, поэтому в первых числах мая три шведские мортиры от Крестовоздвиженского монастыря бросали в город не более пяти бомб в день. На караул шведские солдаты заступали с незаряженными ружьями, на штурмы ходили с холодным оружием, в подкопы порох не клали, опасаясь, что его украдут. Убедившись, что крепостью овладеть невозможно, шведы 12 июня предложили сдать ее на условиях, которые будут предложены самими русскими. Комендант Полтавы Алексей Степанович Келин, человек долга, незаурядной выдержки и отваги, дал им достойный ответ: «...приступов было 8, из них присланных на приступ более 3000 при валах Полтавы положили... победить всех не в вашей воле состоит, но в воле Божьей, потому что всяк оборонять и защищать себя умеет».

Вести о неумелой осаде крепости через перебежчиков достигали ее защитников, а это и было нужно хитрому шведскому королю, пишет Ф. Г. Бенгтссон. Осада Полтавы послужила материалом для разыгрывания между Карлом XII и Юлленкруком пьесы в жанре комедии, и актеры не замечали, что на горизонте уже собирались грозовые тучи, а на сцене ставились декорации для трагической развязки. Русская армия тоже расположилась вдоль Ворсклы, только на восточном ее берегу, прямо напротив шведов. Стычки, перестрелки и мелкие бои стали обычным явлением дня.

Шведы предприняли попытку завязать активные боевые действия на восточном берегу Ворсклы. Отряд генерала Крусе удачно начал операцию, зайдя в тыл драгунам Рённе под Соколками, но подслеповатый генерал не сориентировался в обстановке, в результате несогласованных действий трех шведских полков русские не только выскользнули из окружения, но и нанесли при этом значительный урон противнику. Король долго и пристрастно допрашивал участников операции об их действиях и остался ими недоволен. После этого попыток перейти на «русский» берег шведы уже не предпринимали.

Зато Меншиков со своей кавалерией 18 (7) мая переправился на «шведский» берег и наделал там много шума. Его рейд был

задуман как демонстрация поддержки осажденной Полтаве, он смял передовые посты шведов и стал сближаться с окопавшимися в Опошне четырьмя полками Рууса. Шведы забили тревогу, из Будищ примчался Карл и привел с собой подмогу, в результате чего русские кавалеристы в полном порядке отступили снова за реку. Но прецедент был создан, в штабе Петра стало ясно, что оборону шведов можно было легко прорвать, и спустя некоторое время операция будет повторена с большим успехом.

19 (8) мая Карл покинул Опошню и двинулся в направлении Полтавы, оставив на месте населенного пункта один лишь пепел. Его встретил обеспокоенный Юлленкрук и стал убеждать его в том, что Полтаву с ее достаточно сильным гарнизоном не то что пятью бомбами в день, но и более интенсивным обстрелом к капитуляции вынудить не удастся. Нужно как минимум предпринимать генеральный штурм, а штурм даже такой крепости, как Веприк, показал, каких жертв может потребовать Полтава. Карл вспомнил, что Юлленкрук считался большим специалистом по минированию, и предложил ему делать под полтавские валы подкопы. Генерал-квартирмейстер возразил, что подкопы займут мною времени, на что Карл ответил, что времени у них в запасе много. Одним словом, король якобы продолжал «ломать комедию», а Юлленкрук — пребывать в отчаянии. Потом, когда шведы начали делать подкопы, отчаиваться, возможно, стал уже король: а вдруг Юлленкрук ненароком возьмет Полтаву и разрушит всю его остроумную комбинацию против русской армии?

Ф. Г. Бенхтссон приводит в своей книге свидетельство еще одного участника осады Полтавы, уже упоминавшегося выше юнкера Р. Петре, в пользу того, что король на самом деле не хотел брать крепость. Р. Петре вспоминает в своих записках, что 25 (14) мая он находился на вахте в траншее и видел, как «гросфатер» Р. Бюнов стал приказывать своим артиллеристам зажечь город каленными ядрами. Но в это время к полковнику подошел его величество король Швеции и попросил своего главного артиллериста обстрел города прекратить, Бюнов был возмущен и удивлен, но король похлопал его дружески по плечу и сказал, что «нельзя быть таким кровожадным». К 11 часам вечера обстрел Полтавы против воли Бюнова прекратился. Р. Петре уже тогда подумал, что король не заинтересован в том, чтобы Полтава пала. Если это было не так, то при ее осаде потребовались бы большие усилия, нежели те, что предпринимались королевским генерал-квартирмейстером.

Но чтобы для русских создавать видимость искренних усилий, надо все-таки было делать что-то похожее на серьезную

осаду. Между защитниками крепости и каролинцами то и дело происходили стычки и перестрелки. Меткие выстрелы казаков очень часто попадали в цель. Запорожские казаки, копавшие рвы и минные ходы, иногда тоже брали ружья в руки и отвечали такими же выстрелами по защитникам крепости. Карл заходил время от времени в траншеи и в обществе упомянутого Р. Петре с интересом наблюдал за перестрелкой или развлекался тем, что выставлял над бруствером чучело каролинца и дразнил им защитников крепости. Во время одного из таких развлечений полтавцы забросали короля и генералов Стакельберга (Штакельберга) и Левенхаупта дохлыми кошками и собаками — настолько близко отстояли шведские окопы от стен крепости[149]. Юнкер рассказывал королю о сражении под Лесной, в частности, он поведал ему в деталях о том, как убил из мушкета Гессен-Дармштадтского принца. Несколько вечеров Карл провел с юнкером в дискуссиях о том, насколько опасным оружием были ручные гранаты. Король высказал мнение, что они причиняют личному составу не так уж много вреда, с чем Петре позволил себе не согласиться и привел многочисленные примеры обратного. Впрочем, вспоминает Петре, король остался при своем мнении.

28 (17) мая гарнизон Полтавы во главе с бригадиром Головиным сделал вылазку. Тремя днями раньше Головину с двумя батальонами, переодетыми в шведские мундиры, и запасом пороха и свинца удалось прорваться в крепость, в то время как Меншиков со своей кавалерией за Ворсклой производил демонстрацию перехода через реку. Вылазка оказалась неудачной, русским в спину зашла каролинская гвардия, она взяла в плен Головина и несколько его офицеров и нанесла большой урон осажденным.

Но все чаще и чаще верх над шведами стали брать русские. Вскоре после пленения Головина русский отряд Яковлева в районе Переволочны, в нижнем течении Ворсклы, разгромил запорожский лагерь, а затем и саму Запорожскую Сечь. Запорожцы поплатились за свою беспечность большими потерями, и все это было бы для шведов не так уж и страшно, если бы не негативные отголоски этого эпизода в Константинополе и Бахчисарае. Желание выступать на стороне шведов там поуменьшилось, а царскому послу в Стамбуле П. А. Толстому удалось представить шведскую армию в довольно неприглядном виде. Разгром запорожской базы на Переволочне скоро аукнется шведам, когда им понадобятся средства переправы через Днепр, а их там не окажется.

Очередной удар шведским интересам царь Петр нанес в

Польше: как мы уже упоминали, он послал на границу с Польшей сводный отряд кавалерии Х. Гольца и пехоты Д. М. Голицына, который перечеркнул все обещания короля Станислава собрать войско и прийти на помощь своему патрону. Под местечком Подкамень объединенные русско-польские силы преградили путь армии короля Станислава, и тот, не дожидаясь подхода фон Крассова, пошел в наступление, но был разгромлен «в пух и прах» и бежал в Варшаву. А за два дня до Полтавы генерал Х. Гольц разбил отряд самого ярого сторонника шведов и Лещинского — бобруйского воеводы Сапеги. Вся польская политика Карла XII, проводившаяся в течение шести лет, демонстрировала свою несостоятельность. В войне с русскими шведам пока так и не удалось заручиться хоть одним реальным союзником, и всю тяжесть ее приходилось нести каролинцам, а их число неуклонно сокращалось из-за ежедневных потерь.

Внешние обстоятельства и внутренний ход событий в самой шведской армии все яснее и определеннее указывали на то, что многое будет зависеть от комбинационных возможностей шведов под Полтавой. Причем в любом случае и победа, и поражение могли быть полными и чреватыми самыми серьезными последствиями. Король завязал под Полтавской крепостью крепкий узел, который можно было разрубить лишь решительным и рискованным ударом. И ждать с этим шведы долго не могли, потому что катастрофически таяла их непобедимая армия и осложнялась ситуация с ее снабжением.

«Если сражение окончилось бы победой, — пишет Э. Карлссон, — то шансы на спасение вряд ли бы кардинально улучшились — настолько изолированной и слабой стала теперь шведская армия, — но повысился бы ее престиж и, возможно, ей удалось бы перебраться через Днепр. В случае поражения положение шведов ухудшилось бы ненамного, но зато, по крайней мере, они дорого продали бы свою жизнь и сделали бы все для утверждения славы шведского оружия». Таков или примерно таков мог бы быть ход мыслей короля накануне сражения. Но думал ли он так?

Напряжение в обоих воюющих лагерях достигло своего пика, и это понимали и в штаб-квартире Петра I. Обе армии сосредоточились на сравнительно небольшом пятачке земли, и решающее сражение логически вытекало из их противостояния на Ворскле: шведам не было смысла уходить, а русским уже не было смысла избегать решающей баталии. Им нужно было только выбрать для нее благоприятный момент, потому что время работало уже на русскую армию.

В расчеты царя не входила потеря Полтавы, ибо она

отозвалась бы негативными внешнеполитическими последствиями для России. Прежде всего это спровоцировало бы на активные военные действия Османскую империю. Между тем в результате обмена письмами в полых бомбах царю стало известно, что гарнизон испытывает серьезные трудности и вряд ли сможет продержаться дольше, чем до июня, так что в ближайшее время нужно было оказать Полтаве действенную помощь, а это означало переход через реку. Шведам это тоже было известно, и они готовились встретить русских на своем берегу.

Русские нащупали слабое место в обороне шведов — как раз к северу от Полтавы, но первый серьезный удар противнику нанесли на юге и снова под Старыми Сенжарами, где содержались пленные из Веприка. Русскому генералу Хейнске удалось отвлечь генерала Крусе ложным маневром на юг, а самому быстро ворваться в Сенжары, освободить пленных и нанести большой урон шведскому гарнизону. Когда к шведам подоспела помощь, дело было сделано, и Хейнске отступил в полном порядке. Воодушевленные успехом, не откладывая дело в долгий ящик, солдаты второго отряда под командованием генерала К. Э. Рённе перешли Ворсклу в районе деревни Петровки, севернее Полтавы, и быстро укрепили занятые позиции земляными оборонительными сооружениями. Фельдмаршал Реншёльд находился совсем рядом, но проявил странную, с точки зрения русских, нерешительность и позволил Рённе зацепиться за западный берег. Рённе воспользовался этим и переправил через реку артиллерию и дополнительные силы[150].

26 (15) июня, согласно Э. Карлссону, произошел невероятный случай: озабоченный положением шведской армии Карл XII зашел в палатку к «вольноопределяющемуся» Леве нхаупту и обратился к нему с вопросом, что бы тог посоветовал сделать. Левенхаупт ответил, что шведам следовало бы оставить в покое Полтаву и всеми силами атаковать противника. Судя по воспоминаниям генерала, ответ королю не понравился.

День рождения в 1709 году оказался для высокородного именинника неудачным. 27 (16) июня русские приготовили для шведского короля не совеем радостные подарки. Вслед за Рённе к форсированию Ворсклы в районе деревни Нижние Млыны изготовился генерал Халларт. Халларту не удалось с ходу перейти на западный берег, но он занял остров, находящийся посередине реки, планируя использовать его в качестве плацдарма для завершения всей операции. На место «происшествия» с батальоном далекарлийцев прибыл Карл XII, который быстро прогнал отдельных просочившихся на западный

берег русских и завязал перестрелку с защитниками острова. В этом ему помогали запорожцы.

Оставив на некоторое время место боя, Карл поехал на лошади вдоль берега, все время оставаясь в пределах досягаемости вражеского огня. Сопровождавший его драбант Малькольм Бьёркман был вскоре убит. Король повернул назад, и туг пуля слева и сзади вошла наискось в ступню его левой нога. Было девять часов утра, и это была его вторая пуля. Он продолжал ехать верхом и попросил находившегося в свите Понятовского никому не говорить о происшествии ни слова. К королю подскакал Левенхаупт и сразу заметил, что король чересчур бледен. На осторожный вопрос генерала король ответил: «Эго всего лишь нога, пуля сидит там. Я прикажу ее вырезать, так что она со свистом вылетит обратн». Он приказал Левенхаупту следить за обстановкой дальше, а сам поскакал к Полтаве. Так у шведского историка Ф. Г. Бенгтссона. Г, Адлерфельдт запишет в своей хронике, что потеря для армии раненого Карла XII как символа ее духа была равносильна потере полководца. (Прозорливое замечание, если учесть, что Адлерфельдт наверняка сделал эту запись накануне Полтавской битвы, ибо он в ней и погибнет.)

По версии Н. И. Павленко, в этот день несколько сотен казаков «для учинения диверсий» в отношении противника перешли реку у деревни Нижние Млыны и подобрались поближе к шведскому лагерю. Карл XII вместе с Мазепой оказался у этой деревеньки, где Далекарлийский полк с казаками А. Войнаровского, племянника Мазепы, отражали атаку казаков. Здесь и произошло непредвиденное, наложившее отпечаток на весь ход последующих событий.

Очевидец ранения Карла С. Понятовский писал: «Шесть тысяч московитов подошли... как будто с целью перейти через Ворсклу на расстоянии полутора миль от Полтавы. Несколько казачьих сотен, невзирая на пикет из 48 коней, поставленный для наблюдения за ними, переправились вплавь и напали на шведскую стражу у Полтавы. Король, по своему обыкновению объезжавший все посты на самой заре, имел удовольствие с 18 конями прогнать их и преследовать до места их переправы, где он и остановился на некоторое время на берегу, следя за тем, как они бросились в реку. Московские войска, находившиеся на той стороне, вели частый огонь: направленная оттуда из нарезного карабина пуля пронзила ногу короля от пятки до конца пальцев, перебив все кости ноги... Вместо того чтобы подумать о своей... ране, король в течение более двух часов объезжал все посты всего лагеря... хотя кровь из нее текла в изобилии».

По дороге в Полтаву раненый Карл XII встретил знакомого юнкера Петре, а в Полтаве направился не в свою квартиру, находившуюся в Крестовоздвиженском монастыре[151] к северу от города, а во второй батальон Далекарлийского полка, который в это время вел бой с защитниками крепости. Он пробыл там около часа, пока не убедился, что события развиваются так, как следовало. После этого он поскакал к Юлленкруку и дал ему необходимые инструкции, потом разговаривал с А. Спарре, причем оба офицера не заметили в короле никаких признаков боли или страдания, и только когда денщик Спарре обнаружил, что из сапога короля капает кровь, стало ясно, что король ранен. Было около 11.00, и король позволил осмотреть свою рану. Он поехал к себе домой, сам слез с коня, чтобы показать всем, что рана несерьезная, но вдруг у него закружилась голова, его подхватили, внесли в дом и уложили на кровать. По армии распространилась весть: король ранен! Все привыкли к мысли, что король был от всего заговорен, и вдруг — ранен!

За несколько дней до ранения король беседовал с Акселем Спарре и главным аудитором Лильеншерной. Рассуждали о доле воинов, которые рано или поздно должны погибнуть. Карл XII высказал мнение, что место и время смерти для него неважно, главное, чтобы на душе было спокойно. Если это присутствует, то можно хорошо прожить жизнь и на поле боя, как и в любом другом месте. Из этого религиозного фатализма и покорности судьбе, вероятно, и происходили его непостижимое самообладание и терпение, с которыми он переносил свое ранение.

Полевые хирурги Мельхиор Нойман и Мартин Рольфер обнаружили пулю почти рядом с большим пальцем ступни. После того как ее извлекли, король подарил ее лейтенанту драбантов Карлу Хорду. Пуля раздробила всю ступню, и осколки кости легко извлекались из раны. Очевидец события, прусский военный атташе фон Зильтман, сообщил в Берлин следующее: «Пуля вошла в ступню на расстоянии ладони от мизинца и была вырезана сверху у большого пальца; четыре наилучших в армии фельдшера и два врача взялись за лечение раны. Не хватает, однако, нужных медикаментов… После неспокойной ночи и сильного жара врачи вскрыли артерию, после чего состояние несколько улучшилось, жар спал и опухоль уменьшилась».

Король заверил всех генералов, что скоро будет снова в строю. Но время — жаркое лето — считалось не совсем благоприятным, в этот период раны плохо заживали, гноились и вспухали, на этот июнь падало наибольшее количество смертей. Обработанная Мельхиором Нойманом рана через два дня

воспалилась, у короля поднялась высокая температура, и два-три дня врачи опасались за его жизнь.

Пока король лежал с высокой температурой, 30 (19) июня и 1 июля (20 июня) царь Петр в районе Петровки перешел через Ворошу на плацдарм Ренне со всей своей армией. Все произошло так, как планировал Карл XII: Петр I «клюнул» на его приманку, но «рыбак» уже был не в состоянии ловить «рыбу».

Безвестный казак, наверняка стрелявший прицельно с середины Ворсклы, самым радикальным образом изменил соотношение сил под Полтавой и способствовал окончательной победе русских.

Выстрел из ружья, имевший серьезные последствия для всей русско-шведской кампании и для государств России и Швеции...

Глава четырнадцатая
И ГРЯНУЛ БОЙ!

...видит Карл могучий
Уж не расстроенные тучи
Несчастных нарвских беглецов,
А нить полков блестящих, стройных,
Послушных, быстрых и спокойных
И ряд незыблемый штыков.

А. С. Пушкин. Полтава

По оценке отечественных историков, после жестоких зимних холодов положение шведской армии весной и летом улучшилось ненамного. Продукты в жару стали портиться, хлеба почти не было, пищу подсаливали селитрой. Доставленные из Крыма изюм, миндаль и инжир проблему голода кардинально не решали. Сена не было, и лошадей кормили сечкой и мукой. Ранения часто заканчивались гангреной. Солдаты были измотаны осадными, ремонтными и земляными работами. Угнетал гром русских пушек крупного калибра. Пули лили вручную, подбирая русский свинец с земли. Все понимали, что русские оттягивают решающее сражение, чтобы окончательно изнурить шведов.

«Непрерывная усталость приводила в отчаяние самых решительных, и многие хотели честной смерти в бою, чем голодной, а некоторые стали думать о переходе к врагу», — писал С. Понятовский.

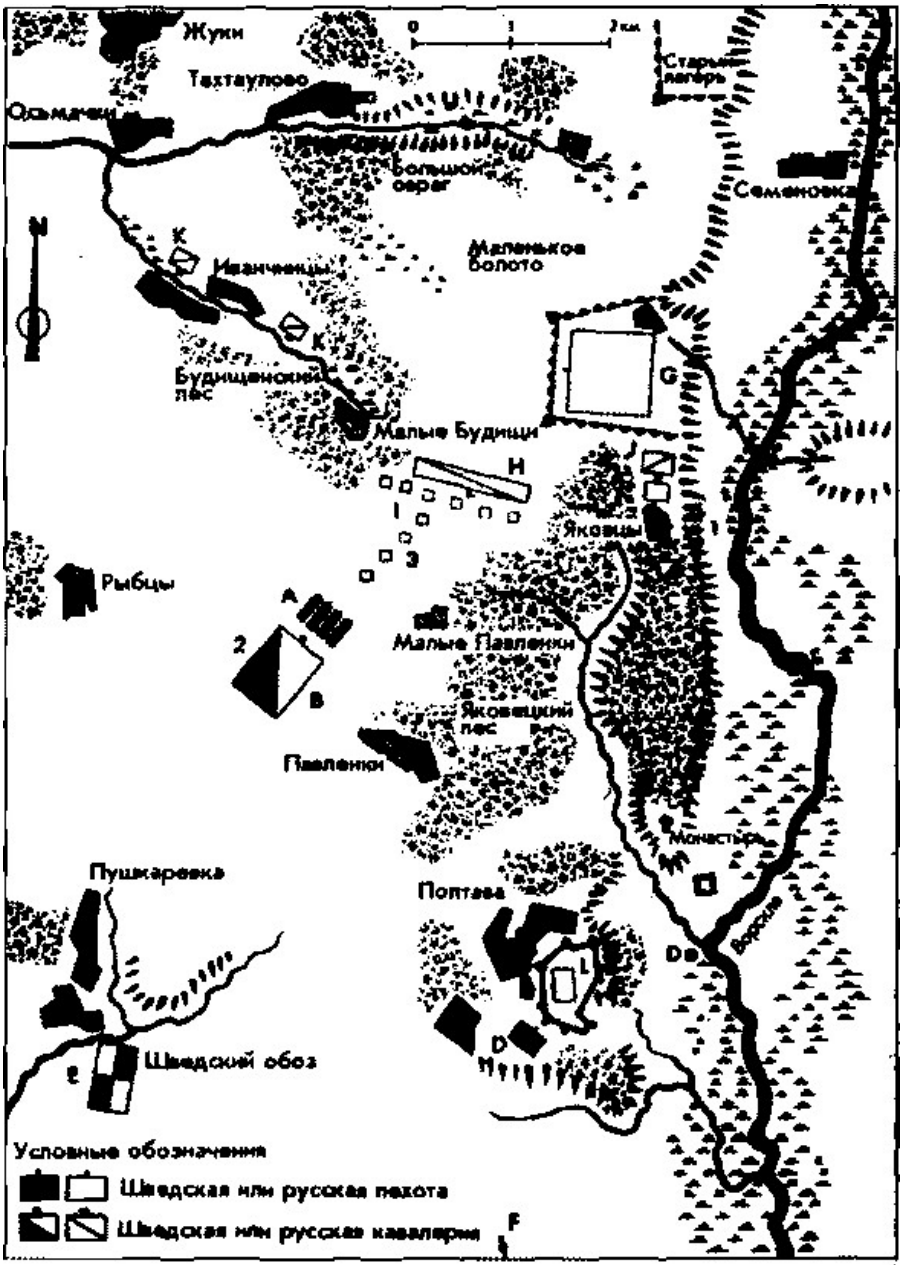
Возникли трения с мазепинцами. Запорожцы были недовольны тем, что из них сделали дровосеков, землекопов и носильщиков. Они были хорошей мишенью для полтавчан и несли в шведском лагере самые большие потери. Их лечили хуже, чем шведов, а шведы справедливо возмущались их бесполезностью на поле боя, низкой дисциплиной, пьянством и развратом. «Их боевой дух дошел до нижней отметки. Было трудно заставить запорожцев исполнять приказы... Они прямо-таки готовы были взбунтоваться» (Я. Энглунд), Армия уже девять лет находилась вдали от дома, и лишения, выпавшие на их долю, сводили на нет боевой дух потомков викингов. Тем не менее, считал А. Стилле, положение шведской армии накануне генерального сражения отнюдь не было катастрофичным и

решение шведского военного руководства дать русским бой якобы отнюдь не диктовалось безысходностью. Ему возражает П. Энглунд, утверждающий, что положение зажатой в тиски шведской армии было безвыходным: «Практически те, кто осадил Полтаву, сами оказались в осаде».

Нажим со стороны русских за последнее время усилился. А воинский дух, выучка и количество солдат у Петра постоянно росли. Русские полки теперь, как и у шведов, формируясь по принципу их финансового обеспечения отдельными губерниями (Владимирский, Нижегородский, Ростовский и т.д.), становились более сплоченными. Наборы рекрутов проводились в великорусских областях, и армия, в отличие от армии Карла, была однородной. Быт русского крестьянина-труженика, закаленного суровым климатом, был близок к военному, и солдаты, по образцу европейцев, сами пекли хлеб, плотничали, ремонтировали лафеты и повозки, шили мундиры.

Труднее было с офицерскими кадрами. Дворяне были еще чужды воинского честолюбия, сказывалось отсутствие в новой России кадровых воинских традиций. Нужно было делать военную службу престижной, и Петр в этом направлении предпринимал колоссальные усилия. Постепенно приобретался опыт и сноровка, развивалась система поощрения ретивых и усердных и наказания нерадивых. Боевая доблесть поощрялась чинами, поместьями, графскими и княжескими титулами. К 1708 году сложилась организация пехотных и кавалерийских полков, состоявших из двух батальонов по 620 человек и пяти эскадронов по 200 человек. С 1706 года стал вводиться четырехшереножный строй вместо шестишереножного, что позволяло палить одновременно из большего количества ружей и уменьшать потери от артиллерийского огня. Утончение боевого строя привело к увеличению роли резерва и второй линии. Завершился процесс перевооружения пехоты ударно-кремневым ружьем. Восьмую часть полков по примеру шведов вооружили пиками. Исчезли старые московские атаки с шумом и гамом, офицеру дозволялось заколоть кричащего в атаке — в линии должны быть слышны команды. Сомкнутому пехотному строю шведов русские противопоставили огонь и полевую фортификацию. Качество и количество пушек значительно возросло. В армии появилась осадная, крепостная, полевая и полковая артиллерия. Для последней была введена особая организация, благодаря которой каждый командир соединения имел собственную артиллерию. Собственную артиллерию получила и кавалерия, здесь расчеты были верховыми, поэтому пушки могли всегда следовать за конницей. Полевая артиллерия применялась в основном для

поддержки пехоты и кавалерии картечной стрельбой. Русские одни из первых придумали и применили в сражении массированный артиллерийский огонь. Почти всё из вышеперечисленного было «продемонстрировано» шведам в ходе Полтавской битвы.



Исходное положение русской и шведской армий перед Полтавским сражением. 1709.

Высшее командование шведской армии накануне Полтавской битвы выглядело следующим образом:

четыре генерал-майора от инфантерии: Спарре, Руус, Лагеркруна и Стакельберг;

пять генерал-майоров от кавалерии: Кройц, Хамильтон, Мейерфельт, Шлиппенбах и Крусе;

один полный генерал от инфантерии — Левенхаупт; один фельдмаршал — Реншёльд.

К верховному главнокомандованию принадлежали также генерал-квартирмейстер Юлленкрук, а также полковник гвардии Поссе и командир Далекарлийского полка Сигрот.

Без всякого сомнения, на этом фоне выделялась сильная фигура фельдмаршала Реншёльда — и по своему званию, и военному таланту, и по достижениям, и, наконец, по личному расположению к нему короля. Он был единственным человеком, с которым Карл XII советовался и обсуждал важные военные и политические проблемы. Его вполне можно было считать заместителем главнокомандующего, которым являлся, конечно, король Швеции.

После выстрела на Ворскле ситуация в армии круто изменилась. Король до этого дня считался безусловным и абсолютным командиром в армии, его приказы выполнялись неукоснительно, его никто не мог ослушаться — он был для всех богом. Теперь, когда из-за раны в ноге король вышел из строя и эффективно управлять армией не мог, бесспорным претендентом на роль главнокомандующего был Реншёльд. Другой фигуры рядом с королем не наблюдалось. Он верил фельдмаршалу, уважал его, считался с ним и даже учился у него. Впрочем, король, кажется, не хотел окончательно устраняться от руководства армией и упускать из своих рук бразды правления: ранение лишило его возможности передвигаться и вникать во все мелочи, но все равно он оставался рядом с фельдмаршалом, а тот постоянно это чувствовал и консультировался с ним.

Когда жизнь короля несколько дней находилась в опасности, все понимали, что главным лицом в армии и государстве станет граф Пипер, а Реншёльд, главнокомандующий армией, станет ему подчиняться. А тут еще и Левенхаупт, профессор в мундире! Левенхаупт, как бы его после Лесной ни игнорировали, оставался главным генералом пехота, а следовательно, по своему положению он шел сразу за Реншёлвдом. Вообще-то после ранения Карла XII в шведской армии образовались две бреши: одну из них заполнил Реншёльд, но другая, генерала пехоты, предназначенная для Левенхаупта, де-юре оставалась пока

пустой, хотя во время сражения Левенхаупт ее заполнит де-факто.

Реншёльд вступал в командование армией в первый раз и главнокомандующим он был, строго говоря, условным — за его спиной все время маячила фигура раненого Карла. И эта двойственность и двусмысленность его положения мешали ему, сдерживали его и нервировали. До этого он выполнял самостоятельные и важные поручения Карла, но командовал он при этом, если выразиться по-современному, ограниченным контингентом войск, а это был все-таки другой уровень управления и решений. Граф Пипер и генерал Левенхаупт, его личные враги, вообще не воспринимали его верховным главнокомандующим, а считали его всего лишь временно выполнявшим роль рупора раненого Карла XII. И Реншёльд конечно же знал это, а потому нервничал, переживал и боялся ошибиться. И он, по мнению многих шведских историков, допустил такие ошибки, которые в конечном счете привели к поражению. Раненый король все-таки не смог эффективно руководить Полтавским сражением, не смог и уследить за всеми действиями своего фельдмаршала. Можно сказать, что созданная таким образом атмосфера нервозности и напряжения внутри высшего военного командования шведов и послужила главной причиной всех ошибок и просчетов, допущенных им на поле сражения под Полтавой.

Личность Реншёльда, несмотря на то что он длительное время был на виду, рядом с королем и внес важный вклад во все победы и дела Карла XII, остается довольно загадочной и бледно описанной в истории. Записки Юлленкрука и Левенхаупта, несколько портретов в масле, несколько исторических анекдотов, описания его боевых дел и рассыпанные там и сям поверхностные замечания мемуаристов — вот и все, что нам осталось от этого человека. Из всего этого материала перед нами предстает сильная, колоритная, холерическая натура с весьма импозантной внешностью и высокомерным и строгим выражением лица, человек долга и прилежного отношения к делу, чрезвычайно работоспособный и абсолютно преданный королю, внушающий многим страх и презрительно равнодушный даже по отношению к такой значительной фигуре, какой, несомненно, был граф Пипер. Он, как и король, был одинок в своем воинском труде, — правда, в отличие от стоика Карла, нетерпим к эксцентрическим личностям типа Юлленкрука и Левенхаупта, к их «выходкам» и не ограничивал себя в выборе выражений и тональности, когда его плохо понимали подчиненные.

В июне 1709 года Реншёльду исполнилось 58 лет. Он родился в Грейфсвальде в 1651 году и воспитывался в Лунде. Вся его

последующая жизнь была прожита в армии, и военному делу он отдавался целиком и полностью. Его отец, померанский купец, за заслуги перед шведской армией в Тридцатилетнюю войну был пожалован дворянством, а сам он начал служить еще Карлу XI, в 1677 году был произведен в подполковники, в 1691 году поехал изучать военные науки в Голландию. За девять лет войны он, как и Карл XII, неотлучно находился при армии и ни разу не попросился в отпуск. Люди тех времен не знали, что такое стрессы, перенапряжения, нервы, и не задумывались над этим.

Принцип стратегии XVIII века: «Сражение — это рвотное для больного, когда нет ничего другого» — полностью применим к Полтавской баталии.

В основу русского плана битвы легли идеи Б. П. Шереметева и некоторых других генералов. Фельдмаршал быстро оценил обстановку и предложил идти на выручку Полтаве, пробиваясь траншеями из-за Ворсклы. Идея содержала минимум риска: часть пехоты и кавалерии можно было переправить через реку в полутора милях к северу от шведского лагеря и затем, опираясь на ретраншемент — полевую земляную крепость, «чинить диверсии». Ретраншемент тылом будет прижат к реке и защитит место переправы и путь возможного отступления. При атаке шведов на русский лагерь можно организовать нападение из-за реки.

Были и другие предложения, но все споры в июне прекратил царь. Главное дело, заявил он, завершить войну, следовательно, надо было уничтожить шведов. Он предложил дробить и «растаскивать» силы противника, непрерывно устраивать ложные атаки и не давать шведам нигде покоя. После такой подготовки уже не часть войск, а вся 42-тысячная армия с 102 орудиями должна будет переправиться на правобережье Ворсклы и принять атаку шведов на укрепленных позициях.

В соответствии с этим планом русские стали «чинить диверсии». Сначала казаки гетмана Ивана Ильича Скоропадского с двумя пехотными и четырьмя драгунскими полками переправились через Псел, совершили рейд по шведским тылам и имели стычки с мазепинцами, охранявшими обоз. Потом 2500 драгун генерал-лейтенанта Хейнске ворвались в Старые Сенжары, перебили много шведов, захватили две полковые кассы и освободили 1270 пленных, взятых при падении Веприка. А в середине июня под прикрытием тумана 12 конных, два спешенных драгунских и три пехотных полка К. Э. Рённе с казаками, волохами и калмыками у деревни Петровки навели через Ворсклу мосты и заняли плацдарм в двенадцати с половиной километрах к северу от шведского лагеря. При этом

они немедленно выстроились в боевой порядок и легко отбили три шведских эскадрона, а позже — атаку шести полков противника. Сразу после этого Рённе стал покрывать занятый плацдарм редутами. Затем через реку переправилась вся русская армия, оставив, как при Куликовской битве, водную преграду за спиной.

О появлении русских на правом берегу Ворсклы Реншёльд доложил королю. Тот через адъютанта якобы передал фельдмаршалу, чтобы тот действовал по своему усмотрению. Такого безразличия к столь острым событиям король никогда раньше не проявлял. После Лесной, по мнению Н. И. Павленко, им овладела какая-то апатия. Это мнение подтверждают и шведские историки.

Согласно их описаниям, утром 27 июня, когда король был ранен в районе Нижних Млын, Реншёльд с большей частью своей кавалерии находился в районе Петровки, где на восточном берегу для форсирования Ворсклы концентрировались части русской армии во главе с генералом Рённе. Фельдмаршал стоял на высоком холме, носившем название Петровской могилы, когда ему принесли печальное известие о ранении Карла XII. Уже первые меры, которые он принял в это утро, свидетельствовали об испытываемых им трудностях своего нового положения. Он созвал всех своих генералов и полковников и спросил их мнение по поводу ответных мер против Рённе. Он предполагал, что ничего нового и важного они ему не скажут, но с самого начала решил установить в армии коллегиальные порядки, потому что знал, что ни Пипер, ни Левенхаупт не упустят возможности позлословить о его диктаторских замашках. Заметим, что коллегиальность в каролинской армии было явление из ряда вон выходящее и сыграет, как мы увидим позже, со шведами под Перевалочной злую шутку.

Военный совет принял решение, с которым фельдмаршал был полностью согласен: не мешать Рённе перебраться через реку и закрепиться в Петровке. Оно полностью соответствовало и концепции короля о том, чтобы выманить русских на этот берег для навязывания им генерального сражения. Вслед за этим Реншёлвд отдал распоряжение убрать шведские заградительные цепи подальше от берега реки. Вечером того же дня, после беседы с Карлом XII, он снова созвал всех генералов, включая Левенхаупта, и от имени короля снова спросил их о том, что следовало предпринять в ближайшие часы и дни. Большинство высказалось за снятие с Полтавы блокады, но Реншёльд, по свидетельству Юлленкрука, сказал им, что «Его Величество категорически против этого». Тогда пришли к мнению, что надо

продолжать все, как прежде, а там покажет время. Очевидно, это совещание было созвано с согласия Карла и имело своей целью укрепить положение Реншёльда как главнокомандующего.

У нас нет оснований подвергать сомнению данную версию поведения Реншёльда и короля. Шведские архивы, в отличие от российских, на этот счет располагают более точными и подробными сведениями. Кстати, ее подтверждает и очевидец событий прусский военный атташе при штабе Карла XII подполковник барон Давид Н. Зильтман. Вот что он писал о действиях шведского главнокомандующего Реншёльда: «26 (15) июня вечером фельдмаршал получил известие, что московиты перешли реку, и он приказал полкам быть готовыми к выступлению. В ту же ночь выступили десять конных и восемь пехотных полков. В начале следующего дня фельдмаршал поставил их в ордер баталии, а в середине дня подвел их на дистанцию 50 шагов к противнику, который ошанцевался[152] недалеко от реки и высокого берега с шестью-семью тысячами человек в шести редутах. После этого была молитва, и потом, когда фельдмаршал ожидал приказа от короля, ему принесли известие, что король между шестью и семью часами был ранен у Полтавы в ногу выстрелом из ружья.

Вслед за этим он с армией, выстроенной в три линии, стал подвигаться к противнику, но когда со стороны последнего стали раздаваться пушечные выстрелы, остановился, и только теперь было замечено, как он ошанцевался и прикрылся испанскими рогатками. После того как фельдмаршал поднялся на один из холмов, чтобы лучше выяснить позицию и положение противника, и спустился обратно, он созвал генералитет на военный совет, который большинством голосов высказался за то, чтобы атаковать противника. Фельдмаршал одному из генералов открыл состояние короля. После того, когда московиты стали бить в литавры и выдвигаться вперед на несколько шагов, однако не покидая ретраншемента, и начали обстрел шведов из двух пушек, Реншёлвд приказал армии повернуть направо и вернуться на прежнее место, где она стояла еще некоторое время, посылая пикеты для наблюдения за неприятелем, и наконец отступила. Гетман Мазепа был тоже там и привел своих казаков, которые вместе с запорожцами на правом и левом крыле держали фланги, а также отдельно от шведов осаживали русских казаков и калмыков справа от московского ретраншемента у малой горы».

Полагаем, что прусскому барону не к чему было скрывать или искажать правду. Н. И. Павленко считает, что из рассказа Зильтмана явствует, что шведы в целом адекватно и своевременно отреагировали на появление русских войск на

своем берегу, но по каким-то причинам от атаки на Ренне отказались. Неужели они испугались движения русских солдат, явно не собиравшихся контратаковать противника? Ведь у шведов был явный перевес в силах. Возможно, «ошанцевавшийся» авангард Рённе и испанские рогатки явились неожиданностью для Реншёльда, но вряд ли это заставило его отступить и вернуть войска на прежние позиции. Скорее всего, он хотел действовать на основании приказа короля, а король временно был выведен из строя. Состояние его с 18 по 20 июня было критическим, и даже возникло опасение за его жизнь, заключает историк. Добавим вслед за ним, что не апатия после Лесной объясняла безразличие Карла к появлению русской армии на западном берегу Ворсклы, а его физическое состояние. Король в эти дни находился на грани жизни и смерти.

А к вечеру 28 (17) июня вокруг плацдарма Рённе выросли 17 редутов и реданов, и у русских была твердая уверенность, что шведы уже не смогут теперь причинить им никакого вреда. В час ночи 29 (18) июня, подпалив свой лагерь за Ворсклой, на западный берег переправились основные русские силы. Шведское командование подарило русским целую неделю на то, чтобы обустроиться на правом берегу Ворсклы и с новыми силами «томить» и теснить шведов к Полтаве. 1 июля (20 июня) армия завершила переправу и стала окапываться И укреплять свой лагерь, используя фашины. Теперь у Петра было более или менее полное представление о силах и настроениях противника — об этом ему докладывали собственные дозоры и разъезды, а также перебежчики из шведского лагеря. План расположения обоза и траншей шведской армии «переслал» Петру комендант крепости А. С. Келин в полой бомбе. Лагерь шведов не был укреплен ни засеками, ни земляными укреплениями — шведы не любили лопату.

2 июля (21 июня) Петр приказал провести ложную атаку на шведские позиции. Подробности этого эпизода в русских источниках не содержатся, говорится только, что Реншёльд с полудня 14 часов держал большую часть армии в двух боевых линиях «...на горе, где была хаупт-квартира»[153], то есть примерно в двух километрах к северо-востоку от Полтавы. Впереди линий стояла кавалерия и гарцевали валахи, с которыми в стычки вступали казаки. Б. Лильегрен пишет, что накануне царь Петр распространил дезинформацию о том, что на следующий день русская армия готовится дать шведам генеральное сражение.

Упомянутый барон Зильтман оставил об этом эпизоде следующий отчет: «Вечером (2 июля/21 июня. — Б. Г.) пришли трое перебежчиков от московитов, которые служили

камердинерами и лакеями у генерал-квартирмейстера Гольца[154], и сказали, что армия, после того как она прошлой ночью ушла из транжементов против Полтавы… намеревалась дать шведам баталию на следующий день. Фельдмаршал в тот же вечер отдал приказ выстроиться всей армией, и рано утром увидели надвигающуюся линию противника, состоящую из нескольких тысяч человек. После этого шведская армия была фельдмаршалом и генерал-майором Кройцем выстроена в ордер баталии. Вывели также и артиллерию. Фельдмаршал мне жаловался, что Его Величество каждый раз оттягивал этот приказ до последнего. После построения Его Королевское Величество велел вынести себя к месту сражения на носилках, и там пришлось ждать противника. Но тот не подходил ближе и как прежде отошел назад. Армия вернулась к месту своего лагеря».

В это время состоялось «выступление» предателя Мазепы. Он выскочил из своего табора роскошно одетый на чистокровном скакуне в развевающемся богатом кафтане, но шведы попросили его очистить сцену: по их мнению, слишком мало толку было от воинственной демонстрации этого престарелого «лыцаря»

День 3 июля (22 июня) для каролинской армии был вообще драматичным во всех отношениях. Кроме ложной атаки русских и спешного сбора всех наличных сил в присутствии раненого Карла, в тот день на шведов одна за другой обрушились неутешительные вести: прибывшие из Бахчисарая послы крымского хана сообщили о невозможности совместного выступления против русских[155], с таким же известием возвращается из Бендер полковник Сандул Кольтца, а секретарь канцелярии его величества Клинковстрём привозит из Польши сразу два дурных сообщения — о смерти любимой старшей сестры Карла[156] (эту новость утаят от короля до прибытия в Турцию) и о разгроме Лещинского и фон Крассова.

Итак, сражение не состоялось, потому что русские нападать на шведов не собирались, а, продержав шведов несколько часов в напряжении, передислоцировали часть армии к югу, ближе к Полтаве. Такой маневр вполне устраивал и короля, и Реншёльда, потому что за спиной у противника текла река и никаких путей к отступлению, кроме понтонного моста за Петровкой, у русских не было, Зато состоялась словесная баталия между Реншёльдом и Левенхауптом. Последний получил приказ разместить пехоту в линию в центре боевого порядка, но генералу место показалось тесноватым, и он начал выстраивать из батальонов вторую линию. Когда Реншёльд обнаружил это, вспоминает Левенхаупт, «…он подошёл ко мне со злым выражением лица и, то ли желая показать перед всей армией свой авторитет, то ли — “переехать” меня, спросил, куда я пру и какого черта я пытаюсь столкнуть

наш правый фланг в Ворсклу. Я спокойно, не повышая голоса, ответил, что я освобождаю место как раз для правого фланга, и тут он сам заметил, что места для одной линии на самом деле было мало. Я попросил его дать мне совет, чтобы я смог спокойно заниматься пехотой, но вместо того, чтобы правильно воспринять мою кротость, он начал на меня кричать и говорить, что я делаю, сам не понимая что, что вместо помощи от меня только одни помехи и что он лучше бы сам все делал. Он выслал своих адъютантов в пехотные батальоны: этого — сюда, того — туда, и они начали раздавать им приказы, от которых происходила лишь конфузия, потому что мне уже делать было нечего». Левенхаупт обиделся больше всего на резкий тон, с которым на него напустился фельдмаршал, и на то, что его, генерала короля, Реншёльд посчитал в пехотном деле ниже своих адъютантов.

В такой нервозной атмосфере, конечно, о нормальном управлении армией говорить было трудно. В то время как Реншёльд выяснял отношения с Левенхауптом, король мирно беседовал о делах армии с Юлленкруком, а потом позволил сменить повязку на ноге. Генерал-квартирмейстер, отвечая на вопрос Карла XII, сказал, что боевой порядок, в котором Реншёльд выстроил армию, ему не совсем нравится: ввиду слабости пехоты он бы предложил между пехотными батальонами поставить эскадроны кавалерии, а в остальном надо надеяться на Бога.

Как бы то ни было, а шведская армия в последний раз выстроилась в полном своем составе, наполовину обескровленная после своего выхода из Саксонии два года тому назад, но все еще достаточно грозная и сильная и уж далеко не потерянная. Шведские историки оценивают ее численность на этот день в 22 тысячи человек. Правда, на фоне 101 эскадрона кавалерии всего 18 батальонов пехоты, не считая двух слабых полков в траншеях под Полтавой, выглядели, конечно, довольно скромно. Но больше людей взять было неоткуда. Казаки Мазепы и Гордиенко, естественно, в счет не шли — они уже давно морально разложились и использовались в основном для выполнения подсобных задач. И именно в этот день из Польши пришло сообщение, что надеяться на помощь Лещинского и фон Крассова не стоит...

... Убедившись, что русское наступление не состоялось, Реншёльд распустил полки по своим местам дислокации. Потом, по данным Лильегрена, шведы попытались выманить русскую армию в чистое поле, направив к царю перебежчика с дезинформацией о том, что к шведам вот-вот должны присоединиться полки фон Крассова из Польши и конница Девлет-Гирея. Но на Петра I эта грубая ложь не подействовала.

К 5—6 июля (24—25 июня) противники стояли на расстоянии примерно пяти километров друг от друга. Царь с армией располагался около деревни Яковцы. По утрам с обеих сторон был слышен барабанный бой, и до 7 июля (26 июня) постоянно происходили кавалерийские стычки и перестрелки. С 6 июля (25 июня) по приказу царя перед основным лагерем, с юго-западной стороны, начались работы по возведению десяти редутов, практически перекрывших единственный проход между Будищенским лесом на западе, Яковецким — на востоке, болотом — на севере и оврагами — на юге. Укрепления строили на расстоянии мушкетного выстрела друг от друга. Редуты в сочетании с оборонительными сооружениями основного лагеря представляли собой позицию, позволявшую подвергать противника и фланговому, и фронтальному обстрелу. Шведы, стесненные с двух сторон лесами, не могли развернуть свою армию в полноценные боевые порядки, а пройти редуты без нарушения линейного построения было чрезвычайно трудно. В случае прорыва редутов противник попадал под плотный артиллерийский огонь из основного лагеря. А если противник будет вынужден обходить редуты, забирая далеко на запад, то русская кавалерия успеет подать сигнал тревоги и эффекта неожиданности не произойдет. При этом русским откроется путь к Полтавской крепости.

В петровской системе редутов был заложен принцип активной обороны, позволявший переходить от обороны в наступление. Вечером 5 июля (24 июня) русская армия еще ближе придвинулась к шведской, заняв позиции рядом с деревней Яковцы, что всего в двух с половиной километрах от шведского лагеря, и за ночь окружила себя огромным Т-образным ретраншементом с двумя бастионами по углам и шестью поперечными редутами на расстоянии ружейного выстрела друг от друга. Шведы посчитали, что русские предприняли нападение на их полевые посты! Русская армия почти полностью заперла шведов между рекой, Полтавой и своей полевой крепостью. Шведам оставалась единственная дорога на юг, к Днепру, но и она могла быть в любое время перерезана действующими в их тылу казаками И. И. Скоропадского.

5 и 6 июля (24 и 25 июня) Петр вместе с генералитетом проводил рекогносцировку на местности и изучал подступы к шведскому лагерю. По его распоряжению в дополнение к поперечным редутам сделали два продольных, что оказалось потом весьма кстати. 6-го числа, после захода солнца, состоялся последний военный совет, на котором был окончательно расписан ордер баталии и определено место артиллерии. В случае атаки

шведов на лагерь противника их должны были встретить фронтальный огонь артиллерии и фланговые удары пехота с обеих сторон. Редута (их было десять, из которых, по сведениям шведов, два были не совсем закончены) и ретраншементы могли служить опорой как для наступления, так и для обороны. «Гениальное движение русского царя к противнику и единственный в военной истории пример наступления укрепленной позиции», — считал русский военный историк начала XX века А. Соколовский. С ним соглашается и современный военный историк А. Шишов. Во всем виновата Нарва, считает он: она научила многому Петра, а у Карла оставила ложное представление о русском войске. Но повторить Нарву шведы уже больше не могли...

Есть сведения, что вечером 6 июля (25 июня) Петр объезжал войска и говорил им о том, что на следующий день русская армия закончит «...войну с неприятелем, вполовину уже от нас побежденному». Характерно, что такая уверенность в победе утвердилась у русских намного раньше этой даты, потому что уже 30 (19) июня в Москве ходили слухи, что под Полтавой шведы потерпели сокрушительное поражение.

Вечером 6 июля (25 июня) группа шведских военных из шести человек во главе с лейтенантом (бывшим корнетом) Й. Лютом вышла на разведку и скрытно приблизилась к русским позициям. Лейтенант, обнаружив шесть русских редутов, оборудованных вдоль русского лагеря, доложил об этом начальству. Редуты, по описаниям Люта, представляли собой квадратные укрепления размерами примерно 50 на 50 метров и отстояли друг от друга на 150—175 метров. На флангах русские выставили кавалерийское прикрытие. Лейтенант в докладе указал, что позиция противника была «весьма удачной». На этом рекогносцировка была завершена. Правда, днем 26 июня весь генералитет короля издали осмотрел эти укрепления, но они напоминали нарвские и никакого беспокойства со стороны генералов не вызвали.

В воскресенье 7 июля (26 июня) шведским военным руководством было решено внести в ситуацию полную ясность. «Реншёлвд, на которого во время болезни короля было возложено командование войском, не хотел брать на себя ответственность и принимать такое важное решение, пока король витал за пределами сознания и рассудка. Такое решение мог принять только Карл; и как раз в это воскресенье он удивительным образом оправился от лихорадочного кошмара» (Я Энглунд). Дальнейшее промедление было просто опасным. Надеяться можно было только на самих себя, поскольку помощи ждать было неоткуда. Отступать к Днепру опасно — наседавшие со всех

сторон русские сбросят армию в реку — да и невозможно по соображениям престижа. К тому же снова дала о себе знать проблема питания людей и содержания лошадей, а русские, как и хотел король, «пришли в госта» в полном своем составе. Остается единственный выход — дать генеральное сражение. Сзади у русских — крутой берег реки и единственный путь к отступлению та правом фланге. Все предпосылки к уничтожению армии Петра I, по мнению Реншёльда и короля, были налицо.

Решение о сражении, согласно Юлленкруку, принималось королем, который в этот день почувствовал себя несколько лучше, в строго секретной обстановке «...в присутствии Его Превосходительства графа Пипера, Его Превосходительства фельдмаршала и полковника Сигрота». Последнего, несмотря на невысокое звание и чин, ценили и король, и Реншёльд и всегда приглашали на важные совещания. Вместе с генерал-майором Стакельбергом он успешно выполнял обязанности руководителя Генерального штаба армии (которого еще ни в одной армии тогда не было). Король, Пипер, Реншёльд и Густав Хенрик Сигрот — только они знали самые большие тайны предстоящих операций.

План сражения был прост: ночью, с сохранением глубокой тайны и мер предосторожности, быстро миновать систему петровских редутов, подойти с северо-запада и севера к позициям русских в основном лагере, к рассвету отрезать их от единственного моста, окружить и пустить в ход шведскую «молотильную» машину. В том случае, если противник не выйдет из своего лагеря в «чистое» поле, шведы собирались взять его измором[157]. Марш, который должны были совершил шведские пехотинцы, был не длиннее четырех километров.

Но русские теперь знали о предприимчивости короля Швеции и от подобных неожиданностей обезопасили себя заранее, выстроив перед своим лагерем дополнительные редуты. Король и Реншёльд решили противопоставить этой предупредительности быстроту и точность маневра, а также скрытность операции с учетом... темноты[158]. Пехота должна была скрытно подойти к южной точке редутной системы четырьмя параллельными колоннами, а сзади нее — в шести колоннах кавалерия. Если шведам удастся миновать редуты быстро в указанном порядке, то успех будет обеспечен. Пройдя редуты, шведы должны были резко повернуть влево и проследовать мимо русского лагеря в северо-западном направлении, в то время как кавалерия будет «зачищать» поле боя от присутствия русских кавалеристов. При удачном стечении обстоятельств русская армия могла подвергнуться страшному разгрому.

И опять, пишет Энглунд, король и Реншёльд рассчитывали на

то, что будут иметь дело с теми же русскими, которых они побили под Нарвой: «...шведское военное командование не слишком высоко оценивало боевые качества русской армии. Вероятно, оно полагало, что факторы, сработавшие когда-то под Нарвой, сработают и сейчас... План был проникнут непозволительно низкой оценкой способности русских к инициативным действиям. Он исходил из пассивности противника, который будет спокойно сидеть и глазеть на то, как шведы своими элегантными маневрами будут заводить удавку на его шею». Если произойдет малейший сбой, продолжает Энглунд, то шведским частям, проникшим внутрь редутов, будет трудно отступить с поля брани. Редуты преградят им единственную дорогу на юг, и им придется уходить через неудобную заболоченную и лесистую местность вокруг деревни Малые Будищи.

В. А. Артамонов и Н. И. Павленко в книге «27 июня, 1709»[159] справедливо замечают, что шведские генералы, планируя Полтавское сражение, не смогли освободиться от двух стереотипов: об эффективности фронтальной атаки, которая ранее не подводила шведов при столкновении с неустойчивым, плохо обученным противником, и о возможности победы меньшинством за счет выучки. Шведский штаб не верил Левенхаупту, что русская армия далеко не та, которая была под Нарвой девять лет назад, а потому, вероятно, и не пригласили его на военный совет. И, наконец, непростительно игнорировалась роль артиллерии и полевой фортификации. Шведская, а не русская армия должна была «ошанцеваться» ввиду превосходящих сил противника. Шведская армия должна была обеспечить себя если не превосходящей, то хотя бы паритетной огневой силой. Но шведы пошли в бой на русские артиллерийские батареи со штыком и пикой.

П. Энглунд высказывает гипотезу о том, что шведский монарх, принимая решение о сражении, возможно, находился под влиянием фактора, очень далекого от разума и логики. Король не мог не осознавать «неслыханную тяжесть безнадежного положения» шведов и, чувствуя «взмахи крыльев приближающейся катастрофы», хотел уйти от ответственности, но для него, человека долга, был лишь один способ сделать это — смерть. Историк ссылается далее на свидетельства многих шведских военных, которые утверждали, что король под Полтавой и в других сражениях после этого сознательно искал смерти. Когда полковник Сигрот доложил на военном совете, что не может ручаться за надежность своих солдат, у Карла вырвались слова о том, что «...пусть ни он сам (Сигрот), ни кто-либо другой

из армии не вернется живым» из этого похода.

Военный совет, открытый пополудни, закончился к 16.00.

После этого в монастырь был вызван Юлленкрук. В сенях его встретил фельдмаршал и повел в келью к королю. Король лежал на постели и был в хорошем настроении. Реншёльд объявил о решении военного совета и приказал генерал-квартирмейстеру составить план построения пехоты в четыре колонны. Юлленкрук попросил показать ему ордер баталии, и фельдмаршал раздраженно сунул ему в руки бумагу. Пока Юлленкрук изучал план боевого порядка шведской армии, фельдмаршал занервничал и нетерпеливо спросил его: «Вы можете поделить пехоту на четыре колонны?» Грубый тон, привередливость и нетерпение фельдмаршала свидетельствовали, очевидно, о его внутреннем волнении и сознании большой ответственности. Король был настроен более благодушно и ответил за Юлленкрука: «Да, да, Реншёльд! Он может».

Дотошный Юлленкрук поинтересовался у Реншёльда, в каком направлении должна будет маршировать пехота: налево или направо от русских редутов. Ре н шёльд буркнул «налево», после чего повернулся к Карлу и сказал, что раз уж Юлленкрук возьмет на себя труд позаботиться о пехоте, те он, если у его королевского величества не будет других указаний, отправится к кавалеристам. Карл отпустил фельдмаршала, и тот вместе с Юлленкруком покинул келью. Реншёльд, увидев среди собравшихся у входа в монастырь офицеров генерала Левенхаупта, пригласил его сесть на скамейку прямо под окном кельи короля, а Юлленкрук вышел в комнату к тафельдекеру Хюльтману и расписал пехоту так, как его просили, указав во главе каждой колонны командующего генерал-майора.

Пока Юлленкрук «ставил» шведскую пехоту в четыре колонны, Реншёльд посвятил Левенхаупта в планы на грядущий день. Вероятно, фельдмаршалу захотелось как-то сгладить то неприятное впечатление, которое он оставил у генерала после утреннего столкновения на построении армии, поэтому он говорил мягким и дружелюбным тоном. Он спросил, знает ли Левенхаупт о том, что решил его величество. Левенхаупт ответил отрицательно, и тогда Реншёльд сообщил ему, что на следующее утро шведская армия пойдет в наступление и что он хотел бы вручить ему расписание боевого порядка пехоты. Левенхаупт не скрыл своего удивления, но заявил, что готов выполнить любой приказ короля. Из расписания генерал узнал, что пехоте надлежит наступать в четырех колоннах и оставаться в этом порядке до конца марша. Левенхаупт, согласно Энглунду, зная, как трудно построить полки в кромешной украинской ночи,

попросил разрешения заняться этим заблаговременно, но в этой просьбе ему было отказано. «Нельзя выводить полки средь бела дня, если мы хотим застать русских врасплох» — так или примерно так ответил Реншёльд. Больше никаких сведений о предстоящем сражении Реншёльд генералу не сообщил[160]. Фельдмаршал после этого ускакал в Пушкаревку[161], а из монастыря вышел Юлленкрук, вручил Левенхаупту результаты своего труда и сказал, чтобы он зашел к королю и получил на завтра какие-то указания. О чем шла речь в комнате у Карла XII, Левенхаупт в своих мемуарах не упоминает. Более того, он отрицает само существование такого разговора. Педантичный генерал не пропускает в своих посмертно опубликованных записках самые незначительные детали, а вот важную беседу с королем накануне битвы он по каким-то причинам забывает. Все это, впрочем, согласуется с его желанием показать потомкам, что его в штаб-квартире игнорировали и в суть замысла Полтавского сражения не посвятили. Вероятно, король сказал ему что-нибудь такое, о чем вспоминать было не совсем удобно и приятно. Можно предположить, что Карл через окошко слышал содержание разговора Реншёльда с Левенхауптом и вызвал последнего для того, чтобы еще раз дать ему понять, что Реншёльд является главнокомандующим и Левенхаупт должен беспрекословно ему подчиняться независимо от того, будет ли король лично присутствовать на поле сражения.

После беседы с Карлом Левенхаупт созвал в палатке, служившей королю столовой, четырех пехотных генерал-майоров и приказал им переписать схему деления пехоты на колонны.

… На бумаге план сражения, по Карлу и Реншёльду, был прост и гениален — он строился в расчете на внезапность, темноту и слабого противника. Более 20 тысячам каролинце», включая кавалерию, нужно было в темноте незаметно и безшумно построиться, скрытно подойти к позициям противника, в узких проходах в нескольких десятках метров от русских укреплений пройти поколонно мимо десяти редутов и зайти русским в тыл. Возможно ли было такое? Кроме того, план был строго засекречен, и, не считая участников военного совета, никто, даже Левенхаупт (а вдруг проболтается?) не был посвящен в детали его исполнения. Случись непредвиденное с Реншёльдом, Сигротом или Пипером, как это произошло во время сражения, — и все станет неконтролируемым и неуправляемым.

Конечно, ни одно предприятие, подобное Полтавскому сражению, никогда не бывает свободным от риска. Если начать «штопать», сводить все концы в один узел и предусматривать гарантию против каждой неожиданной ситуации, никакого плана

сражения может и не получиться. Но риск риску рознь. План Карла XII и Реншёльда даже на непрфессиональный взгляд имел слишком мало шансов на успех. Впрочем, у шведов большого выбора в средствах и способах ведения боя не было. Самая большая ставка делалась на везение, на военное счастье, на ротозейство и слабые боевые качества русской армии. А почему бы нет? Ведь раньше получалось.

Рекогносцировку — неотъемлемую святую обязанность любого военачальника перед битвой — шведы, как мы указали выше, провели весьма формально и поверхностно. Карл XII всегда это делал сам, но на сей раз он был прикован к постели, а Реншёльд посчитал, что в ней нет никакой необходимости, поскольку он неоднократно бывал на поле предстоящего сражения. Он не учел, что местность руками людей может преображаться и менять свой характер. Вечером 6 июля (25 июня) и ночью с 6 на 7 июля (с 25 на 26 июня) русские построили еще четыре редута — теперь уже вдоль прохода, который шведы планировали использовать для сближения с русским лагерем. Эта линия редутов встала на пути каролинцев как волнорез, вспарывающий морской прибой, и в час икс стала для них полнейшей неожиданностью.

... В лучах предзакатного солнца фельдмаршал Реншёльд ускакал из Пушкаревки и вернулся в монастырь. Командир правого кавалерийского фланга генерал-майор Карл Густав Кройц, получив от Реншёльда необходимые указания, раздал командирам полков копии диспозиции и вместе с ротмистром выехал на рекогносцировку местности, чтобы не допустить этой ночью ошибок. Фельдмаршал вместе с другими высшими офицерами пообедал в столовой, то бишь в палатке. Карлу XII поварихи Мария Бок и Мария Юхансдоттер приготовили отдельный обед, и король поел в одиночестве.

В шведском лагере лихорадочно готовились к выступлению: отзывали к своим частям все караульные посты, отсеивали непригодных для боя солдат, безлошадных кавалеристов, статских, раненых и больных с наступлением темноты готовили к отправке в Пушкаревку, сообщили всем пароль — как всегда, это были слова «с нами Бог!»

После того как король закончил трапезу, началась проповедь. Карл, отдохнув на походной койке, приказал вынести его из кельи. Его обнесли кругом по лагерю, чтобы он мог лично проследить, как вдет подготовка к сражению. В расположении гвардии он побеседовал с несколькими солдатами и офицерами. Его раненую ногу осмотрели избранные врачи, главными среди которых были Мельхиор Нойман, лечивший короля после

перелома ноги под Краковом в 1702 году, Якоб Шульцен и полковой врач Густаф Больтенхаген. Тафельдекер Хюльтман находился рядом и помогал перекладывать своего господина.

В 20.00 к носилкам подошло отделение гвардейцев — 24 специально подобранных надежных парня. Среди них был рядовой Нильс Фриск, ветеран гвардии и каролинских походов, дважды раненный и уже имевший опыт транспортировки короля на носилках. Он, 23 гвардейца и 15 драбантов под командой лейтенанта Юхана Ертты должны были стать личной охраной короля. 24 простых синих плаща с желтыми обшлагами и желтой подкладкой гвардейцев резко контрастировали с 15 блестящими золотисто-голубыми мундирами драбантов. В любом случае эта заметные живые пулеуловители будут хорошей мишенью для русских мушкетеров и артиллеристов, ибо этим 38 парням предстояло сыграть в сражении роль живого щита вокруг своего короля.

Короля не понесут в сражение на руках — его повезет пара белых жеребцов в конных носилках, которые смастерили солдаты Далекарлийского полка. Носилки крепились между двумя лошадьми, на них поднимут походную койку с шелковым матрацем, на котором и будет возлежать король. Нильс Фриск поведет в поводу одного коня, восемь солдат пойдут с каждой стороны экипажа...

... Потом потянулось тягостное ожидание...

Мрак стал сгущаться. На шведский лагерь опустилась тихая украинская ночь...

Граф Пипер, Реншёльд, генералы и свита сидели на земле вокруг короля и изредка перебрасывались ничего не значащими словами. Некоторые умудрялись спать, завернувшись, в плащи. Всё постепенно тонуло в густой темноте. Чуть позже в ночи послышались дальние выстрелы и шум, поднятые тысячным отрядом валахов под командованием полковника Савдула Кольцы. Отряд выдвинулся к деревне Яковцы с заданием отвлечь внимание русских от маневра армии.

Русская армия, как известно, тоже готовилась к решающему бою.

Вольтер пишет, что под Полтавой сошлись две разные ипостаси человеческого характера, два антипода: по одну сторону был Карл XII — любитель опасности ради опасности обладавший львиной храбростью, сражавшийся ради удовольствия; по другую находился царь Петр I — осторожный политик, воевавший в интересах своего государства и народа. Один — безрассудный, от рождения расточительный; другой — расчетливый и целеустремленный. Один — целомудренный и воздержанный по

темпераменту; другой любитель вина и женщин. Один — уже завоевал титул Непобедимого, но рисковал потерять его при первом поражении другой — только собирался завоевать титул Великого, и никто и ничто не могло бы его отнять у него. Один — рискующий прошлым, другой — будущим.

Если бы Карл XII был убит, это в конце концов было бы только потеря человека и Швеция осталась бы такой, кой она была, какой должна была быть. Если бы был убит Петр I, то с его смертью потерпело бы крушение все его дело, а значит, погибла бы и Россия.

Около 23.00 началась побудка: чей-то голос, похожий голос фельдмаршала, крикнул:

— Подъем! Вставать! Пора выступать!

К полкам в разные концы лагеря были посланы вестовые с приказом о выступлении. И пехота стала побатальонно строиться в колонны и выдвигаться вперед. Сразу возник беспорядок. Батальоны, не получив точных предписаний начали марш одновременно и стали наступать друг на друга» Когда Реншёльд некоторое время спустя прибыл на место построения пехоты в колонны, он обнаружил там большую сумятицу. Как выразился потом один мемуарист-каролинец в сражении не было правильного командования, каждый делал то, что считал наилучшим. Сбой в построении пехоты был первым сюрпризом для фельдмаршала в Полтавском сражении, и он ринулся в гущу батальонов, чтобы попытаться навести там порядок. Появился Левенхаупт, и Реншёльд в обычной для себя манере крикнул:

— Куда, черт возьми, вы запропастились?! Здесь полный кавардак!

Левенхаупт ответил, что во всем виновата темнота.

— Какой полк теперь на очереди к маршу?

— В темноте я не могу знать, — снова ответил Левенхаупт. — К тому же я только что подошел.

Реншёльду, взвинченному и нервному от сознания ответственности, такое спокойствие показалось возмутительным, и он не выдержал и повторил свою прежнюю «обидную» формулировку о способностях генерала: что тому все безразлично и что от него нет никакого толка. Возможно, Реншёльд специально провоцировал Левенхаупта на резкий ответ, чтобы потом пожаловаться на него королю за «непослушание». Но Левенхаупт не дал повода к этому и спокойно произнес, что он во всем готов следовать советам фельдмаршала — что он прикажет? Реншёльд буркнул, что все сделает сам, и ушел.

Наконец, пехота выстроилась в четыре колонны, во главе

которых шли гвардейский полковник Поссе и генерал-майоры Стакельберг, Руус и Спарре (Шлиппенбах получил задание на разведку), и было устроено богослужение — центральная часть в психологической подготовке любого сражения. «Мы знаем, что действуем наверняка, основа у нашего дела крепка. Кто может нас опрокинуть?» — тихо пели солдаты и офицеры. В 01.00 понедельника 8 июля (27 июня) богослужение закончилось и 8200 пехотинцев пришли в движение. Теперь очередь появиться кавалерии, но где же она? Без нее начинать сражение никак невозможно.

Пехота получила приказ залечь в мокрую от росы траву. Король со своей свитой лавировал между батальонами, между лежащими или сидящими на корточках солдатами. Перед Вестманландским полком койку сняли с носилок, осмотрели рану короля, и он попил немного води, поданной услужливым Хюльтманом. После этого король лег отдохнуть. Кроме высшего шведского военного руководства, его окружали большая группа адъютантов, несколько иноземных послов и военных, а также двое русских перебежчиков — некто Шульц и известный нам Мюленфельс. Придворный штат возглавлял гофмаршал Густав фон Дюбен; в толпе были также статс-секретарь Улоф Хермелин, 38-летний камергер и историограф Густав Адлерфельдт и проповедник Ёран Нурдберг.

С реншёлвдовской кавалерией случилась конфузия. От Пушкаревки до места построения было в общем-то не близко, и в темноте кавалерия заблудилась. Пока ее ждали, пробило три часа утра и стало светать. Бесценное время продолжало утекать у шведов, как песок сквозь пальцы. Кавалерией командовал теперь генерал-майор Кройц, он же правофланговый командующий этим родом войск, его заместителем был назначен генерал-майор Хамильтон, он отвечал за левый фланг кавалерии. На негативный исход сражения, считают шведские специалисты, повлияли не столько накладки с построением пехоты Левенхаупта, сколько запоздалое прибытие именно реншёлвдовской кавалерии. При марше с исходных позиций в Пушкаревке кавалерия в темноте слишком взяла влево и напоролась на русские караулы на опушке Будищенского леса. Им чудом удалось бесшумно повернуть обратно и исчезнуть в темноте.

Пока ждали кавалерию, генерал Шлиппенбах с 50 всадниками ускакал в разведку. На стук топоров и скрежет лопат, навстречу рассвету, с двумя унтер-офицерами, знавшими толк в фортификации, ускакал и Юлленкрук.

... Первым сборного пункта достиг Кройц, он разрешил своим кавалеристам лечь на землю, а сам сразу отправился искать

короля. Возле его носилок он нашел Реншёльда, Пипера и Левенхаупта. Скоро подошел и генерал Хамильтон со своими частями. Кавалеристы построились в колонны. Всё войско было в сборе, можно было продолжать движение. Но тут стало светать.

В это время Юлленкрук приблизился к русским редутам, чтобы рассмотреть получше, что там происходит. Он увидел работы, идущие полным ходом, — русские достраивали один из четырех новых редутов! Накануне их не было, а вот теперь они появились! Юлленкрук в поредевших сумерках предположил, что работы велись в двух передних редутах. Русские, кажется, еще ничего не заметили, он поскакал обратно встретил фельдмаршала. Доложив об увиденном, Юлленкруй продолжил наблюдение за противником. И тут генерал-квартирмейстер заметил, как из ближайшего леса вылетел какой-то русский всадник и выстрелил из пистолета.

Шведов заметили! Первый выстрел Полтавского сражения прозвучал!

Вслед за выстрелом раздалась барабанная дробь. От редутов она перекинулась в главный русский лагерь, и весь воздух задрожал от тупых отрывистых звуков, перемешанных с громкими криками и грохотом сигнальных выстрелов. Шведы идут! Солдаты, побросав лопаты и топоры, расхватали мушкеты. Первые ядра взрыхлили украинский чернозем. Командующий редутными частями бригадир С. В. Айгустов предупредительными залпами и шумом поднял на ноги всю русскую армию. П. Энглунд пишет, что разведка Шлиппенбаха тоже была обнаружена противником, что еще больше взбудоражило и встревожило армию Петра. Расчет на темноту и на то, чтобы застать неприятеля врасплох, провалился!

За это время с пехотой вновь произошла непонятная история. Она по чьему-то повелению — кажется, А. Спарре — стала было перестраиваться в боевые линии, но Реншёльд приказал оставаться в колоннах, бросив Спарре недовольное: «Ты хочешь быть умнее меня». Вернувшийся с рекогносцировки Юлленкрук спросил у Сигрота, в чем дело, тот сказал, что не знает, но добавил, мол, «...все здесь вызывает удивление». Юлленкрук только понял, что фельдмаршал не хотел, чтобы войска были выстроены в линию. Линия теперь никак не годилась — четыре новых редута русских нужно было обходить в колоннах.

А пока шведское руководство пребывало в нерешительности: что делать? Штурмовать редуты? Но ни пехота, ни кавалерия были не готовы к этому, такая возможность вообще не предусматривалась планом сражения. Штурм укреплений требовал массу вещей: лестниц, фашин, канатов, ручных гранат...

Ничего этого у солдат не было. Хорошо бы к тому же иметь для поддержки тяжелую артиллерию, но шведская армия явилась на поле сражения с четырьмя трехфунтовыми орудиями[162] под командой капитана шведского флота Ханса Клеркберга и армейского прапорщика Юнаса Блюберга: во-первых, тяжелую артиллерию трудно было бы протащить незаметно под носом у русских, а во-вторых, к ней не было ни одного заряда. «Дедушка» Бюнов и его канониры во время Полтавской битвы сидели безработными!

Скоро со стороны русского лагеря прозвучал пушечный выстрел — явно неприцельный и ядро упало в рядах шведской лейб-гвардии. Два гренадера грянули оземь с размозженными головами. Первые жертвы Полтавской битвы... Ждать больше не имело смысла, надо было на что-то решаться. Король, Пипер и Реншёльд в сторонке устроили совет; возвращаться в лагерь или идти в атаку. Реншёльд обратился к стоявшему неподалеку Левенхаупту:

— Что скажете вы, граф Лейонхювюд?

Левенхаупт, еще не пришедший в себя после нагоняя фельдмаршала, ответил:

— Уповаю на то, что с Божьей помощью атака удастся.

— Что ж, с Богом! — сказал Реншёльд. Он повернулся к королю и премьер-министру: — Будем продолжать.

Король и Пипер промолчали. Решение было принято.

До этого фельдмаршал стоял перед выбором: либо послать солдат на темнеющие впереди укрепления, точное число и вооружение которых были неизвестны, либо дать им приказ попытаться быстро под обстрелом русских по узким коридорам обогнуть линию из четырех продольных редутов слева и справа. Офицеры и рядовые были готовы к тому, что будут иметь дело только с главным русским лагерем, а тут... Т-образная система укреплений, которая позволяла начать одновременный обстрел тыла и фланга атакующего неприятеля на большой площади. Вот оно новаторство Петра I! Шведская армия была вспорота земляным волнорезом!

Идти всем в обход было поздно, и Реншёльд выбрал комбинированное решение: он приказал пехоте снова перестроиться в маршевые колонны и частью батальонов начать штурм ближайших редутов, чтобы обеспечить проход основным силам. Выполнение этого приказа снова означало потерю времени. Сигрот поскакал к командиру третьей колонны Руусу, чтобы передать ему приказ на штурм ближайших девятого и десятого русских редутов. Первыми на них предстояло напасть четырем батальонам двух средних пехотных колонн. Остальной

пехоте следовало как можно быстрее проникнуть за редуты по краям от этой средней линии атаки, обогнув и задние — поперечные — укрепления.

Карла XII перенесли направо в колонну Поссе. С ним оставался Юлленкрук, запечатлевший ход сражения в ярких запоминающихся красках.

Когда в четыре часа взошло солнце, шведы пошли в атаку на русские редуты. Они всегда перед битвой молились, а в штыковую шли с громоподобным «с нами Бог!». Первые два недостроенных редута — девятый и десятый — в ожесточенной атаке были взяты с ходу и без особых трудностей. Никто из их защитников не остался в живых. В первые же минуты боя был смертельно ранен полковник Сигрот — один из трех посвященных в детали операции. С его выбытием у атакующих порвалась единственная нить управления пехотными колоннами. Сам Реншёльд не был специалистом по тактическим действиям пехоты в бою, Карл XII, обычно бравший на себя обязанности пехотного главнокомандующего, находился в беспомощном состоянии, Левенхаупт, Руус и Стакёльберг с деталями операции ознакомлены не были, и все это, естественно, не могло не сказаться на дальнейшем ходе сражения. Шведские батальоны споткнулись на следующем после взятых редуте и под убийственным перекрестным огнем русских пушек и мушкетов стали нести большие потери. Взаимодействие между колоннами и полками было потеряно. Катастрофа постигла шведскую армию в самом начале битвы.

... Под прикрытием огня с тыла шведы перешли на седьмой и восьмой редуты. Послышались даже крики «победа!». И туг в ночной сутолоке перестроения вдруг послышалось тревожное: «Кавалерия! Кавалерия!» Это был второй сюрприз русских: из-за шести поперечных редутов неслась русская конница, срывая все планы наступавших шведов. Александр Данилович Ментиков и генерал-лейтенант Карл Эвальд Рённе за считаные минуты построили и бросили вперед драгунские полки (девять тысяч всадников), подкрепленные легкой артиллерией. Шведская пехота подалась назад, за взятые ими редуты. До слуха генерала Кройца откуда-то донесся зов: «Кавалерия, вперед! Кавалерия, вперед во имя Иисуса!» Некоторое время спустя шведские эскадроны пробились через интервалы собственной пехоты и в беспорядке вынеслись навстречу русским драгунам, но тут же были сбиты и скрылись за своими пехотинцами. Началась всеобщая свалка, в которой было трудно разобраться, кто свой, а кто чужой. Шестеро русских драгун по ошибке встали в строй одного шведского эскадрона. Обнаруженные не сразу, они

позднее были убиты.

Шведы, стесненные пространством, вводили в бой свою кавалерию поэскадронно, два раза они контратаковали русских, но только с третьей попытки добились некоторого успеха. В конце концов и русское командование, вероятно, пришло к выводу о целесообразности прекратить бой и отозвало своих драгун[163]. Шведская кавалерия под командованием Хамильтона, действовавшая на левом фланге, преодолев коридор между редутами и Будищенским лесом, обнаружила перед собой русскую конницу и атаковала ее. Русские эскадроны организованно, оказывая сопротивление, медленно отступали на север. Хамильтон начал их преследовать, и в рядах его кавалеристов послышались возгласы «виктория!».

Преследование русской кавалерии на правом фланге шведской армии велось примерно так же, как и у Хамильтона — в северном направлении. Только ретировались русские эскадроны здесь более беспорядочно. Меншиков стремительно отступал, чтобы выиграть у шведов фору для перестроения, но Кройц следовал за ним по пятам, не давая передышки. Впереди был крутой овраг, до которого оставалось несколько сотен метров. Если остановиться не удастся, то вся русская кавалерия обрушится с крутого обрыва и погибнет. И тут Кройц получает от Реншёлада приказ прекратить преследование и вернуться на исходные позиции! Аналогичный приказ поступил и к Хамильтону. Реншёльд опасался, что кавалеристы увлекутся преследованием и уйдут из-под его контроля. А это было нежелательно, ибо нарушался план генерального сражения, в котором кавалерии отводилась решающая роль. Время для подобных действий еще не пришло. (Многие шведские специалисты — и современники фельдмаршала, и потомки — будут критиковать его за этот ошибочный, по их мнению, шаг.)

… Повторный приказ Реншёльда, отменяющий первый, « движении в колоннах до всех не дошел: правое крыло пехоты, где находился Карл с гвардией, уклоняясь от русского огня вправо, проходило редуты в боевом порядке, а левое — в маршевом, неся большие потери. Русские драгуны Меншикова и Рённе по сигналу очистили поле боя и освободили зону обстрела для своей артиллерии. Отовсюду по шведам ударили картечью, а потом последовал мушкетный залп. Огонь оказался убийственным. Большинство драбантов, сопровождавших качалку с королем, сразу погибли. Оставшимся с трудом удалось запрячь в нее двух лошадей и погнать их, что было мочи, подальше от огня противника. Свинец хлестал по батальонам Карла XII с фронта — из главного лагеря русской армии, с флангов и тыла — с редутов,

которые шведы уже прошли! Из-за неразберихи седьмой и восьмой редуты штурмовали шесть батальонов из разных колонн. Действуя без артиллерийской поддержки, без фашин, штурмовых лестниц и гранат, они несли большие потери и безуспешно пытались разбросать рогатки перед рвами и взобраться на валы. Во всем сказывался нарвский опыт шведов брать позиции противника с одного наскока. (Примерно в это же время из Полтавской крепости сделали вылазку осажденные и напали на шведов в их осадных траншеях. Шведским постам из Седерманландского и Крунубергского полков пришлось отступить к своим тылам в Пушкаревке.)

Левенхаупт на правом фланге со своими шестью батальонами, не представляя общей картины боя, рассерженный ночной стычкой с фельдмаршалом, в мрачной рассеянности, запамятовал о данной ему рекомендации держаться середины и, пройдя редуты, механически повернул направо, сближаясь с южным участком основного русского лагеря. Батальоны продвигались с такой скоростью, что драбанты с королем, после того как под ним разбило ядром носилки и его пересадили на другие, никак не могли поспевать за генералом. Шведы уже завязывали рукопашные бои с русской пехотой, когда Левенхаупта догнал Юлленкрук и предложил ему остановиться.

Генерал готов был выполнить его просьбу, но не знал, что подумает на этот счет Реншёльд, который «…нынче… так со мной обходится, будто я его лакей». Договорились, что генерал-квартирмейстер попытается найти Реншёльда и испросить у него разрешение на приостановку движения. В поле Юлленкрук по счастливой случайности сразу наткнулся на фельдмаршала и, получив его согласие, вернулся к Левенхаупту. Реншёльд поскакал вслед за своей кавалерией, которая пошла в свою первую атаку на драгун Меншикова.

Контратака шведской кавалерии обеспечила пехоте некоторую передышку, дала ей возможность оценить обстановку и перестроить свои ряды. Скоро она снова пошла вперед и, обогнув продольные редуты, вышла в чистое поле. На правом фланге под командованием Левенхаупта собралось около десяти батальонов пехоты. В километре перед ними хорошо просматривались позиции южного (левого) фланга русского лагеря. У шведов возникло ощущение, что, после того как они прошли редуты и прогнали кавалерию Меншикова и Рённе[164], русские запаниковали. И Левенхаупт решил их атаковать — ведь главной целью плана был разгром русского лагеря.

Король со своей пестрой компанией старался держаться к пехотинцам поближе. Кругом роились казачьи разъезды, но они

не осмеливались нападать на охрану. Ее на всякий случай решили усилить, и капрал Брур Роламб отправился к Левенхаупту за помощью. Примчался эскадрон драгун под командованием Роберта Муля, и казаки скрылись. После этого процессия с большими потерями прошла сквозь редуты, и во время перехода у конных носилок пушечным ядром разбило дышло. Для его починки пришлось остановиться, что привело к новым весьма ощутимым для охраны короля потерям.

Скоро батальоны Левенхаупта под аккомпанемент орудийных и мушкетных залпов приблизились к русскому лагерю и, не обращая внимания на пули и картечь, косившие их рады, врезались в его позиции. Генерал якобы уже видел, как русские в панике начинали покидать окопы, как вдруг пришел приказ Реншёльда остановить атаку и отойти в западном направлении.

Приказ был выполнен.

Историки и военные специалисты Швеции считают этот шаг второй роковой ошибкой Реншёльда на поле боя. Мнение спорное: П. Энглунд, к примеру, полагает, что изолированная «молодецкая» атака десяти батальонов Левенхаупта на русский лагерь имела меньше шансов на успех, нежели общее наступление всей пехоты согласно Реншёльду. Кстати, Левенхаупт, увлекшись движением вправо, почему-то совсем забыл, что он отвечает за всю пехоту, а не только за пехоту правого фланга.

Времени было около шести часов утра, когда Реншёльд, вернув свою кавалерию и пехотные батальоны Левенхаупта, обнаруживает отсутствие шести батальонов Рууса. Где они? Реншёльд был в отчаянии. Несмотря на отсутствие фактора внезапности, на опоздания и прочие накладки, операция все-таки в самых главных своих чертах развивалась вполне благоприятно, но вот теперь снова все уперлось в пехоту. Проклятый педант Левенхаупт! Сам забрел черт знает куда и упустил к тому же из виду Рууса!

Он немедленно выслал к Руусу отряд драгун под командованием полковника Хъельма с приказом вернуть его в боевые порядки. По непонятным причинам Хъельму разыскать Рууса не удалось, хотя участок поля сражения, по которому ему надо было пробиться к Руусу, был относительно свободным от русских солдат, которые в основном находились на редутах. (Вообще-то, считает Бенгтссон, кавалерийская помощь Руусу была не нужна, ему нужны были четкие приказы, а их-то из-за гибели Сигрота он так и не получил. Можно и нужно было выслать к нему пару адъютантов, и фельдмаршал сделал это позже, один адъютант пробился до Рууса, но было уже поздно.)

Потом выяснится, что батальоны Рууса зашли слишком далеко на юг и застряли за восьмым редутом, который продолжал оказывать сопротивление и в упор расстреливать шведов. Согласно плану, его ребята должны были лишь напасть на редуты, чтобы облегчить прохождение всей армии, а потом немедленно прекратить атаку и присоединиться к общей массе пехоты. Но Руус, не имея представления об общем обходном маневре на русский лагерь, в своей беспомощной безнадежности «вцепился» в восьмой редут и никак не мог от него оторваться. Несчастный Руус не был телепатом, он не мог читать мысли Реншёльда даже на близком расстоянии, а потому не имел ни малейшего понятия относительно того, чего ждал от него в это время главнокомандующий. Сигрот, действовавший в составе его колонны в качестве командира полка, был убит и не успел сообщить ему самого главного.

И Руус, добросовестный вояка, с каким-то тупым оцепенением и безразличием посылал своих пехотинцев на редут в одну атаку за другой, повторяя «рекорды» генерала Лагеркруны под Стародубом и бессмысленные «достижения» шведов под Веприком. У него куда-то пропали два гвардейских батальона, а он только выругался и продолжал наседать на русских. Потом куда-то так же загадочно исчезли другие части, а он все не мог сообразить, что происходит. И наконец, когда примерно 40 процентов личного состава были положены перед русскими валами, он послал всех и всё к черту и отступил от редута. Первым логичным шагом было бы попытаться соединиться с армией, но он не знал, в каком направлении ее искать. И тогда он выбрал самое нелепое направление — он пошел на восток. Ему попался по пути какой-то лес, и там он расположил своих раненых и оставшихся в живых солдат и офицеров (впрочем, офицеры были почти все выбиты) и попытался привести их в порядок[165].

В русском лагере, когда убедились, что вся армия шведов ушла в северо-западном направлении, вдруг заметили, что впереди расположился на отдых какой-то шведский отряд. Они немедленно выслали к нему сильную пехотную колонну и кавалерию и наткнулись в лесу на остатки пехотной колонны Рууса. Они окружили шведов как раз в тот момент, когда к ним прибыл адъютант фельдмаршала, капитан лейб-драгун граф Нильс Бонде. Адъютант даже не успел сообщить бедному Руусу о том, где находится вся армия и куда ему следует идти, потому что генералу было уже некогда: со всех сторон наседали русские, и ему надо было руководить отражением атаки. Во время боя Нильсу Бонде удалось вырваться из окружения, так и не посвятив

Рууса в тайну о местонахождении армии. Руус, после отчаянных попыток пробраться к своим, сдался русским в гвардейском шанце, на северо-западной окраине Полтавы, когда в его отряде из 2600 осталось всего 400 человек, с которыми он пошел в атаку на редуты. Он хотел соединиться с частями, оставленными для контроля осажденной крепости, но не смог — помешал гарнизон под командованием Келина. Остатки батальонов на почетных условиях капитулировали перед русским генералом Ренцелем. Когда пленных шведов вели в русский лагерь, с северо-запада до них донеслись звуки залпов: шведы приступили к выполнению основной операции сражения, но Руусу и его обескровленной пехоте было уже все равно.

К плененной группе Рууса, сообщает Энглунд, присоединился и разведывательный отряд Шлиппенбаха. «Пылкий» А. В. Шлиппенбах пытался пробиться к главным силам, но натолкнулся на русское соединение, планировавшее атаковать Рууса. После короткой стычки отряд был опрокинут, сам Шлиппенбах[166] попал в плен.

Так, практически не внеся никакого вклада в сражение, пропала третья часть пехоты шведов, включая прославленный Далекарлийский полк. В нашей литературе этот факт иногда упоминается, но нигде не говорится о том, с каким драматизмом восприняли эту потерю шведы, в частности, их высшее военное руководство.

Между тем ни у одного ответственного военачальника — ни у самого Рууса, ни у Левенхаупта, ни у Реншёльда — не возникло мысли по-настоящему заняться исправлением положения. Почему полковник Сигрот не обмолвился перед атакой хоть парой слов со своим начальником? Почему у дотошного и совестливого Левенхаупта не возникла мысль о пропаже одной своей колонны? Почему Реншёльд тянул с посылкой своих адъютантов к Руусу? Почему так нелепо действовал сам Руус? Почему с таким равнодушием к приказу фельдмаршала отнесся всегда предприимчивый Хъельм? Почему всеми генералами и высшими командирами вдруг овладели какая-то непонятная апатия, инерция и полная безынициативность? Ни на один из этих вопросов удовлетворительного ответа найти невозможно. Можно лишь предположить, что в шведском военном механизме вышла из строя пружина, приводившая весь механизм в действие и заставлявшая работать его точно и непрерывно, — король Швеции Карл XII. Но тогда выходит, всему шведскому генералитету, закаленному в боях, вооруженному самыми передовыми военными знаниями, грош цена? Значит, они были лишь хорошими исполнителями и только? Вероятно, так.

Одновременно зададимся вопросом: а что случилось бы с русской армией и вообще с Россией, если какое несчастье произошло бы с царем Петром? Ответ очевиден. Вот мы еще раз и убедились в том, какую роль в истории играет личность, особенно такие личности, как Карл XII и Петр I. И особенно в такие времена, когда «народ безмолвствует».

Но вернемся на поле Полтавской битвы.

Собрав всю армию в большой впадине с восточной стороны Будищенского леса и укрыв ее на время от русских ядер и глаз, не теряя надежды на благоприятный исход миссии Хъельма отыскать Рууса, Реншёльд, после двухчасового отдыха, через болотисто-лесистую местность двинул ее в северном направлении параллельно русскому лагерю. Но скоро вернулся Хъельм и доложил, что Рууса он не нашел. Тогда на поиски пропавшей пехоты послали генерал-майора А. Спарре, дав ему вместо драгун два батальона Вестманландского полка. К отряду даже присоединился генерал Лагеркруна, которого Реншёльд, вероятно, отпустил без всякого сожаления. Кроме того, Реншёльд послал на поиски еще двух адъютантов (один из них — Нильс Бонде — как мы уже упоминали, пробился к Руусу, но выполнить свою миссию не успел).

Армия шла на север, то и дело останавливаясь и оглядываясь на юг — не показались ли батальоны Рууса? По пути пришлось преодолеть два болота, которые оказались довольно трудным препятствием для кавалерии, но наконец армия стала: она достигла того места к северо-западу от русского лагеря, с которого должна была приступить ко второй фазе боя. Не хватало только восьми батальонов пехоты: шести разыскиваемых и двух разыскивающих. Без них Реншёльд на штурм русских позиций не решался. Пока шведы пребывали в нерешительности, русские терялись в догадках, куда же подевались шведы. Обнаружив их наконец у Будищенского леса, они вышли из лагеря и стали выдвигаться вперед, строя свои батальоны для генерального сражения. К этому времени русское командование уже знало, что шесть батальонов шведской пехоты уже выбыли из игры.

Лучше всего теперь обратиться к рассказу Юлленкрука: «... Потом я поскакал налево к пехоте и увидел носилки Е. В., находившиеся неподалеку от Эстьётской пехоты. Между тем мы постепенно приблизились к полю, перед которым было небольшое болото. Сделали остановку, и Е. В. опустили на носилках на землю. Граф Пипер сел рядом с носилками на барабан... поздравил Е. В. и пожелал дальнейшего успеха; я сделал то же самое, только добавил: “Дай Бог, чтобы генерал Рууе был с нами, и тогда бы мы могли дальше промышлять врага”. Е. В. ответил,

что посланные за ним Спарре с Лагеркруной уже вернулись и говорят, что он скоро появится здесь. Армия продолжала при этом стоять... Немного спустя пехота начала переходить через болото, и я последовал за батальоном Нэрке. Тут ко мне подошел Е. П., фельдмаршал, и сказал, чтобы я не торопясь продвигался с левым флангом по направлению к леску, к правому флангу кавалерии противника, выстроившейся в две линии против нас за болотом. Несколько казаков стояли за палисадами деревни и открыли огонь по батальону. Я выделил 50 человек, которые их прогнали, и продолжал движение к указан-? ному мне лесу, при этом наш левый фланг выдвинулся несколько дальше правого. Поскольку кавалерия противнику находилась рядом, я решил идти дальше с батальоном так, чтобы его можно было повернуть во фронт противнику, когда он задумает наступать. Скоро ко мне подскакал Е. П., фельдмаршал, и спросил, не лучше ли мне было маршировать колонной. Я ответил, что поведу весь батальон фронтом к противнику до самого леса. Я хотел дать ему дополнительные пояснения, но он, не ответив мне, сказал; “Марш, марш!” — и ускакал. После того как мы прошли еще немного, поступил приказ остановиться. Я сказал полковнику Врангелю, что хочу уточнить, почему мы остановились, и уехал. Скоро я подъехал к месту, где были Е. В. и генерал Спарре, который ему делал доклад о том, что он ад смог пробиться через позиции противника, но сказал, что Руус находится в лесу и отлично защищается, на что я сказал: “Да, да, господин генерал, но лучше, если бы Руус был здесь, потому что я опасаюсь, что дела у него идут не так уж хорошо”. Генерал-майор Спарре ответил, что если тот не в состоянии защищаться со своими шестью батальонами, то тогда пусть он делает, что хочет — он ему помочь не сможет. В этот момент к Е. В. подходит фельдмаршал и сообщает, что противник вывел вперед из своих позиций пехоту. Е. В. ответил: “Не лучше ли нам было двинуть сначала нашу кавалерию на кавалерию противника и отогнать ее прочь?” Е. П., фельдмаршал, ответил: “Нет, В. В., мы должны пойти найти их»[167] (то есть пехоту Рууса. — Б. Г.). Е. В. ответил: “Ну хорошо, делай как знаешь”».

И тогда все батальоны отошли назад.

Из этого отрывка воспоминаний Юлленкрука явствует, что отряд Спарре, посланный на поиски Рууса, не смог пробиться сквозь русские редуты, которые русское командование снова заполнило свежими частями, как только шведы ушли с них. В то время как Руус, окруженный в лесу, отчаянно отбивался от наседавших со всех сторон русских, Спарре со своими двумя батальонами прийти ему на помощь не рискнул. (Окруженный

Руус видел собственными глазами, как повернул обратно Спарре, но ничего уже исправить не мог.) Не прийти на помощь своим и не попытаться вызволить их из окружения — такого в поведении шведских генералов ранее не замечалось. Тем более что Спарре, в отличие от Рууса, знал, что без батальонов Рууса операция будет сильно затруднена. Примечательно и то, что в присутствии самого короля Спарре нагло заявил, что пусть Руус защищается сам, как может!

Остановка движения армии, как выяснил генерал-квартирмейстер, произошла из-за того, что шведское командование с прискорбием узнало правду о том, что появившиеся на хвосте армии какие-то части оказались не батальонами Рууса, как предполагалось вначале, а... вышедшей из лагеря русской пехотой для повторного занятия своих редутов! А потом поступило известие о том, что русская армия выходит из лагеря. Этому сначала никак не хотел поверить фельдмаршал — он не мог себе представить, чтобы русские, которые всю войну только оборонялись от наседавших на них шведов, вдруг осмелились наступать! Потребовалось много подтверждений, прежде чем Реншёльд смог убедиться в истинности докладов своих генералов и адъютантов. Последним, кто указал ему на появление русских в поле, был генерал Кройц, наблюдавший за русским лагерем с холма. «Пусть это вас не волнует», — спокойно-недоброжелательно ответил Реншёльд и поспешил к королю.

Передаем его беседу с Карлом XII в более подробной и убедительной, на наш взгляд, версии П. Энглунда.

Король воспринял известие о выступлении русской армии не так спокойно, как его фельдмаршал.

— Сегодня фельдмаршал сделал не очень удачную рекогносцировку, — ворчливо сказал он Реншёльду, обращаясь к нему, так это было принято в старой Швеции, в третьем лице (что означало сугубо официальный тон). — Пошлите кого-нибудь на возвышенности понаблюдать, что происходит.

— В этом нет нужды, — возразил Реншёльд, — я и так знаю, как обстоят дела. Я знаю эту местность как свои пять пальцев.

Тут пришло донесение, что русские маршируют полным ходом. Король снова приказал фельдмаршалу проверить, действительно ли это так, но тот упрямо отказался, ответив, что русские не могли вести себя так дерзко и нарушать шведский план, согласно которому армии Петра отводилась роль пассивных наблюдателей за действиями противника. Тогда король приказал лейтенанту драбантов Ю. Ертте съездить и уточнить последнее донесение адъютантов. Тот скоро вернулся и доложил, что все так

и есть: русские идут!

Реншёльд и тут не поверил и захотел проверить эти данные лично. Он снова подъехал к Кройцу и пристально вгляделся в уже залитую солнцем долину. Да, все правда. Батальон за батальоном выползали из лагеря и строились на виду у шведов в две сплошные линии. Между батальонами был промежуток шириной не больше десяти метров. В этих промежутках усатые красномордые артиллеристы устанавливали трехфунтовые пушки — всего 55 штук. Русская конница под командованием А. Ф. Бауэра сосредоточивалась на флангах, а шесть отборных драгунских полков под командованием А. Д. Меншикова занимали позиции сзади пехоты. Неужели они пойдут в наступление?

Король высказал мнение, что нужно атаковать стоявшую на правом фланге конницу Бауэра:

— Вероятно, нам стоит двинуться в направлении русской кавалерии и ее прежде всего повернуть вспять?

— Нет, ваше величество, — ответил Реншёльд, — нам следует нанести удар вон по тем.

Под «теми», пишет шведский историк, фельдмаршал подразумевал пехотные батальоны, еще не успевшие полностью построиться в боевой порядок. До них было не больше версты.

— Делайте, как считаете нужным, — ответил Карл.

С этого момента его влияние на ход сражения вовсе прекратилось.

Армию развернули против русской пехоты. До этого она находилась на расстоянии пушечного выстрела от северо-западного края русского лагеря — примерно в 1500 метрах, то есть в пределах прямой видимости. Только отчаянное положение могло вынудить каролинцев маршировать вдоль боевых порядков русской армии, представляя для нее удобную мишень. Но, как говорят шведские историки, у Реншёльда другого выхода не было.

Многие эксперты, однако, считают, что Реншёльд имел и в данной безнадежной ситуации альтернативу — наступать, как и было задумано, на северный фланг русской армии с теми силами, которые были в его распоряжении. Конечно, численное преимущество русских было велико, но оно ведь сохранялось при любом варианте. Тем более что шведская армия уже была выстроена в боевые порядки, а русские только начинали накапливаться и выстраиваться в боевые линии.

Но решение было принято, инициативу боя каролинцы сами отдали в руки противника, и им в этот момент уже ничто не могло помочь. Итак, в десятом часу утра армия повернула кругом направо и начала свой марш в обратном направлении, через

«малое болото», по направлению к Будищам. Началась спешка и суета, потому что шведские генералы боялись не добраться до указанного места до того, как русская армия пойдет в атаку. Маршу шведов мешало болото, и похоже, это соревнование они русским проигрывали.

Ближе к русским находилась пехота: кавалерия, оставив заслон сзади, шла параллельно и впереди нее и из-за болотистой местности с трудом сохраняла боевой порядок. Головная часть кавалерии, ведомая генералом Кройцем, при развороте на противника должна была образовать правый фланг шведской армии, поэтому Кройц спешил изо всех сил опередить пехоту. Последним болото переходил Хамильтон со своими кавалеристами, он должен был образовать левый фланг боевого порядка армии. Однако места, для того чтобы Кройцу стать справа от пехоты Левенхаупта, не оказалось — мешали лес и болотце, и он стал сзади. Это, конечно, мало понравилось пехотинцам, им приходилось идти в атаку без поддержки кавалерии, но делать было нечего. Для того чтобы как-то соответствовать ширине фронта, определенному русскими батальонами, Левенхаупту пришлось вытягивать свои батальоны в тонкую линию, но и после этого они на фоне русских выглядели, по словам Энглунда, как дюйм против локтя.

Левенхаупт, закончив перестроение, вежливо осведомился у Реншёльда, куда «...будет угодно Его Превосходительству», чтобы они направились. Реншёльд указал на перелесок справа от боевого порядка. Левенхаупт тут же скомандовал «направо», чтобы пехота в колоннах пошла в сторону этого перелеска. Сразу подлетел рассерженный Реншёльд и закричал, какого черта Левенхаупта понесло туда. Он что, собирается совсем заслонить все выходы для кавалерии? Выяснилось, что Левенхаупт неправильно понял Реншёльда: фельдмаршал имел в виду более позднее продвижение боевого строя в направлении перелеска, а не выдвижение его на один уровень с ним. Левенхаупт глубоко переживал свою оплошность, был вынужден извиниться, но обида на фельдмаршала осталась. Чувство неудовлетворенности от стычки, вероятно, мучило и «солдафона» Реншёльда, и он вернулся к Левенхаупту, взял его мягко за рукав и вполне дружелюбно произнес:

— Генерал Лейонхювюд, вам следует атаковать противника. Сослужите же его величеству еще одну верную службу, а мы с вами помиримся и будем опять добрыми друзьями и братьями.

Мнительный Левенхаупт сразу заподозрил, что фельдмаршал, по-видимому, сомневается в шведской победе и испытывает угрызения совести, посылая его на верную смерть. Тем не менее

генерал с вычурной любезностью подтвердил свою преданность королю и спросил Реншёльда:

— Желает ли его превосходительство, чтобы я сию минуту двинул войско на врага?

— Да, сию минуту, — ответил Реншёльд.

— В таком случае, с Богом, да будет объявлена нам милость Господня! — сказал Левенхаупт.

Фельдмаршал поскакал к коннице. Левенхаупт отдал приказ, забили барабаны, синяя линия зашевелилась и двинулась вперед к плотной зеленой стене русской пехоты. Четыре тысячи солдат шли в атаку на двадцать две тысячи[168]. До «стены» было около 700—800 метров. Первые 600 метров предстояло пройти с обычной скоростью — 100 шагов в минуту, последние 100—200 метров нужно было преодолеть бегом. Русская «стена» на атаку шведов ответила немедленной остановкой. Царь Петр, который во главе своих военачальников ехал на своей любимой кобыле Лизетте впереди, застыл на месте. Потом он взмахнул шпагой, благословляя полки, и уступил командование Шереметеву. Он направил коня к той дивизии, которую решил сам вести в бой.

Многим из шведских пехотинцев было ясно, пишет Энглунд, что атака не может быть успешной и что их ждет неминуемая гибель. В своих мемуарах Левенхаупт напишет: «Этих, с позволения сказать, идущих на заклание глупых и несчастных баранов я вынужден был повести против всей неприятельской пехоты».

Было без четверти десять. Решающее сражение Полтавской баталии началось.

… Почти десять часов утра. Шведская армия вступила в бой, еле успев кое-как развернуться. Договорившись с Кройцем, что он со своей кавалерией станет справа от атакующей пехоты, чтобы удлинить фронт и не дать русским зайти ей сразу в тыл, Реншёльд поспешил к королю. Он доложил ему, что пехота пошла в наступление, и снова ускакал — теперь уже на левый фланг.

— Как! — воскликнул находившийся рядом Юлленкрук, — Неужели битва уже началась?

— Они уже пошли, — ответил ему Карл.

Русская армия встретила шведские полки двумя длинными и плотными линиями, обнимая фронт шведской атаки обоими своими флангами. Столкновение двух противников происходило по классической карфагенской схеме, и победа доставалась, как правило, той стороне, которой удавалось зайти противнику с фланга. Кавалерии оставалось только ударить по смятому флангу и «вгрызаться» в нарушенные порядки в направлении центра.

Русские линии стояли непоколебимо, поддерживаемые к тому

же мощным артиллерийским огнем, поэтому шведская кавалерия Кройца, действовавшая лишь в неполном своем составе на своем правом фланге (Хамильтон, следовавший в арьергарде, все еще барахтался в болоте), практически ничем не могла помочь своей пехоте[169].

Пехота русских встретила шведов дружными мушкетными и пушечными залпами. Ядра прорубали в тонких шведских линиях целые просеки, но шведы, несмотря на поредевшие ряды, неуклонно продвигались вперед. Когда они приблизились примерно на расстояние 200 метров, русские канониры перешли на картечь. Десятками, словно подкошенная трава, шведы падали на землю. На левом фланге шведы встретили такой плотный огонь, что не смогли продвинуться ни на шаг, в то время как на правом, где находился сам Левенхаупт[170], они имели локальный успех и заставили одну русскую пехотную линию отступить.

Последний залп из мушкетов русские сделали, когда шведы приблизились к ним на 50 метров. Но шведы молчали — Левенхаупт хотел добиться наибольшего эффекта от своих мушкетеров — слишком плох был у них порох. Когда шведы после этого сделали еще десятка полтора шагов, Левенхаупт дал команду: «Огонь!» Каролинцы сдвоили свои ряды и произвели, наконец, ответный залп по русским солдатам.

Русский строй заколебался и начал отступать. Шведы стали теснить первую линию пяти пехотных полков, захватили несколько трехфунтовых пушек и четыре знамени. Одно из орудий было повернуто в сторону русских, и капитан-лейб-гвардеец Гадде произвел из него несколько выстрелов. Сказался просчет русского командования, которое, разделив полки на две части при построении их в две линии, разделило и их командный состав — так, во всяком случае, считают шведские специалисты. Если бы на помощь шведам в это время подоспела кавалерия, то положение для русских сложилось бы критическое.

Возникла курьезная ситуация: противники теснили друг друга на своих правых флангах и отступали на левых. Получился, как пишет Энглунд, эффект вращающейся двери. На помощь оцепеневшим полковым командирам пришел сам Петр I. Он возглавил второй батальон Новгородского полка и закрыл брешь. Во время этой схватки в царя попали три пули: одна пробила шляпу, вторая попала в седло, а третья — в нательный крест[171].

Левенхаупт направился на левый фланг, пытаясь подбодрить отставшие и не успевшие вступить в бой батальоны, в то время как давление со стороны русских только лишь усиливалось. Многие офицеры уже погибли, и солдаты, дрогнув, стали отступать. Левенхаупт наезжал на них конем, призывая

остановиться («...просил, угрожал, проклинал и бил»), но ничто уже не помогало. Он увидел А. Спарре, который из-за возникшей на марше сумятицы запоздал стать в боевой порядок своего Вестманландского полка, и крикнул ему, чтобы он тоже попытался остановить запаниковавших солдат, но тот ответил: «Их только сам дьявол может остановить — это невозможно!» Около 50 кавалеристов пытались сдержать удар русской пехоты, но скоро все они погибли. Слева рубилась кавалерия Хамильтона — генерала, которому за все сражение нельзя было сделать ни одного замечания, но скоро и ее почти не осталось, а сам генерал был пленен.

Убедившись, что левый фланг не спасти, Левенхаупт вернулся обратно на правый, на котором еще могло что-то получиться. Он обнаружил, что противник, ликвидировав брешь, продвинулся вперед уже настолько, что своей массой фактически рассек шведскую линию и отделил левое крыло каролинцев от правого. Шведы, однако, тоже упорно продвигались вперед, но их было так мало, что они все потерялись в глубине русского боевого порядка и выглядели отдельными жалкими островками в мощном потоке половодья. А шведская кавалерия Кройца опоздала, так и не оказав помощи пехоте в самую трудную минуту.

Куда же она запропастилась? На обратном марше шведская кавалерия просто не успела перестроиться: идущая впереди пехота уже вступила в бой с русской, а кавалерия еще не вырвалась из болота и представляла собой беспорядочную массу всадников на сбившихся в кучу лошадях. Кроме того, ее тылу все время угрожала конница А. Меншикова. В бой вмешалась лишь небольшая часть кавалерийской группы Кройца. Она напала на русскую пехоту на левом русском фланге, но петровские солдаты не дрогнули, выстроились в каре и в соответствии с уставом успешно отразили эту атаку. А потом в тыл Кройцу ударила конница Меншикова, началась рукопашная схватка, и именно в этот момент в рядах шведской пехоты началась паника. Примерно в таком же положении находилась кавалерия Хамильтона: часть ее кое-как выкарабкалась из болот и становилась в строй, в то время как большая ее часть застряла в трясинах. И это в тот самый момент, когда шведская пехота на левом фланге стала отступать. Одним словом, кавалерия к месту боя всюду опоздала.

Кавалерист Реншёльд за время сражения высказывал не раз претензии в адрес пехотинца Левенхаупта. Интересно, сколько критических замечаний заслужил первый кавалерист шведской армии за действия своей славной кавалерии? Предоставим читателю посчитать все те случаи, когда шведская кавалерия

была далеко не на высоте. И немудрено, что наиболее сохранившуюся после Полтавы часть армии Карла XII представляла кавалерия — она лишь частично приняла участие в сражении.

Катастрофа наступила быстро. Русская армия за каких-то полчаса перемолола картечью, изрешетила мушкетными пулями и переколола штыками, пиками и саблями шведскую пехоту и обратила в бегство их кавалерию. Юлленкрук, скакавший на левом фланге в поисках своих всадников, встретил группу выходящих из боя пехотинцев.

— Возьмите себя в руки, ребята! Где ваш офицер?! крикнул он им.

— Мы все ранены, а все наши офицеры погибли, — сказали они в ответ.

Некоторое время спустя генерал-квартирмейстер застревает в болоте и вступает в единоборство с каким-то пешим «мужиком», пытавшимся снять с него перевязь. Ему удается отбиться и вылезти из болота, и тут ему встречается эскадрон кавалеристов, повернутый фронтом в поле.

— Господин, — крикнул он офицеру, — вы молодцы, что пытаетесь остановить бегущих!

— Мы выполняем свой долг, господин полковник, — ответил тот.

В это время с быстротой молнии распространяется слух, что король убит, и это еще больше деморализует шведов. Но король был жив, он находился позади правого фланга, не один неприятельский конный отряд пытался атаковать его красочную и примечательную группу, но охрана успешно отбивши все попытки. Прискакавший Реншёльд доложил:

— Всемилостивейший государь, творится нечто невообразимое... Наша пехота бежит!

— Бежит? — недоверчиво переспросил король.

Но Реншёльд уже нетерпеливо дергает коня за повод и «летит» обратно, надеясь остановить надвигающуюся катастрофу.

— Берегите государя, ребята! — бросает он через плечо королевскому конвою и исчезает.

После этого королю, всей его свите и охране становится ясно, что нужно уходить. Карл послал драбантов разведать обстановку и попытаться найти какой-нибудь отряд, который можно было бы использовать для усиления охраны. Среди тех, кому было приказано выйти из боя и подтянуться к королю, был генерал Кройц. Его нашли около деревни Малые Будищи. К этому времени противоборствующие армии постепенно выходили из соприкосновения. Сражение практически закончилось, по

равнине, под жгучим солнцем, бродили русские и осматривали тела погибших шведских пехотинцев. Это были люди из русского лагеря, не успевшие принять участие в бою, и вышли они, чтобы собрать трофеи.

На пути короля постоянно возникали русские отряды, их то и дело обстреливали, на них нападали, носилки с королем застревали, но сгруппировавшиеся вокруг Карла конные шведы, преодолевая лесные завалы и болотные трясины, отчаянно отбиваясь и теряя раненых и убитых, упорно продвигались на запад. Скоро к этой группе присоединились некоторые офицеры, в числе которых был С. Понятовский. На пути отступления Карла оказался и Левенхаупт, все пытавшийся остановить бегущих. Он встретил лейтенанта драбантов Хорда, который попросил его употребить генеральскую власть, чтобы остановить отступавших и дать возможность увести короля с поля боя. Генерал встал на пути бежавших шведов и закричал:

— Во имя Господа Бога не оставим в беде нашего короля! Он здесь!

Тогда некоторые пехотинцы сказали:

— Раз король здесь, то мы остановимся.

Подошла группа кавалеристов и присоединилась к пехотинцам. Король в это время садился на коня и держал левую ногу на его спине. Он увидел Левенхаупта и спросил:

— Левен, вы живы?

— Да, всемилостивейший государь, с Божьей помощью!

Король спросил «Левена», в каком направлении лучше уходить. Русские уже не были так активны, как прежде: оторвавшись от основной массы, они преследовали шведов с большой осторожностью, все еще не веря случившемуся. Генерал высказал мнение, что надо пробиваться к обозу. В авангарде пошли драбанты во главе с Ерттой, продолжая играть роль пулеуловителей. Они уже потеряли более двадцати своих товарищей. Был ранен в голову Нильс Фриск, убили лошадь под Хюльтманом, но тафельдекеру удалось разжиться новой лошадью и чудом спастись. Многие из охраны и конвоя попали в плен. Русским ядром разнесло в щепки носилки короля, но Карл оставался невредим. На месте погиб придворный хронист Карла Г. Адлерфельдт, в которого тоже попало ядро. Пришедшие в негодность носилки пришлось бросить и пересадить короля на лошадь, вытянув его больную ногу к шее животного, но скоро и этот конь под ним тоже погиб. «Ертта, дай мне коня!» — крикнул Карл, и лейтенант драбантов, сам раненый, отдал своего коня королю[172]. Под Будищами путь перегородил русский батальон. «Мы должны пробиться!» — сказал Карл, и поредевший отряд

двинулся на прорыв. Батальон при этом дал залп, и многие сопровождавшие короля попадали на землю. Носилки опять сломались, а носильщиков всех перебило.

Дорогу к обозу никто из шведов не знал, но им удалось найти двух валахов, которые и повели отряд с королем в Пушкаревку. Им предстояло пройти еще пять верст. Время приближалось к 11.00.

Граф Пипер в своем дневнике, который он начнет вести в русском плену, так опишет день Полтавского сражения: «Вечером 27 июня[173], когда было темно, армия выступила в трех колоннах и двинулась к неприятельскому лагерю. Перед восходом солнца 28-го числа колонна, в которой находился Е. К. В., после некоторой заминки в ожидании соединения с другими колоннами, атаковала укрепления и сразу же овладела ими, отогнав напавшую на нас кавалерию противника. После этого мы ждали два часа, а может, и более, как говорили, генерал-майора Рууса с колонной. Между тем неприятельская кавалерия, обращенная нашей в бегство, повернула кругом и присоединилась к своей пехоте. В это время я расположился под деревом на отдых неподалеку от Е. К. В. Некоторое время спустя ко мне подошел канцелярский советник Хермелин и рассказал, что Е. К. В. приказал перенести себя в другое место. Я ответил, что мы можем не торопиться, поскольку ни одной боевой линии еще не было построено, а на это понадобится время. После этого он удалился, но скоро вернулся и сообщил, что неприятель выступил против нас с намерением атаковать и находится от нас на расстоянии нескольких мушкетных выстрелов. После этого я сел на коня и, увидев приближавшегося противника и нашу еще не выстроившуюся в боевой порядок армию, сказал Хермелину: “Господь Бог должен сотворить чудо, если на этот раз все кончится для нас благополучно”. Потом я поскакал на правый фланг в предположении увидеть там Е. К. В. Но когда я туда прибыл, то нашел нашу кавалерию в большой конфузим и в такой давке, что я не смог проехать; задние напирали и давили на передних. Увидев это, я повернул искать Е. К. В. среди пехоты, но нашел, что та уже давно ушла со своих позиций, а на ее месте появилось огромное каре неприятеля, и если бы меня вовремя не предупредил один офицер, я бы угодил в руки русских.

Я поворачиваю коня в надежде найти Е. К. В., но не могу проехать, потому что в этот момент наша кавалерия пускается в бегство. Пришлось какое-то время скакать вместе с ними, пока не встретил фельдмаршала, а с ним — полк драгун. Я обрадовался, что встретил его, и сразу спросил о местонахождении Е. К. В. Он ответил: “Ich weiss nicht"[174]. Тогда я сказал: “Ради Бога, не

покидайте нашего короля, который беспомощен и лежит на носилках!" Он ответил: "Es ist alles verloren"[175], — на что я сказал: "Господь Бог этого не допустит; армию можно оттеснить назад, но она снова может воспрянуть и оказать сопротивление врагу". Все это время мы бешено скакали, и когда проезжали через деревню, я сказал фельдмаршалу: "Вы здесь командир, умоляю ради Бога, попытайтесь их остановить, а если не можете, то хотя бы укажите, куда им надо спасаться и где собираться, чтобы противник их всех не уничтожил поодиночке". Он ничего мне не ответил, рядом оказались полковые командиры Дюккер и Таубе, а фельдмаршал куда-то исчез, и когда я спросил их о нем, они показали мне на поле, где я увидел, как он скачет. Я кинулся снова к нему и повторил те же слова, что сказал ему до этого, после чего он какое-то время следовал за мной, но опять отправился в поле. Я снова справился у них о нем, они снова показали мне, где он находился. Я во второй раз подъехал к нему и попросил сделать то, что я ему посоветовал, чтобы он хотя бы приказал им собираться у обоза. Он во второй раз проехал со мной немного, но не успел я оглянуться, как он снова оказался в поле, где находились войска неприятеля. Увидев это, я больше не спрашивал о нем, лошадь моя упала вместе со мной, и, обнаружив, что я остался один, стал спрашивать, где находится обоз, пока один из пробегавших, майор Бер, не сказал, что проведет меня туда, но вместо этого он привел меня к Полтаве, где меня ожидала большая опасность в виде казаков...»

Фельдмаршал Реншёльд метался с одного участка боя на другой, пытаясь удержать строй своих войск, и попал в плен к драгунам Архангелогородского полка. Под Малобудищенским лесом взяли в плен еще двух шведских генералов — Б. О. Стакельберга и Х. Ю. Хамильтона. Там, где взяли в плен Реншёльда, пытался со своей кавалерией остановить русских Маленький Принц, но и он попал в плен. В это время возбужденный и счастливый царь скакал по полю боя и всех спрашивал: «Где же мой брат Карл?» За короля сперва приняли принца Максимилиана Эммануила Вюртембергского и торжественно подвели его к царю. Ошибка, конечно, тут же прояснилась[176].

В Пушкаревку прибыли к полудню. Командующий частями прикрытия Юлленкрук уже был там. Он заранее подготовился к приему бегущей армии, позаботился о том, чтобы на пути возможного появления русских выставить заслон из повозок и артиллерии, и выслал вперед несколько эскадронов кавалерии с тремя тысячами мазепинских казаков. Шведы с тревогой

посматривали в сторону Полтавы и замирали при появлении облаков пыли: свои? чужие? В тени повозок нанятые кучерами и возницами пьяные украинцы, поляки и белорусы резались в карты, чем еще более усугубляли тревожное состояние Юлленкрука. Карла XII положили в карету прусского военного атташе Д. Н. фон Зильтмана и сделали перевязку на ноге. Здесь же пруссак подал идею немедленно вступить в контакт с русскими и заключить с ними перемирие. Предложение это было принято.

Левенхаупт вспоминал, что сразу пошел к своей крытой повозке, чтобы подкрепиться, чем Бог послал — у него с полуночи во рту не было и сухой корки.

А вот как описывает свои дальнейшие приключения первый министр Карла граф Пипер:

«Когда я по несчастью туда (в Полтаву. — Б. Г.) прибыл и был вежливо принят комендантом, известие об этом немедленно направили в лагерь, и по истечении некоторого времени мне сообщили, что я поступаю в распоряжение Его Царского Величества, Когда я был готов уже взобраться на коня, прибыл другой курьер, который сообщил, чтобы я оставался на месте и ждал прибытия статс-секретаря Шафирова, который должен будет меня забрать с собой. Когда он прибыл, то поприветствовал меня от имени Е. Ц. В. и заверил в его милости и честном отношении... После этого он спросил, где находится наша полевая касса и имеются ли там в наличии крупные суммы денег. Я ответил: “У нас нет общей кассы, кассы есть в каждом полку, о чем должно быть вам известно после захвата полковой кассы генерал-майора Крусе”. Он ответил: “Как же это так возможно, что знаменитая армия отправляется так далеко от своих границ, не имея денег?” ... Потом он поинтересовался у меня кассой двора Е. К. В. и ее содержимым. Я ответил, что он заблуждается, если думает обнаружить и в ней большие суммы денег».

Граф разъяснил недоуменному Шафирову, что и король, и шведская армия пользовались кредитами купцов, торговцев и маркитантов, выдавая им на руки долговые векселя, поэтому необходимости в том, чтобы возить с собой большие суммы денег, у шведов не было.

«Наконец, он спросил меня о моей кассе, я ответил, что там он обнаружит очень мало или вообще ничего, потому что я пользовался теми же средствами, чтобы не иметь при себе крупных сумм... Он выказал некоторое нетерпение по поводу сказанного, но я с усмешкой сказал, что он узнает правоту моих слов сразу после того, как наш багаж попадет к ним в руки. Потом он спросил меня о документах канцелярии, на что я

ответил, что она должна находиться в обозе — не думает же он, что я возил ее с собой!»

В русский лагерь Пипер и Шафиров поехали в карете и по дороге вели «светский» разговор о болезни Е. Ц. В. Петра I. П. Шафиров позволил себе критически высказаться по поводу высокомерного отношения Карла к Петру, на что Пипер якобы дал русскому статс-секретарю соответствующую отповедь. Рассерженный Шафиров пошел докладывать царю, а шведского премьер-министра сдал «мин херцу» Александру Даниловичу. Меншиков, пишет Пипер, принял его очень вежливо. В палатке у фаворита он встретил весь шведский «бомон»: фельдмаршала Реншёльда, ускакавшего от него на поле боя, Маленького Принца и довольно большую группу генералов и офицеров. Неожиданно к графу подошел какой-то русский генерал и стал грубо приставать к нему и обвинять в том, что с ним дурно обращались во время нахождения его в шведском плену. К. Г. Реншёльд пояснил «новичку» Пиперу, что перед ним — саксонец Халларт, взятый в плен под Нарвой и обмененный потом на пленного шведского офицера. Халларт стал рассказывать, каким преследованиям он подвергся в плену, требуя от Пипера сатисфакции. Последнему с трудом удалось отбиться от генерала — помог князь Меншиков, посоветовавший шведу не обращать на Халларта внимания, потому как он пьян.

Пипер продолжает: «Когда этот дискурс окончился, князь мне говорит: “Посмотрите, не узнаете ли вы между вашими Его Королевское Величество?” — Я ответил: “Нет, нет, Боже сохрани его от этого!” — Он: “У нас есть сведения, что он попал в наши руки”. — Я: “Это было бы большим несчастьем. Но я в это не поверю, прежде чем не увижу его собственными глазами”. Некоторое время спустя от князя Меншикова меня отвели к фельдмаршалу Шереметеву, который совершенно вежливо встретил меня и не только оставил меня на вечернюю трапезу, но и предоставил в мое распоряжение свою палатку и кровать и предложил в долг тысячу дукатов. Но тут опять появился генерал-майор Халларт и с еще большей назойливостью стал распространяться о том, что с ним приключилось в Швеции. Я ответил ему еще резче, чем в палатке у князя, пока фельдмаршал не сказал мне, чтобы я не обращал на его слова никакого внимания, потому что он пьян в стельку, после чего я отправился на покой...»

Рано утром шведская армия вышла в бой в составе 19 700 человек[177] — часть ее оставалась в траншеях вокруг Полтавской крепости, часть охраняла обоз в Пушкаревке и коммуникации армии к югу от Полтавы. На поле Полтавского сражения, по

данным П. Энглунда, остались лежать или пропали без вести около 6900 шведов. В плен к русским попали 2800 человек и неизвестное число раненых. Не считая, конечно, одного фельдмаршала, одного министра, нескольких генералов и чиновников военно-походной канцелярии Карла XII. Обычно крупными потерями, пишет шведский историк, считаются уже 20 процентов, в данном же случае эта цифра приближается к 50 процентам. Потери под Полтавой, считает он, нужно считать просто катастрофическими.

Потери русских Энглунд оценивает в 1345 убитых среди регулярных частей. Потери, к примеру, в коннице Скоропадского сюда не входят, равно как и число всех раненых и пропавших без вести.

Глава пятнадцатая
БЕГСТВО

Верхом, в глуши степей нагих,
Король и гетман мчатся оба.
Бегут. Судьба связала их.

А. С. Пушкин. Полтава

Пока шведы бежали с поля боя к Пушкаревке, в русской армии началось торжественное богослужение. Пели «Тебя, Господи, хвалим», а закончили троекратным ружейным и орудийным салютом. При выходе царя из походной церкви армия склонила знамена и оружие; Б. П. Шереметев рапортовал ему о победе, о числе убитых и раненых. В начале второго часа собрался весь генералитет, привели пленных шведских генералов, из Полтавы доставили графа Пипера, который, испытывая страх перед казаками, приказал бить в барабан и сдался А. С. Келину вместе с 93 солдатами и секретарями канцелярии Хермелином и Седерхъельмом[178]. Генералы отдали шпаги Меншикову, а Петр вернул одну из них фельдмаршалу Реншёльду в знак уважения к его доблести и таланту[179]. А в начале четвертого часа Петр I пригласил всех в приготовленные вездесущим Меншиковым палатки отпраздновать победу и поднять чашу за «шведских учителей» и «брата Каролуса».

Пир в шатре со шведскими генералами Вольтер описывает следующим образом.

Царь Петр, усадив пленных генералов за стол, обратился к Реншёльду с вопросом о том, сколько войска было у короля Карла до Полтавской битвы. Фельдмаршал «скромно» ответил, что записи об этом были только у самого короля, а он их никому не показывал. Он, Реншёльд, полагает, что у шведов накануне Полтавы было около 35 тысяч человек, не считая украинских казаков. Царь удивился: и с таким малым воинством («горстию людей») вторглись в страну и осадили Полтаву?

— Нас об этом не спрашивали, — ответил Реншёльд. — Мы верно служили королю и беспрекословно слушались его приказов.

— Вот — слышали? — обратился Петр к своим приближенным. — Смотрите, как нужно служить своему государю!

Потом царь предложил тост за его учителей в военном деле.

— Кто же они? — поинтересовался Реншёльд.

— Вы, господа шведские генералы, — ответил царь.

Кто-то из шведов сказал:

— Хорошо же вы отблагодарили своих учителей!

Лишь к вечеру 8 июля (27 июня), в 19 часов, царь отдал приказ на преследование шведской армии гвардейской бригаде под командованием генерал-лейтенанта Семеновского полка М. М. Голицына и шести драгунским полкам генерала Р. Х. Бауэра — всего около 12 тысяч человек. Утром 9 июля (28 июня) в погоню с тремя конными и тремя пехотными полками бросился А. Д. Меншиков.

... Около 14.00 послышалась сильная стрельба, и у Пушкаревки возникла масса конников, однако при виде выставленных орудий, половина из которых, кстати, не была заряжена, исчезла. Судя по всему, это были казаки Скоропадского, добросовестно выполнявшие поставленную перед ними задачу. А потом появились толпы беглецов — запыленных, опаленных порохом, в разорванных мундирах, среди которых нельзя было узнать даже известных командиров. После всех появилась группа, сопровождавшая Карла XII.

Очевидцы вспоминали, что подъехавшего короля встретили гробовым молчанием. Нога монарха висела на луке седла, с нее спадали окровавленные бинты. Никто не осмеливался говорить первым. Усталость, высокая температура от раны, невыносимая жара, шок от поражения, драматическое бегство с поля боя — все это сказалось на состоянии короля, и его сознание было затуманено. Он несколько раз интересовался судьбой Реншёльда и графа Пипера, ему сказали, что они попали в плен к русским. Вопросы Карла звучали чисто механически, и полученные ответы были восприняты им довольно безразлично. Впрочем, он понял, что вокруг него никого, кроме «Левена» и чудаковатого Юлленкрука не осталось, и он превозмог все физические и психологические боли, чтобы начать думать о будущем и принимать какие-то решения. Он пытался взбодрить улыбкой растерянных подданных: «Ничего, ничего!» — и сказал, что в Швеции он соберет пополнение армии и снова пойдет на Москву. О реакции окружавших короля солдат и офицеров на второе «приглашение» в Москву источники умалчивают, но эти слова вполне соответствовали его характеру: вплоть до своей смерти Карл не считал себя побежденным и упорно вынашивал планы сокрушения своих врагов.

Когда Карл XII у Будищенского леса спросил Левенхаупта, куда идти, он конечно же имел в виду в первую очередь место, где можно было спастись от преследовавшей разбитых шведов русской армии. Но когда каролинцы собрались в Пушкаревке,

подсчитали потери и оправились от первого шока, то вопрос этот встал снова, но уже в иной плоскости: русский поход был сорван, куда бежать из России?

С поля сражения вышли около восьми тысяч человек, включая значительное количество раненых, но вместе с частями, не принимавшими в битве непосредственное участие и разбросанными вокруг Полтавы, вместе с прислугой, штатскими лицами и даже женщинами, а также запорожцами и мазепинцами, количество спасшихся бегством из-под Полтавы, согласно П. Энглунду, было равно 20 тысячам, из них около 16 тысяч — военные. Пехоты практически не было, кавалерия сохранилась лучше, правда, два ее генерала —Хамильтон и Шлиппенбах — оказались в русском плену. Всего из высшего военного руководства армии остались генералы Кройц, Крусе, Спарре, Мейерфельт, Лагеркруна и Левенхаупт, а также генерал-квартирмейстер Юлленкрук, который сейчас был так кстати — ведь он лучше всех знал дороги.

Вариантов ухода из Украины не было, единственный спасительный путь лежал на юг, к крымским татарам или османским туркам. Татары, проявившие сдержанность по отношению к Карлу XII накануне Полтавы, вряд ли теперь пылали к нему любовью: азиаты уважают силу, а у короля армии ее уже не было — нельзя же было называть армией 16 тысяч деморализованных, раненых и больных солдат. Возможно, на кратковременное гостеприимство крымского хана можно было рассчитывать, а из Крыма можно будет попытаться добраться до Польши — там все-таки со своим корпусом стоит генерал фон Крассов.

Но все это скрывалось за пеленой неизвестного и отдаленного будущего. В данный момент нужно было спасаться от русских. Они по какому-то недоразумению — вероятно, от шока победы — не стали преследовать бегущие к Пушкаревке остатки шведской армии. Шведам казалось чудом, что после такого разгрома русские позволили почти беспрепятственно ускользнуть им с Полтавского поля. Русская армия имела все шансы не допустить этого, но не воспользовалась ими.

Почему?

Уже упомянутый П. Энглунд приводит следующее объяснение этому. Для Петра и его приближенных сам масштаб триумфа оказался совершенно неожиданным. Очевидно, план битвы был намечен в самых общих чертах и дальше массированной атаки на шведские полки русские генералы, вероятно, не заглядывали. Преследовать бегущую шведскую армию можно было только кавалерии, но ее действия были плохо скоординированы. Русские

эскадроны беспорядочно метались по степи, не пытаясь организовать совместное наступление или поставить на пути шведов заслоны, и нападали лишь на малочисленные беспомощные группы.

«По правде говоря, русских военачальников, — пишет швед, — больше интересовало празднование победы, нежели ее закрепление». У Будищенского леса еще шел бой, а русская пехота получила приказ отойти назад и выстроиться в порядок, в каком она пребывала в начале сражения. Начался долгий и торжественный парад с речами и салютацией.

Н. И. Костомаров, С, М. Соловьев и В. О. Ключевский писали, что неожиданное счастье победы вскружило голову русским генералам и не позволило им вспомнить о необходимости довести ее до логического конца. Другие русские историки полагают, что Петр был уверен в том, что шведы попадут в мешок у Переволочны, на берегах Днепра, а потому не торопился. Советская историография обычно объясняла все труднопроходимой лесисто-болотистой местностью, не позволявшей преследовать бегущих каролинцев — как будто она существовала только для преследователей, а не для преследуемых тоже. Нужно просто признать это серьезной ошибкой Петра и оплошностью его генералов. С. Понятовский, возглавлявший отходившую группу Карла XII, в своих мемуарах вспоминал: «Я не знаю, был ли неприятель удивлен своей неожиданной победе, но он удовольствовался тем, что позволил королю спокойно уйти и забрать свой обоз; несколько эскадронов лишь скакали вокруг, но не нападали». То же самое утверждает другой очевидец событий швед Я. Шульц: «Русские не осмеливались нас преследовать и разрешили нам идти, куда хотим. Король пошел к обозу в Пушкаревку».

И в самом деле: после того как шведы к 11 часам очистили поле боя, русскую пехоту отозвали и снова выстроили в боевой порядок перед Малобудищенским лесом. Этот лесок, и оказался спасительным островком, где беглецы получили небольшую передышку. Там Карл XII взял командование в свои руки и приказал всем стягиваться к обозу. Там же генералу Кройцу удалось собрать остатки своей кавалерии и сдерживать наскоки русских драгун в районе села Малые Будищи. А час спустя ядро разбитой армии уже бежало к Пушкаревке, в то время как меньшая часть ее была выдавлена русскими через коридоры возле первого, второго и третьего редутов. Почему вторая линия и шесть полков резерва не отсекли шведам путь к отступлению? Чем были заняты в это время казаки И. И. Скоропадского с приданными ему шестью драгунскими полками генерал-майора

Волконского? Официальный отчет о битве ответа на эти вопросы не дает.

В. А. Артамонов объясняет преступную пассивность русских установками господствовавшей в XVIII веке военной тактики, предписывавшей «не азардовать в сражении» и не увлекаться преследованием разбитого противника. О них упоминается и в «Правилах сражения», составленных царем после неудачного боя в Головчине. На мой взгляд, этот аргумент неубедителен — особенно с учетом новаторских подходов к этой самой тактике со стороны Петра, о которых тот же Артамонов с таким восторгом повествует несколькими страницами раньше. Нет, дело кажется значительно проще: и Петр, и его генералы «угорели» от победы и, вместо преследования и методичного уничтожения неприятеля, отдались на волю чувств восторга и радости. Русская эмоциональность, такая понятная и естественная в описанных выше условиях, стоила Петру и России еще двенадцати лет войны. Заздравные тосты Петра за «брата Каролуса» оказались весьма кстати для шведов.

Некоторые шведские и русские источники свидетельствуют о том, что на пути до обоза — около десяти километров — шведов постоянно обстреливали с тыла и флангов какие-то нерегулярные части: донцы, башкиры, татары, ногайцы, причем не только из ружей, но и из луков. Принц Вюртембергский, например, приводит численность этих преследовавших: две тысячи казаков и калмыков и шесть драгунских полков. Возможно, это были те самые шесть полков Волконского, посланные на помощь Скоропадскому, но, судя по всему, действовали они робко и нерешительно.

... Но если шведы оправились от шока поражения, то русские с радостями победы как-нибудь тоже справятся и непременно скоро появятся здесь, под Пушкаревкой. Поэтому, пока русские празднуют победу, нужно уходить. Бежать. В первую очередь, конечно, Карлу XII и его приближенным, а как быть с остальными тысячами солдат и офицеров?

Королю сделали перевязку на ноге и поместили в карету. Во время короткого совещания о том, что делать, Левенхаупт высказался за то, чтобы использовать опыт Лесной: бросить артиллерию и багаж и, распределив лошадей между солдатами, уходить из Пушкаревки как можно скорее. Но Левенхаупта не послушали, король распорядился иначе: он решил во что бы то ни стало сохранить ядро армии и вывести ее за Днепр. Он приказал ждать до вечера, а под прикрытием темноты сняться и со всем обозом, артиллерией и даже с 2900 пленными русскими двигаться к Переволочне. Так и поступили: на закате Кройц вывел

артиллерию, потом пошла пехота, в арьергарде шла кавалерия, и разбитая армия беспрепятственно, в походном порядке, двинулась по Сенжарской дороге к Днепру. За авангард отвечал Юлленкрук, а за арьергард и охранение маршевых колонн — генерал Кройц. Часть пехоты посадили на лошадей, освободившихся после уничтожения и оставления на месте тяжелых и неудобных повозок и фургонов.

В Новые Сенжары около двух часов утра первым прибыл король, за ним — Юлленкрук, потом генералы. Кровать короля внесли в какую-то избу, перевязали ему рану и устроили «военный совет в Новых Сенжарах», правда, в отличие от военного совета в Филях, шведам не на чем было сидеть, и генерал-квартирмейстер вместе с Хордом и полковником Дюбеном сели на пол. Левенхаупт, заменивший Реншёльда, как самый старший военачальник, предложил королю перейти на восточный берег Ворсклы здесь, в Новых Сенжарах, и через татарские степи продолжить путь в Крым. Король спал, его разбудили и сказали, что русские следуют за шведами по пятам и что можно воспользоваться хорошим бродом в Новых Сенжарах. Король был обессилен и практически невменяем, от него могли добиться лишь краткого ответа: «Да, да, делайте как знаете».

Здесь к шведам присоединился драгунский полк генерала Мейерфельта, а Юлленкрук выехал вперед к Переволочне, чтобы осведомиться о средствах переправы через Днепр, Перед выходом армии из Новых Сенжар Зильтман, Понятовский и Левенхаупт, получившие сведения о том, что русские их преследуют, посовещавшись, предложили Карлу послать к русским парламентера — генерала Мейерфельта — с поручением искать встречи с царем. В задачу генерала, пишет Энглунд, входило задержать преследователей, дата шведской армии возможность уйти за Днепр, а заодно попытаться раздобыть сведения о размерах и планах русской армии. Для этого Мейерфельта снабдили «полномочиями» для находившегося в плену графа Пипера на ведение с царем мирных переговоров. Король надеялся оставить генерала под залог и вернуть Пипера из плена. Однако царь на хитрость не поддался: преследование шведов не отменил и Пипера из плена не выпустил[180].

Когда Карла после отдыха положили снова в карету и шведы по западному берегу Ворсклы продолжили движение, находившийся при короле граф Бъельке попытался напомнить ему о броде через реку и о возможности перехода на ее восточный берег. Не открывая глаз, Карл XII пробормотал: «Юлленкрук знает дороги!»

А Юлленкрук конечно же все это время изучал дороги, в

первую очередь его интересовали возможности переправы через Днепр у Переволочны. Один из мазепинских казаков сообщил ему, что в это время года Днепр можно перейти вброд. Естественно, он ему не поверил. Когда же Юлленкрук прибыл в Кобеляки, то встретился там с командиром южного отряда подполковником Сильверхъельмом, который заверил доверчивого старика, что часто бывал у Переволочны, знает там каждый куст и обеспечит армию необходимыми плавсредствами. В подтверждение своих слов Сильверхъельм позвал какого-то унтер-офицера и тот слово в слово повторил обещание своего шефа. Если у Юлленкрука и были какие-либо сомнения в правдивости заверений подполковника, то после слов унтер-офицера всякие сомнения конечно же отпали. Юлленкрука не надо учить, как искать дороги! Однако потом выяснилось, что собеседники не поняли друг друга: в то время как Юлленкрук имел в виду переправу через Днепр, то подполковник Сильверхъельм — переправу через Ворсклу у самого ее впадения в Днепр. Подполковник только что узнал из первых уст о деталях Полтавской битвы и находился в шоке, поэтому немудрено, что он плохо слушал собеседника и понял его превратно.

Марш на юг проходил практически вслепую, без всякого руководства. Единственный, кто хоть как-то переживал и чувствовал ответственность за маршрут, за армию, был Юлленкрук. Левенхаупт ехал, погрузившись в собственные мысли и бросая на окружающих полные апатии взгляды. Возможно, он все еще перебирал в своем уме детали своих стычек и разногласий с Реншёльдом.

На пути к Днепру встретилась еще одна удобная переправа через Ворсклу — в районе населенного пункта Китенка, причем шведы могли располагать там достаточным количеством лодок и плотов, чтобы перейти на левый берег Ворсклы почти у самого ее впадения в Днепр, Юлленкрук, ехавший впереди, оставил в Китенке кавалерийский пост с наказом предупредить о переправе Карла XII, когда он доберется до этого места. Но король, вероятно обнадеженный ложной информацией генерал-квартирмейстера, проехал мимо. Осмотрев 10 июля (29 июня) берег Днепра, Юлленкрук нашел тамошние условия для переправы совершенно неподходящими и хотел даже вернуться обратно в Китенку, но что-то помешало ему это сделать, и события стали развиваться по самому неудачному варианту.

Скоро в Переволочну прибыл король, а за ним подошла и вся армия. Юлленкрук стал высказывать Карлу сожаление по поводу того, что он не воспользовался кишенкской переправой, на что растроганный и смущенный Карл пробормотал: «Ну, ну, я могу и

повернуть обратно!» Но повернуть обратно, хотя до Кишенки нужно было пройти всего несколько километров, шведам психологически было не так просто: идти на запад, откуда они пришли, было как-то надежнее, а поворачивать на восток, где находились русские, было страшно. Это подспудное чувство довлело над беглецами и, по всей видимости, диктовало и определяло способ мышления всего окружения короля и военного руководства во главе с Левенхауптом. Мало кто задавался мыслью о том, что навстречу безопасности можно двигаться — после переправы через Ворсклу — и по левому берегу Днепра.

Когда шведы увидели необозримую водную гладь, ими овладела настоящая паника. Многие офицеры и генералы бросились к Карлу XII и стали умолять его позаботиться в первую очередь о собственной безопасности, потому что без короля пропадет Швеция. Король был слаб, соображал плохо и на все реагировал довольно вяло. Тогда придворные и военное руководство взяли решение на себя и стали организовывать переправу короля на другой берег реки. В первый и последний раз в своей королевской жизни, шутят шведские историки, Карл XII выпустил из рук абсолютную власть и на несколько часов стал конституционным монархом.

Но, несмотря на свою слабость и высокую температуру, король отчаянно сопротивлялся этой идее, и уговорить его воспользоваться переправой на другой берег Днепра, в то время как обреченная армия останется на этом, было не так-то просто. Как герой, он был должен оставаться со своей армией до конца, невзирая ни на какие опасности. Как король, он должен был спасаться, ибо он отвечал за всю страну.

Когда Левенхаупт бросился на колени перед кроватью короля и со слезами на глазах стал умолять его согласиться, тот схватил генерала за грудь и оттолкнул его от себя со словами: «Генерал не знает, что говорит! Мне нужно думать совершенно о другом, о более важном!» Левенхаупт продолжал умолять и приводить доводы, что у них нет никакого выбора: или все попадут в плен, или будут убиты в сражении.

— Да, да, но пусть сначала прозвучат выстрелы! — отвечал король.

К Левенхаупту присоединились Юлленкрук и другие генералы и придворные, они все как один, во имя безопасности королевства, стали упрашивать Карла согласиться переправиться на другой берег Днепра. Воля к сопротивлению у большинства солдат и офицеров сломлена, шведы либо сдадутся в плен русским, либо погибнут в волнах реки. На короля такие аргументы не действовали.

— Они станут сражаться, когда я им прикажу! — упрямо твердил он.

Тогда Юлленкрук прямо заявил королю, что его рана не позволит ему стать снова во главе армии, как она не позволила ему это сделать два дня назад под Полтавой, когда не была сделана надлежащая рекогносцировка местности и некому было воодушевить солдат на бой. Почувствовав в словах генерал-квартирмейстера критику, Карл XII попытался взять фельдмаршала Реншёльда под защиту. Хотя он и не во всем одобрял действия своего заместителя, но тот все-таки делал свое дело, а не болтал чепухи, как стоящие вокруг него генералы, уговаривавшие его бросить армию на произвол судьбы.

— Фельдмаршал, — сказал он без всяких обиняков, — исполнил свой долг, но ему плохо помогали генералы, которые делали свое дело неправильно.

Все промолчали, и разговор перешел на злободневную тему дня: что делать? Юлленкрук снова напомнил королю о возможности пленения.

— А что русские станут делать со мной, если возьмут в плен? — спросил вдруг Карл.

Юлленкрук заплакал, к нему присоединился Левенхаупт, они оба стали рисовать ему страшные картины плена: короля буду возить, как медведя, в клетке по всей стране на посмешище людям; его вынудят к подписанию позорного для Швеции мира и т. д. и т. п. Карл XII выслушал их и заметил, что Швеция ни в коем случае не должна будет считать себя связанной никакими обязательствами, которые он может дать русским как пленный. Впрочем, аргумент пленения подействовал на короля убедительнее всех остальных. Однажды, в 1705 году, когда в Равиче его собирались похитить верные Августу поляки, он заявил, что живым им не дастся. Плен и для короля, и для страны был бы наихудшим злом — это Карл понимал отчетливо.

Наконец Карл XII уступил мольбам и согласился переправиться через Днепр, но при условии, что армия будет переправлена через Ворсклу и доберется без него до Крыма по восточному берегу Днепра. Именно так станет он впоследствии объяснять этот свой шаг, и все будут считать мотивы, которыми он при этом руководствовался, важными и достаточными. Хотя в этом деле есть один моральный аспект, на который обращает внимание Ф. Г. Бенгтссон и который Карл XII тогда, в Переволочне, вероятно, не до конца прочувствовал: было бы лучше, если бы он сначала проводил армию за Ворсклу и посмотрел ей вслед, а потом уж садился в спасительный баркас. Но русские уже обкладывали Переволочну со всех сторон, и

королю нужно было торопиться и создать от них хоть какой-нибудь отрыв.

Одновременно были приняты важные решения о посылке курьера в Швецию с распоряжением готовить набор новых пехотных полков и о немедленном начале переговоров с турками о временном размещении у себя остатков каролинской армии и о союзе против Петра I.

Король забирал с собой часть раненых офицеров и некоторых генералов. Он предложил следовать за ним в Турцию Левенхаупту, оставляя армию на Кройца и Посее, Щепетильный и мнительный Левенхаупт увидел в предложении Карла какой-то скрытый подвох и после длительных размышлений и сомнений расценил щедрое королевское предложение как искушение и проверку и заявил, что предпочитает остаться с армией. Ведь он упорнее и настойчивее всех уговаривал короля спастись любой ценой, и теперь, если бы он согласился отбыть вместе с королем, многие бы подумали, что он старался для себя. Генерал ни за что бы не допустил, чтобы на его репутации отложилось такое пятно. Очевидно, решение Левенхаупта пришлось по нраву и Карлу — король был приятно удивлен.

Для современного читателя поведение Левенхаупта может временами казаться возвышенным, иногда — ненормальным, нередко — трогательным и печальным, часто — смешным, чаще всего — странным, раздражающим, но всегда — глубоко трагическим. Как бы то ни было, но в Переволочне он проявил все свои самые лучшие качества и таким остался в памяти потомков.

Перед тем как уйти, Карл XII обсудил с Левенхауптом положение армии и меры, которые нужно было принять в отношении ее перехода через Ворсклу и маршрута следования в Крым. Вот как он опишет эти события в письме из Бендер своей младшей сестре — письме, единственном в своем роде, потому что потом он уже никогда не станет возвращаться к прошлому. Здесь Карл XII признается в своей роковой, по его мнению, ошибке: «Сам я не намеревался вначале уезжать оттуда и долго размышлял. Но поскольку меня заверили, что мои приказы будут выполняться и что мы непременно соединимся в Очакове, что они сделают все, чтобы сохранить армию и сжечь повозки (но ничего из этого не было выполнено), то я переправился через Днепр, чтобы идти на Очаков. Поскольку из-за моей ноги я не смог ехать верхом, я посчитал необходимым сначала прибыть в Очаков, чтобы оттуда отправить несколько писем в шведскую армию в Польше о Полтавской битве, с тем чтобы там правильно представляли связанные с ней события и ждали моего прибытия с частями, которые я оставил на Левенхаупта...

Но при расставании с Левенхауптом я допустил оплошность, позабыв ознакомить всех присутствовавших там генералов и полковников с приказами, которые получили от меня только Левенхаупт и Кройц. И тогда бы не случилось того, что случилось. Ибо все другие полковники были растеряны и ничего не знали ни об отданных приказах, ни о маршруте следования со своими полками, ни о месте моего нахождения. У меня в мыслях было известить их обо всем этом, но за мелочной суетой и всевозможными препирательствами, с которыми мне пришлось иметь дело, а также из-за необходимости заняться с фельдшерами перевязкой ноги я позабыл хорошенько довести все эти приказы до всех, и это большая моя ошибка. Конечно, мне это можно простить, поскольку я был ранен и должен был лечить ногу, так что некоторые вещи забывались. Многие из тех, кто были здоровыми, мало думали о деле, а только жаловались, что было совершенно напрасно и очень даже вредно. Офицерам и радовым нельзя вменять в вину, что они не хотели сражаться и сделать все, что от них требовалось».

И снова произошло то, что случилось с генералом Руусом на поле сражения: старшие офицеры, не говоря уже о средних, младших и о рядовой массе, не имели никакого представления о том, какие приказы получило высшее командование армии. Создается впечатление, что, когда Карл XII сам руководил армией, она была великолепна и непобедима, но как только он перепоручил ее своим генералам, она сразу изменила свой облик и стала малоэффективной. Все это было печальным следствием того раз и навсегда заведенного королем порядка, при котором он приучил их не думать, а только выполнять его приказы. Как бы то ни было, но при прощании с королем Левенхаупт заверял его в том, что сделает все необходимое, что в его силах, чтобы спасти армию. В шведском лагере находился крымский татарин, вызвавшийся дать шведам до Перекопа надежного проводника.

Раненых офицеров, которых король решил взять с собой в Турцию, переправили на лодках и плотах первыми. Вслед за ними, в ночь на 11 июля (30 июня), на другую сторону реки переправился король. С собой он из высших офицеров взял генералов Спарре и Лагеркруну — последний удостоился такой чести благодаря, вероятно, своим финансовым способностям[181]. В Турцию пошли также Мазепа, Понятовский, Юлленкрук, фон Дальдорф и еще несколько полковников и подполковников. Естественно, драбанты в полном составе (80 человек) с двумя ранеными лейтенантами, Хордом и Ерттой, а также 700 кавалеристов, включая подразделение подполковника Сильверхъельма и около 200 человек пехоты тоже последовали за

королем. Придворные и канцелярия, понятное дело, в Переволочне тоже не остались, а из врачей взяли Мельхиора Ноймана, бессменного лейб-медика Карла. По армии был отдан приказ о том, чтобы никто никаких попыток к самостоятельному пересечению Днепра не предпринимал, что армия получит приказ идти в другое место. Несмотря на это, несколько солдат и офицеров на свой страх и риск переплыли Днепр и присоединились к отряду короля. Тех же, кто приказ выполнил, настигли русские.

Переправа Карла XII происходила при самых драматичных обстоятельствах.

Королю сделали новую перевязку на ноге, накормили и снова водрузили на носилки. Несколько драбантов в кромешной тьме донесли его до возка, который и доставил его до места переправы, отстоявшее от Переволочны на пять километров. Переход через Днепр был выбран напротив двух островков, несколько сокращавших опасный водный путь. Мазепа был уже на другом берегу и ждал прибытия короля, с трудом сдерживая нетерпение своих казаков. Наконец около двух часов ночи король переплыл реку. Его возок стоял на плоту, установленном на двух связанных баркасах. Гребцами были 12 драбантов.

Как только Карл ступил на землю, лодки отправились в обратный путь за его багажом. При погрузке багажа началась настоящая свалка — слишком много желающих захотели воспользоваться последней возможностью спасти свои жизни. Среди них оказались 24-летний капеллан Свен Агрелль и раненый майор Свен Лагерберг. Им пришлось пробиваться к королевским лодкам с пистолетами в руках. Перегруженные лодки вот-вот должны были пойти ко дну, и тогда с них стали сбрасывать людей и вещи в воду, люди цеплялись за борт, но в них стреляли, а по рукам немилосердно рубили саблями. «Так часто упоминаемое чувство боевого товарищества и высокий моральный дух каролинской армии блистали здесь своим полным отсутствием», — горько замечает Б. Лильегрен.

Головной отряд из 600 шведов и нескольких мазепинцев-проводников с королем Карлом и гетманом Мазепой тронулся в путь лишь около десяти часов утра. Половина переправившихся осталась на берегу, чтобы принять последних беглецов. К 14.00 они все соединились и продолжили путь вместе. Им предстояло преодолеть 350 километров по голой, выжженной немилосердным солнцем степи. Если бы Карл задержался еще на несколько часов, то он бы увидел на противоположном берегу странную картину. Но ему нужно было торопиться — русские наступали на пятки.

Итак, в Переволочне за главнокомандующего остался Левенхаупт.

Еще накануне отбытия короля с ним, как и под Лесной, произошел, считает он, загадочный случай. По делам или от нечего делать генерал заехал в драгунский полк Шлиппенбаха. Уставший, разморенный на южном солнце, измученный диареей, он захотел прилечь отдохнуть. Драгунский офицер соорудил ему из маркитантского возка нечто вроде кровати с балдахином, и Левенхаупт, подложив под голову шинель и шляпу, задремал. Проснулся он от какой-то возни под головой. Он встал, посмотрел внимательно на свое изголовье, но, ничего подозрительного не обнаружив, лег снова. И опять под шинелью что-то зашевелилось. Мелькнуло что-то черное, мягкое, гибкое и гладкое. Уж не змея ли! Он поднялся и стал трясти шинель, из нее выпала шляпа, а в шляпе сидел... горностай! Подбежали драгунские офицеры и поймали зверька. Левенхаупт, сравнив в уме свою армию с горностаем, решил выпустить зверька на волю: авось и Господь Бог смилостивится и не даст армии попасть в ловушку![182]

Вместе с приказом, запрещающим переход через Днепр, было издано распоряжение раздать солдатам и офицерам деньги из полковых касс в счет месячных окладов, забрать у артиллеристов порох, у провиантской службы — пропитание в количестве, кто сколько унесет или увезет. Но ни один из этих приказов выполнен не был. С вечера и всю ночь продолжались работы по сколачиванию плотов, причем во время этих работ многие потонули в реке.

Так же хладнокровно и безмятежно, как со своим лифляндским корпусом, Левенхаупт обращался и с армией. Армия не знала Левена[183], а Левен плохо знал армию. Сразу после переправы короля между 22.00 и 23.00 он отправился спать в палатку к Кройцу. Никто в 16-тысячной армии не знал, что происходило внутри ее, какие планы составлялись на будущее. Так же, как и перед Лесной, в армии резко упала дисциплина, массовым явлением стало дезертирство. Конечно, фактор поражения, гибель и уход с королем офицерского корпуса, отъезд самого короля накладывали свой отпечаток, но и отсутствие твердой руки в армии сразу стало заметно. Разложению дисциплины способствовал заместитель Левенхаупта генерал Кройц. Он, в нарушение приказа короля, разрешил одному драгунскому полку строить ночью плоты, и этому примеру конечно же последовали другие. Когда утром нужно было проводить инструктаж, на него явилось менее половины рот. Скоро генералы обнаружили, что драгуны из числа немецких наемников являются не совсем надежными. Когда Левенхаупт на

немецком языке скомандовал им встать, они посмотрели на него как на пустое место и приказа не выполнили. Пришлось прибегать к помощи полковника Траутветтера, командира полка, которого драгуны слушались[184].

Наконец утром 11июля (30 июня) появились русские. К Левенхаупту, возвращавшемуся от немецких драгун, подскакал Кройц и громко — для посторонних — доложил: «Генерал, все исполнено!» — и уже шепотом — для генерала — сообщил, что прибыли русские парламентеры. Генералы тут же договорились, что необходимо вступить в переговоры с Меншиковым, чтобы потянуть время, в течение которого, во-первых, армия сможет лучше подготовиться к отражению нападения, а во-вторых, король сможет увеличить разрыв между собой и преследователями. После этого Кройц отправился в русский лагерь для переговоров.

Меншикову, вероятно, уже стало известно о том, что короля в лагере нет, иначе ему вряд ли бы пришла в голову мысль договариваться об условиях сдачи шведов в плен, потому что с собой у него было всего девять тысяч человек, но они так удачно были расположены на окружавших шведский лагерь холмах, что взору противника открылись и пехота, и кавалерия, и даже артиллерия[185], и многие каролинцы поверили, что имеют дело со всей или почта со всей русской армией.

Левенхаупту смотреть на русских было некогда: он был занят тем, что прогонял солдат и офицеров с берега реки, где они строили средства переправы. Перед тем как Кройц доложил Левенхаупту о прибытии русского парламентера, он выезжал на передовую, где происходила стычка русских и шведских кавалеристов. Навстречу ему попался шведский разъезд: впереди мчался офицер, а за ним скакали драгуны и кричали: «Стой, ты, лопарь! Ты не достоин быть офицером! Мы тебя сейчас проткнем шпагой!» Офицера остановить так и не удалось, вспоминал потом Кройц. Сцена, за которой наблюдал Кройц, была весьма симптоматична: бацилла разложения армии проникла в офицерский состав.

Когда Кройц вернулся от Меншикова с русскими условиями капитуляции, Левенхаупт фактически уже был готов к ней морально, но, будучи человеком честным и педантичным, решил получить формальное подтверждение своим уже сознательно или бессознательно возникшим мыслям. Он думал опросить офицеров по поводу того, станет ли рядовой состав сражаться. Несомненно, это означало отход от приказов короля и от торжественного обещания, которое генерал дал Карлу при прощании: решительно выступить навстречу противнику. Но Левенхаупт совершенно не был готов к тому, что он обнаружил вскоре после отбытия Карла

на ту сторону Днепра: и рядовой состав, и офицеры перестали слушаться приказов, дисциплина катастрофически упала, каждый думал о себе и о спасении своей жизни, а многими овладели апатия и полное безразличие как к своему положению, так и к положению, в котором оказалась армия.

Полковники и подполковники, которые, кстати, не имели никакого представления, о чем король договорился с генералом перед своим отъездом, на вопрос Левенхаупта говорили разное, но наиболее полно и честно настроения офицерского состава выразил полковой командир Дюккер, согласно которому «…рядовой состав сражаться не станет, а сложит оружие».

Тогда Левенхаупт приказал офицерам опросить рядовой состав, «…хотят ли они скорее защищаться, нежели стать пленными». Даже если отвлечься от безумия самой идеи апеллировать к мнению родовых, вопрос был, считает Бенггссон, сформулирован явно провокационно и тенденциозно. Для солдат этот вопрос означал лишь одно: хочешь ли ты здесь сразу стать пленным или ты хочешь защищаться, пока рано или поздно не подойдут новые русские части и не одолеют нас? На самом деле, считает шведский историк, нужно было сформулировать вопрос следующим образом: иди в плен или попытайся отогнать русских, перейти Ворсклу и спастись, как приказал король, то есть следовало показать каждому солдату перспективу спасения. Историк, однако, забывает, что личный состав армии в тот момент такой перспективы не видел.

Приказ идти с вопросом к рядовому составу показался Дюккеру, заявившему, что солдаты сражаться не готовы, по крайней мере странным, и он спросил Левенхаупта, не оставил ли его величество король Швеции «…каких-либо абсолютных приказов о том, что следует предприняты». (Вот где сказалась забывчивость короля!) Левенхаупт ответил: «Разумеется, его величество не отдал никаких других приказов, кроме тех, чтобы защищаться до конца. Поэтому, прежде чем я скажу вам свое мнение, я должен сначала узнать, что думаете вы, ваши офицеры и солдаты». Как мы видим, генерал точно передал собранию смысл оставленного Карлом приказа по армии, и Левенхаупта вряд ли можно упрекнуть в том, что он этот приказ скрыл от офицеров.

Между тем Карл XII из Турции станет обвинять Левенхаупта в измене и основной упор сделает на том, что армия хотела сражаться, но генерал этого не позволил.

«Это не подлежит прощению… Тот отчет, который он отослал своей супруге, а она прислала его сюда, чтобы показать, что во всем виноваты войсковые части, которые якобы не хотели

сражаться, наоборот, показывает, что вина лежит на нем, а не на армии... Дело довольно ясное и простое: он поступил самым позорным способом вопреки приказам и военным обычаям и нанес непоправимый ущерб, который вряд ли мог быть больше, даже если бы он постарался. Я не думаю, что им руководили злонамеренность или обычная трусость. Но на поле брани нет оправданий; вероятно, у него помутилось в голове, или он упал духом, и потому не выполнил то, что должен был сделать любой генерал в трудной ситуации; безответственно демонстрировать свою робость, как сделал это он»[186].

Можно ли согласиться с такой оценкой? Вряд ли. Е. В. Тарле категорически возражает против того, чтобы в драме под Переволочной обвинять генерала Левенхаупта. Он считает, что шведская армия была уже настолько деморализована, что вступать в бой с отрядом Меншикова оказалась не в состоянии. Такого же мнения придерживается и швед Э. Карлссон. Да и планы Карла переправить армию через Ворсклу и отправить ее по засушливым Таврическим степям в Крым или к Очакову можно назвать иллюзорными — это было равносильно посылке каролинцев на верную смерть.

... Полковники ушли задавать вопрос своим подчиненным и скоро вернулись. Ответ, который они принесли, Левенхаупта не удивил. Он и сам видел, что большая часть солдат и офицеров особого боевого воодушевления от перспективы сражаться не выказывала. Правда, были высказывания со стороны кавалеристов, не участвовавших в бою, которые готовы были оказать сопротивление русским, но таких было мало. В мемуарных шведских материалах есть ссылки на разговор драгун лейб-роты Альбедюля: «Какого черта нас спрашивают? Раньше этого никогда не делали, а просто говорили: вперед, ребята! Мы не можем сказать, что мы их побьем, но мы сделаем все, что в наших человеческих силах».

Итак, капитуляция. Сопротивление было невозможно и бессмысленно. Для Левенхаупта и Кройца сомнений никаких не было. Условия ее были изложены на бумаге, подписаны, подтверждены и выполнены личным составом армии. Утром 11 июля (30 июня), спустя 12 часов после того как Карл XII переправился на западный берег Днепра, шведская армия в составе генерала, двух генерал-майоров, 11 полковников, 16 подполковников, 23 майоров, фельдцейхмейстера, 256 ротмистров и капитанов, капитан-лейтенанта, 304 лейтенантов, 323 корнетов и прапорщиков, 18 полковых квартирмейстеров, двух генерал-адъютантов и 25 адъютантов, а также 12 575 унтер-офицеров и рядовых, из которых 9152 человека были

кавалеристами, 3286 пехотинцев и 137 артиллеристов сложила оружие. К ним следует прибавить 3402 человека нестроевых и штатских, включая 34 членов придворного штата, а также 1657 женщин и детей самого разного возраста. Здесь же русские вернули своих 2900 пленных. Из армии, в начале прошлого лета насчитывавшей около 49 тысяч человек, с королем ушли всего 1300, да и то раненых, больных и искалеченных[187].

Судьба сыграла с Левенхауптом злую шутку, она пощадила его на поле Полтавской битвы и в последний момент преподнесла ему пост главнокомандующего армией. В русском плену он услышит не раз горькие и несправедливые упреки в свой адрес со стороны своих бывших подчиненных и использует их как повод для всякого рода ламентаций.

Так армия Петра одержала «вторую неслыханную викторию» — 16 тысяч деморализованных солдат и офицеров Карла XII, больных и раненых, складывали к ногам светлейшего князя, генералов Голицына и Бауэра оружие, 142 знамени и штандарта, среди которых оказались два прапора Мазепы, пять булав и семь запорожских перначей. Практически половина шведского генералитета оказалась в русском плену. Расчет за Нарву был произведен с лихвой.

В Переволочне каролинская армия, созданная и выпестованная Карлом XI, опробированная и закаленная в первые годы Северной войны, ушла в небытие. Каролинцев ждали новые испытания, которые они с терпением и стойкостью будут переносить в русском плену. Сначала их покажут в Москве во время триумфального шествия царя Петра, а потом разбросают по необъятной территории Российской империи, где они будут терпеть нужду, голод, болезни и неизмеримую тоску по далекой родине, по былым походам, по своему королю.

Наемные полки исчезнут из шведской армии навсегда[188], в то время как шведские будут постепенно возрождаться — несмотря ни на что, шведки не перестанут рожать и растить рекрутов, а король не устанет слать в Стокгольм письма с указаниями формировать новую армию. Но былого возродить уже не удается. «Вся неприятельская армия фаэтонов[189] конец восприяла», — писал Петр своим из-под Полтавы.

Петр победил. Победил определенно, но пока не окончательно. Победил благодаря своей работоспособности, энергии, организационному таланту, умной внешней и внутренней политике; благодаря мужеству и храбрости русского солдата и набранных в Европе офицеров и генералов, благодаря определенному везению и резервам страны.

Карл проиграл, и как бы он ни пытался перевалить свою вину

на генералов, на неблагоприятные климатические и погодные условия или стечение негативных обстоятельств, пишет Э. Карлссон, от фактов не уйдешь: основную вину за исход русского похода каролинцев несет он сам. Главный стратегический просчет шведского короля заключался в том, что нельзя было вообще вести армию вглубь России, оторвав ее от своих тыловых баз. Король обескровил ее в длительных и утомительных переходах через леса и болота Литвы и Белоруссии, в мелких ежедневных стычках с русскими, в ходе утомительных и безнадежных поисков для нее провианта и крыши над головой, в результате азартных бессмысленных военных операций.

Германский профессор Халлендорф, автор труда «Карл XII на Украине: рассказ одного каролинца», приводит отрывок из воспоминаний возвратившегося из русского плена ротмистра Петера Шёнстрема. Когда в 1721 году, после заключения Ништадтского мира начали отпускать домой шведских пленных, Петр пригласил их к себе на обед. Говорили о войне, о прошедших битвах, об ошибках и заслугах шведских и русских военачальников. Потом царь заговорил о Карле XII. Он сказал, что с самого начала мира не было такого совершенного героя, каким был «брат Карл». Шведский король, по мнению царя, не испытал великого счастья, но был великим человеком — слишком великим, чтобы управлять людьми. Поскольку он сам обладал необыкновенной храбростью, то полагал, что и другие люди должны походить в этом на него. Он хотел, чтобы все без страха хорошо исполняли свое дело и брали с него пример, но он часто ошибался в людях. Поскольку он сам был человеком слова и чести, то полагал, что и другие должны были быть таковыми, но его часто обманывали и соседи, и собственные подданные. Если он что обещал, то выполнял, даже если это стоило ему короны, государства и жизни. Его соседи с ним так не поступали.

Что же Карл XII? Для него тоже наступил новый период, совсем непохожий на его прежнюю жизнь. Скудость средств, предательство генералов, горечь унижения в эмиграции, непонимание окружающих, придирки османских властей — все это он будет выносить со стоическим терпением, не теряя надежды на будущее. С ним останутся самые верные и преданные. Так всегда бывает в жизни: когда ты в зените славы, здоров, удачлив и силен, тебя окружает целый сонм почитателей, подхалимов, интриганов и лицемеров, но как только твое положение становится слабым, они тут же отворачиваются от тебя и предают при первом же удобном случае.

... А в Переволочне скоро стало пусто.

Ушли все — и победители, и побежденные: первые — чтобы

предаваться радостям победы, вторые —чтобы выпить до дна горькую чашу поражения.

Древний Борисфен, на несколько дней приняв в гости посланцев страны варягов, готов и русов, продолжал нести свои тихие и мощные струи на юг, в Понт Эвксинский, куда он уже катил свои воды тысячелетиями. Он привык принимать гостей на своих берегах. Не устанет их принимать и в будущем.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ
САГА О ЖЕЛЕЗНОЙ ГОЛОВЕ И СЕМИ ВИЗИРЯХ

Да, мир удивится страданиям, которые тебе придется испытать: ненависть, зависть, преследования скорпионов и драконов, которые станут на твоем пути и на пути твоих воинов. Но после длительного и тяжкого труда ты достигнешь своей цели[190].

Глава шестнадцатая
НОВЫЕ УДАРЫ СУДЬБЫ

Король, О Боже, ты меня наказал, и я благодарю тебя!

А. Стриндберг. Густав Васа

1300 шведов и 1500 запорожцев спешно уходили от берегов полноводного Днепра в юго-западном направлении. После Переволочны путь Карла XII лежал на Очаков — турецкий город в устье Буга. Беглецам предстояло преодолеть по высохшей и выжженной степи около 350 километров. Карла везли в легкой крытой повозке, которую он ненавидел всей душой верхового ездока. Вместе с ним ехал раненый лейтенант драбантов Хорд, а иногда в повозку третьим подсаживался уже знакомый нам Аксель Спарре, несостоявшийся губернатор Москвы, жизнерадостный балагур, скрашивавший однообразную обстановку веселыми анекдотами. Раненые офицеры тоже передвигались на повозках, поэтому ехали медленно.

Все время опасались русской погони, а если бы беглецы знали, что Левенхаупт оставил им всего двенадцать часов форы, то нервничали бы еще больше. Они также не ведали, что в погоню за ними А. Д. Меншиков отправил шеститысячный конный отряд генерал-майора князя Александра Григорьевича Волконского, который, на счастье короля, взял ложный след: буквально вслед за Карлом XII Днепр пересек военный комиссар Меландер со своими людьми, намеревавшийся соединиться с основным отрядом беглецов, следовавшим к Очакову, но взял слишком вправо и попал в плен к Волконскому. Пленение группы Меландера, вероятно, спасло жизнь «брату Карлу», потому что на ее преследовании Волконский потерял много времени. Петр I досадовал на Волконского, а зря: досадовать надо было на себя.

Мысли Карла XII все время возвращались к оставленной в Переволочне армии. Когда он поздним утром тронулся в путь, то видел, что она все еще стояла на берегу Днепра. То же самое подтвердил один офицер, пересекший Днепр несколькими часами позже короля. Этот нераскрытый во всех исторических исследованиях источник рассказал также о том, что русская армия тоже появилась у Переволочны и что никакого боя, пока он был там, не произошло. Все это было странно и непонятно.

Состояние шведов осложняли неизвестное будущее,

чрезмерная усталость и отсутствие воды, поэтому шансов на благополучное пересечение этой пустынной тогда местности было у них не так уж много. По мнению Э. Карлссона, шведы, совершенно не ориентировавшиеся в степи, без помощи запорожцев Мазепы вряд ли сумели бы благополучно добраться до Буга. У многих падали лошади, и люди шли пешком. Некоторые не выдерживали и опускались на землю, но на них не обращали внимания и шли вперед.

Карлу XII повезло, и судьба на какое-то время отпустила свои строгие вожжи. Воду для питья королю готовил камердинер Хюльтман, он брал из каких-то грязных и пересохших луж воду и фильтровал ее через салфетки — верный способ заболеть дизентерией, но король не заболел. Если проблема питья кое-как решалась, то с едой дело обстояло хуже, потому что взять с собой в поездку необходимого запаса пропитания не удалось. Ели конину — по тем временам пищу чрезвычайно противную и нехристианскую, особенно для жителей Северной Европы. Мазепинские казаки охотились на диких антилоп, зайцев и прочую живность, но ни разу никто из них подношений королевскому столу не сделал. Зато духовная пища была в изобилии: с королем ехали не меньше 18 капелланов[191]. Мазепа со своими казаками ехал отдельно, на некотором расстоянии от шведов. Вероятно, запорожцам так было удобнее воровать по ночам шведских лошадей. Старый гетман (71 год) вез с собой два бочонка золота — то ли казенных, то ли из личных «накоплений». Гетман не доверял своим людям и уж тем более лихим запорожцам, и драгоценный груз охраняли шведские драгуны из Сёдерманландского полка. И правильно сделал, иначе он бы в первые же часы после перехода Днепра остался лежать в этой степи либо с простреленной старой и дурной головой, либо с ножом в груди. Казаки спасались от царского гнева, но никаких иллюзий по отношению к гетману тоже не питали.

Они ехали по бескрайней степи, фактически ничейной территории, отделявшей украинцев от крымских татар и простиравшейся во все стороны на расстояние многочасовой верховой езды. Время от времени беглецам попадались курганы, насыпанные, вероятно, еще во времена скифов. Первым из европейцев в этих местах в середине XIII века побывал францисканский монах Вильгельм Руйсбрекский (известный у нас как Рубрук), когда он пробирался в Каракорум, в ставку великого хана.

Путешествие было однообразным и незапоминающимся. Король по своему обыкновению мало обращал внимания на внешние обстоятельства, и переход через степь перенес вполне

прилично. Однообразие и унылость пейзажа постепенно привели его в состояние душевного равновесия. Через четыре дня путники добрались до Ингула, притока Буга, а 17 июля они наконец-то достигли берегов Буга и остановились: без помощи турок переправиться на другой берег они были не в состоянии. В Очаков за помощью к местному паше в какой-то утлой долбленке были посланы полковник Станислав Понятовский, будущий главный политический и военный советник короля, и секретарь Карла О. В. Клинковстрём. Абдурахман-паша ответил, что Аллах велик и он все в жизни устраивает чудесно и великолепно, но без инструкций из Стамбула ничем помочь нельзя.

Возможно, шведы так бы и остались ждать получения наместником инструкций из столицы и 19 июля наверняка попали бы в руки Волконского, если бы в дело снова не вмешался Понятовский. Поляк лучше шведов разбирался в восточных традициях и турецкой дипломатии. Он встретился с пашой без свидетелей, вручив ему «подарок» — 2 тысячи дукатов — в обмен на быструю переправу шведов на другой берег. После этого в голове у паши, говоря современным языком, мыслительная цепь быстро замкнулась и, несмотря на отсутствие инструкций от султана, родилась заинтересованность «во имя и славу» того же великого Аллаха помочь чужестранцам лодками и баркасами.

Понятовский вернулся с переговоров 17 июля, а переправа через Буг началась между 18 и 19 июля. Все делалось по-турецки медленно, к тому же «речной флот» Очакова насчитывал всего несколько лодок и челнов. Абдурахман поставил шведам условие, чтобы они купили у него съестные припасы, и турки-гребцы, сдав товар, хотели уже поворачивать пустыми назад, но рассерженные каролинцы успели вцепиться в челны и подтащить их к берегу. Драгоценное время терялось в разборках, и до появления отряда Волконского переправу закончить не успели.

На западный берег Буга первыми сошли король с драбантами (18 июля), потом сёдерманландцы и последними — кавалеристы. Казаки, как они привыкли сами и к чему были приучены их кони, преодолели Буг вплавь. Когда 20 июля со своим отрядом неожиданно появился князь Волконский, на восточном берегу реки оставалось еще несколько сотен пеших шведов и запорожцев. Во время скоротечной схватки остатки отряда (в частности, по воспоминаниям француза К. де Турвиля, более 300 шведов) на глазах Карла были захвачены русскими в плен, а около 500 человек — в основном запорожцы — были ими порублены или загнаны в воду, где они все утонули[192]. С переправой через Буг у Карла XII начался новый период жизни. Если раньше он «путешествовал» за границей как полноправный

властелин своего да и чужого государства, то теперь он находился на положении гостя турецкого султана, то есть фактически стал эмигрантом.

Положению эмигранта, как бы оно пышно и роскошно ни было обставлено, не позавидуешь. Он всегда чувствует, что находится в чужом доме. Его внимательно выслушивают, ему сочувствуют, дают деньги на проживание, но забывают о нем сразу, как только он вышел за порог. Эмигранту всегда кажется, что в мире существует только он и его проблемы, в то время как у хозяев страны, предоставивших убежище, на этот счет существует совершенно противоположное мнение — у них хватает своих забот. Эмигрант в поисках справедливости начинает «искать ходы», завязывать «полезные» связи, интриговать, сколачивать группировки, строить мелкие козни группировкам враждебным, держать «нос по ветру» и ухо открытым ко всякого рода слухам, версиям и измышлениям, хоть как-то касающимся его «основного дела». Он погрязает в конспирации, заговорах, обманах, предательствах, разочаровывается в людях и становится совершенным циником. Эмиграция — это постоянное унижение, разочарование и крушение всяких надежд. Эмиграция — это паутина, обволакивающая с ног до головы, это грязное и бездонное болото, затягивающее человека в свои тенета и портящее характер человека, это черная, неизбывная, беспросветная тоска. Эмиграция призвана постоянно подчеркивать оторванность человека от родной, привычной почвы и его моральное ничтожество на новой.

Все эти прелести эмиграции, возможно, и не коснулись Карла благодаря его положению, характеру и складу ума — его мало интересовали «мелочи жизни», но кое-какие неудобства своего нового состояния он, конечно, не мог не почувствовать. К тому же неизбежно накладывала свой отпечаток восточная обстановка — жить в Османской империи европейскому человеку было не так просто. Но деятельная натура короля проявлялась на любой почве, в том числе на почве восточного средневекового невежества и жестокости нравов.

Карл XII понимал всю шаткость своего положения в чужой стране, а потому старался утвердить свой авторитет с самого начала, чтобы ни у кого не было сомнения, что турки имеют дело с гордым и сильным королем Швеции. На Востоке уважают силу, а ведение дел на равных принимают за слабость. По сведениям барона Спарре, переданным в пересказе русского представителя на Аландской мирной конференции А. И. Остерманом, король подлаживаться под местные обычаи не собирался. Когда его посетил бендерский паша и плюхнулся на тюфяк рядом, то

король «...з досады на него... будто ненарочно одною ногою на отмаш зацепил шпорою ево пашинский кафтан и сверху до самого низа разодрал».

В Очакове началась лихорадочная дипломатическая деятельность, которой Карл во время русского похода по уже известным причинам внимания почти не уделял. Направили посла к султану, чтобы сообщить ему о прибытии короля Швеции на территорию Блистательной Порты[193]. Послали секретаря О. В. Клинковсгрёма к крымскому хану, чтобы договориться об условиях приема Бахчисараем шведской армии, которая теперь должна была уже добраться к татарам из Переволочны. Канцелярия[194], потеряв под Полтавой графа Пипера и секретарей Улофа Хермелина и Йосиаса Седерхъельма, в составе 45-летнего канцелярского советника лифляндца Густава Хенрика фон Мюллерна, уроженца Эстонии, 46-летнего секретаря Кастена Фейфа и членов Бунге, Хюльтена и фон Кнохена занялась составлением реляции в Оборонную комиссию Швеции о Полтавском сражении и о формировании новых шведских полков. Текст письма правил сам Карл XII, который хотел сообщить неизбежные факты, но без их драматизации, дабы члены Госсовета не впали в уныние или панику.

Приведем текст этого любопытного письма, датированного 11 июля 1709 года:

«Уже давно мы не получали из Швеции газет, а также не имели случая посылать письма отсюда.

Между тем положение здесь было хорошим и все благополучно закончилось, так что полагали в скором времени добиться решающего перевеса над противником, который был вынужден пойти на такой мир, который бы от него потребовали. Однако так случилось, что 28-го числа прошлого месяца по воле неблагоприятных обстоятельств шведские войска потерпели в сражении ущерб, который произошел вовсе не из-за храбрости или численного перевеса противника, которого мы постоянно гоним, а из-за благоприятной для него местности и укреплений на ней, и из-за них шведы понесли значительные потери. Испытывая высокий воинский дух, они, невзирая на преимущества противника, все время атаковали его и преследовали, что в результате вызвало большие потери у пехоты, да и кавалерия тоже потерпела значительный ущерб.

Эти потери велики; однако мы полагаем найти выходы, благодаря которым противник через них не приобретет перевеса над нами или какой-либо выгоды... По этой причине мы передаем вам свою милостивую волю и приказание со всем прилежанием и как можно быстрее приступить дома к рекрутированию заново

пехотных полков, которые участвовали здесь в сражении... Кавалерия тоже значительно пострадала, но поскольку потери пока неизвестны, необходимо, чтобы рустхоллары[195] были готовы к новому рекрутскому набору, особенно что касается Эстьётской кавалерии, которую надо набирать заново.

Необходимо не терять мужества и не опускать руки, а с новыми силами надо всем взяться за дело и довести его в самые короткие сроки до желаемого конца. Мы полагаем, что, несмотря на потери, враг скоро будет побит, так что мы сможем получить от него все, что желали...»

Уникальное по своим объяснениям исхода Полтавской битвы письмо напоминает знаменитую «отписку» русских военачальников Петру о головчинской неудаче. Подобно Карлу, Шереметев с Апраксиным и Репниным так ловко изложили на бумаге ход сражения, что даже Петр сначала поверил написанному: наши доблестные войска настолько дружно и успешно преследовали разбитого противника, что он нанес нам значительный урон! Впрочем, у шведского монарха были извиняющие обстоятельства, потому что на момент составления своей «отписки» он еще не знал о капитуляции под Переволочной.

Конечно, король не мог не понимать и не оценивать размеров постигшей под Полтавой его и его армию катастрофы. Но как руководитель страны он не желал драматизировать ее последствия, чтобы не создавать у Госсовета и своих подданных пораженческих настроений. Король поступил так, как в подобных случаях поступали и до сих пор поступают его коллеги по ремеслу: народу необязательно и даже вредно знать всю правду — достаточно, чтобы она была достоянием узкого круга «ответственных лиц». Характерно, что в письме Карл не упоминает о своем ранении и не использует его в свое оправдание. Он и сестре своей сообщил о ранении только из-под Бендер, когда рана уже заживала, а он уже предвкушал удовольствие от верховой езды. Поражение под Полтавой случилось для него «по воле рока» и «из-за неблагоприятной местности» — косвенное признание военной прозорливости царя Петра, выстроившего на поле боя земляные редуты. Если прежде он говорил о «везении» и «счастье», то теперь с таким же иррациональным упорством пытался не замечать очевидных и вполне конкретных реалий. После русского похода он все больше был склонен поддаваться року, судьбе, неизбежному. На фоне его деятельного характера и несгибаемой воли склонность к фатализму на первый взгляд выглядит довольно странно, но на самом деле такие личности иногда встречаются (взять хотя бы для примера Наполеона Бонапарта).

... Через несколько дней после прибытия в Очаков в шведском лагере был объявлен день покаяния и молитвы.

Капеллан Микаэль Энеман устроил богослужение и произнес проповедь, в которой неудачи шведов объяснил карой Господа Бога за все их прегрешения, совершенные во время войны. Король Карл внимательно слушал проповедь, а после службы поблагодарил Энемана за его «благоразумную рассудительность».

От сераскира Юсуфа-паши из Бендер прибыл посыльный — это был тот самый человек, которого Карл принимал полутора годами раньше на Висле перед вторжением в Россию. Бендерский начальник оказался более гостеприимным и дружески настроенным по отношению к шведам, нежели очаковский «философ»: он прислал палатки, повозки и другие необходимые на первое время вещи и пригласил Карла в Бендеры.

Весьма полезным оказался француз Константин де Турвиль, завербовавшийся в шведскую армию в 1707 году в Саксонии, длительное время проживавший в Турции и владевший турецким языком. Его Карл назначил военным комиссаром, в главную обязанность которого входило обустройство и адаптация шведов в Турции. Де Турвиль, в частности, оказывал переводческую помощь шведскому послу при Порте Мартину Нойгебауреру.

24 июля шведы покинули Очаков и направились в Бендеры «в гости» к Юсуф-паше. Конечно, внешние обстоятельства этого перехода не шли ни в какое сравнение с тяготами предыдущего, но и тут шведы столкнулись с сюрпризами: их североевропейские желудки, привыкшие к грубой мясной и соленой пище, не выдержали встречи с изобилием фруктов, кофе и прочих турецких сладостей и деликатесов, поэтому многие заболели и передвигаться приходилось медленно и с частыми остановками. На пути к Бендерам в городе Суклея шведов нагнал турецкий офицер из Очакова, он привел с собой 36 шведов и сотни полторы запорожцев, которые самостоятельно преодолели Днепр и благополучно добрались до турецкой границы из Переволочны. Они покинули лагерь до капитуляции и потому ничего нового рассказать королю не могли.

1 августа шведы добрались до Бендер, где их встретил заранее высланный туда для подыскания подходящего жилья для короля Юлленкрук. Карл XII собирался пробыть в Бендерах недолго — до момента подхода его армии и полного выздоровления, но ему пришлось прожить там целых три года. Он поселился в роскошной палатке, подаренной султаном Ахмедом, которую разбили на окраине города, в самих Бендерах бывал крайне редко, в своих письмах указывал «лагерь под Бендерами» и планировал в ближайшее время выехать в Польшу, чтобы

соединиться там с фон Крассовым и Лещинским, благо польская граница была рядом.

На третий день пребывания под Бендерами М. Нойман сделал на ноге короля операцию, вырезав из раны омертвевшие ткани и кости[196]. После этой операции дела у короля пошли на поправку, через несколько дней он стал ходить с костылем, потом наступать на ногу, а 17 сентября первый раз сел в седло. Для непоседливого короля два с половиной месяца неподвижности были, конечно, тяжелым испытанием. 21 июля, еще в Очакове, взбунтовались казаки, они опасались выдачи их турками обратно царю Петру и хотели расправиться с Мазепой и его окружением. Карлу вместе со своими солдатами и офицерами пришлось защищать гетмана, а потом вести с бунтовщиками переговоры.

Лишь на берегу Буга Карл узнал о смерти старшей сестры Хедвиг Софии — проговорился гофмаршал фон Дюбен, назвав ее в присутствии короля «блаженной памяти герцогиней». Карл спросил фон Дюбена, что он имел в виду, и тому пришлось рассказать, что Хедвиг София 12 декабря 1708 года умерла от оспы. «Ах, моя бедная сестра! Ах, моя сестра!» — вскричал король и зарыдал. Закрыв лицо плащом, он убежал прочь, чтобы остаться со своим горем наедине. Подданные короля в первый раз увидели, как он плачет. В своем горе король был неутешен и долго — около года — не хотел верить посланию из Стокгольма, считая его злонамеренно распущенными слухами. Год спустя, в письме к Ульрике Элеоноре от 22 июня 1710 года, он признается, что вся надежда на то, что старшая сестра находится в живых, для него окончательно исчезла. Этот эпизод поворачивает нам фигуру Карла XII совершенно другой стороной: мы видим, что в глубине его существа скрывались настоящие человеческие чувства, только он привык их не выставлять напоказ.

При получении известия о потере под Переволочной остатков своей армии Карл XII не плакал, тем более что до него уже дошли об этом слухи, муссировавшиеся и в Европе, и в Турции. 13 августа в Бендерах появился генерал Мейер-фельт, отпущенный царем Петром из добровольного плена, который официально подтвердил эти сведения. Армии больше не существовало, и не было никакого смысла возвращаться в Польшу, вести переговоры с крымским ханом и султаном и уговаривать их присоединиться к союзу против России — присоединяться им было просто не к чему. Отныне Карл XII представлял практически только себя; его голос стал звучать слабее и слабее; его слава стала забываться, да и само его имя на некоторое время стало исчезать из европейского употребления. Не умевший долго задерживаться на одном месте, кочевавший из одного города в другой, он теперь

надолго был привязан к захолустному городишку на окраине Османской империи. Он никогда не сидел без дела, без остатка отдаваясь военному ремеслу, но теперь, когда армии не стало, он не знал, чем заполнить свободное время. Ему оставалось только ждать и надеяться, надеяться и ждать. Ведь где-то когда-то должно же что-то случиться; в Европе, в Польше, в Турции, в России, на небесах, наконец. Или обхаживать султана и доказывать ему, что война с московитами — в его собственных интересах. Для этого необходимо ввести шведские войска из Померании в Польшу, соединиться там с турками и нанести удар по русским. Но предварительно надо установить доверительный контакт с великим визирем и повернуть его уши в сторону от нашептываний русского посла Толстого. Не забыть оказать влияние на посла Франции. И ни на минуту не прекращать разжигать жар ненависти к русским у крымского хана. Попутно следовало бы добыть денег на подкупы и подарки главному евнуху султана.

Судьба эмигранта. Главная книга его жизни уже была написана, ему только осталось дополнить ее несколькими заключительными главами, которые мало что нового внесут в сюжет произведения: Русско-турецкая война 1711 года (наконец-то!), неудача Петра на Пруте (вот она птица счастья!), возвращение в Европу (трепещите!), оборона Штральзунда (мы «им» еще покажем!), два норвежских похода (зачем?) — и все.

Судьба великого человека, потерпевшего великое поражение. «Полтава и Переволочна были не только военной катастрофой для Швеции... но и политической, — считает Лильегрен. — Позиция Швеции в большой европейской политике была построена на мощи оружия. Когда она была побеждена, все обрушилось...» Если в 1706—1707 годах Карл XII считался одним из самых могущественных европейских правителей, то «...теперь шведский король превратился в разменную карту в игре Турции и России — деградация, которой он, вероятно, не осознавал».

Время, проведенное в Турции, он иронично назовет «днями ленивой собаки». 1820 дней! Седьмая часть жизни! Монотонный ритм ее в Турции не дает исследователю почти никакого материала для наполнения биографии Карла XII. Взять любой месяц из недалекого прошлого, и он по своему содержанию затмит все пять лет его турецкого «плена». Дни ленивой собаки, когда время для него остановилось...

А из Стокгольма и шведских провинций до короля скоро стали доноситься раздирающие душу отчаявшиеся голоса и призывы о помощи. Несмолкаемые, с каждым днем все более настойчивые, истеричные, они станут постоянным

аккомпанементом к его монотонной бездеятельности или кажущейся активности. Сразу после Полтавы в стране случился страшный неурожай. В 1710 году Швецию посетила чума. Она прошлась по всей Европе, но после голодного года Швецию она затронула больнее всех. В восточные провинции вернулся царь Петр — теперь навсегда. Вслед за взятием Эльбинга, Риги, Динамюнде, Ревеля, Пярну, Аренсбурга, Кексхольма и Дерпта пал Выборг, бывший шведским с самого момента своего основания в 1293 году. К осени 1710 года перед царем Петром капитулировали десять крупных крепостей, на завоевание которых, иронично писал датский посланник в России Ю. Юань (Юль), пошло меньше пороха, нежели на салюты и фейерверки в Санкт-Петербурге по случаю их падения. Опять зашевелилась Дания и снова обулась в военные сапоги. Правда, генерал Стенбок под Хельсингборгом задал датчанам хорошую трепку[197], но они не успокоились.

Антишведское трио — Петр, Август и Фредрик — уже 18 октября 1709 года в Торне (Торуни) согласовали все статьи договора о союзе против Швеции[198]. Дипломатия Фридриха Вильгельма Прусского стала демонстрировать заинтересованность в присоединении к Северному альянсу. 17 октября прусский король по Одеру выплыл навстречу Петру I и в Мариенвердере поздравил его с Полтавской победой. В наступательный союз против шведов пруссак, однако, не вошел — он, как и его предшественник Фридрих I, занял выжидательную позицию, чтобы «погреть руки» попозже, когда ситуация прояснится окончательно.

Король Станислав не был еще свергнут, но он «испарился» из своего королевства, как утренний туман, а вместе с ним «испарилась» и вся польская политика Карла XII[199]. Август Сильный порвал Альтранштедтский договор и вернулся на польский трон.

Многим, в том числе и автору данной книги, всегда казалось непонятным слишком долгое отсутствие короля на своей земле. Ну да, у него не стало армии; конечно, ранение на первых порах делало его неподвижным и бездеятельным; понятное дело, пути возвращения в Европу были официально перекрыты — царь Петр со своими «повеселевшими» после Полтавы союзниками об этом позаботился. Но все-таки это был Карл, а не какой-нибудь созерцатель жизни и меланхолик Левенхаупт! Он должен был вернуться домой и найти способы преодолеть препятствия, ему надо было показаться на глаза своему народу и самому успокоить «паникеров», ему следовало своим присутствием поддержать сторонников и старых боевых товарищей, взяться самому за

восстановление армии, финансов и тому подобного, как это делал его отец, к чему его неустанно призывала Ульрика Элеонора в своих письмах, — одним словом, сделать все, что он попытается делать пять лет спустя с помощью Гёртца, когда было уже слишком поздно.

Почему же он все-таки так долго задержался в Турции? Не позволяло вернуться самолюбие? Возможно, но все-таки маловероятно. Не преодолел шока после Полтавы? Вероятно, но непохоже на Карла. Считал, как полагают некоторые историки, находиться в Турции выгодным и необходимым? Действительно, Карл в войне с Россией делал ставку на султана и крымского хана и мечтал появиться в Польше во главе 55-тысячного шведско-турецко-татарского войска. Об этом пишут все или почти все биографы короля, но нам это кажется малоубедительным. Королю достаточно было пожить в гостях у султана год, максимум два, чтобы понять, что никаких политических и военных приобретений шведам там не добиться. Как талантливый полководец, он должен был понимать, что ни султан, ни крымский хан царю Петру с его новой армией после Прута уже нестрашны. Напрашивается вывод, что Карлом XII, возможно, овладел какой-то психический недуг, своего рода наваждение, умственная спячка, помутнение сознания, которые в его положении — если вспомнить все несчастья и неудачи, перенесенные им в последние месяцы русского похода, — не были бы уж такой большой неожиданностью. Это, возможно, объяснило бы многое, но достоверно знать этого никому не дано.

Немецкий историк Ф. Оттов делает такое наблюдение: «Карл на самом деле вовсе не был... превосходным мастером владения сложными ситуациями и преодоления неблагоприятных обстоятельств, каковым он представал перед окружением и желал себя видеть. Скорее он был натурой депрессивной, иногда способной на удивительные манифестации воли и энергии, но их проявления ни в коей мере не выдавали стабильную силу души, способную переносить все перипетии высоконапряженного существования. Поэтому его деятельность часто сменялась более или менее длительными периодами неожиданного погружения в состояние упадка духа и потерянности, которые выражались то в апатичной бездеятельности, то почти в лихорадочной активности, которыми он, очевидно, пытался заглушить собственную неуверенность».

Перед Карлом XII после Полтавы стоял выбор способа действий: либо уйти в глухую оборону и оставить вещи такими, какими они стали после русского похода, либо признать Полтаву всего лишь неблагоприятным эпизодом и создавать основу для

новой наступательной политики, с привлечением солидных и сильных союзников, конечной целью которой по-прежнему должно оставаться нанесение поражения России и заключение с ней мира на шведских условиях. И король Швеции выбрал, естественно, второе — это недвусмысленно следует из его знаменитого письма к оборонной комиссии Швеции. Был ли этот выбор умным и целесообразным для страны? Вряд ли. Если бы Карл XII успокоился на «достигнутом» или бы, к примеру, погиб в сражении, Швеция могла бы получить от России куда более выгодный мир, нежели тот, который она получила в 1721 году. Но король не погиб и сделал выбор, который был достоин его,— иначе он поступить не мог. Резон и здравый смысл — это качества посредственных людей, утверждает в своем упоении личностью Карла Ф. Г. Бенгтссон, Люди же выдающиеся, такие как Карл XII или Наполеон, идут другим, своим путем, потому что они так видят и изменить себя не могут и не желают. И упрямством, непоколебимой приверженностью своим принципам, идеалам и императивам они способствуют собственной погибели — такова логика великих людей.

Красивый вывод, но в этом ли состоит величие и слава государей, полководцев, министров, генералов и вообще властей предержащих? Нам как-то привычнее и ближе другое представление о великих и замечательных людях: они должны все-таки угадывать объективный ход истории и направлять свою деятельность в нужное и полезное для своей страны и своих подданных и граждан русло, а не становиться поперек событий. Ну, взять хотя бы пример другого «солдатского» короля и предка Карла XII — короля Густава II Адольфа, тоже великого полководца, но и великого государственника. Но Карл не был наделен способностями человека, мыслящего государственными категориями, и поэтому предъявлять к нему претензии по этому поводу бессмысленно. Он был таким, каким родился, каким его сделали воспитатели и жизнь.

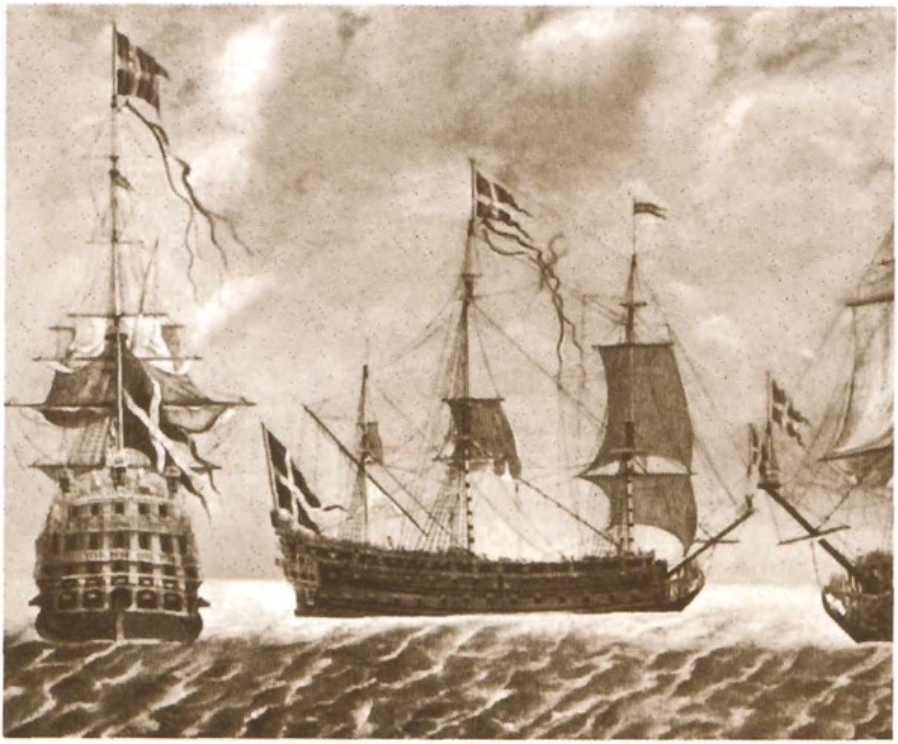
Как-то Карла спросили (капитан А. Левен), что делает королей великими. Ответ был примечательным: «Счастье не делает их великими, равно как и несчастье не может лишить их своих достоинств. Судьба, кокетливая куртизанка, не должна влиять на истинную славу — так же, как неверная жена не должна испортить репутацию своего мужа. Фальшивые представления у людей, которые принимают ложь за правду, не имеют никакого воздействия на образ мыслей солидного и праведного властителя; он достаточно уверен в себе самом и не обращает внимания на мнение невежественных людей, как месяц плывет по небу, не замечая лая собак». Это высказывание, считает

Лильегрен, показывает, какого высокого мнения был Карл XII о себе. Несмотря на все поражения и неудачи, он был великим, солидным и праведным. И не очень скромным, добавляет историк.

... Турция, на которую делал ставку Карл XII, уже прошла свой пик могущества и величия. Империя постепенно дряхлела, загнивала, слабела, рассыхалась и расползалась по швам. Времена воинственных султанов, становившихся отцами в пятнадцать и продолжавших ими быть в семьдесят лет, прошли. Нынешний правитель Блистательной Порты Ахмед III предпочитал седлу диван, военным походам — прогулки в гарем; он окружил себя безумной роскошью, изнежил себя духами и эссенциями, государственными делами почти не занимался и поручал их великим визирям и другим министрам. Кое-что от былой славы, конечно, еще оставалось, ресурсы империи чисто теоретически были неисчерпаемы, и соседние государства с опаской продолжали смотреть в сторону Стамбула, но это была одна видимость.

Карл XII. Портрет работы генерала А. Спарре. Бендеры. 1712.

Царь Петр.
Гравюра с оригинала Г. Кнеллера. 1697.



Шведские корабли под Копенгагеном. 1700.

Знамя драгунского полка шведской армии.

А. Д. Меншиков на коне (на фоне сражения при Калише). Художник П. Пикарт. 1707.

Походный ларец Карла XII, полученный им в подарок от турецких властей. Изготовлен в 1600 году.

Обмундирование и личное оружие Карла XII.

Джон Черчилль, герцог Мальборо.

Иван Степанович Мазепа, гетман Украины.

Запорожский казак.

Генерал-фельдмаршал, граф Борис Петрович Шереметев.

Ручная мортира, бывшая на вооружении русской армии. Начало XVIII в.

Армейский барабан с вензелем Карла XII

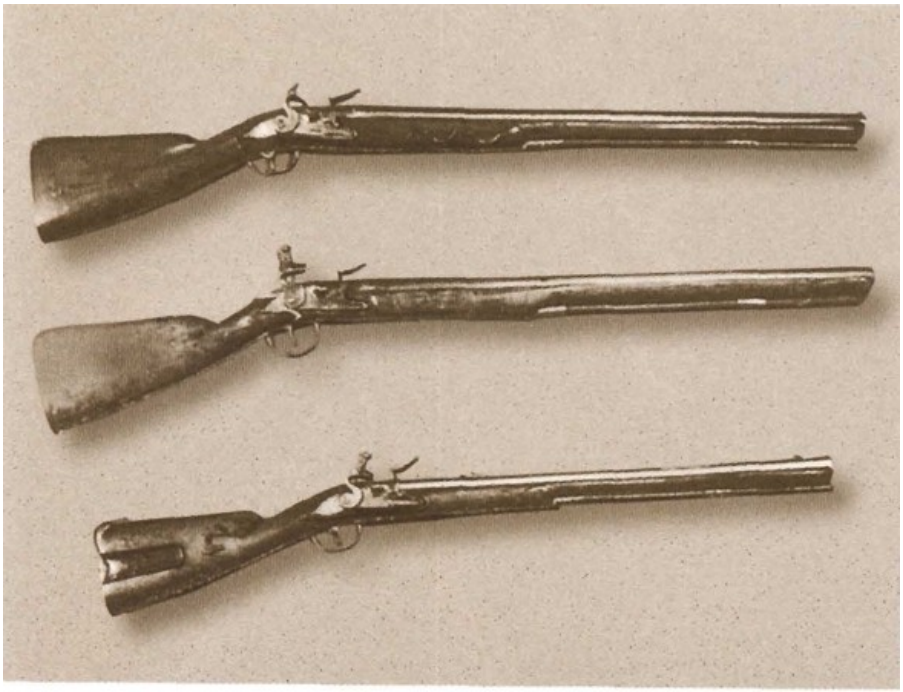
Генерал, граф Адам Людвиг Левенхаупт.

Ротное знамя лейб-гвардии Преображенского полка. 1700.

Фельдмаршал граф Карл Густав Реншёльд.

Патронташ, сумка для гранат и пороховница шведского солдата.

Победа русских над шведами под Полтавой. Офорт Аутворта. 1855.



Фузея, штуцер и ружье. Начало XVIII в.

Петр I в Полтавской битве.

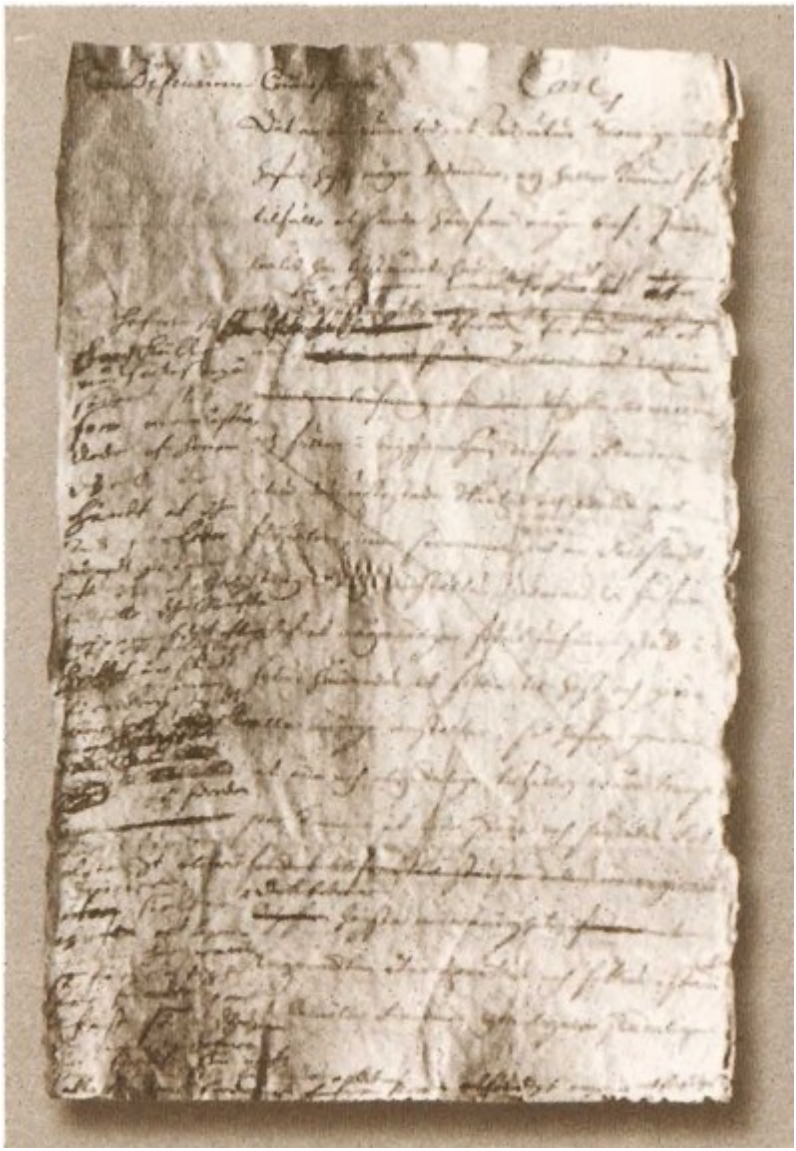
Палаш Карла XII.

Фридрих Гессенский, зять Карла XII.

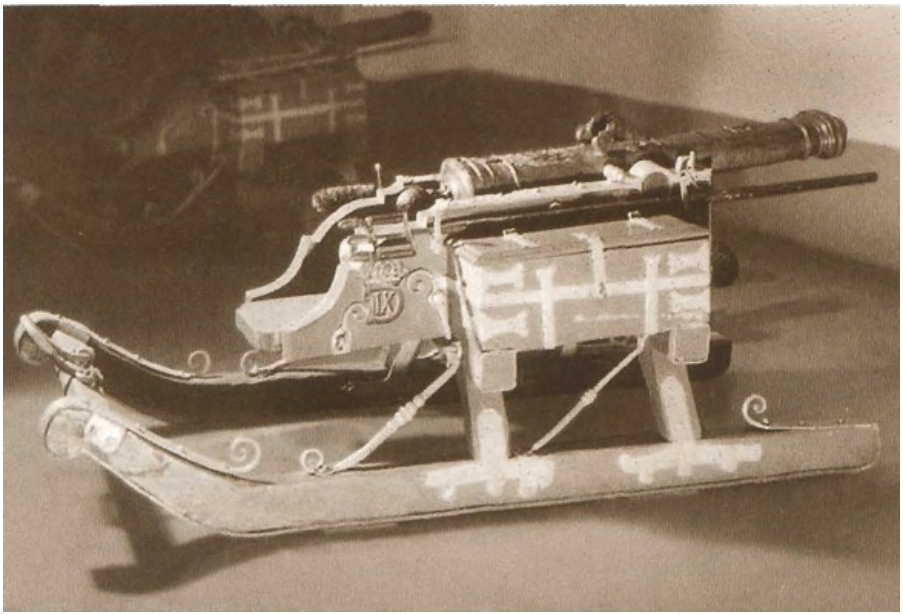
Разгром шведской армии под Переволочной.

Арвид Хорн, ранее капитан драбантов Карла XII, здесь министр шведского правительства. Художник Г. Э. Шрёдер. 1727.

Битва при Гадебуше. 1712.



Письмо от 11 июля 1709 года из Бендер в Стокгольм Государственному совету, правленное рукой Карла XII.



Шведские пушки на санях.

Прусский король Фридрих I в форме офицера пехотного полка.

План и вид крепости Штральзунд. Гравюра. XVIII в.

Карл XII и барон Георг Хейнрих фон Гёртц. Гравюра У. Хогарта.

Медная пуговица с мундира Карла XII, которой, по одной из версий, был убит король.

Солдаты шведской армии доставляют тело убитого короля в свой лагерь. Гравюра XVIII в.

Голова Карла XII. Снимок сделан при эксгумации тела короля в 1917 г.

Й. Р. Паткуль встречает Г. Х. Гёртца в Царстве мертвых. Немецкая сатирическая гравюра.

1719.

Траурная процессия с телом короля Карла XII. Художник Г. Седерстрем. 1884.

Великий визирь каждодневно занимался внешними и внутренними делами Османской империи, что кроме забот приносило ему солидные доходы. Если в Европе ни одно дело не решалось без «подарка», то в Турции этот принцип был возведен в невероятную степень и считался краеугольным камнем всего мироздания. Временами среди вельмож попадались люди умные и деятельные, и если империя еще как-то существовала, то только благодаря таким государственным людям. Но попадались великие визири другого толка, бравшие пример со своего господина, наслаждавшиеся в основном прелестями жизни в

своих дворцах на берегах Босфора и набивавшие сундуки взятками от своих подданных и иностранных послов.

Вот с таким «контингентом» были вынуждены иметь дело Карл XII и его советники, составляя новые антирусские планы. Ахмеду III, когда шведы появились в Бендерах, исполнилось 20 лет, он сидел на троне уже шесть лет (и просидит до 1730 года, пока его не прогонят янычары, а племянник и наследник трона не отравит его). Это был обычный «декадент» восточного типа, интересы которого простирались не дальше гарема. В целом он был неплохо настроен к королю Швеции — не в последнюю очередь благодаря некоторым его женам. Карл мало имел с ним дело, все деловые контакты поддерживались с султанскими министрами и чиновниками, всякого рода пашами с тремя конскими хвостами, сераскирами, великим визирем. Последние менялись так часто, что иностранцу за этой чехардой было трудно уследить. За пять лет пребывания Карла в Турции сменилось семь великих визирей. В контактах шведов с османами происходила встреча представителей двух миров, двух разных культур, и договариваться было чрезвычайно трудно.

Как мы уже упоминали выше, Карл XII планировал сначала как можно скорее попасть в Польшу — лучше, конечно, имея в резерве союз с Турцией. Позже, когда выяснилось, что путь в Польшу закрыт[200], Карлу приходилось ждать, когда турки дадут в его распоряжение 50-тысячную армию, с которой бы он хотел войти в Речь Посполитую и соединиться там со шведским войском из Померании. Объединенная армия после дооворужения и пополнения могла быть использована для новых походов. Всем этим планам, однако, не суждено было осуществиться, а возвращаться домой, в Швецию, по мнению шведских историков, было опасно, потому что король с большой долей вероятности мог быть схвачен союзниками.

Великие визири в целом были сначала настроены на то, чтобы оставить Карла в Турции как можно дольше, и делали ему такие приманки, как обещания дать в Польшу 50-тысячный «эскорт». И все потому, что присутствие шведского короля, ввиду начавшихся с Россией переговоров о заключении мирного договора, было туркам выгодно. Потом они стали сомневаться, есть ли у шведов армия в Померании и появится ли она в Польше до того, как станет актуальным вопрос о начале военных действий против Петра I. А потом Карл XII стал им в тягость и даже представлял для них опасность, в связи с чем они даже вступали с русскими в тайные переговоры о том, как схватить короля во время его возвращения в Швецию[201]. Султан же не хотел портить отношения с Карлом, в хорошем настроении

иногда высказывался за войну против неверных русских и старался всячески угодить шведу подарками, денежными подачками, заменой неугодного великого визиря, но не более того.

Иностранные послы в Константинополе по мере возможности складывали свои соломинки в шведские стога, но одновременно стремились добиться своих целей: удержать Турцию от войны с Россией, чтобы пугать османцами Австрию; подсыпать яда в кофе посла Карла по особым поручениям Станислава Понятовского[202]; отправить короля в Швецию на французском корабле; отправить короля Швеции на английском или голландском судне и т. п.

И, наконец, крымский хан Девлет-Гирей, единственный человек, который обладал энергией и умом, стремился к войне с русскими, но он с таким же усердием и энергией станет потом выступать против войны и за то, чтобы избавиться от дальнейшего присутствия короля Швеции в Турции.

На самом деле важнейшим аргументом в переговорах с турками и крымским ханом было наличие у шведов армии.

Без армии турки резонно не хотели пускаться ни в какие аферы. Если царю Петру удалось одолеть такую сильную армию и такого героя, как Карл XII, то что тогда делать одним туркам, не имея никакой поддержки со стороны Швеции? Вероятно, с этим рассуждением был солидарен и сам Карл. И он с нетерпением ждал появления своей померанской армии в Польше. Эта армия, согласно его видению, должна была стать костяком огромной союзной армии турок, крымских татар, поляков, украинцев, которая откроет против России фронт от Балтийского до Черного моря.

Лишь спустя три года, когда османы устанут ждать, а политическая обстановка в Европе изменится далеко не в пользу Швеции, такая армия во главе с Магнусом Сгенбоком высадится в Померании, но, к великому разочарованию Карла и султана, в Польшу не пойдет, а направит свой удар против датчан. В 1712 году она разобьет датско-саксонскую армию под Гадебушем, но запутается в военных и дипломатических лабиринтах Голштинии и в крепости Тённинген капитулирует перед датчанами, тем самым навсегда похоронив далеко идущие реваншистские планы Карла XII, и его турецкое пятилетнее «сидение» окажется бессмысленным. Но это произойдет потом, а пока же в Турции начинала постепенно разыгрываться художественная композиция под названием «Сказка о Железной Голове и семи великих визирях».

… Генерал Юхан Август Мейерфельт привез последние

предложения царя Петра о мире. Он также поведал королю о событиях в Переволочне. Некоторые шведские историки полагают, что Мейерфельт возвел на Левенхаупта поклеп и во многом способствовал формированию у Карла XII неблагоприятного о нем мнения. Возможно, что так оно и было, хотя, как мы знаем, король внушениям со стороны не поддавался.

Б. Лильегрен пишет, что Левенхаупт капитулировал, поскольку считал ситуацию в Переволочне для армии безвыходной. Другое дело, пишет историк, трудно выяснить, был генерал прав или ошибался в своих оценках, но его желание уйти от ответственности в Переволочне и свалить ее на других, несомненно, достойно порицания. «Однако в катастрофе под Переволочной не может быть виноват один только он, как утверждали многие историки, — продолжает Лильегрен. — Он стал отвечать за армию только тогда, когда она оказалась в тяжелом положении у реки в ночь на 1 июля[203]. Так же несправедливо было бы списывать поражение под Полтавой за счет ранения Карла XII, просчетов Реншёльда или действий Рууса у редутов. Полтава и Переволочна — это последствия более ранних стратегических решений Карт XII и Петра I во время русского похода»[204].

Но Карл XII не мог простить А. Л. Левенхаупту сдачу армии в Переволочне, считая его если не изменником, то генералом, нарушившим его приказ. Супруга пленного и теперь опального А. Л. Левенхаупта обратилась к бабке и сестре короля с мольбой о воздействии на внука и брата, чтобы помочь вернуться супругу из плена. Король в самой резкой форме отказал в этом ходатайстве, настаивая на виновности пленного генерала. А между тем Карл в цитировавшемся выше письме к Ульрике Элеоноре признает и свою долю вины в драме под Перевалочной: ведь он не успел посвятить в суть своего приказа также и других, кроме Левенхаупта, генералов и офицеров, а должен был сделать это. Правда, и здесь король пытается найти причины, оправдывающие его забывчивость: возня с раненой ногой, паника среди людей и их беспомощность и занятость своими проблемами, так что никто из них не напомнил ему о том, что нужно было делать. «Как будто бы это что-либо изменил», — замечает Лильегрен.

В ответном письме к бабке и сестре король делает нечто такое, чего он никогда не делал, пишет Лильегрен: он сваливает вину на других. Он, который всегда относился к проступкам людей с королевским снисхождением и никогда не ругал и не критиковал провинившихся. Но только не в данном случае: Левенхаупт виноват, и ему нет прощения.

Встает вопрос: если Карл XII не считал капитуляцию армии

под Переволочной необходимой и неизбежной, то зачем он ее покинул? Неужели бегство через дикую степь с небольшим отрядом он считал менее безопасным предприятием, нежели пребывание с армией в Переволочне? Что-то не сходится с нашими представлениями о Карле XII и тем образом, который был создан шведской пропагандой и который, по мнению шведского историка, после смерти короля вырос до гигантских размеров: честный (в отличие, скажем, от Августа II), справедливый правитель, обожающий своих храбрых солдат и офицеров, деливший с ними все тяготы походов и сражений. Как он, спасая свою жизнь, мог после тяжелого поражения под Полтавой бросить своих каролинцев на произвол судьбы? Неужели это тот самый Карл XII?

«Солдатский» король приводит мотивы, которыми он руководствовался при бегстве из Переволочны: больная нош, мешающая управлять армией с седла, срочная необходимость прибытия в Очаков, чтобы отравить оттуда «руководящие» письма к армии в Польшу и в Стокгольм. Но разве нельзя было для этого использовать курьеров? И что нового он собирался сообщить фон Крассову? Чтобы тот ожидал дальнейших указаний? Так это Крассов давно уже знал, аналогичные указания он получал от своего короля из России. А письмо в Стокгольм с указанием начать набор рекрутов? Какая тут была срочная необходимость? И вообще: почему для написания письма и дипломатических демаршей надо было отправляться именно в Очаков, а не в какое-нибудь иное место? Что-то тут не сходится, пишет Лильегрен.

Может быть, Карл XII, как и Левенхаупт и другие его генералы, недооценил обстановку? Они, возможно, верили, что русские в течение двух последующих дней в Переволочне не появятся и тогда остатки армии успеют переправиться через Ворсклу в районе Кишенки и добраться до Бахчисарая. Вероятно, никто из них не мог представить, что Меншиков окружит Переволочну уже через несколько часов после того, как король переправится на правый берег Днепра.

Но тогда кто виноват в капитуляции армии под Переволочной?

Глава семнадцатая
ДНИ ЛЕНИВОЙ СОБАКИ

Магистр Улаус. Да, король Кристьян взят в плен и сидит в Сёндерборгском замке на острове Альс.

А. Стриндберг. Густав Васа

Для начала шведам нужно было привыкнуть к мысли о том, что их пребывание в Турции будет более длительным, нежели предполагалось в самом начале. Поводом для этого послужила неудачная экспедиция в Польшу. Уже в сентябре 1709 года нетерпеливый Карл XII снарядил конный отрад в 500 сабель и отправил его в Польшу на поиски контактов с фон Крассовым и королем Станиславом (которые к этому времени «испарились» в направлении Померании). Отряд добрался до Черновцов (город находился на турецкой территории), но был окружен русскими, частью перебит ими, частью взят в плен, и лишь несколько человек из него смогли вернуться назад в Бендеры. Шведы всю вину за гибель отрада возложили на молдавского господаря Кантемира, который якобы сообщил царю о появлении на границе Польши шведов.

Эпизод послужил вполне логичным поводом к обострению русско-турецких отношений, поскольку налицо было нарушение турецкой границы русскими войсками. П. А. Толстой в Стамбуле должен был во всю силу своего дипломатического и разведывательного таланта заверить турок, что нарушение границы полностью лежит на недисциплинированном русском генерале, который будет немедленно и строго наказан царем. Турки сделали вид, что удовлетворены этим объяснением, и смолчали.

Примечательным в этом неудавшемся походе было и то, что его возглавлял «знаток дорог» и генерал-квартирмейстер уже несуществующей шведской армии А. Юлленкрук. Бедняге понадобилось при самых драматических обстоятельствах спастись от русского плена под Полтавой и в Переволочне, чтобы снова попасть в ловушку в каких-то вполне безопасных со всех европейских точек зрения Черновцах. Он конечно же не предполагал, что Петр I мало обращал внимания на такие мелочи, как турецкая граница, тем более что границы в то время

не охранялись и проводились довольно произвольно и невнятно. Старик стойко снес эти превратности судьбы и в своих мемуарах не удостоил их ни одним вздохом. Зато он соединился со многими знакомыми личностями в Москве и оставил потомкам довольно живописные и ценные свидетельства и о Полтавской битве, и о многом другом[205].

Б. Лильегрен высказывает предположение о том, что король Карл специально подставил отряд Юлленкрука под удар русских, надеясь тем самым спровоцировать конфликт между Турцией и Россией, находившихся в состоянии перемирия. Перед отправкой Юлленкрука в Польшу Карл XII усиленно рекомендовал своему генерал-квартирмейстеру держаться поближе к русской границе (!), аргументируя это тем, что так для шведов будет безопаснее. Версия кажется вполне правдоподобной: для Карла, как мы уже указывали, его подданные представлялись всего лишь какой-то абстрактной величиной, а судьба отдельных людей заключалась в том, чтобы приносить пользу его имени и служить его личной славе. Как бы то ни было, турки по поводу нарушения их границы сделали русским представление, но до войны дело пока не дошло.

Наступило время попрощаться еще с двумя действующими лицами нашей драмы: гетманом Мазепой и генералом Лагеркруной. Мазепа, вероятно угнетенный болезнями, старостью и изменой царю, скончался в Бендерах 2 октября (21 сентября) 1709 года. Карл XII лично проводил его в последний путь и, как пишет Ф. Г. Бенгтссон, назначил его преемником писаря Филиппа Орлика[206]. Никто смерти гетмана не заметил, и никто о нем не сожалел, равно как не заметили и исчезновения из Бендер «самого пунктуального в шведской армии генерала». Лагеркруна сумел отличиться и в Бендерах: своими назойливостью, наглостью и скандальностью он довел до точки кипения даже стоика Карла XII. Возмущение и недовольство им со стороны короля, говорят, было большим, даже очень большим. Историк Нурдберг рассказывает об этом следующее. Карл ни разу не только не говорил, но даже не намекал Лагеркруне о своем недовольстве его действиями в Северской земле, но в Турции генерал донял короля окончательно. Так уж получилось, что Лагеркруна пришел к новому фавориту короля подполковнику Кристьяну Альбрехту Гротхюсену и начал с ним «лаяться» в присутствии его величества. Карл XII заставил себя выслушать всю сцену, не вмешавшись в нее ни словом ни делом. На следующий день генерал Лагеркруна пришел к королю извиняться. Карл хладнокровно ответил: «Это была неприятная сцена, и вы были не правы. Вы были так беспардонно наглы, что

будь я на месте Гротхюсена, я бы взял щипцы от камина и ударил бы ими по вашей голове, даже если бы я находился при этом в комнате короля. Но все это в прошлом. Хочу вам заявить сегодня то, что я хотел сделать еще вчера и о чем думал уже давно: убирайтесь прочь и больше не попадайтесь мне на глаза». Лагеркруна упал на колени и просил о помиловании, но его величество сказал: «Один раз сказано — один раз сделано. Все».

Генерал-прохиндей и после этого решил не сдаваться. Он выправил себе паспорт на свое имя, но без указания титулов, пошел к пастору Ауривиллису за причастием и стал жаловаться ему, что совесть его будет нечиста до тех пор, пока он будет ощущать недовольство Карла XII. Не мог бы святой отец походатайствовать о его прощении у короля? Пастор, ничтоже сумняшеся, пошел к Карлу XII, но король остался при своем решении. «Это всего-навсего лишь выдумка напомнить о себе, но ничего из этого не получится, — сказал Карл пастору. — Если у господина Лагеркруны на совести нет ничего другого, что мешает ему принять причастие, то его просьба является лишь предлогом, ибо я как король всегда могу наказать преступление, не вынашивая ненависти к самому преступнику».

После этого Лагеркруна наконец-то отправился в Швецию, чтобы кануть в безвестность и погрузиться в длительные судебные процессы, связанные, естественно, с финансовыми делами. Вернувшийся из русского плена офицер обвинит его в том, что генерал на поле Полтавского сражения украл у него коня.

В 1710 году Карл отправил О. В. Клинковстрёма с письмами в Стокгольм, но по дороге тот был схвачен поляками, верными королю Августу, и по просьбе царя Петра передан в распоряжение генерала Х. Гольца, стоявшего со своим отрядом в Польше. Генерал Гольц, ожидая дальнейших распоряжений Петра, несколько затянул отправку шведа в Россию, чем воспользовался давно копавший под него светлейший князь А. Д. Меншиков, который и добился отзыва генерала в Петербург, где ему было предъявлено обвинение в измене[207].

... А в остальном дни в Бендерах тянулись медленно, скучно и однообразно. Город был маленький и особых развлечений не предоставлял. Турки строго соблюдали «сухой закон», и только на окраинах Бендер, где жили евреи и христиане, можно было достать пива или вина. По вечерам из города до шведского лагеря доносилась музыка, но шведы воспринимали ее как сплошную какофонию звуков. Хороши были шашлыки, люля, кофе и шербет, солдаты объедались фруктами, но излишества и отсутствие должной гигиены приводили лишь к жестоким и массовым

расстройствам. Драбанты от нечего делать затеяли свою любимую забаву — дуэли, и королю пришлось принять жесткие меры для того, чтобы они не вошли в обычай. Кое-кого даже расстреляли. Поварята и молодые офицерские денщики стали объектом пристального внимания содомистски настроенных турок, и пастор Агрелль запретил ребятам в одиночку появляться в городе, где одинокие женщины и девушки чувствовали себя в большей безопасности, нежели представители сильного пола. Жертвой сексуального интереса турок к шведским денщикам стал барабанщик Кальмарского полка: он попытался спасти одного из денщиков от домогательств османца, а тот пырнул его ножом. В целом же контакты шведов с местным населением были мирными. Из Бендер в Швецию и обратно скакали курьеры, которые увозили и привозили письма с родины. Появились первые беглецы из русского плена, а также поклонники Карла со всей Европы. Бендеры становились космополитическим городом.

Здесь король больше внимания стал уделять работе канцелярии и целые часы проводил в обществе Мюллерна и Фейфа, разбирая почту и делая указания на счет полученной корреспонденции. Анализ этих писем позволяет сделать однозначный вывод о том, что королю в Турции некоторым образом удалось преодолеть пренебрежительное отношение к дипломатии как к разновидности человеческой деятельности, и он с большой заинтересованностью, скрупулезностью и знанием дела взял в свои руки всю внешнеполитическую деятельность. Так он в первый раз в жизни проявил мирную инициативу и разработал проект заключения мира с Данией[208].

Он направил раненых офицеров на лечение на воды в Бруссе, в Малой Азии, а молодых и способных офицеров капитана Конрада Спарре и лейтенанта Ханса Юлленшеппа — в 17-месячную командировку в Сирию, Палестину и Египет для изучения фортификационного дела и знакомства с имевшимися там средневековыми крепостями (большая часть из привезенных ими 2500 рисунков и предметов арабского быта и искусства сгорит в королевском доме во время Бендерского калыбалыка). Пастор М. Энеман, участвовавший в одной из таких экспедиций, привез из Египта двух маленьких крокодилов и подарил их королю, который хранил рептилий в стеклянной банке. Как-то король и его тафельдекер Хюльтман устроили «эксперимент»: они положили крокодильчиков на горячие угли и наблюдали, «...сколько зеленого, черного и голубого яда они выделят». Эксперимент закончился смертью рептилий. Забавными оказались и два хамелеона — их Хюльтман принимал за птичек. Хамелеонам повезло больше — они прожили у короля целый год.

В память о своем отце Карл XII вместе с 23-летним офицером драбантов Корнелиусом Луусом, искусным художником, в течение пяти месяцев работал над созданием книги с иллюстрациями войсковых упражнений как для пехоты, так и для кавалерии. Архитектура и строительство домов оказались тоже в кругу интересов короля. Он с большим энтузиазмом организовал строительство для себя и для офицеров домов, поскольку палаточная жизнь, не предусматривавшая длительной задержки в Турции, становилась неудобной. С большим любопытством Карл следил за восстановлением сгоревшего в Стокгольме королевского дворца и через К. Фейфа постоянно давал советы и рекомендации архитектору Никодемусу Тессину Младшему, Он живо комментировал доставленные ему с курьерами из Швеции рисунки архитектора и, вдохновленный восточной архитектурой, пытался повлиять на Тессина, предлагая свои варианты решений интерьера. Карл не любил роскоши и пытался сэкономить на строительстве, предпочитая вычурности функциональную простоту и удобство. В частности, он настаивал на том, чтобы во дворце было как можно меньше скульптур и больше потайных лестниц и ходов, через которые он мог бы незаметно исчезать. Он даже предложил Тессину один из потайных ходов довести до Мэларена, где его могла ожидать готовая к отплытию яхта, но был вынужден отказаться от этой идеи по причинам дороговизны. Когда король узнал, что на одной из площадей города выкорчевывают деревья, он приказал прекратить корчевку и засадить всю площадь елями, соснами и пихтами, а посредине построить высокую сторожевую башню. По его мнению, этот искусственный парк хорошо «...украсил бы весь город». Н. Тессин не соглашался и спорил, он был дитя барокко (природу надо приручать!), а король в своих представлениях о ландшафте забегал далеко на сто лет вперед, когда искусственные сады и парки станут разводить повсеместно. К, Фейф в письме к Н. Тессину пишет: «Его Величество довольно неплохо разбирается в архитектуре, и если бы мне недвусмысленно не запретили, я бы выслал вам чертеж одного дома, сделанный Его Величеством, который включает в себя все удобства и довольно хорошо спланирован, но Его Величество не желает хвастать своими познаниями».

В свободное время король перечитывал Гидеона Максибрандера, познакомился и с новыми для себя авторами, в частности с Расином. Карл пристрастился также к игре в шахматы, но играл он по своим правилам: брался за фигуру и ходил ею до тех пор, пока партнер — это был либо голштинский 27-летний посланник Фридрих Эрнст фон Фабрис[209], либо

подполковник Гротхюсен — не «скушивал» ее. В игре его не устраивало то, что король должен скрываться за пешками, поэтому во время игры он выводил короля на середину доски впереди пешек и нападал им на фигуры противника. Карл считал, что ферзь — слишком сильная фигура для дамы, и предлагал называть его «фельдмаршалом». Партнеры старались не выигрывать у Карла, щадя его королевское самолюбие. Если фигуру «съедали», он принимался за новую партию. Азартные игры короля не интересовали.

Определенное время Карл тратил на посещение своих офицеров и солдат и частенько просиживал у них вечерами за «чашкой пунша», слушая их забавные рассказы о военных и не только военных похождениях. Как-то он попал в компанию, где обсуждалась тема мужской потенции. Встал вопрос, сколько раз за ночь здоровый мужчина может удовлетворить женщину в постели. Кто-то сказал, что максимум пять раз, на что король возразил, что это слишком мало, — настоящий мужчина должен сделать «это» не менее пятнадцати раз! Реплика вызвала всеобщее возбуждение, кто-то ехидно заметил: «Ваше Величество, это — чисто королевская норма, она нам не под силу!»

Ф. Э. Фабрис в своих мемуарах вспоминает, как Карл восхищался красотой сына Девлет-Гирея, и передает фразу короля о том, что он красивее всех женщин Швеции и Турции. Многие биографы короля и историки считают ее весьма симптоматичной для его сексуальной ориентации, полагая, что он был гомосексуалистом. Современный исследователь жизни Карла XII швед Б. Лильегрен считает эту версию надуманной и никаких доказательств в ее пользу не находит.

При этом, пишет Лильегрен, Карл был достаточно замкнут в себе и редко делился с кем-либо своими сокровенными мыслями. Как ни странно, одним из таких лиц, кому король доверился, был прибывший из Стокгольма курьер, 25-летний капитан Аксель Лёвен. А. Лёвен в период своего многомесячного «сидения» в шведском лагере в Бендерах встречался с Карлом в свободной непринужденной обстановке почти ежедневно. Капитан оказался искусным собеседником и хорошим художником, и два года спустя он нарисует портрет короля. Почти сверстники, они говорили обо всем: о войне, о политике, вообще о жизни. Лёвену Карл поведал, почему он не интересуется женщинами.

«Так же мало, как и вы, я склонен к обожанию красивых женщин, — сказал Карл, — но я умею сдерживать свои эмоции лучше вас. Вам это будет стоить больших усилий, нежели мне, поскольку вы уже вкусили пло». Далее король пояснил, что он боится потерять над собой контроль, если отдастся на волю

любви, ибо его страстная натура приведет его к зависимости, которая будет мешать выполнению его долга как государя и военачальника. «Я избегаю привязанностей, поскольку случайные связи и грязная продажная любовь не в моем вкусе, ибо я знаю, что если полюблю, то навечно, а потому я решил не вступать ни в какие отношения подобного рода, пока идет война, и таким образом я свободен от всяческих помех».

Обедал король обычно вместе со Спарре, Хордом, Мюллерном, Дюбеном, Дальдорфом и Гротхюсеном. К шведскому лагерю стекались любопытные, привлеченные возможностью воочию увидеть на прогулках знаменитого короля Швеции и даже перемолвиться с ним парой слов. Весной 1711 года в Бендеры приехал французский гугенот Обри де ля Монтрайё[210], который пожелал своими глазами увидеть Карла XII. Сначала француз наблюдал за королем на расстоянии, но потом познакомился с голштинским посланником, вхожим к королю, и тот представил его Карлу лично. О. Монтрайё был удивлен дружелюбием, простыми манерами, одеждой и столом шведского короля.

«Мы сидели, когда вошел король, — вспоминал Монтрайё, — и вместо того, чтобы сесть, он подошел к окну, оперся одной рукой о подоконник, а другую положил на эфес длинной шпаги, достающей до пола. Эго была его обычная поза в моменты отдыха; а когда он с кем-либо разговаривал, то правую руку запускал в свои поредевшие волосы, как бы причесывая их растопыренными пальцами, а то и вовсе опирался на плечо собеседника, если тот был особенно ему приятен... Он принял меня весьма милостиво — более дружелюбное и доступное существо я не встречал никогда раньше. Он, так сказать, снисходил самым предупредительным и любезным образом по отношению к тем, кто не пытался вести себя высокомерно; если люди относились к его званию с почтением и должным уважением, то он тоже отбрасывал в сторону всякую гордость, которую ему повсеместно приписывали».

Обед у Карла XII длился не более получаса, ибо король питался скромно, ел быстро и в основном молча. Естественно, не все могли привыкнуть к этому и, как правило, не успевали наесться, поэтому сразу после обеда у короля гости шли на «обед № 2» к Гротхюсену, который угощал их, «чем Бог пошлет». Карл узнал про эти обеды и однажды пришел на них посмотреть. Когда голодные Монтрайё и Фабрис уплетали какое-то блюдо, Гротхюсен тихо предупредил их, чтобы они не оглядывались и не смущали подглядывавшего в окно Карла. Второй обед так развеселил короля, что он часто шутил на эту тему в своих разговорах. Гугенот О. Монтрайё был человеком со средствами и

неоднократно «выручал» Гротхюсена и короля нужными им суммами.

Одной из трудных проблем были деньги. Король никогда не отличался бережливостью, за исключением расходов на собственную персону. На подарки турецким чиновникам он не скупился. Деньга, собранные в Саксонии и привезенные с собой из Украины, уже кончались, к султану за подачками обращаться было неудобно, поэтому помощники Карла постоянно занимались добыванием денег. К счастью, круг финансовых специалистов у Карла XII одним Лагеркруной не исчерпывался: подполковник Гротхюсен, произведенный в Турции в полковники, а потом и в генерал-майоры, с успехом заменил отъехавшего в Швецию опального генерала. Слабой его стороной, правда, были некоторая небрежность и разбросанность в учетах финансовых операций, которые он научился блестяще осуществлять в Турции, так что в конце концов он в них окончательно запутался. Его постоянно видели в обществе евреев, армян, греков и турок, он со всеми умел ладить, шутил и рассказывал занимательные истории, а те пользовались его слабостями и откровенно грабили. Впрочем, и он не оставался у них в долгу, и когда настанет время отъезда из Турции, за Гротхюсеном потянется вереница кредиторов, которым он пообещает расплатиться в Швеции. Гротхюсен войдет в историю как единственный в каролинской армии полковник, знавший толк в финансах. Так же гармонично Гротхюсен работал и с королем, и Карл очень ценил «шармера» Гротхюсена как специалиста и как человека. А. С nарре, карьеру которого нельзя было назвать до этого успешной, в Турции получил звание генерал-лейтенанта от инфантерии. Он, кстати, как и Магнус Стенбок, неплохо рисовал и сделал в Бендерах портрет короля, который специалисты считают самым удачным портретом Карла XII. «Вырос» вслед за ним и голштинец Дальдорф, он тоже стал генерал-лейтенантом, но от кавалерии. Фон Дальдорф страдал от раны в голове, полученной в Польше, и часто пребывал в плохом настроении, становился раздражительным и пытался иногда сорвать свое раздражение на других. В таких случаях Карл XII подходил к нему и спокойно хлопал по плечу: «Ну, ну, Дальдорф, не злись!» Карл Густав Хорд получил звание капитан-лейтенанта драбантов и занял пустующее после гибели О. Врангеля место.

Первым из семи великих визирей во время пребывания Карла XII в Бевдерах был Чёрлюлю Али-паша, женатый на дочери султана Мустафы II, предшественника правившего султана, искусный дипломат, не имевший ни малейшего желания затевать войну с Россией. Напротив, он стремился продлить десятилетний

мир с ней, заключенный еще в 1700 году. Прибытие в Турцию короля Швеции Чёрлюлю хотел использовать только как средство давления на русских и достижения благоприятных условий мира для Турции. Поэтому великий визирь вначале ничего не имел против того, чтобы Карл XII оставался в Турции столько, сколько тому заблагорассудится. Когда он узнал, что король торопится домой, то визирь даже пообещал ему 50-тысячный эскорт, но, заключив новый мир с Россией, он стал намекать Карлу XII, что тот может уехать из Турции, когда только захочет — лучше даже пораньше. Он-де даже уже договорился с мятежным венгерским князем Ференцем Ракоши о том, чтобы взять маршрут короля под свою охрану.

Но Карл XII, к великому сожалению великого визиря, ни по отношению к Ракоши, ни к самому плану энтузиазма не проявил. Особенно сожалел об этом венгр, потому что он уже разместил в Венгрии русские войска, готовые схватить Карла, как только он пересечет турецкую границу. Когда о поведении великого визиря узнал султан — а это случилось как раз в тот момент, когда в Венгрии в русский плен был взят Юлленкрук, — Чёрлюлю сразу попал в опалу. В 1710 году его сместили с должности, а потом удавили с помощью шелкового шнурка.

Следующим великим визирем стал Нуман-паша, и шансы шведов на достижение своих целей с его приходом к власти заметно возросли. Нуман-паша был известен своими антирусскими настроениями, но в своей активности он так неуместно часто мельтешил перед глазами султана, что тот быстро от него устал и призвал на его место губернатора Алеппо (Сирия) Мехмет-nauiy по прозвищу Балтаджи, что в переводе на русский язык означало «рубщик хвороста». Хворост Мехмет-паша уже давно не рубил — он занимался этим благородным трудом в самом начале своей карьеры в серале. Третий визирь не был ни энергичен, ни честен, ни антирусски настроен, а был всего-навсего скрытым старым гомосексуалистом. Он был труслив как заяц, с военным делом был совершенно незнаком, предводителем армии быть не мог, в политике ничего не понимал и никакого желания ее понять не испытывал.

Рубщик Хвороста так же мало стремился навредить русским, как и Чёрлюлю Али-паша, но тем не менее вскоре оказался во главе целой армии, вышедшей в поход на Россию. 1 декабря (20 ноября) 1710 года Турция объявила России войну. Совместные усилия Карла XII и крымского хана дали наконец плоды. Особенно рьяно против русских, как мы уже говорили выше, был настроен Девлет-Гирей, и для разжигания его ненависти к русским король специально держал в Бахчисарае своего посла

Свена Лагерберга, бывшего майора Скараборгского полка. Именно хан, приехав в Константинополь и доложив султану о «бесчинствах» русских в Польше, способствовал разрыву мирного договора с Россией. Хан немедленно открыл военные действия против русских к северу от Крыма. К весне должна была выступить и турецкая армия, предводительствуемая третьим великим визирем Мехмет-пашой. Карл наконец-то мог вздохнуть с облегчением: воз сдвинулся с места.

Но отсутствовал по-прежнему третий, самый важный элемент — шведская армия. Померанской армии Швеции не только не было видно, но о ней вообще ничего не было слышно. Вместо нее Госсовет в Стокгольме и западноевропейская дипломатия предлагали Карлу XII нечто такое, отчего он, по всей видимости, топал от возмущения ногами. Как известно, Англия и Голландия выступали гарантами Травентальского и Альтранштедтского мира, которые успешно были нарушены соответственно датчанами и саксонцами. Теперь «гаранты» должны были принять санкции против нарушителей этих трактатов. И в Лондоне, и в Гааге решили для виду все-таки сделать Швеции что-нибудь приятное — лучше, чтобы это было одновременно приятно и себе. «Приятным» сюрпризом для Швеции оказался так называемый Гаагский пакт о нейтралитете от 1710 года, который был спроектирован не без участия Австрии[211]. Согласно этому пакту, на все наступательные операции участников Северной войны на немецкой земле объявлялся мораторий. В связи с этим шведам предлагалось не обременять свою пустую казну и не содержать в Померании лишние полки, а передать их в распоряжение тех же Англии и Голландии, которые с удовольствием возьмут на свои плечи налоговое бремя бедных шведов. Для зондирования почвы по поводу Пакта о нейтралитете и отмене торговой блокады на Балтике в Бендеры приехал уже знакомый нам британский капитан Д. Джеффри.

В Госсовете Швеции сидел известный по польским событиям Арвид Хорн, и с его точки зрения предложенный англичанами и голландцами вариант был очень выгоден для Швеции. А. Хорн уже давно был в стране и мог оценить ее состояние. Он видел, что королевство было более чем истощено военным бременем и нужно было спасать то, что осталось. Карл же XII продолжал мыслить категориями большой игры и хотел поставить на кон все, что только было можно. С Госсоветом у короля никогда не было взаимопонимания, но позиция Хорна, бывшего фаворита и старого боевого товарища, Карла огорчила. В доверительном письме к сестре он писал: «Последние годы замечаю, что его усердие упало и он не делает никаких попыток что-то сделать. Из

его писем ко мне я усматриваю, что он пытается избежать всякой ответственности...» Это было первое разногласие между ними за многие и многие годы, и скоро они перестанут понимать друг друга и станут почти врагами.

Королю Карлу вряд ли было известно содержание письма капитана Джеффри от 6 октября 1711 года в Лондон. Приведем из него одну характерную выдержку: «...будучи убежденным в том, что поскольку интересы короля и его страны кардинально расходятся... возможно с большим успехом вести дела с Государственным советом в Стокгольме, нежели здесь с королем, который, по мнению большинства людей, потерял всякое чувство долга по отношению к своей стране и своим подданным». Вероятно, англичане вняли этому совету и поспешили им воспользоваться, установив за спиной у Карла непосредственный контакт с А. Хорном и его сторонниками в Стокгольме.

Больше всего Карла возмущали получаемые из Швеции письма, в которых содержались жалобы на трудное положение. В письме Госсовету из Бендер от 13 февраля 1711 года он писал: «Что касается бедственного положения на родине, то об этом так часто говорят, что было бы достаточно вкратце упомянуть, что оно осталось прежним или изменилось в худшую сторону. Такого напоминания для Нас было бы достаточно для дела, которое Нам весьма хорошо известно, но которому можно помочь лишь почетным и выгодным миром».

Естественно, король запретил «весь этот нонсенс» с нейтрализацией Померании, равно как и предложенную советом отмену торговой блокады занятой русскими войсками Прибалтики[212], и повторил приказ находившимся там войскам немедленно выступить в Польшу. Снова и снова, невзирая на внутриполитическое и экономическое положение Швеции, он писал в Госсовет и настаивал на немедленной подготовке новых полков и о переброске их через Померанию в Польшу. Но Госсовет упустил время, поддавшись на дипломатические комбинации англичан и голландцев, к тому же он откровенно саботировал все призывы короля, поэтому к моменту весеннего наступления османцев и крымцев Карл XII мог выставить против русских всего лишь десятитысячный отряд из поляков и украинских казаков под командованием бывшего сторонника короля Лещинского Потоцкого и самозваного гетмана Украины Орлика и оказать им помощь бесплатными советами.

... На янычарском подворье в Стамбуле в феврале 1711 года были выставлены конские хвосты, что свидетельствовало о том, что правоверные скоро пойдут на войну. 11 марта 20-тысячный корпус янычар выступил из столицы, а 19 марта вслед за ним

тронулся с основной армией великий визирь. С ней выехал Станислав Понятовский, дипломатический представитель короля, знаток гаремных тайн, а теперь «толкач», глаза и уши Карла XII при Мехмет-паше. Рубщик Хвороста, не успев отойти от стен столицы на приличное расстояние, устроил привал, вздыхал, извивался ужом и выдумывал для Понятовского тысячу предлогов, для того чтобы затянуть дальнейшее продвижение войска. Так эта армия черепашьим шагом тащилась на север, останавливаясь в каждом городе и покидая его, как только «толкач» Понятовкий снова наседал на великого визиря. Поляк, вероятно, не знал восточной мудрости, согласно которой кто понял жизнь, тот не торопится.

Но к концу июня турецкая армия появилась наконец в среднем течении Дуная, подошла ее артиллерия, отправленная морем, и Понятовский смог с гордостью доложить Карлу XII, что великий визирь будет рад его видеть у себя в качестве почетного гостя. Король, повинуясь первому порыву охвативших его радостных чувств, хотел было немедленно последовать этому приглашению, но Мюллерн с Фейфом охладили его пыл, приводя неопровержимые аргументы против такой поездки. Если султан не нашел нужным приехать к своему великому визирю, то с какой стати эту честь ему должен оказывать король Швеции? Следовать приглашению великого визиря, который еще и сам ни разу не почтил своим визитом Карла, было неразумно — создалось бы впечатление, что потентат Швеции теряет свое лицо, разменивается на мелочи и во всем этом деле выполняет сугубо подчиненную роль. Поразмыслив, король решил, что перспектива сидеть со старой канальей Мехмет-пашой в палатке и расточать любезности его совсем не радует. Да и зачем он поедет в армию, командовать которой все равно не сможет?

Итак, поездка, которая могла бы оказаться для короля чрезвычайно продуктивной, не состоялась по престижным соображениям. Ведь окажись он на месте событий, Прутский эпизод для Петра и его армии мог бы закончиться довольно плачевно, а звезда военного счастья снова бы воссияла на небосводе Карла. Он, который так мало внимания обращал на так называемые внешние обстоятельства, помпезность, этикет и протокол, который так много работал над тем, чтобы приблизить долгожданный момент расчета с царем, уступил доводам своих канцелярских чиновников и фактически поставил крест на всех своих планах. Ф. Г. Бенгтссон считает эту ошибку самой крупной и непростительной в жизни Карла XII — может быть, говорит он, только смещение короля Августа с польского трона по своему значению и последствиям сопоставимо с ней. С. Понятовский,

один из самых верных почитателей короля Карла, в 1719 году заявил, что «...если бы советники короля не отговорили его поехать к турецкой армии, то королевство Швеция, без всякого сомнения, обладало бы теперь всеми потерянными провинциями». По злой иронии судьбы, все происходило в каких-то 90 километрах от Бендер, в нескольких часах верховой езды.

Помимо крупных политических и военных последствий, к которым привел отказ Карла выехать к великому визирю на Дунай, имелись еще последствия сугубо психологические. О таких тонкостях, как психология, король, естественно, никогда не задумывался; к тому же в тот момент он не представлял себе, какие внешние события происходили на берегах Дуная и Прута, и уж тем более ему неведомо было то, что творилось в черепной коробке великого визиря. А в результате, как бы вежливо ни сформулировал король свой отказ приехать в штаб-квартиру османской армии, он глубоко задел чувствительного Мехмет-пашу. Понятовский, который вместе с крымским ханом присутствовал при чтении королевского письма, вспоминал, как Балтаджи, прочтя ответ Карла, кинул хану реплику о том, что заранее знал, что «...гордый неверный не окажет ему такой чести, как приезд в армию». Великий визирь с тех пор затаил на короля лютую злобу. Карл XII, не желая того, приобрел в его лице злого и мстительного противника. Не исключено, что вместе с Мехмет-пашой обиделся и Девлет-Гирей, потому что после этого он тоже резко переменил свое отношение к шведскому королю. Пускай Карл не почтил своим присутствием великого визиря, но ведь он не оказал чести и ему, великому и славному хану Крыма.

Подробности Прутского эпизода и сложного положения, в которое попал царь Петр со своей армией, не являются предметом нашего рассмотрения. Нас интересуют Карл XII и его поведение в этот драматичный для всех участвовавших в нем сторон момент. Отметим только, что Петр I в Молдавии в некотором смысле принял на себя неблагодарную роль своего оппонента: молдавский господарь сыграл с ним такую же шутку, как Мазепа с Карлом, а может быть, даже более злую; Девлет-Гирей в некотором роде исполнил жолкевский план царя и оставил русскую армию без провианта и воды; самонадеянность Петра и его военачальников при организации этого похода можно сравнить только с самонадеянностью короля — Полтава сыграла для Петра такую же роль, как Нарва для Карла. Когда Петр все это осознал, было уже поздно. По свидетельству датского посла Юэля, царь бегал по окруженному со всех сторон русскому лагерю и неистово бил себя кулаками в грудь.

Удача турок во многом объяснялась настойчивостью и

грамотными советами Понятовского. Великий визирь ни за что бы не решился пойти на окружение русской армии, если бы не воля Девлет-Гирея и упорная вежливость поляка, неплохого знатока военного деда. Мехмет-пашу все время приходилось успокаивать, что окруженные русские солдаты уже ничего не смогут противопоставить татаро-турецкому войску, что у них пали все лошади, что они умирают от жажды и голода и что ни в коем случае нельзя ослаблять кольцо окружения, а, наоборот, следует сжимать его все плотнее.

Положение русской армии стало безвыходным. Нельзя даже было спасти царя, как это сделали со своим королем шведы у Переволочны. А между тем кто-то на близлежащих холмах якобы уже видел Карла XII гарцующим на коне. После военного совета 21 июля 1711 года в лагерь к туркам был послан вице-канцлер П. Шафиров с предложением о перемирии. Как сообщают шведские источники, когда вице-канцлер высказал эту мысль на военном совете, царь и генералы смотрели на него изумленными глазами: какой же турок, если он не сумасшедший, может пойти на такое нелепое предложение? Но это была именно та самая соломинка, за которую хватается тонущий, — ведь ничего другого в распоряжении русской армии не было.

П. Шафиров повез к великому визирю письмо, подписанное главнокомандующим Б. П. Шереметевым. Когда русский вице-канцлер появился в палатке у Мехмет-паши, в груди того возликовало от радости: Аллах не забыл его своим вниманием! Мир с русскими и победоносное, триумфальное, немедленное возвращение в Стамбул! К черту всех этих поляков Понятовских и татарских Девлет-Гиреев с их кровожадными наклонностями. Ему эта война совсем не нужна, ему нужен почетный и скорый мир. И такой мир русские предлагают сами. Балтаджи немедленно распорядился объявить перемирие и начать переговоры о мире[213].

Понятовский на французском языке быстро набросал письмо Карлу XII и немедленно отправил в Бендеры капитана французского драгунского полка Жана Луи Буске (он в такой спешке составлял это послание, что неправильно датировал его 1710 годом). Вот его дословный перевод со шведского языка: «Сир, с величайшим почтением припадаю к коленям Вашего Величества, чтобы уведомить, что царь и вся его армия, кроме генерала Рённе с 10 тысячами всадников, местонахождение которого мне неизвестно, окружены. Царь послал к визирю предложение о мире, который он желает заключить и с Вашим Величеством. Был дан ответ, чтобы за условиями мира явился Шереметев, а в это время делаются приготовления к сражению.

Визирь пообещал мне не подписывать ничего без Вашего Величества, чье немедленное присутствие здесь или инструкции и полномочия теперь необходимы. Прошу прощения у Вашего Величества за то, что письмо исполнено на клочке бумаги, но ничего более достойного не попалось под руку, чтобы с величайшим усердием и величайшим почтением броситься к коленям Вашего Величества. Сир, остаюсь ничтожнейшим и верноподданнейшим слугой Вашего Величества. Понятовский».

22 июля в ночь Карл немедленно выехал из Бендер и всю ночь и все утро скакал до местечка Хуси, где теперь решалась его участь и судьба его заклятого врага. В 13.00 23-го числа он был на месте.

Но все уже свершилось. Король опоздал.

Балтаджи не являлся тем человеком, который нежится на мягкой постели, когда речь идет о таком важном деле, как личная безопасность и мир. Он и не подумал выполнять свое обещание, данное Понятовскому, не решать ничего без Карла XII, ибо какой же истинный правоверный держит слово, данное неверному христианину? Сразу после того как капитан Буске ускакал в Бендеры, тем же вечером 21 (10) июля великий визирь подписал документ о мире и разрешил Петру свободно увести свою армию назад, в Россию. Для охраны от возмущенных условиями мира татар великий визирь, согласно Ф. Г. Бенггссону, выделил русской армии свои войска[214]. Россия должна была возвратить туркам Азов, пропустить Карла XII через Москву в Польшу и вывести свои войска из Польши — вот и все, что великому визирю удалось получить от Шафирова.

Крымский хан от злости и досады плакал.

Понятовский рвал и метал, но ничего не мог поделать.

Карлу XII оставалось только посмотреть в хвост покидавшей свой лагерь русской армии. Он осмотрел русский лагерь и пришел к выводу, что великий визирь мог не употреблять никакой силы, для того чтобы окончательно победить русских, он мог их взять просто измором. После этого он, скрывая, возможно, свои самые горькие чувства, вернулся в турецкий лагерь и прошел в шатер к Мехмет-паше. Он вошел к нему с Понятовеким и переводчиком и сел на диван у знамени Мухаммеда. В палатке, кроме крымского хана, было много всяких военачальников, и король попросил их всех удалить, чтобы поговорить с Балтаджи наедине. Подали кофе, и между внешне безмятежным Карлом и важным и довольным Рубщиком Хвороста произошел следующий разговор (согласно Нурдбергу):

Король. Хорошую армию собрал султан.

Великий визирь. Аллах не оставил нас своей милостью.

Король. Жаль, что она не нашла себе лучшего применения.

Визирь. Теперь в этом нет необходимости, поскольку дело совершено и закончено.

Король. Я слышал, что ты заключил мир, а мои дела, вопреки обещанию султана и твоему собственному слову, при этом учтены не были.

Визирь. Я премного доволен тем, что так много приобрел для Порты.

Король. Ты мог бы приобрести в тысячу раз больше, ибо царь и вся его армия находились в твоих руках.

Визирь. Лишать врага мира, когда он его просит, противоречит закону Мухаммеда. Если бы я взял в плен царя, кто бы тогда правил его страной?

Король. Об этом тебе не стоило беспокоиться. Ты полагаешь, что твой государь будет доволен этим?

Визирь. Армия под моим командованием, и я когда хочу, тогда и заключаю мир.

После этих слов, пишет Нурдберг, король на какое-то мгновение приподнялся со своего места — вероятно, под влиянием большого и сильного желания пронзить сидевшего перед ним надменного, наглого толстяка и самодовольного тупицу своей шпагой, но тут же сел, подавив это естественное желание и осознав всю его никчемность. В конце беседы Карл XII предложил визирю дать ему небольшое войско и несколько пушек, с которыми бы он, никак не связанный условиями мира, мог бы нагнать русских и устроить им хорошенькую взбучку. Примечателен ответ Балтаджи: христианин не может управлять войском правоверных.

Голландец Савари, переводивший для короля, в своих мемуарах подробно описывает и турецкий период жизни Карла XII, и эту беседу с великим визирем, которая в основе своей полностью совпадает с версией Нурдберга, за исключением нескольких моментов. В частности, когда король упрекнул визиря в пренебрежении шведскими интересами, тот ответил, что на большее королю Швеции претендовать и не следует, потому что он тоже обещал много, но своего слова не сдержал: ведь его померанская армия так и не появилась в Польше. (На это Карл мог бы ответить, что он сделал все, что было в его силах, чтобы эта армия появилась в Польше, но тогда каким же королем он выглядел бы в глазах великого визиря, если его не слушаются собственные подданные? И король промолчал.) Тем не менее благодаря его усилиям и заключенному миру, продолжал визирь, шведский король может теперь беспрепятственно возвращаться домой через Польшу, потому что русских войск там больше не

будет. В качестве гарантии мира он взял у царя заложников — вице-канцлера Шафирова и сына фельдмаршала Шереметева[215].

На это король резонно заметил, что, возможно, Петр рискнет нарушить условия мира, поскольку посчитает его — короля Швеции — более важным лицом, нежели всех заложников вместе взятых. Король никогда не верил царю, считал его обманщиком и поэтому возвращаться домой через Польшу или Россию опасался. О просьбе Карла дать ему войско, чтобы нагнать ушедших русских, великий визирь, согласно Савари, дополнил свой ответ невнятным бормотанием о том, что он, со своей стороны, готов пойти на нарушение мусульманских законов и выполнить пожелание короля, выделив ему 40-тысячный эскорт, но уточнять или развивать эту неясную мысль не стал.

На этом, как пишет Бенгтссон, встреча Героя и Лягушки закончилась.

Исчерпан был и Прутский инцидент — весьма благополучно для Петра, очень выгодно для Балтаджи и печально для Карла XII. Его противостояние с Петром I достигло на берегах Прута, пожалуй, наивысшей точки напряжения. Больше на такую высоту их конфликт не поднимался. «Там они имели птицу в руках, — скажет попозже царь, — но больше такого не повторится».

Карл недаром спросил Балтадаш о том, доволен ли султан условиями Прутского мира. Он-то, со своей стороны, сделал все, что мог, чтобы в нужном свете представить этот мир и поведение великого визиря при его заключении. Впечатлительный султан сделал сенсационное заявление о том, что впредь он сам будет водить свое войско на войну. Мехмет-паша конечно же попытался обезопасить себя от гнева султана, особенно когда русские стали тянуть с выполнением условий мира. Он медлил с роспуском армии и отъездом из нее в Стамбул и начал закулисные интриги, чтобы удалить Карла из Турции.

Между королем и великим визирем началась настоящая тайная война, первое последствие которой шведы очень скоро почувствовали на себе: Балтаджи лишил их султанских дотаций на содержание. Но несмотря ни на что, Балтаджи долго у власти не продержался: к концу года султан послал своих людей в Адрианополь, чтобы арестовать великого визиря, забрать у него печать, заковать в железо и отправить в ссылку на Архипелаг — так назывались острова в Ионическом море. На острове Лесбос Рубщик Хвороста продержался недолго и вскоре умер — не исключено, что не без посторонней помощи. Наперсникам Мехмет-паши по Прутскому миру огрубили головы, но Юсуф-пашу, предводителя янычар в войске Балтаджи, не тронули. Янычар боялись, они могли рассердиться и сместить с трона

любого султана. Поэтому султан сделал Юсуф-пашу четвертым при Карле XII великим визирем. Юсуф-паша продержался в должности около года. Осенью 1712 года его тоже прогнали и задушили шелковым шнурком.

Пока шла вся эта чехарда с великими визирями, вышел из берегов Днестр и затопил шведский лагерь, из-за чего Карлу XII пришлось менять дислокацию. Кстати, когда шведы обосновывались в Бендерах, Карла предупредили, чтобы он не ставил свои палатки близко к воде, но он, как всегда, никого не послушал. После наводнения король 1 августа 1711 года переехал в деревню Варница, находившуюся от Бендер в четверти часа ходьбы пешком, и приказал там выстроить себе новый каменный дом. Камень, пишет Ф. Бенгтссон, редко применялся в турецкой архитектуре, а потому дом короля вызывал всеобщее любопытство. (Полагаем, любопытных просто интересовали личность самого короля и европейский стиль, в котором дом строился.) Скоро, довольно скоро дом-крепость понадобится неугомонному королю.

Глава восемнадцатая
ДЕМИРБАШ - ЖЕЛЕЗНАЯ ГОЛОВА

Король. Я не покорюсь!
Магистр Улаус. Придет другой и сломает тебя!

А. Стриндберг. Густав Васа

После падения Балтаджи Ахмед III объявил России новую войну, потому что, кроме заложников Шафирова и молодого Шереметева, никаких приобретений после Прутского мира Турция не сделала. Русские демонстративно тянули с передачей Азовской крепости и с выводом своей армии из Польши, и нужно было их хотя бы принудить к точному выполнению пунктов мирного трактата. Но до войны дело не дошло, Петру было невыгодно открывать новый — турецкий — фронт на юге, и он распорядился отдать султану наконец любимый Азов и отозвать свою армию из Польши. После этого Юсуф-паша, преемник Балтаджи, в апреле 1712 года заключил с Россией новый мир, спустя три месяца после которого Польша должна была быть свободной от русских солдат. Но время истекло, а солдаты Петра как были в Польше, так и не думали оттуда уходить. На это обстоятельство не переставал указывать султану Карл XII. Петр клятвенно заверял султана, что он неукоснительно выполняет условия мира и что сведения о присутствии русских войск являются чьей-то злонамеренной ложью. В подтверждение этого царь представил султану соответствующее свидетельство Августа Сильного.

«Злонамеренную ложь» туркам сообщил Карл XII. Пока султан решил все-таки не ссориться с королем Швеции и послал своего человека в Польшу, чтобы тот на месте убедился, кто прав. Вместе с посланником султана в поездку отравились двое верных слуг короля, переодетые, как турки: это были секретарь Клинковстрём и генерал-адъютант Стен Арвидссон Дагок-Натт (День-и-Ночь). С помощью этих шведов турецкому агенту удалось добыть нужные сведения: Польша наводнена русскими солдатами, как будто Россия и не заключала никакого мира с Портой. Тогда султан дал указание задушить шелковым шнурком Юсуф-пашу и 11 ноября (31 октября) 1712 года объявил русским новую войну. На первое время должность (пятого) великого визиря оставалась вакантной, потому что султан решил сам

исполнять его обязанности и уехал в Адрианополь с избранной частью своего обширного гарема.

Между тем из Померании прибыл шведский гонец и привез радостную и долгожданную весть о том, что шведская армия, предводительствуемая Магнусом Стенбоком, погрузилась на корабли и направляется в Померанию. Вся заслуга в том, что долгожданная шведская армия наконец вышла из Швеции, принадлежит бывшему военному комиссару каролинской армии, а ныне славному полководцу и губернатору Сконии. Магнус Стенбок сделал то, что было не под силу даже королю, пусть in absentia[216]: он заставил Госсовет наконец работать. Естественно, султан при получении этого известия приободрился, да и Карлу XII показалось тогда, что для него после непроглядного мрака наступает новый, многообещающий рассвет. Он отдал распоряжение готовиться в путь навстречу Стенбоку, а султан приказал снабдить шведов эскортом, снаряжением, провизией, лошадьми, верблюдами и «единовременным пособием» в размере 600 тысяч талеров. Татарский хан и бендерский сераскир тоже получили от Ахмеда III соответствующие инструкции и приказание в ноябре 1712 года быть готовыми к тому, чтобы сопровождать Карла XII в Польшу. Русский посол П. А. Толстой вкупе с двумя «прутскими заложниками» был заключен в тюрьму знаменитого Семибашенного замка.

Но король не мог предполагать, какие жестокие разочарования ожидали его в самое ближайшее время и что экспедиция Стенбока с самого начала была обречена на неудачу. Генерал действительно успел быстро перебросить армию в Померанию, но весь провиант для нее еще предстояло доставить из Швеции. Датский флот, который шведам не удалось уничтожить в 1700 году, проявил завидную активность: он напал на шведскую эскадру, прикрывавшую транспортировку грузов для армии Стенбока, частью разогнал ее, частью потопил, а затем захватил в плен большинство грузовых судов, державших курс на Померанию. Стенбок остался зимовать в Штральзунде без съестных припасов. На месте добыть провиант не представлялось возможным и нужно было ждать новой транспортной эскадры из Швеции. В таком положении планировать вторжение в Польшу было немыслимо. В отчаянии Стенбок пошел на заключение с русскими и саксонцами перемирия, в чем ему помог находившийся с ним король Станислав Лещинский. Дубликат польского короля, чтобы успокоить страну и антишведскую коалицию, решил отказаться от трона, о чем он хотел лично сообщить Карлу XII в Бендерах.

Снова неудача, и снова внешние обстоятельства — теперь

померанский «Прут» — перечеркнули все планы короля. Некоторые эксперты, в частности шведский профессор Стилле, полагают, что за всю Северную войну Дания не сделала большего вклада в победу тройственного альянса, нежели своей морской акцией против армии Стенбока. Карл парировал новое поражение приказами к Стенбоку и Лещинскому «плюнуть на перемирие» и вопреки всем обстоятельствам выступать с армией из Померании. Естественно, приказ остался невыполненным, потому что он был невыполним.

В этот сумбурный и суетливый период жизни Карла в Турции из Берлина прибыл посланник Фридриха I полковник Й. Ф. Эосандер и сделал королю интересное предложение: примириться с Августом Сильным и образовать антирусскую шведско-прусско-саксонскую коалицию. В этом предложении для Карла было два неприемлемых пункта: примирение с «канальей» Августом, коварно нарушившим Альтранштедтский мир, и компенсация союза с Пруссией ценой передачи ей города Эльбинга и Курляндии. Миссия Эосандера, способная круто повернуть исход Северной войны, судьбу короля и Швеции, потерпела неудачу, наткнувшись на твердую и принципиальную позицию Карла: никакого прощения предателям и никаких компенсаций за счет шведских территорий[217].

Султан между тем воспринял неудачу Карла по-своему — он посчитал себя за обманутого партнера. Вообще, как только он начал заниматься делами страны, он обнаружил, что всё его окружение состояло из одних негодяев и обманщиков: великие визири, на которых уже не хватало шелковых шнурков, слуги сераля, паши, сераскиры, изнеженные жены в гареме, янычары... Русский царь тоже пытается злоупотребить его доверием. Единственным человеком, у которого до сих пор слово не расходилось с делом, был шведский король, но и тот на поверку оказывается теперь обманщиком и нечестным игроком. Зачем Карлу XII нужно было заманивать его в войну с русскими, обещать свое участие в ней, чтобы в самый критический момент заключить с врагами перемирие? Что это за шутки за спиной Турции? Как неосмотрительно он доверился россказням своих глупых жен из гарема, прожужжавших ему все уши насчет настоящего мужчины Карла XII! И не засиделся ли шведский король у него в гостях? Может, ему уже давно пора возвращаться домой за своей армией?

29 января 1713 года Большой Диван постановил, что если король Швеции добровольно не покинет пределы империи, то его следует насильно доставить в Салоники и посадить на французский корабль. 24 января крымскому хану выслали

соответствующий фирман, а в письме от 11 февраля уже султан просил гостя удалиться.

Впрочем, Карл XII и сам уже подумывал о том, чтобы попытаться пробраться в Польшу. Эскорт для этого обещал крымский хан, вот только мешал все тот же проклятый денежный вопрос. У султана просить было неудобно, а Гротхюсен так прочно и глубоко завяз в процентах, рентах и прочих тонкостях, что никакой перспективы выбраться из них уже не просматривалось. Но король не унывал, его люди работали, и все вроде начало было устраиваться, как вдруг всех турок словно подменили: бендерский сераскир все время был не в настроении; курьеры султана стали настойчиво интересоваться датой отъезда Карла из страны; хан, расположившийся лагерем под Бендерами, вместо подготовки эскорта в Польшу стал высказывать в адрес короля угрозы применить силу. В подобной ситуации мысль об отъезде из страны была королю противна и неприемлема.

Информация о том, что же произошло в это время в Турции, скудна и противоречива. Во всем, вероятно, оказался замешан старый интриган и родственник Карла саксонский курфюрст Август, потому что именно с его коронным гетманом Синявским Деалет-Гирей последнее время неожиданно стал веста какие-то переговоры. Об этом король узнал из перехваченного с помощью Понятовского и своих славных драбантов письма хана коронному гетману. Из него следовало, что хан собирался «эскортировать» Карла до польской границы, а там бросить его и предоставить Синявскому возможность схватить его, как малого ребенка. Польза для Августа из этого предприятия просматривалась невооруженным глазом, но зачем это было нужно антирусски настроенному Девлет-Гирею? Деньги?

На самом деле неискушенный в тонкостях европейской дипломатии крымский хан попался на удочку «канальи» Августа, пообещавшего ему порвать с Петром I и вместе с Карлом XII начать войну против России. Август, ссылаясь на упрямый и несговорчивый нрав короля Швеции, предлагал Девлет-Гирею доставить его в Польшу только для переговоров, то есть к его же собственной пользе. Естественно, хан был рад помочь и Августу, и Карлу в таком хорошем деле, как борьба с Россией[218].

Обо всем этом Карл вряд ли мог догадываться, но свой отъезд из Турции он тут же отменил. Хану между тем стало известно о том, что король прознал о его сговоре с саксонцами, вследствие чего он перекрыл от Бендер к Адрианополю все дороги для шведских курьеров и держал султана в полном неведении относительно всех событий.

В этой ситуации Карл XII проявил неожиданную гибкость и

написал хану письмо, от которого сохранились лишь тезисы, набросанные лично королем:

«1. Нельзя требовать от нас невозможного, в том числе предполагать, что мы говорим неправду друг другу и что нам нужно гораздо меньше, чем мы когда-то желали, что противоречит как нашей чести, так и чести султана.

2. Если то, что нам необходимо для похода, не может быть получено, то нам надобно отпустить срок для того, чтобы... заказать это у нашей армии; после того как она разбила врага, мы можем получить это без всяких препятствий. Отказывать гостям в праве находиться на земле до тех пор, пока не будут созданы возможности покинуть ее, противоречит принципам религии.

3. Никоим образом нельзя согласиться с тем, чтобы тебя выгоняли из страны пешим, словно скот, поскольку тебя приняли уже в качестве гостя; с тем, чтобы не давать возможности султану читать предназначенные для него письма, что указывает на преднамеренную их задержку. А когда нет другого выхода, можно ожидать крайностей.

4. Пока кто-то хочет силой выставить нас из ораны, можно ясно увидеть весь хитрый ход его мыслей и намерений... выдать нас в руки врага. Для того чтобы избежать этого, мы скорее согласимся на ваш открытый произвол и переселение нас вглубь Турции, чем согласимся с предательством, которое вынашивается некоторыми людьми, о чем султан, насколько нам известно, не ведает. Впрочем, мы готовы встретить всякого, у кого возникнет соблазн прийти к нам».

В последующие недели, до февраля 1713 года, опасное давление со стороны хана и сераскира усиливалось по кем направлениям, шведам снова отказали в дотациях на проживание, что уже имело место во времена их преследований со стороны Балтаджи, а от султана прибыл новый фирман на отъезд. Но Карл XII оставался при мнении, что султан по-прежнему является его другом, что за всем этим стоят козни крымского хана и местного сераскира и что султана неправильно информируют. Он приказал своим людям сделать запасы продуктов и сена для лошадей, принять необходимые меры безопасности и спокойно ожидать событий, даже если они, как он написал хану, примут самый крайний оборот.

В начале февраля 1713 года в Адрианополь, где находился Ахмед III, пришло известие о том, что шведы на самом деле собираются воевать серьезно: перемирие в Померании кончилось, и Стенбок, блокированный союзническими армиями на пути к Польше, осенью 1712 года двинулся в Мекленбург и в начале декабря одержал убедительную победу под Гадебушем над

датско-саксонским войском. Но великий визирь, который в этот момент носил имя Сулейман-паши, продолжал содержать шведского посланника полковника Функа и двух королевских генерал-адъютантов под арестом, проводил линию на травлю и подстрекательство в отношении шведов и умышленно не пропускал к султану вести о шведской победе, давая, вероятно, возможность назреть событиям в Бевдерах.

Султан собрал Большой Диван, на котором было принято решение предоставить крымскому хану и бендерскому сераскиру в отношении короля Швеции полную свободу действий, поскольку король продолжал откладывать свой выезд из страны. Однако сразу после Большого Дивана султан каким-то образом узнал о шведской победе под Гадебушем, и вслед за первым курьером, доставившим в Бендеры упомянутый выше фирман Большого Дивана, послал второго, чтобы уведомить Карла, что все недоразумения, к счастью, рассеялись и что он по-прежнему благожелательно настроен к шведам. К сожалению, второй гонец прибыл в Бендеры слишком поздно, чтобы изменить ход событий.

... В пятницу 10 февраля до шведов дошли слухи о скором нападении на них турок. «Новые Бендеры» — дом Карла XII, уже окруженный валами и шанцами, стали укреплять дополнительно. Укрепления шведов представляли собой комплекс расположенных на площади строений с домом короля в самом центре. Здания по окружности соединялись оборонительными линиями, причем расстояние между домами было довольно большим. Когда отношение турок к шведам резко изменилось в худшую сторону, все поляки и украинцы ушли и отдали себя под покровительство сераскира. Шведы, вытесненные к этому времени из лагеря в Варнице, обосновались вокруг «Новых Бендер». Король также приказал вооружить весь свой персонал — от поварят, ординарцев и денщиков до секретарей канцелярии, и в результате получился то ли слишком большой батальон, то ли неполный полк — около тысячи человек[219].

В субботу в 10.00 турки сделали по дому 27 пушечных выстрелов, но почти никакого вреда «Новым Бендерам» не причинили. После этого они с воинственными криками пошли на приступ, но тут же повернули назад. Это была демонстрация силы: ни хан, ни сераскир не хотели доводить дело до кровопролития. Янычары большого желания выступать против короля, которого они успели полюбить, тоже не испытывали. Вернувшись в город, они стали громко выкрикивать требования к сераскиру показать письмо султана, предписывающее им выступить с оружием против Карла XII. После «митинга» янычары сняли осаду и удалились в город.

В воскресенье, 12 февраля, шведы собрались в церкви на проповедь, когда поступили сообщения о том, что турки появились снова. Службу прервали, и все разошлись по своим местам согласно боевому предписанию, составленному лично королем. На этот раз стало ясно, что турки пришли с самыми серьезными намерениями. Они выслали делегацию примерно из 50 янычар и предложили королю сдаться, чтобы они якобы беспрепятственно могли доставить его к султану. Карл XII, естественно, ответил отказом и приказал трубить боевую тревогу. Янычары сокрушенно покачивали головами и говорили, что король Швеции сошел с ума.

Некоторые из офицеров, трезво оценивавшие ситуацию, и голштинский посланник Фабрис, уверявший Карла в подлинности указания султана, попытались отговорить его от «глупостей», но король оставался непреклонен; султан ничего не знает, все является делом рук хана и бендерского сераскира. «Я знаю точно, что делаю, — сказал он. — В данном случае иного выхода нет. Нас предали. Лучше всего для нас — защищаться, как подобает храбрым мужчинам... они хотят нас запугать, чтобы мы покорились их силе».

Когда янычары приблизились к шканцам, у шведов создалось впечатление, что все должно пройти по обычному сценарию: они покричат, постреляют в воздух и разойдутся. Так оно на первых порах и произошло: янычары кричали и стреляли в воздух, а потом бросились на приступ. Защитники внешних укреплений дома никакого сопротивления им не оказали. Янычары ворвались во двор и набросились на изумленных шведов, схватили их и разоружили. Впрочем, многие из защитников, в особенности старшие офицеры, по-прежнему горячего желания участвовать в этой бесполезной драке не испытывали и охотно позволили османцам себя увести. Они хорошо понимали, что горстка шведов против нескольких тысяч турок и татар, вооруженных к тому же артиллерией, сделать ничего не сможет. Какой смысл лезть на рожон? Не так думал Карл XII. Такое поведение он всячески осуждал и не понимал, как можно отказываться от такого случая, когда каждый мужчина мог бы подтвердить свою репутацию храброго и честного воина.

Оставался невзятым дом короля, защитниками которого в основном были его придворные. Когда на площадь прискакал Карл XII и обнаружил, что первая оборонительная линия пала, всех ее защитников (около 500 человек) турки куда-то уже уводят, а вокруг начинает разворачиваться грабеж и погром, он повернул коня и, преследуемый толпой янычар (сераскир пообещал 8 дукатов тому, кто возьмет короля живым), направился к своему

дому. Там уже шла рукопашная схватка. Он спрыгнул с коня и отпустил его во двор. К нему тут же подскочил какой-то турок и схватил за руку, но Карл вывернулся и с такой силой оттолкнул его от себя, что зашатался и чуть не упал на спину. Вокруг него сразу образовалась свалка из шведов и янычар, но король уже встал на ноги. Раздался выстрел, и пуля, выпущенная с близкого расстояния в Хорда (он был ранен и взят в плен), поцарапала Карлу переносицу и оторвала кусочек мочки уха. Это была его третья пуля.

Драбант Аксель Руус обхватил короля сзади за туловище и поволок его ко входу в дом. Но король сопротивлялся и просил его «...оставить ненадолго во дворе, чтобы посмотреть, что турки будут делать дальше». В конце концов он сдался, вошел в дом и дверь забаррикадировали. С ним находились несколько драбантов, польский полковник Киприан Урбанович, камергер Густав Клюсендорф, гоф-юнкер Юхан фон Пальменберг и секретарь канцелярии Карл Дидрих Эренпройсс, а также несколько офицеров и сержантов армии. Храбро сражались также слуги Гротхюсена и Спарре. Последним в дом вошел Круселль, который спустя 29 лет живо описал события в доме: «Майор Фоллин и его команда со мной вместе сделали попытку помочь королю и защитникам его дома, но встретили на пути турецких пехотинцев, которые взяли в плен всех наших и застрелили майора. Я один, раненный саблей в лицо, потеряв два зуба, прижавшись спиной к стене уже запертого королевского дома и какое-то время вынужденный сам защищаться от турок, пробился через неприятеля к королю... В доме меня во время всех приступов перевязать не успели, и Е. В. дважды любезно обращался ко мне. Когда я снова (во время последнего турецкого приступа на дом) был ранен в лицо, и было повреждено... горло, в конце концов, полумертвый, я оказался у ног короля; король сжалился надо мной и приказал перевязать, и я так и остался лежать на полу, пока турки не ворвались в горящий дом».

Когда Карл вошел в дом, там уже было полно турок — особенно в большом зале, — занятых грабежом. Шведы все заперлись в боковой комнате, к ним он сразу и присоединился. Защитники были разбиты на семь групп, во главе которых стояли офицеры, в каждой группе было по шесть-семь человек. Из этой комнаты живыми вышли 30 человек. Сохранился список этих людей. Все они в 1715 году по приказанию короля в Штральзунде получили за геройское поведение в этой схватке по 10 золотых дукатов. С 40 офицерами, солдатами и слугами вряд ли что-то можно было предпринять против целого войска, пусть даже турецкого, но короля это не смущало. Он хотел доказать всем

этим туркам и татарам, на что способны храбрые шведы. И доказал.

... Двери отворились, и шведы ворвались в большой зал. Здесь было где развернуться с пистолетом и шпагой. Потом с обеих сторон раздались мушкетные залпы, зал заволокло дымом, и для сражавшихся были видны лишь свои ноги и ноги противника. На Карла сразу напал какой-то турок, но его тут же застрелил повар Акселя Спарре. Потом за спиной короля занес саблю еще какой-то янычар, его удар парировал карабином драбант Чаммер, но шапка короля из меха выдры была пробита (день выдался холодный, и король вопреки своим привычкам был в головном уборе).

Скоро турки, оставив своих раненых и убитых, не выдержали натиска шведов и очистили зал, выскочив через окна и двери наружу. Вслед за этим от них освободили еще пару комнат, а потом и весь дом. У окон расставили стрелков, и они сразу открыли огонь по туркам, скопившимся на площади и готовившимся к новому приступу. В это время к драбанту А. Руусу подошел солдат и сообщил, что куда-то исчез король. Руус кинулся на поиски и нашел короля в комнате гофмаршала Дюбена. Карл XII оказался там в «обществе» трех турецких головорезов, отнюдь не испытывавших по отношению к нему добрых намерений. Король поднял обе руки высоко над головой, держа в правой шпагу и готовясь отбить их нападение. Руус выхватил пистолет и выстрелил в турка, стоявшего к двери спиной. Король сначала не узнал, кто пришел, потому что комната наполнилась пороховым дымом, и, не поворачиваясь на выстрел, быстро опустил руку и проколол второго турка шпагой. Третьего уже прикончил драбант Руус. И тут только король узнал своего спасителя и произнес: «Руус, это ты меня спас?» — «С Божьей помощью мне посчастливилось», — ответил тот. Карл похлопал его по плечу и сказал: «Я вижу, что вы, Руус, меня не оставили».

Кроме прежних ран, из которых кровь текла по лицу, король получил еще одну: когда он схватился с тремя турками, ему пришлось отражать удар турецкой сабли; схватившись левой рукой за клинок, он порезал руку между большим и указательным пальцами. Король вытер кровь с лица своим платком, а Руус перевязал ему руку своим. Выходя из комнаты, Карл спросил: как же так получилось, что все его бросили и он остался один, на что драбант спокойно ответил, что все либо ранены, либо убиты, либо взяты в плен.

Турки в это время подтянули артиллерию и стали обстреливать дом, правда, не причиняя ему особого вреда, потому

что оштукатуренные стены не трескались и не разрушались, пушечные ядра пробивали в них дыры, но дом продолжал стоять. Из дома отвечали ружейными выстрелами, и Карл, всегда предпочитавший рукопашную схватку стрельбе, ходил по дому с порохом и шляпой, полной свинцовых пуль, и раздавал их стрелкам.

Прошло несколько часов, а ситуация оставалась прежней. Короткий зимний день заканчивался, начинались сумерки. За событиями со стороны — из дома капитана Джеффри — наблюдали хозяин дома, Фабрис и переодетый под татарина французский гугенот ля Монтрайё. Турки их не трогали. Наконец нападавшим надоела вся эта возня, в которой они никак не могли справиться с горсткой неверных, и они стали стрелять по крыше дома горящими стрелами. Какая-то группа янычар подкралась к углу дома и запалила несколько охапок сена. Прежде чем защитники успели что-либо заметить, крышу охватил огонь. Король с несколькими людьми поднялся на чердак, чтобы посмотреть, можно ли было потушить пожар, но ни воды, ни каких иных подручных средств для тушения огня не нашлось. Шпагами и мушкетами оторвали от крыши несколько досок, но огонь быстро распространялся по всему дому, находя себе пишу среди сложенных на чердаке дорогих подарков султана и экспонатов, привезенных каролинскими офицерами из экспедиций на Средний Восток, К тому же турки стали вести сильный огонь по крыше, и все попытки потушить пожар пришлось прекратить.

Король и сопровождавшие его люди накрыли головы мундирами и камзолами и через бушующее пламя с трудом могли снова спрыгнуть на лестницу и спуститься вниз. Двоих шведов турки подстрелили, и их оставили на горящем чердаке. Лестница почти вся сгорела, и пришлось в горящей одежде прыгать через проем на пол. Королю неожиданно захотелось пить, но поскольку в доме воды не было, он выпил большой бокал вина. С потолка стали падать горящие доски и балки, и пламя распространилось по фронтону. Огонь наступал по всему дому, и Карл с оставшимися защитниками был вынужден уступать ему одну комнату за другой, пока все, опаленные, наглотавшиеся дыма и обессиленные от жары, не собрались в последнем помещении. Кто-то сказал, что наступило время сдаваться, но король, пребывавший в весьма возбужденном состоянии, не желал и слышать об этом. Он сказал, что сдаваться ни при каких обстоятельствах не намерен.

Пока продолжалась перестрелка, а в комнате стал сыпаться сгоревший потолок, возникла опасность, что шведы перестреляют

друг друга, потому что огонь вызвал несколько самопроизвольных выстрелов из мушкетов. Когда дышать стало уже совсем нечем, открыли внешнюю дверь помещения и король крикнул: «Давайте сопротивляться, пока они нас не возьмут живыми или мертвыми!» — и все выскочили на двор навстречу пулям. Королю пришла в голову идея отступить в недостроенное здание канцелярии, находившееся неподалеку от дома. С пистолетом в одной руке и со шпагой — в другой он побежал к канцелярии, за ним последовали остальные. Со всех сторон на них кинулись турки. Карл задел ногой чьи-то шпоры, споткнулся и упал. Лейтенант Улоф Оберг, находившийся ближе всех к королю, бросился на него и накрыл своим телом. На них навалилась целая куча турок. Оберга, получившего по голове удар саблей, турки быстро оттащили в сторону. Из руки короля вывернули шпагу и стали рвать на клочки его камзол, чтобы получить материальное подтверждение на получение вознаграждения от сераскира. Всех остальных шведов тоже быстро разоружили, лишили одежды и всех личных вещей. «Это произошло в восемь часов вечера, — вспоминал Аксель Руус. — с тех пор как Его Величество и все мы, кому посчастливилось целых восемь часов быть с ним рядом, храбро сражались с самого начала до конца».

Когда король поднялся на ноги, то первым делом спросил, в чьи руки он попал. Узнав, что это были турки, он сразу успокоился. Король испытывал явное недоверие к татарам и оказаться в их руках не хотел.

Бой кончился. Особым кровопролитием он вроде бы не отличался: кроме майора Фоллина, никто из шведских офицеров не погиб, но зато были убиты два камергера, несколько солдат и слуг (число погибших, по разным подсчетам, колеблется от 12 до 15). Потери турок составляли около 200 человек. Утверждали, что Карл XII лично уложил в бою несколько нападавших, но сам он помнит только трех.

Как только у короля вырвали шпагу, к нему сразу вернулись спокойствие и отрешенность. Задушенный дымом, обожженный пламенем, пропахший порохом и кровью, с опаленными бровями и разорванной в клочья одеждой, он позволил туркам отнести себя к сераскиру Бендер Исмаилу-паше. Фабрис пишет, что, несмотря на драматизм ситуации, он не смог сдержать смеха, когда увидел, как янычары торжественно несли короля на руках. Головы, руки и тело каждого янычара украшали головные уборы или клочки одежды шведов, и со стороны они походили на шутов.

Исмаил-паша принял Карла с подчеркнутым почтением и вежливостью и предложил место на диване. Король при виде турка иронично произнес: «Браво, браво!» — сесть отказался и

разговаривал с турком стоя. Во время заключительной свалки во дворе ему сломали правую ногу, но король никогда никому об этом не говорил[220]. Он равнодушно выслушал комплименты сераскира, касавшиеся его военного подвига, и ответил, что «…все это было слишком много для шутки, но слишком мало для серьезного дела», ибо если бы все шведы приняли в обороне дома участие, то турки не одолели бы их и за десять дней. Потом Карл попросил воды и мыла, ему накрыли стол, он поел и сразу заснул. Исмаил-паша шведской иронии не понял, но уже выпустил пленных Гротхюсена и майора гвардии Бенгта Риббинга и разрешил им скрасить одиночество Карла.

Девлет-Гирей тщательно избегал встречи с королем, потому что в это время его одолевали другие мысли — как оправдаться перед султаном за нарушение его инструкций. Его подданные тоже принимали участие в осаде королевского дома. Долго мучиться хану, однако, не пришлось: султан прогнал его с трона и сослал на Архипелаг. Недолго находился на своей должности и великий визирь Сулейман-паша, хотя шелкового шнурка для него султан почему-то пожалел. Сераскир Исмаил-паша тоже доставил большую радость всем шведам: он скоро отправился в тюрьму, потом был перевезен в Синоп, а два года спустя после замятии его голова была выставлена на колу перед воротами сераля. Но к тому времени ни радостных, ни печальных шведов в стране уже не было.

Когда голштинец Фабрис 13 февраля получил у Карла аудиенцию, он нашел его радостным и довольным, «…как будто имел в своей власти всех турок и татар». Было похоже, что короля увезут вглубь страны, поближе к Адрианополю или Салоникам. Короля это мало волновало, он только попросил содействия Фабриса в освобождении всех захваченных в плен шведов. Фабрис потребовал от сераскира тут же вернуть Карлу шпагу, но Исмаил-паша категорически отказался сделать это под предлогом, что «…король снова примется за драку».

Судьба строго отнеслась к Карлу XII: с момента перехода через Днепр до так называемой замятии в его жизни не было никаких внешне заметных событий. Разве можно считать событием его подковерную борьбу с третьим великим визирем? Но калыбалык в Бендерах снова заставил Европу вспомнить о шведском короле и говорить о нем с почтением и уважением, смешанным с восхищением и откровенным недоумением. С точки зрения нормального, среднестатистического человека того, да и нашего времени, это событие можно отнести к разряду самых безумных и безрассудных. Со стороны можно было подумать, что король сошел с ума.

Но только со стороны. Вникнув в суть его характера и в содержание последних лет жизни в Турции, можно прийти к выводу, что, во-первых, Карл XII находился в полном здравии и рассудке и после долгого перерыва снова показал свой истинный характер, а во-вторых, эпизод этот логически вытекал из предыдущей жизни короля. После Ворсклы наступил длительный период неподвижности и болезни, на короля обрушился целый град личных и государственных невзгод — одно их перечисление заполнит полстраницы текста, и читатель, добравшийся до этих строк, наверняка помнит о них. Его последние надежды на реванш с Россией только что рухнули окончательно и безнадежно. Карл не мог не отдавать себе отчета в том, что многие просчеты и ошибки произошли по его собственной вине — взять хотя бы отказ приехать по вызову Понятовского в турецкую армию на Дунае. Прутскую драму он, вероятно, не мог простить себе из-за того, что послушался своих советников, обыкновенных канцелярских крыс, мысливших стандартно и шаблонно. И он устал от тех самых внешних обстоятельств, которые он всегда презирал и которые стали определять его жизнь. Бендерская свалка — это взрыв всего накопившегося и наболевшего, это своеобразный протест против всех, кто в него не верил, изменил ему или забыл о нем, это вызов внешним обстоятельствам, которые никогда не мешали ему добиваться своего. В Бендерах представился случай, и король довел его до логического конца, до абсурда. Он потерпел поражение перед лицом грубой силы, но одержал над ней внушительную моральную победу и заставил и современников, и потомков говорить о себе как о настоящем герое. Один из офицеров, увидев короля через несколько дней после описанных событий, заплакал. Король осведомился о причинах, и тот признался, что от янычар узнал о королевском безумии. «Ах, вот оно что! — ответил Карл. — Скажи им в следующий раз, если они заговорят об этом, что я лучше буду сумасшедшим, чем трусом».

Бендерский калыбалык никаких политических и военных дивидендов королю не принес, после него он стал самым настоящим турецким пленником. Но зато король сделал последний яркий штрих в саге о своей жизни. Больше такого случая ему не представится. Он станет последним королем, который лично принимал участие в рукопашных схватках. Он станет последним королем, защищавшим свой горящий дом от нападения. Он станет последним королем, который погибнет на поле боя. Он станет последним королем в Европе, о котором будут складывать легенды, как о конунгах древних викингов.

...17 февраля 1713 года короля, завернутого в красный плащ,

вынесли из дома сераскира и уложили в карету. (Всю дорогу и всё последующее время Карл проведет в лежачем положении.) Рядом с ним пристроили его шпагу — сераскир все-таки пошел на риск и вернул ему личное оружие. Короля сопровождали 80 шведов и 300 янычар, остальные шведы под присмотром и началом А. Спарре оставались в Бендерах. Путь короля лежал на юг. Несмотря на то что он ехал в карете, настроение у Карла было хорошее. Дж. Джеффри смотрел на положение Карла иначе: «Я не могу описать, зрителем какой печальной картины пришлось стать мне — мне, который видел этого правителя в дни его славы и блеска, когда он был пугалом чуть ли не для всей Европы, а теперь пал так низко и стал предметом презрения и насмешки для турок и неверных».

Остается загадкой, кто распорядился удалить Карла из Бендер. Султан просто физически не имел времени как-то ответить на последние события; хан формально не имел на это полномочий и был занят своими проблемами. Скорее всего, это сделал на свой страх и риск сераскир Исмаил-паша, которому дальнейшее пребывание шведского короля представлялось опасным. Пока конечной целью поездки были Салоники, но после вмешательства С. Понятовского, получившего от Карла письмо и проинформировавшего султана о бедственном положении короля, шведам определили место жительства в городе Демотика, в 40 километрах к югу от Адрианополя. Султан, находившийся под влиянием фаворитов, и прежде всего своей матери, расположенной к Карлу XII[221], вникал пока в то, что произошло в Бендерах, а потому время для личной встречи с королем еще не подошло. Но близкая расправа с виновниками преследований Карла была уже не за горами.

После калыбалыка Карл заболел и в течение одиннадцати месяцев не вставал с постели. Вот на сей раз для него действительно наступили дни ленивой собаки! Он лежал днем и ночью, сняв только верхний сюртук и сапоги, перекатывался на соседний диван, когда меняли постель, и принимал пищу лежа. Основным развлечением были сказки, которые рассказывал Хюльтман. Официально король считался бальным, но на самом деле, как пишет Лильегрен, им, скорее всего, снова овладела депрессия. Слишком велика была нагрузка последних лет, и она сказалась даже на таком железном организме, как у короля Швеции.

… Скорость передвижения кортежа из Бендер в Демотику полностью зависела от короля, а он ехал не торопясь, пока, наконец, 17 марта не добрался до места. Зачинщики Бендерской замятии к этому времени были уже наказаны, и шестой визирь —

Ибрагим-паша — готовился приветствовать короля Швеции, пригласив его в соседний город Тимурташ (Демирташ). Король прибыл в Тимурташ 23 апреля и поселился в местном замке. Ибрагим-паша к этому времени кое-как успел войти в круг своих обязанностей. Он созвал массу своих друзей, пожелавших посмотреть на короля Швеции, выступил из Адрианополя с большой и пышной процессией, разбил в поле роскошный шатер и пригласил короля к себе в гости. Король, никогда ранее не встречавшийся с турецкими чиновниками, извинился и сказался больным. Но великий визирь настаивал на приглашении, и тогда Карл осведомился у него, будет ли в его обществе султан, дав понять, что без султана ему там делать нечего. Султан, естественно, не появился, и Ибрагим-паше пришлось ни с чем убираться домой. Султан, рассерженный на неловкие действия великого визиря, дал указание задушить его, так что шестой великий визирь находился при исполнении своих обязанностей всего двадцать один день.

9 июня 1713 года в Тимурташ с письмом Госсовета из Стокгольма прибыл Самюэль Окерхъельм. Для честолюбивого 28-летнего шведского чиновника и зятя К. Фейфа встреча с королем была настоящим шоком. Он нашел Карла XII «..лежащим по нездоровью не на роскошной королевской кровати, а на матраце на полу в верхней одежде, что сначала мне показалось довольно необычным и поразило в самое сердце». С. Окерхъельм доложил о плачевном состоянии отечества и остался в Турции работать секретарем в королевской полевой канцелярии.

Лежачий король даже успел осуществить реорганизацию своей канцелярии: он разделил ее на шесть экспедиций, поставив во главе каждой из них советника, подчинявшегося лично ему и никому другому. Самой главной экспедицией стала так называемая ревизионная, заведующего которой стали звать «верховным омбудсманном» и которая контролировала исполнение всех указаний и предписаний короля и выполняла роль его рупора по юридическим вопросам. Три экспедиции занимались внутри-, а две — внешнеполитическими делами.

Султан, довольно деятельно занимавшийся подготовкой войны с Россией, по совету своих жен решил обходиться снова без великого визиря — вероятно, потому, что ни один из них не мог установить нормальных отношений со шведским королем. Ближайшим своим помощником он сделал каймакана Али-пашу, женив его та своей девятилетней дочери. Ситуация в некотором смысле снова стала выглядеть для Карла XII довольно благоприятной. Но это была иллюзия, ибо общеевропейское положение складывалось далеко не в его пользу. Гадебуш блеснул

яркой звездой на небосводе Швеции и скоро погас. Стенбок так и не смог прорваться в Польшу, и вместо этого он выступил на запад, в Голштинию. К новому году, вероятно, находясь в мрачном настроении, он сжег немецкий город Альтону, наполненный саксонцами и русскими, а потом, уступая численному превосходству противника, заперся в крепости Тённинген, в которой голодал до мая 1714 года, а потом капитулировал. Для Карла XII это было окончательное и бесповоротное крушение всяких надежд на будущее.

Вместе с гибелью армии Стенбока пыл к войне с Россией у турок мгновенно угас. Король Швеции уже не представлял для Блистательной Порты никакого практического интереса. К тому же заканчивалась война за испанское наследство, и Австрия, сильная в глазах турок держава, развязывала себе руки. Мир с Россией стал для султана насущной необходимостью. Посла П. А. Толстого приказали из Семибашенной тюрьмы освободить, привести в порядок, накормить и доставить на переговоры в Адрианополь. Каймакан Али-паша оказался энергичным и деловым чиновником, и султан снова вернулся к гаремным делам, а в июне 1714 года, сразу после капитуляции армии Стенбока в Тённингене, между Россией и Турцией был заключен новый мирный договор.

Как нельзя некстати в Турции в это время «зашевелил крылышками» бабочка-король Станислав Лещинский. Он прибыл сюда еще до Бендерской замятии и изложил королю свою идею об отречении от трона. Король тогда дружески посоветовал ему «не дурить» и «выбросить эту мысль из головы». Позже Лещинский уехал в Яссы, потом в Бендеры, так что туркам пришлось присматривать еще за одним неприкаянным королем. В первую очередь туркам захотелось избавиться от толпы поляков и украинских казаков, гуртовавшихся вокруг шведского короля, и они предложили Лещинскому забрать их с собой в Польшу. С этой целью турки снарядили к польской границе экспедицию, в которой принял участие и Станислав Лещинский. Строились планы с его помощью поднять в Польше против русских и саксонцев восстание. Появление мнимого короля на границе своего мнимого государства никакого восстания против Августа и Петра, естественно, не вызвало, и идея провалилась. Зато турки скоро договорились с Августом. Лещинский же после этого отправился «порхать» по Европе.

Пришлось и Карлу XII, как ни горько было сознавать свое поражение во всей польской политике, делать попытки примирения с Августом — правда, в обмен на совместный союз против России. Но было уже поздно: Швеция и ее король

представлялись Августу битой картой, и ничего путного из этих переговоров для шведов не вышло. Как бы то ни было, а пришло время, когда стало не до чужих корон, и нужно было позаботиться о собственной. Из Стокгольма доходили глухие вести о том, что после бендерских событий, когда король стал фактически пленником султана, в стране начались разговоры о необходимости предпринять какие-то шаги, раз Швеция теперь надолго осталась без короля. Как назло, Карл заболел малярией и шесть недель находился между жизнью и смертью. Местность под Тимурташем оказалась гнилая, и многие из шведов уже отдали Богу душу. Но король выжил, его здоровый организм перенес и эту болезнь.

14 ноября турки предложили Карлу переехать в Демотику. Перед Рождеством 1713 года Карла в Демотике навестил его знакомый переводчик Савари. Лежащий на полу король спросил голландца о последних новостях, и тот сказал, что самой последней новостью были слухи о том, что король Швеции не будет вставать с постели целый год. «Король выслушал это с кривой усмешкой», — записал Савари в своих мемуарах. Короля вдруг проняло: сразу после ухода Савари он послал за гофмаршалом Дюбеном и приказал подать мундир и оседлать коня. Карл всегда поступал вопреки и наперекор.

Самой главной проблемой в этот период для короля стали деньги. От отца Карл XII унаследовал такие черты, как суровость, хладнокровие, склонность к тайнам и секретам, чувство долга и способность быстро принимать решение. К сожалению, он не перенял у него экономности и бережливости и в этом смысле пошел в мать. Карл не то что тратил деньга, он сорил ими направо и налево. И это при том, что из Стокгольма он за все годы пребывания в Турции практически не получил ни талера, но зато успел влезть в долга к султану. Поэтому добывание денег было все эти годы основным занятием шведов. Деньги уходили на подарки, взятки и подкупы турецких чиновников и иностранных дипломатов, их всегда не хватало. Нехватка их сказывалась особенно остро в 1714 году, когда, как писал голштинец Фабрис, шведы забыли, как выглядят монеты: круглыми или квадратными. К концу пребывания короля Швеции в «гостях» у Ахмеда III его долг туркам составил 2,5 миллиона талеров, или половину годового дохода Швеции!

Между тем турки стали откровенно демонстрировать свое пренебрежительное отношение к Карлу XII и политике Швеции. Заключив в Адрианополе 25-летний мир с Россией, Порта направляла теперь свои усилия на то, чтобы урегулировать свои отношения с Польшей. В апреле 1714 года Турция признала

Августа II королем Польши и от активной европейской политики устранилась. Заинтересованности в том, чтобы продолжать удерживать короля в качестве своего пленника, у султана уже не было, тем более что содержание короля Швеции обходилось турецкой казне недешево. Предусмотрительный Али-паша на всякий случай решил «придержать» Карла XII до зимы, пока между турками и поляками не будет заключен мир, а Понятовскому он прямо заявил, чтобы в будущем шведы его всякими просьбами больше не донимали. Спустя несколько дней после возвращения короля Швеции в Демотику султан перебрался в Стамбул, тем самым как бы подчеркнуто увеличивая возникшую между ним и королем дистанцию. Личной встречи между монархами за пять лет так и не произошло: султан не соизволил пригласить короля, а король, который в Турции стал обостренно воспринимать свое достоинство и честь, на прием не напрашивался.

Карл XII превращался в разменную монету, и он не мог не осознавать этого сам. В Турции его ничто уже больше не держало, весь запас надежд и планов был исчерпан, в то время как в самой Швеции все готово было вот-вот рухнуть. Петр I стал теперь для Карла недосягаемым; царь свободно и беспрепятственно занимался своими прибалтийскими и финскими делами. Датчане в Тённингене взяли в плен последние остатки шведской армии и теперь подумывали уже о том, чтобы приступить к дележу шведских заморских владений. Пруссия хотела получить Штеттин, Ганновер» Бремен и Верден, так что в скором времени нужно было ожидать присоединения этих германских государств к антишведской коалиции. Весной 1714 года в Раштатте Австрия и Франция заключили между собой мир, и Карл начал изучать возможности для возвращения домой через территорию Австрии и Германии.

По польско-турецкому соглашению, ему разрешалось проехать транзитом через Польшу на Данциг, но Карлу эта перспектива показалась слишком рискованной — он опасался волнений поляков и козней со стороны своего саксонского кузена, который понимал, что если весной шведский король вернется на родину, то к осени его можно будет ждать с новой армией в Польше. Старый и опытный интриган Август II затеял с Али-пашой переговоры и внушил турку мысль о готовности пойти на сепаратный мир со Швецией и союз с Карлом XII, но при посредничестве какого-нибудь влиятельного лица. Лучше, чем Али-паша, Августу посредника не найти, а удачное посредничество, несомненно, поднимет авторитет великого визиря в глазах султана. Август предложил Али-паше направить в

Дрезден специального посланника, чтобы незамедлительно начать переговоры. Великий визирь, подобно крымскому хану, поверил Августу и послал к нему в качестве своего представителя какого-то татарского мурзу. Татарин долго и упорно пытался найти себе применение в Дрездене, но был вынужден вернуться в Стамбул с пустыми руками и сообщением, что проект Августа на поверку оказался всего лишь шуткой.

Таким образом, пока происходила вся эта возня вокруг предложения Августа, прошло много времени, и отъезд Карла XII из Турции благодаря кузену был перенесен на более поздний срок. К 1714 году тем не менее никаких препятствий для отъезда короля домой уже не было. Карл VI, император Австрийской империи (Иосиф I умер в 1711 году), согласился пропустить короля Швеции через свою страну.

До Демотики дошли известия о больших успехах русской армии в Финляндии. Практически вся страна находилась уже во власти царя Петра. Малочисленная и плохо вооруженная армия Карла Густава Армфельта, сменившего Г. Любекера, отступила на север. Карл отнесся к известию с безразличным спокойствием, посоветовав своим военным применить в Финляндии тактику выжженной земли, которой придерживался Петр I во время его русского похода в 1707—1708 годах.

В марте 1714 года в Демотику прибыл новый посланец из Стокгольма — полковник Ханс Хенрик фон Ливен, на которого и королевская семья, и Госсовет возлагали большие надежды: он должен был уговорить короля вернуться домой. Страна уже больше не могла позволить себе, чтобы ею руководили из Турции, каждый приказ или указание короля доходило до исполнителей не ранее чем через три месяца. Рассерженный А. Хорн решил в декабре 1714 года созвать, наконец, риксдаг и попытаться в качестве временного правителя страны утвердить принцессу Ульрику Элеонору. Об этом и доложил королю фон Ливен. История сохранила диалог Карла XII с полковником в записи последнего. Начинает король:

— Ливен, скажите, кто первым предложил созвать сословия (то есть риксдаг)?

— Это я не могу сказать, В. В. Вероятно, принцесса. В качестве причины приводится нехватка денег (в казне). Люди много болтают.

— Вы должны сказать мне правду.

— Что мне сказать, В. В.? Швеции нужен правитель. В стране считают, что В. В. не годится жить у турок. Враги завоевывают провинции, и В. В. теряет свои земли.

— А кто посоветовал принцессе войти в совет?

— Это сделали сословия, и было бы лучше, если бы принцесса вошла туда, пока сословия не приняли какие-нибудь еще меры.

— Что за меры?

— Мне сложно говорить о том, что у народа на уме. В. В. уже более двенадцати лет не было в стране. Большие люди хотят советовать, но маленькие люди их не слушают. И так, как дело обстоит сейчас, долго продолжаться не может.

— Мы сразу вернемся в Швецию, как только с уверенностью сможем говорить об условиях отъезда.

— Это «сразу» не должно длиться долго, ибо В. В. не знает всех обстоятельств. Некоторые люди считают, что поскольку В. В. отсутствует, то они вольны мыслить, о чем им захочется. Они не верят, когда им говорят, что В. В, не может проехать, потому что В. В. грозит опасность..,

— Сословия не могут уполномочивать кого бы то ни было помимо нашей вот.

— Я тоже так считаю, но поскольку В. В. находится далеко от дома, то война давит на людей больше, чем это было бы в присутствии их любимого короля. Поэтому народ дома обескуражен, а когда собираются много обескураженных, то решения принимаются не всегда самые правильные,

— Как дело обстоит с армией?

— Все не так, как было в то время, когда мы входили в Саксонию. Но как только В. В. вернется домой, В. В. найдет тех же людей, те же сердца, хотя не так хорошо вооруженных и подготовленных... Дюккер в Штральзунде, там без него нельзя обойтись. Стенбок в плену. Приказы совета не всегда точны, никто не хочет рисковать своей головой. Положение отчаянное, половина государства в руках врагов. Потеряем Померанию, и В. В. не сможет вернуться домой. Шведы не хотят быть ни датчанами, ни русскими подданными. Они говорят: был бы у нас вождь, мы бы снова поднялись на ноги. Отчаяние и ему подобные настроения могут иметь последствия, которые В. В. может сам предугадать...

— Что это значит?

— Эго означает следующее: внутри страны голод, дороговизна и чума, со всех сторон угрожает враг, и если не оправдаются надежды народа увидеть В. В. в своем отечестве, велика опасность того, что он изберет себе правителя ad interim[222]. В шведской истории можно прочитать о многих революциях, и только Господь Бог знает, что может произойти, если это случится. Да минет меня немилость В. В., я припадаю к ногам В. В. и умоляю В. В. во имя Бога вернуться в отечество и не

покидать его.

— Вы говорите о страшных вещах, сословия на это не осмелятся.

— Я тоже так думаю. Шведы по своему складу более преданы своим королям, нежели другие народы. Но если В. В. не хочет вернуться к своим верным подданным и поскольку они не хотят быть ни датскими, ни русскими подданными, они будут вынуждены подумать о средствах и путях защиты отечества...

— Ливен! Поскольку народ в Турции так же любопытен, как и христиане, скажи мне, о чем они вас спрашивали?

— О, на этот вопрос я могу ответить. Большинство любопытных спрашивают о том, когда В. В. собирается покинуть эту штаб-квартиру и вернуться в королевство, прогнать врагов и отвоевать обратно потерянные провинции.

— Если можно было бы все учинить и подготовить так, как этого хочется, то все может случиться довольно рано.

— В. В. правы. Но когда-то это должно произойти. Если бы В. В. соблаговолили размыслить о том, чем В. В. обязаны своим подданным, то я уверен, что можно было бы надеяться, что все преграды будут преодолены.

— Всему свое время. И то время не так далеко...

— В. В. можете себе представить: как можно командовать армией и флотом в Швеции, если письма приходят с опозданием в три месяца...

— Похоже, вы не довольны советом?

— В. В. должны быть уверены, что я ничего не имею против этих господ. Но, В. В., соизволите представить, что вся Лифляндия отпала, Финляндию мы потеряли, Бремен и половина Померании в чужих руках, половину доходов не получаем, а война требует новой армии — ее, по крайней мере, надо создавать сызнова. Откуда взять средства? Королевство обеднело людьми, провинции опустели. Кто будет платить контрибуцию? Все это членам Госсовета не так просто решать...

— Совет мог бы достичь многого, если был бы един. Но из-за того, что один хочет протежировать другому, а другой — третьему, многое упускается из виду.

Вопросы короля к Ливену точны и свидетельствуют о том беспокойстве, которое король испытывал по поводу развития событий на родине. Судя по всему, в Стокгольме знали, кого посылать в Демотику. Х. Х. фон Ливен оказался смелым и прямым человеком, сумевшим поговорить с королем без всяких околичностей. Совершенно очевидно, замечает Лильегрен, что после беседы с Ливеном Карл серьезно стал задумываться над тем, чтобы поторопиться с возвращением в королевство. Но

больше всего его обрадовало письмо командующего шведской армией в Бремене и Померании Моритца Веллингка: генерал заверил короля, что может стянуть к Штральзунду 40-тысячную армию —только бы король прибыл туда. Это было хорошее средство, чтобы выманить Карла XII из Турции.

1 мая 1714 года Карл XII выехал из Демотики в северном направлении, оставив седьмого великого визиря на пике своей успешной карьеры и благосклонного отношения к нему султана. Через неделю король уведомил Стокгольм о своем скором прибытии в Штральзувд. Перед отъездом Гротхюсен, чтобы успокоить своих многочисленных кредиторов и процентщиков, предпринял героические усилия взять напоследок у султана денег взаймы. Али-паше удалось установить хорошие отношения с Россией, Польшей и королем Швеции, и теперь Блистательная Порта могла вплотную заняться войной с Венецией. Впрочем, эта война в 1716 году поставит крест и на его карьере, и на его жизни: Евгений Савойский разобьет турецкое войско под Петервардеином, и Али-паша погибнет в этом сражении смертью героя.

Турки, пишет Бенггссон, как и другие народы Востока, не склонны долго удерживать в своей памяти эксцентричных и странных людей, имея на это свои причины. Великие визири сегодня внушали им страх и подобострастие, а наутро их головы торчали на кольях перед воротами сераля. А что такое султан? Тень Аллаха на земле — не больше, в один прекрасный день и он может оказаться в железной клетке. Достойно ли все это памяти? Всё в мире преходяще и непрочно, и только Аллах вечен и царство Его неизменно.

Но Карла XII, может быть, самого странного из всех иностранцев, которого им удалось лицезреть в своей жизни, турки запомнили надолго. В их глазах он сделал не так уж и много. Он сам был пленником султана — еще одно доказательство ничтожности власти. Но когда он уехал, они его не забыли. Они не утруждали себя анализом причин такого явления — это была для них слишком высокая и непонятная материя. Но они дали этому человеку прозвище, достойное того, кто проявляет упорство, упрямство и силу, которые может сломить лишь Бог.

Они прозвали короля Швеции Демирбашем — Железной Головой.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ
АГОНИЯ

Delirant reges, plectuntur achivi[223].

Глава девятнадцатая
ДОМОЙ!

Молодой человек. Почтенный председатель! Я напомню о человеке, очень нам знакомом...

А С. Пушкин. Пир во время чумы

Полная бездеятельность в Демотике после бурной и полной опасности жизни — разве чтение Расина или игру в шахматы можно назвать настоящей деятельностью? — наложила свой отпечаток: Карлу больше не нужно было притворяться больным — он стал им на самом деле. Европа уже потихоньку забывала его, и многие считали его погибшим. Да что Европа! Государственный совет в Стокгольме, который король оставил при отъезде из страны вместо себя, уже не рассчитывал на него как правителя государства и обратился к младшей сестре Карла Ульрике Элеоноре (1688—1741) с просьбой принять регентство в отсутствие брата. Последовало согласие[224].

Карл с беспокойством следил за тем, что происходит в Стокгольме, и, возможно, не доверяя Лёвену, Окерхъельму и Ливену, пытался понять действительное состояние дел в Швеции через Ульрику Элеонору. Сестра подтвердила сведения, сообщенные ему посланцами Госсовета: «Ничто не может исправить состояние дел, кроме собственного присутствия в стране В, К. В... ибо характер нашего положения нельзя оценить из далекой дали... Я не думаю, что совет из-за своего попустительства виноват в этом, ибо сама тому свидетельница и вижу, что они как верные мужи и подданные делали все, что было можно сделать...»

Впитавший с материнским молоком вкус к деспотической власти, Карл XII за время своего отсутствия, вероятно, позабыл, что Швецию он формально оставил конституционной монархией, а потому отправил в Госсовет сердитое письмо, в котором напомнил ему, кто является в стране истинным и беспрекословным хозяином. Особенно его рассердило решение совета созвать риксдаг, и он пообещал «этой кучке лакеев» прислать в Стокгольм свой ботфорт, повелений которого им надлежало слушаться. Впрочем, все это была шутка, гипербола, а на самом деле он уже решил про себя, что больше задерживаться

в Турции незачем.

Перед отъездом Карл дал важные и знаменательные во всех отношениях инструкции своему главному дипломату в Европе М. Веллингку о том, как вести переговоры о мире с Польшей, Данией и Россией. Карл решительно отвергает в них идею общего мирного конгресса. Вступая в контакт с каждой страной в отдельности, Швеции было бы легче сеять раздоры между союзниками и тянуть время. М. Веллингк по указанию Карла «...должен установить контакты с русскими и попытаться удержать их от военных операций этим летом, но при условии не заключать с ними никаких договоренностей, прежде чем не получит согласие отсюда. Было бы хорошо, если бы эта попытка вынудила неприятеля пропустить это лето. Однако очевидно, что они разгадают этот замысел и не дадут себя обмануть. Таким способом их нельзя будет совратить, так как они хорошо представляют, что нельзя начинать переговоры и заключать соглашения без прямых на то полномочий отсюда. При мирных переговорах должны соблюдаться все формальности... Нужно сначала дождаться лучших времен, и с переговорами спешить не следует... Больше того: путем сепаратных тайных переговоров нужно попытаться разделить врагов, и одновременно мы должны с помощью некоторых мер и нашего оружия создать у врага о себе лучшее реноме, нежели то, которое мы теперь имеем».

Эго была недурная программа действий для всей будущей дипломатии Швеции, если учесть, что она составлена человеком, ранее ненавидевшим дипломатию как средство для достижения целей. Но положение обязывало. Как мы увидим,

Карл XII неукоснительно будет выполнять ее на практике, поручив ведение дел барону Г. Х. Гёргцу, министру герцога Готторп-Голштинии Кристьяна Августа или, как его назвал наш историк В. О. Ключевский, «Папсулю наизнанку». Мистификация, ложный маневр и обман противника, которыми владел барон, были вполне во вкусе короля.

В отношении морских держав, на которые делали ставку некоторые члены Госсовета в Стокгольме, Карл пишет сестре, что ни от Голландии, ни от Англии никакой помощи ждать не следует. Франция более благоприятно настроена к Швеции, но пока никаких явных преимуществ от этого для Швеции не наступило.

Взяв на себя обязанность покровителя сестер, Карл с пристальным вниманием следил за воспитанием своего 15-летнего племянника принца Карла Фридриха (Карла Фредрика по-шведски), сына старшей сестры Хедвиг Софии и погибшего при Клишове голштинского герцога Фридриха IV. Отвечая на вопрос

Ульрики Элеоноры относительно судьбы своего племянника, Карл в одном из писем рассуждает о том, как его пытаются отвадить и оторвать от Швеции, намекая на действия его официального опекуна барона Гёртца: «Как Дания, так и Пруссия хотели бы заполучить его (принца) в свои руки. Голштинский министр (Гёртц) и здесь, и в Швеции уже ходатайствовал об этом. Но я, как это сделали и в Швеции, ответил ему, что на это никогда не пойду. Факт, что имеются основания не доверять честности первого голштинского министра и многих прочих, ибо они совершают слишком много уловок и уверток и прямым путем идут редко». Пока Карл питает сильное недоверие к барону, но уже менее чем через год сделает его первым своим советником.

... Решение покинуть пределы Оттоманской империи было ускорено также личным визитом к шведскому королю Станислава Лещинского. Выше уже говорилось о том, что он приехал в Турцию, чтобы попросить освободить его от польского трона. Стоило десять лет тому назад так стараться! Нет, пора, пора было стряхнуть с себя чары этого восточного сна и напомнить наконец о себе и своим друзьям, и многочисленным врагам! Через французского посланника Дезалера Карл уведомил визиря о своем намерении уехать и проследовать домой через немецкие земли. Али-паша с ехидцей ответствовал, что король может по собственному выбору оставаться в Порте или уезжать, но пусть он только примет наконец окончательное решение и уведомит турецкие масти о дате отъезда, «...дабы не вводить нас в Бендерские хлопоты». Это был грубый и прозрачный намек на дорого стоивший туркам Бендерский калыбалык.

Вольтер пишет, что Дезалер, передавая ответ визиря Карлу, смягчил это выражение. Но Карл и прежде был мало восприимчив к стрелам восточного красноречия, а уж теперь и подавно. Свой отъезд он захотел обставить со всей возможной в его положении пышностью, для чего назначил казначея Гротхюсена своим чрезвычайным посланником в Порте и в сопровождении разряженной в роскошные и дорогие одежды свиты из 24 особ отправил его по всем правилам дипломатического этикета с прощальным визитом в Константинополь (Стамбул). «Те тайные способы, к коим пришлось прибегнуть ради этого посольства, были столь же унизительны, сколь великолепно выглядело само посольство», — сообщает нам Вольтер. Деньги на организацию шведского посольства собирали всем миром: 40 тысяч экю одолжил Дезалер, под 50 процентов какую-то сумму дал один константинопольский еврей, еще 200 пистолей взяли у одного английского купца и тысячу франков у некоего турка.

Гротхюсена приняли с подобающей пышностью и

соблюдением церемониального этикета. Ввиду прощального визита Карл проинструктировал чрезвычайного посланника попытаться «раскошелить» заодно и великого визиря, но тот был крепким орешком и денег дать отказался. Гротхюсен просил у него взаймы ни много ни мало целый миллион (чего: франков, кошельков или талеров, источник не указывает), на что Али-паша якобы холодно ответил, что «...повелитель его дает деньги по собственной своей воле, но почитает для себя унизительным выступать в роли заимодавца». Впрочем, он заверил Гротхюсена, что Карл XII ни в чем не будет испытывать недостатка в своем путешествии из Блистательной Порты. Может быть даже, Порта преподнесет ему какую-нибудь золотую вещь, хотя твердо на это рассчитывать не стоит.

Как бы то ни было, но турецкая эпопея короля Швеции заканчивалась, турки наконец могли вздохнуть с облегчением. Дорого обошлись им эти шестьдесят два месяца! Семь великих визирей, два крымских хана и четыре бендерских паши «сгорели» если не полностью, то частично на алтаре турецкого гостеприимства. Царь Петр предпринял дипломатические демарши, чтобы попытаться воспрепятствовать проезду короля Швеции через Европу, но попытки эти оказались безуспешными.

В замок Тимурташ, где шведский король снова оказался накануне отъезда, приехали капиджи-паша (начальник стражи) и шестеро чаушей (судебных приставов), поднесших королю от имени султана большой алый шатер, расшитый золотом, саблю, украшенную драгоценными каменьями, и одиннадцать арабских скакунов с великолепной сбруей, отделанной массивным серебром, и дипломами с их родословной. Капиджи-паша, зная, что многие турки давали шведам займы под высокие проценты, сказал Карду XII, что ростовщичество противоречит исламскому закону, и умолял его величество аннулировать все долги, а оставленному в Константинополе резиденту — приказать не платить ни одной деньги сверх одолженного.

— Нет, — сказал король, — если мои слуги дали векселя на 100 экю, а получили только 10, я заплачу все.

Он предложил кредиторам ехать вместе с ним, обещая им не только вернуть долги, но и оплатить путевые расходы. Блажен кто верует —тепло ему на свете! Но благородный жест со стороны «гяура» был оценен по достоинству, и многие из кредиторов поверили и поехали в Швецию, где Гротхюсен обещал с ними расплатиться[225]. 1 октября 1714 года в десять часов утра Карл XII в сопровождении 130 человек свиты, слуг и адъютантов, эскортируемый турками и татарами, выехал из Демотики в северном направлении. Обоз короля-эмигранта составил

шестьдесят повозок, нагруженный всякого рода провизией и вещами. Основная масса шведов и присоединившихся к ним немцев, французов, поляков и украинцев должна была выступить из Бендер и соединиться с королевским кортежем на турецко-австрийской границе.

Турки привыкли путешествовать медленно, с короткими перегонами и длительными остановками и этим раздражали короля. Он по своему обыкновению просыпался в три часа утра, одевался сам, самолично будил капиджи-пашу и чаушей и приказывал трогаться в путь. Турки недовольно ворчали, но подчинялись. 12 октября 1714 дола Карл XII выехал за пределы Турции и вступил на территорию Австрии. В Трансильвании король отпустил турецкий эскорт и в городе Питеши, в каком-то сарае, он собрал всю свою свиту и обратился к ней с речью. Он просил больше не беспокоиться о нем и рекомендовал всем как можно быстрее добраться до Штральзунда и Померании. В специально изданном приказе он запрещал своим людям пренебрежительно отзываться о турках, «...а скорее высказывать удовлетворение той вежливостью, с которой турки принимали все это время шведов, и не приписывать целому народу вину за то, что было сделано отдельными его представителями».

Шведы должны были пройти через Европу в пяти «дивизиях», в каждой «дивизии» по три отряда, в каждом отряде по 100 человек, так что австрийской казне, взявшей на себя заботу о шведах на территории империи, кормление этой проголодавшейся и истосковавшейся по настоящей христианской пище оравы обошлось в немалую сумму. Во главе всех «дивизий» был старый испытанный товарищ короля, генерал от инфантерии Аксель Спарре — тот самый, кто помогал 14-летнему принцу Карлу досрочно занять шведский трон и мечтал стать губернатором Москвы. «Дивизиями», кроме него, командовали генералы Хорд, Цеге, Цюлих и Юхан Ертта; среди полковников, командовавших отрядами, выделялись Чаммер и Аксель Руус, получившие высокие чины после достойного поведения в Бендерской замятие, а также бывший драбант-квартирмейстер Улоф Буман, а ныне дворянин Сегершельд, Отто Коскюлль, Ёран Сильверхъельм, Свен Лагерберг, выполнявший роль посланника к крымскому хану, Стен Арвидссон Дагок-Натт, а также граф Якоб Торстенссон и упомянутый выше Гротхюсен, окруженный своими восточными кредиторами. Главнокомандующий сообщил королю, что в самый последний момент от свиты отстал драбант Юхан Вильхельм Крусе: он принял мусульманскую религию и захотел остаться в Турции (среди сопровождавших шведского короля лиц переход в магометанство был далеко не единичным случаем).

5 ноября дивизии поодиночке, с разрывом в один день, тронулись в долгий путь через Австрийскую империю. Король выехал из Питеши вместе с «дивизией» Спарре. Перед тем как покинуть Питеши, Карл посетил местное кладбище, расположенное на окраине городка, и сделал последние приготовления в путь. В доверительной беседе с Фабрисом он посоветовался, каким образом можно было бы путешествовать неузнанным. Фабрис посоветовал ему одолжить у Гротхюсена черный парик, а у Мюллерна — ночной колпак и халат. При посещении придорожных таверн Карлу следовало только заказывать вино, шутить с хозяйками, хлопать молодых служанок ниже спины и спать по утрам, и тогда Фабрис гарантировал ему, что ни одна душа не узнает в нем короля Швеции! Карл пообещал Фабрису воспользоваться некоторыми его советами (какими, не уточнил), а затем напялил на себя парик своего казначея, водрузил на голову обшитую золотым галуном шляпу, надел коричневый сюртук на белой поношенной подкладке и посчитал себя вполне переодетым.

В Австрийской империи к его приезду приготовились и встречали с надлежащей торжественностью. Император был заинтересован в том, чтобы ограничить власть северных немецких княжеств и чтобы шведы сохранили за собой северогерманские провинции. Еще в прошлом году Вена дала указание своему посланнику в Константинополе сообщить Карлу XII, что проезд ему через территорию империи будет обеспечен. Император соблаговолил также уведомить шведского посла в Вене о своей готовности встретиться с королем, если тот того пожелает. Правда, при обращении к императору Карлу VI Вена просила, перечисляя его многочисленные титулы, называть его также и королем Испании. Карл XII без всяких обиняков и подобострастия сообщил своему австрийскому брату, что он согласен на все условия, кроме употребления титула испанского короля: этим титулом формально и по существу владел отпрыск французских Бурбонов Филипп V, которого Швеция за год до этого признала полноправным и законным корешем Испании. Хотя Австрия по Раштаттскому миру и присвоила кое-какие испанские территории (часть Нидерландов, Сардинию, Неаполь и Милан), но сама Испания находилась все-таки под контролем Бурбонов — тех самых, которые так удачно скрашивали его жизнь в гостах у султана, а посему император не мог рассчитывать на то, чтобы он, Карл XII, титуловал его испанским королем.

Император решил проявить упорство в таком принципиальном для него вопросе — чтобы швед не подумал, что его боятся, — и продолжал настаивать на том, чтобы Карл XII

непременно обращался к нему как к обладателю испанского трона. Коса нашла на камень. Тогда Карл решил, что ему лучше с кесарем не встречаться вообще. По австрийской территории Карл думал путешествовать инкогнито. Если Вена не разрешит ему этого, тогда он воспользуется окружным морским путем, прибегнув к услугам французов. Карл VI уступил Карлу XII, но потребовал от шведов придерживаться указанного им маршрута следования. Имперские власти приняли кое-какие меры безопасности в районах с протестантским населением, а также в Венгрии, где недавно было подавлено восстание Ференца Ракоши. Губернаторы получали из Вены инструкции обеспечить при проезде шведского «брата» надлежащий порядок. Кроме того, Карлу XII настоятельно рекомендовали не использовать для возвращения на родину территорию протестантской Силезии, избегать больших городов и предупреждать местные власти о своем проезде письменными уведомлениями. А во всем остальном шведскому королю будут отдаваться такие же почести, как и самому императору.

Инцидент с испанским титулом не повлиял на гостеприимство австрийцев: на всем маршруте от Бендер через Зибенбюрген (Трансильвания), Венгрию, Австрию и Баварию выставлялось угощение для свиты короля и корм для лошадей. Квартирмейстеры ехали впереди обоза и беспрепятственно готовили ночлег. Толпы народа собирались на дорогах, но Карл не намеревался делать из себя предмет для всеобщего обозрения и всячески избегал официальных церемоний. Сначала он должен смыть с себя позор турецкого «плена», а потом уж показываться на людях.

Для себя король уже принял решение в Стокгольм не возвращаться. При своей особе он оставлял Понятовского, пару генерал-адъютантов и нескольких офицеров, включая капитана Отто Фредрика фон Дюринга, лейб-медика Мельхиора Ноймана, переводчика Баптиста Савари, нескольких камердинеров и лакеев. Впрочем, и эта свита королю показалась слишком многочисленной, и он распорядился о том, чтобы все, за исключением генерал-адъютанта Густава Фредрика фон Розена и капитана фон Дюринга, следовали за ним отдельно. Примечательно, что фон Розен был лифляндцем, а фон Дюринг — голштинцем, оба моложе короля на несколько лет[226]. Карл приказал выписать на троих паспорта капитанов шведской службы: сам он стал Петером Фриском[227], фон Розен — Юханом Пальмом, а Дюринг превратился в Эрика фон Унгерна. 27 октября в 11.00 король с двумя адъютантами покинул Питеши. Король в этот момент мог считать себя мужчиной среднего возраста — ему

исполнилось 32 года. Турецкое «сидени» было довольно спокойным для него временем, последние месяцы он вообще не вставал с кровати и слегка располнел. Впрочем, он быстро восстановил свою форму и чувствовал себя вполне здоровым и бодрым.

В первую же ночь трое шведских «капитанов», не доезжая до Ротентурма, заблудились в горах, и только благодаря находчивости и расторопности фон Розена они смогли, воспользовавшись услугами местных пастухов, выйти к границам Венгрии. Королевские почести были отброшены в сторону, и путники общались друг с другом на равных. Они по очереди, включая Карла, стояли на часах, караулили лошадей и охраняли сон своих товарищей. В Венгрии король приказал фон Розену отстать и следовать с четырехчасовым разрывом сзади. Скоро королю, за неимением верховых лошадей, к великому своему огорчению, пришлось пересесть в коляску. Так они с Дюрингом добрались до Вены, а в Вене снова сели на коней и проскакали верхом до самого Штральзунда.

Путешествие Карла XII сопровождалось самыми невероятными легендами и мистификациями: то его видели на танцах с местной девушкой, то хозяин таверны лично приносил в постель большой кубок вина для подкрепления «болезненного и слабого» тела короля, то его видели в таких местах, в которых он не останавливался. Как правило, за короля принимали других людей — весть о проезде северного героя быстро распространилась на всем пути следования шведов, и время от времени происходили такие и подобные им недоразумения. Для того чтобы сбить публику с толку, граф Тюре Бъельке, следовавший за королем в составе одного из отрядов, был одет в один из костюмов его величества, носил высокие ботфорты со шпорами и имел при себе так называемую математическую табакерку Карла XII.

Даже австрийский граф Вельчек, выехавший встречать Карла, попался на эту уловку. Он встретил отряд шведов под Дебреценом и попросил Понятовского объяснить ему, где находится шведский король. Поляк ответил, что не имеет об этом ни малейшего понятия, поскольку расстался с ним у турецкой границы и с тех пор его не видел. Секретарь Вельчека между тем внимательно изучал одного «простого» капитана по имени Тюре Бъельке, а тот «ломал комедию» и старательно изображал из себя его королевское величество, не употребляя за обедом вина и довольствуясь простой водой. В то же время граф Вельчек рассказал шведам, как накануне по пути в Дебрецен он встретил двух подвыпивших одиноких шведских капитанов. Предположить,

что Карл XII ради маскировки пошел на то, чтобы напиться пьяным, совершенно невероятно. Для вида, чтобы провести Вельчека, он мог пригубить глоток-другой вина, но не больше. Если один из капитанов был королем, то пьяным мог быть только Дюринг[228].

Король построил свой маршрут в стороне от своих явных и тайных врагов, он пролегал через Зибенбюрген, Валахию, Венгрию, Моравию, Австрию, Баварию, Вюртемберг, Палатинат (Пфальц), Вестфалию и Мекленбург, что удлинило его путь до Штральзунда чуть ли не вдвое. На пути к городу Херманштадту они с Дюрингом скакали без остановки, и Дюринг, будучи моложе короля, устал до смерти и на почтовой станции буквально без чувств вывалился из седла.

Вольтер описывает следующий эпизод, навеянный, скорее всего, его воображением или рассказами «очевидцев»:

— Сколько у тебя денег? — спросил король Дюринга, когда тот пришел в себя.

— Тысяча экю.

— Отдай мне половину. Я вижу, ты не поспеваешь за мной и тебе придется ехать одному.

Как ни умолял его Дюринг, что он быстро восстановит свои силы и сможет снова сесть в седло, что король подвергает себя опасности, оставшись без него, Карл стоял на своем. Он отобрал у Дюринга 500 экю и потребовал лошадей. Тогда Дюринг прибег к уловке: он отозвал в сторону смотрителя почтовой станции и, указав на Карла, сказал:

— Это мой кузен, и мы вместе едем по одному делу. Хотя он и видит, что я болен, но не хочет подождать меня даже три часа. Прошу вас, дайте ему самую плохую лошадь, а для меня коляску или хотя бы какую-нибудь повозку.

Дюринг вручил смотрителю два дуката, и тот в точности исполнил его просьбу. Карлу досталась норовистая и хромая лошадь. В десять часов вечера монарх среди ночи, то ли в дождь, то ли в снег, выехал со станции. Дюринг, выспавшись, тронулся в повозке следом за ним. К рассвету он догнал короля. Карл уже загнал лошадь и шел пешком. Он сел в повозку к Дюрингу и тут же заснул на соломе. Далее они так и ехали: днем — в седле, а ночью спали в повозке и нигде не останавливались.

Рассказ французского классика занимателен и содержит все достоинства и недостатки литературных приемов того времени. Но отважился ли бы король скакать в чужой стране в одиночку? Карл XII был храбрым и безрассудным человеком, но не до такой же степени! Мало кто из монархов путешествовал в одиночестве — можно лишь привести из истории еще один случай, очень

близкий по причинам и обстоятельствам эпизоду со шведским королем: Бонапарт ехал от Сморгони через Варшаву и Дрезден в Париж в санях около двенадцати дней. Но Наполеон, глубокомысленно замечает Ф. Г. Бенгтссон, ехал в относительном комфорте.

Впрочем, разве можно было сравнивать располневшего императора с моложавым «капитаном Фриском»?

Последний отрезок пущ от Вены, которую, по некоторым предположениям, Карл XII спешно и незаметно миновал 16 ноября, плохо известен: чем ближе к северу, тем меньше складывалось легенд и возникало мистификаций. Северные немцы по части экзальтации намного уступают австрийцам и своим южным собратьям-баварцам[229]. Дюринг, судя по всему, на верховой езде скоро «набил руку» или, точнее, другую, более массивную часть тела, потому что перестал жаловаться на усталость и прилежно следовал за своим повелителем. Они скоро миновали Регенсбург, Нюрнберг, Бамберг, Вюрцбург, Ханау и Кассель. От Касселя было уже рукой подать до Штральзунда. И здесь легенда о короле Швеции ходила на длинных ногах и имела длинные уши. Т. Бъельке рассказывает, что под Ханау молодой голштинец где-то обронил свою турецкую шерстяную шапочку. Нашедший этот непритязательный предмет туалета разрезал его на кусочки и стал по, частям продавать как головной убор самого Карла XII. От покупателей не было отбоя.

В Касселе инкогнито короля, кажется, было раскрыто. Ландграф Гессена послал навстречу Карлу своего адъютанта шведского происхождения, полковника Кагга, чтобы он своевременно доложил ему о приезде шведского короля. Ф. Г. Бенгтссон и многие другие шведские биографы Карла XII, приводящие этот эпизод в своих трудах, отмечают, что инкогнито в данном конкретном случае было совершенно напрасным. Кагг был безобидным человеком, посланцем дружески расположенной к королю княжеской особы, сын которого как раз сватался к сестре Карла XII Ульрике Элеоноре, и морочить голову будущим родственникам не имело никакого практического смысла.

Нам кажется, что король в Касселе продолжал «ломать комедию» потому, что просто у него не было ни малейшего желания встречаться ни с будущим зятем, ни с его отцом. Дело в том, что Карл XII к сватовству гессенского двора большого энтузиазма не проявлял, и прошел год после визита «свата» генерала Ранка в Бендеры, прежде чем он дал согласие на брак своей сестры с герцогом Фридрихом Гессенским. Ульрика Элеонора нервничала и послала в Турцию своего нарочного, капельмейстера Дюбена, с тем чтобы он добился согласия брата

на этот брак, Карл еще в ноябре 1712 года писал бабке из Бендер, что оставляет решение о браке на ее собственное усмотрение и усмотрение самой невесты. Он же хотел бы только предупредить, что возможные дети от этого брака должны будут креститься в лютеранской вере, дабы в «...будущем, если наступят какие-нибудь события, лютеранской вере не был нанесен ущерб»[230].

Ё. Нурдберг, а за ним и все историки заканчивают рассказ о посещении Карлом Касселя одним и тем же эпизодом: королю под конец якобы надоело водить за нос добродушного Karra, и когда он уже прощался, то, взбираясь на коня, весело крикнул полковнику:

— До свидания, мой дорогой Кагт! Передавай от меня привет ландграфу!

«Добродушный» Кагт потом рассказывал всем, что он сразу узнал короля, но не стал этого показывать, щадя его самолюбие.

Когда в Ханау и Целле появился ряженый Т. Бъельке, умные и проницательные немцы дали ему вежливо понять, что «он узнан». В Ханау придворный одной княгини, француз по национальности, попросился у Бъельке на шведскую службу. Когда генерал-адъютант возразил, что он не король и что он разговаривает на французском, в то время как всем известно, что Карл XII принципиально никогда не прибегал к этому языку, француз глубокомысленно ответил:

— Король Швеции делает все, что захочет.

22 ноября 1714 года в два часа ночи Карл XII и Дюринг постучались в ворота Штральзунда, носившие название Трибзеер Тор. За 15 дней они проскакали 2150 километров![231] Карл крикнул, что он — курьер из Турции, присланный королем Швеции и ему незамедлительно нужен генерал Дюккер, комендант крепости. Часовой ответил, что час уже поздний и следует дождаться утра. Король крикнул, что дело у него настолько важное, что если его сейчас же не впустят в город, то завтра у часового будут неприятности. Прошло не менее двух часов, пишет Лильегрен, прежде чем стража открыла наконец ворота.

Генерал Карл Густав Дюккер, когда ему донесли о важном курьере, подумал, что от короля прибыл кто-нибудь из генералов. Карла препроводили в дом коменданта. Дюккер, еще не очнувшись от сна, спросонья спросил, какие же известия привез уважаемый курьер от короля Швеции.

— Дюккер, — прокричал «курьер», - неужели самые мои верные подданные забыли меня?!

И тут генерал узнал Карла XII, но все еще не верил своим глазам. Он бросился на колени и со слезами обнял своего

пропавшего монарха. В мгновение ока новость распространилась по всему городу, солдаты окружили комендантский дом, улицы наполнились обывателями. Во всех окнах зажглись иллюминационные огни, рекой потекло вино, тысячи факелов осветили город, и раздались залпы пушек.

Королю приготовили постель. Ботфорты не слезали с распухших ног, и их пришлось разрезать. Старая рана стерлась и кровоточила. Спешно призвали портного, который снял с короля мерку и приступил к шитью нового мундира. Собрали по городу приличное белье, чтобы одеть короля. Проспав несколько часов, блудный сын Швеции встал, чтобы пойти произвести смотр войскам и обозреть городские укрепления. В тот же день поскакали курьеры, развозя повсюду приказы короля о возобновлении с новой силой войны против всех своих неприятелей.

Вот такая умилительная (и на сей раз достаточно достоверная) сцена согласно Вольтеру.

Один из очевидцев описывает появление шведского короля в Штральзунде следующим образом: «На первое время он устроился в генеральской бане, где положил руки на стол, лег на них головой и на четверть часа заснул. Когда он проходил через вахту, на нем были черный парик с длинными локонами, коричневый сюртук и большая шляпа, а борода была совсем длинная».

Наутро король выглядел отдохнувшим и готовым к работе: «...все послеобеденное время он сидел и писал». О возвращении Карла из Турции знал уже весь город, равно как и о том, что портной Бринк шил для него новый голубой сюртук, белый камзол и пару кожаных брюк. Народу сообщили, что пока король не оденется как следует, никто его не увидит.

О. Ф. Дюринг валился с ног от усталости. Фон Розен прибыл в крепость два дня спустя после короля, а Понятовский с Бъельке и прочими появились через три дня. А. Спарре с «дивизиями» подтянулся в Померанию еще позже — в крепость Штральзунд он вошел в марте 1715 года. В Австрии их пересчитал местный дотошный генерал Штайнвиль: оказалось, что в «дивизиях» было 1168 человек, 1625 лошадей и 147 повозок. Специально отметили 28 евреев — это все были «финансовые» люди казначея Гротхюсена. Шведы, согласно Штайнвилю, находились «...в жалком состоянии как с точки зрения укомплектования лошадьми, так и с точки зрения вооружения». Рождество шведы встретили в Будапеште, туда им пришло сообщение, что король благополучно добрался до Штральзунда. Известие заставило их взбодриться и ускорить темп своего возвращения. Когда они

проходили через Вену, датский посол Вейберг со злорадством отметил их разношерстную одежду, дурных лошадей, а также явный налет принадлежности к низшим слоям восточного общества. Саксонский посол Ваккербарт сообщал Августу в Дрезден: «Говорят, что эти люди испытывают чрезвычайное нетерпение, чтобы сократить время для возвращения к своему королю, для чего они в это суровое время года невероятным образом смогли ускорить свой марш; ...они предпочитают замаршировать себя до смерти, нежели не попасть к своему королю».

По прибытии в Штральзунд А. Спарре сразу подал королю рапорт на отпуск. Ему исполнилось уже 62 года, а в войне он принимал участие с первых ее дней.

— Мне надобно «смазать спину и ноги», иначе я буду выглядеть хуже старого мушкета, — сказал он Карлу, намереваясь принимать в отпуске горячие ванны.

Король отпустил своего ветерана, и тот благополучно избежал всех последующих сражений Северной войны. Он уплыл на север, в Карлскруну, а его король смотрел с крепостной стены Штральзунда ему вслед. Со стен этой последней в Германии шведской крепости ему были лучше видны толпы врагов, более многочисленных, чем когда-либо, готовых в любое время к нападению.

Возникает законный вопрос: каким возвратился Карл XII? Остался ли он верен своим принципам или Полтава и жизнь в Турции поломали его и наложили на него отпечаток, который мы называем «жизненным опытом»? Сделал ли он какие-либо выводы за эти пять долгих лет, как это происходит с большинством людей его возраста? Или он остался прежним Карлом, честным и благородным рыцарем, упрямым и бескомпромиссным правителем, отважным и тщеславным воином, для которого война не была связана с территориальными приобретениями, а означала прежде всего средство для достижения славы?

— Счастье может изменить, — сказал он в описываемый здесь период одному из своих приближенных, — ибо над ним мы не властны; но нельзя перестать оставаться честным человеком.

Пожалуй, этим многое сказано — возможно, всё. В соответствии с человеческой психологией Карл XII после Нарвы должен был измениться и стать не тем человеком, которым он был под Копенгагеном или в начале русского похода. События под Полтавой и Турция — эта своеобразная клетка для льва — должны были самым серьезным образом повлиять на его мировоззрение, изменить жизненные установки, внести коррективы и поправки в планы на будущее. Одним из

доказательств этого является, как мы указали выше, его реальная программа действий, составленная для шведских дипломатов. Но в остальном с Карлом вроде бы ничего не произошло. Ни малейшего намека на уныние и грусть, никаких признаков плохого настроения и раздражительности после тяжелых пятнадцати лет отсутствия на родине. Никаких уступок внешним обстоятельствам, никаких измен своим принципам. Правда, он с годами слегка располнел и утратил былую гибкость в членах, когда он на полном скаку мог подобрать с земли перчатку, но это был все тот же неутомимый и деятельный каролинский солдат.

Такую оценку духовному и физическому состоянию Карла XII в целом дают почти все, кто видел его и общался с ним при осаде Штральзунда, в Лунде или во время норвежских походов. Более вдумчивые и внимательные, правда, все-таки отмечали некоторые или незначительные изменения в поведении короля. Что же это за изменения, помимо чисто внешнего вида?

Его робость и замкнутость несколько уменьшились. Иногда он мог пуститься в продолжительные и подробные рассуждения по политическим и военным вопросам или своих собственных действий в прошлом (правда, он позволял себе это наедине с каким-либо близким и доверенным лицом, но раньше ведь и того не было!). В Штральзунде и после него у короля стало появляться время на чисто теоретические занятия, в частности, он охотно, глубоко и со знанием дела продолжил свой диалог с архитектором Тессином, установил контакт с математиком Пульхемом и философом, математиком и механиком Сведенборгом, а однажды чуть не ввязался в заочную полемику с одним немецким философом. У короля несколько смягчился характер, он стал более снисходительным к человеческим слабостям и ошибкам своих подчиненных. Отпечаток высокого умственного спокойствия и гармонии стал явно заметен в его поведении. Те, кто встречался с королем в последние его годы, находили его более интересным и глубоким, чем в юном возрасте. Возможно, все это и объясняется возрастом: ведь к этому времени он достиг уже 33 лет — для XVIII века возраст зрелый и солидный. Какими бы причинами ни были обусловлены эти изменения в духовном облике короля, они, несомненно, делают ему честь как человеку.

Французский посол, встречавшийся с Карлом XII в Штральзунде, писал в Париж: «Король Швеции, как вы знаете, высок ростом и обладает фигурой, которая могла бы служить натурой для искусного скульптора. Его лицо очаровывает намного сильнее, нежели его портреты; его глаза очень мягкие, а манеры его поведения и того мягче. Ему нравится дарить

подарки, но он не любит, чтобы его за это благодарили».

Но за внешней мягкостью и невозмутимостью скрывались вулканические страсти. Английский историк Р. Хэттон приводит следующий эпизод: в 1717 году король якобы пришел в ярость от своего портрета, сделанного известным художником Давидом Крафтом, на глазах у мастера исполосовал ножом полотно и заставил начать всю работу сызнова. Причина? С полотна на Карла смотрел не благодушный и спокойный монарх, а измученный внутренней борьбой человек, воплощение самой жестокости и бесчеловечности. Портрет, слишком точно обнаживший внутреннее состояние короля, никому нельзя было показывать. Судя по всему, внешний вид Карла сильно отличался от того описания, который составил британский дипломат Т. Уэнтворт в 1707 году в Альтранштедте[232].

Дипломатические средства борьбы были теперь самыми важными для Карла XII. И хотя в отношении дипломатии в короле, как мы уже упоминали, произошла определенная метаморфоза, но настоящим дипломатом он стать так и не смог. Приемы и методы дипломатии вызывали у него если не отвращение, то во всяком случае откровенное неприятие. Во многих вещах он по-прежнему оставался прямым, непреклонным, бескомпромиссным. Уже упомянутый выше Аксель Лёвен в своих воспоминаниях о короле приводит его высказывание на эту тему: «Имеют ли государи право совершать поступки, которые для обычных людей считаются позорными? Я на это не способен, даже если на карту будут поставлены десять королевских корон; и если я даже завоюю сотни городов, я не сделаю так, как это сделал король Пруссии, завладевший Штеттином и Нижней Померанией; или когда он с той же несправедливостью, чтобы удержать несправедливо захваченное, открыто перешел в стан моих врагов. Короли требуют от своих подданных честности, а сами они существуют для того, чтобы способствовать справедливости на земле. Не должны ли они и сами быть справедливыми? И как они могут, одни среди всех, располагать свободой и поступать по своему усмотрению?»

Непрактично с политической и государственной точки зрения, зато как симпатично с человеческой! Да, Макиавелли никогда бы не мог сделать из Карла XII своего ученика, замечает Ф. Г. Бенгтссон. Низость, по его понятиям, был» также неприемлема в дипломатии, как и в частной жизни, и для правителей он исключений в этом отношении тоже не делал. Впрочем, жизнь заставила короля Швеции пойти и в этом важном вопросе на компромисс: когда торжествующие враги загнали его в угол, когда дипломатия стала главным его оружием и он

предоставил неограниченную возможность заниматься ею способному и не очень щепетильному баронет Г. Х. Гёртцу, вот тогда ему пришлось закрывать глаза на многие «детали», которые конечно же находились в противоречии с его принципами. Да, все-таки и здесь жизнь оказалась сильнее несгибаемого короля-рыцаря.

В отношении упрямства Карла: барон Гёртц на Аландской мирной конференции рассказывал своему русскому партнеру А. И. Остерману, что он «...никакого упрямства в нем не нашел». Верить Гёртцу в той ситуации было бы конечно же рискованно, но ведь преодолел же король свое неприятие голштинского министра и, несмотря ни на что, приблизил его к своей особе. Жизнь заставила, и это косвенно тоже кое о чем говорит.

Прусский Фридрих стал теперь главным врагом Карла XII: король не мог простить ему вероломства в отношении Штеттина и других шведских территорий в Померании. Согласно воспоминаниям А. Лёвена, к этому времени коренным образом изменилось отношение шведского короля к Петру I. Он испытывал теперь к нему искреннее уважение и, за исключением начального периода войны, считал все поступки царя честными — чего по-прежнему нельзя было сказать ни об Августе II, ни о Фредрике IV.

... Какой же виделась Карлу XII ситуация с высоты крепостных стен Штральзунда? С 1701 года, когда он сделал последний шаг на территории королевства и вторгся со своим победоносным войском в Курляндию, и до момента его возвращения в шведскую Померанию изменилось многое. Северный альянс, который перед русским походом лежал в руинах, воскрес вновь. Судьба территориальных владений Швеции в Германии была предопределена. Под ударами датчан пали Верден и Бремен (7 августа 1712 года). Вслед за Прибалтикой Россия овладела Финляндией, недавно русский флот под Гангутом одержал победу над шведским, и Петр I занял Аландские острова. Россия стала непосредственно угрожать шведской метрополии. Русские войска окружили и блокировали Штеттин с его четырехтысячным гарнизоном во главе с генералом Ю. А. Мейер-фельтом, датско-саксонские войска создали кольцо вокруг Висмара, где заперся генерал-майор Шультц фон Ашераден с 3,5-тысячным гарнизоном, а датско-прусская армия подбиралась к Штральзунду.

Датский флот контролировал Балтийское море, датские войска стояли в Голштинии, а датская дипломатия именно в этот момент вступила в торги с Лондоном с целью присоединения области Бремен-Верден к своему королевству. Почему с Англией,

которая в Северной войне не участвовала? Поясним кратко.

В 1714 году скончалась английская королева Анна, и многие в Англии надеялись на то, что трон займет ее сводный брат Яков. Но Яков был католиком, который отказываться от своей веры не собирался. Это не позволило ему стать королем Великобритании, и он отправился в эмиграцию. Его сторонники — так называемые якобиты — не теряли надежды посадить своего предводителя на трон и стали составным элементом интриг и планов со стороны участников Северной войны. А королем Великобритании был избран 54-летний немец, курфюрст Ганновера Георг Людвиг, получивший имя Георга I. Ганновер вошел в личный союз с Великобританией, состоявшей тогда из Англии и Шотландии, и пользовался покровительством английского короля, благо король одновременно оставался и его курфюрстом. Георг I, получивший прозвища Слом и Майский Столб, был тучным, молчаливым и грубым снобом, любившим поесть, попить и приударить за женщинами. Известный английский доктор С. Джонсон высказался о нем следующим образом: «Он ничего не знал и не хотел ничего знать, он ничего не делал и не хотел ничего делать». Но зато он любил свой Ганновер и с нетерпением школьника, считающего дни до летних каникул, ждал ежегодного отпуска, который он проводил в своем курфюршестве. Будучи королем Великобритании, он и заботился только о Ганновере.

В Польше с помощью грозного теперь русского царя на поверхность снова «всплыл» Август И. Головную боль причиняла Пруссия, которая медленно, осторожно, но верно перемещалась в лагерь противников Швеции. Выдающийся король Фридрих Вильгельм I, осторожный политик, хитрый дипломат, спал и видел Пруссию, одетую сплошь в солдатские мундиры. С помощью одной лишь дипломатической акции, в которой участвовали русские, саксонцы, администратор Голштинии и шведский посол Моритц Веллингк, Берлин получил под свой контроль Штеттин. Предлог для этого Фрвдрих Прусский выдумал благовидный: он, видите ли, решил выкупить Штеттин у русских и саксонцев, которые заняли город раньше, чтобы сделать приятное для Швеции. Пруссия решила-де оградить шведские владения от посягательств Августа и Петра, а в будущем она непременно вернет город шведам. (За Штеттин Фридрих Вильгельм должен был помочь царю в оформлении права собственности на приобретения России в Прибалтике.)

Все это получило вполне приличное название «Договор о секвестре в Шведте» или «Шведтский рецесс»[233] и казалось Госсовету в Стокгольме вполне удачным предприятием. Но только не Карлу XII.

В дележе шведских территорий решил не отставать и Ганновер, и он тоже перешел в лагерь противников Швеции. А чтобы ничего дурного не подумали об Англии, то ганноверцы объявили, что они предприняли этот шаг не от имени короля Англии Георга I, а лишь от имени ганноверского курфюрста. Вот так искусно Георг I разделил свою личность пополам! Его Карл XII считал самым подлым и коварным своим противником. После «канальи» саксонского курфюрста, разумеется.

Так антишведский лагерь пополнился еще двумя государствами: Пруссией и Ганновером.

Австрия и морские державы после Утрехтского мира 22 апреля 1713 года и последовавших за ним Раштаттского (17 марта 1714 года) и Баденского (18 сентября 1714 года) мирных договоров вместе с Францией вышли из войны за испанское наследство и стали играть на европейской арене активную роль и оказывать давление на участников Северной войны. В Вене, Гааге и Лондоне стали проявлять ревнивое беспокойство по поводу политического и военного усиления России. Швеция блокадой и каперскими действиями парализовала торговлю Англии и Голландии с Прибалтикой и, упрямо отказываясь от всех мирных предложений и инициатив, оказалась в полной политической изоляции. Франция, на словах симпатизировавшая Швеции, на деле, ослабленная войной за испанское наследство, никакой помощи ей оказать не могла, а после смерти Людовика XIV практически стала действовать заодно с Англией. Впрочем, Франция в 1715 году предоставила Швеции субсидии сроком на три года с выплатой по 600 тысяч риксдалеров в год[234].

Внутриполитическое положение Швеции тоже не внушало Карлу оптимизма, потому что страна находилась на грани катастрофы и была морально и физически обессилена. Материальные и людские резервы были на исходе, надежда на победу в Стокгольме давно исчезла, особенно с утратой Финляндии, и продолжать изнурительную войну Швеция была уже не в состоянии. В разных слоях населения зрело глухое недовольство политикой правительства. Шведы и раньше вздыхали и жаловались на дурные времена, но сейчас эти времена действительно наступили. В отсутствие короля шведская сенильная бюрократия довела страну до края пропасти как в финансовом, экономическом, так и политическом отношении. Апатия, беспомощность и фатальное бессилие перед силами рока поразили всех — от простою крестьянина до высокомерного аристократа. Самым большим желанием было побыстрее и любой ценой заключить мир.

Но король не терял веры в будущее. Он надеялся подвигнуть

своих подданных на новые жертвы, уговорить малодушных, прикрикнуть на нерадивых, заткнуть рот врагам. Не так уж все и плохо. Антишведская коалиция раздирается внутренними противоречиями, и ее можно будет по частям развалить. Каролинская армия не та, но она есть, и ее надо только собрать, вооружить, одеть, обуть и направить на врагов. После этого можно будет надеяться на почетный или, как говорили в Швеции, «дешевый» мир.

Впереди перед королем был непочатый край работы, но он не страшился этого. Хватит ныть и скулить. Надо делать дело,

О, он заставит их всех работать!

Глава двадцатая
ШТРАЛЬЗУНД

Херман Израэль. Время обошло меня; я уж и не знаю, где же теперь мой дом!

А. Стриндберг. Густав Васа

Радостное известие о появлении короля в Штральзунда молнией пролетело над Швецией и вызвало у населения эй? форию надежды. Чиновничья бюрократия, правда, энтузиазма при этом известии не проявляла и вела себя сдержанно. Причины для .этого у нее были: совесть у властей была нечиста, они боялись, что Карл XII спросит с них за все упущения и ошибки. Его резкие критические замечания из Бендер они уже слышали. Король послал в Стокгольм бывшего полковника, а ныне генерал-лейтенанта Ханса Хенрика фон Ливена с письмом для членов Государственного совета, в котором он строго ругал их за все беспорядки в стране: за безалаберность в отправке к нему экспедиционной армии; за своевольный созыв без его разрешения риксдага в конце 1713 года, из-за которого о трудном положении королевства стало известно повсюду и благодаря которому боевой дух врагов Швеции только усилился; за разрешение, выданное советом какому-то шведскому купцу, вознамерившемуся торговать с балтийскими портовыми городами, находящимися в руках русских (за это упущение Карл требовал предать суду всех членов совета, и, к ужасу Хорна, Крунхъельма и других его членов, суд незамедлительно приступил к своей работе[235]).

Впрочем, Карл размахивать мечом не стал и проявлял к своим подданным мягкость и снисхождение. Когда Х. фон Ливен возвратился в Штральзунд и доложил обстановку в Стокгольме, он в числе других новостей поведал королю о суде над бывшим главнокомандующим шведской армии в Финляндии генералом Г. Любекером. Генерал начиная с 1708 года халатно относился к своим обязанностям и своими преступными действиями во многом способствовал катастрофе в Финляндии. За это военный трибунал приговорил его к троекратной смерти. Король поинтересовался, за какие конкретно действия генерал получил такое строгое наказание.

— Во-первых, — рассказал фон Ливен, — он использовал свое

служебное положение в личных целях.

— Это серьезно, — вставил Карл, — и тогда суд вполне справедлив.

— Далее, он плохо исполнял свои обязанности главнокомандующего.

— И в этом суд поступил правильно, — сказал король.

— И, наконец, — закончил фон Ливен, — он плохо отзывался о королевской особе.

— Ну, за этот проступок, — улыбнулся король, — его не следовало судить, ибо если всех, кто плохо высказался обо мне, судить смертным судом, то в Швеции останется не очень много подданных.

И король помиловал Любекера. Хотя, считают шведские историки, по этому человеку виселица плакала намного громче, чем по другим шведам, приговоренным в эти годы к смертной казни. Но великодушие короля возобладало даже по отношению к лицу, нисколько его не заслуживающему.

Радость шведов быстро улетучилась, как только они узнали, что король возвращаться из Штральзунда и заканчивать военные действия не собирается. Населением вновь овладели страх и бессилие. Для Карла же целесообразность пребывания в Штральзунде не вызывала сомнений: это был последний шведский оплот на континенте, которому угрожала опасность, значит, он должен быть там. Необходимо было восстановить авторитет шведской армии, «...сначала со шпагой в руке добиться большего уважения к нам со стороны противника», — писал он Ульрике Элеоноре. И, кроме того, поставив Штральзунд и Померанию в центр событий, Карл намеревался отвлечь внимание противника от метрополии, собственно Швеции. Так что Штральзунд становился самым главным пунктом приложения усилий шведской армии и короля, и напрасно супруг Ульрики Элеоноры Фридрих Гессенский советовал Карлу «...высадиться в Лифляндии, прогнать оттуда московитов и вернуть потерянные там земли вместе с Финляндией».

Карл сделал свой выбор и, верный своей привычке, горячо взялся за дело. Он, не слезая с лошади, инспектировал позиции и части гарнизона, разговаривал с солдатами и офицерами, давал указания, ругался с интендантами и делал все, чтобы подготовить город к осаде. Из Швеции был вызван артиллерийский полковник Карл Крунстедт, чтобы улучшить артиллерийское обеспечение Штральзунда, Висмара и Рюгена. Генерал-лейтенант Конрад Ранк, посланный Фридрихом Гессенским из Стокгольма, недовольно сообщал своему патрону, что «...целый месяц он только и делал, что следовал за королем и верхом объезжал с ним все соседние

острова, так что у Е. К, В. и времени не было на то, чтобы прочитать письма, которые я привез с собой». Не в последнюю очередь король позаботился о продовольственном снабжении крепости, и пока союзники не взяли Штральзунд в кольцо, в город завезли огромное количество самых разнообразных продуктов. Достаточно сказать, что в полевых условиях Карлу подавали ветчину, холодную телятину, индюшатину, копченую семгу, баранину, масло и сыр. В резиденции накрывался еще более богатый стол, включавший деликатесы и вина: рейнское, красное (бордо), канарское шампанское, коньяк и пиво. Все, кроме шнапса — чего не было, того не было.

Уже в апреле 1715 года шведские части стали вытеснять пруссаков с секвестированных ими шведских территорий вокруг Штральзунда. При штурме Пенемюнде-Шанце они вступили в бой с прусским отрядом, который положил начало формальной войне Пруссии со Швецией. В конфликт вмешался гессенский ландграф Карл, пытаясь содействовать его урегулированию, но Фридрих I отверг его посреднические услуги, справедливо считая его не свободным от предвзятости: наследный принц Гессена уже примеривал парадный фрак перед женитьбой на Ульрике Элеоноре.

Но первое, что сделал Карл по прибытии в Штральзунд, это молниеносную высадку шведского десанта на остров весной 1715 года. Он взял в плен прусский отряд, разоружил его и прогнал домой. После этого Берлин сделал мину обиженной и оскорбленной в лучших чувствах стороны и открыто присоединился к антишведской коалиции.

В мае 1715 года король упал с лошади, ушиб грудную клетку и был вынужден какое-то время соблюдать постельный режим. К концу лета союзники организовали вокруг города кордон, но без осадной артиллерии и без плотной блокады с моря о взятии крепости речи быть не могло. В свое время, когда Стенбок с десятитысячным корпусом высадился в Померании и без запасов провизии вошел с ним в Штральзунд, всю 16-тысячную группировку шведов можно было бы блокировать в крепости и взять ее измором. Но датчане опоздали подтянуть свою армию, а потом Стенбок уже с 15-тысячной армией вырвался из Штральзунда на оперативный простор, и агония города-крепости растянулась почти на три года.

Осаде города предшествовала возня западных союзников Петра за открывшиеся призы. После долгих закулисных переговоров Ганновер получил наконец свой Бремен, в то время как Данию решили «вознаградить» еще не взятыми у шведов Рюгеном и Штральзундом. Теперь Фредрик IV мог передать в

распоряжение союзников осадные орудия и флот, так необходимые для взятия Штральзунда[236]. В то время как ганноверцы получили право на осаду Висмара, Фредрик IV, Август II, Фридрих I, почуяв добычу, решили не допустить русских к осаде Штральзунда. Корпус фельдмаршала Б. П. Шереметева находился в Польше, где подняли голову поддерживаемые французами «конфедераты» свергнутого С. Лещинского, поэтому уходить оттуда русским было нецелесообразно. В случае ухода русской армии тому же Августу пришлось бы отзывать свои войска из Померании и защищать собственные позиции в Польше. С другой стороны, присутствие русской армии в Польше вызывало отрицательную реакцию османцев, ибо это рассматривалось Стамбулом как нарушение Прутского (1711), а потом и Адрианопольского (1713) мира.

Этим и воспользовались союзники царя: пока корпус Шереметева черепашьими темпами выбирался из польской грязи, они в октябре овладели островом Рюген, полагая, что и без русских возьмут Штральзунд. Датский король даже прислал к Шереметеву своего уполномоченного и предупредил его, что союзники в услугах русских войск не нуждаются. Фельдмаршал был в недоумении — что же ему делать? В его войсках кончалось продовольствие, и без царского указа он двигаться дальше не смел. Царский указ последовал: ради укрепления «твердой дружбы» с прусским королем против его воли не идти.

Поэтому Штральзундская эпопея разворачивалась без русских.

В середине июля 1715 года под Штральзундом появилась датская эскадра вице-адмирала К. Т. Зеестедта и блокировала крепость с севера. Это положило начало активным действиям союзников, вокруг города стали накапливаться прусские, датские и саксонские части — всего около 50 тысяч. У Карла же во всей Померании было около 14 тысяч человек, включая девятитысячный гарнизон Штральзунда, но он спокойно смотрел в лицо опасности: пока еще остров Рюген находился в его руках, а значит, коммуникации со Швецией были гарантированы. В конце июля из Карлскруны прибыла крупная эскадра адмирала К. Спарре. Она прогнала датские корабли и высадила на Рюгене новых рекрутов с необходимыми боеприпасами и продовольствием. На выручку к Зеестедту Копенгаген послал эскадру адмирала П. Рабена, и между датчанами и шведами начались морские сражения, в которых обе стороны несли большие потери. В конечном итоге датчанам удалось оттеснить шведскую эскадру от Штральзунда и восстановить морскую блокаду крепости.

Тенденция уже обозначилась, войну Швеции объявил Ганновер, скоро ганноверцы окружили Висмар, а в июле пал Вольгаст, малочисленный гарнизон которого капитулировал перед превосходящими силами союзников. За ним последовал остров Узедом, на котором после изгнания пруссаков оставался небольшой отряд шведов. Во время высадки вражеского десанта на остров король находился в рядах его защитников. Во время боя под ним убили лошадь, и он едва не попал в плен, но фортуна все еще была на его стороне: генерал-лейтенант фон Розен — тот самый, который выходил вместе с ним из Турции, — отдал королю своего коня, после чего они были спасены подошедшей пехотой.

Сразу после Узедома у Рюгена в жарком сражении сошлись шведский и датский флоты. Карл XII отправился на Рюген, чтобы лично наблюдать за ходом боя, но канонада была настолько сильной и длительной, что дымом сражения заволокло все корабли и сквозь дым мелькали лишь флаги на мачтах. Сражение закончилось вничью — для датчан и этот результат был вполне подходящим. Датский флот отошел на ремонт в Копенгаген, а шведские корабли возвратились на свою базу в Карлскруну.

Через шесть недель датчане снова объявились у Рюгена, в то время как шведы все еще ремонтировались в Карлскруне. Карл всполошился: блокада Рюгена могла обернуться для Штральзунда самыми драматическими последствиями, коммуникации были бы перерезаны, и никакого подвоза подкрепления, боеприпасов и продовольствия осажденному гарнизону Штральзунда осуществить было бы невозможно. В Карлскруну посылали одного курьера за другим, чтобы ускорить выход шведского флота, но все было напрасно — флот безнадежно задерживался.

«С Рюгена в ожидании флота со стороны моря проглядели все глаза, — пишет Нурдберг. — Письмо из Карлскруны заверяло, что флот готов к выходу в море, что на борт кораблей погружено все необходимое по приказу Е. К. В., но нет только попутного ветра. После долгого бесплодного ожидания флота, когда он был так нужен, Е. В. был вынужден довольствоваться тендерами, а адмирал Спарре несколько раз делал попытки выйти в море, но из-за сильного ветра возвращался назад...»

Вероятно, преодолеть ветер было на самом деле невозможно. Кажется, подчиненные адмирала Спарре не испытывали чрезвычайного желания выходить из Карлскруны вообще. Во всяком случае, флот остался там, где он был, и его роль при Карле XII была окончательно сыграна, потому что и в следующем году он тоже не вышел в море — уже из-за отсутствия снаряжения.

Штральзунд был теперь обречен, хотя король делал все возможное, чтобы сохранить хотя бы статус-кво. Между тем датчане с моря преодолели преграды, рассеяли местную малую флотилию шведских судов и, несмотря на упорное сопротивление, организованное королем, приступили к подготовке высадки союзного десанта на Рюген. На острове, кроме небольшого ополчения милиции, шведы держали отряд в количестве трех тысяч человек; с ними Карл занял позиции прямо напротив скопившихся на траверзе транспортных кораблей противника и стал ждать высадки десанта.

Первая попытка объединенных союзнических сил провалилась. Когда они увидели перед собой готовых к отражению атаки шведов, то повернули баркасы назад. Было решено подыскивать для десанта другое, более подходящее место. Следующая попытка была сделана во второй половине дня 15 ноября несколько восточнее шведских позиций у местечка Штрезов. Союзники беспрепятственно высадили на побережье острова пехоту, артиллерию и даже кавалерию и сразу стали оборудовать плацдарм для расширения дальнейших боевых действий. Шведы не успели им помешать и прибыли к месту высадки лишь поздним вечером, когда противник уже закончил возводить необходимые оборонительные сооружения.

Союзные прусско-саксонско-датские части, возглавляемые прусским князем и маршалом Леопольдом Анхальт-Деесаусским, имели над шведами пятикратное превосходство, но совершенно подавляющим это превосходство было в пехоте: союзники высадили на Рюген 20 батальонов, то есть около 12 тысяч человек, в то время как в распоряжении Карла находились два батальона численностью в 750 человек и 2200 всадников, включая драгун, в основном голштинцев[237]. Кавалерия князя Леопольда еще не закончила высадку, и временно шведы получили небольшое преимущество в этом роде войск, которое, впрочем, они реализовать не могли из-за сильных оборонительных укреплений противника.

Любой другой военачальник в создавшейся ситуации посчитал бы ее безнадежной. Но Карл XII решил предпринять ночную атаку на лагерь пруссаков, датчан и саксонцев: если штурм лагеря принесет успех — хорошо, если штурм закончится неудачно — тоже ничего страшного, ведь ситуация на Рюгене уже не будет хуже. А темнота все же могла помочь нападающим. В темноте легко создать панику и беспорядок, в котором нападающий всегда имеет преимущество.

Карл выбрал наиболее удобное, по его предположениям, место для штурма и выстроил свой отрад в узкую колонну,

возглавляемую пехотой. Огонь артиллерии предполагалось тоже вести концентрированно на атакуемую позицию противника. В три часа утра 16 ноября в кромешной темноте артиллерия шведов открыла огонь, после чего пехота — один померанский и один бременский батальоны во главе с генерал-адъютантом Карлом Эриком Торстенссоном — без единого выстрела, поддерживаемая кавалерией, бросилась вперед. Каролинцы сделали бреши в испанских рогатках и взобрались на валы, за которыми находились датчане, но их атака захлебнулась, и шведы были отброшены назад. Карл приказал предпринять вторую попытку и бросился вместе с солдатами на датские валы. Во время атаки конь короля застрял в испанской рогатке, был ранен шрапнелью и рухнул на землю, подмяв под себя всадника. Почти одновременно получил пулю в грудь и всадник. Это была четвертая пуля короля. К нему подоспел капрал драбантов Нильс Кристер Баумгартен, один из ветеранов, находившийся при короле с самого начала войны, который помог раненому подняться и дал ему свою лошадь. Карл находился почти без сознания и потерял управление боем. Князь Леопольд выслал всю свою наличную кавалерию, чтобы с фланга рубить шведских пехотинцев, но шведская кавалерия тоже не бездействовала и отогнала пруссаков обратно за укрепления.

Потерпев неудачу во второй атаке и имея на руках раненого короля, шведы отступили. Противник тем не менее был впечатлен этой ночной вылазкой шведов и оставался весь следующий день на своем плацдарме в состоянии боевой готовности. Шведы потеряли в этом бою 400 человек убитыми и около 200 ранеными. Этот бой, кстати, стал первым шведским поражением, в котором король принимал участие в общем строю с солдатами. Многие ветераны считали для Карла XII этот бой одним из самых важных и знаменательных. В ночном бою под Штрезовом погибло много старших шведских офицеров, лично знакомых королю, включая и казначея генерал-майора Гротхюсена. Бедняга так и не успел выполнить свое обещание расплатиться с турецкими кредиторами! Карл сильно горевал по своим соратникам, но признался, что завидует им, потому что они погибли на поле боя, как подобает настоящим воинам:

— Это намного лучше, нежели умирать медленной смертью в мрачном окружении врачей, нотариусов и всхлипывающих родственников.

Рана короля — в левую половину груди — оказалась не очень серьезной, вместе с другими ранеными он был переправлен в Штральзунд и с помощью лейб-медика Мельхиора Ноймана через несколько дней встал на ноги. Для здоровых солдат средств для

переправы по воде не хватило, и они все попали в плен. Короткая, но драматичная эпопея обороны Рюгена завершилась. Падение Штральзунд а стало теперь вопросом времени.

27 ноября, когда союзные войска приступили к бомбардировке крепости, Карл покинул постель и вернулся в строй. В первый же день его жизнь снова подверглась опасности. По рассказам историка Нурдберга и драбанта Акселя Патрика Томсона, Карл XII стоял на площади, ожидая каких-то офицеров, когда рядом с ним упала бомба. Все, кто был рядом, кроме вышеупомянутого драбанта, разбежались в стороны, в то время как драбант успел встать между королем и бомбой, заслоняя его своим телом. Король подбежал к шипящей бомбе и пнул ее ногой. Бомба свалилась в канаву и, словно скорчившись от боли, скоро «сдохла». Еще одна удача для короля! Которая по счету?

Как-то вечером Карл решил сделать рекогносцировку занятого противником Рюгена, для чего ему предоставили небольшой баркас с несколькими матросами и корабельного мастера Шмидта вместо капитана. При приближении к острову баркас попал под сильный мушкетный обстрел, Шмидт тут же упал на дно суденышка, а король, наоборот, выпрямился, снял перчатку с левой руки и стал махать правой. Закончив осмотр, король приказал возвращаться обратно в гавань Штральзунда. Шмидт постепенно пришел в себя и обратился к королю с такими словами:

— Ваше величество, я никакой не капитан, а корабельных дел мастер вашего величества. Мое дело днем строить суда, а по ночам строгать детей.

Король дружелюбно заметил, что и в качестве капитана корабельный мастер Шмидт не посрамил своей профессии.

А кольцо вокруг Штральзунда неуклонно сжималось, и ветхие крепостные сооружения города плохо выдерживали осаду. Главнокомандующий союзными войсками Фридрих Вильгельм I предлагал покорить город изнурительными бомбардировками, как это в 1678 году сделал его отец. Саксонский генерал Ваккербарт планировал взять крепость по всем правилам фортификационного искусства. Он разработал план штурма крепости в самом сильном месте — в так называемых Франкских Воротах. Прусский подполковник фон Кеппен, знавший крепость изнутри, подсказал саксонцу, что редуты на Франкских Воротах можно незаметно обойти ночью через омывающий их морской рукав, глубина которого не превышала полутора метров. На эту же идею, возможно, натолкнул Ваккербарта и шведский перебежчик, лейтенант Маршальк, который перешел на сторону противника, оскорбленный грубым обращением своего

полковника.

Об операции не предупредили даже датчан. Ваккербарт сообщил им только, что главный удар должен был наноситься на их участке, и когда наступила ночь, датчане дали залп из пушек и пошли в атаку. Пушечный залп послужил сигналом к скрытому маневру саксонцев и пруссаков у Франкских Ворот. Им удалось незаметно для шведских защитников преодолеть водную преграду и ударить им в спину. Ворота взять не удалось, но взятие редутов ускорило падение крепости и усилило раздоры в лагере союзников. Датский генерал фон Шольтен был крайне возмущен тем, что его не посвятили в секретный план штурма Франкских Ворот, и стал демонстративно саботировать сотрудничество с союзниками. Фредрик IV отдал приказ фон Шольтену занять Рюген и назначил на нем датского губернатора.

Карл XII, только что вернувшийся с Рюгена, за потерю редутов у Франкских Ворот устроил своим «ротозеям» разнос. Кроме позиционного урона, шведы понесли большие потери в живой силе: из 1100 защитников редутов 700 были убиты или попали в плен. Король с утра до вечера пропадал на передовой. 18 декабря погиб молодой фон Дюринг. Положение осажденных с потерей Рюгена и отсутствием поддержки со стороны флота стало безнадежным. Никто не знал, о чем думал в эти дни Карл XII, он ничем не проявлял своей озабоченности, хотя вполне естественно предположить, что мысли его посещали отнюдь не веселые. Выхода не было: можно было выбирать между капитуляцией и гибелью под руинами города. Не исключено, что король предпочитал второй вариант, но об этом никому не говорил. Шведская армия уже капитулировала дважды: под Переволочной и в Тённинге. Третью капитуляцию Карл не хотел допустить ни под каким видом.

Большую часть времени он оставался наедине с самим собой и стал даже более одиноким, нежели в Турции, — и в личном плане, и в политическом. Все товарищи его погибли, а на дипломатическом горизонте, закрытом плотными тучами, не было ни малейшего просвета. Неожиданно Карл решил пойти своим врагам на дипломатические уступки: он предложил пруссакам город Штеттин, датчанам — денежную компенсацию за то, чтобы сохранить Штральзунд с Рюгеном за собой. Но было уже поздно — противник решительно отклонил это «великодушное» предложение.

Гражданское население крепости (около восьми тысяч человек) переносило тяготы осадного положения с достоинством и молилось о спасении короля Швеции. Офицеры и свита упрашивали его пренебречь дальнейшей судьбой города и

попытаться спастись, пока это было возможно: ведь с гибелью короля, говорили они, Швеция совсем пропадет. Маленький остров Хидцен Зее, расположенный к западу от Рюгена, чудом сохранился в шведских руках, и существовала возможность на небольшом судне незаметно выбраться из Штральзунда. Нужно было торопиться, потому что зима стояла холодная и морозы сковывали прибрежные воды, отвоевывая у моря все новые и новые пространства. Король колебался: один раз, после Полтавы, он уже бросил своих солдат на произвол судьбы, на второй раз не хватало решимости. С другой стороны, смысла оставаться в Штральзунде уже не было, потому что удержать город от падения не было никакой надежды. Оставаться и дальше в крепости лишь для того, чтобы продемонстрировать непреклонность перед врагом и солидарность со своими солдатами?

22 декабря он наконец сдался. Акваторию порта и подступы к нему уже сковало льдом, и оставалась лишь узкая протока, вырубленная и пропиленная во льду специально для Карла. В два часа утра он сел в небольшую весельную шлюпку и благополучно добрался до Хидден Зее, где его уже ждал корабль. С ним отправились генерал-адъютанты фон Розен, Отто Юхан фон Дюринг[238] и камер-паж Юхан Мандершерна. По дороге шлюпка попала под обстрел, но благополучно добралась до островка, где пассажиры пересели на лихтер или грузовой галиот «Кит» и вышли в море. «Кита» сопровождали еще два лихтера, на которых разместились персонал канцелярии короля и какие-то «поляки и турки» — скорее всего, «финансовые люди» погибшего казначея Гротхюсена, не терявшие ни при каких обстоятельствах надежды получить со шведов свои денежки. Верных драбантов король оставил в Штральзунде.

Впрочем, о драбантах и о гарнизоне позаботился генерал Дюккер: на следующий день после бегства Карла из Штральзунда, 23 декабря 1715 года, он принял предложенные противником условия капитуляции, согласно которым остатки королевского двора, драбанты, а также тысяча природных шведов со 120 офицерами, при сохранении оружия, получали право свободного возвращения на родину в Швецию[239]. В те времена между враждующими аристократическими кланами еще существовала такая старомодная «нелепость», как рыцарственность и великодушие по отношению к побежденным, которая в более поздние времена была тщательно вычищена и вытравлена новыми подходами к ведению боевых действий.

… Накануне из Стокгольма пришло известие о смерти «папымамы» — так иногда Карл называл свою бабушку Хедвиг Элеонору. Предсмертным пожеланием 79-летней королевы-вдовы

было заключение мира и возвращение внука домой. По поводу похорон бабки сестра несколько раз писала брату в Штральзунд, но он ей так и не ответил. Скромные похороны состоялись в январе 1717 года. Вместе с ней в усыпальницу королевской семьи в церкви Риддархольмсчюркан положили гроб с телом старшей сестры Карла Хедвиг Софии, который с 1708 года стоял в Стокгольме непогребенным.

Глава двадцать первая
ДОМА

...и что ж осталось
От сильных, гордых сих мужей ?
Столь полных волею страстей?

А. С. Пушкин. Полтава

После 15-летнего отсутствия Карл XII скромно и без всяких церемоний и салютаций вступил на свою землю. Это случилось в шесть часов утра 24 декабря 1715 года близ города Треллеборга. Постояв некоторое время у большого камня, он в сопровождении своих спутников двинулся пешком к городу. Он прошел через весь город по главной улице, потом сел в карету и после обеда приехал в Истад. Там Карл поселился в тех же апартаментах, в которых ночевал в июне 1700 года перед отплытием на войну с датчанами. «Король уже весь сед и оплешивел, и токмо по обеим сторонам за ушми немного волос кудреватых осталось», — через два года доложит Андрей Иванович Остерман царю Петру с Аландской мирной конференции. В поседевшем и оплешивевшем человеке, со следами пережитых страданий на лице, вряд ли бы кто узнал прежнего Карла, отправившегося в поход на Копенгаген пятнадцать лет тому назад...

В доме стояла все та же мебель: диван, крашеный платяной шкаф, выставленные на подоконниках мирты... Вероятно, та же самая служанка в белом переднике встретила его на пороге. Испытывал ли он какие-либо чувства, оказавшись через столько лет в той же самой точке своего жизненного пути? Или его сердце, как всегда, билось ровно и холодно? Вспоминал ли он о прошлом как о какой-то героической саге или окрашивал его в самые мрачные тона? А может быть, все это было сном? Истад — Хумлебэк — Нарва — Лаис — Двина — Клишов — Краков — Торн — Хайльсберг — Лемберг (Львов) — Пунитц — Гродно — Альтранштедт — Головчин — Татарск — Костеничи — Батурин — Гадяч — Коломак — Полтава — Переволочна — Очаков — Бендеры — Прут — Демотика — Потеши — Штральзунд — Истад.

Круг замкнулся.

Француз О. Монтрайё писал о резиденции шведского короля в Иетаде, что, с тех пор как Карл XII покинул в 1700 году Стокгольм, «...для своего жилья он всегда выбирал самые неудобные и неприятные помещения». С ним не соглашается швед

Б. Лильегрен: Монтрайё был скорее заинтересован в создании мифов вокруг короля Швеции, чем в правдивом описании его жизни. Дом, в котором поселился Карл, был самым лучшим в Истаде и выглядел он вполне прилично.

Долгое время с легкой руки историков А. Фрюкселля и К. Гримберга циркулировал мрачный анекдот о Карле XII, согласно которому он якобы сразу по прибытии домой отдал приказ расстрелять капитанов и экипажи двух судов, не явившихся в Хидден Зее для осуществления спасательной операции. Галиоту «Проворный» и еще одной бригантине действительно было приказано держаться поблизости от Штральзунда и быть готовыми к тому, чтобы принять на борт короля, но в связи с тяжелой ледовой обстановкой они были вынуждены уйти в открытое море, так что в распоряжении Карла XII остались лихтер «Кит» и еще какие-то два грузовых суденышка. Король действительно приказал расстрелять несколько дезертиров с Рюгена, среди которых и был один шкипер, но никакого отношения к спасательной операции эти люди не имели[240].

Как бы то ни было, но анекдот отражает то подавленное настроение, в котором Карл пребывал по возвращении на родину. Ф. Г. Бенгтссон пишет, что он, измученный длительной походной жизнью и «обогащенный» полученными в Турции уроками, приобрел склонность к восточной жестокости и находился в состоянии глубокого отчаяния и полу-помешательства. Но внешне он ничем не выдавал своего настроения. Один голландский дипломат писал, что «…все, кто побывал в Истаде, не жалеют слов на описание бодрого настроения и милостивого отношения короля ко всем, кто к нему приближается. Они заверяют, что никогда раньше не видели своего короля таким разговорчивым, радостным и довольным, как теперь». В то же время все отмечали, что король сильно изменился внешне: у него появились большие залысины, на обветренном лице явственно проступили рубцы от перенесенной в детстве оспы, а волосы на висках поседели; синие глаза все так же были полны жизни, но, когда он чувствовал себя усталым, правый глаз неестественно расширялся и взгляд становился странно пристальным; исчезла былая гибкость, появилась хромота…

Несомненно, король в последние годы правления был суровым хозяином для своей страны, ненавидимым не только чиновным сословием, но также и большинством населения. За короткое время Карл приобрел характеристику сумасшедшего, потому что не желал и слышать о мире. На самом деле, как считают большинство шведских историков, мира король желал, но не на таких грабительских и унизительных, как он считал, для

него и его страны условиях. Он возлагал надежды на время и ловкость своего нового помощника барона Гёртца. А пока нужно было организовать вокруг Швеции надежную оборону, чтобы, с одной стороны, внушить врагам уважение, а с другой — иметь возможность в случае вторжения отбиваться от наседающего противника. А хорошая оборона всегда даст возможность использовать и наступательные методы. Для этой «простой» программы действий, к сожалению, не хватало трех вещей: времени, солдат и денег. А раз не хватало времени, то средства для достижения двух других целей должны быть скорыми, эффективными и суровыми.

Но страна устала и ждала мира. Мира во что бы то ни стало. Мира любой ценой и как можно быстрее. Шестнадцати лет опустошительной войны было слишком много даже для такой воинственной страны, как Швеция. А когда с прибытием короля налоги стали расти еще больше и возобновились рекрутские наборы, настроение шведов ухудшилось до отчаяния. Им стало ясно, что ничего хорошего от будущего ждать не приходится. Страна шла к пропасти — моральной, экономической, социальной и военно-политической. К тому же, как назло, в последние три года правления Карла в Швеции случился неурожай. Нужда стучалась в каждую шведскую дверь.

Король между тем придерживался мнения, что кое-какие резервы в стране еще сохранились, нужно только преодолеть косность, инерцию и нежелание, а средства вместе с людьми найдутся. Чтобы знать настроения своих подданных, Карл поручил генеральному фискалу Лейонстедту организовать систему полицейского сыска. Мало ли в какое русло могло направиться недовольство войной! И хотя в народе при Карле XII и после него твердо укоренился миф о том, что в последней его армии воевали одни мальчишки и подростки, статистика населения за 1750 год, утверждает Ф. Г. Бенгтссон, показывает другое: в стране в 1715 году еще были молодые мужчины, и с рекрутскими наборами короля все обстояло не так уж и мрачно. А уж истории о том, как в одной округе женщины передрались между собой из-за одного портного как единственного не призванного на войну мужчину, нужно отнести к разряду фантазий.

В народе последние три года при Карле XII называли «гёртцевской годиной», внешне очень похожей на русскую «бироновщину». Сразу, как только король объявился в Швеции, начинается быстрое восхождение нового его сподвижника — барона Георга Хейнриха Гёртца, «отметившегося» во всех сферах общественной деятельности королевства: в политике,

дипломатии и экономике. Не лишенный талантов, человек инициативный, бесцеремонный и беззастенчивый, свободный от всякой национальной привязанности, типичный искатель счастья, а главное — полностью разделявший взгляды своего повелителя и пользовавшийся его полным доверием, «блестящий барон» Гёртц стал теперь единственной крупной фигурой Швеции, заменив графа Пипера и всех королевских генералов и дипломатов.

«Паткуль наизнанку» родился на юге Германии, поступил на службу к голштинскому герцогу, стал его пажом, а потом личным советником и министром, одновременно выполняя обязанности личного посланника шведского короля при голштинском дворе. Этот человек обладал способностью видеть разрозненные вещи в их совокупности и был одержим такой активной деятельностью, которую только превосходила его изобретательность. Он в чем-то походил на самого Карла XII, что и объясняло причину их тесных и гармоничных отношений. Они оба не любили размениваться на мелочи, избегали полумер и боязливой осторожности, оба мыслили широкоформатно и смело. К тому же барон, в отличие от короля, был человек практического склада и полезен королю во всех повседневных и житейских делах.

Вольтер, встречавшийся в Париже с бароном до его поступления на шведскую службу, довольно тесно сошелся с ним. «Не бывало еще человека столь податливого и в то же время столь отважного, столь находчивого в неудачах и столь амбициозного в своих замыслах, — пишет Вольтер. — Никакой проект не пугал его, и ни перед какими средствами для осуществления своих целей он не останавливался, рассыпая повсюду подарки, обещания, клятвы, ложь и истину».

Французский историк А. Жоффруа, современник Гёртца, оставил о нем следующую характеристику: «Барон Гёртц был, несомненно, одним из тех политических интриганов, чья ловкость и наглость столь часто будоражили политику XVIII века. Он родился в добропорядочном франконском семействе, учился в Йене, был сначала пажом у зятя Карла XII, герцога Голштинии, и сделал себе карьеру при этом маленьком дворе. По его происками получил отставку первый министр, чье место он и занял после смерти герцога. Этот трусливый, наглый и развратный картежник стал абсолютным властителем герцогства, но его амбициям было тесно в столь узких пределах. Занимаясь делами Голштинии, он сделался известным Карлу XII и во время своей поездки в Бендеры[241] понравимся королю. Участвуя в интригах, связанных с проблемой шведского престолонаследия, он не постеснялся[242] явиться к Карлу XII после его возвращения из Турции, чтобы предупредить возможное неудовольствие короля и всячески

угодить его страсти к войне, обещая доставить для оной новые средства и новых рекрутов. Уже с начала 1716 года Гёртц имел безраздельное влияние на короля, не получив при этом никакой официальной должности и даже шведского подданства».

Гёртц был человеком не только слова, но и дела. Он взялся самолично «тянуть» воз шведской дипломатии и великолепно с этим справлялся. Он придумал, как добыть для армии деньги, и деньги стали поступать в казну. Еще до него Карл с подачи К. Фейфа ввел в стране в употребление новые шведские деньги — мера, которая срабатывала не очень успешно и которую несправедливо приписывали потом Гёртцу. Барон же перенял опыт Франции и Голландии и предложил королю апробировать в Швеции систему облигационных займов. Он занялся рекрутскими наборами — дело и тут сдвинулось с места. Чиновничество и Госсовет оставались на своих местах, но они практически бездействовали — все делал неутомимый Гёртц с несколькими своими помощниками. Формально он так и остался голштинским министром, а на деле стал новым «великим визирем» Карла XII (кстати, Великий Визирь было одним из его прозвищ). Среди фаворитов разных монархов барон Гёртц казался удивительной, просто выдающейся личностью. Он выглядел настоящим Геркулесом. В положении Карла и страны Гёртц был сущей находкой.

Что же Карл? Король тоже не сидел без дела.

Накануне Рождества в Истад приехал его зять — Фридрих Гессенский, ставший по распоряжению короля генералиссимусом шведской армии. На обеде, данном в его честь, король вопреки своим правилам разговаривал, шутил и выглядел вполне довольным. Это была первая встреча Карла XII с мужем сестры. Гессенцу было уже 38 лет, и он на 15 лет был старше Ульрики Элеоноры, для него это был второй брак (его первая жена умерла в 1705 году). К браку сестры с гессенским принцем король Карл относился, мягко говоря, противоречиво. Тщеславный Фридрих женился на Ульрике Элеоноре отнюдь не по любви, в чем он позже признавался сам. Хотя шведский король никогда и не высказывался о причинах своих сомнений, но, скорее всего, они носили династический характер. У самого короля детей не было, и ситуация с его наследником выглядела не совсем однозначно. На шведский трон после его смерти могли претендовать два человека: родная сестра короля Ульрика Элеонора и его племянник, сын старшей сестры голштинский принц Карл Фридрих, которого усердно «продвигал» барон Гёртц, На стороне сестры был старый закон о престолонаследии, но он действовал в ее пользу в случае, если она не была бы замужем. Все это можно

было бы урегулировать и закон изменить, но Карл вел себя пассивно и оставлял вопрос открытым.

Как всегда, король занялся армией[243]. Получив богатый опыт на полях сражений, он приступил к ее кардинальной реорганизации. Король по-прежнему делал ставку на сильную кавалерию, а в части пехоты — на пику и штык, дал возможность барону Карлу Крунстедту создать новый род войск — артиллерию, которая стала более мобильной. Артиллерийские батареи применялись теперь не только в составе воинских частей, а придавались им как самостоятельные боевые единицы. Реорганизации подверглись также управление войсками и система мобилизации. Основной тактической единицей оставался полк, но полки стали объединять в бригады (indelningar) и армейские группы (tilldelningar). Во главе каждого рода был поставлен командующий (командующий пехотой, командующий кавалерией и командующий артиллерией). Появилась новая структура главного штаба — он состоял из семи отделов, наделенных постоянными функциями и полномочиями: первый — юридический; второй — полевой комиссариат, ведавший полевой кассой, снабжением и состоянием здоровья личного состава; третий и четвертый отделы занимались содержанием и обучением полков (один — для кавалерии, другой — для пехоты и артиллерии), а пятый, шестой и седьмой — оперативные отделы, то есть Генштаб в узком смысле слова: маршевый отдел, отдел порядка (маршруты движения, полевые лагеря, подвоз материальной части) и отдел планирования операций.

... В январе 1716 года в резиденции Карла в Истаде случилась странная история — из личной комнаты короля пропали шкатулка и хранившиеся в ней вместе с некоторыми важными документами 2 тысячи дукатов. Через два дня шкатулку подложили обратно, в ее замке обнаружили обломок ключа. Обломок показали местному слесарю, и тот признал, что ключ был сделан им по заказу одного господина. Какого? Ремесленник фамилии заказчика не запомнил, внешность его описать точно не смог, зато сказал, что если встретит его, то, несомненно, опознает. Дальше все было делом техники: следователи взяли ремесленника в резиденцию Карла и стали вместе с ним наблюдать за всеми посетителями. Когда дверь резиденции открыл генерал-адъютант Карла полковник Отто Юхан фон Дюринг, ремесленник указал на него пальцем: «Вот этому господину я сделал ключ».

На следующий день (на седьмой день после кражи) в присутствии гофмаршала Густава фон Дюбена состоялась очная ставка ремесленника с Дюрингом. Слесарь повторил свои

показания, а Дюринг, признав, что ключ у него действительно заказывал, заявил, что речь шла о другом ключе, не имевшем к шкатулке никакого отношения. В доказательство он потряс перед Дюбеном связкой ключей. Слесарь, однако, продолжал утверждать, что найденный в шкатулке обломок был от ключа, изготовленного им по заказу Дюринга.

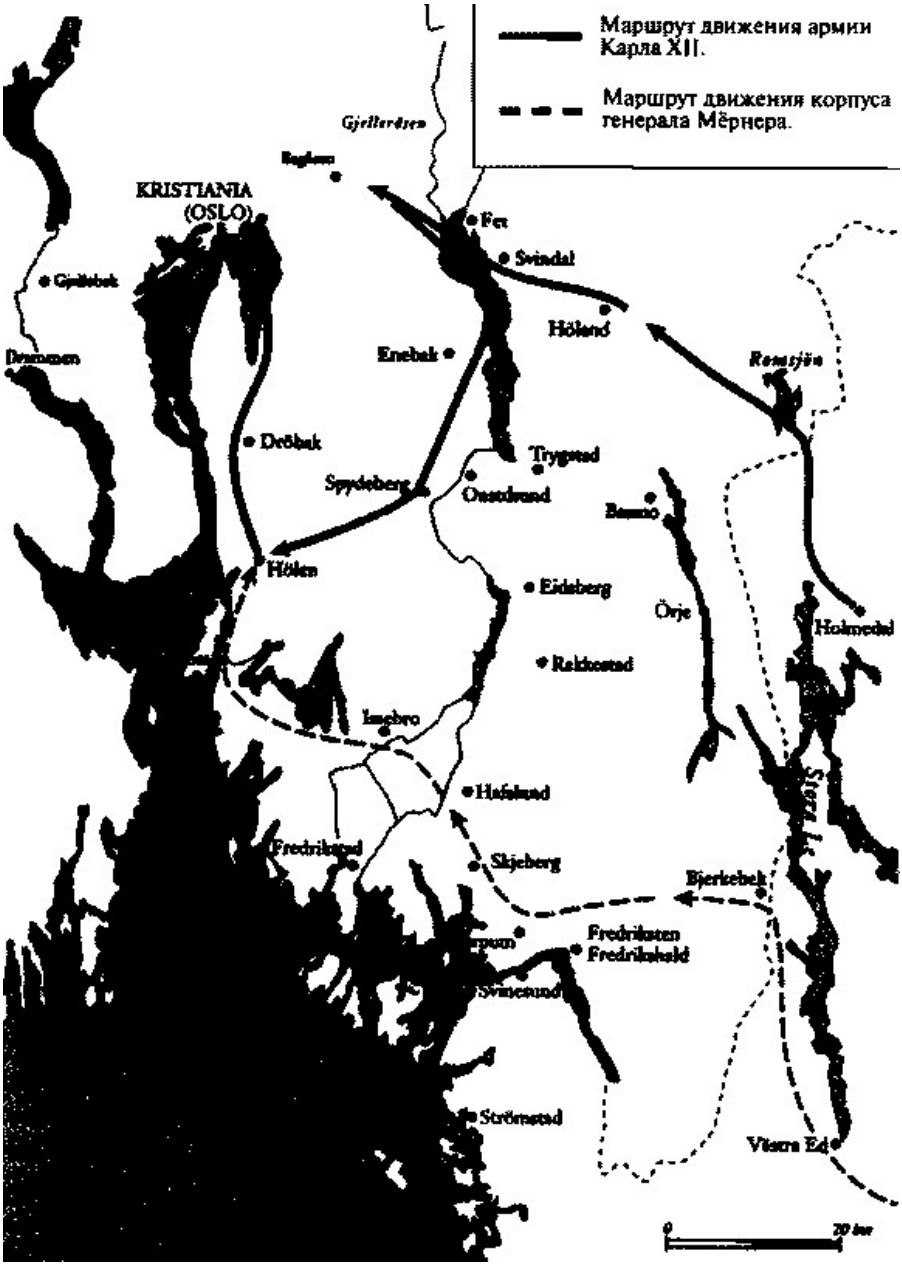
Следствие и очная ставка были проведены без ведома короля, и когда он узнал ей этом, то сделал Дюбену сильное внушение. Как можно было верить показаниям какого-то подлого слесаря и бросать тень подозрения на офицера каролинской армии! Генерал-адъютант не может украсть! Но когда королю предъявили новые доказательства причастности Дюринга к исчезновению шкатулки, он, кажется, уже поверил, что генерал-адъютант все же может стать вором. Во-первых, слуга Дюринга показал, что на упомянутой выше связке ключей одного ключа не хватает. Во-вторых, Дюринг предпринял попытку подкупить жену слесаря, чтобы она уговорила мужа изменить свои показания. Когда все это обнаружилось, Дюринг стал путаться в своих показаниях.

Излишне говорить, как сильно был потрясен Карл произошедшим. Он дал указание уволить Дюринга из армии и по возможности сохранить его дело в тайне, чтобы не дать повода для подозрений в отношении всего офицерского корпуса. Когда же Дюринг стал пробиваться к королю, чтобы доказать свою невиновность, король приказал выслать его из страны. Бывший полковник и генерал-адъютант долго — даже после смерти Карла — и безуспешно пытался смыть с себя позорное пятно. Окончательную ясность в это дело не смогли внести и историки: судя по всему, король Швеции приказал уничтожить все документы следствия, дабы потомки не могли узнать об этом позорном для каролинской армии происшествии.

... Сразу после наступления нового, 1716 года судьба, казалось, стала подсовывать королю в руки новые козыри. Как уже упоминалось выше, на Балтике стояли такие крепкие морозы, что они сковали пролив Эресунн. По нему каждый день на шведский берег добирались бежавшие из датского плена шведские солдаты и офицеры. Король тут же распорядился подтянуть к Ландскруне несколько полков, что вызвало в Копенгагене настоящий переполох. Датчане вспомнили, как дед нынешнего шведского короля, Карл X, в свое время — правда, во внутренних датских проливах — перебросил по льду свою армию и нанес датчанам решительное поражение. И Карл XII воспылал надеждой в предчувствии новой победы. Но нет! Подули сильные ветры и взломали лед в Эресунне.

Чтобы взять реванш за поражения на юге и не показаться спящим в берлоге медведем, король решил тогда совершить набег на Норвегию. Толчком к первому норвежскому походу послужил переход на шведскую сторону норвежского унтер-офицера Вильстера, который еще в сентябре 1715 года сделал принцу Фридриху Гессенскому предложение напасть на Норвегию в зимнее время. Другой наступательной альтернативы королю в этот момент просто не подвернулось. Оборонительные возможности Норвегии были ограниченны, а время, для того чтобы ошеломить противника, было подходящее: кто же воюет зимой? Поскольку самым важным было налететь неожиданно, то готовились к походу быстро, то есть кое-как, но в обстановке глубокой секретности.

Когда шведы 27 февраля 1716 года выступили из Истада, никто из них не знал, куда ведет их король, и ни на ком из них, включая самого монарха, не было даже хороших зимних вещей. Т. Г. Бъельке, командир Бухюсленских драгун, когда его полк подняли по тревоге, подумал, что предстоит очередной смотр или учения. Поэтому, как вспоминали потом об этом Понятовский, фон Розен и Бъельке, участвовавшие в первом норвежском походе Карла XII люди зябли и ужасно страдали от холода и голода.



Первый норвежский поход Карла XII. 1716.

Перед вторжением в Норвегию король издал приказ о необходимости вежливого и почтительного обращения с местным населением[244]. Шведским силам на юге Норвегии противостоял датско-норвежский корпус Бартольда Хенрика фон Лютцова в количестве 13 500 человек, а на севере, в районе Тронхейма, дислоцировался еще один отряд численностью около шести тысяч человек. Планом Карла предусматривалось перекрыть горные

перевалы в центре страны, чтобы помешать соединению южного и северного контингентов противника и нанести удар по столице Норвегии Христиании (Осло) с севера (сам король) и юга (генерал К. Г. Мёрнер).

С Карлом шел небольшой корпус численностью 3200 человек. При переходе через норвежскую границу имел место кавалерийский бой, в котором были ранены Понятовский и гессенский зять короля (последний был вынужден вернуться на лечение в Швецию). Однако шведы рассеяли датско-норвежский отряд и взяли в плен их командира полковника Крусе. В бою чуть не погиб король — его спас на этот раз фон Розен. Поскольку фон Лютцову своевременно удалось поставить сильный заслон на важных горных перевалах, прикрывающих подступы к Христиании (Осло) с севера, то шведы были вынуждены повернуть на юг, чтобы идти на соединение с корпусом К. Г. Мёрнера.

Местность была незнакомой, покрыта глубоким снегом, и шведы шли наугад. Все мужское население разбежалось по лесам, а на редких хуторах оставались одни женщины, старики да дети. На одном таком хуторе шведы с трудом отыскали какую-то древнюю старуху с трубкой в зубах и за хорошее вознаграждение уговорили показать дорогу. Старуху привели к королю, тот без всяких предисловий взял ее за руку, и они вместе по глубокому снегу заковыляли в лес. Зрелище, как вспоминали очевидцы, со спины было незабываемое: прихрамывающий по-стариковски король Швеции по пояс в снегу, а рядом, рука об руку с ним, ковылявшая старая карга, изо рта которой, как из паровоза, столбом валил дым! Трубка гасла, и тогда Карл помогал ей закурить снова. Король спрашивал ее о жизни, о стране, и время прошло незаметно. Старуха вполне справилась со своей задачей, и на прощание король вручил ей пару золотых дукатов. Норвежка изумилась и спросила: «Ты кто?» Карл ответил, что он такой же, как и люди радом. «Наши офицеры не такие щедрые», — сказала она и ушла.

О Карле XII в период первого норвежского похода сохранились и другие воспоминания, например, свидетельства норвежского пастора Сёрена Хагерупа из местечка Аас, у которого король переночевал вместе с генералом Юханом Виммерихом Дельвигом, А. Левеном, двумя поварами и камер-па-жом Мандершерной. Пастор видел короля молодым и нашел теперь его сильно изменившимся. Король был простужен, говорил невнятно, и пастор с трудом его понимал. Во время всего разговора с уст Карла не сходила улыбка. «Он, казалось, не ходил, а порхал или летал, как муха, — вспоминал Хагеруп, — что было вполне понятно, потому что он никогда не снимал с

себя плаща, а его нога была сильно повреждена. Из носа у него постоянно торчит “шнурок” густой жидкости, и вид его довольно неприглядный — особенно когда он ест, ибо он забрасывает в рот пищу, как сумасшедший, а не как король. В одиннадцать часов вечера он поел вместе со своими любимцами генерал-майором Дельвигом и полковником Левеном, а в час ночи лег спать прямо на солому, не снимая сапог со шпорами, в плаще и со шпагой. Говорят, что он спит так всегда, а Дельвиг ложится рядом с ним. Из питья он употреблял только холодную сырую воду, но поесть он любил. Ровно в четыре утра он был уже на ногах».

... Соединившись с Мёрнером, Карл предпринял штурм Христиании, и 22 марта они совместными усилиями заняли норвежскую столицу. Этой вылазкой Карл XII добился своей первой цели: он все-таки слегка разозлил датчан, и это было лучше, чем сидеть без дела в Истаде и ждать, когда враг вторгнется в страну.

Но главной цели — уничтожить датско-норвежскую армию — шведы достичь не смогли: Б. Х. Лютцов отвел свои войска к Драммену, на запад от Христиании, на хорошо оборудованные позиции, а замерзшие и изголодавшиеся шведские соединения выдохлись и ничего сделать с ними не могли. Шведы предприняли ряд безуспешных атак, в ходе которых погибли и попали в норвежский плен несколько сотен солдат и офицеров, среди которых оказался и любимец Карла полковник Аксель Левен. Затем последовал еще один неприятный удар: из-за некомпетентности и трусости генерал-лейтенанта К. Л. Ашеберга, сына известного фельдмаршала, оставленного в тылу для обеспечения тыла шведской армии, противнику удалось высадить с моря десант, уничтожить шведский гарнизон в количестве 600 человек и перерезать коммуникации, связывавшие армию со страной. Положение шведской армии стало критическим. Викинговский набег (а иначе эту операцию назвать трудно) показал, что без поддержки флота все действия шведов обречены на провал, а норвежский ландшафт оказался намного труднее для военных действий, чем его себе представлял Карл по картам и из сообщений норвежского перебежчика.

Простояв пару недель в норвежской столице, Карл отошел обратно на юго-восток и разбил свою штаб-квартиру в местечке Торпум, в нескольких километрах к западу от города Фредриксхалль, где его армия и простояла до конца апреля. Лютцов со своей армией находился на другом берегу реки и тоже не предпринимал никаких действий. В Торпуме у короля родился план к середине лета напасть на Фредриксхалль так, чтобы застать его врасплох. Карл получил информацию, что часть

норвежского гарнизона находившейся по соседству крепости Фредрикстен ночует в этом городе. Можно было попытаться отрезать часть гарнизона от крепости, а если удастся — по мосту ворваться в саму крепость на плечах спасающихся бегством норвежцев и датчан. Застать врасплох город, однако, не удалось — сведения, на которых базировался весь план Карла XII, были получены от норвежского дезертира, а они оказались ложными. Город был занят очень быстро, но находившиеся в нем защитники Фредрикстена успели спастись и скрыться за своими крепостными стенами. Из крепости открыли сильный артиллерийский огонь, и шведы понесли значительный урон. Карл, как всегда, проявил храбрость и неустрашимость в бою, о чем он скромно сообщил своей сестре в Стокгольм: «У нас тут произошла стычка с датчанами, при которой наша атака вполне удалась, но из-за досадного обстрела мы потеряли нескольких храбрых офицеров, которым судьба не позволила больше жить». Судьба не позволила жить 500 шведским офицерам и солдатам из тех 1500, которые приняли участие в «удачной» атаке. И это не было какой-либо рисовкой со стороны короля: все шло как обычно, на войне люди гибнут, жаль, конечно, но с судьбой не поспоришь. Ему и в голову не приходило, что вся норвежская кампания была бессмысленна, а понесенные в ходе боя во Фредриксхалле жертвы — напрасны.

Несколько дней спустя при Дюнекиле отважный норвежский капитан Торденшёлвд напал на шведский конвой и частью захватил, а частью уничтожил транспортные корабли, пытавшиеся доставить армии Карла съестные припасы и осадные орудия. Это окончательно убедило короля в нецелесообразности продолжения боевых действий в Норвегии и необходимости возвращения назад в Швецию. Стало ясно, что для завоевания Норвегии нужно готовиться тщательно и солидно. От Фридриха Гессенского были получены тревожные известия о готовящейся совместной русско-датской высадке в Сконе, и все полки стали подтягиваться в южные районы Швеции. Некоторое время спустя вслед за ними отправился и король. Он ехал верхом, погруженный в мысли, пока не достиг берегов озера Ветгерн у местечка Хъю.

Здесь он на простой лодке с одним гребцом переправился через озеро, потом снова сел на коня, и вечером 10 сентября 1716 года, грязный и мокрый, прискакал в Вадстену, где его ждала Ульрика Элеонора. Сестра много раз предлагала Карлу приехать в Стокгольм или просила разрешения приехать к нему в штаб-квартиру, но каждый раз он вежливо, но твердо отказывал ей в этом. И вот, наконец, встреча брата с сестрой состоялась. Брат, не

сняв верхней одежды, вошел в дом и своим видом так напугал придворных дам и сестру, что в первый момент они его не узнали. Да и мудрено было узнать в слегка прихрамывавшем, полысевшем и отмеченном судьбой и трудностями походной жизни мужчине того 18-летнего юношу, которого они видели шестнадцать лет назад! Карл просидел с сестрой всю ночь, держа ее за руки. Они беспрестанно говорили, говорили о чем-то...

Сестра, кажется, больше всего переживала из-за того, что ее брат стал лысым. Она несколько раз посылала ему в Штральзунд и Истад любимые померанцевые печенья, а после свидания в Вадстене выслала в подарок ермолку и парик, которые он обещал ей сохранить на память и, возможно, употребить по назначению, если этого захочет его отвыкшая от головных уборов голова. «Мне кажется, что вопреки всем слухам он настроен перебраться в Стокгольм, и вполне возможно, его удастся уговорить жениться, — писала Ульрика Элеонора мужу после этой встречи, — ибо он несколько раз дал мне повод говорить об этом, так что Вы исподволь, как и я, продолжайте делать то же самое». Излишне говорить, что Фридрих Гессенский вряд ли последовал совету жены, так как совсем не был заинтересован в женитьбе Карла и появлении у него наследников.

А на следующее утро Карл снова вскочил на коня и в одиночку поскакал на юг, где он скоро появился под Хельсингборгом и с ходу приступил к инспектированию войск и оборонительных сооружений. 17 сентября 1716 года король прибыл в Лунд и дал указание оборудовать там свою постоянную резиденцию, в которой он пробудет остальные два года.

Русско-датская высадка в Сконе под командованием царя Петра после длительной подготовки должна была вот-вот состояться, 20 тысяч русских солдат были уже размещены в Дании. Примерно такие же силы должны были выставить и датчане. Ганновер вступил в войну со Швецией, и английская эскадра адмирала Норриса поступила в распоряжение датско-русских объединенных сил. Король Карл и царь Петр, вступивший в командование объединенной англо-датско-русской эскадрой, через семь лет снова оказались напротив друг друга, но теперь на противоположных берегах Эресунда. Но операция по высадке датских и русских войск на юге Швеции[245], как известно, не состоялась, и не потому, как пишут шведские историки, что Петр испугался сильных шведских оборонительных укреплений, а из-за разногласий с союзниками и антирусских интриг[246].

Шведы облегченно вздохнули.

Пока король «разминался» в Норвегии и организовывал оборону южных рубежей страны, барон Гёртц, которому Карл

предоставил неограниченные полномочия, в октябре 1716 года отправился в свое дипломатическое турне по Европе — для ловли рыбки в мутной воде. Современники говорили, что если профессиональные дипломаты знали от силы две-три надежные снасти, то блистательный барон Гёртц как минимум владел семью. Он журчал на беседах, как ручей, заливался соловьем, лгал и притворялся более правдоподобно, чем его умудренные опытом партнеры, предлагал их вниманию самые фантастические планы с такой очевидной уверенностью, так открыто и доброжелательно, что никакой профессионал не мог даже и мечтать тягаться с ним на равных. Его шарм был всепокоряющ, а его эпикурейские способности превосходили разумное. Он был обладателем эмалированного лорнета — вещью совсем не последней в дипломатическом обиходе, особенно если учесть, что барон пользовался ею с неподражаемой виртуозностью. Можно было себе представить, с какой неотразимой силой направлял он свой инструмент на собеседника, а тот, словно загипнотизированный удавом кролик, смотрел в его стеклянные глаза и непроницаемое лицо и мысленно произносил про себя: «Чур-чур меня!»[247]

В свое время Карл XII пытался утвердить в шведской дипломатии свои принципы — искренность, прямоту, сдерживание обещаний, честность и справедливость, что вызывало у профессионалов либо насмешки, либо смущение. Теперь, когда барон Гёртц взял бразды правления в свои руки, в дипломатических кругах Европы тоже возникло чувство неловкости, но уже совершенно иного свойства — от шведской дипломатии дурно пахло. Игра Гёртца была такой сложной и запутанной, его мастерство так уверенно, авантюрно-комбинаторные способности так широки, а моральных принципов и сдерживающих центров настолько мало, что барон в конце концов стал вызывать у всех оправданное подозрение и недоверие, отчего результаты его дипломатической активности оказывались не такими уж впечатляющими. Теперь от Швеции можно было ждать всего: от самых неожиданных союзнических комбинаций до сепаратного мира.

Гёртц вел переговоры со всеми государствами, прямо или косвенно втянутыми в орбиту Северной войны, а это практически была вся Европа. Но Данию барон принципиально не трогал — дня нее он готовил особый подарок. Он считал, что, когда Швеция сговорится со всеми остальными, он заставит датчан «оплатить весь праздник».

Другая идея-фикс гёртцевской дипломатии состояла в том, чтобы расстроить антишведский альянс за счет существовавших

между его участниками разногласий и уговорить одну из этих стран на союз со Швецией против остальных или, на крайний случай, на сепаратный мир!

Ну и третьей задачей барона от дипломатии, которую стоило бы поставить на первое место, стала добыча денег. Добыть во что бы то ни стало! Об этом его настоятельно просил Карл XII, ибо без денег никакие дипломатические успехи закрепить не удастся. Традиционный спонсор Швеции — версальский двор — уже не был настроен так доброжелательно к продолжению Северной войны и оплачивать военные расходы Швеции отказался. Этот канал финансовой поддержки Швеции перекрыл в 1716 году в Амстердаме царь, заключив с французским правительством договор, согласно которому Франция прекращала субсидии Карлу на войну с Россией.

Гёртц стал пробивать тропинку к сердцам и денежным сейфам английских якобитов, противников короля Георга. Барон сделал им предложение, от которого было трудно отказаться: в уплату за денежный аванс король Швеции предоставляет в их распоряжение сильное войско, способное посадить на английский трон их претендента Якова (Джеймса) Стюарта. И — невероятно: якобиты «клюнули» на гёртцевскую наживку и вступили с ним в продолжительные и детальные переговоры. Гёртц проинформировал о переговорах Карла XII, и тот без колебаний одобрил проект. Это было то, что нужно. Шведы несколько веков распространяли свое влияние и славу в восточном и южном направлении. Карл XII изменит этому правилу и пойдет на запад и прогонит ганноверского выскочку Георга с английского трона! Сгонять с трона и сажать на него королей он научился в Польше. О политическом выигрыше всего предприятия Гёртцу можно было не распространяться — они были очевидны.

Трудно сказать, как повернулись бы у Карла дела в Англии, если бы у Гёрца не случился досадный прокол. Шведское почтовое судно по пути в Голландию попало в шторм и в поисках спасения зашло в норвежский порт. По законам военного времени судно арестовали, а имевшуюся на борту дипломатическую почту вскрыли. Ее быстро переправили в Копенгаген, а оттуда — в Англию. Находившийся у себя на родине в Ганновере английский король Георг прервал свой отпуск и поспешил обратно в Лондон, чтобы ознакомиться со шведскими дипломатическими документами. Их содержание того стоило: Швеция намеревалась свергнуть его с английского трона и посадить на него Стюарта! В числе захваченных документов оказалось письмо Гёртца шведскому послу в Лондоне Карлу Юлленборгу, который был немедленно англичанами арестован. Содержание

компрометирующих Карла XII документов было напечатано в газетах, произошел грандиозный дипломатический скандал.

Контакты якобитов с Петром I, кажется, шли через его лейб-медика Эрскина, урожденного шотландца и сторонника короля Якова. Царь питал неприязнь к ганноверскому герцогу и английскому королю Георгу I и тоже искал способы насолить ему. Планы Гёртца использовать для этого движение якобитов, кажется, заинтересовали Петра, о чем свидетельствует тот факт, что он тайно встречался с их представителями в Голландии.

Автор блестящей идеи детронизации короля Георга в это время находился в Париже, где он пытался прозондировать почву для установления контактов с русскими и завершил свои переговоры с вдовой последнего короля из рода якобитов. В Париже Гёртц понял, что французы на роль посредников в контактах с Россией не подходят (кстати, находившийся в это время в Париже царь Петр пришел к аналогичным выводам), и, опасаясь ареста, он вместе со своим секретарем Штамбке и генералом С. Понятовским быстро выехал в Гаагу и оттуда проследовал в Утрехт, направляясь к германской границе. Но пересечь ее барону уже не удалось: английское правительство оказало нажим на голландское и одним махом сорвало все дело. 22 февраля 1717 года Гёртц был арестован в голландском городке Арнхеме и на пять месяцев посажен в тюрьму! Шведский посол в Гааге заявил голландцам протест, но те ответили, что Гёртц никаких доказательств своих полномочий на то, что является официальным представителем Карла XII, не предъявлял[248]. Впрочем, от выдачи барона в Англию голландцы воздержались.

Царь Петр выразил возмущение действиями «брата» Георга. В Стокгольме английский посол Джексон был посажен под домашний арест, а голландскому послу отказали в приеме при дворе. Французскому регенту Филиппу Орлеанскому Карл дал заверения в том, что никакого отношения к якобитам он не имел, а поведение своего посла в Лондоне Юл ленборга он тщательно расследует. В дело вмешался также испанский кардинал Джулио Альберони[249], который вместе с французами пытался примирить конфликтующие стороны. От Швеции последовали заверения, объяснения, гарантии, и некоторое время спустя К. Юлленборга доставил в Стокгольм английский фрегат, который на обратном пути забрал с собой Джексона. Вслед за этим голландцы отпустили на свободу Гёртца. Барон попытался сесть на фрегат к Юлленборгу, чтобы вместе с ним добраться до спасительных берегов Швеции, но не успел, ибо 23 августа у него во дворце Хетт Лоо, принадлежавшем вдове князя Дессау-Дитц, состоялось рандеву с Петром I.

Первые шведско-русские контакты между тем имели место годом раньше —уже в 1716 году по инициативе шведской стороны с российским послом в Голландии Б. И. Куракиным встретился генерал Конрад Ранк[250] и сообщил о желании Карла XII начать мирные переговоры с Петром I. Потом такие встречи повторились, в том числе с участием на стороне шведов Станислава Понятовского. На встрече Гёртца с Петром I никакой основы для будущего мира выработано не было, но зато были оговорены основные параметры Аландской мирной конференции. Царь выражал надежду на мирное урегулирование отношений со Швецией и поручил Б. Куракину продолжать переговоры.

Пока Гёртц сидел в тюрьме, переговоры с русскими вел шведский посол в Гааге И. Ф. Прейс. Первая официальная конференция состоялась 8 августа 1717 года в Амстердаме, на ней были проверены полномочия Прейса и Куракина, последний изъявил согласие русской стороны перенести переговоры в Финляндию, но вместо предложенного Прейсом города Турку (Або) предложил другое место — Аландские острова. Царь Петр объявил, что будет считать себя связанным этой договоренностью не более трех месяцев.

После встречи с царем Гёртц, сохранивший во всей этой истории полное доверие Карла, мог обрушить свое искусство переговорщика на русскую дипломатию, но сначала он, получив прусский и русский паспорта, уехал в Берлин, чтобы обсудить там со статс-министром фон Ильгеном возможность участия в шведско-русских мирных переговорах Пруссии (царь Петр приглашать Пруссию на конференцию не хотел, но проинформировал о ней Фридриха I). В Берлине Гёртц успел войти в сношения с саксонцами, пытавшимися перейти дорогу пруссакам. Узнав об этом, Фридрих Вильгельм приказал арестовать Гёртца, но тот успел улизнуть в Саксонию — прусские тюрьмы вряд ли были лучше голландских. Прибывший в Берлин Петр I тоже был рассержен коварными действиями барона и приказал Б. Куракину больше не иметь с ним никакого дела и вести все переговоры со шведами через Прейса.

А Гёртц, закончив свои дела в Саксонии, где он встречался с Я. Х. Флеммингом, окружным путем через Силезию, Польшу, Прибалтику и Финляндию, везде распуская слухи о своих громких успехах на переговорах с русскими, к ноябрю 1717 года вернулся в Швецию, Он приехал к Карлу XII в Лунд и доложил о том, что Петр I для мира со Швецией готов пожертвовать всем, кроме Петербурга! Фон Мюллер-ну, формально остававшемуся главой внешнеполитического ведомства, барон доверительно сообщил, что в Берлине имел повторную встречу с Петром I.

Гёртц явно опасался потерять расположение короля, поэтому для поднятия своего авторитета прибег к беспардонной лжи. Вряд ли король поверил всем этим бредням, но тем не менее своего монаршего расположения лгуна не лишил.

Своих представителей в Финляндию шведы, однако, смогли послать только в ноябре 1717 года[251], а сам Аландский конгресс открылся 23 мая 1718 года на острове Сундшер Аландского архипелага. Всего состоялись четыре раунда переговоров, и ни на одном из них не договорились о чем-то таком, что удовлетворило бы обе стороны. Поведение Гёртца на конференции было вызывающим, непоследовательным и вообще довольно странным. В то время как русская делегация, возглавляемая А. И. Остерманом и Я. Брюсом, прилагала все усилия к тому, чтобы сдвинуться с мертвой точки, Гёртц предъявлял совершенно нереальные и неподобающие проигравшей войну стране требования. Еще в 1716 году Гёртц сказал: «Если мы начнем сначала отдавать наши земли, то наши алчные враги не оставят на нас и рубахи». Карл XII полагал, что противник мог считаться только с силой, поэтому, лишившись северо-германских и прибалтийских территорий, он решил продемонстрировать силу Швеции в Норвегии, а Аландская мирная конференция должна была обеспечить ему прикрытие с востока. Вот почему шведская сторона старательно избегала срыва переговоров и прекращения контактов.

Вообще с Аландской конференцией связано много тайн и загадок, которые остались нераскрытыми до сих пор. Из шведских источников однозначно явствует, что Гёртц в это время вел какую-то сложную и рискованную самостоятельную игру, не посвящая в нее даже самого Карла XII. На Аландских островах наследный принц Гессена, ревниво следивший за успехами своего противника Гёртца, держал специального соглядатая в лице генерал-лейтенанта Конрада Ранка[252] — кстати, с согласия самого Карла. Он прекрасно осознавал, что Петр никогда не пойдет на удовлетворение его требований, как и он никогда не согласится с мирными , условиями царя. Впрочем, что было на уме у Карла —это тайна, которую уже никогда не разгадать. Король и сам был способен на различного рода мистификации и секретные игры, поэтому вполне возможно, что он, не раскрывая своих замыслов Гёртцу, использовал барона «втемную» для их претворения в жизнь.

Из наших источников довольно четко следует, что царь Петр тоже не питал иллюзий по отношению к переговорам со шведами на данном этапе и использовал Аланскую конференцию в качестве средства для оказания нужного давления на ненадежных

союзников, на Австрию и на морские державы (о чем ни Я. Брюс, ни А. И. Остерман, естественно, представления не имели). Как бы то ни было, но и царь, и король в какой-то мере, вероятно, считали, что свою роль Аландская конференция выполнила.

Все здесь описанное — лишь поверхность айсберга и малая часть того, чем на самом деле занимался барон Гёртц. Историки подозревают, что его интересы простирались далеко за пределы Европы. Достаточно упомянуть хотя бы его связи с мадагаскарскими пиратами, в мае 1714 года вступившими сначала в контакт с генерал-губернатором области Бремен-Верден Моритцем Веллингком и попросившими политическое убежище в Швеции. Если король Карл возьмет их под свое покровительство, то пираты обещали внести в пустую шведскую казну полмиллиона фунтов стерлингов. М. Веллингк сразу почуял выгоду и переадресовал пиратов в Гётеборг, где они были встречены бароном Гёртцем, а в июне того же года заключили с ним договор. Кроме вышеупомянутой суммы пираты согласились передать шведам не менее 20 своих кораблей, а также помочь посадить на английский трон Якова Стюарта и организовать шведскую колонию на острове Святой Марии (к востоку от Мадагаскара). Гёртц убедил Карла в целесообразности союза с пиратами и для завершения переговоров отправил к ним двух своих представителей — шведов Крамстрёма и Мендаля. Почему этот договор не стал претворяться в жизнь, неизвестно. Барон не оставил после себя архивов, потому что все дела предпочитал обговаривать устно, в том числе и с королем, а если по ходу и возникали какие-то документы, то он принимал меры к их уничтожению. Все тайны дипломатии Гёртца ушли вместе с ним.

Излишне говорить, что в Швеции барона Гёртца никто не любил, включая сестру короля Ульрику Элеонору и особенно ее супруга принца Фридриха Гессенского[253]. Простое население ненавидело барона за чрезмерные налоговые тяготы, на которые тот был очень изобретателен, буржуазия и дворянство — за то, что он иностранец.

Как уже было сказано выше, в Швеции постепенно становились на нога экономика и финансы, что давало возможность воссоздавать в первую очередь армию короля — она к этому времени достигла внушительной цифры в 60 тысяч солдат. Собирали рекрутов тщательно и со старанием, чтобы не пропустить ни одного дезертира, ни единого забросившего учебу студентика или бродяги. Не гнушались никаким пригодным для солдатской службы материалом.

Вернувшись из норвежского похода, Карл XII определил свою штаб-квартиру в Лунде. Поселиться в шумной столице «блудный

король» не захотел: выслушивать фальшивые изъявления бурной радости по поводу своего возвращения было бы свыше его сил. Гораздо больше отрицательных эмоций вызывала у него необходимость окунаться в придворную жизнь: еще в Бендерах он понял, что ни одного стоящего человека ни при дворе, ни в столице вообще не осталось. Большинство старых товарищей он потерял на своем длинном пути, а те, что жили в Стокгольме, уже не были его единомышленниками. Он видел, что страна стала другой: давно исчезла эйфория по поводу его громких побед, мужское население было почти все выбито в ходе войны, государственная казна опустела, прибалтийские провинции потеряны. Сознавать это было трудно, почти невозможно. Что он может сказать своим подданным, которые устали от войны? Что он не сломлен и намерен продолжать борьбу со своими врагами во что бы то ни стало? Нет, уж лучше он будет держаться подальше от всей этой суеты и постарается добиться своего через новых помощников.

В штате лундского двора Карла XII появился шут — карлик Андерс Люксембург, его в 1717 году привез с собой повышенный до звания фельдмаршала К. Г. Мёрнер, Король Швеции был дитя своего времени и обращался с Люксембургом так же, как, например, со своими шутами обходился русский царь. Участь придворных шутов была везде одинакова — злые шутки, издевательства, унижение. А. Люксембург по специальности был фокусником, но кроме того играл на скрипке и пел итальянские и французские песни, которые нравились королю. Однажды Карл в шутку, чтобы развеселить придворных, своим конем сбил Люксембурга с пони, возместив ему физический и моральный урон двумя золотыми дукатами. Другой раз король задумал женить Люксембурга на горбатой дочке члена стрёмстадского магистрата — естественно, без согласия самих врачующихся. А. Люксембург бросился к королю в ноги, умоляя отменить свадьбу, но король сказал, что этого сделать невозможно, потому что уже позвали священника. Только после долгих просьб и пролитых слез карлику удалось отговорить Карла от дурной затеи. Этот инцидент не повлиял на взаимоотношения короля с шутом, и Люксембург сопровождал потом своего господина во втором норвежском походе.

Б. Лильегрен приводит в своей книге интересный эпизод, связанный с тем, как Карл вершил в Лунде правосудие. В Мальмё за уклонение от налогов был посажен купец Франтц Суэлль. Его красавица жена ездила в Лунд, чтобы ходатайствовать о королевском помиловании супруга, но пробиться к королю ей не удалось. Зато она уговорила коменданта тюрьмы отпустить в

Лунд в сопровождении стражника самого супруга. Ф. Суэлль добрался до королевской резиденции и вместе со стражником уселся в приемной. Ожидание было долгим, и он заснул с прошением о помиловании в руках. Появился король, спросил, что за дело у этого господина, взял из рук уснувшего прошение, прочитал его, написал на нем какую-то резолюцию, бросил ее к ногам Суэлля и, попросив ничего не говорить ходатаю, ушел. Когда Суэлль проснулся, то услышал, что король принять его не желает. Не заглянув в свое прошение, удрученный Суэлль двинулся в обратном направлении в Мальмё. Его встретил комендант тюрьмы и попросил показать ему бумагу. Суэлль молча протянул ее коменданту, и тот прочел: «Удовлетворить. Каролус».

В Лунде Карл XII развил бурную деятельность. Завтрак в три часа (!), потом работа в канцелярии с Фейфом (3.00 — 7.00), встречи, смотры воинских частей (7.00 — 14.00), плотный обед, после обеда длительные прогулки верхом и... административная работа, канцелярия, ужин, снова рабочие беседы с Фейфом, самым расторопным и исполнительным помощником короля в этот период (сохранилось письмо Фейфа от ноября 1716 года, в котором он жалуется на бешеный ритм работы и длинный рабочий день).

В мае 1717 года Карл упал с лошади и сломал ногу, но скоро снова поправился.

В лундский период (он прожил в этом городе два года) в нем неожиданно стала проявляться административная жилка.

Поселился он на квартире у профессора Мартина Хегардта, владельца одного из самых представительных домов этого университетского города. В тот момент население города состояло в основном из ремесленников, престарелых профессоров и их вдов, изредка попадались хилые студенты, не способные, вероятно, носить мушкет. Надо сказать, что Лунд был городком провинциальным и неказистым и ни своими домиками-халупами, ни грязными улицами, ни вонючими задворками понравиться Карлу не мог. И правда: король, несмотря на свой польский и турецкий опыт, нашел букет лундских запахов слишком навязчивым для своего королевского обоняния и сделал отцам города запрос относительно возможности очищения воздуха. Бургомистр и совет города живо откликнулись на королевскую инициативу и приняли меры, так что через год Карл мог уже наблюдать позитивные результаты их деятельности, сводившиеся в основном к тому, что в Лунде стали преследоваться бездомные кошки и собаки. Выполняя пожелание его величества, город нанял отставного солдата Юхана Блума и поручил ему с помощью

палки разгонять бродячих собак, бездомных бродяг и пьяниц, а также профессорских свиней, которые осмеливались подходить на недопустимо близкое расстояние к королевским апартаментам.

Но на этом король не успокоился и обратил внимание на почту. Шведская почта, по его мнению, работала слишком медленно. Ведь Лунд стал если не столицей, то резиденцией Карла XII, следовательно, надо было позаботиться и о достойном поддержании внешних связей города с остальным миром. Входящую почту на лундском почтамте два раза в неделю сортировала девчонка-подросток, а выдавала письма супруга почтмейстера в белом переднике. Почтмейстер Свен Крока ежедневно выслушивал нарекания и претензии на работу своего учреждения. Он обижался и отвечал, что пусть лучше военные оплачивают марки на конвертах, а то как только он напомнит им об этом, они угрожающе кладут руку на эфес шпаги. Карл поступил иначе: он определил главными почтамты в Лунде и Кристианстаде, а трактирам и постоялым дворам вменил в обязанность выполнять промежуточную работу по обработке корреспонденции. Почтовые тарифы король повелел повысить вдвое, а зарплату почтовым чиновникам — выплачивать из сумм, вырученных с почтовых сборов. Почта должна была с февраля 1718 года взять на себя ямщицкие обязанности, в стране вводилось правостороннее движение всех повозок и карет, а повозка на мосту получала право преимущественного проезда.

По-видимому, король иногда урывал время и на то, чтобы наслаждаться провинциальной идиллией, если он к этому времени вообще научился наслаждаться благами жизни. Своим присутствием Карл придавал Лунду своеобразный колорит, сюда из Стокгольма переехал штат придворных — его королевского величества дровосек, его королевского величества оруженосец, его королевского величества трубач, а из Истада сюда перебрались чиновники канцелярии. Появились новые органы власти: так называемая оптово-закупочная депутация во главе с Гёртцем, контрибуционно-налоговое ведомство, учетно-статистическое ведомство и другие. Поселился в Лунде со своим двором и принц Фридрих Гессенский. Короля постоянно сопровождали военные в красивых мундирах, по городу в каретах разъезжали дипломаты, важно прогуливались польские шляхтичи, переваливались с боку на бок картинно одетые украинские казаки, а в университетской библиотеке поселились «финансовые люди» покойного королевского казначея Гротхюсена — они читали хранившиеся там немногочисленные книги по ориенталистике и ждали, когда с ними расплатится шведская

казна. Неудобства, испытываемые жителями Лунда от некоторых слишком буйных постояльцев, с лихвой компенсировались их резко возросшими доходами.

На столах лундских аристократов и купцов появилось новое, завезенное, вероятно, шведами из Турции блюдо под экзотическим названием «долма» (толма): правда, местные кулинары вместо виноградных листьев с успехом заворачивали фарш в капустные.

Король стал поддерживать теперь контакты с профессорами (кстати, будучи в Саксонии, Карл XII в 1707 году встречался с великим Г. В. Лейбницем). При посещении университета король выслушал научный диспут, организованный профессором медицины Юханом Дебелиусом. Диспут произвел на Карла XII такое сильное впечатление, что он пожаловал профессору дворянское звание, и профессор теперь стал именоваться фон Дебельном. Философа Рюделиуса король убедил в том, чтобы тот свои лекции для усиления чувства национальной гордости шведов читал не на латинском, а на шведском языке. За свою сговорчивость, однако, философ не был удостоен дворянского титула. С хозяином резиденции контакта у Карла XII не получилось: теолог Хегардг считал, что король «...ничего не может и ни на что не пригоден». Видно, теолог был мужчиной суровым, принципиальным и не очень искусным в придворном этикете. Зато король крестил у него ребенка и — о, ужас! — во время церемонии крещения общался с женщинами.

Заглядывал Карл и в университетскую библиотеку, отношения со студентами — их насчитывалось тогда не больше 150 человек — у него не сложились. Он предложил ректору университета исключить тех из них, которые плохо успевали, не проявляли интереса к наукам, и передать их в его распоряжение. Он сделал бы из них хороших солдат. Но эксперимент не получился: во-первых, большинству студентов удалось доказать, что они вполне успевают, а во-вторых, студенты подняли бунт и из новой шведской столицы удалились в еще более глухую провинцию, так что в каролинскую армию попали всего два-три студента.

Карл увлекся математикой и механикой, но, к сожалению, у Лундского университета эти науки не были профильными. Зато король с удовольствием общался с приезжими учеными, великими шведами Кристоффером Пульхемом, обладателем титула коммерческого советника, и молодым, но уже подававшим большие надежды Эммануэлем Сведенборгом. С ними Карл XII охотно пускался в дискуссии, в частности о температуре замерзания жидкостей, и король с солдатской

непосредственностью рассказывал о том, как во время сильных морозов в Польше замерзало венгерское вино и как ему приходилось разрубать его своей саблей и раздавать офицерам. Оппоненты короля — возможно, из вежливости признавали за королем достаточно широкие познания и острый ум. Пульхем потом сообщил широкой публике, что Карл обладал необычной способностью перемножать в уме большие числа, а на Сведенборга произвело впечатление умение монарха решать алгебраические уравнения без алгебры и предложение короля усовершенствовать традиционную арифметику. В основу традиционной арифметики, как известно, положено число «10», Карл XII считал и реально доказывал, что удобнее пользоваться числом «8» или «16», а еще лучше — «64», потому что оно содержит квадратный и кубический компонент и при его делении пополам можно дойти до единицы.

С этими учеными Карл обсуждал не только абстрактные науки, но и вполне конкретные проекты, такие как улучшение положения в стране, строительство сухого дока в Карлскруне и шлюзовой системы под Треллеборгом, добыча соли в заливе Гулльмаш-фьорде и некоторые другие.

Король так далеко зашел в своих увлечениях науками, что даже попробовал себя в философии. К нему в Лунд приехал гессенский посол фон Хайн, широко образованный дипломат и ученик известного тогда немецкого философа Томазиуса, В Лунде король долго и плодотворно дискутировал с послом на философские темы, а после его отъезда решил даже продолжить дискуссию заочно. От этого «опрометчивого» шага короля отговорил советник барон Фейф: советник посчитал, что письмо Карла может попасть в руки Томазиуса — того самого, который помогал Й. Р. Паткулю обосновывать свою невиновность перед шведским государством. Аргумент оказался более чем убедительным, и философский заочный диспут был задушен в самом зародыше. Фейф сохранил, однако, конспект философского письма Карла и передал его в свое время историку Нурдбергу, который поместил его в примечаниях к своей книге. Философские выкладки Карла XII под заглавием «Anthropologia physica» содержат 14 тезисов, из которых мы приводим лишь немногие;

«1. Естественный инстинкт всего живого называется страстью или наслаждением сладострастия.

2. Сладострастие бывает двух видов: сладострастие души и тела. Сладострастием души называется то, в чем не участвует тело, в то время как сладострастием тела называется то, в чем участвуют и душа, и тело.

5. Причина, по которой возобладает преимущественно одно

из них, заключается в несовершенстве Природы, которая не разрешает, чтобы испытывался один вид наслаждений без участия другого; из чего следует, что одна главная страсть непременно уступает другой».

Все это похоже на Спинозу, но этого философа король читать не мог — Спиноза был безбожником, и его труды повсюду были запрещены. Какими источниками пользовался Карл при составлении своих философских выкладок, неизвестно. Возможно, что-то он узнал в ходе общения с местным философом Рюделиусом. Единственное, что наверняка можно сказать по этому поводу, так это следующее: учитывая аскетизм короля, интерес его к такому предмету, как сладострастие, — пусть даже в философском смысле — по меньшей мере необычен. Э. Сведенборг в письме шведскому историку Нурдбергу утверждал, что, если бы судьба отпустила Карлу XII несколько лет мирного правления, то из него получился бы вполне просвещенный монарх. Впрочем, замечает Б. Лильегрен, вряд ли стоит принимать слова великого шведского философа и математика всерьез: Сведенборг был большим дипломатом, не хотел портить отношения с королем и сильно преувеличивал увлечение Карла науками, — увлечение, которое, по мнению шведского историка, было для короля всего лишь развлечением.

Потом король занялся заменой военной символики, знамен и штандартов. Увидев на прибывшем из Стокгольма придворном пасторе Андреасе Рюзелиусе[254] необычайно красивую рясу, король дал указание ввести подобные рясы повсеместно. А. Рюзелиус пришелся в Лунде, что называется, ко двору, и король сделал его старшим королевским и драбантским пастором, что обеспечивало ему солидное жалованье и беспрепятственное, в любое время суток, вхождение к королю. А. Рюзелиус старался не злоупотреблять этой возможностью, был человеком прямым и открыто высказывал королю свое мнение, которое часто не совпадало с мнением монарха. В частности, пастор критиковал Карла за продолжение военных действий и склонял его к заключению мира.

Известно, что король Карл во время беседы имел обыкновение крутить пальцами пуговицу собеседника, иногда отрывая ее совсем. Естественно, никто не осмеливался напомнить его королевскому величеству об этой привычке. А. Рюзелиус принял меры — он просто крепко-накрепко пришил пуговицы на рясе. Когда король во время очередной беседы с ним обнаружил, что пуговица от рясы не отрывается, он спросил: «На господине магистре новая ряса, сшитая добрым портным?» Магистр в знак подтверждения молча наклонил голову.

В целом создается впечатление, что в последние три года с солдатским королем и последним викингом Севера на самом деле происходила серьезная внутренняя метаморфоза — как бы мы сказали сегодня, определенная переоценка ценностей. И если бы не отчаянное положение страны и его самого, то возможно, что предсказание Э. Сведенборга и оправдалось бы. Запрограммированную в юности на героическое горение жизнь повернуть в другое русло Карл XII просто не успел, а возможно, в тот момент еще не хотел.

На наш взгляд, весьма примечательно, что именно в этот период Карл из своих драбантов создает эскадрон лейб-гвардии. Драбанты были его романтическим детищем, товарищами по военным превратностям, связанными с ним узами любви, безграничной преданности и обожания. И — лейбгвардия: подчеркнутый атрибут монаршей власти, блеск положения, статус, служба. Не является ли это еще одним примером того, как юношеский максимализм Карла XII постепенно уступал место житейским соображениям, принципам практичности и целесообразности? Одним из требований, предъявленных королем к кандидатам для зачисления в лейбгвардейский батальон, являлось то, чтобы кандидат не был женатым. Барон Фейф в шутку заметил, что на основании этого можно заключить, что его величество никогда не собирается жениться. Король ответил:

— Нет! Для такого вывода нет никаких оснований. Я вовсе не хочу запретить браки; но если я хочу иметь корпус холостых мужчин, то это ведь не весь мир. Если кто-нибудь из них захочет жениться, то он может перейти в другой полк, а я заменю его другим. Что касается меня самого, то я когда-нибудь женюсь — когда Господь даст нам мир; и тогда я выберу жену не по государственным соображениям, а ту, которая мне понравится и которую я буду любить; тогда мне не придется содержать таких женщин, которых зовут метрессами на французском и проститутками — на шведском языке.

В начале 1717 года в Лунде появился шпион.

Пользуясь прикрытием торгового человека, в Лунд прибыл агент Петра I, немец Хинрих Хельтерлинг, с заданием собрать информацию о военных приготовлениях Швеции и внести ясность в такой животрепещущий вопрос, как идентичность личности Карла XII. В России ходили слухи, что Карл XII погиб под Полтавой и вместо него появился двойник—Лжекарл. Иначе отчего король Швеции так долго пропадал в Турции?

Увидеть шведского короля не представляло особой трудности: он ежедневно показывался народу. Хельтерлинг

лицезрел его на центральной площади Лунда во время инспекции кавалерийского полка. Король стоял на помосте и проверял высоту холки коней — она должна была быть не меньше 144 сантиметров. Отбракованных лошадей уводили и по дешевке продавали с аукциона. 28 февраля 1717 года Х. Хельтерлинг в тайном послании информировал царя: «Этот господин, которого я последний раз имел честь лицезреть 18 лет тому назад, несомненно, сильно изменился внешне, но черты его свидетельствуют о том, что это тот же самый человек, которого перед началом этой войны считали королем Швеции». Другую часть своего задания немец выполнил также довольно успешно. Во время поездки по Сконии ему удалось удачно побеседовать с одним шведским генералом, который выболтал ему очень важные сведения: вместо 60 тысяч человек, как предполагали русские, у Карла XII в стране было всего 10 тысяч кавалеристов и 11 250 пехотинцев.

Осенью 1717 года в Лунд был вызван известный шведский художник Давид Крафт, чтобы нарисовать портрет короля. Карл XII выбрал именно этого художника, который уже сделал несколько его портретов и выгодно выделялся из среды других придворных живописцев тем, что творил в реалистической манере и не признавал никаких условностей при изображении своих моделей. Некоторое время спустя Карл со свитой заглянул в ателье художника, чтобы посмотреть, как продвигается работа. Крафта на месте не оказалось, и принимал гостей его 16-летний ученик Лоренс Паш. Портрет был почти готов. Король некоторое время молча рассматривал свое изображение, а потом подошел к холсту и сделал на нем длинный разрез. Паш пришел в ужас и расплакался. Король и сопровождавшие его офицеры сначала рассмеялись, но потом король стал его утешать. Многие историки полагали, что Карл испортил портрет потому, что был недоволен своим слишком реалистическим изображением. Другие, наоборот, придерживались того мнения, что Крафт не угодил королю тем, что слегка приукрасил его на холсте. Третьи полагают, что король под впечатлением внешних событий находился в дурном настроении… Но правды никто не знает до сих пор. Сам Д. Крафт вспоминал, что король не разрешил ему сделать другую версию портрета[255].

В этот относительно спокойный период Карл XII усиленно готовил второй поход в Норвегию и всего дважды покидал город: в сентябре 1717 года он посетил в Стремстаде генерал-майора Ю. Ертту, после того как тот успешно отразил атаку противника из Норвегии, и весной 1718 года Кристинехамн, где он во второй и последний раз встречался с сестрой.

Вообще-то эта встреча (1—14 апреля 1718 года) была вроде бы задумана и предложена гессенским принцем, на нее прибыл также и племянник короля, голштинский герцог Карл Фридрих, сопровождаемый бароном Гёртцем. Но, скорее всего, за всем этим стоял всемогущий Гёртц[256], которому накануне Аландской мирной конференции хотелось бы обсудить вопросы преемственности на шведском троне. По его мнению, женитьба герцога на русской принцессе и возведение его на шведский трон (ведь сам король не женат, а брак его сестры с гессенским наследным принцем бездетен) способствовали бы урегулированию отношений с Россией. Говорили больше о политике, и говорил больше Гёртц. Король был угрюм и молчалив, а гессенская пара, сопровождаемая своим советником Давидом Хейном, насторожена и необычно скромна. Принц Фридрих Гессенский угрюмо отписал своему отцу в Кассель, что «...ему пока не удалось ничего противопоставить тайным и злонамеренным интригам Гёртца». Гессенский зять Карла выступал против Аландской конференции, но король доверял Гёртцу и прислушивался к его советам.

И эта встреча не обошлась без сюрпризов. Карл со своим голштинским племянником отправился на верховую прогулку по льду озера Венерн. Весенний лед не выдержал, и оба провалились в полынью. К счастью, им удалось выбраться на берег — вероятно, глубина в этом месте была небольшой. Ведь плавать король так и не научился.

14 апреля, проводив Ульрику Элеонору до крепости Эдда в Вэрмланде, проверив там ход подготовки к норвежскому походу и встретившись в Тролльхэттене со Сведенборгом и Пульхемом, король вернулся в Лунд, где провел еще несколько недель.

...22 июня 1718 года в пять часов утра, когда все для второго норвежского похода было готово, Карл XII снова сел на коня и покинул Лунд, чтобы присоединиться к армии. Его сопровождали секретарь и капитан лейб-гвардии Улоф Седерстрем и неизвестный солдат.

36-летний король полагал, что скачет навстречу новому повороту в своей судьбе.

Глава двадцать вторая
ПЯТАЯ ПУЛЯ

И на двадцать миль не найти скалы,
Да и пня вокруг не сыскать,
Где б не таился стрелок из моих людей,
Чтобы пулю в тебя послать.

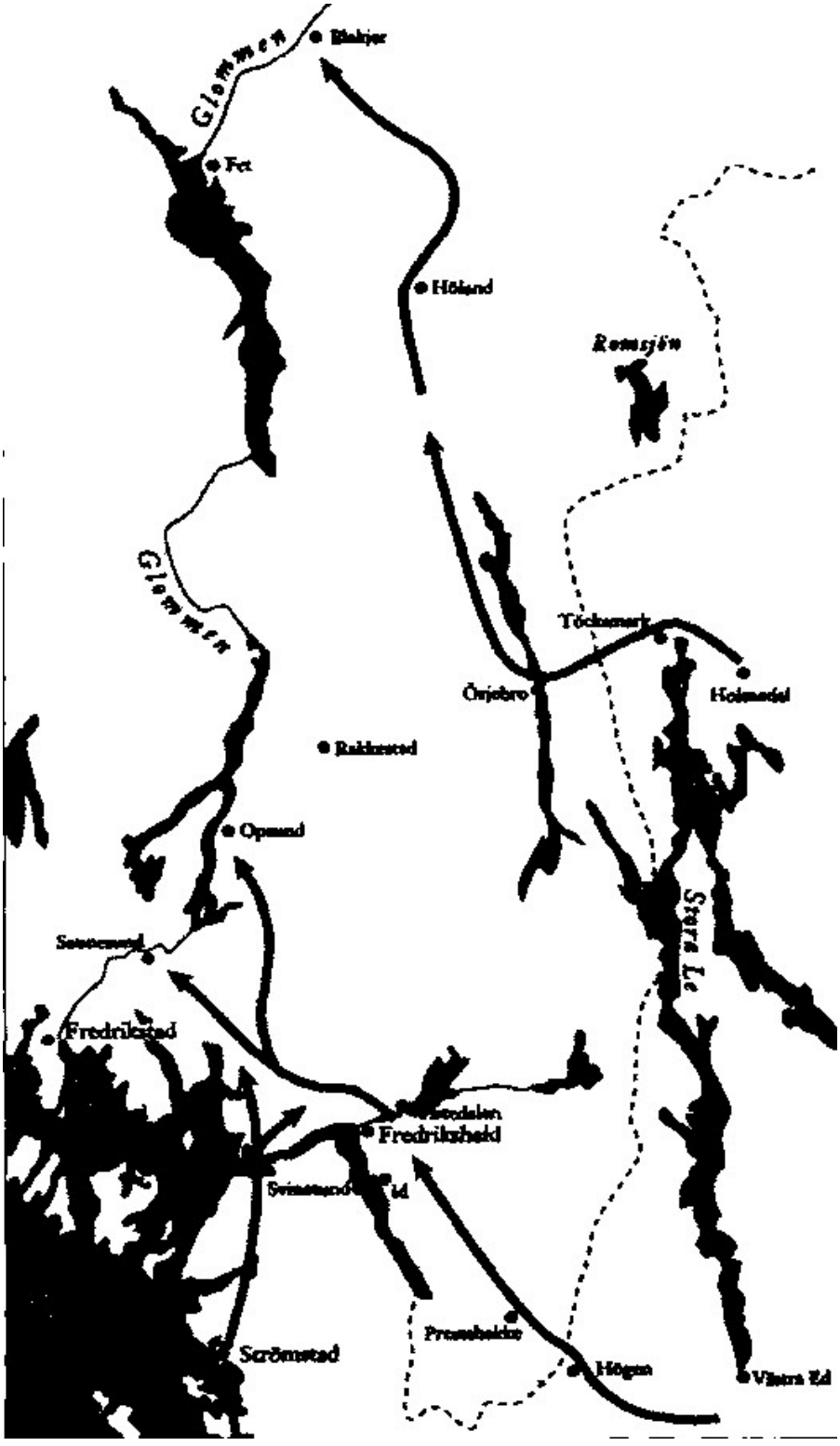
Р. Киплинг. Баллада о Востоке и Западе

В начале ноября 1718 года Карл Густав XII выступил в свой последний и самый короткий поход. Он и был задуман коротким, но судьба распорядилась еще круче и прервала его в самом начале. Королем овладело нетерпение, и ждать он больше не мог. Он горел желанием начать «рассчитываться» со своими врагами, в первую очередь с датчанами, благо тылы были почти обеспечены Гёртцем на Аландской конференции. И надо было до наступления зимы нанести по датско-норвежской группировке в Норвегии сокрушительный удар и закончить кампанию до наступления холодов.

Ближайшая цель похода была вроде бы более или менее ясна: принудить датчан к уступкам на мирных переговорах, восстановить господство шведского флота на Балтике и укрепить стратегическое положение страны. Но что делать с завоеванной Норвегией? Получить ее в качестве компенсации за все утерянные заморские провинции? Использовать как плацдарм для высадки в Шотландии? К тому же завоевать всю Норвегию было невозможно, это понимал и сам Карл XII. Многие шведские военные и генералиссимус Фридрих Гессенский считали более целесообразным высадиться в Прибалтике и попытаться вернуть утраченные Лифляндию, Эстонию и Ингерманлавдию. Но король после Полтавы странным образом никак не хотел заниматься восточными делами. Уж не побаивался ли он своего грозного русского противника? Ответить на этот вопрос в штаб-квартире шведской армии никто не мог, ведь король своих планов не раскрывал никому.

... С июня по октябрь Карл XII жил в приграничном городке Стрёмстаде и подводил итоги своей двухлетней подготовительной работы. К июню 1718 года королю все-таки

удалось, не без сопротивления[257] в разных слоях населения, набрать армию, численностью в 60 тысяч человек. Кое-где, правда, пришлось слегка посечь строптивых крестьян[258].


Glomma
Elverum
Fet
Höland
Romsjön
Glomma
Töcksmark
Örjebro
Holmedal
Rakkestad
Opmund
Strømstad
Fredrikstad
Fredrikshald
Strømstad
Id
Prestebakke
Strømstad
Högsta
Västra Ed

Второй норвежский поход Карла XII. 1718.

Карл не мог усидеть в Стрёмстаде и несколько раз выезжал на шведско-норвежскую границу, где между противниками происходили мелкие стычки и перестрелки. В одной из таких поездок в июле король чуть не встретился со своей пятой пулей, которая только слегка поцарапала щеку, а потому многими биографами Карла XII это ранение не упоминается вообще.

С королем шла армия численностью в 36 тысяч человек — остальные части были разбросаны по гарнизонам — в основном на юге Швеции. Маршрут движения — юг Норвегии. К Тронхейму король направлял самостоятельный 14-тысячный корпус, набранный в основном из финнов, под командованием генерал-лейтенанта Карла Густава Армфельта[259]. Главная армия двигалась на запад в трех колоннах: северная — из Вэрмланда (для прикрытия и создания угрозы Христиании, командующий генерал-лейтенант Х. О. фон Альбедюлль), средняя — из Дальсланда под командованием зятя короля, наследного принца Фридриха Кассель - Гессенского, и южная—из Бухюслена, которую возглавил сам король. Для снабжения армии на шведско-норвежской границе были заранее созданы склады. Учитывая гористую норвежскую местность, король, используя свой турецкий опыт, для снабжения частей приказал применять вьючный транспорт.

Шведская армия пересекла норвежскую границу 11 ноября 1718 года, но бои с датчанами и норвежцами в норвежском Бинненфьорде за подступы к Фредриксхаллю велись шведами еще с сентября. Противник сильно уступал шведам в численности — 29 тысяч человек были разбросаны по всей Южной Норвегии (главнокомандующий — знакомый нам генерал-лейтенант Б. Х. Лютцов) — и оказывать сопротивление в открытом бою был не в состоянии. Шведы на этот раз подготовились со всей тщательностью, учтя опыт предыдущего, в целом неудачного, похода. Контакты короля с философом Сведенборгом ко всему прочему принесли и практические плоды: при участии ученого была проделана серьезная инженерная работа, позволившая шведской галерной флотилии, опасавшейся выходить в открытое море из-за явного господства датского флота, преодолеть 25-километровый волок (уж не переняли ли шведы свирский опыт Петра?) от Стрёмстада к Иде-фьорду и создать предпосылки для продвижения шведской армии вглубь норвежской территории. Датчане были вынуждены срочно бросать оборонительные укрепления в Свинесунде, топить свою флотилию, чтобы она не досталась противнику, и отходить за реку Гломмен,

Следующая операция, которую не удалось осуществить в предыдущий поход, — взятие крепости Фредрикстен, — напрашивалась теперь сама собой, и шведы, появившиеся под стенами цитадели 1 ноября, взялись за ее осаду по всем правилам инженерной науки. Кто владел Фредрикстеном, тот контролировал всю Южную Норвегию. В случае падения крепости вторгнувшемуся противнику предоставлялся беспрепятственный проход вглубь страны. За стенами Фредрикстена под командованием подполковника Бартольда Ландсберга укрылись 1800 защитников. С восточной стороны крепость имела три внешних укрепления — Овербергет (Верхняя гора), Меллембергет (Средняя гора) и Гюлленлёве (Золотой Дев), считалась хорошо оборудованной и, занимая ключевое, стратегическое положение в системе всей датско-норвежской обороны, могла выдержать длительную осаду. Впрочем, крепость имела существенные недостатки: малую площадь, не позволявшую содержать крупный гарнизон, недостаточную огневую мощь артиллерии плюс довольно слабые сооружения на внешних фортах-бастионах. Доставленные морем и расставленные шведами в три батареи 18 больших осадных орудий представляли для стен Фредрикстена большую опасность.

Осаду крепости король планировал поручить генералу К. Г. Дюккеру, а сам хотел переправиться с сильным отрядом через Гломмен, вспороть оборону противника и перерезать его коммуникации с Христианией. Выступление было запланировано на 29 ноября, но в последний момент поступило сообщение о прибытии с Аландской конференции барона Гёртца, и король остался под Фредрикстеном. Он выслал навстречу барону гонца с указанием поторопиться, гонец застал Гёртца 9 декабря в Уддевалле.

Кавалерия контролировала противника по другую сторону Гломмена, а армия стала понемногу обустраиваться и организовывать свою бивуачную жизнь с восточной стороны Фредрикстена, вокруг деревни Тиетедален. Наступали холода, укрыться было негде, и солдаты из подручных средств строили себе шалаши. Поход в Норвегию не пользовался в армии особой популярностью ни среди солдат, ни среди офицеров и генералов. Несмотря на все усилия короля и Гёртца, снабжение армии все-таки оказалось недостаточным, а ведение военных действий в условиях дикой норвежской природы не шло ни в какое сравнение даже с Польшей, не говоря уже о Германии. Карл XII в обычной своей манере делил с солдатами все тяготы службы и пытался вселить в них прежний дух воинственности. «Наши отряды должны получать приказы атаковать противника в старой

манере со шпагой в руке, не считаясь с тем, слабее он или сильнее нас», — писал король Юхану Ертте. Неужели он не видел, что солдаты и офицеры, которых он привел в Норвегию, были уже не те, что в Польше или России?

В королевской штаб-квартире в деревне Тиетедален было все как обычно: деловая обстановка и много генералов. Среди окружения Карла выделялись фельдмаршал Карл Густав Мёрнер, генерал от кавалерии Карл Густав Дюккер, двое принцев, королевских родственников — зять Фридрих Кассель-Гессенский, получивший номинальное звание генералиссимуса, и племянник Карл Фридрих Гоггорп-Голштинский, отец будущего царя Петра III. Последние двое по вполне естественным причинам между собой плохо ладили, свои чувства между ними король пытался распределять равномерно и, чтобы не доводить их неприязненные отношения до крайностей, относился к гессенско-голштинским интригам в лагере с подчеркнутым безразличием. Впрочем, ему для этого не надо было делать никаких усилий — он их просто не замечал, занятый чисто военными вопросами. Карл не был слишком высокого мнения о принцах, это были обычные титулованные посредственности, не блиставшие никакими талантами и способностями, если не считать достоинствами примитивную хитрость и чрезвычайную говорливость гессенца. Народ отдавал предпочтение последнему, но не из-за каких-либо заслуг перед королевством или личных достоинств, а просто потому, что за спиной голштинского Карла Фридриха стоял ненавистный всем Гёртц.

В шведской историографии нет недостатка в работах, обвиняющих гессенского герцога в гибели Карла XII, но никаких убедительных доказательств на этот счет представлено не было. В то же время стечение случайностей и его поведение в совокупности сыграло с его именем злую шутку. Следует упомянуть, что весной 1718 года герцог дал указание своему надворному советнику Д. Хейну (тому самому, который участвовал с Карлом XII в философских диспутах) составить меморандум для своей супруги Ульрики Элеоноры на предмет внезапного ухода из жизни ее брата. Заботливый супруг и претендент на трон подробно расписал для Ульрики Элеоноры всю программу действий, если в случае смерти Карла XII она одна останется в Стокгольме, поскольку он, супруг, будет в это время в армии (!).

Еще одна тень мелькнула в эти дни перед Карлом XII: фельдмаршал Реншёльд собственной персоной появился в шведском лагере в Тистедалене. Царь Петр, в знак ожидаемого мира со шведами, проявил милосердие и только что

распорядился отпустить Реншёльда из плена. Перед отплытием из России Петр принял Реншёльда на борту военного судна и имел с ним беседу. Царь надеялся, что фельдмаршалу удастся передать свои «пацифистские» настроения королю Швеции. Последний раз Карл и его знаменитый полководец виделись на поле Полтавского сражения. Теперь фельдмаршал прибыл в Норвегию, чтобы снова увидеть своего короля на носилках, но не раненого, а совсем… совсем уже мертвого. Какое странное и причудливое стечение обстоятельств!

И все же они успели встретиться до того рокового дня, еще оба живые, но представить королю свои выстраданные в русском плену аргументы в пользу немедленного мира фельдмаршал не смог — удобного случая так и не представилось. Да Реншёльд и не торопился выполнять просьбу царя Петра, вероятно, чувствуя, что король вряд ли бы стал его выслушивать. Былого доверия у него к фельдмаршалу уже не было, а на первой встрече с ним, когда речь зашла о Тридцатилетней войне, король заявил, что если надо, то он будет вести войну и сорок лет.

Ну и, конечно, со дня на день ожидалось прибытие барона Гёртца, который должен был доложить королю о ходе своих переговоров на Аландском мирном конгрессе. Все знали, что они близились к завершению, что барон для скрепления мира договорился с царем отдать его старшую дочь Анну за молодого герцога Готгорп-Голштинии. Блестящее положение голштинской партии было во всех отношениях гарантировано! Барон должен был прибыть к королю 13 декабря, но до Норвегии он так и не добрался.

Приглашенный Карлом французский инженер-фортификатор Филипп Мегрэ, руководивший всеми техническими работами, полагал, что по истечении восьми дней с момента осады крепость будет в шведских руках. 8 декабря 200 шведских гренадеров пошли на штурм редута Золотой Лев — ближе всех расположенного к шведским позициям. Перебив его защитников, каролинцы с ходу овладели им — его защищали всего 30 человек. В бою отличился французский полковник Буске, который был вместе с королем в Турции и по возвращении оттуда остался в Швеции. Он первым вскочил на укрепленный вал, а уже за ним последовал Карл XII.

Сразу после этого от Золотого Льва под руководством французского сапера Филиппа Мегрэ шведы стали рыть осадные траншеи. Редуты Меллемберге т и Овербергет, которые располагались к югу от крепости, пока не трогали. Прибывшие 18 осадных орудий под командованием генерал-майора Карла Крунстедта начали обстрел крепости. Король с большим

интересом, «...ночью и днем, в дождь и стужу», наблюдал за осадными работами и, чтобы не возвращаться по пустяковым поводам в Тистедален, приказал устроить себе в траншеях близ бастиона Золотой Лев примитивный деревянный настил и поставить туда лежак, стол и стулья, чтобы можно было прятаться от дождя, отдыхать и принимать пищу.

Подкопы к Фредрикстену — один под главное крепостное сооружение и два других под внешние бастионы — начали рыть под сильным огнем норвежцев. Почти все время суток король проводил в траншеях, с нетерпением ожидая завершения земляных работ. Почва вокруг была каменистой и позволяла углубиться в крайнем случае всего на полметра от поверхности. Приходилось с помощью фашин и корзин с землей наращивать высоту траншей до нужного уровня. К земляным работам привлекли солдат, которые работали сменами по 300—400 человек. Поскольку земляные работы осуществлялись без всякого огневого прикрытия, а норвежцы вели интенсивный огонь, землекопы несли большие потери: в ночь на 9 декабря погибли четыре землекопа, а на следующую ночь уже целых 55. Рассказывали, что Карл, чтобы подбодрить своих каролинцев, 10 декабря заставил своего шута Люксембурга «прогуляться» под пулями по брустверу, и бедный шут беспрекословно повиновался. Сопровождаемый взглядами и насмешками короля и его свиты, Люксембург бодро зашагал к крепости, и король вернул его лишь тогда, когда тот находился почти у самых стен Фредрикстена.

11 декабря было первое воскресенье адвента[260]. В два часа ночи король вернулся из траншеи в штаб-квартиру. Занявшись кое-какой писаниной, Карл сменил запачканный глиной мундир, который не снимал уже шесть дней, и прилег отдохнуть (обычно он менял мундир через две недели). Потом, одевшись и водрузив на голову треугольную каролинскую шляпу, сшитую из обычного английского фетра, он отправился в местную церковь, где батальонный капеллан при гвардии К. Й. Луман произнес проповедь о въезде Христа в Иерусалим. Потом король в обществе племянника и нескольких генералов отобедал и стал снова собираться в траншею.

Об этом последнем дне Карла XII сохранилось единственное описание у Нурдберга, которое он в свой исторический труд почему-то не включил. Вот оно: «Всю ночь Его Величество находился в траншеях и утром вернулся в Тистедален, камердинер графа Мёрнера почистил его платье, в то время как он, промокший насквозь, говорил очень мало, подходил к кровати графа Мёрнера и выходил обратно, потом позволил принести еду графу Мёрнеру, и Е. В. там поел; он был глубоко погружен в свои

мысли, и изредка, как бы просыпаясь, произносил: Стоять! После еды генералы стали упрашивать Е. В., чтобы он отдыхал хотя бы через ночь. Особенно настаивал на этом генерал Дюккер: “Я был удостоен и раньше Вашей милостью, когда В. В. выражали свое удовольствие моим к Вам отношением. Позвольте мне и теперь искать такого же Вашего милостивого доверия, я с Божьей помощью сам присмотрю за работами, чтобы В. В. никуда не выходили”. Король ответил: “Нет, я моложе и выдержу все лучше, нежели все генералы”. С этими словами он вышел и сел на коня. Он повернул коня, снял шляпу и сделал поклон всем генералам, потом поскакал с непокрытой головой, несколько раз оборачивался назад и делал им милостивое выражение лица, как будто Е. В. хотел с ними проститься и как будто он об этом чрезвычайно сожалел».

По данным Р. Хэттона, король, обеспокоенный усиленной стрельбой противника в этот день, опасался, что защитники Фредрикстена могут сделать вылазку. Перед тем как покинуть свой дом, король прочитал тайное донесение одного из агентов Лильенстедта о том, что против него готовился заговор. Судя по всему, известие глубокого впечатления на него не произвело, и он, следуя инструкции, документ сжег.

Конь, на котором Карл скакал в этот последний раз, звался Англичанином. Вечером того же дня около шести часов король в сопровождении нескольких офицеров подъехал к осадным траншеям. Воскресный выходной для солдат кончился, и они все должны были работать. Стоял густой туман, и видимость была плохой. Прибыв на место, Карл стал проявлять заметную нетерпеливость по поводу медленного продвижения земляных работ и два раза посылал за опаздывавшими землекопами инженер-лейтенанта Бенгта Вильхельма Карлберга: «...что они там все мешкают?» Когда землекопы пришли и работы возобновились, настроение короля несколько улучшилось и он удалился в свой деревянный шалаш неподалеку от Золотого Льва. Выслушав вечернюю молитву с придворным проповедником Магнусом Сальстедтом, Карл вернулся обратно в траншею. Времени было около семи часов вечера. К восьми часам туман рассеялся, небо вызвездило, и норвежцы стали вести интенсивный обстрел шведских солдат-землекопов как со стен крепости, так и со стороны внешних бастионов.

Между восемью и девятью часами пришел Хюльтман и принес в тесное укрытие короля скромный ужин. Пребывавший в хорошем настроении Карл XII сообщил ему, что решил присвоить ему звание кухмейстера — до этого Хюльтман носил придворный ранг тафельдекера — сервировщика. Хюльтман, человек

практический, решил ковать железо, пока оно горячо, и тут же попросил у короля письменный указ о своем производстве в новое звание, но тот пообещал заняться этим делом на следующий день.

После ужина король снова отправился в траншеи и по переходам добрался до так называемой первой параллели, на которой и производились все земляные работы. В руках он держал еловую палку. Из траншеи, в которой находился король и которая проходила параллельно крепостной стене, землекопы под прямым углом вели окоп к крепости, который после короткого расстояния должен был быть развернут на 90 градусов и идти тоже параллельно крепостной стене. Фактически эта новая траншея должна была стать первой параллелью, а траншея, в которой находился Карл XII, становилась параллелью номер два.

Чтобы поближе наблюдать за работами, король залез на бруствер готовой параллели и высунул голову, чтобы осмотреться. Он хорошо видел крепость и мог с близкого расстояния наблюдать, как шли земляные работы. Он устроился поудобнее, для чего в рыхлой земле сделал потверже упор для ног, облокотил подбородок на левую руку и фактически находился в полулежачем состоянии лицом к крепости и новой траншее.

Траншея была настолько глубокой (около двух метров), что Ф. Мегрэ, стоявший рядом ниже короля, естественно, ничего из нее не видел. Соединяющий обе параллели окоп проходил в 10—12 метрах слева от места, занятого для наблюдения королем, а его высунувшаяся голова представляла идеальную мишень для прицельного выстрела. Необходимое освещение обеспечивалось в эту темную ночь трассирующими пулями, регулярно выпускаемыми со стен Фредрикстена.

В этот момент внизу, в траншее, кроме Мегрэ, который, согласно своим поздним утверждениям, поддерживал ноги короля, помогая ему занять более устойчивое положение, стояли: лифляндец генерал-адъютант Юхан Фредрик фон Каульбарс и упоминавшийся выше инженер-лейтенант Б. Карлберг. Неподалеку от них находились адъютант короля итальянский капитан К. Дж. Маркетти, капитан лейб-гвардии граф Кнут Поссе, генерал-майор от кавалерии барон Филипп Богуслав фон Шверин и капитан-сапер Филипп Шульц. Этот состав окружающих Карла XII в последнюю минуту его жизни лиц не подлежит сомнению, он зафиксирован точно и однозначно самими этими лицами.

Но была еще одна загадочная личность, промелькнувшая тенью в том месте, где стоял король. (Не слишком ли много теней скопилось на небольшом участке осажденной норвежской крепости в эту промозглую декабрьскую ночь?) Это лицо

таинственно промелькнуло (а может быть, вообще не мелькало?) незадолго до рокового момента, а потом совершенно неожиданно вынырнуло из непроглядного мрака — ловкий, хладнокровный старший адъютант и личный секретарь Фридриха Кассель-Гессенского Андре Сигье (ошибочно в некоторых трудах назван Сикре), француз по национальности, поступивший на шведскую службу еще в Бендерах. У него вроде бы не было никакой служебной необходимости находиться в том месте, где он неожиданно появился, — он должен был состоять при своем командире, который, по рассказам, провел беспокойную и тревожную ночь в Тистедалене.

Сильные подозрения в покушении на короля упали на Сигье сразу после трагического события. Несколько лет спустя в Стокгольме, больной, с высокой температурой, в бреду, он признается в том, что убил Карла XII. Но сколько подобных признаний в бреду знает история? Много, довольно много, и не всегда они согласовывались с реальным положением вещей. Тот же Сигье потом скажет Вольтеру, что он короля Швеции не убивал и убивать его у него не было никаких причин. Больше того, он был готов тысячу раз отдать свою жизнь за этого человека! Но и из этого, естественно, тоже ничего не следует.

... Ф. Мегрэ, находившийся ближе всех к королю, попытался заставить его слезть с бруствера и спуститься вниз.

— Lapri, lapri! Не бойтесь! — как всегда ответил король, когда ему напоминали об опасности, и это были его последние слова.

Было девять часов вечера, а может быть, и больше[261], и час пришел...

Пуля, очевидно, прилетела с левой стороны и прошила голову от виска к виску. Голова поникла, и смерть наступила мгновенно. Каульбарс ударил Карлберга по плечу и сказал:

— Боже праведный! Король застрелен! Иди и скажи генералу Шверину!

Карлберг подбежал к генералу Шверину, стоявшему несколько поодаль справа, и сообщил ему о происшедшем. Шверин смог только воскликнуть:

— Боже праведный!

Можно предположить, что это восклицание, по мере распространения печального известия, было повторено в эту ночь еще не один раз.

А. Сигье почти тотчас тоже подошел к месту гибели короля. Лейтенанта Карлберга и Шульца послали за носилками и лейб-гвардейцами, которые должны были унести тело короля в его дом. В первый момент у всех сработал инстинкт сохранить смерть

шведского монарха в тайне. Для этого Сигье на голову убитого Карла надел свой белый парик и свою шляпу с петушиным пером, а шляпу короля француз оставил при себе. Гвардейцам-носильщикам не сказали, кого им предстояло унести из траншеи, но когда они явились, то сразу узнали убитого. Тогда с них взяли обещание пока хранить молчание о том, что король погиб.

Мертвого положили на носилки, накрыли двумя плащами и понесли в Тистедален. И Мегрэ, чисто и точно по-галльски, без всякого цинизма и легкомыслия, произнес:

— La piece est finie, aliens souper![262]

Игра была на самом деле сыграна. Окончательно и бесповоротно. Мощная воля угасла. И у всех военачальников и командиров, оставшихся в этом мире, в армии и дома, в Швеции, господствовало лишь одно сокровенное желание: как можно скорее поужинать с миром.

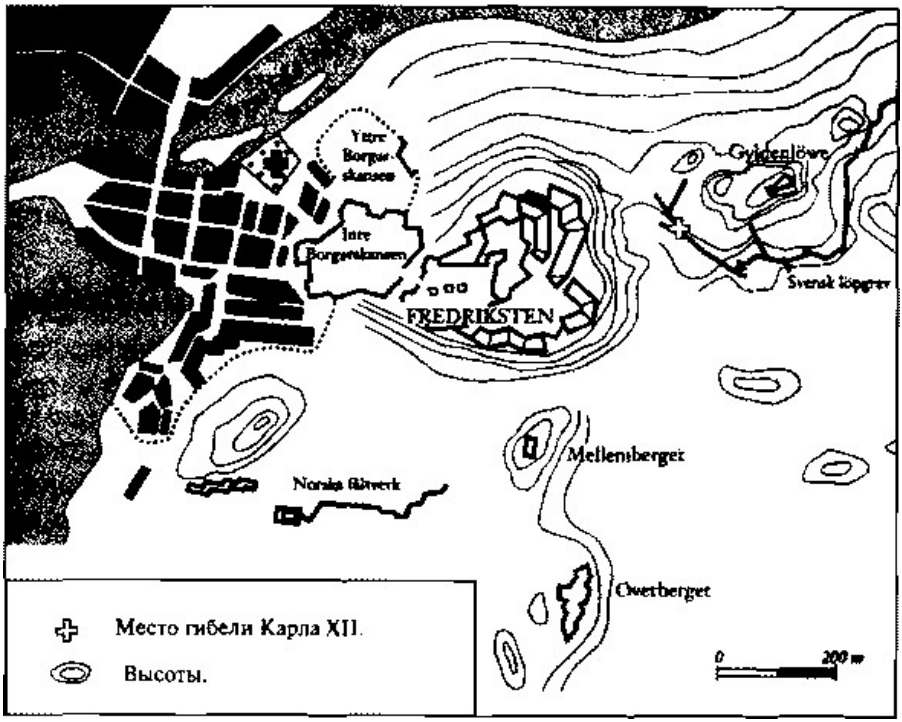
Пять пуль повстречались с Карлом Густавом XII. Пятая встреча оказалась роковой. Он умер, как и хотел, под их музыку.

Смерть Карла XII поздним вечером 11 декабря 1718 года сразу послужила источником различных слухов, недомолвок и спекуляций. Их широкому распространению способствовали и решение его ближайших помощников утаить факт гибели короля от армии, и появление на подмостках трагической фредриксхалльской сцены целого ряда «подозрительных» лиц, и сложная, душная, полная интриг, сплетен и взаимного недоверия обстановка вокруг короля в последние дни его жизни, и общая обстановка усталости страны от войны, разрухи, нищеты, и овладевшие всеми слоями населения уныние, апатия и полная безнадежность.

Уже в первые дни после гибели Карла стали распространяться слухи о том, что король погиб не от пули противника, а от пули убийцы. Трудно установить источник появления такой версии, потому что она появилась и у боевых генералов короля, и в кругах дворцовой камарильи, и среди возвращавшихся домой солдат каролинской армии. Она возникла и продолжает жить в наши дни — вопреки многочисленным опровержениям и несмотря на отсутствие веских и однозначных доказательств в свою пользу. Потому что сопутствующие гибели солдатского короля обстоятельства сделали ее существование возможной, оправданной и вполне вероятной[263].

Когда в феврале 1719 года в Упсальском университете в память короля Карла была устроена поминальная церемония, на которой выступил профессор Улоф Рюдбек, то на вопрос, была ли пуля, убившая короля, датской и прилетела ли она из крепости Фредрикстен, докладчик ответил: «Не верю ни в то, ни в другое».

Убийство, если оно было совершено, должно быть расследовано по всем правилам уголовного права. Такая важная в наше время область человеческой деятельности, как криминалистика, находилась 288 лет назад в самом зачаточном состоянии, и даже если бы такое расследование было проведено тогда по свежим следам, оно вряд ли было бы способно прояснить до сих пор мучающий многих специалистов вопрос: было ли совершено покушение на Карла XII или он погиб как настоящий солдат от пули противника. Да и наследники короля не были заинтересованы в таком расследовании, ибо одна только мысль о его проведении подрывала все устои монархического государства.



Осада Фредрикстена. 1718.

Кстати, монархи Швеции более позднего времени понимали значение неутихавших слухов об убийстве их предка и потому принимали меры к их устранению. С этой целью было предпринято четыре эксгумации останков Карла XII (в 1746, 1799, 1859 и 1917 годах), привлекавшиеся к изучению черепа короля специалисты приходили к утешающему всех выводу о том, что убийства не было, но каждый раз возникали новые «доказательства» противоположного, слухи продолжали циркулировать и вопрос оставался открытым.

Пролить свет на причины смерти Карла XII могли бы три

группы важных обстоятельств:

а) точный топографический план системы окопов и траншей, которые сооружались при осаде крепости Фредрикетен и в одном из которых пуля настигла короля Швеции;

б) точное знание о проектиле — картечной, мушкетной или пистолетной пуле, пробившей голову неугомонного и бесстрашного монарха, и о месте, с которого он был запущен;

в) точное и аутентичное описание отверстия, оставленного проектилем в черепе Карла XII.

При этих условиях современная криминалистика даже спустя столько лет с момента гибели короля без особого труда смогла бы ответить на самый главный вопрос о причинах его смерти. И историки, и прочие специалисты пытались это сделать, но, надо признаться, впечатляющих результатов в этом направлении добиться не смогли.

Все дело в том, что за давностью лет практически невозможно восстановить привязку к местности всех реалий той драматической зимней ночи 1718 года: исчезли форты, окружающие крепость Фредрикстен, давно заросли траншеи и окопы, а старые карты, оставшиеся с тех времен, грешат такими погрешностями, которые делают расчеты баллистов весьма и весьма зыбкими и расплывчатыми. Вещественное доказательство смерти — пуля, кусок картечи — сразу найдено не было, да его никто и не искал, а эксгумация черепа короля в 1917 году показала, что любимый лейб-медик Карла XII Мельхиор Нойман, готовивший останки к погребению, так «здорово залатал» отверстие у виска, что восстановить его размер уже не представляется возможным.

Без точного и достоверного установления всех перечисленных выше трех групп фактов безнадежно «подвисает» и версия о преднамеренном убийстве, потому что при обособленном ее исследовании также выясняется зияющая пустота доказательной базы. Решить ее в отрыве от первой группы вопросов представляется невозможным. Версия об убийстве Карла XII несет в себе огромный политический заряд, а потому оказалась так живуча.

К каким же выводам и результатам пришли специалисты?

Топографическую привязку к месту гибели короля делали на основе оставленных свидетельств очевидцев, путем использования старых карт и непосредственного изучения местности вокруг крепости Фредриксхалль[264]. Расстояние между крепостными стенами и фортом Гюлленлёве, на западной окраине которой решилась судьба Карла XII, не превышает 200 метров. А расстояние между крутым обрывом к реке

Тистедальсэльвен до самого южного форта Овербергет — сектор обзора короля перед смертью — равно примерно 600 метрам. Указанный сектор представляет собой довольно ровное место без особых возвышенностей и пересечений. Первое изучение местности было проведено в конце XIX века генералом Рэдером, комендантом Фредрикстена. Результаты всех последующих исследований, за редким исключением, подтверждали выводы Рэдера (исследования в 30-х годах XX столетия под руководством начальников генеральных штабов Швеции — Петри и Норвегии — Шиётца). Расхождения в полученных данных достигали нескольких метров, но они на конечные выводы существенного влияния не оказывали.

Как известно, король занял для наблюдения место в северном ответвлении основной траншеи (в так называемой параллели), с помощью которой осаждающие могли приблизиться к крепости, не подвергаясь слишком большой опасности обстрела со стороны защитников крепости. Король высунулся из-за бруствера примерно до плеч, облокотив левую руку на бруствер, а левую ногу поставив на уступ внутри траншеи. Было около 22.00, взошла луна, но холодный зимний воздух был насыщен влагой, и свет вокруг был довольно рассеянный. Со стороны крепости и фортов Меллембергет (Стурторнет) и Овербергет велся интенсивный огонь по работавшим в траншеях солдатам, а также запускались осветительные снаряды. Но вести прицельный огонь по отдельным мелким мишеням, как утверждают специалисты, норвежцы с тогдашним оружием и при дневной видимости не могли. Осажденные знали, когда и в каких местах шведами велись земляные работы, и они вели довольно эффективный огонь по известным им площадям. Пороха и свинца не жалели.

Норвежцы в момент смерти Карла XII стреляли в основном по землекопам, используя для этого и артиллерию, и мушкеты. Специалисты пришли к выводу, что смертельная пуля в короля могла быть выпущена с одного из трех мест: с крепостных стен Фредрикстена, с ближайшего форта Меллембергет (Стурторнет) и с более удаленного форта Овербергет. Расстояние между стрелявшим с крепости и королем равнялось 225 метрам, с форта Меллембергет — примерно 430 метрам, а с Овербергет — около 625 метрам, причем выстрел мог быть произведен и из ручного оружия — убойной силы хватало. Только траектория проектиля, выпущенного с форта Овербергет, должна была быть не прямой, как в первых двух случаях, а навесной.

Место, с которого стреляли, можно было бы хоть как-то выяснить, если бы знать характер раны и примерный угол входного отверстия в черепе короля, но, как мы уже упомянули

выше, такой возможности у специалистов того времени не оказалось. Один анонимный свидетель событий, оставивший по себе записи, с полной уверенностью утверждал, что король погиб от картечи, выпущенной с форта Овербергет. Некоторые специалисты, исходя из топографических данных исследования местности, утверждают, что Карл XII мог быть убит пулей от выстрела, произведенного только с фортов Стурторнет и Овербергет, то есть при фланговом обстреле, но ни в коем случае от выстрела с расположенных от него в непосредственной близости стен крепости. В таком случае король должен был наклонить свою голову вправо. Если же пуля прилетела с крепостных стен Фредрикстена, то Карл XII должен был повернуть свою голову направо в направлении какого-нибудь объекта к северу от форта Золотой Лев (Гюлленлёве). К сожалению, ни один из генералов и офицеров, находившихся в этот момент рядом с королем, либо не видел, либо не запомнил, в каком положении находилась его голова в тот роковой миг, тем более что все произошло ночью, и все, в отличие от Карла, были в траншее.

Швед С. Класон, тщательно исследовав все данные, включая своеобразие отверстия в черепе эксгумированных останков Карла XII, пришел к выводу, что смертельная пуля (мало вероятно, что картечь) вообще не принадлежала стрелкам ни с крепости, ни с расположенных южнее фортов: выстрел был произведен с близкого расстояния, и если это не был так называемый Schlumpschuss, то есть выстрел по небрежности, то тогда налицо убийство. Между тем, согласно шведу Н. Анлунду, председателю Каролинского общества, смертельным снарядом могла быть только картечь. Это мнение единодушно высказывали сразу после осмотра раны короля и наследный принц Фридрих Кассель-Гессенский, и молодой герцог Карл Фридрих Готторп-Голштинский.

В любом случае было установлено, что король мог стать жертвой неприцельного выстрела либо из мушкета, либо из небольшого ручного фальконета, заряженного картечью. Пуля (картечь) вошла в левый висок и вышла из правого — это установили при эксгумациях, осуществленных в 1859 и 1917 годах. Если это так, то неизвестный стрелок своим «слепым» выстрелом резко повлиял на исход всей Северной войны и на всю политическую обстановку в Европе.

Если имело место покушение, то убийца должен был находиться где-то рядом в окопе, например в так называемой первой параллели, где находилась свита короля, или в так называемой новой линии, где примерно на расстоянии 30 — 40

метров работали землекопы. Но, по мнению немца О. Хайнтца, тщательно изучившего все материалы по расследованию обстоятельств смерти, все это маловероятно[265]. Выстрел с такого близкого расстояния, несмотря на фон, создаваемый норвежским огнем, не мог быть не услышан окружающими короля лицами. Важно при этом отметить, что ответного огня шведы не вели, а прицельность тогдашнего ручного оружия не позволяла произвести в ночных условиях с такого расстояния точный выстрел по такой небольшой мишени, каковой являлась голова короля. И по имеющимся данным, никого из шведских солдат или офицеров в предполагаемых местах покушения не было.

Удивительны и «впечатляющи» оказались и результаты вскрытий останков бедного короля, осуществленных в 1746 и 1799 годах. Из протоколов обоих вскрытий явствует, что входное отверстие на черепе Карла находится не с левой, а... с правой стороны! Кстати, такая информация имела хождение в Стокгольме в середине декабря 1718 года, когда адъютант гессенского принца прибыл из Норвегии в столицу с известием о смерти монарха. Об этом даже писала одна частная, выпускаемая от руки, газета.

Естественно, такие «расследования» только подливали масла в огонь версий сторонников убийства Карла XII. Появились даже «эксперты», выдвинувшие абсурдную версию о том, что король был заколот кинжалом. Обеспокоенный таким положением дел шведский двор в 1859 году дал разрешение на третью эксгумацию, которая завершилась выводом, что смертельный выстрел в короля был произведен с большого расстояния, пуля (картечь) вошла в левый висок и что никакой речи о покушении на его жизнь быть не может. 30 ноября 1868 года король Швеции и Норвегии Оскар II, отдавая дань Карлу XII как королю, полководцу и просто человеку, в связи со 150-летием со дня его смерти и открытием памятника прочел в военном обществе Стокгольма доклад. Он произнес знаменательные слова: «Прошлое апеллирует к справедливости будущего. История дает ответ, но проходят поколения, прежде чем она его сформулирует полностью. Только после того как смолкнут шепот восхищения или упреки современников, после того как улягутся страсти, лесть потеряет свой соблазн, а клевета утратит свой смысл, — только тогда наступит время вынесения исторического приговора».

Эксгумация 1917 года, сопутствовавшая ремонту саркофага Карла XII, в основном подтвердила выводы 1859 года, и в обществе по поводу причин смерти короля временно наступило некоторое затишье. Но сторонники версии убийства побеждены

не были. Уже три года спустя Т. Хольмквист в своей новой медицинско-анатомическо-баллистической работе, в целом соглашаясь с выводами эксгумации 1917 года, признавал, что тем не менее существует большая вероятность того, что выстрел прозвучал с правой, а не с левой стороны. Во всяком случае, писал он, абсолютной уверенности в официальных выводах 1917 года у него нет, поскольку еще в 1718 году целостность раны короля нарушил Мельхиор Нойман, а в 1859 году из нее были удалены некоторые ткани и осколки костей. Кроме того, никто из специалистов не занялся анализом отверстий на шляпе короля. (Адъютант гессенского принца Сигье в целях убедительности и дополнительной легитимизации доставляемого им страшного известия взял с собой в Стокгольм простреленную шляпу Карла.) Если шляпа действительно находилась на голове Карла, то тогда получается, что пуля пробила его голову с правой стороны. Между тем в 1859 году эксперты подвергли сомнению факт принадлежности шляпы убитому монарху, а в 1917 году вообще не занимались ее изучением. Положение, в котором пуля настигла короля — подтянутое к животу колено левой ноги и опертый на край бруствера локоть левой руки, — без всякого сомнения, должно было означать, что выстрел в правый висок был выстрелом убийцы.

Дебаты, к огорчению королевской семьи, возобновились с новой силой. Между тем прямых и убедительных доказательств в пользу произведенного на короля покушения никем не было представлено. Авторы версий опирались в основном на малодостоверные, не подтвержденные очевидцами факты и неубедительные косвенные улики, вытекавшие из ситуации на месте смерти или из самой внутриполитической обстановки Швеции в 1718 году. А косвенные доказательства «честной» смерти Карла также не могли внести в этот вопрос окончательной ясности. Ситуация сложилась тупиковая, и похоже на то, что время какой-либо ясности в нее не внесет. Тайну своей смерти Карл XII унес с собой в могилу, устроенную в Риддархольмской церкви.

Рассмотрим поближе версию об убийстве короля — как бы там ни было, а она завоевала свое право на существование и до сих пор имеет, в частности в Швеции, много авторитетных сторонников.

Если Карл действительно был убит, то произошло это не с самого близкого расстояния — что называется в упор, например из пистолета, ибо в противном случае вокруг раны остались бы следы опаленной порохом кожи и типичные разрушения ткани. Этого нельзя было не заметить свидетелям смерти короля, его

лейб-медику, а также при вскрытии его останков в Риддархольмской церкви. Свидетели — Мегрэ (бывший сапер Карла, впрочем, вел себя не совсем последовательно, менял свои свидетельские показания, сдвигал акценты и тому подобное) и Карлберг — вспоминали, что в момент смерти Карла XII они отчетливо слышали звук — шлепок, характерный при попадании пули в человеческое тело. Это говорит о том, что пуля прилетела издалека, в противном случае звук выстрела слился бы со звуком пораженного ею человеческого тела и очевидцы услышали бы только звук выстрела.

Противники официальной версии смерти, однако, утверждают, что Мегрэ и другие слышали звук удара о камень. Но тогда они противоречат сами себе, поскольку выстрел убийцы мог быть сделан только с близкого расстояния, а значит, звука удара пули о камень не было бы слышно вообще. Да и звук соприкосновения пули с телом человека отличается от звука удара по камню, и военные люди вряд ли могли перепутать один с другим.

Если убийца располагался справа от короля, то теоретически он мог быть среди группы офицеров в первой параллели или неподалеку от них, но тогда они непременно должны были заметить его. Т. Хольмквист считает, что убийца мог спрятаться в непосредственной близости от короля в ответвлении «новой» линии траншеи, и тогда пуля должна была войти в его левый висок. Аналогичного мнения придерживается и Б. Лильегрен.

В 1940 году А. Сандклев, директор музея в Варберге (пригород Стокгольма), сделал сенсационное заявление, объявив, что неопровержимые доказательства убийства Карла XII им найдены на основе современных… фольклористических методов. Директор утверждал, что убийца находился в непосредственной близости от своей жертвы и располагался с левой от него стороны. Исследуя устные традиции и поведение носителей народных легенд и сказаний о Карле XII на протяжении двух последних веков, А. Сандклев наткнулся на упоминание солдата по имени Мортен Нильссон Нурдшерна, который якобы видел, как убийца с близкого расстояния застрелил Карла XII. Личность М. Н. Нурдшерны оказалась исторической реальностью: он служил в лейб-роте Эльйборгского полка, а в момент смерти короля этот полк располагался в окопах перед крепостью Фредрикстен. Солдат происходил из местности Эксневаллa, что в Вестьётландской провинции. Выйдя из головы короля, пуля шмякнулась о камень и упала наземь. Повозившись в темноте, Нурдшерна якобы нашел смятую пулю и, никому ничего не сказав, положил ее к себе в карман. Вернувшись с войны, он

принес с собой в деревню и памятный сувенир. Как-то разоткровенничавшись с местным пастором, Нурдшерна рассказал о том, какой «трофей» он принес с норвежской войны. Пастор настоятельно посоветовал ему избавиться от этого «нехорошего» предмета, способного принести его обладателю несчастье. Нурдшерна был храбрым солдатом, но, как все обитатели того века, страшно суеверным. Он немедленно пошел в местную каменоломню и бросил там смятую пулю. Согласно А. Сандклеву, 200 лет спустя в этой каменоломне произошло настоящее чудо: местный кузнец Андерссон в 1924 году зачем-то пошел на старую каменоломню и нашел там смятую пулю. Но пуля оказалась ненастоящей: это была медная пуговица от мундира короля!

Открытие А, Сандклева стало называться «Делом о турецкой пуговице», ибо, по его мнению, кто-то украл (или нашел) эту пуговицу, отпилил от нее ушко, залил полость свинцом и забил в пистолет. Отверстие в шляпе короля соответствует диаметру этой пули, утверждает Сандклев, и если доказать, что в Швеции других таких пуговиц нет, то версия получает стопроцентное доказательство своей верности. А. Сандклев добавляет, что поскольку среди солдат и простого народа давно укоренилось поверье, что Карл XII от пуль заговорен, то убийца решил для его устранения использовать необычную пулю.

Мундир, который Карл XII надел в свой последний вечер, был новым и практически неношенным. Он был пошит в Турции, и пуговицы на нем были турецкого производства, как и на мундирах всех его солдат и офицеров, — доставить пуговицы из Швеции тогда не было никакой возможности.

В качестве дополнительного подтверждения своей версии Сандклев приводит воспоминания лейтенант-инженера Б. В. Карлберга, сопровождавшего короля в ту ночь в окопы. Прямо об убийстве короля офицер, естественно, написать не мог, но он знал об этом как об очевидном факте и постарался в тексте своих воспоминаний оставить отдельные «метки», которые А. Сандклев сумел разгадать.

А. Сандклев с оправданным подозрением относится к таким фигурам, как французы Мегрэ и Сигье. Уж слишком рьяно и истово принялись они сами при первом же павшем на них подозрении утверждать о своей невиновности. Особенно в этом отношении отличился Сигье: сначала он, будучи больным и находясь якобы в невменяемом состоянии, из окна своей стокгольмской квартиры всенародно объявил о том, что это он убил короля, а потом опомнился и самым решительным образом дезавуировал свои заявления. Никто из властей предержащих не

удосужился заинтересоваться поступком француза, чье пребывание в ту злосчастную ночь рядом с королем никакой служебной необходимостью не вызывалось — если, конечно, его не подослал наследный принц Гессенский, которому он верно служил. Вернувшись во Францию, он привлек в качестве своего адвоката самого Вольтера. Полковник Филипп Мегрэ «отмывался» при содействии другого защитника — де ля Монтрайё, который в свое время посещал Карла в Бендерах и который в 1727 году прибыл в Швецию с целью сбора данных об обстоятельствах его гибели[266]. Материалы француза в значительной степени базировались на свидетельских показаниях бывшего адъютанта короля итальянского капитана К. Дж. Маркетти, также присутствовавшего в тот роковой вечер в траншеях Золотого Льва.

Лейб-медику Карла Мельхиору Нойману в 1720 году приснился сон, в котором он снова увидел своего повелителя и многолетнего пациента. В то время как Нойман во сне бальзамировал тело короля, тот сообщил ему, что был застрелен своими. Кем именно, король сообщить не успел. Тафельдекер Хюльтман, который так и не успел удостоиться своего повышения, наоборот, утверждает, что «Его Величество погиб от вражеской пули». Немецкий историк Х. Шиллинг приводит такой факт, что за несколько секунд до смерти король вынул свою шпагу из ножен. Зачем? Чтобы от кого-то обороняться? Почему этого не видели и не слышали стоявшие внизу Мегрэ, Каульбарс и Карлберг?

В журнале «Техника молодежи» (№ 1 за 1989 год) Л. Вяткин приводит версию убийства короля, основанную, вероятно, на воспоминаниях потомка упомянутого выше Ю. Ф. Каульбарса — Н. Каульбарса или еще на каких-либо непроверенных данных. Согласно Л. Вяткину, король был застрелен из штуцера, найденного будто бы на квартире все того же Сигье (в тексте Сикре) и перешедшего потом в собственность автора мемуаров. Штуцер якобы был подобран Сигье на месте преступления (остается только выяснить, когда он успел это сделать и как ему удалось избавиться от орудия убийства, если, по всем показаниям свидетелей, француз появился у тела короля сразу после рокового выстрела и все время был на виду у свидетелей). Л. Вяткин сообщает, что штуцер — снайперская винтовка того времени — принадлежал сербу А(н)дрию (в «Русской старине» значится Адрей) Гудовичу, состоявшему на службе у Августа II, а в 1719 году перешедшему на службу к русскому царю (в «Русской старине» Н. Каульбарс пишет, что А. Гудович, скорее всего, был мастером, изготовившим штуцер). Мотивы покушения то ли А.

Сигье, то ли А. Гудовича на жизнь шведского короля — месть за ту роль, которую тот сыграл в крушении Прутского похода русской армии в 1711 году. После военной неудачи Петра в Молдавии турки жестоко подавили национальное сербское восстание, и сербы якобы приговорили Карла к смерти. День гибели Карла — 11 декабря — выбран недаром: по православному календарю он является днем памяти Андрея Первозванного! Находился ли владелец штуцера в момент убийства шведского короля в Норвегии и каким образом он там мог оказаться, автор «сенсационной» и путаной версии ничего не сообщает[267].

Как справедливо замечает современный шведский историк Л. Вайбулль, недостатка в причинах, которые могли бы привести к заговору против короля, в то время в Швеции не было. Наибольшие подозрения вызывал, конечно, упомянутый выше гессенский зять Карла и супруг его младшей сестры Ульрики Элеоноры. Это он вынашивал планы занять шведский трон после Карла XII и строил всякие козни против своего голштинского претендента, племянника короля. За голштинцем стояла зловещая фигура барона Гёртца, и пока барон был в фаворе у короля, принц Карл Фридрих не осмеливался на решительные шаги. Но исподволь, не без помощи своего отца, гессенского ландграфа, он готовил почву для того, чтобы вступить в драку и, если понадобится, применить силу. Об этом недвусмысленно свидетельствует меморандум, оставленный по его указанию советником Д. Хейном у его супруги на случай «непредвиденных» обстоятельств. Как мы уже сообщали, советник Д. Хейн, вручив Ульрике Элеоноре документ, тут же поспешил покинуть пределы Швеции — до того «горяч» оказался меморандум.

Больше всех от смерти короля выиграл именно принц Гессенский. Л. Вайбулль полагал (1929 год), что, несмотря на отсутствие прямых доказательств причастности наследного принца Гессена к убийству свояка, существует целая «замкнутая цепь улик» в пользу этой версии. Ст. Булин (1930) идет дальше Вайбулля и уверенно называет Сигье (Сикре) убийцей Карла XII. Эти подозрения и обвинения только усилились благодаря тем мерам, которые гессенская партия приняла сразу после ухода короля[268]. Никто из исследователей не дал до сих пор ответа на вопрос: о каком заговоре сообщил Карлу XII начальник его тайной службы за несколько часов до полета роковой пятой пули короля?

Неожиданно «отличился» генерал-майор Карл Крунстедт, знаменитый артиллерист-новатор, вошедший в историю военного дела Швеции. Уже находясь на смертном одре, он покаялся своему душеприказчику Толльстадиусу в том, что принял самое

непосредственное участие в покушении на жизнь своего любимого короля. Он якобы приготовил мушкет, снарядив его смертельным зарядом, и передал его офицеру лейб-драбанту по имени Шернруус, а тому осталось только навести мушкет на цель и нажать на курок. Генерал почил в бозе, а Шернруус как ни в чем не бывало, не подвергшись ни допросу, ни аресту, ни другому какому наказанию, сделал потом великолепную карьеру. Слуга церкви Толльстадиус, говорят, оставил после себя по этому поводу записку, но она затерялась, а экспертам достались копии, которые вызывают сильные сомнения в их идентичности с оригиналом. Впрочем, выяснилось, что Крунстедт в ту ночь в окопах не был, но все же...

Еще более странным оказалось признание в убийстве Карла XII со стороны его верного спутника по Турции и рьяного слуги в последние годы жизни голштинского дипломата Фабриса. В момент смерти короля он не только не был вблизи крепости Фредрикстен, но находился далеко за пределами Скандинавии. Атмосфера шизофрении? Все эти случаи выглядят фантастично — это признает и автор самого фантастичного — фольклористического — метода расследования преступлений А. Сандклев[269].

Факт остается фактом, в Швеции была создана самая благоприятная почва для возникновения заговора против короля Карла. Дворянство начало стонать от редукции еще при его отце, но при сыне гайки были завинчены почти до отказа. Кроме физической службы в армии или в чиновничьем аппарате дворяне по-прежнему подвергались нещадной «стрижке» со стороны государства. Последние годы, когда истощенными войной экономикой и финансами страны стал заниматься барон Гёртц, положение стало просто отчаянным. Все в Швеции были заинтересованы в заключении немедленного мира, кроме одного человека — Карла XII. Он был естественным и единственным препятствием на пути из тупика, в который сам загнал страну. Так что чисто теоретически убийца мог найтись среди дворянства.

Еще в 1713 году представители от сословий попытались сделать робкий шаг в направлении освобождения страны от пут абсолютизма, призвав вместо отсутствовавшего короля регентствовать в совете его сестру. Но Карл сразу почуял опасность и запретил это делать. Вернувшись из Турции, он первым делом разогнал риксдаг. Карлу оставался выбор: продолжение войны или отказ от великодержавной политики Швеции. Он выбрал первое, тем самым грубо проигнорировав интересы страны и своих подданных.

Генерал Ф. Б. фон Шверин позже рассказывал о том, как Карл за два дня до смерти ходил с Реншёльдом в окопах и говорил, что Швеция, чтобы рассчитывать на приемлемые условия мира, должна воевать в Германии еще 40 лет! Можно себе представить, как это высказывание могло подействовать на побывавшего в русском плену фельдмаршала и на прочий генералитет, которые войной были уже сыты по горло. Как бы ни любили короля в предыдущие годы, всему приходит конец, особенно когда наступают тяжелые времена. Такие времена наступили, и недовольных в Швеции к осени 1718 года было больше чем достаточно. Абсолютизм начал загнивать и трещать по швам изнутри.

Б. Лильегрен, убедительно основывая теорию заговора, во главе которого, по его мнению, стоял зять короля принц Фридрих Гессенский, больше всех заинтересованный в смерти Карла XII, приводит любопытные сведения.

Время ликвидации Карла было выбрано оптимально: прибытие барона Гёртца 2 декабря в Тистедален могло навсегда похоронить надежды гессенца на королевскую корону (наследником трона должен был быть объявлен голштинский принц Карл Фридрих), поэтому он поторопился назначить покушение на крайний срок — 30 ноября.

Пятая пуля короля не была свинцовой. Обследование его черепа при эксгумации 1917 года однозначно показало отсутствие на входном и выходном отверстиях следов этого металла. Если бы пуля была свинцовой, то ни тщательная обработка раны Мельхиором Нойманом при бальзамировании тела короля, ни 200 лет, прошедших с момента выстрела, не могли бы повлиять на присутствие свинца в черепе обследуемого. Использование убийцей железной пули исключалось — у них была плохая баллистика, и при стрельбе из мушкетов железные пули не применялись. Они использовались в картечи, но были большего калибра (22 миллиметра), чем отверстия в черепе короля (19—19,5 миллиметра). Норвежские мушкетеры использовали при стрельбе пули диаметром 16,5—17,3 миллиметра, и потому они застрелить короля не могли. Шведский эксперт Рольф Уппстрём решительно отвергает также и вариант смерти шведского короля от картечи. Остается одна возможность: специальная пуля, выпущенная из шведского окружения с достаточно близкого расстояния. К таким же результатам в 1998 году независимо от Р. Уппстрёма пришли датчане Х. П. Хоуген и О. Мунк. В этой связи, считает Лильегрен, теория пули-пуговицы представляется не такой уж и фантастичной.

Наиболее вероятным убийцей Карла, по Лильегрену, следует считать все того же А. Сигье. Он мог незаметно пробраться в поперечную траншею, соединявшую две параллельные, и занять великолепную позицию всего в десяти метрах слева от короля. Убийца мог сделать прицельный выстрел из мушкета, пуля с такого расстояния обладала достаточной убойной силой, и обеспечивалось отсутствие следов пороха на входном отверстии, если бы выстрел пришлось делать вплотную к жертве. Момент выстрела можно было приурочить к пушечному выстрелу норвежцев. Сделав свое дело, А. Сигье быстро вернулся к убитому королю, убедился, что выстрел достиг цели, и вместе с другими офицерами принял участие в соболезнованиях.

Когда в 1722 году А. Сигье признался в убийстве Карла, пишет Лильегрен, власти предприняли все возможное, чтобы замять скандал. Но в народе француза уже давно считали причастным к убийству, тем более что в этом же 1722 году один шведский лейтенант по фамилии Шульц утверждал, что был свидетелем передачи убийце вознаграждения в размере 5 тысяч дукатов. Известно также, что Фридрих Гессенский, к тому времени уже ставший королем Швеции, написал письма Сигье и Мегрэ неизвестного содержания. Ответил королю лишь Ф. Мегрэ, выступивший в качестве адвоката Сигье. «Какого-либо убедительного алиби Сигье он, однако, не представил», — замечает Б. Лильегрен и добавляет, что полностью доказать вину А. Сигье вряд ли когда удастся, хотя все указывает на то, что Карла XII по заданию Фридриха Гессенского убил именно он.

Знаменательно, как распорядилась судьба с неутомимым воином и последним викингом Швеции (как назвал Карла король Оскар 150 лет спустя): она свершила над ним свой суд, устав ждать наступления времени, когда ее баловень наконец образумится и подумает не только о своей славе, но и о своих ближних.

Заканчивая эту главу, мы вслед за многими историками вынуждены повторить: пока не доказано иное, Карл XII будет, согласно официальной версии, считаться погибшим от «честной» пули (картечи) неприятеля во время своего норвежского похода 1718 года. «Оставим все, как есть: ясности нет, — заключает в своей книге Ф. Г. Бенггссон. — Достоверно лишь, что нервозность в поведении Фридриха Гессенского получила свое наказание — не важно от чего: то ли от слепого рока, то ли от чего иного».

Эпилог

Стою с годовой непокрытой
Под ясным и чистым небом
И творю беспрерывно молитвы
О защите от Божьего гнева.

Из песни каролинских солдат

Утром 12 декабря 1718 года в Швеции началась новая эпоха. Король умер, но жизнь должна была продолжаться. «Невелико и зло было время его жизни и не может сравняться со временем отцов его в их шествии по миру»[270]. Последующий период, получивший громкое название «время свободы», был, однако, не менее злым, нежели абсолютизм Карла XII.

На следующий после смерти короля день в главной штаб-квартире шведской армии в Тистедалене собрался военный совет, на котором, кроме двух Фридрихов — Гессенского и Голштинского, присутствовали два фельдмаршала— Реншёльд и Мёрнер, два полных генерала, три генерал-лейтенанта и шесть генерал-майоров. Совет принял почти единодушное решение о прекращении норвежского похода (против выступил молодой голштинский герцог) и о возвращении армии (включая солдат Армфельта) домой. На решение, несомненно, кроме гибели Карла повлияли и усталость, и упавший боевой дух армии, и сложное внутри- и внешнеполитическое положение, в котором оказалась страна. Армия должна была быть дома, потому что могла бы сыграть «стабилизирующую» роль. Так мотивировала военная верхушка свое решение. Одним словом, в Тистедалене был разыгран норвежский вариант шведской капитуляции в Переволочне — там тоже искали предлога для того, чтобы избежать решительного боя с русскими. И нашли.

Со смертью короля Карла из шведского государственного механизма выпала основная приводящая его в действие пружина и механизм стал распадаться на части.

То, что на смену абсолютизму должна прийти другая система власти, ни у кого сомнений не вызывало. Разногласия были только по поводу того, с кем будущий монарх будет делиться властью: с Государственным советом или представителями сословий. Сразу началась неприглядная возня по поводу захвата опустевшего трона. Молодой и неопытный голштинский герцог Карл Фридрих, оставшись без поддержки барона Гёртца и

голштинской партии, вел себя пассивно, хотя были признаки того, что он мог бы получить поддержку Реншёльда, Мёрнера и всего остального генералитета.

Инициативу в свои руки взял супруг сестры Карла Фридрих Гессенский. Это он сразу отдал распоряжение об аресте Гёртца и его сторонников, он же послал в Стокгольм своего адъютанта Сигье с уведомлением о смерти Карла, и он начал немедленно склонять генералитет в свою пользу. К сожалению, события в Тистедалене в 1718 году печально повторили события 1709 года в Переволочне: у генералитета не хватило ни смелости, ни совести, ни чести, чтобы в этот трудный час проявить принципиальность и волю и завершить начатый королем Карлом поход. Через 24 часа после смерти своего повелителя они предали его, предали армию и предали — за презренный металл. Причем деньги эти совершенно незаконно были захвачены все тем же гессенским герцогом. Голштинец П. Паульсен прибыл в Тистедален из Стокгольма со 100 тысячами талерами, предназначенными для расходов на содержание армии, и ждал появления Гёртца, чтобы передать их ему. Вот этими казенными деньгами и завладел принц Фридрих, чтобы подкупить генералов и склонить их к поддержке своей супруги в деле занятия освободившегося трона.

Фельдмаршалы Реншёльд, Мёрнер и генерал Дюккер получили по 12 тысяч, генерал-лейтенанты — по 2 тысячи, генерал-майоры — по 800, командиры полков — по 600 талеров[271]. Все чинно и по чину. Даже голштинский принц не устоял от подачки и принял из рук своего соперника 6 тысяч талеров. Все это выглядело настолько неприглядно, что шведы не могут простить им этого до сих пор. Особенную неприязнь у историков вызвало поведение фельдмаршала Реншёльда. Впрочем, его заносчивость, лицемерие и коварство уже имели возможность проявиться и при жизни короля: достаточно вспомнить его умышленно запоздалые приказы Левенхаупту на выступление из Лифляндии, благодаря чему тот со своей армией попал в переплет под Лесной; или его злые придирки к тому же Левенхаупту накануне Полтавского сражения; или неуместную для его ранга и положения презрительную критику в адрес короля Карла, которую он высказал в присутствии большого количества официальных лиц, включая прусского посланника Мардефельта на обеде у князя Голицына перед своим отъездом из России. Яблоко оказалось с червоточиной.

После подкупа генералов дело у гессенцев стало быстро продвигаться. Андре Сигье, как ему и приказывали, прибыл из Норвегии в Стокгольм с ложной версией гибели Карла XII и сообщил ее лишь Ульрике Элеоноре, а та быстро, в соответствии с

тем самым мемориалом, который ей передал гессенский «философ» и тайный советник Хейн, привела в готовность всех своих сторонников. 6 декабря в неполном составе «гессенцы» провели заседание Государственного совета и признали за принцессой права будущей королевы Швеции. Править она согласилась то совету совета»[272]. Но полный формальный отказ от абсолютистского правления последовал через четыре дня на тайном заседании того же совета. Попытки ее супруга добиться признания за собой положения соправителя не удались — тут советники проявили решимость и единодушие.

Потом привели к присяге армию и созвали риксдаг. Он собрался 20 января 1719 года и окончательно скрепил своей печатью новую форму правления — ограниченную Государственным советом и парламентом монархию. Риксдаг преподнес новой королем сюрприз: на открытии первого заседания выступил президент коллегии совета Арвид Хорн и предложил депутатам проголосовать за то, чтобы не признавать за королевой естественного права на шведский трон, а считать королевскую власть производной, исходящей из риксдага. Голосование было единодушным. По другому предложению А. Хорна риксдаг выбрал своего «спикера» — первого в истории лантмаршала Пера Риббинга. П. Риббинг выступил с речью, в которой предложил депутатам провести официальные выборы новой королевы.

Эту пилюлю Ульрика Элеонора была вынуждена тоже проглотить молча. Гессенская партия никакого сопротивления новому риксдагу оказать была не в состоянии — нужно было довольствоваться тем, что дают. 3 февраля 1719 года риксдаг выбрал Ульрику Элеонору королевой Швеции, установил порядок последующего престолонаследия — по линии сыновей правящих монархов — и тем самым расставил все точки над «i».

Принца Фридриха оставили генералиссимусом, но значительно ограничили его в правах, придав ему «для совета» и контроля так называемый военный совет. На ключевые должности совет постарался расставить своих людей, по возможности ограничив везде доступ «гессенцам».

Коронация королевы последовала 28 марта, она, в соответствии с традицией, нарушенной Карлом XII, происходила не в Стокгольме, а в Упсале.

... Пока в Стокгольме возводилась новая политическая надстройка страны, короля Карла готовили в последний путь. 17 декабря, хмурым зимним утром, в простом сосновом гробу, он был вынесен из своего дома в Тисдалене и в сопровождении почетного эскорта офицеров и гвардейцев (бывших драбантов) на

пушечном лафете медленно двинулся в 600-километровый путь до Стокгольма. 24 декабря процессия достигла города Уддевалла, где лейб-медик Мельхиор Нойман приступил к бальзамированию тела короля. Закончив работу через три дня, он положил в гроб кусочек кости ноги, которую прооперировал королю под Полтавой. Француз Симон Жоссе снял с его лица посмертную маску. 13 января 1719 года процессия выступила из Уддеваллы и через 25 дней вошла в северо-западное предместье шведской столицы, где находился замок Карлберг. Наконец Карл XII, после почти 19-летнего отсутствия, прибыл в столицу Швеции.

Похороны в усыпальнице шведских королей в Ридцархольмской церкви состоялись 9 марта 1719 года. Торжественная церемония началась ранним утром и закончилась к трем часам дня. Драбант Нильс Фриск, носивший короля на своих плечах под Краковом и под Полтавой, сбежал из русского плена и теперь последний раз нес его в Стокгольм. Юхан Ертта, командир корпуса драбантов, выстроил перед гробом жалкие остатки любимого подразделения Карла. В первой карете за гробом ехали два соперника: гессенский Фридрих и голштинский Карл Фридрих. Несмотря на отсутствие языковых трудностей, седоки во все время поездки в карете не обменялись между собой ни словом. Сестра короля по неизвестным причинам на похоронах отсутствовала.

Mon coeur…

А 2 марта 1719 года на эшафот взошел Георг Хейнрих Гёртц, голштинский барон и министр, первый помощник Карла XII в течение последних лет, обвиненный судом… в измене и злоупотреблениях. 13 декабря 1718 года, возвращаясь с Аландских островов на встречу с королем, он остановился в местечке Танум неподалеку от норвежской границы. Он был в полном неведении о судьбе своего повелителя и никаких мер предосторожности не принял. Патрулю, посланному гессенским принцем для его поимки, без особого труда удалось отделить его от сопровождавших лиц и посадить под стражу[273]. При аресте он, по мнению О. Хайнтца, проявил удивительную близорукость: он подумал, что король лишил его своего доверия за неудачные переговоры с русскими и решил от него избавиться. Поэтому он всячески добивался возможности предстать перед Карлом, чтобы лично перед ним оправдаться. Впрочем, реакция барона была вполне адекватной: ведь арест его произвели от имени короля — правда, к этому моменту уже мертвого.

Когда барон наконец понял, что произошло в последние дни, то круто изменил свое поведение. Перед судьями предстал сильный и волевой человек, способный защитить свое

достоинство и честь. 27 декабря под охраной лейб-гвардии в количестве 300 человек он был доставлен в Стокгольм и посажен в государственную тюрьму в Сёдермальме. Барон отлично понимал, что арест его был незаконным: во-первых, Фридрих Кассель-Гессенский не обладал на то полномочиями, во-вторых, он, Гёртц, не подлежал шведской юрисдикции. Не будучи шведским подданным и не занимая никакого официального поста в системе государственного аппарата Швеции, он продолжал состоять на голштинской службе и подлежал юрисдикции администратора Голштинии Кристьяна Августа. В-третьих, как иностранец он никаких действий в ущерб Швеции не совершал. В-четвертых, во всех своих действиях он был подотчетен королю, выполнял его поручения и никаких самостоятельных шагов без согласия Карла ни во внутренней, ни во внешней политике не предпринимал.

Суд над Гёртцем был выражением беззакония, человеческой подлости и черной зависти. Вместо надворного суда Швеции вершить судьбу барона было поручено чрезвычайному суду, назначенному даже не риксдагом, а Государственным советом и королевой. Он состоял из самых ярых противников Гёртца: обвинителем был юрист Феман, председателем суда — лантмаршал Пер Риббинг, одним из членов — президент канцелярии Арвид Хорн. Защитнику на суде места не нашли. С самого начала суд превратился в политическое судилище, поставившее своей целью избавиться от ненавистного политического противника. И как можно скорее. Власти опасались, что за Гёртца может вступиться царь Петр, обеспокоенный судьбой Аландской мирной конференции.

Гёртц отчаянно и храбро защищался против предъявленных ему обвинений: в намеренном препятствовании заключению мира; в дурных советах королю; в разрушении финансовой системы страны; в умысле довести страну и народ Швеции до катастрофы и т. д. и т. п. Ему запретили высказаться по существу предъявленных обвинений и в устной, и в письменной форме. В конце суда ему предоставили возможность в течение нескольких минут изучить содержание приговора. Судьи спешили.

Все друзья и соратники покинули несчастного барона и оставили его один на один со своей незавидной судьбой. Исключение составили его бывший противник из гессенской партии генерал-лейтенант Конрад Ранк и священник-душеприказчик, которые тщетно пытались смягчить участь голштинского авантюриста. Ненависть к Гёртцу была настолько сильной, что согласно первому приговору суда хотели было перед казнью, прежде чем к делу приступит палач, изуродовать его тело

до неузнаваемости. К счастью, это предложение не прошло. Окончательный приговор гласил, что, после того как труп повешенного барона будет представлен на всеобщее обозрение, он должен будет предан земле тут же под виселицей.

Смерть барон принял с поразительной стойкостью. Он до конца настаивал на своей невиновности. Он был не самым лучшим и справедливым господином в этом мире, но именно его слуги, невзирая на грозившую им опасность, в день похорон Карла XII выкрали тело барона и тайно переправили его в Гамбург, где у Гёртца были дом и две несовершеннолетние дочери. Там его и похоронили. По ходатайству ганноверского камер-президента фон Гёртца, родственника погибшего барона, король Англии и курфюрст Ганновера Георг I принял над дочерьми опеку.

Когда в Стокгольме хоронили короля и казнили Гёртца, в далекой Норвегии погибала армия Армфельта. Судьба этой армии — символ крушения шведского великодержавия. Брошенная и забытая в суматохе всеми, она все еще честно пыталась выполнить поставленную перед ней уже несуществовавшим королем задачу, а когда получила известие о его смерти и приказ уходить домой, было уже поздно. Начались жестокие зимние морозы и метели, подвоз провианта с баз нарушился, зимней одеждой почему-то не запаслись. В результате две трети армии остались лежать в сугробах и на горных перевалах Северной Швеции. Виноват во всем оказался все тот же генералиссимус из Гессена: он отправил приказ Армфельту о прекращении кампании с большим запозданием и не через почту, как это обычно делалось, а с посторонними нарочными. Приказ генералу Армфельту вручил какой-то местный крестьянин!

Да, не такое уж и доброе время наступило в стране после смерти «злого» короля Карла. Старые декорации убрали, на их месте возвели новые, и теперь нужно было что-то делать со страной. За ее пределами противники готовились к решительным боям, имея своей целью окончательно сокрушить мощь державы, которую они боялись, ненавидели и уважали на протяжении последних десятилетий...

В 1719 году Швеция заключила мир с Ганновером, который за компенсацию в размере миллиона риксдалеров получил города Бремен и Верден. В январе 1720 года последовал мир с Пруссией, которая за 2 миллиона риксдалеров получила Штеттин и некоторые земли Померании. Позже в том же году заключили мир с датчанами, Копенгаген купил право на лишение Швеции свободной торговли через Эресунн за 600 тысяч риксдалеров. А последним, 11 сентября (30 августа) 1721 года, был подписан мир

с Россией, которая за все свои приобретения в Прибалтике заплатила Стокгольму компенсацию в размере 2 миллионов риксдалеров. Все для шведов обошлось не так уж плохо: за утраченные земли получили денежки да еще сохранили за собой Финляндию и большую часть Померании.

... После Ништадтского мира из России стали возвращаться пленные — не все, конечно, а те, которые выжили. Левенхаупт в 1719 году умер от тоски и мрачных видений в Москве. Граф Пипер в 1716 году тоже кончил свои дни в «шлиссельбургской квартире». Генерал-майор Руус скончался в 1722 году по дороге домой. Не вернулись и многие другие. Всего около пяти тысяч бывших солдат и офицеров короля добрели до дома, чтобы на жалкую пенсию продолжать влачить жалкое существование.

А потом и они, один за другим, стали уходить из этой жизни.

Больше о близком прошлом почти уже ничто не напоминало. Кроме, может быть, 200 тысяч солдат и гражданских лиц, включая детей — шведов, немцев, поляков, русских, украинцев, прибалтов, финнов, датчан, — погибших в кровавой Северной войне.

Память? Сразу после гибели о короле старались вспоминать как можно реже.

Слава? Она развеялась вместе с его прахом. Да и что такое слава?

Только на расстоянии времени о Карле XII вспомнили и продолжают помнить поныне. Особенно когда это диктует политическая конъюнктура. Он стоит теперь в бронзе на стокгольмской площади Кюнгстрэдсгорден и указывает рукой на восток, где по его славе был нанесен первый и сокрушительный удар. Некоторым выгодно считать, что король предупреждает об опасности, которая грозит шведам из России.

В России же полагают, что он был выдающейся личностью, одной из тех, на которые наш век недостаточно щедр.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Рейд и гибель армии фельдмаршала Магнуса Стенбока

Как следует из основного текста книги, главным козырем в реваншистских планах Карла XII в период его «сидения» в Бендерах была шведская армия в Померании, которая должна была выступить в Польшу и, соединившись там с турецко-татарской армией» обрушиться на Россию, Блистательная Порта шла на политические переговоры с королей Швеции именно в расчете на эту армию.

Померанская армия Швеции состояла в 1710 году из гарнизонов в Штральзунде, Штеттине, Висмаре и Бремен-Вердене, а также корпуса фон Крассова, оставленного Карлом для охраны «бумажного» короля С. Лещинского и после Полтавы ушедшего в Померанию. Естественно, этих сил было явно недостаточно дня того, чтобы претворить в жизнь планы короля, и он усиленно «бомбардировал» Стокгольм приказами подготовить новые полки для отправки их на польский театр военных действий. После того как шведам в 1710 году удалось прогнать высадившуюся в Сконии датскую армию, вопрос об усилении померанской группировки был поставлен наконец в практическую плоскость.

В мае 1712 года генерал-лейтенант Магнус Стенбок, отличившийся в битве с датчанами под Хельсингборгом, получил из Бендер королевскую шифровку о назначении его главнокомандующим померанской группировкой. Больше Карлу XII в Швеции надеяться было не на кого, а «старина Бок»[274] не подведет. Бок был польщен, хота это признание было очень слабым утешением за то, что за предыдущую кампанию Карл не удостоил его маршальского звания. Генерал был так расстроен тогда такой несправедливостью, что на долгое время впал в прострацию. Между тем все в Швеции считали, что Магнус Стенбок, генерал-губернатор Сконии, избавитель страны от датского вторжения, организатор экспедиционного корпуса, верный слуга его королевского величества мог бы уже давно получить звание фельдмаршала — он его заслужил больше, нежели какой-нибудь бездарь Мёрнер, но король его все как-то обходил своей милостью.

Подготовка к пересечению Балтийского моря уже шла полным ходом, но вопросы снабжения и укомплектования экспедиционного корпуса решались с большим трудом и при огромном напряжении последних сил страны. Возникали

проблемы не только с армией, но и с флотом, который без дополнительных финансовых вложений имел тенденцию к старению, разрушению, гниению и вообще к сокращению своих боевых и транспортных единиц.

Наконец, кажется, все было готово, и взмыленный Стенбок, мотавшийся между Стокгольмом и Карлскруной, чтобы выколотить из Государственного совета деньги, боеприпасы, одежду, амуницию, провиант, а от флотских адмиралов — транспорт, мог вздохнуть с облегчением. Он мог быть доволен: в той ситуации, в которой находилась Швеция, он сделал максимум возможного, и если бы здесь был король, он бы похвалил его за старание и расторопность.

24 августа шведская эскадра в составе 24 линейных кораблей, вооруженных 1746 орудиями, под командованием адмирала Вахтмейстера вышла в море, чтобы выполнить задачу по охране от датчан намеченного для транспортировки армии Стенбока пути из Карлскруны на остров Рюген. Датская эскадра под командованием адмирала Гюльденлёве, состоявшая из 16 линейных кораблей, от прямого столкновения со шведами уклонилась и укрылась в бухте Кёге. Там ее старый Вахтмейстер и сторожил, пока первый эшелон экспедиционного корпуса Стенбока высаживался на Рюгене.

Следующим этапом стала доставка в Померанию провианта и боеприпасов. Шведская эскадра сняла блокаду Кёге и стала на охрану шведских транспортов. К этому времени датская эскадра Гюльденлёве, усиленная пришедшими из Норвегии шестью линейными кораблями и семью фрегатами, напала на шведские транспорты и из 100 судов 70 потопила или захватила в плен. Потеря была невосполнимой, высадившиеся на Рюгене шведы остались без пропитания и пороха и должны были теперь отнимать последние куски хлеба у отощавшего гарнизона Штральзунда. Эта беда породила целую череду напастей и неудач, которые потом обрушатся на экспедиционный корпус Магнуса Стенбока.

Долго сидеть на штральзундском пятачке армия, насчитывавшая почти 20 тысяч человек и более шести тысяч лошадей, не могла, и 4 ноября 1712 года Стенбок с армией из 16 тысяч человек, представлявших все рода войск, в районе мекленбургской речки Реннитц вырвался на оперативный простор. В Штральзунде генерал оставил трехтысячный гарнизон. Датчане, узнав об этом, были вынуждены оставить Росток, снять осаду с Висмара и отступить на запад.

Многие специалисты справедливо считают, что Стенбоку нужно было сразу высаживаться в Данциге, что дало бы шведам

возможность немедленного вступления в Польшу и избавления штральзундского гарнизона от шеститысячного бездействующего кавалерийского корпуса. Впрочем, эти же специалисты полагают, что у Стенбока и в штральзундском варианте был шанс, для того чтобы пробиваться не на запад, а на юго-восток, в Польшу, на чем, кстати, настаивал и Карл XII. Русско-саксонские заслоны на этом пути не являлись для него таким уж непреодолимым препятствием. Но генерал, вероятно, думал иначе: шведам пришлось бы проходить через территорию Пруссии, а Берлин к этому времени уже вошел в соглашение с Россией и Саксонией о том, чтобы ни под каким видом не предоставлять шведам коридор в Польшу.

Итак, дело было сделано, шведы совершили первую ошибку, высадившись в Штральзунде, а потом, вопреки планам короля Карла и стратегической необходимости, пошли на датчан, также выбрав заведомо тупиковый вариант. Поблизости, в городе Трибзеес, находился Август II с 22-тысячной русско-саксонской армией, к которой на помощь спешили дополнительные русские полки. По логике вещей, Стенбоку нужно было немедленно предупредить соединение частей противника и напасть на Августа, но швед этого по неизвестным причинам не сделал. Вероятно, он не хотел далеко удаляться от моря, потому что ждал прихода из Швеции второго эшелона армии, продовольствия и боеприпасов.

И действительно, 14 ноября шведская армия вошла в Росток и целый месяц простояла там, пополняя запасы продовольствия с помощью контрибуции и ожидая транспортную эскадру из Швеции. Неперепрaвленная часть армии уже в октябре собралась в городе Карлсхамне и ждала погрузки, но шведам не хватало судов, а когда в декабре они наконец освободились, то на Балтике изменилась погода, и второй эшелон экспедиционного корпуса так и остался в Швеции — еще одна серьезная неувязка в экспедиции.

30 ноября в районе города Гюстрова М. Стенбок вошел в контакт с саксонским генералом Я. Х. Флеммингом и в присутствии короля Августа, под ответственность «бумажного» короля Лещинского (командующий в этом районе шведскими войсками генерал М. Веллингк от ответственности уклонился), заключил с ним двухнедельное перемирие. Шведам нужно было дождаться транспорта, без которого они не могли двигаться дальше, а союзникам — подкреплений. Стенбок отправил Карлу XII в Бендеры подробный отчет о своих действиях, в котором он свой шаг увязывал с предстоящим отказом Лещинского от польского трона. Кому это соглашение в конечном итоге пойдет

на пользу, сразу определить было трудно: действиями саксонцев были недовольны и русские, и датчане, из Бендер тоже ушло указание Карла XII немедленно расторгнуть соглашение. Но договор был заключен, потому что приказ короля поступил к Стенбоку с большим опозданием.

Усилив свои войска русскими полками, Август выступил навстречу Стенбоку. С запада на шведов двигалась не связанная перемирием датская армия, которая уже достигла местечка Гадебуш. Армии Стенбока готовилась западня. Я. Х. Флемминг имел в виду именно этот вариант, когда соблазнял Стенбока перемирием. Шведов перехитрили. Сзади у Стенбока была почти 40-тысячная русско-датская армия, впереди — примерно 17 тысяч датчан. Кстати, расторопный Флемминг успел уведомить о перемирии турецкого султана Ахмеда III, рассчитывая вызвать у него недоверие к Карлу XII. Этот расчет тоже оправдался.

В шведском лагере возникло замешательство. Стенбоку только теперь стало ясно, какую непростительную ошибку он совершил, пойдя на поводу у Лещинского. Впрочем, генерал быстро вышел из оцепенения и принял решение двинуться на датчан и разбить их, пока они не соединились с союзниками. Уже в этот момент генерал понимал, что после сражения с датчанами его армия выйдет ослабленной и вряд ли будет в состоянии оказывать сопротивление наседавшим сзади русским и саксонцам, поэтому он сразу принял решение преследовать датчан до Голштинии, а там — будь что будет!

И опять эксперты находят это решение Стенбока ошибочным: зря генерал ополчился на датчан и загонял свою армию в тупик, ему нужно было повернуть назад и броситься на русско-саксонскую армию — там был хотя бы шанс на то, чтобы пробиться через Бранденбург в Польшу. А вести армию в печально известный «голштинский мешок», где в свое время сгинула не одна армия, было безумием[275]. Такой вариант Стенбок, кстати, взвешивал, но отказался от него.

За несколько бросков шведская армия сблизилась с датской и 19 декабря 1712 года оказалась на восточной окраине Гадебуша. Датский командующий генерал фон Шольтен, вместо того чтобы двигаться навстречу союзникам, стоял все это время на одном месте. Времени на раздумье у Стенбока не было, и уже на следующий день он атаковал датчан. К фон Шольтену на помощь успел подойти кавалерийский отряд саксонцев под командованием Флемминга, и шведам противостояла уже примерно 20-тысячная союзная армия.

Стенбок проявил новаторский прием и выдвинул на передние позиции артиллерию, которая своим огнем нанесла противнику

значительный урон. Он построил свою пехоту в две колонны, разместил на флангах кавалерию и, оставив в резерве часть пехоты, ринулся в бой. Неудачное построение датской армии и саксонской кавалерии решило исход сражения уже в первой его фазе. Пехотинцы смяли датский центр, в то время как шведская кавалерия обошла левый фланг и погнала датчан. Впрочем, Флемминг, вопреки указанию фон Шольтена, дал своей кавалерии оперативный простор, и на его участке шведам было оказано упорное сопротивление, в то время как на правом фланге действия датской кавалерии были заблокированы неудачным построением собственной пехоты и датские кавалеристы практически никакого участия в бою не принимали[276]. Стенбоку тоже удалось сделать кавалерийский охват позиций противника только с одной стороны, но он сделал то, на что был способен, — не все же генералы в каролинской армии были Реншёльдами!

За битву под Гадебушем Магнус Стенбок наконец-то получил от короля вожделенный маршальский жезл. 14 тысяч шведов (к Гадебушу шведская армия подошла уже на две тысячи человек поредевшей) победили 20 тысяч саксонцев и датчан, шведы потеряли в сражении 1700 человек, союзники — шесть тысяч, из них 2500 человек пленными. После Гадебуша датчане, передав союзникам шесть тысяч кавалеристов, отступили на запад. Армия Стенбока получила кратковременную передышку, а затем маршал, посовещавшись с Веллингком, отдал приказ на преследование датской армии.

В начале января 1713 года Стенбок подошел к немецкой Альтоне и сжег город дотла. Эта непонятная в глазах многих и неоправданная жестокость генерала произвела в Европе шок. Жители города во главе с пастором Засе предлагали шведам контрибуцию в размере 50 тысяч риксдалеров, но Стенбок ее проигнорировал и обрек Альтону на гибель, мотивируя свое решение тем, что город якобы оказывал содействие в осаде шведской крепости Стаде (Бремен). Город сжигали не природные шведы, а завербованные немецкие драгуны. Впрочем, жестокость и грубость новоявленного шведского фельдмаршала вряд ли можно назвать чем-то неожиданным: военный комиссар Карла XII «прославился» своей жестокостью в обращении с местным населением еще во время польского похода. «Вашему Величеству известно, — писал он Карлу XII в Бендеры, — что я никогда не был мягкосердечным, если нужно было топить, сжигать, убивать и казнить, когда этого требовали польза и приказы В. В.».

После Альтоны перед шведской армией снова открылась альтернатива: либо преследовать датскую армию вплоть до Копенгагена, либо прорываться назад, в Польшу, используя

свободный коридор между Любеком и морем (между Любеком и Гамбургом стояла большая союзническая армия). Оба варианта в свое время использовались шведскими завоевателями: первый — Карлом X в 1658 году, а второй — шведским полководцем Торстенссоном в 1644 году. Оба эти варианта Стенбок обсудил с М. Веллингком и пришел к выводу, что полной аналогии со своими предшественниками в его положении не было. Во-первых, ни Карл X, ни Торстенссон не имели перед собой противника с таким огромным численным перевесом, а во-вторых, еще неизвестно, как поведет себя такая естественная преграда на пути к Копенгагену, как пролив Бельт. Тогда, в 1658 году, он замерз, и шведская армия перешла его по льду и неожиданно появилась в Зеландии. Покроется ли пролив льдом на сей раз, гарантировать никто не мог.

Вариант прорыва в Польшу скоро отпал сам собой. Пока Стенбок усердно превращал Альтону в пепел, датчане подтянули дополнительные подкрепления изнутри страны и из Норвегии, а их союзники постарались плотно закрыть все проходы на восток. Альтона обошлась шведам слишком дорого.

18 января 1713 года Стенбок вошел в Шлезвиг, сзади с отрывом в четырехдневный переход шли союзники, впереди на пути в Ютландию стояли датчане. Положение было безвыходное, и надо было что-то предпринимать. Готторп-Голштиния, согласно Гамбургскому арбитражу 1710 года, в этот момент сохраняла по отношению к Швеции нейтралитет, но под нажимом шведов и при участии своего министра Г. Х. фон Гёртца согласилась по договору передать в распоряжение армии Стенбока крепость Тённинген. Датская сторона, естественно, выразила решительный протест и в качестве ответной меры забрала под свою юрисдикцию всю оставшуюся часть герцогства. Гот-торп-Голштиния прекратила свое существование.

Гёртц пришел в отчаяние. Он стал принимать лихорадочные меры, чтобы спасти положение, и инициировал переговоры Стенбока с датчанами о капитуляции шведской армии. Стенбок соглашался на капитуляцию, но при условии, что армия останется в неприкосновенности и ей будет позволено беспрепятственно вернуться домой. Русская и саксонская стороны против этого не возражали, но когда начались переговоры, Стенбок, как настаивал Гёртц, брать на себя ответственность за заключение договора об аренде крепости отказался. Ситуация снова зашла в тупик.

Но и сидение в крепости для шведов было бесперспективным — рано или поздно союзники принудят армию к сдаче, поэтому Стенбок попытался спасти хотя бы свою кавалерию. В феврале 1713 года он предпринял попытку переправить ее на плотах и

лодках через реку Эйдер, но ветер разметал утлые суденышки, а на противоположном берегу появились русские кавалеристы под командованием генерала Бауэра и своими действиями свели на нет все усилия Стенбока. Находившийся при войске царь Петр, не дожидаясь агонии шведской армии, вернулся в Мекленбург, а оттуда выехал в Петербург, где его ждали более важные дела.

До апреля 1713 года вокруг Тённингена шли бои, в то время как Гёртц метался из конца в конец между союзниками и пытался добиться примирения. Ради спасения готторп-голш-тинского герцогского дома он уговаривал Стенбока капитулировать. Дело шло к тому, чтобы еще раз опутать фельдмаршала дипломатической паутиной и обманным путем вырвать у него согласие. Генерал М. Веллингк уже докладывал в Бендеры, что во всех бедствиях армии виноват Стенбок — главным образом потому, что он нарушил приказ Карла XII и не пошел в Польшу. А Гёртц для спасения герцогства был готов на все: и выдать шведов в руки союзников, и открыто перейти в лагерь противника. Северная война началась шведами под предлогом оказания помощи Голштинии, а теперь Голштиния подло и коварно предавала интересы Швеции ради спасения своей шкуры.

К концу апреля союзники загнали шведов в крепость и блокировали ее с моря, прервав снабжение осажденных провиантом и боеприпасами. Лошадей пришлось забить уже на раннем этапе осады. Датчане подвезли осадные орудия и принялись за бомбардировку стен. Оказавшись в безвыходном положении, Стенбок начал переговоры о капитуляции.

Агония продолжалась до мая, а потом шведский гарнизон сдался на милость победителей. Шведскую армию отпускали домой, но без знаков отличия, оружия и лошадей. Доставку людей на Скандинавский полуостров должна была взять на себя Швеция. Русские и саксонские части сразу после сдачи крепости удалились в Мекленбург. В Тённинген допускался готторп-голштинский гарнизон, и ему в течение 1713 года со стороны союзников гарантировалась неприкосновенность.

Но выполнить условия капитуляции не удалось. Царь Петр потребовал отпускать шведских солдат и офицеров частями, по мере обмена их на русских пленных, и датский король Фредрик IV должен был прислушаться к требованию своего союзника. Обмену воспротивился из Бендер Карл XII, который не хотел отпускать русских пленных из Швеции, чтобы иметь средство давления на царя с целью облегчить условия содержания шведских пленных, взятых под Полтавой. Завязался сложный клубок противоречий, и люди Стенбока, и он сам стали заложниками большой политики. Практически они скоро и

надолго перешли на положение пленных. Собранные в Швеции 100 тысяч талеров на организацию транспортировки армии Стенбока из датского плена генерал М. Веллингк взял на... обустройство шведских крепостей в Северной Германии.

Маршал Стенбок, брошенный властями Швеции и забытый своим королем, всеми силами боролся за возвращение своих соплеменников на родину. В ноябре 1713 года он, больной и сломленный морально, был переведен в Копенгаген, где дал втянуть себя в компрометирующую переписку, за что был посажен в крепость. Содержание в крепости было строгим и даже жестоким. Фельдмаршал такого обращения не выдержал и 23 декабря 1717 года скончался. Магнус Стенбок был довольно гармонично развитой личностью: он писал стихи, рисовал, сочинял музыку, занимался резьбой по дереву и слоновой кости. В датском плену он нарисовал автопортрет с... индюками, который до сих пор украшает один из датских музеев.

Немецкий историк Р. Козер, исследуя судьбу армии Стенбока, пришел к выводу, что гибель ее была организована антиабсолютистскими силами Швеции, во главе которых стояли М. Веллингк, Н. Юлленшерна и А. Хорн. В этот момент они взяли курс на скорейшее заключение мира и возведение на трон нового короля. Указанные лица направили армию Стенбока в голштинский тупик, а потом приняли все меры к тому, чтобы ее там погубить.

Добавим, что барон Гёртц, тоже приложивший руку к судьбе армии Стенбока, находился в это время в постоянной связи с Хорном, а последний, по свидетельству современников, если не слепо следовал, то достаточно внимательно прислушивался к советам голштинца.

Шведские пленные в России

Вы, вдовы наши шведские,
Оставшись без мужей,
За наши души грешные
Молитесь посильней.
Из песни каролинских солдат

В бою под Полтавой, согласно русским и шведским источникам, в плен попали около трех тысяч каролинцев, а вместе с капитулировавшими под Перевалочной остатками армии и гражданскими лицами число шведских пленных составило более 18 тысяч человек. На 1706 год, по шведским данным, в русском плену уже находилось 3300 человек. Если к ним прибавить шведов, взятых в плен в ходе последующих лет Северной войны, то их число, по мнению шведских историков, приблизится к цифре 30 тысяч. Это была делая армия, состоявшая из обученных и опытных вояк, — бесценная добыча царя Петра и невосполнимая потеря для короля Карла.

Что мог сделать царь с этой огромной массой иностранцев — шведов, финнов и немцев, которые по своему культурному уровню стояли намного выше его собственных подданных? Решить этот вопрос, даже при наличии доброй воли и желания царя использовать этих иностранцев на пользу России, было весьма непросто, а достаточно дикие по европейским меркам социальные и природные условия России лишь усугубляли положение. Поэтому пленные каролинцы были обречены на жалкое существование и долгую молчаливую борьбу за свое выживание.

Сначала взятых в плен под Переволочной отконвоировали под Полтаву, куда они прибыли 13 (2) июля 1709 года. По воспоминаниям подполковника О. М. Кребса, в пути у всех офицеров, в нарушение условий капитуляции, отобрали шпага. Генералитет попросили сначала в палатку царя, потом — светлейшего князя Меншикова. Царь лично, на «ломаном немецком языке» заверил генералов в том, что русская сторона будет строго соблюдать все пункты заключенной на Днепре капитуляции. Впрочем, как утверждали некоторые пленные, это не помешало победителям, под предлогом поиска документов Мазепы, подвергнуть личный багаж офицеров досмотру и грабежу.

После этого (17/6 июля) всем шведам без исключения пришлось принять участие в торжественном русском празднике и пройти через город Полтаву и русский лагерь. Праздник закончился приглашением всех генералов и офицеров на званый обед к Б. П. Шереметеву. На обеде царь обласкал Реншёльда, похвалил его за верность своему королю и вернул шпагу.

Первые дни пребывания под Полтавой шведские пленные соответственно своему званию и положению были распределены на проживание к своим русским коллегам по оружию: так, Реншёльда с генерал-майорами Кройцем и Крусе взял к себе Шереметев, Левенхаупта — генерал Халларт, принца Вюртембергского взял к себе на постой другой генерал и т. д. и т. п. Но скоро офицеров отделили от своих полков, и самых старших по званию отправили в Ораниенбаум в имение князя Меншикова. Личный состав разделили на три группы и отконвоировали в Киев, Чернигов и Смоленск.

Первые месяцы пребывания в плену показались шведам вполне сносными, и среди них возникли надежды на то, что графу Пилеру удастся заключить с царем соглашение по обмену их на русских пленных в Швеции. Последних у Карла XII было тоже немало, включая и высокопоставленных особ, которых царь хотел вернуть домой в первую очередь. После возвращения Мейерфельта в Бендеры граф получил от Карла полномочия на ведение переговоров по этому вопросу и несколько раз встречался с царем и его министрами.

С русской стороны выдвигались самые разные предложения, к примеру, такое, как обмен Пипера на Мазепу или Реншёльда с Пипером на грузинского князя Александра и князя Долгорукова, взятых в плен под Нарвой. Карл XII да и сам Пипер отказались от такого размена, сославшись на то, что Мазепа не был пленным и что Карл не может нарушить своего слова и лишить гетмана своего покровительства. Никакого прогресса в переговорах подобного рода достигнуто не было в первую очередь из-за глубокого различия в установках короля и царя: Карл хотел начать обмен с рядового состава, в то время как Петр был заинтересован в первую очередь заполучить обратно генералов и офицеров. Каждый настаивал на том, что считал для себя более важным.

В декабре 1709 года большое количество шведских пленных собрали в Москве для участия в триумфальном шествии царя-победителя. 1 января 1710 года (21 декабря 1709 года) при большом стечении народа и с большой помпой царь Петр въехал в первую столицу и показал своим подданным поверженных противников. Вновь назначенный датский посол Ю. Юэль (Юль)

писал: «Как шведы в начале войны с Россией, захватив у нее пленных, знамена, штандарты и другие трофеи, с триумфом показывали их на улицах Стокгольма, так и Его Царское Величество использовал этот повод поступить подобным же образом».

Шведов провели в пешем строю двумя колоннами, во главе которых шли русские трубачи и барабанщики. В первой колонне находились пленные, взятые под Лесной вместе с артиллерией, знаменами и штандартами и спереди и сзади окруженные семеновцами; во второй — в сопровождении преображенцев шли «полтавцы» с 80 трофейными орудиями, 300 знаменами и трубами.

В середине шествия олени тянули сани, на которых восседал самоедский царь[277] со своей свитой. Все русские военные ехали верхом, в то время как пленные шли пешком. Они были выстроены строго по званиям и рангам: впереди рядовые, за ними — унтер-офицерский состав, потом — младшие и старшие офицеры, а в самом конце — генералы с фельдмаршалом Реншёльдом и графом Пипером. Царь, сопровождаемый Меншиковым и Долгоруковым, следовал на своей боевой кобыле по кличке Лизетта сразу за шведами. Стоявшие по обочинам молодые люди бросали ему под ноги зеленые ветки и венки.

Почти у каждого дома для русских участников шествия стояло угощение, и время от времени кто-нибудь из них, включая царя, останавливался и выпивал за здравие русского воинства чарку вина. На стенах домов были развешаны картины, прославлявшие победу русских над шведами, в частности, внимание многих шведов привлекла картина с изображением льва в кандалах, которого на цепи вел русский солдат. Праздник завершился вечерней иллюминацией.

Кстати, в триумфальном шествии царя приняли участие не все шведские пленные — несколько тысяч провели через триумфальные ворота на шестой и седьмой день праздника. Кроме того, торжества с участием шведов повторились несколько дней спустя на окраине Москвы. Царь и его генералы докладывали потешному царю князю Ромодановскому о своей победе над Карлом XII. 8 января 1710 года (28 декабря 1709 года) через Москву прошла партия шведских пленных во главе с бывшим генерал-квартирмейстером А. Юлленкруком, посланным Карлом XII из Турции в разведывательный рейд в Польшу и взятым в плен под Черновцами.

В новогодний праздник, который в России стали отмечать совсем недавно, царь Петр устроил грандиозный фейерверк, на который пригласил весь пленный шведский генералитет.

Сценарий фейерверка был подсказан рисунком, изображенным на серебряной медали, выбитой в честь Карла XII после Альтранштедтского мира. На рисунке шведский лев свалил ударом лапы одну корону (с головы короля Августа) и надломил столб, на котором сидела вторая корона — русская. На новогоднем фейерверке горящий лев сжег своим огненным дыханием одну корону (шведскую) и поправил столб, на котором висела вторая корона, что символизировало крушение Швеции и возрождение России после поражения под Нарвой.

Граф Пипер, Реншёльд и остальные генералы молча взирали на эту аллегорию из особой залы. Потом состоялся званый обед в доме у А. Д. Меншикова, на который пригласили Пипера, Реншёльда, Левенхаупта и Седерхьельма. Датский посланник Ю. Юэль, присутствовавший на обеде, писал, что «…граф Пипер… хвастал и говорил так необдуманно, что нетрудно было заключить, что он особенным умом не отличается», в то же время Реншёльд и Левенхаупт вели себя достойно, «…не поступаясь должным уважением к своему государю».

После московских празднеств большая часть пленных была отправлена в Казань, Астрахань и Архангельск, на строительные работы в Санкт-Петербург и по имениям местных князей и помещиков. В январе 1710 года часть шведов партиями по 100 человек была послана в Сибирь на работу в шахтах и рудниках. Некоторых, в основном генералов, оставили в Москве. Разбросав пленных по территории всей империи, русские власти полагали, что так им будет легче их прокормить и контролировать.

Конечно, на работы отправляли в основном нижних чинов, генералитету и старшему офицерскому составу предоставлялась возможность пользоваться определенной свободой. Так, Реншёльд, Пипер, Левенхаупт, другие генералы и полковники в сопровождении охраны могли перемещаться по городу, посещать друг друга, читать книги и газеты и делать все, что им заблагорассудится.

27 (16) февраля 1710 года Реншёльд был приглашен царем на свадьбу к одному московскому купцу, чем фельдмаршал, по словам присутствовавшего на свадебном пиру датского посланника Ю. Юэля, стал «очень чваниться». В разгар пира к фельдмаршалу подошел Петр и «…прикинувшись любезным, как бы в полудреме спросил его, по какой причине он и его шведы, спустя три дня после победы под Фрауштадтом, хладнокровно умертвили русских пленных… В свое оправдание Реншёльд отвечал, что тотчас после сражения он по приказанию короля должен был отправиться за 12 миль от Фрауштадта и лишь по возвращении узнал об этих убийствах, которые он-де не

оправдывает»[278]. На вопрос, отчего же он тогда не наказал виновных, фельдмаршал ответа не дал. Петр демонстративно отошел от шведа, оставив его одного стоять посреди зала, после чего Реншёльд со свадьбы ушел.

В плену, как и раньше, свобода и жизненные блага среди шведов были распределены неравномерно. Богатые и знатные жили более или менее сносно, а бедные страдали и голодали. Царь давал на содержание нижних чинов по три гроша на каждый день, офицеры же не получали ничего. Последние по распоряжению Карла XII из Бендер могли рассчитывать на половину своего жалованья (вторую половину получали так называемые дублеры — их товарищи, служившие на их постах в Швеции), но и она часто доходила до адресата с опозданием или не приходила вовсе. Полное жалованье получал лишь один фельдмаршал Реншёльд. Положение офицеров было бы вовсе отчаянным, если бы не Реншёльд и Пипер, которые взяли на себя обязанность оказывать им помощь и вести их финансовые дела.

Старые и непримиримые враги — фельдмаршал и глава королевской канцелярии — в Москве помирились. Генералы Левенхаупт и Кройц в начале февраля 1710 года в конце концов уговорили Реншёльда первым пойти на мировую, после чего Реншёльд посетил Пипера на квартире и вступил с ним в контакт. Искренней дружбы у них не получилось, но сотрудничество на благо пленных было вполне плодотворным. Благодаря своим административным способностям и поддержке русских властей Реншёльд и Пипер практически организовали орган центрального управления всеми шведскими пленными. Они составили подробный список мест расселения шведов, взяли на учет всех своих земляков, добились посещения их руководителями и священниками и стали вникать в их повседневные нужды и запросы.

За помощью к Реншёльду и Пиперу обращались все, кто давно исчерпал свой ограниченный кредит на родине и влачил полуголодное существование. К ним из Стокгольма обращались Госсовет Швеции и Государственная контора, когда речь шла об уточнении сведений о пленном или о направлении ему денег. Пипер, как один из богатых людей Швеции, вместе с Реншёльдом давал нуждающимся деньги в долг — часто без отдачи — и вел переговоры с вексельной конторой в Гамбурге. Кстати, работа с этими векселями занимала значительную часть времени короля Карла в Бендерах и Госсовета Швеции в Стокгольме.

Для начала К. Г. Пипер из собственных средств внес на счета военнопленных в гамбургскую контору в качестве первого взноса 24 тысячи талеров, а потом он с помощью своей деятельной

супруги и за счет кредита шведского государства сумел увеличить взнос до 50 тысяч талеров, пока не довел его до 62 302 талеров. Графиня под векселя своего супруга могла получать в банках крупные суммы денег и направляла их в Россию. К этим суммам необходимо добавить и векселя Государственной конторы в Стокгольме на сумму 141 976 талеров, также предназначенных для облегчения положения пленных в России.

Вместе с Юлленкруком, который тоже первое время находился в Москве, Пипер составил план распределения этих средств, согласно которому каждый ротный командир, в зависимости от звания, получал от шести до семи серебряных талеров. Старшие офицеры должны были позаботиться о себе сами, и в том случае, если у них никаких средств к существованию не оказывалось, они должны были довольствоваться наравне с капитанами семью талерами. Нижний чин мог рассчитывать на две копейки в день. Эти условия помощи пленным были обсуждены с генералами и полковниками и получили их одобрение.

Несмотря на неоднократные напоминания Карла из Бендер и Пипера — из России, средства из Государственной конторы Швеции поступали весьма нерегулярно. Государственный совет, со своей стороны, пытался сделать все возможное для облегчения положения военнопленных, но финансы страны были перенапряжены и денег катастрофически не хватало. 1710 год принес к тому же новую проблему — на юге страны высадилась датская армия, и все ресурсы были направлены на отражение вторжения. Начатая кампания по сбору средств среди населения принесла всего 21 787 талеров.

Свой крест каролинцы в России несли с достоинством и терпением. Не только рядовые солдаты, но и офицеры пытались обеспечить себя хоть каким-то занятием и работой. Некоторым удалось «пристроиться» в качестве фельдшеров, учителей или гувернеров, другие пилили и кололи дрова, шили платье, занимались ювелирным делом, плели корзины, третьи занимались сельским хозяйством, рыболовством или охотой, помогали своим священникам проводить службы, составляли проповеди и переписывали Библию. «Благородные» господа, прежде всего граф Пипер, заботились о других своих товарищах, вели переписку с офицерами и рядовыми солдатами. Фельдмаршал Реншёльд держал у себя на квартире открытый стол для офицеров и читал для них лекции по военному искусству.

В Тобольске капитан альбедюльских драгун К. Фр. фон Вреех осенью 1711 года организовал школу, в которой наряду с

обычными предметами детям военнопленных преподавали иностранные языки, географию, геометрию и религию. Для школы бывший капитан приобрел скромное помещение, а когда оно сгорело от пожара, купил новое, более просторное, с четырьмя залами здание. Деньги на школу собирали среди самих шведов, некоторую часть из города Халле (Германия) прислал известный гуманист и теолог-пиетист[279] А. Х. Франке, с которым Вреех вступил в переписку. Школа, которая была домом для учеников и учителей, стала культурным центром не только для всей шведской колонии, насчитывавшей временами 900 человек, но и для некоторых русских офицеров, которые устраивали своих детей учиться к шведам, и просуществовала до 1721 года, когда пленные стали репатриироваться на родину.

Наряду со школой в Тобольске шведы открыли для бедных соотечественников больницу на 130 мест и лютеранскую консисторию. Следы этой деятельности сохранились до конца XIX века. Тогда в Тобольске работал Шведский музей, в котором были выставлены инструменты ремесленников, предметы домашней утвари военнопленных, рукописные книги и документы, рассказывавшие о жизни военнопленных в Сибири и вообще в России.

Переносить тяготы плена шведам помогала их искренняя приверженность к религии. Известно, что Карл XII приветствовал распространение в королевстве пиетистского движения, но особенно глубокие корни пиетизм пустил среди пленных шведов в России. День, как и в походах, каролинцы начинали с молитвы. Если не было священника, то молитвы по книгам читали офицеры. Не хватало библий и псалтырей, и тогда их стали переписывать вручную. Большой популярностью пользовались труды пиетистов Арндта, Спенера и Франке. С последним многие шведы состояли в переписке. По инициативе Франке в Германии были организованы сборы денег, лекарств и книг в пользу шведских военнопленных в России.

Самодеятельная активность шведов на религиозной почве не способствовала сохранению лютеранской веры во всей ее чистоте и вызывала противодействие со стороны «правоверных» каролинских капелланов, например, бывшего пастора королевских драбантов воинственного Ёрана Нурдберга, будущего биографа короля Карла. Между пиетистами и капелланами началась борьба, которая протекала с переменным успехом. Надзор за 60 лютеранскими общинами военнопленных осуществляла Московская шведская консистория, возглавляемая все тем же деятельным Нурдбергом вплоть до 1715 года, когда он после обмена пленными вернулся в Швецию. Консистория

назначала священников, обучала новых и устраивала им экзамены. Вместо короля Швеции выступали по очереди то граф Пипер, то фельдмаршал Реншёльд, а после освобождения последнего в 1718 году — старший генерал.

И в религии, и в быту шведы в России строго придерживались своих национальных традиций. И хотя многие потом женились на русских, но случаи перехода в православие среди них, как утверждает шведский историк Э. Карлссон, были очень редкими. Тех немногих, кто соблазнялся царевой службой и переходом в православие, подвергали беспощадному остракизму. Лейтенант Лит в своем дневнике записал: «Два шведских пастора и несколько офицеров и рядовых... отпали от правильной евангелической веры и перешли в русскую, фальшивую веру и тем самым творят теперь дело Сатаны, особенно священники, поступившие на русскую цивильную службу, и пытаются затянуть в пропасть шведских пленных...» По мнению лейтенанта, отступники носят печать Сатаны не только в своем сердце, но и на своих лицах, которые стали ужасными и отвратительными.

Однако у датского посланника Ю. Юэля на этот счет имеются другие данные, и оснований сомневаться в честности его весьма точных и беспристрастных записок, сделанных в России в 1710—1711 годах, ни у кого не возникает. Так он пишет о том, что после капитуляции Риги на царскую службу поступило большое количество (около 800) офицеров и солдат, в числе которых были генерал-майор Эрнст Альбедюль, 110 лифляндских дворян, один полковник, пять подполковников, один генерал-адъютант, 19 майоров, один комиссар, 37 капитанов, 14 поручиков, два прапорщика, десять асессоров и 77 старших и младших начальствующих гражданских лиц. После взятия русской армией Выборга на службу к царю попросились более 400 военнослужащих шведской армии. Поступил на службу к царю и генерал-майор А. В. Шлиппенбах.

Обращение российских властей с пленными в разные времена и в разных местах было различным. Если со стороны правителей шведам реально предоставлялась свобода выбора религии и занятий для своего содержания, то со стороны нижних чиновников на местах часто отмечались перегибы и нарушения. Отношение к офицерам было вполне сносным, они, если вели себя тихо и не пытались бежать, могли свободно перемещаться внутри городов, в которые были высланы. Рядовые и унтер-офицеры, занятые в основном на работах в сибирских рудниках или на строительных работах в Петербурге, страдали от несправедливости и грубости гораздо больше. К ним относились, как к русским крепостным, поэтому Реншёльд и Пипер часто

обращались наверх с жалобами и при необходимости не боялись доходить до самого царя. И надо заметить, меры в результате оказывались быстрыми и действенными.

Мало нравилось шведам и поведение простого русского люда, который относился к лютеранам с большим недоверием. У русского нельзя было попросить взаймы ни миски, ни ведра, ни ножа или пилы, потому что все это, попав в руки «еретиков», могло «опоганиться». «В этом городе... нас было 100 офицеров и 50 денщиков. По праздникам русские напивались и нас бранили, из-за чего часто возникали драки, — вспоминал юнкер Г. А. Пипер. — Мы добыли себе большие палки — по-русски дубины — и приучили русских обращаться с нами повежливее».

Лучше всего к шведам относились в Сибири. Созданию вокруг них благоприятной обстановки во многом способствовал генерал-губернатор Гагарин, впоследствии отозванный из Сибири Петром I и казненный за воровство и взятки. (Кстати, по делу Гагарина проходили два шведских офицера, которых потом посадили в тюрьму.)

Некоторые шведские офицеры, взятые в плен на Днепре, были скоро под честное слово отпущены домой (полковые командиры Дюккер и Таубе), пообещав царю освободить вместо себя двух русских офицеров. С четырехмесячной миссией по освобождению русских военнопленных и обмену их на шведских пленных в Стокгольм выезжал секретарь полевой канцелярии Карла XII Йосиас Седерхьельм. Государственный совет по указанию короля на обмен не пошел, и Седерхьельм уехал обратно в Россию, откуда он вернулся лишь в 1721 году. Из-за упрямого противодействия короля общий обмен военнопленными между Швецией и Россией так и не состоялся.

Конечно, нахождение в плену для многих было невыносимым, и среди шведов случались побеги. Некоторым удавалось даже добраться до дома, но таких счастливчиков было мало. Большинство беглецов ловили и наказывали, при этом неизменно ужесточались условия содержания и остальных их товарищей. Раскрытые в городе Светске и в Казанской губернии заговоры офицеров с целью организации побега привели к тому, что шведов с 1711 года все чаше и в больших количествах стали отправлять в Сибирь.

Ухудшение условий содержания пленных часто увязывалось с возникавшими в России слухами о том, как плохо шведские власти у себя дома обращались с русскими военнопленными. Случившийся в Москве в мае 1712 года большой пожар приписали злому умыслу шведских пленных, в результате толпа разъяренных московских обывателей напала на нескольких

шведских офицеров и крепко побила их, большинство пострадавших отправили в Сибирь. Вся шведская колония находилась в неописуемом страхе, пока расследование властей не показало, что шведы к пожару никакого отношения не имели.

Не избежали, по мнению Э. Карлссона, «дурного обращения» и высокопоставленные офицеры и генералы: так, осенью 1710 года Реншёльд, Пипер и Седерхъельм без всяких объяснений были переведены из Москвы в Петербург. По приезде в новую столицу они предстали перед сенатом, где им задали вопрос, готовы ли они содействовать обмену взятого после капитуляции Рига генерал-губернатора Н. Стрёмберга на находившегося в шведском плену генерала Вейде. Сенат также предложил Пиперу и Реншёльду под честное слово выехать в Швецию, чтобы содействовать освобождению из плена князя Трубецкого и грузинского царевича Александра. Шведы ответили, что они не уполномочены вести такие переговоры, а предложение об обмене Н. Стрёмберга нашли неправомерным, поскольку генерал-губернатор якобы военнопленным не был. К тому же было уже решено, что Вейде должен был быть обменен на Девенхаупта. Тогда под угрозой заключения в тюрьму от них потребовали письменного согласия на указанные предложения, и после того как фельдмаршал и граф уступили этим требованиям, в начале 1711 года их вернули обратно в Москву.

А. Л. Левенхаупта царь хотел обменять на генерала А. А. Вейде, взятого в шведский плен под Нарвой. Левенхаупта уже привезли в Санкт-Петербург, а Вейде шведы доставили в Финляндию, но в последний момент обмен не состоялся: шведы настаивали на одновременном обмене генералов, в то время как А. Д. Менщиков стремился получить сначала Вейде, а уж потом передать Левенхаупта на борт шведского военного судна, которое должно было прийти в Санкт-Петербург. По мнению Ю. Юэля, Меншиков хотел обмануть шведскую сторону и Левенхаупта не отдавать. (Генерала Вейде в конце концов обменяли на бывшего рижского коменданта Стрёмберга.)

В январе 1712 года Пипера и Реншёльда разлучили и на несколько дней увезли из Москвы в какой-то пригород, а потом также без всякого объяснения вернули обратно, где они сначала жили у каких-то бояр, а потом вернулись в нанятый Пипером дом. В качестве причины такого обращения шведский историк Э. Карлссон приводит возможный перехват русскими властями их переписки с Карлом. По ложному обвинению царь Петр якобы хотел даже предать их казни, но светлейший князь Меншиков, хорошо зная вспыльчивый, но отходчивый нрав Петра, дал указание на три дня спрятать Реншёльда и Пипера в

подмосковном убежище и подождать, когда царь от своего гнева поостынет. Петр, как и предполагал Меншиков, получил более подробные сведения о проступке шведов и приказал дело против них прекратить.

В то же время русские власти перестали прилагать какие-либо усилия и по обмену Реншёльда и Пипера на своих пленных генералов. Госсовет Швеции планировал сначала обменять их на царевича Александра. Карл XII, кажется, не возражал против этого и попросил Госсовет срочно заняться их освобождением. Но король категорически возражал прошв русских условий, согласно которым освобожденный фельдмаршал должен был дать слово на время продолжения войны больше не служить в ущерб интересам царя. После смерти грузинского царевича Госсовет выступил с предложением обменять его тело и князя Трубецкого на графа Пипера, но и с этим обменом ничего не вышло. Потом возник вариант обмена Пипера на князя Долгорукого, но поскольку тому удалось из плена бежать, то шведская сторона потребовала к Пиперу присоединить и Реншёльда, но и из этого предложения ничего не получилось.

В 1713 году, когда в Россию не вернулись четыре шведских полковника, отпущенные под честное слово, как поручители, Реншёльд и Пипер по указанию царя были посажены под строгий арест. Они сидели в одиночных карцерах под охраной и не могли общаться с другими заключенными.

В декабре 1714 года по приказу царя графа Пипера неожиданно привезли в Петербург и стали якобы шантажировать на предмет вымогания у него денег, предлагая оплатить один русский долг в Голландии. Граф Пипер объявил голодовку и пытался оказать сопротивление такому нажиму, хотя вексель на сумму 30 тысяч риксдалеров был вынужден выписать. Весной 1716 года графа перевели в Шлиссельбург и поселили в городской квартире, где он на 69-м году жизни скончался. Два года спустя тело графа было перевезено в Швецию и захоронено на фамильном кладбище при церкви в Энгсё.

После отъезда Пипера из Москвы главным управляющим делами шведских военнопленных стал Реншёльд. На этом неформальном посту он оставался вплоть до своего обмена во время Аландской мирной конференции на генералов Трубецкого и Головина. В августе 1718 года в возрасте 67 лет и в полном здравии фельдмаршал вернулся домой и сразу отправился к Карлу XII в Норвегию.

Генералу Левенхаупту выпала тяжкая доля военнопленного с добавочной нагрузкой для своей и без того слишком перегруженной психики — он очень страдал от несправедливого

гнева и немилости своего короля. Он все время работал над написанием мемуаров, в которых пытался оправдать свои действия под Переволочной. Мемуары получили многозначительное заглавие «Вредные следствия самодержавия и горькие плоды злобы». Прощение бедный Левенхаупт получил лишь после смерти короля, когда он по указу королевы Ульрики Элеоноры был удостоен звания государственного советника. В феврале 1719 года Левенхаупт скончался в Москве на 60-м году жизни. Прах его после заключения Ништадтского мира был перевезен на родину и захоронен в Риддархольмской церкви.

Генералы Кройц и Юлленкрук тоже оставили после себя мемуары, которые используются почти всеми историками, проявляющими интерес к походу короля Швеции Карла XII в Россию. После возвращения из плена они занимали ответственные посты в администрации Швеции: Кройц — в качестве генерала, а Юлленкрук — губернатора Гётеборгского лэна.

Генерал Руус в 1722 году умер в городе Турку на пути из плена домой.

Последние годы плена шведам давались особенно трудно. Царь хотел принудить генералов к поступлению на русскую службу, а шведы упорно держались, присяге, данной королю Карлу. Освобождение пришло в 1721 году после подписания мира и растянулось на срок не менее трех лет. Точное число возвратившихся домой неизвестно. Некоторые шведские источники указывают, что их было около пяти тысяч, другие — 3500 человек, из которых примерно четвертая часть — офицеры. Весьма возможно, что мимо шведских учетов прошли финны и немцы.

Свидание с родиной и родственниками было безрадостным. Страна испытывала огромные трудности, многих из близких уже не было в живых. Большинству вернувшихся можно было рассчитывать лишь на небольшую пенсию. «Никогда в своей истории Швеция не располагала таким богатым выбором годных к службе и опытных в военном отношении офицеров, как по окончании великой Северной войны», — пишет Э. Карлссон.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАРЛА XII [280]

1682, 28 июня — родился в Стокгольмском дворце Карл XII.

1689, 13 января — принц Карл обзаводится своим двором и переезжает в собственные апартаменты.

1693, 6 августа — умирает королева Ульрика Элеонора, мать Карла.

1697, 16 апреля — умирает Карл XI, отец Карла XII.

18 мая — пожар в королевском дворце.

19 ноября — Карл XII объявляется совершеннолетним.

25 декабря — состоялась коронация Карла XII.

1698, 11 августа — состоялась встреча Петра I и Августа II в Раве Русской.

1699, 6 октября-— Август II и Фредрик IV заключают наступательный союз против Швеции.

22 ноября — Россия присоединяется к датско-саксонскому союзу.

1700, 22 февраля — вторжение саксонских войск в Лифляндию. Осада Риги.

30 марта — датская армия вступает в герцогство Готшрп-Голштинию.

4 августа — шведская армия высаживается под Копенгагеном.

18 августа — подписан Травентальский мирный договор между Швецией и Данией.

11 октября — Карл XII с армией отплывает из Карлсхамна в Пернау.

30 ноября — состоялась битва под Нарвой.

1701, 19 июня — битва на Двине между шведской и саксонско-русской армиями.

1702, 6 февраля — шведская армия вступает в Польшу.

19 июля — битва при Клишове между шведской и саксонско-польской армиями.

1703, 1 мая — бой между шведами и саксонцами под Пултуском.

27 мая — основание Санкт-Петербурга царем Петром I.

1704, 20 августа — русские войска взяли Нарву.

6 сентября — шведская армия захватывает Лемберг (Львов).

1705, 28 ноября — заключен мир между Швецией и Польшей.

1706, 13 февраля — битва под Фрауштадтом между шведской и саксонско-русской армиями.

6 сентября — шведская армия вступает в Саксонию.

24 сентября — подписан Альтраншгедтский шведско-саксонский мирный договор.

1707, 1 сентября — начало русского похода Карла XII.

1708, 14 июля — сражение шведов с русским корпусом Б. П. Шереметева под Головчином.

9 октября — разгром вспомогательного корпуса Левенхаупта русским летучим отрядом у деревни Лесной.

1709, 17 января — штурм Веприка.

8 июля — Полтавская битва[281].

11 июля — капитуляция шведской армии под Переволочной.

1 августа — прибытие Карла XII в Бендеры.

18 августа — Дания объявляет войну Швеции.

10 октября — царь Петр I и Август Саксонский возобновляют союз против Швеции.

1710, 28 февраля — М. Стенбок одерживает победу над датской армией под Хельсингборгом.

10 октября — русская армия захватывает Ревель.

1711, 19 июля — окружение турками русской армии на реке Прут.

1712, 20 декабря — победа шведов над датско-саксонской армией под Гадебушем.

1713, 12 февраля — калыбалык в Бендерах.

16 мая — капитуляция шведской армии в Тённингене.

1714, 2 марта — битва под Сторкюро, вскоре после которой русская армия захватывает всю Финляндию.

22 ноября — Карл XII прибывает в Штральзунд.

1715, 27 апреля — подписан антишведский договор между Пруссией и Ганновером,

16 ноября — бой под Штрезовом, оставление шведскими войсками острова Рюген.

22—24 декабря — Карл XII бежит из осажденного Штральзунда и высаживается под Треллеборгом.

1716, 19 апреля — капитуляция Висмара, последней шведской крепости в Германии.

7 марта — Карл XII начинает первый норвежский поход.

17 сентября — Карл XII приезжает в Лунд.

1718, 10 ноября — шведская армия нападает на Норвегию во второй раз.

11 декабря — Карл XII погибает под стенами Фредрикстена.

БИБЛИОГРАФИЯ

Артамонов В. А. Осада Полтавы в 1709 году (по шведским источникам) // Вопросы истории. 2004. №11.

Беспалов А. В. Северная война. Карл XII и шведская армия. М., 2000.

Водарский Я. Е. Легенды Прутского похода Петра I (1711 г.) // Отечественная история. 2004. № 5.

Возгрин В. Е. Россия и европейские страны в годы Северной войны. Л., 1986.

Он же. Травентальский договор 1708 года и его значение в истории Северной войны // Скандинавский сборник. Таллин, 1975.

Вольтер. История Карла XII, короля Швеции, и Петра Великого, императора России. СПб., 1999.

Вяткин Л. Кто убил Карла XII? // Техника молодежи. 1996. № 1.

Герье В. Последний варяг // Древняя и Новая Россия. Т. 2. СПб., 1876.

Гименкрок А. Современное сказание о походе Карла XII // Военный журнал. 1844. М 6.

Дюма А. Петр I и Карл XII // Нева. 1993. № 7.

Епифанов П. П. Россия в Северной войне // Вопросы истории. 1971. № 6, 7.

Каульбарс Н. Смерть шведского короля Карла XII // Русская старина. 1891. Октябрь.

Князьков С. Из прошлого русской земли. М., 1991.

Лещенко Г. Мать Полтавской баталии // Неман. 1983. № 10.

Молчанов Н. Я. Дипломатия Петра I. М., 1984.

Орлов Г. А. Паткуль — разведчик волею судеб // Очерки истории российской внешней разведки. М., 1996.

Остерман П. Заметки о Карле XII. Приложение к реляции с Аландской мирной конференции от 24. 05. 1718 года // Рауть, М., 1852.

Павленко Н. И. Петр Великий. М., 1990.

Он же. Полудержавный властелин. М., 1988.

Он же. Птенцы гнезда Петрова. М., 1989.

Павленко Н. И., Артамонов В. А. 27 июня 1709. М., 1989.

Российская дипломатия в лицах. М., 1992.

Россия и Швеция в Средневековье и Новое время: Архивное и музейное наследие // Труды Государственного исторического музея. Вып. 133. М., 2002.

Санин Г. А. Петр I — дипломат. Великое посольство и

Ништадтский мир // Российская дипломатия в портретах. М., 1992.

Семевский М. И. Тайная служба Петра I. Минск, 1993.

Соловьев С. М. Публичные чтения о Петре Великом // Чтения и рассказы по истории России. М., 1989.

Стилле А. Карл XII как стратег и тактик в 1707—1709 гг. СПб., 1912.

Стриндберг А. Карл XII. М., 2002.

Тарле Е. В. Северная война. М., 1958.

Тейльс В. Известия, служащие к истории Карла XII, короля Шведского. М., 1789.

Турвиль К., де. Воспоминания // Вопросы истории. 1899. № 3.

Устрялов Н. История царствования Петра Великого. СПб., 1863.

Он же. Петр Великий в Жолкве // Древняя и Новая Россия. Т. 1. СПб., 1876.

Фейнберг И Л. Читая тетради Пушкина. История Петра. М., 1985.

Царь Петр и король Карл. М., 1999.

Щербачев Ю. Н. Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом (1709—1711). М., 1899.

Энглунд П. Полтава. Рассказ о гибели одной армии. М., 1995.

Aberg A. Var svenska historia. Natur och kultur. Stockholm, 1978.

Adlerfeld G. Leben Carls des XII, Konigs von Schweden. Band 1—3. Frankfurt - Leipzig. 1740—1742.

Atterbom P. D. A. Carl XII betraktad i sitt forhillande till vitterhet.veten-skap och skdn kunst // Grunddragen af fomskandinaviska och svenska vitter-hetens historia. Orebro, 1864.

Baumgardt R. Karl XII — der Held aus Norden. Berlin-Leipzig, 1938.

Bengtsson F. G. Karl XIIs levnad. Stockholm. 1936.

Bonnier A. Den svenska historia. Karolinska tiden 1654—1718. Stockholm, 1967.

Brunner E. Carolus Rex, Albert Bonnier. Stockholm, 2005.

Carlsson F. F. Sveriges historia under Karl den XIIs regering, del E. Carlsson 1,2,3. Stockholm, 1881,1885,1910.

Dahlbergh E. Dagbok, Natur och kultur. Stockholm, 1962.

Die eigenhandigen Briefe Konig Karls XII. Berlin, 1894.

Englund P. Ofredsar. Stockholm, 1993,1997.

Erdmann Y. Der liviandische Staatsmann Johann Reinhold von Patkul. Berlin, 1970.

Fabrice F. E., von. Zuverlassuge Geschichte Carls des XII, Konigs von Schweden. Hamburg-Leipzig, 1759.

Findeisen J. P. Karl XII von Schweden — gekronter Soldat oder

genialer Feldherr? // Zeitschrift filer Geschichtswissenschaft. №11. 1994.

Haintz O. Konig Karl XII von Schweden. Berlin, 1958.

Hatton R. Charles XII of Sweden. London, 1968.

Homborg H. Konspiratdren Johann Reinhold Patkul. Helsingfors, 1945.

Jonasson G. Karl XII und Polen in 1700—1706 11 Changes in two baltic countries in the XVII century, № 164. Poznan, 1990.

Leempoels G. Wo bleibt Karl Napoleon Adolf? Frankfurt a. M., 1988.

Liljegren B. Karl XII. Lund, 2004.

Lundblad K. Geschichte Karl des XII, Konigs von Schweden. Hambuig, 1835.

Nilsson S. A. De stora krigens tid. Uppsala universitet. 1990.

Oscar II. Carl XII als Konig. Berlin, 1875.

Ottow F. Der besessene Kdnig, Karl XII von Schweden. Miinchen, 1949.

Piper C. Carl Pipers och Carl Gustav Rehnschidlds koncept. Stockholm, 1911.

Piper C. Grevfe Carl Pipers dagbok. Stockholm, 1906.

Roberts M. Charles XI // History. June. Ne 169. 1965.

Roberts M. From Oxenstiema to Charles XII. Cambridge, 1991.

Schilling H. Karl XII. Der Lowe aus der Mittemacht. Dresden, 1940.

Seraphim E. Geschichte Liv-, Est - und Kurlands, Reval, 1895—1896.

Sivers J. Wenden, seine Vergangenheit und Gegenwait. Riga, 1897.

Sjogren O. Johan Reinhold Patkul. Stockholm, 1882.

Weibull L. Carl XIIs d5d // Stockholms blodbad. Stockholm, 1965.

notes

Примечания

1

Здесь и далее перевод эпиграфов со шведского — автора.

2

Хедвиг (Ядвига) София (1681), Карл (1682), Густав (1683), Ульрик (1684), Фредрик (1685), Карл Густав (1686) и Ульрика Элеонора (1688).

3

По юлианскому календарю

4

На формирование шведского абсолютизма определенное влияние оказали труды саксонского юриста С, Пуффендорфа, а памфлет Барклая «Ардженис» был включен в учебную программу принца Карла.

5

Элоквенция (лат.) — красноречие.

6

Королева с искренним участием относилась к толпам разоренных жестокой редукцией дворян, бродивших по Стокгольму и осаждавших Дворец. Она выходила часто к воротам, чтобы отдать несчастным деньги и драгоценности, которые у нее были. Когда средства иссякали, она приходила к Карлу XI и на коленях со слезами просила у него денег, но он грубо прогонял ее.

7

Запомните, что я — Александр, а не какой-нибудь там мелочной спекулянт! (яam,).

8

Выписка из инструкции по воспитанию принца Карла.

9

Обычным шрифтом переданы вопросы учителя, курсивом — ответы принца.

10

По старому стилю.

11

Квартал в старом Стокгольме

12

Район Стокгольма, на территории которого ныне расположен увеселительный парк.

13

Спустя пять царствований совершится покушение на короля Густава III, но он уже не принадлежал к шведскому роду Васа. Формально династия Васа прекратила свое существование со смертью Карла XII.

14

Согласно тогдашней медицине, организм человека состоял из четырех жидкостей: крови, слюны, желтой и черной желчи, — и все болезни происходили от нарушения баланса этих жидкостей.

15

Б. Лильегрен в своей работе указывает рост короля на 4 сантиметра меньше.

16

Вольтер справедливо утверждал, что амбиции вдовствующей королевы Хедвиг Элеоноры, «...не соответствовавшие ее слабеющим силам, поддерживали в ней надежду еще долго наслаждаться властью», чтобы по мере возможностей отдалять внука от власти. Ему вторят и некоторые немецкие историки (О. Хайнтц), напоминающие о том, что королева-мать постоянно протежировала при дворе голштинской партии, а Ф. Оттов не забывает упомянуть о том, как Хедвиг Элеонора постоянно травила свою невестку. Карл XII как-то ненароком обмолвился, что именно бабка сжила со света его мать.

17

Редукция — изъятие помещичьих земель в пользу государства

18

Норна — богиня судьбы в скандинавской мифологии.

19

Карл XII не всегда был последователен в применении этого правила, известны случаи, когда он распоряжался о наказании, исходя из прямо противоположного посыла. Достаточно упомянуть о казнях антишведски настроенных поляков в Варшаве, о казни в 1707 году совершенно невинного О. А. Пайкуля (не пугать с Й. Р. Паткулем!) и др.

Выделено автором.

21

Некоторые историки полагают даже, что голштинец специально подвергал опасностям безрассудного Карла, надеясь, что он погибнет, и тогда ему, герцогу, откроется прямая дорога к шведскому трону. С учетом характера и наклонностей этой в общем-то ничтожной личности версия имеет все права на существование.

Точно таким же комплексом, кстати, страдал и его потомок, король Густав Ш Адольф.

23

Шведская денежная система в описываемый период была довольно сложной и включала в себя как золотые, так и серебряные монеты. Золотых монет — дукатов — чеканилось мало, больше имели хождение серебряные достоинством в 1, 2 и 4 марки с изображением на них королей Карла X, Карла XI и Карла XII (так называемые каролинки). Далее чеканились так называемые риксдалеры (рикталеры) и серебряные монеты достоинством в несколько эре, а также разменные медные монеты-эре.

Что-то подобное попытался с помощью Аракчеева сделать царь Александр I. Аракчеевские поселения в России «не пошли», надо полагать, в первую очередь из-за полного бесправия солдат-поселенцев и жестокой казенной атмосферы в них.

25

Контрэскарп (фр. contrescarpe, от contre — против и escarpe — откос, скат), ближайший к противнику откос рва долговременного или временного укрепления, используемый в качестве противоштурмовой преграды.

26

Как известно, Петра отогнали от крепостных сооружений довольно в грубой форме часовые, которые высказали даже угрозу стрелять, если царь не покинет крепостных сооружений. Впоследствии этот эпизод царь использует в качестве одной из причин для объявления войны шведам.

27

В 1697—1698 годах датская дипломатия делала серьезную ставку на сближение и союз со Швецией, для чего в Стокгольм прибыл опытный дипломат Юст Юэль (Юль). Союз со своим соседом Копенгаген планировал скрепить брачным союзом с Карлом либо с одной из его сестер. Б. Оксеншерна сумел разрушить эти планы и вместо этого привязать Швецию к Голштинии. После этого у Дании не оставалось иного выбора, как искать союзников в других местах — в Дрездене и Москве.

28

Принятое в Дании название герцогства.

29

Немецкий историк Э. Хассингер, ссылаясь на записи прусских дипломатов, утверждает, что царь Петр в Раве высказал мысль о необходимости отмены монархии в Швеции, поскольку «...республики менее опасные соседи»

30

Мать Августа II была родной сестрой датского короля Кристьяна V.

Впоследствии он принял титул короля Пруссии и стал именоваться Фридрихом I.

32

Хейнрих (Хенрик) Бутенант Росенбуск, датский комиссар (консул) в Москве, имел в России большую торговлю, привел чугунные заводы России в цветущее состояние, выписывал из Дании корабельных мастеров. Петр I был знаком с ним с юных лет. Умер в 1710 году в бедности, будучи разоренным А. Д. Меншиковым, отнявшим у него все доходы от чугунных заводов.

33

В случае неудачи миссии П. Хейнса датский король планировал вариант вступления в антирусский союз с Карлом XII.

34

Как сообщает шведский историк и биограф короля Карла К. Г. Адлерфельдт, пребывание шведского посольства в Москве осложнилось одним неприятным эпизодом. Так называемый маршал посольства Якоб Ранк подрался с бранденбургским посланником, ранил его и спрятался в укромном месте. Царь был возмущён подобной неучтивостью шведских дипломатов и заявил Бергенхьельму, что если он не представит ему виновного, то «полетят головы».. Я. Ранка нашли и представили в Преображенский приказ, где он некоторое время и содержался под арестом.

Ф. Галецкий, очаровавший хозяев своей обходительностью, и сам не подозревал об истинной подоплеке своей миссии. Мы еще встретимся с этим персонажем на страницах книги: шведские солдаты «достанут» его из монастыря близ Лемберга (Львова), где он спрячется при штурме города, а пушки отыщутся в Познани и будут доставлены обратно в Швецию, где они в качестве экспонатов благополучно стоят в Артиллерийском музее и поныне.

36

О. Хайнтц считает, что до 1700 года Карл XII никакой войны не планировал, о чем свидетельствует хотя бы то обстоятельство, что при заключении оборонительного союза с Голландией в начале 1698 года Швеция за денежную компенсацию предоставила в распоряжение Генеральных штатов шесть тысяч солдат.

37

Шведская миля равна 10 километрам.

38

Указание своим генералам в Померании о вводе войск в Голштинию Карл XII дал, как мы уже указывали, без согласования со своими

39

Немецкие княжества, управляемые герцогом Георгом Вильгельмом фон Целле и курфюрстом Георгом Людвигом Ганноверским. После смерти Георга Вильгельма в 1705 году Люнебург присоединился к Ганноверу.

40

Тафельдекер — лакей, прислуживающий за столом.

41

Брандклиппер в переводе со шведского — «брандер», серой масти конь, который якобы принимал участие в битве при Лунде в 1676 году,и был подарен Карлу XI Смоландским кавалерийским полком; своей кличкой» вероятно, обязан участию в пожаре. По сведениям многих историков, Брандклиппер будет с 1700 года все время неразлучен с королем Карлом XII, пройдет с ним Польшу, Россию, Турцию, вернется в Штральзунд, а потом и в Лунд, где в возрасте 45 лет умрет в 1718 году. Б. Лильегрем считает все это выдумкой, ибо ни одна лошадь не могла дожить до такого возраста. Кроме того, достоверно известно, что у Карла XI под Лундом были кони с кличками Тотт и Брильянт. Умерший в Лунде Брандклиппер — это наверняка другая лошадка, названная так Карлом в честь той, первой.

42

Так у Вольтера. Шведские историки Ф. Ф. Карлссон и Б. Лильегрен считают этот разговор, как вообще многое в книге французского классика, выдумкой, хота и вполне отвечающей характеру и настроениям молодого короля Карла.

43

Б. Лильегрен сообщает о потерях, понесенных во время Хумлебэкской операции: со стороны шведов один убитый и несколько раненых, включая генерал-майора М. Стюарта, а с датской стороны потери составили больше пятидесяти человек.

В этот момент датские военные, учитывая сдержанность морских держав в отношении помощи Швеции, разрабатывали план уничтожения шведского флота, что дало бы им возможность отрезать шведскую группировку в Зеландии от своих баз и создать благоприятные предпосылки для ее уничтожения. Король Фредрик IV от этого плана, однако, отказался. Для гарантии своей безопасности шведы все-таки вызвали в Данию английского посла в Стокгольме Робинсона и попросили его договориться с Руком не покидать копенгагенский рейд до тех пор, пока шведы полностью не уведут свои войска из Зеландии.

45

Морские державы по отношению к Швеции и Дании проводили так называемую политику равноудаленности. Голландия и Англия согласились помочь Швеции восстановить справедливость по отношению к Голштинскому герцогству, но не ценой жестокого поражения и унижения Дании. Эскадрам Рука и ван Аллемонде выла дана инструкция, соединившись со шведским флотом, поддерживать в этом районе мир. Однако, поскольку датская эскадра сделала попытку помешать такому соединению, то Рук и Аллемонде не стали возражать против ее обстрела шведским флотом. Когда Дания еще до высадки шведского десанта стала склоняться к миру, король Уильям III отдал Руку новую инструкцию: не допускать обстрела датского флота и не разрешать шведам высаживать в Зеландии десант. Эта инструкция опоздала, и союзные эскадры все-таки содействовали переброске войск Швеции в Зеландию.

Между тем поведение царя Петра в Риге объяснялось не его любопытством к стенам и видам Риги, а заинтересованностью в получении точной информации о крепостных сооружениях, глубине рвов, профиле бастионов, артиллерийском оснащении крепости и т. п. Отчет о разведанном был послан в Москву симпатическими чернилами. В этом смысле ответные действия губернатора Э. Дальберга в отношении «урядника Михайлова» были вполне правомерны. Уже в это время у Петра I возникла идея утверждения России на берегах Балтийского моря, о чем он так или иначе проговаривался и в Курляндии, и в Бранденбурге.

47

Майор Паткуль оказался дальним родственником мятежного Й. Р. Паткуля а майор Тизснхаузен — родственником одного из ближайших его единомышленников.

48

Причины отъезда царя Петра из-под Нарвы накануне решающего сражения являются предметом самого оживленного обсуждения многих историков. Все — или почти все — западные эксперты квалифицируют этот поступок как трусость. Автор вынужден согласиться с этим мнением. В пользу этой версии говорит «знаменитое» письмо Петра I к английскому королю Уильяму I, написанное им сразу после поражения под Нарвой и составленное в довольно паническом духе. Но! К чести царя, он скоро сумел превозмочь овладевшее им чувство уныния и беспомощности и, вопреки позорному обращению к своему английскому «брату» с просьбой помочь замириться с «братом» Карлом, возглавить и довести до конца начатую им борьбу за выход к Балтийскому морю со всей решимостью и непреклонностью. Что и делает его в наших глазах Великим.

49

С. М. Соловьев писал, что Б. П. Шереметев, «...человек очень способный, но при Петре; сам же по себе, по природе своей, негодный к неудаче и к успеху».

50

В Стокгольме за Нарвским походом Карла следили с большой тревогой и опасениями. Боялись, что король своими дерзкими действиями погубит армию или погибнет сам, а потому позаботились на этот случай о наследнике престола — им должна была стать младшая сестра короля Ульрика Элеонора. Патриотичные придворные дамы оделись в солдатские мундиры, чтобы, по словам старшей сестры Хедвиг Софии, идти в Лифляндию и пугать русских.

51

150 драбантов-телохранителей составляли своеобразную дружину Карла XII, где, к тому же, приобретались офицерские и штабные навыки и знания. Они были набраны из самых храбрых офицеров независимо от происхождения. Драбанты постоянно окружали короля, следовали за ним повсюду, и к любому из них он питал неограниченное доверие. В бою драбанты обязаны были применять одни палаши. Прибегать к пистолету или карабину разрешалось только в самом крайнем случае. Капрал драбантов равнялся майору, прапорщик — подполковнику, вождем был сам король, его заменял Арвид Хорн в чине капитан-лейтенанта. «Когда при мне находятся хотя бы девять человек моей дружины, никакая сила не помешает мне проникнуть туда, куда я хочу», — говорил Карл.

52

У этих двух наемников царя была возможность перейти на левый фланг к Вейде и руководить войсками оттуда. Ни де Круа, ни Халларт этого не сделали, предпочтя сдаться в плен.

53

Адам Адамович ван дер Вейде, фламандский дворянин, переселившийся в Данию, поступил майором на службу в польскую армию, а потом перешел на службу к царю Петру. Начал службу в Преображенском полку, после плена вернулся в Россию лишь в 1711 году. Впоследствии генерал-аншеф, президент военной коллегии, активный помощник Петра, писатель. Умер в 1720 году.

Александр вместе с пленными русскими офицерами был отправлен в Стокгольм и умер там через несколько лет. Отец неоднократно пытался обменять его на пленных шведов, но ни одна из этих попыток не завершилась успешно. Сказанную Картом XII фразу о царевиче шведы часто вспоминали потом после Полтавы.

55

Интересно, что думал о королевской милости фельдмаршал Стенбок семнадцать лет спустя, когда он, забытый всеми, в том числе своим королем, после капитуляции шведской армии в голштинской крепости Тённинген, погибал в датском плену?

56

Вряд ли Карл XII и его окружение знали, что «захолустный» Лаис был отмечен следами русской воинской славы: здесь в 1560 году неустрашимый стрелецкий голова Кошкаров с 400 воинами два дня выдерживал штурм всего ливонского войска. Магистр Ливонского ордена Кетлер, потерпев большой урон, изумленный отчаянным сопротивлением русских, был вынужден отступить от стен замка.

Карл Густав Врангель, лейтенант драбантов.

58

Нильс Рабениус, придворный проповедник и пастор драбантов, будущий церковный пастырь в Хедемуре и фальсификатор исторических документов.

59

Немецкий историк Г. Леемпельс предпринял сравнительный анализ биографий Карла XII, Наполеона и Гитлера и нашел в них, несмотря на разницу во времени и в происхождении, много общего: военная слава, взлеты и падения, наличие трех русских противников (цари Петр, Александр и Сталин), посмертные мифы и легенды.

60

Б. Лильегрен приписывает цитату одному французскому дипломату.

61

Сразу после вторжения шведской армии в Польшу.

62

Согласно данным немецкого историка Ф. Олова, в Лаисе шведская армия от болезней потеряла около трети своего личного состава.

Губернатора.

64

Автор не ошибся: по григорианскому стилю день рождения короля в 1700—1712 годах падал на 27 июня, когда разница между старым и новым стилем в Швеции была не 11, а 10 дней (см. предисловие).

Восемь лет спустя А. И. Репнин будет противостоять шведам под Головчином, проиграет сражение по халатности и будет отдан царем Петром под суд и разжалован в рядовые.

Не путать с Й. Р. Паткулем. Отто Арнольд Пайкуль, по происхождению тоже лифляндец, но выехал в Германию в раннем возрасте, во время Северной войны поступил на саксонскую службу, во время военных действий в Польше попал в плен к шведам и по повелению Карла XII совершенно несправедливо и вопреки всякой логике был казнен как перебежчик и предатель. Человек разносторонних способностей, он увлекался алхимией и в обмен на свою жизнь предлагал королю Швеции секрет искусственного получения золота.

67

Во всех армиях Европы пики и пикинеры были к тому времени упразднены. Карл XII в своей армии их сохранил и с большим эффектом использовал для защиты пехотинцев от атак кавалерии.

Эпизод с трусливым поведением А. И. Репнина в Двинском сражении приводится лишь Ф. Г. Бенгтссоном. В Головчинском деле он показал себя действительно не с самой лучшей стороны, но зато потом в

ходе войны проявил и личную храбрость, и определенные способности военачальника.

69

Немецкий князь.

После смерти Карла XII С. Понятовский выполнял дипломатические поручения королевы Ульрики Элеоноры по сближению с Августом II. Последний возвратил ему все владения в Польше, осыпал милостями и назначил оберегермейстером Литвы, великим подскарбием, генералом гвардии и воеводой Мазовецким. После смерти Августа II С. Ч. Понятовский снова перешел на сторону С. Лещи некого, потом вернулся под крыло уже Августа III и выполнял его дипломатические поручения во Франции. Его сын при Екатерине II станет польским королем.

71

Под именем Моритца Саксонского внебрачный сын Августа станет потом известным полководцем.

Б. Лильегрен справедливо пишет: «Предположение, что 39-летняя Аврора, как это написано в некоторых старых работах, должна была соблазнить Карла XII, на фоне исторических источников не имеет никаких оснований».

73

Отец Авроры фон Кёнигсмарк, немецкий дворянин, был видным шведским военачальником во время Тридцатилетней войны, и у Кёнигсмарков в Швеции остались владения.

74

С организатором убийства молодого Кёнигемарка, курфюрстом ганноверским Георгом, мы еще встретимся. Рогоносец скоро станет английским королем.

75

См.: Вальтер. История Карла XII, короля Швеции, и Петра Великого, императора России. СПб., 1999.

Фитцтум в 1710 году станет послом Августа в России.

Никаких документальных и вообще достоверных сведений о судьбе статс-секретаря шведского короля пока не найдено. Некоторые шведские историки утверждают, что царь Петр испытывал к Хермелину как к инициатору всей антирусской пропаганды и антирусских выступлений особую ненависть. В частности, они указывают на то, что У. Хермелин был автором листовки, опровергавшей манифест царя, в котором излагались причины объявления им войны Швеции.

Получается, что Каря начал Клишовское сражение, не проведя элементарной рекогносцировки местности.

Использование шведами под Клишовом пик не прошло мимо внимания известного философа Лейбница, который с оживлением комментировал этот вид оружия в своем письме ганноверской курфюрстине.

Согласно некоторым польским исследованиям, И. Любомирекий и не собирался вступать в бой со шведами. Он выполнял указание кардинала Радзиевского не портить пока отношений ни с Августом, ни с Карлом.

81

Некто вроде дяди Сэма для американцев и Джош Буля для англичан.

82

Создается впечатление, что из всех «птенцов» Карла XII самым способным в военном деле и чрезвычайно порядочным в общепринятом смысле слова был А. Л. Левенхаупт, но по какому-то неблагоприятному стечению обстоятельств — сдается, не без участия ревнивого Реншёльда и хитрого Пипера —он так и остался на вторых ролях и по-настоящему королем оценен не был.

83

Несчастным городом, жертвой королевского гнева, в августе 1703 года стал город Нешава, в нескольких километрах к юго-востоку от Торна. Город был сожжен, жители его повешены в наказание за то, что на шведский отряд кто-то напал на дороге.

Денежное вознаграждение.

85

После фактического уничтожения крепости и города Торн возникла песня, в которой были такие слова: «О, прекрасный Торн, храм Господа Бога, мы видим на тебе ужасный пример!»

86

На смерть Помпея сотрудником военного комиссариата Израэлем Хольмстрёмом позже была написана эпиграмма следующего содержания (в переводе автора):

Королевский верный друг заболел и умер вдруг.
Он в походах изнемог — у монарших умер ног.
Каждый швед — и стар и млад — жить с Помпеем был бы рад.
Да и каждый каролинец смерть такую с честью б принял.

87

Сикурс, сикурса (от фр. secours) — помощь, поддержка.

Согласно Б. Лильегрену, шведы тщательно подготовились к выборам короля, опасаясь прежде всего, что кто-нибудь из «легкомысленных» поляков наложит на кандидатуру Лещинского вето. Поэтому в толпу шляхтичей А. Хорн запустил больше ста переодетых шведов, которые после выступления Познаньского епископа стали дружно и громко на латинском языке кричать «Виват король Станислав!».

89

Все-таки что бы там ни говорили, а шведы, однако, культурный и обходительный народ!

90

Король Карл за полтора года до печально известной резни под Фрауштадтом подал К. Г. Реншёльду пример поведения в отношении русских пленных.

91

Шведский вариант фамилии Левенхаупта (в переводе на русский язык буквально «Львиная голова»),

92

Вопрос о тем, кто одержал победу при Гемауэртхофе, спорный. Большинство специалистов склоняются к тому, что у Шереметева с Левенхауптом была ничья.

93

Ошибка: Хедвиг Элеонора была бабушкой Карла, и Грунер, вероятно, имел в виду сестру короля Ульрику Элеонору.

О его печальной судьбе мы мимоходом упомянули в седьмой главе. Его казнь все считают несправедливой, и она полностью лежит на совести Карла XII. За О. А. Пайкуля пытались вступиться многие, включая его супругу и сестру короля Ульрику Элеонору. Рассказывают, что, когда фрау Пайкуль в отчаянии бросилась в ноги Карлу и обняла его колени, умоляя помиловать мужа, тот резко высвободился из ее объятий и порезал ей шпорой лицо. Ульрике Элеоноре шведский король по поводу ее заступничества за Пайкуля написал следующие строки: «Я хотел бы пойти навстречу пожеланиям моей дорогой сестры, но дело это такое сложное, что я никак не могу этого сделать, так как для примера другим никаких уступок быть здесь сделано не должно; поэтому я прошу мою дорогую сестру не поднимать понапрасну этот вопрос, потому что он (Пайкуль. — Б. Г.) помилован быть не может». В феврале 1707 года Пайкуль был казнен у Северной таможенной заставы Стокгольма. Ему отрубили голову.

В последний момент епископ ударился в бега, и шведам с трудом удалось его разыскать в каком-то лесу! Он испугался, что шведы схватят его и силой доставят в Варшаву. Его кое-как успокоили, но Дзелинский, ссылаясь на запрет папы римского, венчать Лещинских отказывался. В ходе «длительной дискуссии», пишет Ф. Ф. Карлссон, епископа удалось уломать и привезти в Варшаву.

Все новые члены совета были генералами: Н. Юлленшерна, О. Веллингк, К. Г. Реншёльд, К. Поссе, К. Нирот, Фрёлих, А. Б. Хорн и Н. Стромберг. Эти люди в отсутствие короля будут управлять Швецией.

97

На поле боя под Фрауштадтом, по шведским данным, погибло более шести тысяч русских солдат и офицеров.

98

На самом деле генерал Щуленбург задолго перед боем переодел русских, чтобы они не слишком выделялись, в саксонские муштры.

Сам предводитель коронной польской армии к этому времени уже умер.

100

После всех этих королевских милостей Реншёльд, утонченный аристократ с манерами дипломата, по свидетельству современников, превратился в грубого и надменного солдафона, купавшегося в лучах славы и быстро нажившего себе врагов в лиие графа Пипера и генерала Левенхаупта.

101

В русском плену граф Пипер будет активно заниматься судьбами своих пленных соотечественников и напишет мемуары.

102

Первый раз король с армией побывал в этих местах в 1702 году по пути на Клишов, а второй раз — в 1704 паду по пути на Лемберг (Львов).

103

В Голландии основную вину за ввод шведских войск и Саксонию возложили на… Пруссию!

104

Шведские историки непременно упоминают о двух или трех случаях наказания солдата, укравшего курицу у саксонского крестьянина, и двух кавалеристов, пытавшихся конфисковать у крестьянина сметану. Случаев «примерного» наказания офицеров зарегистрировано не было.

105

Август бежал от Мвншикова в Онгеонию как вор, не попрощавшись, под именем... плененного шведского генерала Мардефельта.

106

Август Сильный жестоко расправится с «подписантам» Альтранштедаского мира: Имхоф просияет за решеткой до 1714 года, а Пфингстен — до своей смерти в 1733 года.

107

Речь идет об остатках русского корпуса, ранее предоставленного царем в помощь Августу. Отношение к корпусу со стороны саксонских властей с самых первых дней его пребывания стране было настолько безобразным, что царский посол Й. Р. Паткуль, чтобы спасти людей от голода и холода, по согласованию с царем предложил передать корпус во временное распоряжение Австрии, что, кстати, послужило внешним поводам для арест Петкуля советниками Августа и оклеветания его перед Петром.

108

Преклонение герцога Марлборо перед шведским королем вряд ли было искренним и явно диктовалось дипломатическими соображениями. В сношениях с графом Пипером герцог вел себя иначе, о чем, в частности, свидетельствует следующий эпизод. Пипер пригласил герцога к себе на званый обед, но, будучи уязвленным контактами Марлборо с голштинским бароном Гертием, решил слегка его проучить. Когда карета герцога подъехала к дому Пипера в Гюнтерсдорфе, хозяин не стал спешить ему навстречу и выдержал паузу. Герцог, вероятно, разгадав намерения шведа, вылез из кареты и на глазах у Пипера стал мочиться. Пипер был вынужден поторопиться выйти из дома и пригласить гостя войти.

109

Польши — нет, Саксонии — нет,
А Август по горло сидит в г...не.
Ах ты, милый Августин, все прошло, все! (нем.).

110

Умершему капитану шведские историки обязаны описанием многих эпизодов Северной войны, включая битву под Нарвой.

111

Svagdricka (шв.) — подобие легкого пива.

112

В. Е. Возгрин и П. П. Епифанов пишут, что еще в 1702 году шведы посылали своих тайных агентов на Украину с целью получения разведывательных сведений.

113

Кажется, в новой истории король Швеции был первым, кто при планировании войны с Россией рассчитывал на скоротечную успешную кампанию и первым продемонстрировал, как эфемерны и призрачны оказывались все эти расчеты на практике.

114

Городок в нескольких километрах к северо-западу от Лемберга.

115

См. книгу немецкого историка Е. Эрдмана «Ливонский государственный деятель Й. Р. фон Паткуль».

116

Когда шведская армия стояла под Сморгонью, Мюленфельс снова появился в шведском лагере — теперь уже как перебежчик. Петр за дурное исполнение гродненской операции посадил его в тюрьму, но немцу каким-то образом удалось бежать, и теперь он просился на службу к шведскому королю. По мнению Е. В. Тарле, Мюленфельс укрепил короля в намерении идти на Москву. Возможно также, что предатель инспирировал планы поимки царя Петра. Впрочем, Карл никакой должности ему давать не стал, и Мюленфельс дошел до Полтавы волонтером. Там он был взят в плен, опознан и расстрелян как предатель.

117

Этот чин соответствовал званию генерал-майора в армии.

118

Большой дорогой шведы считали тракт, берущий свое начало в Кёнигсберге и проходивший через Ковно, Вильну, Сморгонь, Минск и Смоленск на Москву.

119

Так шведы и немцы называли тогда Псков.

120

Георг Карл фон Дебельн (1758—1820) — барон, генерал-лейтенант и шведский военный теоретик.

121

П. Энглунд и Б. Лильегрен пишут, что шведская армия чрезвычайно жестоко обращалась с местным населением, «выколачивая» из него съестные припасы. Применялись расстрелы, пытки, поджоги деревень, не щадили ни детей, ни стариков, ни женщин. Драгунский полковник Н. Юлленшерна вспоминал: «Множество народу было убито, а также все было сожжено и разорено, так что, думается, оставшиеся в живых не так скоро забудут шведов».

Шведский историк, сын Ф. Ф. Карлссона.

123

Согласно Э. Карлссону и самому А. Левенхаупту, король о деталям предстоящего похода на Москву в беседе с генералом не распространялся. Карл ограничился лишь общими словами и сказал ему, что более подробные инструкции Левенхаупт получит от него позже.

124

В русских источниках упоминается под фамилией «Боур», в то время как в латинской транскрипции его фамилия читается как «Бауэр» — Bauer. Адольф Фредерик (Георг?) Бауэр — померанский дворянин, ротмистр датской армии, потом служил в Мекленбурге, Бранденбурге и Польше, на службе России с 1701 года, впоследствии генерал-лейтенант, умер в 1719 году в Москве.

При подсчетах не учитывались коронная армия Лещинского и украинские казаки гетмана Мазепы, вполне «достойные» друг друга как по своим боевым качествам, так и надежности.

126

Некоторые шведские историки считают, что Полтавское сражение во многих отношениях не было бы таким катастрофичным для шведов, если бы там оказался Мардефельт. А вот современные шведские историки П. Энглунд и Б. Лильегрен категорично утверждают, что поражение шведской армии под Полтавой было заранее запрограммировано стратегическим просчетом Карла XII.

127

Хейнрих (Генрих) Гольц (Goltz) — бранденбуржец, служил в голландских, прусских и польских войсках, был комендантом Данцига, на русской службе с 1707 года. В 1710 году, оклеветанный светлейшим князем А. Д. Меншиковым, был отстранен от должности, но потом оправдан. Умер в 1717 году в Вильне.

128

Петр I был совершенно прав, отдав А. И. Репнина под трибунал после головчинского позора. Аникита Иванович, как известно, отделался разжалованием в рядовые - мера по тем временам очень мягкая, но, вероятно, правильная.

129

Подполковник Зильтман, имевший от Фридриха I и дипломатическое поручение, сопровождал шведов до Полтавы. История обязана ему точными, надежными и подробными сведениями о положении шведской армии во время русского похода, которые он ежедневно фиксировал в своем дневнике. Кроме Зильтмана при Карле находился также английский капитан Джеффри, последовавший за королем и в Бендеры. Здесь, под Могилевом, к шведам пристали также два венгера лютеранина, один из которых — Даниэль Крман — также оставил после себя мемуары.

Э. Карлссон считает не соответствующим действительности предположение о том, что диверсия Любекера в Ингерманландии являлась составной частью стратегического плана Карла XII. Она, по его мнению, была очередной операцией по вытеснению русских с бывших, шведских территорий.

Так почти у всех шведских историков. Б. Лильегрен сообщает, что в Финляндии Любекер располагал 14-тысячным корпусом

132

Корволант — легкий подвижной корпус численностью в 11 625 человек, состоявший из десяти батальонов посаженной на коней пехоты (включая семеновцев и преображенцев), десяти драгунских полков и конной артиллерии.

133

По мнению Э. Карлссона, задача Левенхаупта была отнюдь не из легких. Собирать обоз и армию в разоренных восточных провинциях было делом неблагодарным — не хватало всего: провианта, амуниции, лошадей и кучеров. Генералу пришлось посадить за вожжи 1500 строевых солдат (12% всего корпуса). О том, какую скорость передвижения мог развить корпус, свидетельствуют следующие данные: каждая рота везла 15 запряженных в четверки лошадей обозных повозок и 10 телег провианта!

П. Энглунд пишет, что корпус состоял из 12 500 солдат, 16 пушек и грандиозного обоза в несколько тысяч повозок.

Кстати, такой версии придерживается и Б. Лильегрен.

136

Б. Лильегрен сообщает, что несколько месяцев спустя после битвы у Лесной под Ригой появился полуторатысячный отряд шведских дезертиров. Беглецы, в особенности офицеры, по распоряжению Карла XII были отданы под трибунал. Судебные дела в отношении некоторых из них велись вплоть до 1712 года.

Вероятно, дело у короля Карла с опытными генералами обстояло плачевно, если он в Полтавском сражении одну из пехотных колони поручит вести тому же А. Лагеркруне.

138

Позже в Бухаресте Болбот, готовясь к пострижению в монахи, сознается, что все это было намеренной ложью, предназначенной для того, чтобы гетман не изменил своего решения пристать к шведам. Не исключено, что ту же цель преследовал и Войнаровский, сообщив дяде Ивану Степановичу заведомую ложь, ибо никому в русском лагере в тот момент и в голову не приходила мысль о предательстве гетмана.

139

Убедительную и подробную картину народного сопротивления шведскому вторжению рисует в своем труде «Северная войн Е. В. Тарле. Шведы жестоко обращались и с белорусскими, и с литовскими, и с украинскими крестьянами и фактически не оставляли другого выбора, как бежать из домов или браться за вилы. Шведский капеллан драбантов, а потом и короля Карла, первый его биограф («фельдфебель в рясе» по Е. В. Тарле) Ё. Нурдберг в своей книге о Карле XII всячески оправдывает эти зверства по отношению к мирному населению. Вольтер спрашивал, уж не думает ли… проповедник шведского короля, что «…если украинские крестьяне могли бы повесить крестьян Эстьётланда, завербованных в полки, которые считают себя вправе прийти так издалека, чтобы похищать у них пропитание, их жён и детей, то духовники и капелланы этих украинцев тоже имели бы право благословлять их правосудие?».

140

Карл Эвальд фон Рённе, курляндский дворянин, барон, служил в шведской, потом в польской армии, перешел на службу к Петру I в звании генерал-майора, потом генерал от кавалерии, в конце службы — генерал-аншеф и первый комендант Санкт-Петербурга. Умер в 1716 году в Польше.

141

Шведские историки Х. Виллиус и Г. Т. Вестин в начале 50-х годов прошлого столетия пришли к неожиданному выводу: дневники участников русского похода и вообще мемуары каропинских офицеров и по форме, и по содержанию, и по тенденциям не отличаются от материалов официальной шведской пропаганды Пипера, Хермелина и Седельма. Все дело в том, что существовал строжайший приказ Карла I запрещавший писать «лишнее» в Швецию. Поэтому и на мемуарах, и на дневниках участников событий лежит печать цензуры. Особенно строгой цензура была в последние годы правления Карла. Кстати, король не гнушался лично проверять частные письма своих подданных

Б. Лильегрен приводит, кажется, слишком заниженную цифру — 1300.

До этого Петр засылал и в Бахчисарай своих послов, которые предлагали крымскому хану «откупного», но Девлет-Гирей проявил стойкость и от принятия взятки отказался. Б. Лильегрен приводит свою версию отказа крымского хана вступить в войну с Россией: Девлет-Гирей якобы узнал, что Карл XII собирается заключить с Петром I мир и жениться на его сестре Софье. Все это очень похоже на то, что крымский хан стал жертвой дезинформационной акции царя Петра.

144

До января 1709 года в Полтаве находился Икерманландский полк А. Д. Меншикова. После того как полк убрали, в крепость ввели новый гарнизон под командованием опытного полковника А. С. Келина, участника штурма Нотебурга, Ниеншанца, Дерпта и Нарвы. Его помощником стал полковник фон Менгден. В крепости находился также французский инженер-фортификатор Тарсон.

145

Полсотни лет спустя фельдмаршал Фридриха Великого Кейт, проанализировав ситуацию с осадой Полтавы и осмотрев крепость лично, придет к выводу о том, что шведы были в состоянии взять ее сразу, но якобы не хотели.

Если Карл XII не собирался брать Полтаву, то зачем он предпринимал несколько кровопролитных штурмов, причем в двух из них, 24 апреля и 11 июня, участвовало по три тысячи шведских солдат? Для чего фельдмаршал Реншёльд 12 июня предъявлял коменданту крепости А. Келину ультиматум о капитуляции? Зачем король понапрасну «клал» своих солдат под стенами крепости в те дни, когда русская армия уже стояла на правом берегу Ворсклы? Почему он в день Полтавской битвы оставил крупные силы для блокирования крепости, хотя армия испытывала острый недостаток в пехоте? Неужели король был настолько циничен и безразличен к потерям личного состава армии, что шел на такие бесполезные жертвы? Если это так, то его апологеты своей версией оказывают ему плохую услугу.

То есть около 50 километров.

148

В осажденной Полтаве у Мазепы находились родная сестра и некоторая недвижимость, в связи с чем гетман якобы уговаривал шведов не сжигать город, который, по его мнению, и так должен был сдаться.

149

Согласно инженерному искусству французского маркиза Вобана, осажденную крепость надлежало сперва окружить так называемыми параллелями (траншеями): первую — на расстоянии 600 метров, вторую — на расстоянии 300 метров от крепостных стен, а третью — как можно ближе к крепостной стене. По свидетельству П. Энглунда, третья параллель шведов вокруг Полтавы находилась всего в нескольких метрах от крепостного вала, и осажденные «кидали сверху к... шведов камни, поленья, гнилые корни и дохлых кошек. Шведы отвечали тем же».

На самом деле, как утверждают шведы, Реншёлм не предпринимал ответных действий против Рённе в соответствии с военной хитростью короля — заманить русских поближе к Полтаве.

В монастыре располагались также штаб армии, полевая канцелярия, драбанты короля, придворный штат.

Ошанцеваться — окопаться.

153

Штаб шведской армии, походная канцелярия Карла XII, драбанты, придворная свита и его личные «апартаменты» располагались в монастыре.

154

Скорее всего, это были шведы, взятые ранее русскими в плен (см. аналогичную историю в деле отряда М. М. Голицына при Добром).

155

Получив от султана запрет на ведение военных действий, Девлет-Гирей запросил помощи у своего единомышленника бендерского сераскира. Сераскир связался со Стамбулом, и скоро великий визирь сообщил ему, что султан одобрит выступление татар лишь в том случае, если Карл и Девлет-Гирей заключат с ним (сераскиром) договор, по которому шведский король обязан добиться от России ограничения ее дальнейшего продвижения на юг. Эта весть застигла хана в тот момент, когда он уже вывел за Перекоп свою конницу. Татары остановились, чтобы дождаться подписания шведами договора — бендерский сераскир уже отправил его с курьером в ставку Карла под Полтавой. Но курьер появился в ставке только 29 июня, когда шведам было уже не до переговоров. Полтавская битва перечеркнула все планы шведского короля и крымского хана.

Хедвиг София умерла 21 декабря 1708 года.

157

Совершенно нереальный вариант, если шведы не смогли взять Полтаву, то как они собирались брать измором превосходящую их та крайней мере в два с половиной раза русскую армию?

158

Эго в летнюю-то ночь, когда сумерки наступают поздно, а светает очень рано!

159

Напомним читателю, что старый русский стиль отставал от шведского на один день.

160

200 лет спустя Генеральный штаб армии Швеции в своем фундаментальном, но слишком тенденциозном и упрощенном труде — Генеральный штаб: Карл XII на поле битвы. Стокгольм, 1918—1919, — признанном многими шведскими историками (см. П. Энглунд), основным козлом отпущения сделает именно Левенхаупта.

161

В Пушкаревке, к западу от Полтавы, располагались обоз, тыловые службы и госпиталь шведской армии.

162

Против 102 орудий в армии Петра — самого разного калибра и при полном боекомплекте. Царь любил артиллерию и уделял ей первостепенное значение.

163

А. Д. Меншиков, увлекшись, сначала не хотел подчиняться приказу главнокомандующего и, наоборот, просил у царя подкреплений, чтобы завершить бой победой. Но Петр не хотел, чтобы битва за редуты переросла в генеральное сражение.

После отступления она перешла под командование генерала Бауэра.

165

По всей видимости, именно в этот момент Хъельм искал его с западной стороны редутов.

166

А. В. Шлиппенбах в свое время вместе с Й. Р. Паткулем был обвинен в бунте против шведской короны, но попросил у Карла XI помилования и тем сохранил свою жизнь. В русском плену поступил на царскую службу.

167

Эта фраза Реншельда в изложении Юлленкрука звучит, по признанию самих шведов, двусмысленно и противоречиво. Дословный ее перевод гласит: «Нет, нет, мы должны пойти на них!» — что можно понять как «пойти на русских». Но ведь это же самое предлагал и Карл XII. Тогда в чем же состояло возражение Реншёльда? Сами шведы считают это место в мемуарах Юлленкрука неудачным отображением всей ситуации.

В отношении численности русской пехоты имеются противоречивые мнения. П. Энглунд указывает цифру 22 тысячи, другие шведские и западные специалисты — 16 тысяч, академик Е. Тарле вообще считал, что в первой линии русской армии стояли всего 10 тысяч пехотинцев. По данным А. В. Беспалова, общая численность русской армии составляла 32 тысячи человек, а не 42 или 44 тысячи, как указывали шведские источники.

169

О вкладе мазепинцев в Полтавское сражение его участник фон Вайе пишет следующее: «Не думаю, что из казаков гетмана Мазепы в бою участвовало более трех человек. Пока мы сражались, они находились сзади, а когда все побежали, то оказались далеко впереди нас. Впрочем, они оказали нам услугу тем, что показали путь к обозу».

170

А. Л. Левенхаупт шел в атаку в батальоне, где командиром был его племянник Эрик Юлленшерна.

171

Е. В. Тарле приводит сведения о том, что шведский удар по новгородцам был не случаен. В ночь на 27 июня из Семеновского полка к шведам перебежал унтер-офицер и настойчиво советовал им немедленно атаковать русскую армию, ибо к русским с востока (с Урала) идет подкрепление. Кроме того, предатель рассказал, что в русской армии есть полк необученных новобранцев, одетых в серые мундиры, на которых и следовало бы направить главный удар шведов. По указанию царя новобранцам отдали мундиры Новгородского полка, а в серые мундиры переодели новгородцев. Шведские историки этот эпизод отрицают.

Лейтенанта спасли два его брата, чудом разыскавшие его на поле боя. В пожалованной потом королем Юхану Ертте грамоте на дворянство было написано, что он «...в битве под Полтавой показал себя на редкость верным и преданным подданным, понеже он, когда конь Наш пал, со своего мигом соскочил и Нам его предоставил... так что исключительно из любви к Нам жизнь свою на милость неприятеля отдал». На самом деле Карл XII просто приказал ему сойти с лошади. То, что можно простить монарху, не позволено делать другим смертным. Точно в такой же ситуации оказался генерал А. Лагеркруна, но адъютант, у которого он отобрал под Полтавой коня, подал на него в Швеции в суд.

173

По старому шведскому стилю.

Я не знаю (нем.).

175

Все потеряно (нем.)

176

Маленький Принц умрет в возрасте 20 лет, возвращаясь из плена, по дороге домой в местечке Дубно, что в Волыни. «Он был моим лучшим другом», — скажет о нем король, узнав о его смерти.

177

Поданным П. Энглунда и Б. Лильегрсна.

178

Шведские историки часто обращают внимание на судьбу У. Хермелина. Некоторые считают, что он пропал без вести на Полтавском поле битвы, другие — бесследно исчез в русском плену. О том, что Хермелин был взят в плен, сообщает царь Петр А. В. Кикину в записке, написанной в самый день Полтавской битвы. П. Энглунд приводит данные о том, что статс-секретарь погиб под Полтавой во время сражения и там же был похоронен шведами.

179

О резне, учиненной фельдмаршалом под Фрауштадтом, царь спросит позже.

180

Царь отпустил Мейерфельта к Карлу XII в Турцию с предложением о мире, согласно которому Россия оставляла за собой Прибалтику и Южную Финляндию, Дания — Сконскую провинцию Швеции, а король Август восстанавливался на польском троне. Кроме того, Петр требовал в обмен на Пипера выдать Мазепу. Карл ответил отказом, но согласился на предложение начать переговоры об обмене пленными генералами.

181

Генерал А. Лагеркруна, пишет Ф. Г. Бенгтссон, не пропал бы даже в Сибири.

Так у П. Энглунда.

183

По-солдатски фамильярное прозвище Левенхаупта, данное ему королем.

По версии А. Стилле, это просто свидетельствовало о том, что Левенхаупта плохо знали в армии.

185

Вероятно, сработало нововведение Петра I. Семеновский и другие полки были посажены на коней, а ездовые в артиллерии были все верховые.

186

Из письма младшей сестре из Бендер в ответ на ее просьбу прислушаться к супруге Левенхаупта, ходатайствующей о прощении мужа. Имеются сведения, что на отрицательное отношение Карла к Левенхаупту во многом повлиял доклад генерала Мейерфедьта, сделанный им королю по следам переговоров в русском лагере сразу после Полтавской битвы. Между тем король сохранил полное доверие к Реншёльду, несмотря на его явные просчеты и ошибки, допущенные в ходе Полтавского сражения. Случай с Левенхауптом еще раз демонстрирует неспособность Карла разбираться в людях и его стереотипный образ мышления.

187

Новые и проверенные данные П. Энглунда.

188

Часть наемников из шведской армии поступила на службу в армию Петра I.

189

Фаэтон — в древнегреческой мифологии сын бога солнца Гелиоса, пораженный молнией Зевса за неумелое обращение с огненной колесницей.

190

Строки из книги «Гидеон фон Максибрандер», подчеркнутые Карлом XII при чтении в Бендерах.

В числе этих счастливчиков по каким-то причинам не оказалось Ёрана Нурдберга, будущего историографа Карла XII, который остался в Переволочне и попал в русский плен, откуда ему удалось переправить в Европу наброски к своему знаменитому труду о короле.

192

Когда об этом узнал султан Ахмед III, он дал указание приготовить шелковый шнурок (удавку) для очаковского паши за его медлительность при оказании гостеприимства королю Швеции, и только заступничество шведов спасло пашу от верной смерти. Впрочем, шнурок мог ждать пашу и в случае самовольного оказания того же гостеприимства. Восток дело тонкое.

193

Им был некто Мартин Нойгебаурер, бывший воспитатель и учитель царевича Алексея, перебежавший к шведам.

194

Походная полевая канцелярия состояла из двух отделов: внешнеполитического и внутриполитического. Первым отделом сначала руководил граф Пипер, а вторым — Пулюс, но после болезни Пулюса и его отъезда в Швецию Пипер возглавил оба отдела. Когда Пипер был пленен, внешний отдел перешел под управление Мюллерна, а внутренний — к канцелярскому советнику Фейфу.

195

Rusthatlare (шв.) — крестьянин, который должен участвовать в снаряжении и содержании конного воина.

196

Вынутая из раны средняя кость ступни была сохранена Нойманом и при вскрытии саркофага с телом Карла XII в 1859 году была обнаружена в шелковой коробочке, лежащей рядом с его левой ногой. Сейчас кость хранится в церкви Риддархольмена, усыпальнице шведских королей.

197

Дания осенью 1709 года предприняла вторжение в Сконию, но потерпела от шведов сокрушительное поражение. В военных действиях против датчан отличился генерал М. Стенбок.

198

При встрече с Августом в Торне Петр спросил, где же находится его сабля, подаренная ранее польскому королю. «Забыл ее в Дрездене!» — ответил тот. «Ну так вот я тебе, дарю новую саблю!» — сказал царь и отдал уличенному во лжи «союзнику» ту самую саблю, которую нашли в личных вещах Карла XII на поле Полтавской битвы. Оказалось, что в 1707 году при заключении предательского Альтранштедтского мира Август передарил саблю Карлу.

199

Станислав Лещинский со своим «двором» порхал от Померании к Швеции, от Германии к Франции; отказавшись от польского трона, вошел в доверие к Людовику XV и стал его тестем и герцогом Лотарингским; дожил до 90 лет, оставил потомкам «философский» трактат, массу анекдотов о Карле XII и модный обычай полуночных ужинов.

200

К декабрю 1709 года генерал фон Крассов со своим корпусом убрался в Померанию, и командиром вместо него король назначил губернатора Бремена и Вердена Нильса Юлленшерну.

201

Одним из пунктов мирного договора Турции с Россией предусматривалось выдворение Карла в Венгрию, где в это время против австрийского ига поднял восстание дружественно настроенный по отношению к России князь Ференц Ракоши.

Шведы обвиняют в этом русского посла П. А. Толстого. Голштинский посланник Ф. Фабрис в своем письме Г. Гёртцу от 19 июля 1710 года сообщал из Бендер, что П. А. Толстой подкупил слугу Понятовского и поручил ему всыпать яд в пищу своему господину и Потоцкому. Покушение было раскрыто, и слуга был сослан на галеры.

203

По старому шведскому стилю.

Выделено автором.

205

Человек чести и долга и, пожалуй, самая колоритная и интересная личность в окружении Карла XII, Юлленкрук, по свидетельству графа Пипера, в Москве впал в задумчивость и якобы даже помутился разумом. Он пережил все тяготы плена, вернулся в Швецию и благополучно дожил до 1730 года. Умер генерал-лейтенантом, бароном и владельцем имения в Сконе.

Сомнительное утверждение. Тем более с избранием Орлика гетманом, как пишет Б. Лильегрен, сотрудничество шведов с мазепинцами серьезно ухудшилось. В качестве причины для охлаждения отношений послужила передача шведами племяннику умершего гетмана Станиславу Войнаровскому мазепинского золотя, на которое претендовали эмигранты-мазепинцы, утверждая, что оно было казенным. С. Войнаровский со своим богатством вскоре отправился в Европу, где вел разгульную жизнь в кабаках, пока его не отловили агенты царя Петра и не доставили в Россию. Он провел в сибирской ссылке 25 лет, где и умер. Его супруга остаток жизни провела в Швеции и безуспешно пыталась получить от шведского государства деньги, которые Войнаровский одолжил Карлу XII перед отъездом из Турции.

Замещавший Гольца генерал Янус тоже не успел отправить Клинковстрёма к царю, потому что швед вскоре сбежал.

Возможно, датчане и согласились бы пойти на мир со шведами, если бы Карл не оговорил его неприемлемыми для них условиями — необходимостью выплатить компенсацию за нанесенный Швеции ущерб во время военной кампании 1709—1710 годов.

209

Ф. Э. Фабрис появился в Турции летом 1710 года и сразу вошел в доверие к Карлу XII. Судя по всему, кроме дипломатических обязанностей, он выполнял также роль личного агента голштинского тайного советника Гёртца. Голштинец и в послетурецкий период будет близок к Карлу и будет выполнять целый ряд его дипломатических поручений. Отчеты Фабриса о работе в Турции являются ценным источником сведений о турецком периоде жизни короля Швеции.

210

О. Монтрайё станет впоследствии одним из первых иностранных биографов Карла XII.

211

На самом деле идея нейтрализации территории Германии была сформулирована в декларациях Северного союза в Гааге в октябре — ноябре 1709 года, поддержана Австрией, после некоторых дискуссий одобрена морскими державами и 31 марта 1710 года оформлена в Гаагскую конвенцию. Автором и генератором идеи был Петр 1. Именно в это время Северный альянс, ввиду предстоящей Русско-турецкой войны и перед лицом высадки шведской армии М. Стенбока в Померании, испытывал большие трудности. Гаагская конвенция о нейтрализации помогла Северному альянсу выстоять перед лицом новой шведской опасности.

Из-за этой блокады страдали торговые интересы Англии и Голландии, потому что каперские суда шведов перехватывали в море «купцов» и конфисковывали их товары в пользу шведской казны.

213

Легенду о том, что супруга царя Екатерина пожертвовала на подкуп турецких военачальников все свои драгоценности и организовала в русском лагере сбор средств для этих целей, кажется неправдоподобной. Датский посланник в Москве (1710—1711 годы) Юст Юэль, беседовавший с участниками Прутского похода, опровергает ее следующими сведениями: Екатерина, чтобы спасти свои драгоценности и украшения, раздарила их первым попавшимся слугам и офицерам, а когда турки отпустили русскую армию с миром, она занялась их возвращением.

214

Не соответствует действительности.

215

Сын Б. П. Шереметева Михаил из турецкого плена не вернется и в сентябре 1714 года умрет на пути из Измаила в Бендеры.

В отсутствии (лат.).

217

1712 год был, возможно, одним из самых опасных для России в течение всей Северной войны. Опасностью был пронизан весь воздух в Европе, и исходила она и от крымского хана, и от прусского короля Фридриха, и от поляка Лещинского, и от «союзника» Августа Саксонского. Европа была встревожена усилением роли России и хотела этому всячески воспрепятствовать, но благодаря несговорчивости Карла XII все антирусские козни рассыпались в прах.

Б. Лильегрен подвергает эту версию критике, считая ее частью пропаганды Карла XII. В частности, письмо, на которое делается ссылка, было перехвачено Понятовским за год до описываемых событий. Шведский историк полагает, что султан и крымский хан на самом деле устали от шведов и решили от них любым путем избавиться.

219

В разных источниках указывается и меньшее, и большее количество шведов, участвовавших в замятие. Т. Бъельке, участник турецкого «сидения» короля, указывает, что при отъезде Карла из Турции за ним последовало около 1500 шведов, но это не означает, что все они участвовали в калыбалыке. Б. Лильегрен называет всего 600 человек.

220

Травму обнаружили с помощью рентгеновских лучей при вскрытии могилы короля в 1917 году.

Б. Лильегрен роль матери Ахмеда III в судьбе Карла считает сильно преувеличенной.

222

На время, ограниченный срок (лат.).

223

Грешат цари, страдают люди (лат.).

Впрочем, принцесса предварительно обратилась к брату, и он разрешил ей присутствовать на заседаниях Госсовета, с тем чтобы придать этому органу больше веса. Но когда ее начали со всех сторон уговаривать заключить с Москвой и Копенгагеном мир, Ульрика Элеонора, хорошо зная, что брат никогда не пойдет на ратификацию этих мирных договоров, регентство с себя сложила.

Эти 29 кредиторов с женами и детьми все-таки добрались до Швеции и уже после смерти Карла долго мыкались по стране, дожидаясь возвращения долгов.

226

Фон Розен в 17-летнем возрасте в 1705 году поступил на службу в шведскую армию и прошел вместе с Карлом все кампании. Он проживет более 80 лет, получит чин государственного советника, титул графа и умрет в Швеции. Фон Дюринг, племянник Гротаюсена, 1794 года рождения, только что поступил на службу к шведам. Он погибнет во время осады Штральзунда в 1715 году.

227

Примечательно, что первый биограф Карла XII Ёран Нурдберг, по свидетельству Б. Лильегрена, так ненавидел царя Петра, что псевдоним Карла в своей книге переделал в Карла Фрис ка, хотя в паспорте, выданном королю К. Фейфом, черным по белому написано: «Петер Фриск».

Кстати, на всем пути следования Карла до Штральзунда именно Дюринга чаще всего принимали за короля. По мнению современных историков, это объясняется, вероятно, тем, что молодой голштинец выглядел более задорно и самонадеянно, нежели его кумир, пребывавший не в самом лучшем расположении духа. И хотя Дюрингу было всего 20 лет, он больше подходил под стереотип Карла, созданный людской молвой и громкой славой: ведь королю Швеции было всего 18 лет в Копенгагене и под Нарвой, 25 — в Альтранштедте, 27 — под Полтавой. А потом он исчез и стал легендой. Так что все указывали на Дюринга и говорили: «Эго он».

229

В Вене до последнего времени две таверны все еще оспаривали друг у друга право считаться местом, предоставившим еду и отдых Льву Севера.

Кстати, своим браком с гессенским принцем Ульрика Элеонора вряд ли была довольна. В одном из писем брату, рассматривая монастырь Святой Бригитты в Вадстене как возможное место их свидания, она, с намеком на постоянное отсутствие мужа, пишет; «Впрочем, я намереваюсь составить в этом месте общество святой Бригитте, ибо все время моего сладкого замужества я живу как в монастыре».

231

Путешествие короля от Питеши до Штральзунда длилось около двух недель, но точных данных на этот счет нет. Длительность его историки рассчитывают исходя из преодоленного расстояния и способов передвижения.

232

Современный шведский художник Буссе Ларссон написал портрет Карла XII, который писатель Эрнст Бруннер использовал для иллюстрации своего нашумевшего романа «Carolus Rex. Карл XII — достоверный рассказ о его жизни». С портрета смотрит усталый, мрачный, хитрый, разочарованный и побитый жизнью старик. Боюсь, за такой портрет Б. Ларссон 290 лет назад поплатился бы жизнью. Б. Лильегрен передает эпизод с портретом Д. Крафта несколько иначе.

233

Так называемый Шведтский рецесс был заключен не без помощи А. Д. Меншикова и саксонского фельдмаршала Флемминга, подкупленных пруссаками. От имени всех союзников, но без их согласия Меншиков заключил с пруссаками соглашение о секвестировании Штеттина в пользу Берлина. Против секвестра возражали как Петр с Августом, так и Карл, но он тем не менее стал свершившимся фактом. Весь шведский гарнизон Штеттина под командованием Мейерфельта при явном попустительстве Меншикова свободно ушел в Штральзунд и влился в гарнизон крепости. Ни Меншиков, ни Флемминг никакого наказания от своих правителей так и не понесли.

234

Выплата субсидий была блокирована дипломатией Петра I.

Суд скоро был, однако, распущен, и члены Госсовета отделались испугом.

Штральзунд достанется Пруссии, В последний момент Фридрих Вильгельм I к решению спорного вопроса подключит морские державы и с их помощью отнимет кусок пирога у своего датского «брата» Фредрика IV. Дания получит остров Рюген.

237

В 1714 году из Голландии вернулся нанятый ею голштинский корпус, который влился потом в гарнизон Штральзунда.

238

Другой Дюринг, однофамилец погибшего четыре дня тому назад спутника короля.

239

Висмар пал в апреле 1716 года. Около тысячи шведов отправили домой, иностранцев, состоявших на шведской службе, отпустили под честное слово. Капитуляцию крепости ускорило движение русского корпуса, направлявшегося по просьбе Дании в Мекленбург. (По времени это совпало с выдачей племянницы царя Петра замуж за мекленбургского герцога.)

240

Капитану «Кита» Кристоффersу король за свое спасение пожаловал дворянство, дав ему родовую фамилию Анкеркруна.

241

Неточно: с Гертцем Карл познакомился еще в Польше после битвы под Клишовом, когда барон прибыл за телом погибшего голштинского герцога Фридриха IV, зятя короля.

Возможно, французский историк имеет в виду «антишведский» поступок барона, связанный с его планом сохранения самостоятельности герцогства Готторп-Голштинии ценой сближения с Данией и членами Северного союза. Весной 1707 года прозорливый барон пытался получить у Карла XII согласие на сближение с Копенгагеном, и если бы не граф Пипер, вовремя вмешавшийся в дело, Гёртц уговорил бы короля. Уже в 1709 году он разработал план сближения с Петром I с помощью матримониальных связей и давно вступил в тайный контакт с Берлином — отнюдь не для продвижения шведских интересов.

243

По мере возможности король уделял внимание и флоту. Так, спущенные на воду новые фрегаты получили в честь турецкого «сидени» турецкие имена: «Йылдерин» и «Ярамас». По прочтении этих слов подряд получится фраза: «Вот я иду!»

Б. Лильегрен пишет, что Карл XII, очевидно, понимал, что норвежцы — это не «дикие» поляки или «русские варвары».

245

Пруссия от участия в этой операции отказалась, обещая помочь союзникам морским транспортом.

Согласно О. Хайнтцу, в самый последний момент Петр 1 предложил Фредрику IV перенести операцию на следующий год. Изумление и возмущение датского короля было настолько сильным, что он потребовал от царя немедленно убрать свои войска из Дании и вернуть их на исходные позиции в Мекленбург. Немецкий историк объясняет этот необычный шаг царя тем, что он опасался предательства со стороны союзников: переправив русскую армию в Швецию, они в последний момент могли оставить Петра наедине со шведами. Естественно, что царь ни в коей мере не мог пойти на такой риск и ставить на каргу благополучие и безопасность России. Пугали царя и огромные финансовые затраты на осуществление высадки. «Вообще его политика, — пишет Хайнтц, — ни в коей мере не была более безумной, чем политика остальных европейских государств, а только умнее и прежде всего... более целенаправленной».

247

В молодости барон подрался на каком-то балу во Франции, и в драке ему выбили глаз. Пришлось вставить стеклянный. Кстати, одноглазыми были также Гротхюсен и фон Мюллерн, так что Карлу XII в последние годы явно везло на кривых советников.

248

В 1716 году граф П. А. Толстой сообщал царю из Амстердама о провалившейся попытке Карла XII свергнуть английского короля с престола и посадить на трон своего претендента. С этой целью швед «принял в свою службу 700 офицеров шкоцких, которые бунтовали против короля английского, и намерен был послать в Шкоцию войск своих 10 000 в пользу претендентову».

249

Итальянец по происхождению, с 1711 года секретарь испанского короля Филиппа V, в 1714—1719 годах фактически правил страной, обострил отношения с Францией и Англией, установил тесные контакты с бароном Гёртцем, активно поддерживал якобитов. В 1719 году выслан из Испании.

Генерал К. Ранк стал потом сторонником враждующей и конкурирующей с Гёртцем гессенской партии, возглавляемой наследным принцем Гессена Фридрихом и осуществлявшей самостоятельную инициативу по ведению мирных переговоров с противниками Швеции. Борьба голштинской партии Гёртца с гессенцами за влияние в стране велась с переменным успехом, пока наконец к 1718 году не победили голштинцы.

Шведы явно специально тянули с началом конференции, дожидаясь результатов тайных переговоров с англичанами, начатых тремя месяцами раньше помощником Гёртца голштинцем Ф. Э. Фабрисом и носивших антирусскую направленность (при этом Гёртц и его помощники не прекращали контакты с якобитами и планировали высадку шведских войск в Шотландию с побережья Норвегии). Переговоры закончились безрезультатно, поскольку Карл XII не захотел уступить Ганноверу область Бремен-Верден. Кроме английской карты Гёртц пытался использовать для нажима на царя и дело беглого царевича Алексея, он уже дал указание С. Понятовскому попытаться доставить царевича в Швецию, но шведы опоздали, потому что П. А. Толстой привез его в Россию.

К. Ранк, между прочим, содействовал сглаживанию острых углов на конференции, и когда переговорщики на первом раунде зашли в тупик, он организовал Гёртцу встречу с Остерманом и переговоры продолжились.

253

Женившись на Ульрике Элеоноре, герцог Фридрих Гессенский приобрел также титул шведского принца, в связи с чем его имя в источниках приводится двояким способом.

А. Рюзелиуса в Лунд направила с подарками Ульрика Элеонора.

Портрет отреставрировали, теперь он хранится в Версале. Следы пореза на нем до сих пор заметны.

Р. Хэттон предполагает, что Карл XII этой встречей преследовал цель сгладить противоречия среди своих родственников и попытаться их примирить.

257

При мобилизации в Стокгольме учеников школы садовников Н. Тессин высказал королю протест, на что тот ответил, что пусть лучше садовники послужат в шведской армии, нежели будут стричь деревья в шведских садах по указанию русских.

Б. Лильегрен опровергает бытующие в шведской историографии представления о том, что армия состояла из одних недорослей и стариков: по его данным, в армии насчитывалось всего 30 солдат моложе 15 и 73 солдата старше 53 лет.

С этим походом датские и норвежские военные уверенно связывали известные планы Карла высадить с норвежского побережья десант в Шотландию и возвести на английский трон представителя рода Стюартов. Они справедливо полагали, что на отвлекающий маневр поход К. Г. Армфельта был не похож. Недаром датский флот немедленно принял меры для блокирования Тронхейма с моря.

260

Адвент — четырехнедельный период, предшествующий Рождеству.

261

Р. Хэттон указывает время без нескольких минут 21.30.

Пьеса сыграна, давайте ужинать! (фр.).

263

Ажиотаж и шумиха, поднятые вокруг смерти самого популярного в Швеции короля, невольно напоминают автору о шизофренической атмосфере, окружавшей расследование покушения на жизнь не менее популярного шведского премьер-министра У. Пальме 268 лет спустя: та же беспомощность властей, не сумевших разобраться в подброшенных СМИ версиях, те же тупиковые ситуации и те же убийцы-добровольцы, бравшие на себя ответственность за покушение, а потом отказывавшиеся от своих показаний.

Собственно цитадель носит название «Фредрикстен», вместе с городским предместьем — Фредриксхалль (не путать с недалеко расположенной другой крепостью под названием Фредриксстад!).

Современный шведский исследователь Б. Лильегрен, придерживающийся теории - покушения на Карла XII, считает, что такой вариант был вполне возможен.

Путевые заметки де ля Монтрайё послужили основой для написания Вольтером книги о Карле XII.

267

Статья Л. Виткина страдает целым рядом неточностей, в частности, в ней утверждается, что расстояние от крепостных стен Фредрикстена до траншеи, в которой был убит Карл XII, составляло от 1800 до 2000 метров, в то время как достоверно и давно установлено, что оно равнялось 225 метрам. Автор должен был бы знать, что с двухкилометрового расстояния осадные траншеи к крепостным стенам не велись.

268

Как известно, наследницей шведского трона будет объявлена принцесса Ульрика Элеонора, но очень скоро она откажется в пользу своего супруга, который, по мнению всех шведов, станет самым плохим королем в истории королевства.

269

Против «фольклориста» А. Сандклева в 1941 году энергично выступили известные историки и знатоки «проблемы Карла» Н. Анлунд и С. Егершельд. Они камня на камне не оставили от теории музейного директора, и немец О. Хайнтц откровенно замечает, что после их выступления «стало легче дышать». А автор двухтомного труда о Карле XII, известный поэт, историк и публицист Ф. Г. Бенггссон пришел по поводу исследований Сандклева в неописуемый восторг.

270

Из речи архиепископа Стенкиуса на похоронах Карла XII.

Примечательно, что генерал-майор артиллерии Крунстедт вместо 800 получил 4 тысячи талеров. На фоне его предсмертных показаний о причастности к убийству короля факт этот выглядит более чем подозрительно.

Так в шведском источнике: «med Rads rad», то есть с участием Госсовета.

Спастись удалось лишь секретарю Штамбке, который, оставшись на Аландских островах, «приклеился» к русским, а потом подружился с прусским посланником и уехал с ним в Пруссию. Впрочем, жизнью из всей голштинской партии поплатился лишь сам барон, остальных после допросов и следствия отпустили.

В письмах и неформальных беседах Карл в шутку часто называя Стенбока «Боком», что в переводе на русский означает «козел».

275

Наполеоновский маршал Мюрат в 1806 году напишет, что Голштиния — тупик, из которого трудно выбраться. Петр I перед посылкой своих солдат в Голштинию предпочел сначала заручиться тыловой поддержкой со стороны Ганновера.

Тем не менее фон Шольтену удалось оправдаться в своем поражении под Гадебушем перед королем Фредриком тем, что Флемминг «нарушил его диспозицию».

277

Роль самоедского царя исполнял француз Вимени, которого царь Петр «одолжил» у Августа Саксонского и сделал участником своих шутовских игр.

278

Явная ложь

279

Пиетизм — возникшее в XVII веке внутри лютеранства течение с целью усиления влияния религии на основе строгого благочестия и подвижничества в повседневной жизни.

Даты приведены по новому (григорианскому) стилю.

281

Дата определена в соответствии со шведским календарем. У Н. И. Павленко — 9 июля.